

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ
СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ
В ЭПОХУ
РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ
СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ
В ЭПОХУ
РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

В книге на основе изучения письменных источников славянских народов анализируется процесс возникновения и оформления их этнического самосознания. Этот процесс рассматривается в сопоставлении с социально-экономическим и социально-политическим развитием славянского мира в период раннего средневековья. В работе ярко проявился комплексный подход к исследуемой проблеме, характерный для современных общественных наук. Хронологически работа охватывает период от первых упоминаний о славянах в письменных источниках до начала XII в.

Редколлегия

Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ (отв. секретарь), В. В. ИВАНОВ,
В. Д. КОРОЛЮК (ответственный редактор),
Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. ответственного редактора),
Н. И. ТОЛСТОЙ, Б. Н. ФЛОРЯ

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателя труд является первым в отечественном и зарубежном славяноведении опытом комплексного историко-сравнительного изучения одной из центральных проблем древнейшей этнической истории славян, начиная с появления известий о них в письменных источниках и кончая оформлением раннесредневековых феодальных народностей.

Создание данного труда отвечает значительно возросшему в наши дни научному и общественному интересу к вопросам этногенеза и этнической истории народов современного мира, в том числе — и в период раннего средневековья. Одной из главных причин усиления внимания к указанной проблематике является, несомненно, обострение народно-освободительной борьбы против империализма и неокOLONиализма, за подлинную государственную и национальную независимость угнетенных народов.

Широкий научный интерес к проблемам этнической истории выразился в течение последних двух десятилетий в появлении большого числа работ, посвященных разработке различных аспектов этносоциальной и этнокультурной истории народов Европы в эпоху раннего средневековья. Особенно существенные успехи в изучении этих вопросов достигнуты в историографии социалистических стран. В некоторых из них вышли в свет монографические исследования, специально трактующие проблему возникновения и становления раннесредневековых народностей.

Авторы данной книги, историки и лингвисты Института славяноведения и балканистики АН СССР, систематически с начала 60-х годов активно участвовали в изучении наименее разработанных вопросов славянского этногенеза и этнической истории славян. Таким образом, предлагаемый вниманию научной и культурной общественности труд можно рассматривать как первую попытку обобщения достаточно продолжительной научной работы коллектива исследователей.

Выбор темы для данной монографии определялся рядом причин. Главная из них состоит в том, что именно становление славянских народностей эпохи раннего средневековья является ключевой проблемой в исследовании последней стадии славянского этногенеза, а формирование этнического самосознания феодальных народностей представляет собой, в свою очередь, центральную проблему в изучении процесса возникновения и образования самих народностей.

Среди всех прочих необходимых качеств и свойств народности именно ее этническое самосознание является доминирующей чер-

той, определяющей отличие данной народности от другой и от всякой иной человеческой общности.

Существенное значение при выборе темы имело и то обстоятельство, что коллектив авторов труда состоит по преимуществу из специалистов — историков и филологов, а как раз такая черта любой народности, как ее этническое самосознание, может быть с наибольшим успехом выявлена и изучена в процессе ее зарождения и развития средствами исторического и филологического исследования, т. е. на материале письменных источников.

Определяя характер и структуру публикуемой работы, редколлегия и авторский коллектив, избрав для рассмотрения из обширной проблемы ее важнейший указанный выше аспект, ограничили круг исследуемых вопросов также территориально и хронологически. Из всех этнических общностей Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в труде исследуются только славянские народы. Причина этого прежде всего заключается в том, что именно на примере родственных, связанных общностью происхождения и длительно сохраняющимся этно-языковым единством славянских народов представлялось наиболее перспективным изучить процесс становления этнического самосознания народностей в историко-сравнительном плане, определить этапы развития, выявить общее и особенное на относительно продолжительном отрезке времени.

В стремлении обеспечить хотя бы приблизительную однотипность подлежащих сравнительному анализу исторических феноменов авторы и редколлегия отказались от мысли полного охвата в труде народов славянского мира эпохи раннего средневековья. Так, из рассмотрения в монографии исключены вопросы оформления этнического самосознания народностей: русских, украинцев, белорусов, словаков, словенцев, боснийцев, паннонских славян, славян, оказавшихся в VII—X вв. под властью Византийской империи.

Некоторые из этих этнических общностей оформились в качестве народностей не в раннее средневековье (которым ограничены хронологические рамки труда), а в эпоху зрелого феодализма, другие — в X—XI вв. представляли собой в силу крайне неблагоприятных условий развития иной тип народности, не являющийся этносоциальным организмом, третьи, подвергнувшись процессу ассимиляции, не став народностями, постепенно превратились в этнографические группы.

Тем не менее в планируемом продолжении данного труда, который будет посвящен рассмотрению той же проблемы в период зрелого феодализма, предполагается исследовать вопрос о зарождении и развитии этнического самосознания народностей словаков, словенцев и боснийцев. В данном труде в качестве примера таких славянских народов, развитие которых было либо резко прервано, либо крайне затруднено, рассмотрены великоморавская и полабская (в широком географическом понимании) этнические общности.

Конечный хронологический рубеж, которым завершается изложение в каждой главе, определен каждым автором самостоятельно, поскольку изучаемый процесс протекал в различных регионах славянского мира разными темпами. В качестве решающего критерия служит при этом, как правило, констатация факта становления этнического самосознания рассматриваемой феодальной народности в достаточно определенных и четких формах либо перерыв этого процесса (в отдельных случаях) в силу резких и длительных перемен внешнеполитической обстановки и самих условий существования и развития данной этнической общности.

Задачи труда, которые авторы поставили перед собой, в целом, в широком плане уже вытекают из того, что сказано выше. Однако представляется необходимым специально, хотя и кратко, остановиться на новизне постановки проблемы в настоящей работе, подобной которой, как упоминалось, не существует в советской и мировой историографии.

Поскольку согласно теории современной марксистской этнологии не только народность, но уже такая первичная и древнейшая этническая общность, как племя, является этносоциальным организмом, т. е. единством, обладающим собственной независимо функционирующей социальной и политической структурой и развивающимся в тесно обусловленной зависимости от развития соответствующей общественно-экономической формации (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной), постольку, следовательно, важнейшей целью данного труда должно было быть изучение рассматриваемых этнических процессов в славянском мире в непрерывной связи с ходом социально-экономического, политического и культурного развития славянского общества в эпоху раннего средневековья. Задача эта тем более важна и интересна, что формирование славянских народностей совпадает во времени с эпохой перехода от первобытнообщинного общества к классовому, с периодом разложения родо-племенного строя и становления раннефеодальных славянских государств.

В связи с этим предстоит выяснить характер и формы взаимодействия между социально-политическими и этническими процессами в их поступательном движении и развитии. В частности, авторы монографии ставят цель выявить наиболее ранние формы этнического самосознания славян разных регионов на стадии родо-племенных общностей различного уровня; определить, насколько позволят источники, изменения и трансформацию этих форм самосознания в связи с появлением его новых черт; установить характерные признаки самосознания народности от их возникновения до полного развития и, наконец, выявить место этих признаков в общей иерархии этнических представлений каждой группы славян, оформившейся в качестве раннефеодальной народности.

Специальной важной задачей, которую авторы-историки ставят перед собой, является рассмотрение вопроса о роли воз-

никающих и развивающихся раннефеодальных государств в процессе становления народностей и оформления их самосознания.

Особую задачу взяли на себя авторы-лингвисты, которым предстоит изучить проблему взаимосвязи между изменениями в сфере самосознания славян в рассматриваемую эпоху и их языковой эволюцией в течение того же времени.

В соответствии с этим в лингвистических главах поставлены вопросы: о степени и формах возможного воздействия на славян Балканского полуострова (и на их самосознание) этнического субстрата; о процессе дифференциации единого языка славян (общеславянского или праславянского языка) в период раннего средневековья в сопоставлении с ходом их этнической дезинтеграции и о мере влияния на становление этнического самосознания ряда славянских народностей создания и развития письменного древнеславянского литературного языка и славянской письменности.

При решении перечисленных выше задач авторы опирались по преимуществу — в силу специфики самого предмета исследования — на свидетельства письменных источников. При этом главное внимание уделялось письменным памятникам, принадлежащим перу представителей самих исследуемых народностей, а среди этих памятников — прежде всего памятникам исторической мысли. При недостатке сведений таких источников или при их полном отсутствии (например, для полабских славян) использовались данные сочинений, написанных авторами соседних со славянами народов (подданными Византийской империи, западноевропейских раннесредневековых государств, восточномусульманских стран).

В разделах труда, касающихся вопросов языковой эволюции славянства, авторы широко привлекали те результаты научной реконструкции праславянского языка и первоначального состояния языков различных славянских групп, которые дает в распоряжение исследователей сравнительно-исторический метод.

Существенная особенность данной монографии состоит в поиске наиболее эффективного и практически возможного на настоящем этапе разработки проблемы метода комплексного ее решения. Это выразилось, в частности, во-первых, в совместном и координированном рассмотрении историками и лингвистами одной и той же темы с помощью разных наук; во-вторых, в использовании данных этнонимии, топонимики, антропонимии при трактовке вопросов, касающихся непосредственно процесса формирования этнического самосознания, а также в привлечении археологического материала, дающего представление об ареале расселения этноса (народности), его культурно-хозяйственном типе, а также о его религиозных верованиях (типы жилищ, орудий, керамики, погребального обряда и т. п.); в-третьих, в одновременном синтетическом изучении широкого спектра вопросов не только этнической, но также экономической, социальной, политической и культурной истории славянских народов.

Кроме того, авторы труда опирались как на исходные поло-

жения на те теоретические обобщения и понятия, которые выработаны в современной марксистской этнологии на базе историко-сравнительного изучения и осмысления обширного материала по этнической истории самых разных народов мира с древнейших времен до наших дней.

В главах данного труда особенно часто используются такие понятия современной этнологии, как «этносоциальный организм», «народность» и «этническое самосознание». Поскольку авторы глав не раскрывают специально содержание этих понятий, постольку, следовательно, необходимо здесь соответствующее пояснение относительно двух последних из упомянутых категорий (об «этносоциальном организме» уже было сказано выше).

В отличие от этнической общности вообще, существующей в рамках сменяющих друг друга социально-экономических формаций, народность, как и два других главных историко-этнических таксонома — племя и нация, является одновременно этносоциальным организмом. Таким образом, все три названные таксонома (племя—народность—нация) соответствуют применительно к истории славян досоциалистической эпохи последовательно трем общественно-экономическим формациям (первобытно-общинный строй, феодализм, капиталистическое общество). Необходимо, однако, оговориться, что среди разновидностей народностей этнологи выделяют не одну, а две главные, формационные: рабовладельческую и феодальную. Поскольку ни один славянский народ в своем историческом развитии не знал рабовладения как господствующего способа производства, постольку в данном труде имеется в виду лишь народность феодальная, а точнее, учитывая хронологические рамки труда, — раннефеодальная.

Без устойчивых этнокультурных и социально-политических связей, охватывающих всю народность, она не может функционировать как целостный этносоциальный организм. Поэтому, помимо общности языка, территории, преобладающего культурно-хозяйственного типа, единства религиозных представлений, необходимым признаком народности как этносоциального организма является принадлежность всех ее членов к общей социальной структуре и государственно-политическому единству.

Наконец, как уже упоминалось выше, неотъемлемой чертой народности (как и любой иной этнической общности) является единство ее этнического самосознания — важнейшего понятийно-психологического феномена, который как бы отражает и синтезирует в себе и обобщает все названные выше признаки этой этносоциальной общности, представляет собой их мыслительную санкцию и эмоциональную форму. Этническое самосознание — сложная система ценностей, осознанная каждым членом данного этнического единства как его собственное и вместе с тем как общее духовное достояние.

Наиболее универсально и конкретно единство этнического самосознания выражается в самосознании народности, а также и в ее этнониме, который свойствен всей народности (или иной этни-

ческой общности) в целом и которым обозначает себя каждый ее представитель в отдельности.

Структура этнического самосознания иерархична: разные его компоненты у разных индивидов, групп и социальных слоев занимают различное место в системе духовных ценностей. Тем не менее доминанта совокупности компонентов неизменно играет решающую роль в определении этнической принадлежности, она может утратить это значение лишь в результате ассимиляции, в условиях же сохранения основных факторов существования народности и при нормальной смене поколений устойчивый комплекс компонентов самосознания воспринимается следующим поколением почти наследственно, на уровне передачи этнической информации в процессе семейного воспитания.

Иерархия этнического самосознания выражается не только в ценностных вариациях составляющих его и названных выше компонентов: это самосознание может быть иерархичным и в собственно этнической сфере — в эпоху консолидации новых этнических общностей и появления новых форм этнического самосознания его старые формы не исчезают сразу, вступая с новыми в сложное взаимодействие.

Все эти кратко изложенные теоретические положения этнологии, используемые авторами труда в качестве исходных, подлежат раскрытию, уточнению и конкретизации (а возможно, и развитию) в ходе исследования проблем формирования этнического самосознания всех тех народностей, которые охвачены рамками труда.

Разумеется, далеко не все стороны этого сложного процесса позволяет раскрыть наличный материал источников. Крайне важно, чтобы эти источники, как уже было сказано, вышли в основном из среды самих исследуемых славянских народов и отражали представления не только социальной верхушки общества, но и самосознание рядовых его членов, большинства народа.

Ни первому, ни второму условию данные сохранившихся письменных славянских памятников, древнейшие из которых восходят лишь к началу X столетия, не соответствуют полностью по всему славянскому ареалу. К тому же и теми скудными данными письменных источников, которыми располагают исследователи, различные регионы славянского мира обеспечены весьма по-разному. Что же касается фольклорных материалов, то они имеют хронологически крайне многослойный характер, записаны, как правило, лишь в новое и новейшее время, не всегда позволяют с достоверностью вычленить наиболее древние сюжеты и таят опасность модернизации при попытках опереться на них в решении проблем данного труда.

Таким образом, слабая разработанность проблемы, ее новизна в историографии и чрезвычайные трудности на пути комплексного изучения фрагментарных свидетельств источников позволяют рассматривать предлагаемый читателю труд лишь как первый

опыт подобного рода исследования, в котором сами авторы считают некоторые свои положения гипотетическими и выдвигают их в порядке научной дискуссии.

*

Текст исследования написан коллективом авторов: В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин — Введение; В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря — глава I; Л. А. Гиндин, В. Э. Орел — глава II; Г. Г. Литаврин — глава III; Б. Н. Флоря — главы IV и VI; А. И. Рогов, Б. Н. Флоря — глава V; Я. Д. Исаевич — глава VII; Е. П. Наумов — главы VIII и IX; Г. Э. Санчук — глава X; В. В. Иванов — глава XI; Н. И. Толстой — глава XII; В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин — Заключение.

В Приложении к труду публикуется новый перевод, сделанный по критическому изданию греческого текста сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей». Перевод выполнен Г. Г. Литавриным.

*

В научно-организационной и редакционно-технической работе принимали участие: Н. С. Захарьина, С. А. Иванов, О. В. Иванова. Указатель этнических терминов подготовил В. В. Иванов, словарь терминов и указатель к Приложению составлены Г. Г. Литавриным, именной и географический указатель подготовлен Н. И. Сериковым.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

В задачи данной главы входит краткая характеристика славянской этнической и этносоциальной общности на самой ранней стадии развития, в эпоху от первых известий о славянах в начале нашей эры до VII в., когда стал особенно интенсивно происходить распад единой славянской общности и начался заключительный этап процесса этногенеза славян — формирование отдельных славянских народностей.

Вопрос о местонахождении первоначального очага поселения славян на территории Европы (еще до того племени праславян перемещались с востока на запад, нельзя исключить даже их остановок в различных областях), к сожалению, до сих пор лишь в слабой степени стал предметом комплексного изучения лингвистов, этнографов, антропологов и историков. Принципы комплексного подхода к изучению этой темы окончательно еще не выработаны. Однако существует ряд гипотез археологов и лингвистов о местонахождении прародины славян (перед их распадом на отдельные группы). Одну из этих гипотез — попытку возродить средневековую теорию о Паннонии как прародине славян — следует считать совершенно неудачной. Данные топонимики, которыми пытались обосновать такое заключение, явно недостаточны; археологические материалы, которые свидетельствовали бы о раннем появлении славян в этом районе, отсутствуют. Наконец, этой гипотезе противоречат и письменные источники. Они не дают оснований и для локализации прародины славян в Полесье. Большинство исследователей в настоящее время полагают, что вероятной прародиной славян можно считать либо территорию между Одером и Вислой, либо (возможно, для другой эпохи) более обширный ареал от Одера до Среднего Днепра. Первую точку зрения защищают в основном польские ученые, вторую — советские (русские и украинские), хотя и среди советских исследователей также есть сторонники локализации прародины славян в Одеро-Висленском ареале¹.

Первые определенные сведения о славянах как об особом этническом единстве относятся к I в. н. э. Самое раннее из них — известие «Естественной истории» римского писателя Плиния Старшего, погибшего в 79 г. Говоря о большом море на севере Европы, Плиний упоминает далее о крупных островах, главным из которых является Scatinavia, столь обширная, что ее именуют как бы «вторым миром». Есть мнение, пишет затем Плиний, что не

менее ее и Aeningia, где, «как некоторые передают, обитают вплоть до реки Вистулы (т. е. Вислы) сарматы, венеда, скиры (скифы?), гирры» [1, IV, 96]. Из перечисленных Плинием этниконов особое внимание уже давно привлекли венеда. Дело в том, что историк VI в. Иордан, писавший по-латыни, отметил в своем сочинении «Деяния гетов» «многолюдное племя венетов», которое в его время было известно под разными названиями, но «все же преимущественно они называются склавенами и антами», а «ныне известны под тремя именами — венетов, антов, склавенов»². Известно также, что в средневековой Германии термином «венды» обозначали живущих на территории Германского государства полабских славян. Еще более важно, что и у таких долго не знавших ни письменности, ни христианства (а следовательно, свободных от воздействия позднеантичной традиции) угро-финских народов, как финны и эстонцы, пограничные с ними восточные славяне также обозначались термином «вене», перенесенным ими позднее и на русских. Сопоставление этих фактов привело многих исследователей к заключению, что упомянутые Плинием «венеда» — это славяне.

Плиний локализует венедов (вместе с другими одновременно названными им народами) на территориях, достигавших р. Вислы, судя по контексту, с востока. Самого по себе сообщения Плиния для такой локализации венедов было бы недостаточно, так как, по его же утверждению, до названной реки доходили и поселения иранского племени сарматов, что совершенно недостоверно. Однако в пользу данной локализации славян свидетельствуют, как увидим далее, сведения более поздних источников.

Ряд важных свидетельств о венедах-славянах — в дополнение к скупому известию Плиния — заключен в «Германии» Тацита, написанной в 98 г. н. э. Автор признается, что ему неясно, следует ли причислять народы (*nationes*) певкинов, венедов и финнов к сарматам, и приходит наконец к выводу, что венедов можно отнести к германцам. Это заключение Тацит делал на основе имевшихся у него сведений об образе жизни венедов: они, как и германцы, «сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне». Причина же колебаний римского автора состояла в том, что «венеда переняли многое из их (сарматов. — *Авт.*) нравов» [2, с. 372—373]. Важно подчеркнуть, что у него, а следовательно, и у его информаторов имелись определенные представления об особенностях образа жизни древних славян сравнительно с соседними народами. При всей нечеткости этих данных они, вероятно, позволили писателю I в. н. э. говорить о славянах как об этносе оседлом (т. е. земледельческом), тем самым отличным от иранских кочевников-скотоводов Восточной Европы.

О территории расселения венедов, по Тациту, позволяет судить его замечание, что они «ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами»

[2, с. 372]. Поскольку певкины жили в северной части Нижнего Подунавья (в устье Дуная и находился о-в Певке, от которого образовано наименование племени), постольку, следовательно, если не районом самого расселения, то ареалом военных набегов венедов, по Тациту, была уже на рубеже I—II вв. обширная территория от Балтийского моря на севере почти до устья Дуная на юге. Упоминание о нападениях венедов не только в лесах, но и в горах также можно истолковать как указание на набеги венедов вплоть до Карпатских гор.

Некоторые новые сведения о древних славянах содержатся в «Географии» Клавдия Птолемея, александрийского ученого II в. н. э., заимствовавшего многие данные из сочинения писавшего в I в. н. э. Марина Тирского. Птолемей выделял как часть Европы так называемую Сарматию, территория которой на западе ограничивается Вистулой (Вислой) (далее за нею начинались земли, заселенные германскими племенами), на юге — Карпатами и северным берегом Понта (Черного моря), а на севере — Сарматским морем, переходящим на западе в море Германское. Под Сарматским морем Птолемей разумел ту часть Балтийского, которая простирается на восток от впадения в него Вислы, а под Германским — восточную часть Северного и западную часть Балтийского моря. Заселяют Сарматию, пишет александрийский ученый, «очень многочисленные народы (ἔθνη μέγιστα): венеды по всему Венедскому заливу, выше Дакии — певкины и бастарны, по всему берегу Меотиды (Азовского моря) — языги и роксоланы, далее за ними — внутрь страны — анаксонии и скифы-аланы» [3, гл. III, 57].

Венедский залив, как это следует из карт в тексте «Географии», — это часть Сарматского моря. Таким образом, как и у Плиния, венеды Птолемея локализованы примерно на одной и той же территории, включавшей район нижнего течения Вислы, прилегающий к Балтийскому морю³. Существенно и то, что для Птолемея венеды — весьма многочисленный народ, который, как это считал и Тацит, фактически один занимает огромные пространства от Балтийского моря до земель певкинов и бастарнов. Во всяком случае, из этих свидетельств следует, что венеды проживали на землях, достигавших на западе Вислы, хотя нельзя исключить, что уже в этот период ареал их расселения был гораздо более обширным: на севере — до Балтийского моря, а на юге — до Карпатских гор.

В бассейне Вислы, где, по данным античных авторов, определено находились поселения венедов, археологи локализуют регион распространения так называемой Пшеворской культуры (конец II в. н. э. — начало V в.). Нет оснований, однако, приписывать памятники этой культуры только славянам, так как ареал Пшеворской культуры охватывал и ряд земель, на которых, по свидетельствам позднеантичных авторов, проживали германские племена. Проблема возможной дифференциации пшеворских древ-

ностей на венедские (славянские) и германские находится лишь в начальной стадии изучения⁴.

Некоторые косвенные данные письменных источников, в том числе «Географии» Птолемея (о чем подробнее ниже), позволяют предполагать, что славяне в I—II вв. н. э. уже заселяли какие-то земли Восточной и юг Центральной Европы. Более определенные сведения на этот счет содержит памятник конца III — начала IV в., так называемые Певтингеровы таблицы — карта римских дорог сохранившаяся в копии XIII в. На этой карте указаны также названия ряда народов, живущих за пределами империи [4]. Здесь народ под названием *Venedi Sarmatae* помещен, как и у других позднеантичных авторов, на север от Дакии, на берегу Северного океана (Балтийского моря). Однако на «Таблицах» название *Venedi* повторено еще раз и в районе близ устья Дуная, между этой рекой и рекой *Agalingus* (Днестром). Этот повтор был, вероятно, связан с получением информации из разных центров: в одном из них знали только «венетов» на севере, а в другом — лишь «венетов» на юге [5, с. 219]. Эти свидетельства говорят о расселении славян к III—IV вв. на довольно обширной территории Восточной Европы, их поселения достигли уже нижнего течения Дуная.

К сожалению, имеющиеся данные не позволяют в полной мере проследить процесс расселения славян на территории, занимавшейся ранее иранским этносом. Сложившаяся и существовавшая в течение II—IV вв. на юге Восточной Европы так называемая Черняховская культура, многие особенности которой определялись мощным воздействием римской цивилизации, имела ярко выраженный полиэтничный характер [6, с. 43—52]. Тем не менее в пределах ареала Черняховской культуры удалось найти черты, свойственные памятникам Пшеворской культуры. Неясно, однако, в какой мере их удельный вес соответствовал реальному удельному весу славянского населения в этническом составе носителей Черняховской культуры. Наибольшая концентрация элементов Пшеворской культуры имеет место в районе от Верхнего Поднепровья по направлению к Среднему Поднепровью, через верхнее и среднее течение Южного Буга [7, с. 92—98]. Возможно, именно в данном регионе сосредоточивалась в этот период значительная часть славян в Восточной Европе.

В дальнейшем славян уже под их собственным именем, являвшимся, несомненно, самоназванием, упоминают несколько авторов VI в. Псевдо-Кесарий⁵, Иоанн Эфесский [8, с. 82], Прокопий Кесарийский [9, с. 117—120 сл.], Менаандр [9, с. 231, 232, 250 сл.], Агафий Миринейский [9, с. 182, 183] и написавший историю германского племенного союза готов Иордан, показания которого особенно интересны. Во-первых, его известия находят прямую аналогию в сообщениях авторов I—II вв. Во-вторых, Иордан сохранил свидетельства о событиях IV в., в которых участвовали славяне. Так, упоминая о расположенных к северу от Дуная «скалистых Альпах» (Карпатах), хронист пишет, что «у левого

их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя (*natio populosa*) венетов» [5, с. 136]. Для Иордана, как и для его предшественников, венеды — это особая крупная этническая общность⁶, жившая на той же территории между Балтийским морем и Карпатами, прежде всего в бассейне Вислы, где ее локализовали Плиний, Тацит и Птолемей.

Труд Иордана, кроме того, содержит и новые, весьма существенные данные. Так, историк указывает, что названия (*nomina*) венедов изменяются *per varias familias et loca* (т. е. «по различным родам и местностям»), но главными среди них являются славяне (*Sclaveni*) и анты (*Antes*). Важной параллелью к этому свидетельству является сообщение Иордана, что венеды «происходят от одного корня (*ab una stirpe exorti*) и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов» [5, с. 72, 90, 136, 150]. Эти важные известия толкуются в научной литературе двойко. По одной версии, Иордан говорит о распаде некогда единой общности «венетов» на две части — славян и антов. По другой — хронист имеет в виду разделение прежней общности на три части: собственно венетов (в узком смысле), славян и антов. Хотя вторую точку зрения поддерживает такой знаток истории древних славян, как Г. Ловмянский [10, с. 16—18], текст Иордана об ареале расселения славян и антов свидетельствует скорее в пользу первой точки зрения.

В самом деле, Иордан сообщает (и это — первая конкретная, с указанием ряда гидронимов и топонимов характеристика ареала расселения древних славян): «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы. . . Анты же — сильнейшие из обоих (племен), распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину» [5, с. 72]. Локализации географических ориентиров, обозначающих южную границу расселения «склавенов», посвятила специальную работу Е. Ч. Скржинская. Как установила исследовательница, «Новиетун» — это, по-видимому, город Новиодун на правом берегу Савы, ниже современной Любляны, а «Мурсианское озеро» — это оз. Балатон [11, с. 3—30]. Таким образом, ареал расселения «склавенов», по Иордану, полностью соответствует региону обитания (или деятельности) венедов — между Карпатами и Балтийским морем, о котором шла речь у более ранних авторов. Возможно поэтому, что Иордан имеет в виду разделение славянского этноса (венедов) лишь на две части — славян и антов.

Описание славян у Иордана — свидетельство современника, и, действительно, некоторые его сообщения явно отражают реалии VI в. Так, и Новиодун и Балатон в IV в. лежали в глубине подвластной Риму территории, и лишь позднее южная граница расселения славян продвинулась в эти места. Нет сомнений, однако, в том, что выделение из состава ранее единого этноса славян особого объединения антсв, занявших значительную часть Восточ-

ной Европы, произошло не позднее середины IV в. Такой вывод определенно вытекает из сообщений Иордана о событиях, происшедших в Причерноморье во второй половине этого столетия.

В III в. на территории Северного Причерноморья разместился германский союз готских племен, из которого выделились затем два объединения: визиготов, обитавших на запад от Днестра и в Дакии, и остроготов, занимавших пространства между Днестром и Доном. В середине IV в., в правление короля остроготов Германариха, начались их завоевательные походы против соседних народов. По словам Аммиана Марцеллина, современника Германариха, этот вождь был *bellicissimus rex*, страшный для соседей [12, I. XXXI, cap. 3, 1]. В числе народов, воевавших с Германарихом и вынужденных подчиниться ему, Иордан называет и венедов [5, с. 90]. Следовательно, к этому времени венеды-славяне занимали земли, соседившие с поселениями остроготов. К какой группировке славян они принадлежали, позволяет выяснить рассказ того же автора о событиях, происшедших после смерти Германариха, по-видимому, в начале 70-х годов IV в. Иордан сообщает, что преемник Германариха Винитар (Аммиан называет его Витимаром [11, I. XXXI, cap. 3, 5]) «двинул войско в пределы антов» (*in Antorum fines*). В первом столкновении он, однако, потерпел поражение, но затем повел дело храбро и ради наводящего ужас примера распял вождя антов по имени Боз (Бож?) (*regemque eorum Boz nomine*) с сыновьями и 70 старейшинами (*primatibus*) [5, с. 115, 170].

Итак, выясняется, что соседившие с остроготами «венеты», ставшие объектом их экспансии, — это анты. Следовательно, к середине IV в. это объединение уже выделилось из некогда единого славянского этноса, во всяком случае не позднее, чем к этому времени, необходимо относить и формирование первых славянских военно-политических союзов племен, и расселение славян на огромных пространствах Европы. Намек на начало славянской экспансии можно усмотреть уже в словах Тацита о том, что венеды «ради грабежа рыщут по горам и лесам» в ареале между местами обитания финнов и певкинов.

Поскольку процесс формирования народностей (и их самосознания) начинается в рамках союзов племен и неразрывно связан с процессом перерастания этих этносоциальных общностей в ранне-средневековые государства, постольку представляется необходимым коротко остановиться на характеристике социально-экономического и общественного строя славян в I—VII столетиях.

И письменные известия о славянах, и археологические данные свидетельствуют о том, что славянский этнос был оседлым, по преимуществу земледельческим народом⁷. Славяне выращивали злаки (пшеницу, овес, ячмень, рожь, просо), известно было им и овощеводство [13, 14]. Железные сошники и серпы археологи обнаруживают на всей территории, которую занимали славяне. Второй важнейшей отраслью производственной деятельности славян было скотоводство с преобладающим разведением крупного

рогатого скота, свойственное, как правило, именно оседлому населению [15, с. 197—209]. По заключению В. Д. Корольюка, в ареале Карпатского горного массива в эпоху переселения народов славяне стали практиковать такой вид хозяйства, как пастушество [16, с. 46—48]. Бортничество, рыболовство, охота занимали в хозяйстве древних славян второстепенное место.

Археологические материалы начального периода истории славян не поддаются, к сожалению, выделению из общего состава славянских древностей, наиболее ранние из которых датируются только V—VI вв. [7, с. 98 сл.]. Судя по этим находкам, славянам были знакомы железоплавильное и кузнечное производство, деревообработка, кожевенное дело, производство льняных и грубых шерстяных тканей, изготовление лепной керамики (без употребления гончарного круга)⁸. К VI в. некоторые археологи и историки относят появление у славян укрепленных городищ, в которых сохранились явные следы занятий населения ремесленным производством⁹.

Характерными различительными признаками славян как этноса некоторые археологи считают лепную керамику пражского типа, специфический вид жилища — полуземлянку с печкой-каменкой в одном из ее углов — и обряд погребения, состоящий из трупосожжения с последующим захоронением останков в урнах или ямах. Во второй половине VI столетия ареал распространения этой культуры охватывал уже значительную часть Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. На востоке этот ареал достигал Среднего Поднепровья, на севере — Балтийского моря западнее устья Вислы, долины Западного Буга, Припяти, Десны и Сейма, на юге — Нижнего и Среднего Дуная и Савы, на западе — Эльбы [7, с. 41, 53, 63, 67, 97, 101 сл., 104, 115].

Общественный строй славян в I—VII вв. в марксистской литературе обычно определяется как строй «военной демократии» в его последней стадии, непосредственно предшествующей образованию государства¹⁰. Начальный этап этой формы общественной жизни (строя «военной демократии») трудно определить хронологически, поскольку, как кажется, уже первые письменные известия о славянах застают их на этой стадии эволюции: достаточно напомнить высказывание Тацита, согласно которому венеды были известны римлянам в I в. н. э. также их грабежами на значительных пространствах Европы. Датировка конца периода господства строя военной демократии у славян не может быть, видимо, единой для разных частей славянского мира, поскольку эта грань определяется оформлением раннефеодальных государств, а их возникновение заняло значительный хронологический отрезок (VII—IX вв.).

Эпоха Великого переселения народов совпала, таким образом, с периодом господства у славян строя военной демократии. Как и у других народов на этой стадии развития, грандиозные перемещения славянских племен были вызваны углублением процесса классового образования. Разрешения назревавшего социального конфликта общество искало в этот период вне рамок племени или

союзов племен — на путях внешней экспансии, жестокого ограбления иных народов и государств. Погоня за богатством, причем главным образом за движимым имуществом, включая рабов-пленников и скот, представлялась в это время основным средством сохранения своего социального статуса и упрочения престижа. Война стала на несколько столетий естественным состоянием в жизни славянского общества, каждого свободного общинника — члена племени, но в особенности она соответствовала интересам консолидирующейся вокруг племенных вождей аристократии [17, с. 244—246].

К V столетию в общей картине продолжающихся перемещений славян наметилось главное направление их движения — к границам Восточно-Римской (Византийской) Империи, где в изобилии находились те богатства, к которым «варвары» стремились и которые можно было взять по закону войны¹¹. Полагают, что в левобережье Дуная славяне проникли в основном двумя путями: через Паннонию и через Восточное Прикарпатье и нижнедунайскую долину. Причем по второму направлению продвигались два смешавшихся в Северном Поднестровье миграционных потока — из Приднепровья и Повисленья, т. е. потоки «склавленов» и «антов» [18, с. 9—28; 7, с. 108—110].

Первым достоверным упоминанием о славянах на северных берегах Дуная под их собственным именем признается свидетельство Прокопия Кесарийского под 527 г. о том, что «гунны, склавины и анты почти каждый год, начиная с года, когда Юстиниан [I] взял власть над ромеями, совершают нападения на Иллирик и всю Фракию, т. е. на все земли от Ионического залива до предместий Византия (Константинополя), включая Элладу и область Херсонеса (Фракийского)» [9, с. 151]. Совершенно ясно, однако, что, прежде чем отправиться в первые набеги на земли империи, обладавшей первоклассными крепостями, укрепленными городами и лучшим по тому времени войском в Европе, славяне должны были, как земледельческий народ, сначала освоить новые места, накопить необходимые силы и средства. Вполне правдоподобно поэтому, что заселение славянами левобережья Нижнего и Среднего Дуная следует датировать временем не позднее второй половины V столетия. Знаменательно при этом, что уже в 30—40-х годах VI в., по сведениям Прокопия [19, р. 47 sq.], воинов из антов византийские военачальники использовали для ведения операций в горной местности, поскольку «эти варвары более всех пригодны для сражений в труднопроходимых местах»¹². Подобного рода воинский опыт анты могли приобрести, разумеется, лишь во время длительного пребывания (еще до поступления на византийскую службу) в Прикарпатье, где, следовательно, в начале VI в. они были уже старожилками.

К концу VI столетия византийские авторы стали говорить о землях задунайских славян как о богатом земледельческом крае. Авары в это время порой предпочитали грабительские походы против непокорных славян, населявших территорию бывшей рим-

ской провинции Дакии, набегам на империю, так как, по их представлениям, население Дакии жило намного богаче, чем жители балканских провинций Византии, из года в год разоряемые «варварами» [9, с. 232 — Менандр, 281, 282, 286 — Маврикий]. Время пребывания славян на левобережье Дуная до их расселения в пределах империи, занявшее собой, по-видимому, почти столетие, ознаменовалось, несомненно, крупными переменами в их хозяйственной, общественной и культурной жизни. Отношения с империей, как мирные, так и враждебные, играли роль катализатора, значительно ускорившего процесс развития славянского общества. Существенное значение имел при этом и такой фактор, как угон славянами и поселение на занятых ими территориях к северу от Дуная многих десятков тысяч пленных жителей империи [9, с. 123, 128, 133, 137, 146 — Прокопий, 297, 332 — Феофилакт Симокатта]. Свидетельства письменных источников о заметном повышении уровня материального благосостояния славян в этот период подтверждаются археологическими данными о резком углублении имущественной дифференциации среди славян¹³.

Слабая теоретическая разработанность проблемы конкретных этапов перерастания институтов военной демократии в органы классового господства не позволяет точнее определить масштабы того общественно-политического прогресса, который был характерен для славян в период от их появления на берегах Дуная до начала прочного освоения ими территории империи. Представляется все-таки более правомерным при характеристике общественного строя славян того времени акцентировать внимание не столько на деструктивной стороне процесса (элементах разложения порядков строя военной демократии), сколько на его конструктивной стороне (развитии форм раннесредневековой государственности).

Г. Ловмянский, отмечая сравнительно позднее оформление у славян устойчивых государственных образований, подчеркивает высокий уровень политической организации славян на последней стадии племенного быта¹⁴. Как упоминалось, антский союз существовал уже в середине IV в., и его развитие, конечно, не остановилось ни во время суверенитета остроготов, ни после освобождения от него — вплоть до начала VII в. К сожалению, источники не позволяют судить о принципах организации союза, обладавшего крупными силами (антов Иордан считал сильнейшими среди славян) и охватывавшего значительные пространства в местах обитания сложившейся позднее древнерусской народности. В состав антского союза входило, несомненно, много племен (Прокопий прямо говорит о «бесчисленных племенах (ἔθνη) антов») [9, с. 137—138], которые, в свою очередь, составляли, вероятно, особые этносоциальные организации. Анты жили то в мире, то во вражде со своими соседями на юго-западе — со «склавиными» [9, с. 124—125 — Прокопий], которые, вероятно, также представляли собой союз племен, соперничавших, видимо, с антами за гегемонию в славянском мире.

Сведения византийских авторов о характере политических объединений славян в VI—VII вв. противоречивы. С одной стороны, они пишут о крайней раздробленности славянских племен, о доминирующей роли народных собраний племени, о множестве возглавлявших племена «архонтов», которые постоянно враждуют между собой. С другой стороны, те же авторы говорят о крупных славянских объединениях во главе с «рексами» (королями) и «игемонами», которым были подчинены многие архонты, о том, что власть рексов приобретала наследственный характер, что на славянской территории выделились регионы («земли») значительной протяженности, обладавшие крупными военными силами, что в походы на империю славяне отправлялись многотысячными воинскими соединениями¹⁵.

Причины этой разноголосицы известий следует усматривать, по всей вероятности, в двух обстоятельствах: во-первых, в хронологической разобщенности тех сведений, которыми располагали о славянском мире византийские историки, механически объединявшие их в своих рассказах о современных им славянах. Традиционализм имперского мировоззрения играл при этом не последнюю роль: Маврикий в своей «Тактике» продолжает толковать об «анархии» и «взаимной ненависти» среди славян как о факторе, чрезвычайно выгодном для империи [9, с. 283, 285], тогда как волны крупных нашествий славян уже захлестывали Балканский полуостров. Во-вторых, не исключено, что противоречивость известий о славянах была следствием сложности и изменчивости самой военно-политической структуры славянских объединений: одни из них были временными, существовавшими только в военное время, другие раздирались соперничеством входивших в союз племен, третьи обрели уже устойчивый характер, но сохраняли в своих пределах автономию более мелких племенных соединений или отдельных племен.

Так, уже Бож, возглавлявший в 70-х годах IV в. антов вместе со своими сыновьями, имел под своим началом 70 старейшин (*primates*). Анализируя это сообщение Иордана, Г. Ловмянский отмечает, что термин *гех*, которым обозначен Бож, тот же автор употребляет по отношению к вождям германских народов, выступавших в качестве несомненных военно-политических союзов со сложной структурой¹⁶. Власть Божя мыслилась, видимо, уже как наследственная; вокруг него был значительный слой высшей племенной (или союзно-племенной) верхушки, участвовавшей в управлении объединением, скорее всего возглавлявшей отдельные племена союза. Постепенно к концу VI в., помимо племенного принципа организации союзов, приобретал все большее значение территориальный. Отнюдь не случайно члены таких военно-политических объединений на левобережье Дуная называли свою территорию «родиной», «землей отцов» [9, с. 137, 146 — Прокопий, 231—232 — Менандр, 281 — Маврикий].

Изучая терминологию византийских и латинских памятников, которой в них обозначаются славянские вожди VI—VIII вв. раз-

ного ранга и представители славянской аристократии, ученые придерживаются в основном двух резко отличных точек зрения. Одни считают главной фигурой в славянском обществе того времени так называемых жупанов, усматривая в них глав (старейшин), власть которых простиралась лишь на мелкие родо-племенные объединения и общины и не была связана с компетенцией в пределах постоянной территории. Сам термин «жупан» признается при этом иранским (аварским) по происхождению¹⁷. Другие историки усматривают в жупанах глав территориальных организаций, спаянных не только кровнородственными отношениями, но и общинным земледельческим бытом и входивших в этот период в более широкие территориальные союзно-племенные объединения, во главе которых стояли «архонты» или «игемоны», «рексы» или «эксусиасты»¹⁸.

С позиций первой точки зрения не находят объяснения такие факты, как крупные победы славян над войсками империи в конце VI — начале VII в., как длительные массированные осады крупнейших византийских городов с применением сложной осадной техники, как само расселение славян на территории империи крупными политически организованными контингентами. Согласно изысканиям историков Древней Руси упоминаемые в русской летописи в качестве племенных наименований такие названия, как «поляне», «северяне», «древляне» и т. д., были даже для VIII—IX вв. уже рудиментарными, обозначая в действительности не племена, а союзы племен, вернее, племенные княжения [20, с. 5 сл.; 21, с. 83 сл.].

Наука не располагает достаточными данными, которые позволили бы определить сравнительный уровень социально-политической организации славян в разных концах славянского мира. Несомненно, как уже было сказано, тесные контакты с Византийской империей способствовали более быстрому процессу социального созревания и классовообразования у славян, заселивших сначала левый берег Дуная, а затем и земли империи. Однако на степень прочности политической структуры славянских объединений могли оказывать существенное влияние и другие факторы.

Важно констатировать, что в византийских памятниках уже на рубеже VI—VII вв., а в латинских — несколько позже славянские военно-политические объединения получили наименование «Славиний» (иногда называемых также «Славиями») ¹⁹.

Первые сведения о Славиниях (Славиях) восходят к концу VI—началу VII столетия [9, с. 353 — Феофилакт Симокатта]. Появились эти военно-политические формирования еще вне территории империи. Их возникновение, как упоминалось, было связано с процессом классовообразования и с необходимостью создания более совершенной военной организации, охватывавшей, как правило, несколько племен и способной обеспечить и оборону занятой славянами территории, и завоевание новых земель [22, S. 202—219; 23, S. 73; 24, S. 448—454; 25, S. 84].

Термин «Славиния» выступает как общее, родовое понятие для всех славянских территориальных союзов²⁰, но некоторые из них носили и собственные наименования, либо совпадавшие с именем господствовавшего в объединении племени («ваюниты», «смолены»), либо образованные от названия такого племени (Драгувития, Берзития)²¹. Даже в пределах Древнерусского государства X в. Константин Багрянородный различает немало Славиний, имея в виду территории бывших племенных княжений²².

Славиния как этносоциальный организм представляла собой переходную форму от военно-территориального союза племен эпохи военной демократии к раннефеодальному государству²³, и от этнической общности родственных племен к раннесредневековым народностям. На северо-западе полуострова, в Центральной и Восточной Европе Славинии, объединяясь благодаря мирным союзам или в ходе острого соперничества, постепенно переросли в раннесредневековые государства. В центре и на юге Балкан Славинии не стали государствами, но обнаружили чрезвычайную устойчивость, сохраняя, несмотря на мощное давление империи, автономию, а нередко и полную независимость вплоть до IX—X вв. Неоднократно устанавливавшийся над Славиниями суверенитет империи оставался фикцией до упрочения на этих территориях феодальной административной организации и утверждения христианства²⁴.

История Славиний в VII—IX столетиях позволяет заключить, что представителям каждой из них было свойственно сознание подданства своему военно-политическому объединению²⁵. Каждая Славиния в отношениях с Византией проводила, как правило, самостоятельную политику: одни Славинии находились в состоянии войны с империей, другие — вели торговлю с ее городами.

Для изучения проблемы формирования народностей (и становления их этнического самосознания в том числе) первостепенное значение имеет вопрос о том, каково происхождение и значение этниконов, под которыми славяне фигурируют в наиболее ранних источниках. Особенно важно выяснить, какой из этих терминов являлся их самоназванием, т. е. этнонимом. Самым древним таким этниконом для обозначения славян служил, как говорилось, термин «венеды» («венеты»). Ряд соображений позволяет отвергнуть мысль о том, что это название было этнонимом. Во-первых, в источниках раннего средневековья, происходивших из бесспорно славянской среды, славяне никогда не называются «венетами». Во-вторых, связанные этимологически с этим термином топонимы и гидронимы распространены на таких территориях, как Бретань, Северная Италия, северные районы Балканского полуострова, т. е. на землях, где славяне либо никогда не проживали, либо появились не раньше V—VI вв. Поскольку эти топонимы и гидронимы возникли на периферийных территориях расселения этноса, где его представители сталкивались с иными этническими общностями, вполне закономерна гипотеза, согласно которой «венеды» были этносом индоевропейского происхождения, засе-

лившим некогда земли, лишь впоследствии занятые славянами, кельтами, иллирийцами (фракийцами). Эту гипотезу аргументировал знаменитый польский филолог Т. Лер-Сплавиньский [26]. Его выводы в последнее время поддержал Г. Ловмянский. По его мнению, славяне расселились на части территории, которую ранее занимали «венеды», и соседи новых поселенцев перенесли на них название ранее обитавшего здесь этноса [27, с. 90—92].

Особое значение для исследования проблемы славянского этнического самосознания имело бы научное истолкование термина «славяне», для которого в языкознании предложено несколько объяснений [28, с. 48, 56—57]. В греческих (византийских) и в латинских памятниках начиная с VI столетия этот этникон воспроизводится в формах: Σκλάβοι, Σκλαβῆνοι, Σκλαβῖνοι, Σκλαβηνοί, Σκλαυηνοί, Sclavi, Sclaveni; более редки, но также достаточно распространены формы Σθλάβοι, Σθλαβηνοί²⁶.

Отвлекаясь от проблемы итацизма (одинакового произношения как звука «и» букв «ί», «η», «υ»), утверждавшегося как раз в эту эпоху (VI—VII вв.), и от трудностей, которые испытывали греки при передаче славянского звука «в» (как «β» или с помощью дифтонга «αυ»), отметим, что наиболее существенным в данной связи является вопрос о сочетании согласных, соответствующих славянским звукам «с» и «л». Подобное сочетание фонетически чуждо (непроизносимо) и греческому и латинскому языку. Поэтому ряд исследователей полагают, что вставные между этими согласными «капча» и «тета» (как и латинское «к») в приведенных выше этниконах представляют собой не реально произносившиеся самими славянами звуки, а лишь искусственную фонологическую вставку, позволявшую «обойти» упомянутое фонетическое затруднение [25, S. 86; 29, S. 127—140]. Подобные фонологические вставки обычны в греческих средневековых текстах при транскрипции славянских имен и топонимов. Так, сложные славянские имена с окончанием на «-слав» передаются, как правило, с вставной «тетой» (—σθλάβος). Неудобный для произнесения гидроним «Висла» передан у Птолемея через вставку целого слога (Ούιστούλα) [3, III, 58]. Иордан дважды при транскрипции этого же гидронима воспринимает написание Плиния со вставкой «ту», а в двух случаях дает свой вариант «Вискла» (Viscla) [5, с. 133, 135, 136, 146]. В недавно опубликованной краткой византийской хронике принята попытка передать греческими буквами названия букв славянской азбуки. Название буквы «слово» транскрибировано при этом как «σθλόβω» [30, S. 302].

Представляется особенно важным в связи с этим, что в протоболгарской надписи на греческом языке времени правления хана Омуртага (814—831) имя его видного сподвижника (как полагают, славянина) передано безо всякой вставной буквы между «с» и «л» — Σλαβνας. По мнению издателя надписи В. Бешевлиева, уже ранние протоболгарские надписи обнаруживают влияние славянской речи [31, с. 57—58, 220]. Как видно, для славянина, как и для протоболгарина, не было необходимости прибегать к фоно-

логическим вставкам в передаче имени «Славна». Имя это напоминает наименование вождя северов на Балканах в VIII в. (племени, входившего в состав Первого Болгарского царства) Славуна (?), называемого византийским хронистом Феофаном Σκλαβοῦνος [32, с. 272], а западным переводчиком хроники Феофана Анастасием Библиотекарем (середина IX в.) Sclavinus [33, с. 260].

Напоминает антропоним протоболгарской надписи и имя легендарного основателя Болгарского государства Слава апокрифической летописи [34, с. 281—282], которая вышла, несомненно, из среды славянских книжников (болгар XI в.). Афония пресловутого сочетания согласных (для грека) и традиционализм в передаче этниконов обусловили тот факт, что византийские авторы до самого конца империи продолжали обозначать славян как «склавинов».

В связи с этим заслуживает внимания давно высказанная гипотеза, что первое упоминание славянского этнического самоназвания следует относить не к 527 г. (см. выше свидетельство Прокопия), а уже ко II в. н. э. В тексте «Географии» Птолемея вслед за упоминанием о «венетах» и их соседях помещен пассаж «о народах, живущих на юго-восток от венетов». Здесь перечислены галинды, судины (названия хорошо известных в раннее средневековье балтских племен галиндов и судабов) и «ставаны» (Σταβανοί), живущие «вплоть до аланов». Далее, описывая население Скифии, Птолемей отмечает, что наряду с аланами и скифами здесь обитают «суобены» (Σουοβηνοί) [3, III, 59; VI, 14]. Еще П. Шафарик приходил к заключению, что оба эти наименования у Плиния представляют собой попытку автора (в двух разных вариантах) передать звучание названия одного и того же народа — славян [35]. Правда, для самого Птолемея «ставаны» — явно другой, особый народ, отличный от «венетов». Однако такое представление можно объяснить разным происхождением использованных Птолемеем источников. Сведения о живущих на Висле «венетах» у Птолемея и у других авторов восходят, вероятно, к информации, полученной от германских племен; сообщение же о том, что «ставаны» или «суобены» являются соседями аланов, было основано, по-видимому, на информации, почерпнутой у народов, живших на побережье Черного моря: поселения древних «венетов» не достигали этих регионов, и здесь славяне были известны под своим собственным именем [27, S. 179—182]. Е. Ч. Скржинская также полагает, что рассматриваемые два этникона в «Географии» Птолемея заслуживают самого пристального внимания специалистов [5, с. 210—212]. Однако другие исследователи предпочитают пока воздерживаться от сколько-нибудь определенных выводов, отказываясь усматривать в «капше» и даже в «тете» фонологическую вставку в терминах «склавины» и «сфлавины»²⁷.

Высказано предположение, что этноним «словене» (в такой форме он употребляется во всех раннеславянских письменных памятниках) не являлся всеобщим для славян, а был свойствен только представителям «славяно-болгарской» группы; византий-

ские же авторы распространили это название в форме «славяне» («склавины») на всех славян, что и стало в дальнейшем письменной и устной традицией [29, с. 127—140; 36, с. 15—16].

Византийские памятники, однако, используя термин «славяне» в качестве родового понятия, подчеркивают черты их этнической общности, хотя отмечают и различия между славянами, и их особые племенные наименования. Вывод о всеобщности этнического самосознания славян основан в науке не только на факте существования единого для них самоназвания и истолкования этого термина как общего этнонима, но главным образом на базе исследования единых истоков общеславянской языковой устно-поэтической (фольклорной) традиции, на данных гидронимии, топонимики, антропонимики, на единстве археологической культуры славян и общности их религиозных представлений.

Что касается наименования «анты», то впервые оно встречается у авторов I в. н. э.: в «Хорографии» Помпония Мелы и в «Естественной истории» Плиния в перечне народов, проживавших на Кавказе [37, гл. I, 13; 1, гл. VI, 35]. Поскольку в это время ареал расселения славян совершенно определенно не достигал ни Кавказа, ни Предкавказья, очевидно, что первоначально это было название неславянского народа. Оно было перенесено на славян позже, когда те поселились на территории, занимавшейся этим этносом ранее. Название антов было, вероятно, иранского происхождения. Оно является доказательством того, что эта группировка славян сформировалась на территории, занятой ранее иранским этносом. О наличии интенсивных контактов между иранцами Восточной Европы и поселившимися здесь позднее славянами говорят также и результаты языковедческих исследований, позволивших вскрыть особо обильный слой иранской лексики в восточнославянских говорах. Весьма существенно также заимствование восточными славянами у иранцев традиций почитания ряда иранских богов. Важно при этом, что эти взаимодействия имели локальный характер: по данным лингвистики, в них участвовала лишь часть предков восточного славянства.

Учитывая все это, можно высказать предположение, что эти процессы привели к возникновению у группировки славян — антов — известных особенностей системы верований, обычаев, быта и т. п., отличавших их от всех остальных славян. Возможно, на этой основе и наметилось первоначально определенное обособление антов как особой этнополитической организации (племенного союза) от общей совокупности славянского этноса.

Обособление антов в связи с расселением части славян на новой территории следует расценить как первое проявление тенденции к распаду этнополитической общности славян. Эта тенденция получила свое полное развитие в эпоху Великого переселения народов и широкого расселения славян далеко за пределы первоначального очага их обитания. Важно, однако, что объединения «склавинов» и антов не воспринимались писавшими о них авторами VI в. как две разные этнические общности. Так, славяне

и анты, по словам Иордана, отличаются лишь по именам, происходя «из одного корня» [5, с. 150], Прокопий говорит о «склави-нах» и антах, что «язык тех и других один и тот же, совершенно варварский. Да и по внешнему виду они не различаются в чем либо одни от других: телом они все стройны и необычайно сильны... Впрочем, и имя у склавинов и антов было некогда общим, ибо в древние времена и тех и других называли спорами». Здесь же византийский хронист отмечает, что «у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы», и указывает также на общность их религиозных верований [9, с. 126].

Иными словами, Иордан и Прокопий видели различие между склавинов и антами лишь в том, что они принадлежали к разным военнополитическим объединениям, т. е. это отличие было не собственно этническим, а этносоциальным и обуславливалось подданством двум нередко враждующим племенным союзам.

Есть основания полагать, что уже в это время деление на славян и антов не исчерпывало всех видов внутреннего членения славянского этноса. Характерно свидетельство Иордана, что наряду с главными наименованиями — «славяне» и «анты» — славяне имели много других названий, менявшихся «по различным родам и местностям» (*per varias familias et loca*) [5, с. 136]. Думается, что хронист имеет в виду наименования отдельных племен, которые, как это следует из более поздних источников, либо имели патронимический характер (от совокупности потомков одного родоначальника), либо отражали основные особенности местности, где то или иное племя поселилось.

Уже краткое рассмотрение вопроса об этниконах, которыми обозначались древние славяне, позволяет заключить, что иерархичность самосознания славян в этот период, хотя и ограниченная территориально, но порой повсеместно проявлявшаяся, характеризовалась наличием представлений об этнической общности всего славянства и сознанием регионально-племенных (этносоциальных) отличий между ними внутри этой общности.

Говоря о следующем периоде (примерно, VI—IX вв.), можно также констатировать наличие у славян в разных частях славянского мира сознания принадлежности к единой этнической общности. Об этом свидетельствует прежде всего сохранение и широкое распространение на всей этой территории самого термина «славяне» как этнонима, самоназвания, присущего всем им независимо от регионов обитания отдельных ветвей и от военно-политических и племенных объединений, в которые входили разные их группы. Так же независимо от района обитания славян им свойственна общность антропонимии: среди имен вождей, предводителей и князей, известных по письменным источникам, широко распространены были имена с окончанием на *-мир* и *-слав* [38]. Подобное же явление наблюдается и в топонимике, и в совпадении самих племенных наименований: так, например, северянам, кривичам и дреговичам Восточно-Европейской равнины соответствуют северы, кривичи и драгувиты на Балканском полуострове, племя

дулебов было известно и на Волыни, и в Южной Чехии, племя ободритов — и на Эльбе, и на Дунае («абодриты») и т. д. Подобное явление — свидетельство не только миграции славян и направлений этой миграции, но и доказательство общности происхождения славян и общности их самосознания²⁸.

Сознание этнической общности славян особенно ярко проявлялось в периоды острой опасности со стороны этнически чуждых народов: аваров, византийцев, франков, печенегов. Конфронтация славян с империей, несомненно, упрочила сознание их единства и содействовала консолидации военно-политических союзов [16, с. 53]. Военскую солидарность двух славянских вождей — Ардагаста и Мусокия — и их готовность приходить на помощь друг другу византийский полководец коварно использовал для устройства засады [9, с. 326 — Феофилакт Симокатта]. Гибель князя ринхинов Пребунда (Первуда) в середине 70-х годов VII в., казненного в Константинополе, оскорбила этническое чувство славян Южной и Средней Македонии. Пребунд тщетно добивался объединения сил окрестных славян для решительной осады Фессалоники, и того, чего он не мог сделать при жизни, удалось достигнуть при известии о его смерти: почти все Славинии Южной Македонии восстали против империи, Фессалоника подверглась двухлетней тяжелейшей осаде [32, с. 143—146 — Чудеса св. Димитрия].

Упомянутое выше единство хозяйственно-культурного типа славян, общность вида жилищ и близость самого антропологического облика, которая, по свидетельству византийских авторов, была их общей отличительной особенностью (несмотря на различия племенных названий и характер отношений между теми или иными военно-политическими объединениями²⁹), — все это, безусловно, было также серьезной объективной основой для осознания славянами своей этнической общности. Важную роль в консолидации общеславянского единства играло, разумеется, и единство идеологических, религиозных представлений, нашедшее, в частности, проявление в сходстве ритуала захоронения (трупосожжение) [7, с. 104, сл.]. Важнейшим фактором, цементирующим славянскую общность, был единый, свойственный той эпохе славянский язык (специально о нем см. главу XI). Хотя славяне VI—IX вв. не представляли собой этнолингвистического монолита и их говоры уже с начала Великого переселения отличались известной диалектной сложностью, они, однако, еще не распадались в языковом отношении на четко дифференцированные группы [28, с. 60—65; 39, с. 81].

Сознание общеславянского единства явственно прослеживается по первым письменным памятникам на славянском языке, т. е. оно не исчезло и в эпоху существования особых славянских государств, на которые в VII—IX вв. разделился мир славянства, хотя, несомненно, это сознание претерпело трансформацию, стало более сложным, изменилось также его место и значение в общей иерархической системе этносоциальных представлений славянских народов. Нюансы и отличия между различными группами

славян в VI—VIII вв. в сфере материальной культуры, в области языка и в обрядах и обычаях в целом не нарушали картины единства славянского мира [40, с. 44—45; 28, с. 62—64].

Есть основания говорить и об определенных тенденциях к консолидации славянского этноса, которые проявились, как полагает В. Д. Королюк [16, с. 53], в исчезновении этнонима «анты» и распространении в VII в. названия «славяне» на представителей славянского этноса на всей территории славянского мира. Эта консолидация происходила в условиях конфронтации славян с Восточно-Римской Империей. Отголоском этой конфронтации, возможно, явились записанные в «Повести временных лет» предания о «волохах», которые напали «на словени на дунайския, и седшем в них и насилящем им» [39, с. 102 сл.; 7, с. 142—143]. Здесь отразилось, видимо, представление о некогда угрожавшей славянам на Дунае могущественной империи, в борьбе с которой упрочивалось единство славянского этноса.

Однако одновременно действовали и сильные процессы дезинтеграции, особенно после того, как победа славян над Империей была достигнута, а процесс их расселения на новых землях Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы принял широкий размах. Разумеется, и раньше славяне находились в постоянных контактах с соседними этническими общностями, но в процессе расселения эти контакты стали более тесными и сложными. Группы славян, поселившихся в бассейне Лабы, столкнулись там с остатками германского и кельтского населения, на Балканах — с иллирийцами, фракийцами, кельтами (особенно последними, уже романизированными), в Восточной Европе — возможно, с иранцами и прежде всего — с балтами, а затем — с финно-уграми. В процессе ассимиляции представителей этих общностей славянами отдельные группы славян неизбежно приобретали особые черты антропологического типа, материальной культуры, веры и обычаев, что было фактором, способствовавшим, конечно, обособлению отдельных частей славянского этноса. Этому же содействовали пространственные перемещения, приводившие к разрыву связей между отдельными племенными группировками: с переселением прекратилась связь между дреговичами Полесья и драгувитами Македонии, между ободритами на Балтийском море и на Дунае.

Следствием этих процессов стал, возможно, распад военно-политического объединения «склавинов». Уже у писавшего на рубеже VI—VII вв. Феофилакта Симокатты «склавины», хотя и противопоставляются антам как единое целое, имеют одновременно практически независимых друг от друга архонтов, как, например, Ардагаст и Мусокий [9, с. 323—327]. Для автора «Сказания о чудесах св. Димитрия», писавшего в середине VII в., «славяне» — это лишь общее название для «драгувитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, берзитов и прочих народов», объединившихся для осады Фессалоники [32, с. 129]. Почти одновременно, в первой половине VII в., во франкской хронике Фредегара

появляется упоминание о полабских «сорбах» [41, с. 11], которых хронист определил как «gens», т. е. как особую этническую общность. Дело, однако, не только в том, что в первой половине VII в. в источниках появляются обозначения отдельных группировок в среде славянского этноса. Более важно, что эти этники оказываются устойчивыми и в дальнейшем постоянно повторяются в источниках VIII—X вв. в связи с одной и той же территорией.

Эти факты — подчеркнем еще раз — ясно говорят о стабилизации определенных племенных объединений (Славиний), о возникновении у них прочной территориальной основы, и это явление следует считать для периода VII—VIII вв. ведущей тенденцией в социально-политическом и этническом развитии славянского общества.

Как уже говорилось во Введении, формирование народностей раннесредневековой эпохи является длительным и сложным процессом, начальные этапы которого восходят к эпохе оформления и развития племенных объединений. Следовательно, к этому времени относится и возникновение тех элементов самосознания в недрах разных групп славян, которые, постепенно накапливаясь и консолидируясь, позволили впоследствии этим группам выделиться из общего этнического массива. Представление об общеславянском единстве в совокупной иерархии самосознания славян, конечно, сохранялось, но линией развития был переход от племенных объединений к государствам, а вместе с тем — и возрастание удельного веса новых (соответствующих размежеванию славян на крепнущие этнополитические организмы) элементов этнического самосознания. К сожалению, о развитии этих элементов можно судить только по скудным и косвенным данным. Вполне возможно, что некоторые этнические отличия (отмеченные выше, например, у антов) с ходом времени в благоприятных условиях консолидации государственных институтов становились факторами самосознания, упрочиваясь в процессе нараставшей относительно этносоциальной изоляции от других военно-политических славянских объединений.

Превращение племенных союзов в устойчивые территориальные политические системы вело к развитию чувства родины, «земли отцов», как, например, у славян левобережья Дуная, о которых была речь выше. Возникло представление о подданстве именно своему правящему роду, вождю, князю. О степени преданности населявших бывшую Дакию славян союзу во главе с Мусокием можно судить по эпизоду, рассказанному Феофилактом Симокатой. В самом конце VI в. во время похода против славян византийскому полководцу Приску удалось схватить несколько разведчиков Мусокия. Будучи подвергнуты тяжким пыткам, они предпочли смерть, сохранив молчание на допросе, «как будто плети причиняли муки чужому телу» [9, с. 325].

Отдельные Славинии существовали в течение нескольких столетий. Долго сохранялись Славинии в Македонии и на Пелопоннесе. В ходе их истории складывались представления о пути,

пройденном предками, об их успехах и победах, чтилась память выдающихся героев, слагались легенды и предания. Иначе говоря, рождалось то чувство гордости своим объединением, которое привело к гибели в ставке аварского кагана дерзкого посла антов Мезамира и вдохновило вождя «склавинов» Давриту (Добрента?) на надменный ответ аварскому повелителю [9, с. 232, 235 — Менаандр].

Само распространение в союзе названия главенствующего племени на все объединение свидетельствовало о преодолении рамок племенного партикуляризма уже в пределах некоторых Славиний. К IX в. союзы берзитов и драгувитов получили даже наименования, подобные государственным: Берзития, Драгувития. Стали возникать и крупные политические объединения нового типа. Таким было, видимо, сложившееся в 20—30-х годах VII в. объединение славян Центральной Европы, выступивших против аваров во главе с Само. Оно охватывало территории от полабских сербов на севере до Хорутании на юге [41, р. 1] и оставило по себе определенные следы в историческом сознании славянского мира³⁰. В VII в. возникло другое крупное объединение славян — объединение «Семь родов» на территории бывшей римской провинции Мезии³¹.

В целом, однако, процесс оформления народностного самосознания находился у славян в эту эпоху еще в начальной стадии развития³²: аморфности и непрочности племенных объединений, еще лишенных регулярно действующих на всей территории союзов институтов государственной власти, соответствовал и уровень этносоциального самосознания, определяемый во многом еще родоплеменными отношениями среди основной массы членов объединения.

Процесс оформления народностного самосознания углубился и нашел завершение лишь в рамках конституировавшихся раннефеодальных государств. Конкретные формы этого процесса в разных концах славянского мира и будут рассмотрены ниже, в отдельных главах данного труда.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Обзоры литературы по теме см.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 214—284. Ср.: Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 7—52; Королюк В. Д. Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы: славяне и волохи (попытка реконструкции по письменным источникам). — В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978, с. 195—197; *Łowmiański H. Początki Polski*. Warszawa, 1964, t. I, s. 33—96.

² *Иордан*. О происхождении и деяниях готов / Вступит. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 71, 72, 90. Ср.: *Golab. Veneti (Venedi) — the oldest name of the Slavs*. — *The Journal of Indo-European Studies*, 1975, v. 3, N 4, p. 321—336; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы). — В кн.: *Славянские древности*. Киев, 1980, с. 20—23.

³ И в другом месте труда Птолемея венеты определенно связываются с Вислой (*Ptolemaei Cl. Geographia*, III, 58).

- ⁴ Подробно об этом см.: *Седов В. В.* Происхождение. . ., с. 63 и сл.
- ⁵ Свидетельства Псевдо-Кесария следует датировать, по-видимому, 530—558 гг. См.: *Dujčev Iv.* Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les Slaves. — SA, 1954, t. 4.
- ⁶ Иордан и далее пишет о многочисленности венетов (*numerositate pollentes*). См.: *Иордан.* О происхождении. . ., с. 150.
- ⁷ *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953, s. 138—178; *Hensel W.* Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963; *Herrmann I.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder / Neise und Elbe. Berlin, 1968, S. 243.
- ⁸ См. об этом: *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. Л., 1968, с. 27 сл.; *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953; *Авдусин Д. А.* Материальная культура Древней Руси. — ВИ, 1972, № 7; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976; и др.
- ⁹ О существующих точках зрения в литературе см.: *Аулик В. В.* Зимневське городище — слов'янски пам'ятки VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ, 1972; *Hensel W.* Polska starożytna. Wrocław; Warszawa; Gdańsk, 1973, s. 444—450; *Королюк В. Д.* «Вместо городов у них болота и леса. . .» — ВИ, 1973, № 12, с. 198—199.
- ¹⁰ Подробно см.: *Кучма В. В.* Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов. — В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978, с. 7—8; *Comşa M.* Socio-Economic organization of the Daco-Romanie and Slav population on the Lower Danube during the 6th—8th Centuries. — In: Relations between the Autochthonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania. Bucureşti, 1975, p. 197—198; *Zástěrová B.* Les avars et les slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971, p. 77 sq.; *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzantium im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978, S. 78—87.
- ¹¹ Феофилакт Симокатта говорит, что даже жители с берегов океана (он называет их «славянами») знали, что население империи «прославлено богатством» (ГИБИ, II, с. 316).
- ¹² ГИБИ, II, с. 128. О том, что славяне хорошо умеют сражаться в горных проходах, пишет и Маврикий. См.: ГИБИ, II, с. 283, ср. с. 289.
- ¹³ См. интересные факты и соображения: *Марянович-Вуйович Г.* Старейшие археологические следы славян в Белграде. — In: Berichte, S. 237—238; *Zástěrová B.* Les avars. . ., p. 77 sq.; *Кучма В. В.* Славяне. . ., с. 7 сл.
- ¹⁴ Специально об общественном строе славян см.: *Ловмянськи Х.* Начало Новгорода. — In: L'Europe aux IXe—XIe siècles: Aux origines des états nationaux. Varsovie, 1968, p. 269; *Он же.* Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 4—16. См. также: *Свердлов М. Б.* Общественный строй славян в VI—начале VII в. — Сов. славяноведение, 1977, № 3, с. 46—59; *Иванова О. В.* Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия»: (Постановка вопроса). — В кн.: Славянские древности. Киев, 1980, с. 81—107.
- ¹⁵ См. данные об этом: ГИБИ, II, с. 123, 125—126, 128, 131, 134, 136 — Прокопий, 278, 283, 285 — Маврикий, 297, 326 — Феофилакт Симокатта.
- ¹⁶ *Łowmiański H.* Początki. . ., t. I, s. 415. Этим же титулом (в его греческом варианте — ρῆξ) обозначает Мусокия Феофилакт Симокатта, заявив при этом, что так он именуется «на языке варваров» (т. е. славян) (ГИБИ, II, с. 326). Имя Boz (Боз, Бож?) у восточных славян не зафиксировано, но встречается в источниках, относящихся к землям полабских славян. См.: Codex diplomaticus Brandenburgensis. Berlin, 1857, I Heft, 13 Reihe, S. 205: allodium domini Boz; S. 212: curiam insuper domini Boz.
- ¹⁷ См., например: *Grafenauer S.* «Sklabarchontes — gospodarii slovanov» ale «slovanski knezi». — Zgodovinski časopis, 1955, N IX, s. 202—219; *Dragojlović D.* La župa chez les Slaves balkaniques au moyen âge. — Balca-

- nica, 1971, II, p. 85—115; *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 217, 234—236; *Malingoudis Ph.* Die Institution des Jupans als Problem der frühslawischen Geschichte. — *Cyrrillomethodiana*, 1972/3, т. II, S. 61—76; *Beševliev V.* Protobulgarische Inschrift auf einer Silberschale. — *Byzantion*, 1965, v. 35, S. 1ff.
- ¹⁸ *Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв.: (Критика жупной организации). М., 1972, с. 51 сл., 199 сл.; *Добрев Ив.* Праслав. «жура», «хѡра», старобългар. «жоупанъ», старобългар. «жоупель», «ΘΕΙΟΝ», «жоупнште», «ΜΝΗΜΑ», среднобългар. «жоупалевиа», «ΘΥΕΜΑ». — В кн.: Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай на 1100 годишнината от смъртта му. София, 1969, с. 127—140 (автор отстаивает славянскую этимологию термина).
- ¹⁹ О Славиниях см.: *Antoljak St.* Die makedonischen Sklavinien. — In: *La Macédoine et les macédoniens dans le passé.* Skopje, 1970, p. 27—44; *Idem.* Unsere Sklavinien. — In: *Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines.* Beograd, 1964, II, p. 9—15; *Ферлуга Ј.* Византија и постанак најдањих јужнословенских држава. — В кн.: *Зборник радова Византолошког института.* Београд, 1968, књ. XI с. 55—62. Новейшую литературу см.: *Ditten H.* Zur Bedeutung. . ., S. 95.
- ²⁰ См., например: *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, v. I, p. 124. 56—68.
- ²¹ О Берзитии см.: *Панов Б.* Охрид и Охридската област во првите векови по словенската колонизација (VI—VIII вв.). — В кн.: *Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје*, 1978, 4 (30), с. 136—137.
- ²² *Const. Porphyg.* De adm. imp., I, p. 56. 10, 107.
- ²³ Ср.: *Грачев В. П.* Сербская государственность. . ., с. 51 сл., 199 с.; *Антољак С.* Населување на словените во Македонија и создавање на македонските Склавиини. — В кн.: *Историја на македонскиот народ.* Скопје, 1969, т. I, гл. 2, с. 79—96.
- ²⁴ Ср. выводы след. работ: *Ostrogorsky G.* Byzantine Empire in the World of the 7th Century. — *Dumbarton Oaks Papers*, 1959, v. 13, p. 4, 7; *Yannopoulos P. A.* La société profane dans l'empire byzantin des VIIe, VIIIe et IXe s. Louvain, 1975, p. 253.
- ²⁵ См.: ГИБИ, II, с. 137 — Прокопий Кесарийский, 232 — Менандр, 281 — Маврикий, 325 — Феофилакт Симокатта.
- ²⁶ Подборку греческих вариантов написания имени славян см.: ВИИНЈ, т. I, регистар.
- ²⁷ См.: *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, с. 54—56; *Георгиев Вл. И.* Генезисът на балканските народи. — В кн.: *Етногенезисът и културно наследство на българския народ.* София, 1971, с. 15—16. Неоднократно высказывавшееся ранее и недавно еще раз выдвинутое Б. Симеоновым (Происход и значение на названието българи. — *Векове*, 1976, № 5, с. 13) положение, что этноним «славяне» («словене»), как он передан во всех ранних славянских письменных памятниках) происходит от понятия «слово», т. е. означает людей, «владеющих словом» («говорящих»), в отличие, например, от «немцев» («немых»), О. Н. Трубачев считает неубедительным, так как суффиксы -ан- («-ян», «-ен») предполагают образование термина от топонима «Слово» или «Слова», а такие топонимы наукой не зафиксированы (*Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы. . ., с. 56—57). Новую трактовку («славяне» от слова «свобода») см.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах. . ., с. 11—45. См. также: *Köpstein H.* Zum Bedeutungswandel von ΣΚΛΑΒΟΣ / SCLAVUS. — In: *Byzantinische Forschungen.* Amsterdam, 1979, Bd. VII, S. 67—68; *Malingoudis Ph.* Рец. на: *Weithmann M.* Die slavische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel: Ein Beitrag zur historischen Ethnographie Südosteuropas. München, 1978. — *Zeitschrift für Balkanologie*, 1987, Bd. XVI, S. 212—219.
- ²⁸ *Чолов П.* Славянские традиции в болгарских личных именах. — *Actes du XIe Congrès international des sciences onomastiques.* Sofia, 1974, v. I, p. 226—228; *Иванчев Св.* Антропонимия зони в Болгарии. — Там же,

- с. 441—425. Ср.: *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. — В кн.: Вопросы этногенеза, с. 43; *Koš M.* Naselitev Gorenjske v ranom srednjem veku. — *Archeološki vestnik (Ljubljana)*, 1970—1971, N 31/32, s. 12, 15.
- ²⁹ ГИБИ, II, с. 126 — Прокопий, 281 — Маврикий.
- ³⁰ Единственным источником об этом объединении являются сообщения франкского хрониста Фредегара. См.: *MGH—SM*, t. II, p. 144—145. О границах объединения см.: *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1970, t. IV, s. 239—242.
- ³¹ См. помещенное в «Повести временных лет» народное предание о насилиях «обров» (аваров) над славянским племенем «дулебов» и о гибели «обров». Анализ этого источника см.: *Королюк В. Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1962; *Он же.* Дулебы и анты, авары и готы. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 53—59.
- ³² О нем см. подробнее в гл. III.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Plinius Secundus C.* Naturalis Historia.
2. *Тацит К.* Соч.: В 2-х т. М., 1970. Т. 1. Анналы. Малые произведения.
3. *Ptolemaei Cl.* Geographia.
4. *Müller K.* Weltkarte des Castorius genannt die Peutingerische Tafel. Ravensburg, 1888.
5. *Иордан.* О происхождении и деяниях готы. М., 1960.
6. *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
7. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
8. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
9. ИБИ, III, ГИБИ, II.
10. *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1964. Т. II.
11. *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне. — В кн.: Византийский временник. М.; 1957, т. 12.
12. *Ammianus Marcellinus.* Regum gestarum libri qui supersunt.
13. См.: *Довженко В. И.* Землеробство древньої Русі. Київ, 1961.
14. *Краснова Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. — СА, 1967, № 1.
15. *Сымонович Э. А.* Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян. — В кн.: VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
16. *Королюк В. Д.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканах (Славяне и волохи в VI—середине VII в.). — Сов. славяноведение, 1976, № 6.
17. *Литаврин Г. Г.* Этническое самосознание славян в VII—X вв.: (К проблеме формирования раннефеодальных народностей). — В кн.: VIII Международный съезд славистов.
18. *Comşa M.* Directions et étapes de la pénétration des Slaves vers la péninsule Balkanique aux VIe—VIIe siècles (avec un regard spécial sur le territoire de la Roumanie). — In: *Balcanoslavica.* Prilep; Beograd, 1972, t. I.
19. *Benedicty R.* Die auf die frühslawische Gesellschaft bezügliche byzantinische Terminologie. — In: *Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines.* Beograd, 1964, t. II.
20. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. М., 1963.
21. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щанов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
22. *Grafenauer B.* Sklabarchontes — «gospodarii Slovanov» ale «slovanski knezi». — *Zgodovinski časopis*, 1955, let. IX.
23. *Čankova-Petkova G.* Über die Herkunft einiger slawischer Ethnonyme und Toponyme und ihre Bedeutung für das gesellschaftlich-politische Leben auf dem Balkan. — In: *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus.* Berlin, 1976.

24. *Ditten H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. — In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9—11. Jh. Berlin, 1978.
25. *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzantium in 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978.
26. *Lehr-Spławiński T.* O pierwotnych Wenetach. — In: Inter armazbiór prac, ofiarowanych K. Nitschowi. Kraków, 1946.
27. *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1964, t. 1.
28. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6.
29. *Заимов Й.* «Словене» и «българи» в старобългарската книжнина и в българската топонимия. — В кн.: Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай на 1100 годишнината от смъртта му. София, 1969.
30. *Schreiner P.* Ein wiederaufgefundener Text der Narratio de Russorum conversione und einige Bemerkungen zur Christianisierung der Russen in byzantinischen Quelle. — Byzantinobulgarica, 1978, t. V.
31. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979.
32. ИБИ, VI, ГИБИ, III.
33. ИБИ, VII, ЛИ, II.
34. *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1970.
35. *Šafařík P. J.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1837, t. I.
36. *Георгиев В. И.* Генезисът на балканските народи. — В кн.: Етногенезисът и културно наследство на българския народ. София, 1971.
37. *Potronius Melo.* De Chorographia.
38. *Трубачев О. Н.* Из славяно-пранских лексических отношений. — В кн.: Этимология, 1965. М., 1967.
39. *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза. — В кн.: Вопросы этногенеза.
40. *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. — В кн.: Вопросы этногенеза.
41. MGH—SM, t. II.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАННИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ СЛАВЯН НА БАЛКАНАХ И ЛЕКСИКА ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Характер и уровень этнического самосознания в той или иной форме находят отражение в языковых процессах. На племенном уровне в периоды массовых миграций и заселения обширных территорий, как в случае славянизации карпато-балканского пространства, речь идет прежде всего о субстратных и адстратных этноязыковых отношениях различной интенсивности. При этом, надо полагать, степень закрытости (герметичности) и, наоборот, проницаемости языковых структур, в первую очередь лексики, со стороны иноязычных элементов в значительной мере определяется характером и уровнем этнического самосознания наряду

с другими социально-экономическими факторами. Отсутствие славянских письменных источников, современного периоду славянизации областей к югу от Карпат, делает особенно важной разработку проблем субстратных и адстратных языковых влияний на диалекты, из которых в будущем развились южнославянские языки, поскольку в этих условиях определение размеров субстратно-адстратного лексического фонда и его гетерогенная лингвистическая атрибуция могут служить практически прямым источником для характеристики степени осознания славянскими пришельцами своей этнической компактности, выражающейся в языке четким разграничением «своих» и «чужих» языковых элементов.

Мы не будем здесь углубляться в общую проблематику и историю изучения древнего балканского субстрата и адстрата, отошлав читателя к специальной работе одного из авторов данной главы [1], повторим здесь лишь ее теоретическую предпосылку: по сравнению с понятием адстрата термин «субстрат» в рамках этноязыковой ситуации на Балканах обладает меньшей конкретностью, в то время как первый в большей мере отражает механизм и специфику языковых контактов, второй вообще оказывается в подавляющем числе случаев частным проявлением адстратных взаимоотношений.

Письменная этническая история славян на Балканах практически начинается с засвидетельствованной историей даты, а именно с упоминания Прокопием Кесарийским опустошительных набегов гуннов и славян (склавинов и антов) на Балканы, «нападавших почти во всякий год, с тех пор как Юстиниан принял власть над ромеями» (σχεδὸν τι ἀνὰ πᾶν καταθέοντες ἔτος ἐξ οὗ Ἰουστινιανὸς παρέλαβε τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν [2], т. е. с 527 г., когда Юстиниан взойшел на престол¹. Ряд серьезных соображений позволяет нам относить время появления первых славянских колонистов на Балканском полуострове приблизительно к середине V в.² С какими же народами встретились славяне на Балканах? Этот вопрос в настоящее время можно считать решенным хотя бы в первом приближении. Данные византийских историков, соединенные с современным лингвистическим анализом балканской топонимики, позволяют очертить этнические зоны, наличествовавшие на Балканах перед славянской колонизацией и, по всей вероятности, в ходе ее. Несомненно, речь идет об эпохе значительной этнической пестроты и непрерывных передвижений на самом полуострове и к северу от него. В довершение сказанного следует помнить и о том, что романизация (а отчасти и эллинизация) Балкан не только стерла этнолингвистическую картину в предславянский период, но и осложнила ситуацию в плане ее полиэтнизма и соответственно с точки зрения ее анализа, требующего вычленения не только субстратных, но и субсубстратных слоев³.

В процессе заселения Балкан славяне встретились и вступили в контакт не только с потомками старых обитателей полуострова (фракийцев, дакийцев, греков, иллирийцев), но и с восточными романцами и более мелкими племенными группами гуннов, готов,

иранцев, возможно, и кельтов, а несколько позднее — с аварами, булгарами и венграми: все это — на протяжении трех-четырех столетий. Сами славяне пришли на Балканы не однородным, единым потоком, а, как теперь вполне очевидно, в составе ряда полиэтнических миграций, включавших, в частности, носителей различных диалектов праславянского языка⁴. Здесь уместно напомнить, что эти миграции далеко не всегда приводили к мирному культурно-экономическому симбиозу: нередко они завершались опустошением значительных территорий. Так, земли в правобережье Дуная не случайно были наименованы византийскими хронистами «мизийской пустыней» (ἐρημία Μισῶν).

Нестабильность этнической ситуации на Балканах во второй половине I тысячелетия н. э., отрывочность наших знаний об этом периоде делают трудноосуществимой саму попытку оценить масштабы межэтнических влияний и их направление в экономической, культурной, социальной и, наконец, языковой сферах. Между тем тип и направление влияний и характер этнического самосознания неразрывно связаны друг с другом, с оценкой социальной значимости, маркированности и культурно-экономического престижа «своего» и «чужого». Роль языковых влияний значительно повышается в случае, когда речь идет, как здесь, о дописьменном периоде, для которого маловероятно установление текстов, выражающих этническое самосознание, но зато вполне реально изучение лингвистической парадигматики (прежде всего словаря), поддающейся научной и объективной реконструкции.

Поэтому для лингвиста одним из главных источников сведений об этническом самосознании дописьменного периода является анализ лексических заимствований, и притом преимущественно апеллативных. Бóльшее значение обычно, в силу традиции, приписывается заимствованиям в области топонимики, что не вполне справедливо. Факт топонимического заимствования в сущности есть только указание на потенциальную возможность контакта и сколько-нибудь длительного взаимовлияния. Иными словами, топонимическое заимствование характеризует скорее источник заимствования, его этническую отнесенность, а не объем, глубину или характер контакта с языком-суперстратом. Таким образом, если, например, сохранность фракийской ономастики говорит только о том, где некогда обитали фракийцы, то фракийские апеллативные вкрапления в болгарском языке могут свидетельствовать о наличии и даже о типе межэтнического славяно-фракийского контакта и, следовательно, характеризовать этническое самосознание обеих сторон, степень осознания себя как целостного этноса.

Выявление ранних балканских субстратных и адстратных проникновений, т. е. заимствований в южнославянские языки из области апеллативной лексики, может дать представление не только о составе этнических компонентов, оказавших влияние на древние славянские диалекты (что усилило свойственное им в рамках праславянского лексическое своеобразие), или о предметно-се-

мантических сферах, испытавших у славян чужезычное воздействие ⁵, но и об объеме, масштабе этих влияний, чисто количественно характеризуя глубину взаимопроникновения культур, степень их герметичности и т. п.

В некоторых отношениях ранние контакты славян с другими народами на Балканах представляют собой необычное явление, в частности по сравнительно незначительной интенсивности эти контакты противопоставляются другим случаям лингвистических взаимовлияний, сходных по времени и/или месту реализации: ср., например, контакты дако-фракийцев с восточными романцами, славяно-германские связи к северу от Балкан, восточнороманско-и албано-славянские контакты в более позднюю эпоху. Тем бóльшую ценность приобретает анализ крайне немногочисленных случаев заимствований, которые воплощают связь славян со своими соседями в эпоху колонизации балканских земель.

Вынесенная в заголовок тема традиционно разрабатывается в духе исключительно иллирийского и, особенно в последнее время, фракийского вклада в славянскую лексику ⁶. Однако это ограничение приводит к известным содержательным потерям, так как упомянутые реликтовые языки сохранились лишь в виде ономастики. Пытаясь в известной мере модифицировать постановку проблемы, мы обратимся и к другим ранним слоям заимствований, в данном случае адстратным, в южнославянские языки, причем статус этих заимствований мало чем отличается от так называемых субстратных проникновений, т. е. ранних вкраплений из автохтонных языков Балкан.

Обратимся теперь к тому аспекту нашей задачи, который обычно рассматривается как выходящий за рамки фрако-славянской или иллиро-славянской проблематики. Речь идет об объеме и содержании понятий, которыми мы оперируем. Если достаточно ясно, что подразумевается под славянским в качестве второго члена сравнения, то о фракийском (вообще о древнебалканском) этого сказать нельзя. В отличие от славянского фракийский, иллирийский и т. п. носят явный оттенок историко-географических, а не историко-лингвистических категорий. Вот почему столь важно осмыслить эти понятия лингвистически ⁷.

В настоящей работе мы исходим из сближения фракийского с реконструированным раннеалбанским. Здесь невозможно развернуть исчерпывающую аргументацию в пользу этого сближения ⁸. Отметим, однако, узловые положения. В пользу фрако-албанского сближения говорят следующие факты: 1) нераннеалбанская топонимика современной Албании; 2) наложение албанских фонетических особенностей на неалбанскую топонимику Адриатического побережья; 3) древние албано-романские связи, возможные только в случае иного соотношения албанского и романского ареалов в прошлом; 4) наличие значительного числа общих романских образований в румынском и албанском; 5) отсутствие в албанском, вопреки Э. Чабею, исконной морской и рыболовной терминологии (как и соответствующих культурных

традиций — вплоть до настоящего времени). Помимо этих классических аргументов, разработанных Вейгандом и Дечевым⁹, отметим еще, что: 6) раннеалбанский (а вместе с ним и восточнобалканский романский) мог служить в ряде случаев передатчиком иноязычных заимствований в славянские языки; наконец, 7) раннеалбанские заимствования мы находим главным образом в болгарском, а не в языке славян Адриатики.

Таким образом, исходя из определенной близости понятий «фракийский» и «раннеалбанский», мы можем теперь перейти к этимологическому анализу конкретных этноязыковых слоев, базируясь на их отражении в славянской лексике. Пытаясь сохранить хронологическую и пространственную последовательность, мы начнем с тех этноязыковых элементов, которые должны были проявить себя еще на подступах славян к Балканам, и завершим анализ рассмотрением проблемы фракийско-раннеалбанской лексики в славянском словаре, включая сюда и те случаи, когда раннеалбанский явился посредником при передаче заимствований в славянский.

Определенно высказаться о путях проникновения иранизмов на Балканы в настоящее время невозможно. Стоит, однако, отметить, что наряду с заимствованными из восточноиранских диалектов (скифского и родственных) элементами иранизмы могли быть принесены на Балканы и более мелкими иранскими группами в составе других этносов (в частности, протоболгар)¹⁰. В балканских языках иранские элементы образуют довольно заметный слой и содержат ряд важных культурных и социальных понятий¹¹. Это прежде всего болг. *стопан(ин)* 'хозяин', сербохорв. *стопанин*, которые убедительно возведены к иран. **astarān*- 'защитник, покровитель дома' [З. с. 37]. У этих слов, однако, имеются и внеславянские соответствия: рум. *stăpîn* 'хозяин', алб. *shtëpâ*, *shtëpân* 'сыродел', предполагающие единый источник **stapan*-¹², который, как следует из реконструируемого вокализма, не мог быть опосредован славянским¹³. Следует обратить особое внимание и на то, что при объяснении славянского слова непосредственно из иранского возникают затруднения фонетического плана (как объяснить падение анлаутного *a*?), которые, однако, снимаются, если рассматривать развитие **asta-rān*- в албанском, где закономерно безударное **asta*- > **sta*- и далее *shtë*-¹⁴.

Сходное положение, на наш взгляд, и с болг. *ватра* 'огонь', сербохорв. *вѣтра*, хотя вопрос об исконности этого славянского образования и остается до сих пор дискуссионным¹⁵. Однако ареал его распространения (чеш., словац. *vatra*, польск. диал. *watra*, укр. *ватра*), как и ареальная и семантическая характеристика некоторых его производных (болг. *ватрал*, сербохорв. *вѣтраль*, польск. *watral*, словац. *vatral*, укр. *ватралка*¹⁶ при рум. *vătraiu* < **vatralis*), видимо, указывают на карпато-балканскую зону как на источник¹⁷. Все многообразие сошедшихся здесь форм опирается на исходные слав. **vatra*, алб. *vatrë*, *votrë* 'кострище, очаг' и иран. *ātar*-, причем трудно объяснить связь

слав. *atra/*vatra и иран. ātar-, ибо единственный пример праславянской протезы *v-* перед *a [4, p. 186]. Точно так же обстоит дело и с алб. *vatrë, votrë*, поскольку и для албанского нет оснований предполагать протезу *v-* в исконных словах. Напротив, в ранних заимствованиях эта протеза присутствует перед гласной (ср. *vaj* 'масло' < *oleum* и т. п.), что позволяет, по-видимому, усматривать в алб. *vatrë, votrë* заимствование из какого-то продолжения иран. *ātar-, поскольку в раннеалбанском *ā* как раз и давало *o*¹⁸. Рум. *vatră*, а через него и указанные выше славянские формы (или некоторая их часть) были, следовательно, заимствованы из албанского¹⁹.

В балканском ареале, по-видимому, обнаруживается и иран. *kata- (авест. *kata-* 'комната, кладовая, погреб'), восходящее к *kan- 'копать' (из *knta-). Оно отразилось на разных стадиях истории славян и в слав. *kotъ, и в укр. *xama*²⁰. В связи с этим интересно вспомнить о рум. *sătun* 'поселок', алб. *katund* 'деревня' и, очевидно, о неотделимых от них болг. *катун*, сербохорв. *кàтѹн* '(пастушеское) село', а также новогреч. *като̀ва* 'Geräck, Zelt, Lager'²¹. Эта группа слов уже сравнивалась с иран. *kata-²². Между тем алб. *katund* объяснимо как заимствование из иран. *katana-, откуда затем и прочие сближаемые формы²³.

Параллельно с этой, иранской по происхождению, формой *kata- < *knta- в южнославянских языках мы находим и исконное слав. *kotja (словен. *koča*, сербохорв. *кѹѡа*, болг. *кѹща*, макед. *кука*), восходящее к исконно родственному с иранским словом слав. *kotati < *kont-²⁴. Было бы, конечно, опрометчиво не придать этому совпадению серьезного значения: есть все основания думать, что перед нами древняя славяно-иранская калька. Тщательный семантический анализ слав. *kotja, первоначальное значение которого определяется как 'землянка'²⁵, и сравнение всей гаммы его значений с семантикой иран. *kata-, авест. *kata-* 'комната, погреб, временное хранилище мертвых тел, кладовая', перс. *kad* 'дом', осет. *kaet* 'конюшня'²⁶, *киса* 'могила, дом' (черногор.) 'низкий домик, кухня' являются в этом смысле дополнительным подтверждением гипотезы о калькировании и могут быть поставлены в связь с типом славянских жилищ VI—IX вв. н. э. в бассейне Дуная (т. е. с полуземлянками).

Указанные сближения, разумеется, не исчерпывают списка потенциальных иранизмов на Балканах (ср. еще, например, слав. *gynja, алб. *gynë* 'бурка' и т. п. при иран. *gaunya, *gaupa; алб. *shakë* 'сука' при ср.-перс. *sak*, курд. *sañ* 'то же' и т. д.), некоторые из которых, однако, вызывают сомнения (так, слав. *сарь 'козел', ранее трактовавшееся как иранизм, целесообразно, видимо, трактовать иначе).

В заключение этого раздела подчеркнем два важных аспекта проблемы: во-первых, вероятное албанское (и восточнороманское) посредство при заимствовании (в двух случаях из разобранных трех); во-вторых, то, что в семантическом плане иранизмы как бы транспортируются из одного культурно-экономического контекста

в другой — пастушеский. Особенно ярко это видно на примере болг. *стопан*, сербохорв. *стѡпанин*, для которых обоснованно реконструируется балканское значение 'praefectus pastoribus' ²⁷, развившееся из иранского понятия 'хозяин дома' (*asta-rān-) ²⁸.

Германские заимствования в балканских языках образуют довольно пеструю картину: здесь обнаруживаются и восточно- и западногерманские элементы, восходящие к разным этапам германо-балканских контактов. Отсылая читателя к работам, специально посвященным этой проблеме ²⁹, мы остановимся здесь лишь на нескольких важных лексемах ³⁰.

Прежде всего обратим внимание на группу лексем, проникших на Балканы из лангобардских и франкских диалектов (вероятно, через итальянское и далее — албанское посредство) и образующих в большинстве своем относительно поздний слой заимствований. Ср., например, сербохорв. *бѡла* 'груз, товар', словен. *bála* 'приданое невесты' (при алб. *ballë*) из франк. *balla* через итал. диал. *balla* ³¹, сербохорв. *бѡга* 'связка' при алб. *bigë* 'Zweig; un ein Stöckchen gebundener Blumenstrauss' ³² из лангобард. *biga* 'alcune travi al bordo della nave in coverta; due pani appaiatti; bigotta etc.' [5, p. 516, 518].

На Балканах довольно широко распространилось и лангобард. *fāga* 'племя, дружина', сохранившееся по настоящее время в ломбард. *faga*, которое хотя бы частично, стало источником словен. *faga* 'род', сербохорв. *фѡра* 'партия' (< *faga) ³³; болг. *фара* 'род', греч. диал. *φάρα* 'то же', алб. *far(r)ë* 'семья, сорт, вид, племя, род' [6, S. 100]. Весьма вероятно, что алб. *far(r)ë* послужило передаточным звеном для новогреческого и болгарского слов.

К более раннему слою германских заимствований относятся восточногерманские ³⁴. Здесь следует прежде всего упомянуть получившее общепалканское распространение болг. *грив* 'серый, пестрый' (о птицах, животных), рум. *griv* 'пестрый с белыми пятнами', *grivă* 'собака с черными и белыми пятнами', греч. *γρίβος* 'сероватый', *γρίβας* 'конь серой масти', алб. *grivë* 'пепельного цвета' (о животных), *grifshë* 'сорока'. Это слово — одно из трех используемых В. Георгиевым для реконструкции фракийского апеллативного слоя в болгарском [7, с. 253]. В болг. *грив* он видит продолжение гипотетического фрак. *grīwo- < и.-е. *ghrēцо-

Перед нами, по всей вероятности, слово, первоначально служившее обозначением лошадиной масти ³⁵. Названия мастей в Европе, как известно, заимствовались у кельтов и германцев, в частности в вульгарную латынь вошли германские термины *blank*, *brun*, *falw*, *gris* [8], последнее — из франкского рефлекса герм. *grēwa- < и.-е. *ghrēцо-, ср.-др.-исл. *grār*, др.-в.-нем. *grāo*, нем. *grau* 'серый'. Следовательно, опираясь на старую этимологию болг. *грив* [9, с. 110], целесообразно видеть его источник в восточногерманском (гот.) *grīwa ³⁶. Само болгарское слово, конечно, не прямое заимствование из готского, а опосредовано, вероятно, вост.-романским и албанским.

Несмотря на известные исторические и этнографические обстоятельства славянской колонизации Балкан и оставляя при этом в стороне многочисленные собственно романские (поздние) и новогреческие проникновения в сербохорватский и болгарский, находящиеся за хронологическими рамками данной работы, мы сталкиваемся с рядом труднообъяснимых особенностей, характеризующих греческие заимствования в славянский. Ранних (=общеславянских) греческих заимствований поразительно мало. Между тем только они и могут нас здесь интересовать, так как речь идет о периоде позднего праславянского (до VIII в. н. э.), когда южные диалекты праславянского служили посредником греческих, латинских и многих германских (готских) заимствований, передававшихся отсюда на северные славянские территории. Определенно ранними грецизмами можно назвать лишь «хрестоматийные» *koraбль, *višnja и некоторые другие. Замечательно, что точно так же обстоит дело и с ранними греческими заимствованиями в албанский, где их обнаруживается не более трех-четырех, в том числе *tokëgë* < греч. *ῥῶγανή*. Наплыв грецизмов в славянские диалекты Балкан и далее на Север совершенно четко датируется началом христианизации южного славянства, с которым этот процесс непосредственно связан³⁷.

Несколько подробнее остановимся на проблеме романизации. Первое проникновение романских этнических групп на Балканы можно отнести к III в. до н. э., когда несколько городов Адриатического побережья были завоеваны римлянами (219 г. до н. э.). При этом ареалом, откуда начало распространяться влияние на Балканы, можно, по-видимому, считать Южную Италию [10, S. 292—293]. Через полстолетия западная часть Балкан подверглась уже более сильному воздействию Рима: в 167 г. до н. э. римской провинцией стала Иллирия. Следующей по счету территорией, подчиненной Риму, стала Фракия, завоеванная в 78—71 гг. до н. э. На рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. началась романизация Норика и Паннонии, и, наконец, в последнюю очередь была присоединена к империи Дакия, ставшая провинцией в 106 г. н. э.³⁸

Исторические данные показывают, что степень романизации различных областей Балканского полуострова была неодинаковой. Практически полностью и чрезвычайно быстро была романизирована Иллирия, во всяком случае городское население. Свое языковое выражение романизация Иллирии находит в появлении там своего романского языка — далматинского. Сохранившийся на отдельных островах Адриатики до XIX в., далматинский оставался широко распространенным языком городского населения вплоть до средневековья³⁹. Таким образом, романская языковая традиция на Западных Балканах была непрерывной, и пришедшие туда славяне должны были встретиться с практически полностью романизированным в лингвистическом плане населением.

Иначе обстоит дело с тем, что касается центральной и восточной

части Балканского полуострова. Здесь, на территории Верхней и Нижней Мезии, отчасти Фракии и в какой-то степени Дакии, изначально существовали предпосылки для перехода местного населения на романский язык, народную латынь. Известна точка зрения, согласно которой западнобалканская латынь (=далматинский) и восточнобалканская (восточнороманский) образовывали некогда целостное единство — «протобалканороманский» диалект народной латыни⁴⁰. Однако это утверждение не всегда может быть подтверждено фактами, поскольку далматинский и восточнороманский обнаруживают и серьезные фонетические расхождения, например в судьбе нар.-лат. -st-, давшего в восточнороманском -pt-, а в далматинском развившегося, как в западнороманских языках. Факты скорее указывают на то, что формирование одного из основных компонентов восточнороманского языка протекало в областях, не смыкавшихся прямо с территорией распространения далматинского⁴¹.

Расхождение между далматинским и восточнороманским обнаруживается не только в области фонетики, но и в области словаря⁴² в той мере, в какой о далматинском можно судить по романским заимствованиям в албанский. И далматинский и восточнороманский обнаруживают ряд глубоко архаичных латинских черт, однако первый предстает, по словарным данным, как язык преимущественно городского населения. О латинской лексике восточнороманского этого сказать нельзя. Факты истории, связанные с отводом легионов из Дакии, с их смешанным этническим составом, указывают то же направление. Надо полагать, что на Восточных Балканах, в Мезии, отчасти, вероятно, и в Дакии, романским языком овладело автохтонное население, далекое от городской цивилизации. Архаизм романского диалекта, на котором оно говорило⁴³, объясняется как этнически пестрым составом легионов (откуда периферийные латинские архаизмы), так и самим составом активной лексики, которого не коснулись урбанические инновации.

Надо думать, что к приходу славян в эти районы романский язык не был единственным, на котором говорили в Мезии. Значительное число автохтонных заимствований в восточнороманский язык, как принято считать «дако-мизийских», ясно говорит о том, что романизация в Мезии не зашла далеко, во всяком случае не дальше романско-автохтонного билингвизма. При этом обогатился не только романский словарь: албанский язык с его многочисленными заимствованиями из народной латыни служит доказательством тому, что автохтонное население щедро пополняло свою лексику из латинского источника.

Предполагая состояние билингвизма у населения Мезии, мы должны значительно сдержаннее охарактеризовать положение во Фракии. Здесь, во-первых, было очень сильно влияние греческого языка и культуры, что значительно ослабляло собственно романское влияние. Во-вторых, к приходу славян во Фракию в этом районе вряд ли оставались сколько-нибудь значительные группы на-

селения, говорившие на автохтонном языке: фракийцы, говорившие по-фракийски, были, по всей вероятности, оттеснены в труднодоступные области, но и там, скорее всего, не были многочисленны⁴⁴. Надо иметь в виду, что Фракия, видимо, явилась районом передвижения тех не до конца романизованных автохтонных элементов, которые были, по нашему мнению, носителями раннеалбанских диалектов, что не позволяет говорить о постоянном, и тем более романизованном, населении Фракии в этот период.

Сказанное некоторым образом объясняет то обстоятельство, что число ранних романских заимствований в славянский несколько больше, чем ранних греческих. Здесь также справедливо замечание о христианизации как о преимущественном *terminus post quem*, однако с учетом двух важных поправок: 1) значительная часть дохристианских латинских заимствований попала в (южно)-славянский через посредство германского, точнее, через балканские восточногерманские диалекты, как, например, слав. **osъlъ*; 2) некоторые из таких дохристианских латинских заимствований в славянском имеют параллели в балканских языках (**kolęda*, **rogapъ*). В частности, это относится к ст.-слав. ОЦЬТЬ, алб. *athëtë* 'кислый' (раннеалб. **atšato-*), причем в этом случае есть основания думать о раннеалбанском посредничестве между народной латынью и славянским. Это, как и предлагаемые в последнее время более поздние датировки заимствований, заставляет с большей степенью уверенности говорить о Балканах, балканской латыни и балканском германском как о центре иррадиации соответствующих лексем, причем именно в тот период, когда славяне уже достигли Балкан, а фракийское (раннеалбанское) и романское население еще не были оторваны друг от друга окончательно.

При сравнительно небольшом количестве таких вкраплений в славянский количество славянских элементов в восточнороманском (их функциональный аналог) поразительно велико и заставляет думать об интенсивном влиянии именно славянского на восточнороманский, а не наоборот, аналогично разбираемым ниже (фрако)раннеалбанско-славянским отношениям.

Сознательно отстраняясь здесь от сравнительно позднего слоя заимствований в балкано-славянские языки из неславянских (румынского и новоалбанского)⁴⁵, мы остановимся здесь лишь на тех заимствованиях из албанского, фонетические черты которых указывают на более раннее («раннеалбанское» или фракийское) состояние источника заимствования⁴⁶.

Роль раннеалбанского элемента на Балканах была очень значительна, а носители раннеалбанского языка в рассматриваемую эпоху занимали, как сказано выше, районы севернее и восточнее современной зоны обитания. Авторами настоящей работы предполагается генетическая близость раннеалбанского с фракийским, если и не доходящая до полного отождествления, то во всяком случае не превышающая уровня диалектных различий. Соответственно

нуждаются в реинтерпретации некоторые факты и гипотезы, касающиеся албано- и фрако-славянских взаимодействий.

Интенсивный характер раннеалбанско-славянских контактов выражается прежде всего в значительном количестве славянских заимствований в албанском, некоторые из которых могут восходить к достаточно ранним этапам славянизации Балкан⁴⁷. Однако в данном случае нас интересуют в большей степени слова раннеалбанского (фракийского) происхождения в южнославянских языках, примеры которых мы и приведем ниже.

Упомянем прежде всего болг. *кaтeрицa* 'белка', *кaтeря ce* 'карабкаться'⁴⁸, которые В. Георгиев объяснял как заимствование из фрак. *kater- < и.-е. *(s)kok-ter- 'то, что скачет'⁴⁹. Однако он не принял во внимание наличие в алб. *ketër, kitër* 'белка', которое восходит к и.-е. *kōter-. Именно из этой формы праалб. *kōter- (дальнейшая этимология которого та же) и было заимствовано в праславянский диалект — предок болгарского — слово *kater- с закономерной передачей *ō* как праслав. *a*⁵⁰.

Другое албанское слово — *bardhë* 'белый; белая коза' получило широкое распространение не только на Балканах, но и за их пределами — в карпатском ареале. В ряде случаев посредником тут явился восточнороманский. Сомнительно, чтобы -z-/-dz-, которое мы находим на месте алб. -dh-, можно было в данном случае рассматривать как фонетическую субституцию (ср. [11, с. 115]). Более вероятно, что перед нами передача раннеалб. *bardža: рум. *bardză*, болг. *бар(д)за* 'то же', сербохорв. *бързаст* 'черно-белый' (о козе), а также ряд карпатских форм (из румынского)⁵¹.

Большой интерес представляет и проникшее из раннеалбанского в балканские языки (и далее в западно- и восточнославянские) слово: болг. *кpacун* 'рождественский день', сербохорв. ЛИ *Кpacун*, словац. *kračin*, 'рождество', венг. *karácsony* 'сочельник', рум. *crăciun* 'рождество', др.-русск. *корочунъ* 'зимний солнцеворот' и т. д. Эти лексемы убедительно и удачно возводятся Э. Чабеем и А. В. Десницкой к алб. *kërci* 'пень, чурбан' < и.-е. *kortio- с весьма правдоподобной семантической мотивировкой⁵², основанной на реконструкции ритуала сжигания пня на рубеже нового года⁵³. Не вполне оправданно, однако, мнение, согласно которому на албанской почве до конца утрачен мифологический и ритуальный смысл слова [12, с. 169]: достаточно указать здесь на алб. *kërcëj* 'прыгать, танцевать', для которого констатация связи с *kërci* служит одновременно и этимологией (< *kortio-), и свидетельством сохранности каких-то ритуальных ассоциаций (*'резать' → 'плясать'). Есть основания полагать, что алб. *kërci* было заимствовано в славянский без восточнороманского посредства, а в румынский оно попало уже из южнославянского.

Ограничиваясь здесь этими примерами, напомним, что в предшествующих разделах нами неоднократно подчеркивалось ран-

неалбанское (фракийское) посредство при заимствованиях в славянский. Мы не касаемся важного вопроса о возможности сохранения неиндоевропейской лексики в славянских языках Балкан, поскольку неиндоевропейские элементы не имеют прямого отношения к балкано-славянским языкам и даже несомненные неиндоевропейские вкрапления носят в них вторичный характер и заимствованы либо через другие балканские языки ⁵⁴, либо через языки альпийского региона ⁵⁵.

Приход славян на Балканы оказал существенное влияние и на историю славян, и на культурно-историческую эволюцию других народов Балканского полуострова. Славяне, пришедшие на Балканы, несли с собой свой, отличный от местного, хозяйственный уклад, свою социальную организацию. В этом смысле показательна та лексика, которую заимствовали славяне у балканских народов на раннем этапе колонизации. Здесь можно наметить такие тематические группы слов, как социально-хозяйственная организация (*stopaŋь, *baŝь/*baсь, faga), пастушеский быт и экономика (*vatra, *mogyla, *bar(d)za, *grivь), ритуально-религиозная жизнь (*korŝunь) и др. Говоря в более общем плане, можно сказать, что эти заимствования знаменуют для славян переход от контактов с культурами балтийского типа, осуществлявшийся незадолго до начала их движения на юг и, видимо, как-то связанный с началом этого движения (ср. некоторые специфические общности балтийских и южнославянских языков, наводящие на мысль о причинно-следственной связи между южной миграцией славян и предшествующим распадом балто-славянской общности, завершившейся как раз отпочкованием некоторых будущих южнославянских диалектов), к контактам с балканскими культурами, причем все то, что объединяет и разъединяет балтийский и балканский ареалы, так или иначе отразилось и на носителях южных праславянских диалектов.

На первом этапе заселения Балкан славяне находились в состоянии интенсивных контактов с восточными романцами и предками албанцев (в указанном выше понимании). Именно восточно-романский и раннеалбанский этносы оказали на славян наибольшее воздействие, являясь посредниками между славянскими племенами и населением соседних с Балканами районов. Не следует, конечно, упускать из виду и обратное влияние. И тем не менее общее число заимствований в южнославянские языки из балканских на этом, раннем, этапе колонизации невелико, особенно в сравнении с более поздними приобретениями южнославянского словаря, что, очевидно, отражает и коренные сдвиги в характере межэтнических отношений в начале и в конце рассматриваемого в настоящей работе периода.

Небольшое число заимствований из субстратных и адстратных языков в южнославянские языки представляется нам вполне закономерным, так как глобальное и широкое влияние субстрата и адстрата на языки-восприимчики предполагает этнические смешения и феномен двуязычия, чем, по ряду причин, не сопровождается

лась славянизация карпато-балканского пространства. Однако из этого отнюдь не следует отрицание более широких субстратных воздействий по другим параметрам — этнокультурным и даже социально-экономическим. По тонкому наблюдению В. И. Абаева, «явление субстрата предполагает этногенетический (разрядка везде В. А.) процесс, связанный с этническим смешением и сопровождающийся, между прочим, языковыми последствиями. . . Помимо языковых, явление субстрата характеризуется другими последствиями: антропологическими, этнографическими, всем обликом материальной и духовной культуры» [13, с. 51].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О чрезвычайной важности этой даты и вообще датировок Прокопия для более глубоких (дописьменных) хронологических реконструкций этнической истории славян, достигаемых средствами смежных дисциплин — археологии, лингвистики и самой исторической науки — при непрерывных свидетельствах письменных источников см.: *Гиндин Л. А.* Начальные периоды славянизации Балкан как междисциплинарная проблема. — В кн.: *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследования.* М., 1979, с. 35 сл.
- ² Специально об этом см.: *Гиндин Л. А.* К хронологии и характеру славянизации карпато-балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным). 1. — В кн.: *Формирование раннефеодальных славянских народностей.* М., 1981.
- ³ О крайне сложной этноязыковой картине в диахроническом разрезе в до- и предславянский период см.: *Гиндин Л. А.* Проблемы античной балканистики (Лингвистический аспект). — ВЯ, 1973, № 1, с. 71—75.
- ⁴ См. об этом: *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, с. 63 сл.
- ⁵ К выводам, построенным на семантике заимствованных апеллативов, следует, однако, отнестись с большой осторожностью. Их можно рассматривать как убедительные лишь в том случае, если речь идет и о параллельном заимствовании новой культурной или социальной реалии (или о ее адаптации в новых условиях).
- ⁶ Обобщение многолетних исследований этой проблемы В. Георгиевым см. в кн.: *Георгиев В.* Траките в техният език. София, 1977, с. 244 сл.
- ⁷ О проблеме сохранности фракийского населения ко времени славянской колонизации см.: *Бешевлиев В.* Проучвания върху личните имена у траките. София, 1965, с. 53 сл. и др. его работы. Следует учитывать также, что пришедшие славяне, видимо, в значительной мере были ориентированы на болгарский суперстрат своим недавним симбиозом с гуннами к северу от Дуная.
- ⁸ Подробнее см.: *Гиндин Л. А., Калужская И. А., Орел В. Э.* К вопросу о составе субстратного фонда языков балканского ареала. — В кн.: *Балканские исследования.* М., 1981, вып. 6; *Орел В. Э.* К вопросу о фракийских элементах в болгарском словаре. — В кн.: *Этимология 1980.* М., 1981, где детально анализируются болгарские лексемы *грив*, *катерица* и *руфя*.
- ⁹ См. прежде всего: *Дечев Д.* Характеристика на тракийският език. София, 1952, с. 107—109, с подробным изложением недоступной для нас принципиально важной работы: *Weigand G.* Sind die Albaner Nachkommen der Illyger oder der Thraker? — *Balkan—Archiv*, 1927, Bd. 3, S. 277—289.
- ¹⁰ См. об этом весьма убедительно: *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: *Этимология 1965.* М., 1967, с. 37.
- ¹¹ Обобщающей работы на эту тему пока нет, стоят только упоминания малоубедительные работы: *Riza A.* Concordances lexicales entre éléments roumains

- anciens et éléments relevant des aires irannienne et caucasienne. — *Studia et acta orientalia*, 1971, VIII, p. 29f.; *Poghirc C. Irano-daco-romanica*. — *Ibid.*, p. 25f.
- ¹² Алб. *stopan* 'хозяин' представляет собой довольно позднее заимствование из славянского (после завершения трансформации *st-* > новоалб. *sht-*, ср. *shtrig* 'колдун', *shtrigë* 'ведьма' < слав. *striga*).
- ¹³ Более вероятно и фонетически допустимо обратное движение: от раннеалбанского к славянскому (через восточнороманский?).
- ¹⁴ О долгой жизни этой основы в албанском говорит, видимо, и наличие связанного с ней *shtëri* 'дом' < раннеалб. **starija*, которое мы объясняем как переразложение на албанской почве основы **stapan-* и ее переоформление согласно албанской морфологической модели.
- ¹⁵ Формально этимологически допустимы все наличные решения: и о заимствованном и об исконном характере слова.
- ¹⁶ Материал см.: *Skok P. Etimologijcki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb, 1973, t. III, s. 569.
- ¹⁷ Скок поэтому не случайно говорит об этом слове как о пастушеском. — *Ibid.*
- ¹⁸ Ср. даже в ранних греческих заимствованиях: *mokëgë* < *μαχανή*.
- ¹⁹ В той или иной степени сходные точки зрения см.: *Rozwadowski J. Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi a irańskimi*. — *Rocznik orientalistyczny*, 1914—1915, I, s. 95; *Popović I. Geschichte der serbokroatische Sprache*. Wiesbaden, 1960, S. 537, 540, 613. Некоторые доводы «за» и «против» предлагаемого объяснения см. также: *Гундин Л. А. Проблемы античной балканистики*, с. 67 сл. (где поддерживается реконструкция праслав. **vatra*); *Нанр Е. Р. Strunga*. — *Балканско езикознание*, 1977, XX, № 1—2, с. 113—114; *Idem. Opuscula slavica et lingvistica*. — In: *Festgabe für A. Issatschenko*. Klagenfurt, 1976, S. 201—210. Ср. также: ЭССЯ, т. 1, с. 92—93.
- ²⁰ Подробно см.: *Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений*, с. 41—42, а также: *Vasmer M. Kritisches und Ankritisches zur neueren slavischen Etymologie*, V. — *Rocznik sławistyczny*, 1913, VI, s. 172 f.; иначе: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. М., 1967, т. 4, с. 226.
- ²¹ Этимология Миклошича (< сев.-тур. *qatun/qutan* 'лагерь' или < ит. *capitone*) и Йокля (якобы из **ka-tnto-*) не выдерживает никакой критики, см.: *Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886, S. 113; *Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanesischen*. Berlin, 1923, S. 172, 320.
- ²² *Skok P. Etimologijcki rječnik*. . . Zagreb, 1972, t. II, s. 64 (там же — гиперкритика этой этимологии).
- ²³ -d в алб. *katund* носит вторичный характер (рум. *cătun* < раннеалб. **katun-*), ср. алб. *krimb* 'червь' < **kʷgmi-*.
- ²⁴ Подробное обоснование этой этимологии см.: *Михайлович В. Заметки по этимологии сербохорватских строительных терминов. Кућа domus*. — В кн.: *Этимология 1968*. М., 1971, с. 186—188.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Л., 1959, т. 1, с. 590. Ср. значение осетинского слова и заимствованного слав. **kotъ* 'хлев'.
- ²⁷ См.: *Skok P. Etimologijcki rječnik*. . . , t. III, s. 339. Ср. и значение алб. *shtëpâ* 'сыродел'.
- ²⁸ Этот семантический переход дает возможность по-новому взглянуть на происхождение сербохорв. *баџ* 'старший пастух', зап.-болг. *бач* 'сиренар в мандра' (заимствовано из сербохорватского, см.: *Български этимологически речник*. София, 1967, т. 1, с. 37), словен. *básek* 'ягненок', чеш. *баса* «старший пастух», польск. *баса* 'то же' (с мазурением из *basza*), венг. *bacs(a)*, рум. *baci* 'пастух', греч. *μπάτσιος* 'γερωνόβαστος', для которых также реконструируется общее значение *praefectus pastoribus* при алб. *бас(ë)* 'старший брат, дядя, отец' (при обращении). Соответствующие формы мы объясняем, исходя из значения 'старший брат', как экспрессив-

ную трансформацию н.-е. *pater- (при параллельном воздействии «детских» слов типа rара, tata и под.), полностью аналогичную слав. *bata, *bat'a (подробности обоснования см.: ЭССЯ, т. 1, с. 164; Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, с. 195 сл.) Колебание -с-/-щ- в формах объясняется ранним заимствованием еще в форме *bat(j)a, албанский источник которой удостоверяется, кстати, замечательным параллелизмом семантической эволюции: алб. motrë 'сестра' < *mâtër, bac(ë) 'старший брат' < *pater.

- 29 Материал и литературу см.: Pudić I. Die altgermanischen Elemente in den Balkansprachen und die Frage des sgn. Balkangermanisch. — In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. The Hague; Paris, 1964, p. 862 f.
- 30 Мы не рассматриваем здесь широко известных восточногерманских заимствований, таких, как *skutъ, *useręzъ, *vinogradъ и др., проникших в южнославянские языки, вероятно, еще до прихода славян на Балканы, за Дунаем.
- 31 Skok P. Etimologijski rječnik. . . Zagreb, 1971, t. I, s. 97.
- 32 Другое объяснение алб. bigë см.: Орел В. Э. К истории развития протолб. dǫ-. — В кн.: Античная балканистика. 3: Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья: Предварительные материалы. М., 1978, с. 37—39.
- 33 Обращает на себя внимание наличие сербохорв. МН Под форе, словен. Faга.
- 34 Несколько готских заимствований в албанский см.: Pudić I. Die altgermanischen Elemente. . ., S. 862 f., в частности, алб. fat 'жених, супруг' < гот. -faþs.
- 35 Достоин внимания то, как технический термин коневодства, перенесенный в пастушеский ареал, изменил свое значение и стал прилагаться к масти животного вообще; ср., однако, греч. γρίβας.
- 36 Герм. *ē в письменную эпоху имело в готском тенденцию к сужению в ĩ (параллельно *ō > ū).
- 37 Материал см.: Фасмер М. Греко-славянские этюды. М., 1909.
- 38 Детально: Моммсен Т. История Рима. М.; Л., 1949. Т. 5; Budzinskiy A. Die Ausbreitung der lateinische Sprache über Italien und die Provinzien der römischen Reiches. Berlin, 1881.
- 39 Описанию далматинского языка посвящена фундаментальная монография: Bartoli M. Das Dalmatische. Wien, 1906. Bd. 1—2. В историко-лингвистическом аспекте о далматинском см.: Hadlich R. The phonological history of Vegliote. Chapel Hill, 1965; Skok P. Pojave vulgarnolatinskoga jezika na natpisima rimske provincije Dalmacije. Zagreb, 1915.
- 40 Эта позиция разработана преимущественно румынскими учеными, см.: Rosetti A. Istoria limbii române. Bucureşti, 1979, p. 205s. Одним из главных препятствий этой гипотезе служит отсутствие в румынском и далматинском единства в трактовке группы -gn-, и долгих и кратких лабиализованных гласных.
- 41 По крайней мере начиная с IV в. н. э. вследствие готского нашествия, см.: Deanović M. Remarques sur le système phonologique de l'istro-roman. — Bulletin de la Société Linguistique de Paris, 1952, v. 48, fasc. 4, p. 83.
- 42 Подробно см.: Çabej E. Zur Charakteristik der lateinischen Lehnwörter im Albanischen. — Revue de Linguistique, 1962, VII, p. 161—199.
- 43 Об архаизме румынского имеется богатая романистическая литература. См., например: Wartburg W. von. Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume. Bern, 1950, S. 1 f.; Vossler K. Einführung ins Vulgärlatein. München, 1954, S. 8f.
- 44 См.: Геров Б. Въпросът за романизацията на тракийското население в българските земи. — В кн.: Етногенезис и культурно наследство на българския народ. София, 1971, с. 33—37; Beševliev V. Über manche ältere Theorien von der Romanisierung der Thraker. — Etudes Balkaniques, 1964, t. 1, p. 147—158, см. также примеч. 7.

- ⁴⁶ Хотя и среди этих слов имеются лексемы древнего балканского происхождения, ср., например, сербохорв. *блѡвор*, рум. диал. *bălaur*, которое восходит (наряду с алб. *bullar*) к древнебалк. **bhēl-laur-* (подробно см.: *Орел В. Э.* Сербохорв. *блѡвор*. — ВМУ. Филология, 1981, № 2, с. 72—76).
- ⁴⁶ Мы стремимся терминологически различать праалбанское, раннеалбанское (= древнеалбанское) и новоалбанское состояния, понимая под раннеалбанским язык эпохи древнейшего лексического обмена между албанским и восточнороманским. «Раннерумынских», т. е. народиолатинских, заимствований в южнославянские языки мы здесь не рассматриваем. Приведем несколько примеров более поздних заимствований из албанского: сербохорв. *бѡла* 'macula frontalis' < алб. *balë*, сербохорв. *дѡр* 'вапнена земља жуте боје' < алб. *djerr* 'целина' < н.-е. **derno-* (вопреки Алессиво, видевшему здесь доиндоевропейское слово), сербохорв. *хѡра* 'слатка сурутка' < алб. *higgë*, сербохорв. *дрдуј* 'вино' < алб. *ardhi* 'лоза' (последнее, как и многие другие албанские заимствования, относится к арготической лексике, см.: *Jagić V.* Die Geheimsprachen bei den Slaven. Berlin, 1895); болг. диал. *карпа* < алб. *karpe*, болг. *порой* < алб. *perroj*.
- ⁴⁷ См. материал в исследовании: *Десницкая А. В.* Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963; ср. также: *Çabej E.* Nyrje në historinë e gjuhës shqipe: Fonetika historike e shqipërisë. Tiranë, 1960, f. 65—69. Косвенным диагностическим признаком для выделения раннего слоя славянских заимствований в албанском может служить наличие их в восточнороманском.
- ⁴⁸ Рум. *a se sățaga* 'карабкаться', вероятно, из болг. *катеря се*.
- ⁴⁹ *Георгиев В.* Траките. . ., с. 253—255; с н.-е. **skok-* это болгарское слово связывал уже Младенов (*Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския клижовен език. София, 1941, с. 233).
- ⁵⁰ Другое слово, приводимое Георгиевым как фракизм, болг. *руфя* 'молния', является поздним и локальным заимствованием из алб. *grufë* 'то же', дальнейшая история которого, видимо, связана с новогреч. *ρομφαία* 'копье, меч'.
- ⁵¹ Подробный обзор материала см.: *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. М., 1974, с. 68—69.
- ⁵² См.: *Çabej E.* Crăciun. — Studii și cercetări lingvistice, 1961, XII, p. 313—317; *Десницкая А. В.* К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. — В кн.: Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 145—171, а также: *Schütz J.* Der rumänische crăciun «Weihnachten» im Slavischen. — In: Beiträge zur Südosteuropa-Forschung. München, 1966, S. 35 f.
- ⁵³ См.: *Zojzi Rr.* Gjurmët e një kalendari primitiv në popullin t'onë. — Buletin i Institut të Shkencave, 1949, N 1, f. 100. Этот ритуал, связанный со сжиганием пня, под названием *buzëm* < **bhudhi-*, ср. название 'губы, края' — алб. *buzë*, также восходящие к **bhudhja* (см.: *Калужская И. А.* Из албано-румынских лексических соответствий. I. Алб. *buzë* ~ рум. *buză*. — СБЯ, 1983 (в печати)), в связи с характерной для этого ритуала связью с временными границами, введен в более широкий контекст в работе: *Топоров В. Н.* Πύθων, Аhi Budhnya, бѡдѡак и др. — В кн.: Этимология 1974. М., 1976, с. 3—15.
- ⁵⁴ Ср., например, сербохорв. *бѡјта*, словен. *bâjta* 'деревянная хижина', вероятно, из греч. βαϊτήс 'загрижан простор', βѡτήс 'скупта', которые, в свою очередь, из семитского названия дома: аккад. *bītu*, евр. *bajit*, араб. *bajtā*.
- ⁵⁵ Это касается, например, предыстории слав. **mogyla*, источник которого, как и рум. *măgura* 'холм', алб. *magullë* 'то же', следует видеть вопреки Хубшмиду (*Хубшмид И.* Дославянские и дороманские этимологии. — В кн.: Этимология 1967. М., 1969, с. 236—251) не в балканском доиндоевропейском субстрате, а в соседнем альпийском ареале и далее на запад, где бытует дором. **magula*. Это слово уже с Балкан проникло (возможно, через раннеалбанский?) в славянский ареал вслед за соответствующей реальней — захоронением с каменной насыпью — в противоположность тому типу захоронения (ямного трупосожжения), который прозрачно описывается славянскими и неславянскими отражениями н.-е. **grebh-/grep-*:

слав. *grovъ, алб. ghorë, рум. ghoară и др. Коллекция такого рода примеров собрана в статье: *Георгиев В.* Мним прединдоевропейски субстрат в балканските езци. — *Български език.*, 1966, № 4, с. 294—298. Не соглашаясь с Георгиевым в том, что касается балк. *magula, мы принимаем большинство его объяснений.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Гиндин Л. А.* Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата. — В кн.: *Вопросы этногенеза славян и восточных романцев.* М., 1976, с. 48—67.
2. *Procopii Caesariensis Opera omnia/Ed. J. Haury.* Lipsiae, 1963, vol. III, *Historia arcana*, XVIII, 20.
3. *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: *Этимология 1965.* М., 1967.
4. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1950. V. I.
5. *Battisti C., Alessio G.* Dizionario etimologico italiano. Firenze, 1968.
6. *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der Albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
7. *Георгиев В.* Траките и техният язык. София, 1977.
8. *Brück J.* Der Einfluss der germanischen Sprachen auf das Vulgärlatein. Heidelberg, 1913.
9. *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
10. *Lüdtke H.* Die strukturelle Entwicklung des romanischen Vokalismus. Bern, 1956.
11. *Skok P.* Etimologijcki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. T. I.
12. *Десницкая А. В.* К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. — В кн.: *Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1978.
13. *Абаев В.* Armeno-ossetica. — *ВЯ*, 1978, № 6.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОСТИ (VII—первая четверть X в.)

Сравнительно с другими славянскими народами процесс становления самосознания болгарской народности отличался рядом существенных особенностей. Во-первых, само Болгарское государство возникло двумя с половиной столетиями раньше, чем завершилось оформление болгарской средневековой народности. Во-вторых, это государство сложилось на территории, в течение нескольких веков входившей в границы Восточно-Римской (Византийской) Империи, с которой оно и далее нахо-

дилось в постоянном контакте, оказавшем серьезное влияние на славяно-протоболгарское общество, в том числе и на процесс его этнической эволюции. В-третьих, становление народности совершалось здесь в условиях симбиоза двух в этническом и хозяйственно-культурном отношении резко различавшихся этносов — славян и протоболгар. В-четвертых, в условиях этнического дуализма чрезвычайно большую роль в его постепенном преодолении в ходе VIII—IX вв. и в оформлении единой болгарской народности играли центральные органы государственной власти.

Главная трудность в изучении проблемы формирования самосознания болгарской народности как этнической общности нового, более высокого таксономического уровня (сравнительно с участвовавшими в этом процессе основными этносами) состоит в выявлении этапов и конкретных форм эволюции, приведшей, с одной стороны, к усвоению славянами «чужого» этнонима при сохранении славянского самосознания и, с другой стороны, к сохранению протоболгарами собственного этнонима при утрате важнейших элементов прежнего — тюркского этнического самосознания.

Поскольку в этом сложном процессе существенное значение имели особенности политических форм организации и хозяйственно-культурных типов обоих этносов, постольку, следовательно, становление болгарской народности может быть рассмотрено лишь в неразрывной связи с ходом общественного, политического и культурного развития славян и протоболгар, а основное внимание должно быть уделено тем компонентам в иерархической структуре их самосознания, которые свойственны не этносу вообще, а этносоциальному организму¹.

К моменту возникновения Болгарского государства и славяне и протоболгары представляли собой уже устойчивые этнические общности. Несмотря на известные отличия и оттенки, всем представителям и социальным группам славян и протоболгар было свойственно сознание их этнического единства. Оба народа еще не являлись в этот период раннефеодальными народностями, но уже были этносоциальными (этнополитическими) организмами с весьма различной хозяйственно-культурной и общественно-политической структурой. К моменту их объединения в едином государстве оба народа находились на стадии развития, соответствующей переходу в общественной сфере от военной демократии к государству, а в этническом отношении — от союзов родственных племен к народностям².

Однако процесс этнической дезинтеграции славян, заселивших Балканский полуостров, и консолидации отдельных их групп в общности нового типа был в VII—начале IX в. еще слабо выражен [1, с. 62—66; 2, с. 44—45; 3, с. 108 сл.; 4, с. 88]. Правда, некоторые этнические (диалектные) особенности отличали еще до поселения на землях империи так называемую славяно-болгарскую группу, участвовавшую в генезисе болгарской народности, от сербохорватской группы, заселившей северо-

запад полуострова³. Однако эти, главным образом фонологические, особенности были еще несущественными [1, с. 62—66]. Столь же относительной была, вероятно, и этническая гомогенность самой славяно-болгарской группы: в нее входили не только «склавины», но и анты, для которых были характерны этнические особенности⁴. Встреча двух миграционных потоков — из бассейна Вислы и Одера и из междуречья Днепра и Днестра — произошла, как упоминалось в главе I, еще близ Нижнего Подунавья [5, р. 9—28]. Для VII—VIII вв. археологически документировано присутствие и «склавинов» и антов в Малой Скифии (Добрудже) [6, р. 173]. Антские пальчатые фибулы распространены от Приднепровья до Адриатики, найдены и в Добрудже, и к западу от Стара Загора [4, с. 127—128]. Глиняные миски особой формы (крепули), характерные для антской керамики, широко представлены в Македонии [7, с. 64]. Овечьи астрагалы из детской могилы в Белграде имеют единственную известную аналогию в подобных находках под Киевом [8, S. 237—238].

Конфронтация славян с империей, несомненно, упрочила сознание их этнического единства [9, с. 52—54], но не привела к утрате племенных или региональных отличий между ними, что отчетливо выразилось в консолидации на занятых славянами землях обособленных друг от друга военно-территориальных объединений (Славиний), о которых речь шла в главе I.

Из Славиний, расположенных к югу и юго-западу от Балканского хребта, в этногенезе болгарской народности непосредственно участвовали Берзития, Драгувития, смолены, тимочане, стримонцы и др., в том числе неизвестные по наименованиям Славинии в Македонии и Северной Фракии. Однако большинство этих Славиний было вовлечено в указанный этногенетический процесс лишь с конца VIII в.—первой половины IX столетия, когда они вошли в состав Болгарии. Источники не дают, к сожалению, возможности установить какие-либо этнические и этносоциальные особенности, отличающие Славинии друг от друга, хотя, несомненно, такие особенности имелись с самого начала и могли углубляться с ходом времени. При настоящем положении источников можно только предполагать, что подобные отличия не выходили за рамки племенных.

Особенно важной в этногенезе болгарской народности была с самого начала этого процесса роль Славиний, расположенных между Дунаем и Балканским хребтом, в Мисии и в Малой Скифии, ставших колыбелью Болгарского государства. Точное время освоения славянами этих земель неизвестно. Скорее всего, это случилось в конце VI в. или в первые десятилетия после падения в 602 г. оборонительной системы империи на Дунае, хотя вторжения славян в этот регион имели место уже во второй четверти VI в.⁵ Археологический материал VII—IX столетий не позволяет определить плотность славянских поселений здесь до 70-х годов VII в. и пропорциональное соотношение славянского и протоболгарского населения после прихода воинства Аспаруха⁶.

Тем не менее вся совокупность данных письменных источников, археологии и лингвистики, как и весь ход последующей этнической эволюции в названном регионе, свидетельствуют о том, что с VII в. славяне занимали не «узкую полосу» на правом берегу Дуная⁷, а расселились по всему пространству Мисии (10, с. 8 сл.; 11, 202—203; 12, с. 20—21; 13, S. 67). Их самая крупная Славиния в этом регионе носила название «Семь родов» или «Семь племен» (ἑπτὰ γενεάς)⁸. Это наименование, независимо от решения спорной дилеммы — о «родах» или «племенах» здесь следует говорить, — было скорее всего самоназванием и отражало к этому времени уже не реальное число родов (или племен) в Славинии (14, р. 103—107), а историю ее образования.

Все известные по наименованиям Славинии образовались на землях империи в результате оседания славян компактными массами. Само переселение на Балканы могло совершаться целыми Славиниями, сформировавшимися еще к северу от Дуная (15, с. 82 сл.). Союз «Семь родов» вероятнее всего не составлял при этом исключения. Неясно, однако, сохранила ли эта придунайская Славиния часть земель на левобережье, где славяне упорно отстаивали свою независимость от аваров⁹. Еще в правление Тиверия (578—582) на требование кагана подчиниться вождь местных славян Даврентий (Добрент?) ответил, что нет такого человека под солнцем, который мог бы преодолеть «нашу силу. . . мы привыкли владеть чужой землей, а не другие — нашей» [16, с. 232 — Менандр].

Успешный поход аваров в 602 г. против антов через эти земли мог привести к усилению аварского влияния в нижнедунайском левобережье, а также послужить толчком к переселению славян на юг [17, S. 108 f., 157 f.]. Их интересы, заключавшиеся в прочном освоении занятых земель, все более расходились с интересами аваров, совершавших рейды в пределы империи главным образом ради воинской добычи [18, S. 12—19]. Во всяком случае славяне «Семи родов» и к югу от Дуная сохранили традиции борьбы с аварами. Представляется вероятным, что именно на почве вражды с аварами союз «Семь родов» вступил в договорные отношения с империей и получил статус федератов, не утратив своей автономии [19, с. 70 сл., 90—97; 13, S. 65; 20, S. 78 f.; 21, с. 27]. Вполне возможно, как полагает П. Коледаров, что союз «Семь родов» сохранил в своем владении часть земель левобережья Дуная, хотя их пределы вряд ли были столь обширны, как это указано на составленной этим ученым карте [22, с. 10 карта 1].

Мисия и Малая Скифия к концу VI в. были разорены и переживали экономический упадок. Как следует из главы II, к этому времени фракийское население стало весьма редким, часть его была романизирована [23, с. 161—171; 24, с. 49, 324; 19, с. 84]. Хотя данные топонимики (особенно микротопонимии) позволяют заключить о сохранении фракийского элемента и его контактах со славянами¹⁰, эти отношения лежали в плане не столько славяно-фракийского, сколько славяно-византийского взаимодей-

ствия [25, р. 7—9]. С согласия ли империи или без него, заселившие Мисию славяне вели себя здесь, безусловно, в качестве победителей, вытеснив часть автохтонов с удобных земель. Недаром здесь произошла почти полностью смена дославянских топонимов славянскими, а фракийские микротопонимы удержались главным образом в горной местности [11, с. 86—96, 173]. Подобная обстановка, не исключая хозяйственно-культурного влияния остатков местного населения, не могла, конечно, содействовать его общественно-политической активности.

Следы воздействия фракийской культуры на славян (в том числе на болгар) несомненны: их прослеживают в элементах праздничных обрядов, свадебных и погребальных ритуалов, в фольклорных мотивах, в деталях одежды и украшений, в специфике религиозных представлений и т. п.¹¹ Однако неясно, как отразилось фракийское влияние на самосознании болгарской народности. Вполне вероятно, что существенная часть элементов фракийской культуры, унаследованная болгарской народностью, была воспринята — и именно через славян — к югу и юго-западу от Балканского хребта. Вряд ли в таком случае этот «фракийский компонент» сопоставим с яркими признаками воздействия византийской цивилизации в целом.

Мало сопоставим по его значению «фракийский компонент» также и с последствиями взаимодействия славянского этноса на Балканах с протоболгарским. Принципиальное значение имел при этом факт более чем столетних тесных контактов славян и протоболгар до их симбиоза в пределах одного государственного союза [26, с. 20—24; 27, S. 76].

Обитавшие в V столетии в Северном Предкавказье и в Приазовье протоболгарские племена входили в середине века в гуннский союз. С этого времени часть протоболгар оказалась увлеченной в Паннонию, часть — в Северо-Западное Причерноморье и Малую Скифию, вступив при этом вскоре в непосредственное общение со славянами. В течение VI в. совместно со славянами протоболгары совершали многократные вторжения в пределы Византии [28, с. 157—169; 11, с. 190—211], но в отличие от славян они еще не оседали постоянно на землях империи.

В 60-х годах VI в. западная часть протоболгар вошла в Аварский каганат, и их контакт с подчиненными аварам славянами в Паннонии стал еще более тесным. Оставшиеся в Приазовье протоболгары составили окраинную, западную область Западно-тюркского каганата. На рубеже VI—VII вв., освободившись от этой зависимости, они создали в Приазовье собственное политическое объединение — Великую Болгарию.

Около середины VII в. Великая Болгария распалась под ударами хазар. Преследуемая ими часть протоболгар во главе с Аспарухом достигла, видимо, в середине 70-х годов междуречья Днестра, Прута и Дуная. В 30—80-х годах того же столетия несколько протоболгарских племенных объединений покинули Паннонию, уйдя от аваров в Северную и Центральную Италию и

в Македонию. Характерно при этом, что протоболгарские политические союзы, обнаруживая бóльшую сравнительно со славянскими прочность родо-племенной структуры и воинской организации, были, однако, слабо связаны между собой и оказались разобщенными большими расстояниями.

Для понимания условий и факторов вызревания болгарской народности необходимо, хотя бы кратко, сказать об обстоятельствах образования Болгарского государства, о примерном численном соотношении славян и протоболгар в Мисии и Малой Скифии, о формах их симбиоза и особенностях хозяйственно-культурной и социально-политической организации обоих народов.

Обосновавшись в междуречье Днестра, Прута и Дуная, в местности, посившей название «Онгл» (этимологически его сближают с древнеслав. «угол» или с тюркским «аул») [24, с. 40, 86; 29, с. 91—102, 169—176], протоболгары стали совершать набеги на близлежащее правобережье Дуная, где жили славяне-федераты.

Весной 680 г. император Константин IV двинул против протоболгар крупные сухопутные силы и военный флот, но потерпел поражение. На плечах отступавших византийцев протоболгары ворвались в Мисию и Малую Скифию, достигнув района Варны. Оценив стратегические преимущества местности, защищенной Дунаем, Черным морем и Балканским хребтом, они обосновались здесь, подчинив находившиеся поблизости славянские племена. При этом они переселили из этого района жителей Славинии «Семь родов» — северов¹² — из района ущелья Верегава (Ришского прохода через Балканский хребет¹³) к востоку, в приморскую область, для защиты от возможных вторжений византийцев по морскому побережью. Остальных славян «Семи родов» они переместили «к югу и западу», для охраны земель, лежащих близ аварских владений. Последовавшие затем набеги протоболгар на районы империи к югу от Балкан, находившиеся под непосредственным управлением византийской администрации, вынудили императора в 681 г. на заключение мира с Аспарухом и на выплату ему ежегодной дани¹⁴.

Характер отношений болгар Аспаруха с хазарами, задачи борьбы с империей и аварами и забота об обороне земель Онгла, а затем Мисии вряд ли оправдывают гипотезу о сохранении Аспарухом под своим суверенитетом территорий от Днепра до Дуная, по которым он отступал, теснимый хазарами, и о распространении его власти на значительные районы левобережья Дуная [11, с. 203—204; 30, р. 127; 22, с. 9—11]. Возможно, в пределы нового государственного образования вошли земли на левом берегу, входившие до этого в пределы Славинии «Семь родов». Аспарух, несомненно, овладел верховной властью над славянскими вождями Славиний. От союза «Семь родов» он отделил северов. Но обе части бывшей Славинии и после переселения сохранили внутреннюю автономию.

Перемещение славян ханом свидетельствует о его договоре со славянскими вождями, ибо им была доверена охрана наибо-

лее уязвимых участков границы. Нет оснований для уверенного вывода, что Славиния «Семь родов» объединяла всех славян Мисии и Малой Скифии и что все они были выселены протоболгарами на периферию нового государства (ср. [31, S. 72—77]). Областью первоначального расселения протоболгар стали Добруджа и восточная часть Мисии, откуда они постепенно продвигались к западу¹⁵.

Что касается вопроса о примерной численности протоболгар сравнительно со славянами, то археологические изыскания последних лет оправдывают некоторую коррекцию прежних выводов в сторону признания более значительных масштабов протоболгарского этнического элемента на первом этапе существования нового государства, однако они не подтверждают гипотезу о том, что преобладание славян в нем стало подавляющим только с начала IX в., с расширением границ Болгарии на густо заселенные славянами земли Северной Фракии и Македонии [31, S. 72 f.].

Атрибуция протоболгарам части полуземлянок, обнаруживаемых археологами, на том основании, что этот тип жилищ характерен для ареала Великой Болгарии, малоубедительна, так как эти полуземлянки существенно отличались от славянских. Части протоболгар, как и славянам, был свойствен обряд трупосожжения, но он был специфичным, легко отличим от славянского обряда и сравнительно мало распространен. Присутствие в Добрудже значительного числа «доаспаруховых» протоболгар также остается предположительным¹⁶. Какое бы этимологическое толкование ни давать наименованию «Онгл», его размеры (согласно описанию Феофана) [32, с. 263] довольно скромны для крупного скотоводческого народа.

Впрочем, известия этого автора противоречивы: с одной стороны, он пишет о недостаточных силах Аспаруха, о поисках естественно защищенной местности для поселения и приписывает победу не столько мощи оружия протоболгар, сколько панике в войске империи. С другой стороны, он говорит о том, что империя расценила появление протоболгар у ее границ как серьезную опасность, стянув против Аспаруха войска из Фракии и восточных провинций. Однако это противоречие вполне объяснимо тем, что империя была обеспокоена возможным объединением сил нового тюркского союза со Славиниями, как это неоднократно имело место ранее и как это действительно произошло в 680 г.

Борьба Византии со Славиниями была в то время ее главной задачей, и утрата суверенитета (сколь бы относительным он ни был) над славянами Мисии и Малой Скифии в случае утверждения здесь власти протоболгар грозила осложнением всей ситуации в европейских владениях империи.

Сообщаемая автором XII в. Михаилом Сирийцем цифра численности протоболгар — 10 тысяч — ныне отвергается как непомерно заниженная: цифру эту толкуют как указание только на ту группу протоболгар, которая составляла ядро сил Аспаруха, помимо возможных, более ранних протоболгарских посе-

лений в Добрудже и тех «пополнений», которые могли прибывать к Аспаруху (и его преемникам) по якобы контролируемым протоболгарами до Днестра землям [29, с. 90—92].

Цифра Михаила Сирийца, конечно, вряд ли точна, но и доводы в ее опровержение не вполне убедительны. Авары в течение двух с половиной веков господствовали над обширным и густо заселенным регионом Европы. Ядро же их сил, по свидетельству Менаандра, насчитывало едва 20 тысяч воинов, концентрировавшихся на относительно небольшом пространстве в междуречье Муреша и Кереша при их впадении в Тису. Здесь располагались не только аварские вежи и их стада, но и поселения подневольных людей и крепостные сооружения [33, Karten; 34, p. 133].

Картографирование находок протоболгарских вещей дает некоторое представление о территориях их первоначального размещения. Их основными этнообразующими признаками считаются керамика салтовского типа, юртообразные жилища и обряд захоронения, характеризуемый трупоположением по языческому ритуалу [35, с. 18 сл.; 10, с. 416; 36, с. 99; 37, с. 75—77].

Главными районами их расселения были область Плиски — Шумена, Добруджа и часть левобережья Дуная против Доростола. Однако и здесь некрополи протоболгар были окружены славянскими захоронениями либо имели совместный, двуобрядный характер [38, с. 8—17; 39, с. 94]. Даже район Плиски и территория самой столицы-лагеря носят следы пребывания здесь славян¹⁷. В целом археологические материалы VII—IX вв. с территории Мисии и Добруджи свидетельствуют о решительном преобладании славянского населения над протоболгарским и о тесных контактах обоих этносов [40, с. 409 сл.; 11, с. 203; 24, с. 49].

Поколеблено в последнее время и представление о хозяйственно-культурном типе протоболгар как о кочевом по преимуществу. Собранные данные о проявившейся еще в Приазовье среди протоболгар тенденции к оседлости, о выращивании ими злаков и о земледельческих орудиях среди принадлежащих протоболгарам вещей, известны даже глухие упоминания об их «городах» [41, с. 12—22]. Ряд терминов земледельческого быта, усвоенных венграми в период пребывания в Приуралье и Поволжье, имеют тюркское (протоболгарское) происхождение [42, s. v., 43].

Однако остается неясным, сколь постоянен для большинства протоболгар был оседлый земледельческий быт перед уходом из Приазовья и после вторжения на Балканы, какое место занимало земледелие в общей системе их хозяйства, какая часть названных элементов быта должна быть приписана подчиненным протоболгарами народам или жителям невольничьих поселений, как это было в Аварском каганате, в котором авары, вплоть до их полной ассимиляции, так и не стали в истинном смысле оседлым и земледельческим народом¹⁸.

Свидетельства византийских авторов о соседних народах страдают традиционализмом, отнюдь не вполне соответствуя реальной действительности времени записи известия. Для автора рубежа

IX—X вв. Льва VI протоболгары — скотоводы-кочевники. Если это сообщение — анахронизм для его эпохи, то, может быть, оно не столь ошибочно для VII—VIII вв., к которым восходят использованные Львом сведения. В своей «Тактике» Лев VI объединяет по особенностям быта и манере вести боевые действия венгров и протоболгар, которых, как он пишет, только христианство заставило отказаться от образа жизни номадов. Лев сообщает, что во время мира они рассеяны по родам и коленам, не работают на земле, а занимаются пастьбой коней зимой и летом; что у них нет пашен, что им нужно много земли из-за обилия у них скота и что пешими они избегают вступать в бой. Обычная их пища — кумыс, привычное жилье — шатер [44, с. 168—170]. Знаменательно, что Анастасий Библиотекарь в пересказе текста Феофана, говоря о поселении в Онгле протоболгар, пишет, что этот народ здесь *tabernaculum fixerit*, т. е. раскинул шатер [45, с. 249]. Никифор, говоря о поселении протоболгар у Варны, также употребляет глагол *σκηνοῦσι*, т. е. «раскинули шатры» [32, с. 296].

Если бы образ жизни значительной части протоболгар после поселения в Мисии и Добрудже был оседлым с самого начала, это неминуемо обусловило бы возникновение протоболгарских топонимов, так как первоначально их станы находились хотя и по соседству с деревнями славян, но отдельно от них [10, с. 429—431; 38, с. 87—105; 40, с. 409—410]. Однако сохранившиеся от того времени топонимы, если они не восходят к эпохе господства империи, — исключительно славянские, хотя известно, что и протоболгары не были безразличны к смысловой нагрузке топонимов. Плиска, Верегава, Варна, Тича — все эти славянские названия возникли до прихода протоболгар. Допротоболгарское славянское поселение Плиска стало первой столицей Болгарии, сохранив свое наименование. Точно то же следует сказать и о второй (с IX в.) столице — Преславе¹⁹. Несомненно, протоболгары частично потеснили местное славянское население, освобождая места для своих становищ, лагерей и пастбищ, но археология и лингвистика не подтверждают мысли о массовом вытеснении славян на периферию страны²⁰. Доказательство того, что часть союза «Семь родов» была поселена в долине р. Тимок, мы видим в согласованности письменных и археологических свидетельств: по сообщению Феофана и Никифора, переселенцы должны были охранять территории, соседние с Аварией, а как раз до района, лежащего против устья Тимока, на левобережье Дуная, простирается зона распространения аварских вещей [32, с. 264 — Феофан, 296 — Никифор; 33, Karten].

Оценивая уровень социально-экономического развития славян и протоболгар к моменту их объединения в одной политической организации, следует подчеркнуть: и Славинии не могут квалифицироваться как раннесредневековые государства, и Великая Болгария была еще непрочным, эфемерным союзом племен. И славяне и протоболгары находились на последней стадии развития строя военной демократии²¹.

Военное вторжение протоболгар в район мало зависимых от империи славян-федератов, совпадение внешнеполитических интересов формирующейся знати обоих народов (задачи совместной борьбы с Византией и аварами), сохранение внутренней автономии Славиний определили возникновение политической системы более высокого типа, чем Великая Болгария и Славинии, хотя на первых порах образовавшееся под эгидой протоболгар в 680—681 гг. государственное объединение представляло собой в подлинном смысле слова еще не развитое государство, а его фундамент.

Устойчивость нового политического организма обуславливалась синтезом двух хозяйственно-общественных структур, в ходе развития которых именно социально-экономическая система земледельческих Славиний обеспечила возможность регулярной аккумуляции средств в масштабах всей подвластной центральной власти территории страны. Поэтому, несмотря на захват протоболгарами верховной власти, их доминирующую роль в военно-политической сфере, резкую обособленность на первых порах от славян в области быта, языка, хозяйства, религии, возникшее государственное объединение представляется точнее определить как славяно-протоболгарское, а не только как протоболгарское [46, с. 237; 25, р. 15—17]. Несмотря на определенный континуитет политических институтов у переселившихся из Приазовья протоболгар от Великой Болгарии, Болгария с самого начала не была осколком этого аморфного союза племен, не являлась новым средневековым тюркским каганатом, где господствующее племя представляло собой вооруженный народ, вся организация и формы быта которого были подчинены целям подавления иноплеменников, сбора дани и грабежа соседей [47, с. 8—11; 22, с. 10 сл].

Все известные в науке на сегодняшний день институты власти протоболгар [48, с. 133—157; 49, с. 125—152; 32, S. 72] восходят к военно-политической системе кочевого скотоводческого народа, но территориально-административное значение эти институты приобрели только тогда, когда они потеряли былую тесную связь с кочевой тюркской традицией. Славинии Болгарии, обязанные уплачивать дань и нести воинскую службу в пользу центральной власти, оставались в течение почти полутора веков под управлением собственных князей; даже утратив в 20—30-х годах IX в. (в ходе реформ Крума и Омуртага) автономию, Славинии легли в основу административного деления феодального государства [50, S. 202—219; 27, S. 73; 51, с. 40—48; 52, с. 385 сл.].

Хотя, по заключению антропологов, физический облик значительной части протоболгар Аспаруха уже не был чисто монголоидным [53, с. 71—73] и хотя они уже имели длительный опыт общения со славянами, они сохраняли свой собственный язык, а их этническое самосознание резко отличалось от славянского. В иерархии их представлений о себе как об этносе было вполне отчетливым сознание того, что протоболгары входят в обширную этническую общность тюркских народов. Судить об этом позво-

ляет «Именник болгарских ханов» — памятник, первая часть которого была составлена еще в правление Аспаруха (Еспериха). Об Аспарухе там сказано, что он стал ханом «по сю сторону» Дуная и правит «доныне» [47, с. 7]. «Именник» перечисляет пять предшественников Аспаруха, которые обладали властью «по ту сторону» Дуная и происходили в большинстве, как и Аспарух, из рода Дуло. Первого из этих ханов — Авитохола обычно отождествляют с повелителем гуннского союза Аттилой [47, с. 6, 10—11].

Итак, протоболгарам было свойственно сознание континуитета власти правящего рода Дуло, который сохранил свое господствующее положение и в Мисии. Мало того: преемственность власти рода Дуло возведена, если только верно отождествление Авитохола с Аттилой, к эпохе, когда протоболгары (во главе со своими племенными вождями) входили в гуннский политический союз. Легенда лишь превратила подлинного главу многоплеменного союза в родоначальника протоболгарских ханов. Нечто сходное имело место в официальной пропаганде и христианских государей средневековой Европы, стремившихся возвести свой род либо к Константину I, либо к Карлу Великому.

Доказательством наличия у протоболгар представлений об их единстве с восточным миром [54, р. 403—405] является, может быть, и фраза «Именника» о том, что предшественники Аспаруха правили за Дунаем 515 лет «с остриженными головами» [47, с. 17]. По данным византийских авторов, авары, как и венгры, соблюдали правило, по которому не стричь волосы имели право лишь причастные к правящему роду²². Согласно контексту «Именника», перейдя Дунай, Аспарух перестал брить голову. Однако это право, видимо, не распространялось на его подданных: даже в X в. посол болгарского хана в Константинополе был брит «по обычаям мадьяров» [55, S. 185]. Нельзя ли предположить, что вопреки легенде об Аттиле как родоначальнике рода Дуло протоболгарские ханы за Дунаем брили головы потому, что находились в зависимости от гуннов, аваров и хазаров^{23?}

О связях с восточным миром говорит и подражание протоболгар аварской моде; обладание аварскими вещами связывалось у них с представлением о престижности. «... Болгарам нравились одежды аваров, — сказано в лексиконе «Суда», — они сменили свое платье на аварское и доныне ходят, одетые таким образом». У «скифских» (для того времени по преимуществу тюркских) народов, говорит Феофилакт Симокатта, племя аваров считалось наиболее искусным, так что, чтобы устрашить врагов, некоторые племена, не имея на то оснований, принимали имя аваров [56, с. 308; 57, с. 211 сл.; 16, с. 338—339 — Феофилакт Симокатта]. Признавая величие аваров, протоболгары, однако, были горды тем, что стали независимыми. Все это хорошо сознавали соседи — современники Болгарии эпохи Симеона: патриарх Николай Мистик, желая уязвить самолюбие царя, напомнил ему в письме, что протоболгары — лишь «осколок» аваров, их беглые рабы и невольники [44, с. 217].

Сознание этнической общности с тюрками сочеталось у протоболгар с четким представлением об индивидуальных особенностях их собственного этноса. Еще до поселения на Балканах протоболгары, разделяясь на племена и племенные военно-политические союзы, сознавали свое этническое единство. Согласно свидетельству Менандра часть протоболгар сожалела, что кутригуры и оногундуры (оногуры) воюют за верховенство, ибо война взаимно ослабляла силы враждующих, между тем как это — племена-братья, говорящие на одном языке, живущие в одной местности, имеющие одинаковый быт; их отличает, по словам хрониста, лишь то, что они находятся под властью разных вождей [16, с. 220]. Иначе говоря, сознание отличий в среде протоболгар было в это время не собственно этническим, а этнополитическим. Протоболгары Аспаруха и после переселения сохранили свое самоназвание («болгары»), от которого было образовано и наименование их государства. Этот факт, независимо от этимологии этнонима (означает ли он соболя, ласку или подобное животное либо равнозначен понятию «непокорного», «мятежного» племени) [58, с. 5—15; 59, с. 42—45; 60, с. 301—302], свидетельствует, несомненно, об устойчивости чувства этнической общности у протоболгар того времени.

Составление «Именника» служило целям обоснования «законности» и «благородства» власти протоболгарских ханов. Идеи этого документа должны были стимулировать у протоболгар чувство гордости своим историческим прошлым и сознание превосходства над подчиненными их высшей власти славянами. Идеино-политическое содержание «Именника» находилось в прямой конфронтации с исторической памятью и самосознанием населения подвластных хану Славиний [61, с. 254].

В пределах единого государственного образования на первом этапе, видимо, на разном правовом статусе оказались два народа, резко отличные друг от друга и по хозяйственно-культурному типу, и по социально-общественной структуре, и по самосознанию. Сплоченная и строго организованная — прежде всего в военных целях — общественная структура протоболгар, характеризующаяся устойчивыми родовыми связями, деспотичной властью хана (жреца и военачальника) и крайней консервативностью традиционных форм хозяйства и быта, противостояла относительно более демократической общественной и военно-политической организации Славиний, основанных на общинном землепользовании и сохранявших под главенством племенных вождей традиции народных собраний (ср. [22, с. 10 сл.]).

Нет оснований предполагать состояние некоей социальной и политической гармонии внутри государства между знатью обоих этносов и в отношениях рядовых земледельцев и скотоводов, хотя, как упоминалось, их внешнеполитические интересы совпадали [21, с. 26—27; 46, с. 237].

Знаменательно, что, когда Славинии Северной Фракии и Македонии особенно упорно противостояли империи, они не всту-

пили в союз с протоболгарами, также воевавшими с нею. Успехи ханов по «собираанию» славянских племен на Балканах под своим скипетром были тогда еще весьма скромными. Болгары правят страхом, а не любовью, писал еще в начале VII в. Маврикий [16, с. 137]. О том же говорил и Лев VI, отмечая жестокость хана к непокорным подданным и одновременно — свободолюбие славян, не желавших подчиняться насилию иноземцев [44, с. 168, 173]. Новая фаза в отношениях Болгарии с окружающими ее славянами наступила лишь в начале IX в., когда появились явные признаки глубоких этнических сдвигов в самом протоболгарском обществе, когда возросла общественная роль славянской знати, а официальное право стало единым для представителей обоих этносов.

Фактора политического верховенства оказалось недостаточно не только для «протоболгаризации» славянского населения, но и для сохранения протоболгар как особого этноса. Относительная малочисленность протоболгар и бесперспективность — в новых условиях — их хозяйственно-культурного типа сыграли, по-видимому, решающую роль. Формировалась новая народность, сознание этнической принадлежности к которой определялось, однако, прежде всего славянскими этническими чертами. Перестройка самосознания славян была лишь частичной — в сфере его социально-политических компонентов (усвоение чужого этнонима «болгары», означавшего сначала подданство государству «Болгария»). Трансформация же самосознания протоболгар была связана с ассимиляцией и носила более глубокий характер: они сохранили прежний этноним, но утратили этнический облик и сознание общности с тюркскими народами; их потомкам, как и потомкам славян, было свойственно чувство славянского единства.

О том, как конкретно протекал этот сложный процесс, можно судить, к сожалению, лишь по косвенным и весьма скудным данным. Через весь VIII и начало IX столетия проходят известия о том, что и сами подданные Болгарии, и представители иных стран отчетливо различали в составе населения Болгарского государства два основных этноса, как понимали и то, что политически главенствовали в нем именно протоболгары. Подчеркивая, что войска хана состояли из «подчиненных ему болгар и славян» [32, с. 64 — Георгий Писиды, 267 — Феофан, 305 — Никифор; 43, с. 13 — Ватиканский аконим, 23 — Аноним], византийские авторы все чаще стали распространять название господствующего этноса на всех жителей государства [62, р. 403].

Процесс сближения двух этносов носил естественноисторический характер, заняв собой целую эпоху. Нет сведений о том, что протоболгарская знать принимала специальные меры по утверждению в среде славян своих норм быта, языка, обычаев, религии²⁴. Наличие двуобрядных, одновременно функционировавших некрополей (со славянским трупосожжением и протоболгарским трупоположением) свидетельствует о взаимной веротерпимости обоих народов. Религиозная нетерпимость протоболгарских властей обращалась против той идеологии (в ее религиозной форме),

носители которой представляли военную опасность для Болгарии, — против христианства. Но и эта нетерпимость ярко проявилась лишь тогда, когда христианство стало проникать в Болгарию в среду ее высшей знати. Позиция славянской аристократии в это время была, видимо, сходной, несмотря на различие форм язычества у протоболгар и у славян.

Характерно в связи с этим изменение терминологии протоболгарских надписей (на греческом языке) при обозначении жителей империи. Сначала для этого использовался термин «греки», воспринятый протоболгарами, несомненно, у славян, которые заимствовали его, вероятно, у романизированного населения северобалканских провинций империи, вкладывавшего в это понятие, как и римляне в I—II вв., помимо этнического, также уничижительный смысл. Термин «ромей» в надписях весьма редок: он встречается только в надписях-договорах, пересказывавших текст документов, в которые он был внесен, разумеется, византийской стороной. Со второго десятилетия IX в. наряду с термином «греки» встречается и термин «христиане» [63, с. 115, 117, 127, 133, 162, 164, 171]. По-видимому, конфронтация Болгарии с Византией обретала остроту и в религиозной сфере. Меры константинопольского правительства по христианизации Славиний, лежавших между Византией и Болгарией, воспринимались и болгарскими ханами, и славянскими архонтами как действенное в руках императора средство идейно-политической борьбы, угрожавшее Болгарии изоляцией. От времени Крума и Омуртага (803—814; 814—831) идут известия о жестоких гонениях на христиан в Болгарии, когда в ее пределы вошли земли Северной Фракии и Македонии со славянским, уже отчасти христианизированным населением. Об остроте вероисповедных противоречий между славянами и византийцами говорит тот факт, что в 822—823 гг., когда окруженным славянским союзникам узурпатора Фомы Славянина император предложил либо принять крещение и так спасти свою жизнь, либо погибнуть, они предпочли смерть в неравной борьбе [45, с. 27 — письмо Михаила II Людовику Благочестивому].

Общий для славян и протоболгар отказ признать «греков» в качестве «ромеев» (т. е. римлян) означал, возможно, что они отвергали официальную имперскую доктрину, согласно которой константинопольская (греческая) империя выступала как законная преемница Римской империи ²⁵.

Сохранение протоболгарами и славянами верности традиционным формам язычества являлось одним из факторов взаимного разобщения двух народов и консервации этнических отличий. Официальные религиозные церемонии при ханском дворе, видимо, исключали участие в них славянской знати, что, несомненно, могло восприниматься как признак ее неполноправности. В этих условиях проникновение христианства в Болгарию и его постепенное распространение оказывались важным средством преодоления барьера в этническом самосознании двух этносов, фактором формирования новой (идеологической) общности, независимой

от этнических различий. В условиях преследований христиан эта общность цементировалась еще теснее и вела при численном преобладании славян к быстрой ассимиляции принявших христианство протоболгар. В историографии широко признано положение, согласно которому вскоре после принятия христианства в Болгарии, в целом — ко второй четверти X столетия — процесс формирования единой болгарской народности был в основном завершен [11, с. 283 сл.; 24, с. 82, 83, 96, 152; 64, с. 12—22].

Этот трудный и далеко не бесконфликтный процесс совершался с разной степенью интенсивности в разные периоды, в различных социальных слоях и группах. Он осложнялся, кроме того, соперничеством с Византией, вмешивавшейся во внутреннюю политическую жизнь Болгарии, где империя имела своих приверженцев в рядах знати [32, с. 271—272 — Феофан]. В отношениях славян и протоболгар в VIII—начале IX в. неоднократно возникали враждебность и отчуждение.

Особенно острым внутриполитическое положение в Болгарии было в середине VIII столетия: оно было обусловлено не только славяно-болгарским антагонизмом внутри господствующего класса, но и расколом среди высшей протоболгарской аристократии [65, с. 31—35; 66, р. 20—39]. Об этнических и политических противоречиях между протоболгарской и славянской знатью свидетельствует составление около 767—768 гг. второй части «Именника болгарских ханов», пронизанного идеей величия правящей (тюркской) династии [47, с. 7—8]. Об этом же говорит и ход событий, связанных с поведением во время болгаро-византийских войн славянского объединения северов, сохранявших в пределах Болгарии автономию. Архонт северов Славун в 764 г. вел самостоятельные боевые действия против империи в Северной Фракии даже тогда, когда хан заключал перемирие с императором [32, с. 272 — Феофан].

Незадолго перед этим, после дворцового переворота 762 г., имело место массовое бегство славян из Болгарии. Однако когда новый хан выступил вскоре против Византии, он имел «в качестве союзников 20 тысяч из соседних племен», т. е. из славян [32, с. 271 — Феофан, 303 — Никифор]. Заключая мир с империей, ханы добивались возвращения славян в пределы Болгарии, на места их прежнего поселения; особенно строгие меры принимали протоболгарские власти по охране границ, препятствуя уходу из страны своих подданных [45, с. 84 сл.; 63, с. 152, 159—160]. Таким образом, можно полагать, что в этот период часть славянских архонтов в Болгарии активно содействовала хану в его внешнеполитических (и, возможно, внутриполитических) акциях, другая же, напротив, либо открыто переходила на сторону империи, либо помогала ей тайно. Ожесточенной борьбой были ознаменованы 60—70-е годы и среди высших правящих кругов: в течение пяти лет последовали четыре переворота. Византийские приверженцы действовали в самой Плиске, при дворе хана [32, с. 271, 275 — Феофан, 304 — Никифор; 67, S. 363—367; 47, с. 7].

Еще более сложной и противоречивой, чем поведение славянских архонтов в Болгарии, была позиция славянской знати Северной Фракии и Македонии. К концу VII—началу VIII в. часть Славиний этих районов оказалась под суверенитетом империи, но власть ее здесь была номинальной. Вместе с тем Македония оставалась почти до конца VIII—начала IX в. вне активных действий Болгарии.

В историографии иногда придается особое значение факту поселения в Македонии вскоре после прихода в Мисию Аспаруха так называемой «протоболгарской дружины» Кувера, что позволяет существенно сблизить ход этногенетического процесса в забалканской Болгарии и в данном регионе: и тут и там, при преобладании славян, налицо политически активный протоболгарский элемент [11, с. 208; 68, с. 10].

В 685 г. Кувер в качестве федерата империи поселился вместе со своей дружиной на Керамисийском поле (район Битоля и Прилепа) [32, с. 159 сл. — «Чудеса св. Димитрия»]. Снабжать продовольствием новых союзников император обязал живших поблизости и уже подвластных империи драгувитов. Подлинные планы Кувера состояли, однако, в основании собственной государственной организации с центром в Фессалонике. Заговор с целью ее захвата был раскрыт, сподвижники Кувера, а скорее всего и он сам, были схвачены. Гипотеза о том, что протоболгары Кувера играли в союзе со славянами этих мест видную политическую роль еще в первой четверти VIII в., нуждается в дополнительном обосновании²⁶.

Известно, что Кувер (предполагаемый брат Аспаруха) никак не координировал с ним своих действий [11, с. 208—209]. В объединении Кувера протоболгары представляли лишь его ядро, а основная масса состояла из славян, родившихся в Паннонии от смешанных браков и потомков плененных ромеев, которые в своем большинстве покинули Кувера после прихода на земли империи. Драгувиты не были союзниками Кувера: они несли дополнительные тяготы по содержанию его воинства. Среди вождей дружины Кувера не было единства: заговор с целью захвата Фессалоники раскрыл императору собственный сын ближайшего соратника Кувера Мавра [32, с. 162 сл., 165 — «Чудеса св. Димитрия»]. И главное — нет никаких данных о сохранении протоболгарского объединения в Македонии после провала заговора, т. е. после 687 г. Представляется важным указание на крайнюю малочисленность протоболгарского этнического элемента в Македонии даже сравнительно с его удельным весом в самой Болгарии в VII в. [11, с. 237].

Тем не менее события, связанные с приходом дружины Кувера, а затем с заговором Артемия, пытавшегося в 718 г. вновь захватить престол (ему помогали славяне Южной Македонии и пытались содействовать правящие круги Болгарии) [63, с. 99—100; 66, р. 5, 20—39; 69, р. 499], показали, что славяне этих мест

не только сохраняли враждебность к империи, но и преследовали собственные политические цели.

До начала IX в. славяне Македонии не обнаружили отчетливого тяготения к объединению с Болгарией. Поведение части славянской знати этого региона было непоследовательным и позже, до середины IX в. В 773 г. Телериг стремился не столько к захвату этих земель (Славинии Берзития), сколько к переселению их жителей в Болгарию [32, с. 274 — Феофан]. Об этом же свидетельствуют и статьи болгаро-византийского договора 815 г. [63, с. 152 сл., 164 сл.].

Колеблущуюся позицию Славиний, за которые вели борьбу Болгария и Византия, можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, эти славянские объединения еще старались отстоять свою независимость от обеих соперничающих держав [45, с. 320 — Лиутпранд]. Во-вторых, славяне еще не признавали безоговорочно Болгарию как политическую организацию своих соплеменников. Смолены то помогали Круму против империи, то отходили от союза с Болгарией [70, с. 34—35].

Но обстановка постепенно все-таки менялась. В 809 г. Сердика (София) сдалась Круму без боя. Никифор I, оценив ситуацию в Македонии, принял превентивные меры во время войны с Болгарией, силой переселив сюда византийцев из разных фем, чтобы создать здесь опору своей власти и помешать росту симпатий местного населения к Болгарскому государству²⁷.

В первой половине IX в. чаша весов в борьбе за Македонию склонилась на сторону Болгарии, поглотившей большую часть этого региона с преобладающим славянским населением. Присоединение этих районов, несомненно, ускорило завершение процесса ассимиляции протоболгар, приведя остатки этого этноса в еще более дисперсное состояние [31, S. 72 f.]. Весьма существенным для формирования самосознания болгарской народности присоединение Македонии было также потому, что сопровождалось резким усилением влияния христианства, уже довольно распространенного в этом регионе [71, с. 45—52; 72, с. 142]. Оно усилило и позиции той части славянской и славянизированной протоболгарской знати, которая склонялась к принятию новой религии.

Что касается роли славянского населения левобережья Дуная, где Болгария при Круме и Омуртаге значительно увеличила свои владения, то эта проблема еще слабо изучена. Трудно судить, сколь длительным (и на всех ли этих территориях) было господство Болгарии в этом регионе до вторжения мадьяр и печенегов (см. [22, с. 12—13 и карта 2]). Представляется справедливой точка зрения В. Тыпковой-Заимовой, что население задунайских владений Болгарии было в целом мало причастно к этногенезу болгарской народности [25, р. 7, 9, 20; 73, с. 32—33].

Сведения источников о задунайских землях Болгарии интересны, однако, для рассматриваемой проблемы в нескольких отношениях. Во-первых, не лишено значения, что болгарская

экспансия оказалась успешной именно в том регионе, где славяне вели непрекращавшуюся борьбу против господства аваров [52, с. 281—292; 66, с. 35].

Во-вторых, в связи с этими землями упоминается о реформе Крума и Омуртага, заключавшейся в ликвидации автономии Славиний и введении новых административно-территориальных округов (комитатов); местные племенные архонты были заменены комитами — непосредственными представителями центральной власти в провинциях [45, с. 38 — Эйнхард]. Эта реформа означала ликвидацию славянского племенного партикуляризма и одновременно упрочение власти хана над высшей протоболгарской аристократией²⁸; реформа, несомненно, содействовала процессу консолидации новой, болгарской этнической общности.

В третьих, данные о присоединенных Крумом и Омуртагом землях позволяют сделать вывод о том, что на пути преодоления племенного партикуляризма центральная власть еще встречала значительные трудности: славянские архонты абодритов-преденецентов (на левобережье Дуная), как и гудусков и тимочан, пытались выйти из состава Болгарии, сохранив свою автономию ценой признания суверенитета Франкской империи [45, с. 35—36 — Эйнхард, 51 — Житие имп. Людовика]. Примечательно, что Славиний имели свои административные центры²⁹: «Баварский географ» упоминает пять «городов», подвластных болгарам к северу от Дуная [52, с. 292].

Основным хранителем духовных ценностей протоболгар как этнополитического единства являлась их высшая аристократия во главе с ханом, исполнявшим также сакральные функции. Об этом свидетельствуют и упомянутый «Именник», и протоболгарские надписи, славящие хана и его соратников (с указанием, как правило, их протоболгарского рода [63, с. 212—225]), и назначение на высшие посты в аппарате управления представителей протоболгарской знати [48, с. 133 сл.], и публичное принесение ханом жертв своим божествам [32, с. 289 — Феофан], и «защита их чести» в дискуссиях хана с христианами [74, с. 111]. Традиции протоболгарского самосознания оказались наиболее живучими в среде протоболгарской аристократии. Она и была инициатором восстания в десяти комитатах против Бориса в 865 г. непосредственно после принятия христианства; ее остатки в 893 г. были основной пружиной заговора с целью возврата к язычеству [70, с. 108 сл., 462 сл.]. Объективно эта позиция крупного протоболгарского боярства замедляла процесс консолидации господствующего класса и поддерживала в обществе сознание этнической разобщенности населения страны [75, с. 25 сл.]. Положение внутри государства и его внешнеполитические задачи требовали сближения со славянской знатью. Этнический дуализм в условиях обострения социальных противоречий и усиления военной мощи империи грозил серьезными последствиями.

Процесс имущественной дифференциации среди основного населения страны обусловил рост экономического и социального

могущества славянской знати, все меньше мирившейся с отстранением от участия в центральном государственном управлении. Политика подавления оппозиции большинства господствующего класса не обещала успеха протоболгарским правящим кругам уже в конце VII в., и формы их сотрудничества со славянскими вождями были, видимо, с самого начала гораздо более гибкими и конструктивными, чем это имело место в Аварском каганате. С ходом же времени уступки хана славянской знати должны были возрастать.

Само положение дел в стране вынуждало протоболгарскую аристократию к билингвизму, к овладению языком большинства подданных государства. Видные соратники протоболгарина Кувера владели славянским языком [32, с. 160—161 — «Чудеса св. Димитрия»]. Преодолению знатными протоболгарами языкового барьера должны были содействовать, во-первых, постоянные контакты со славянами не только в общественной сфере, но и в домашней обстановке, так как славяне составляли основную часть все более растущего числа подневольных людей во владениях аристократии. Во-вторых, среди знатных протоболгар, как свидетельствуют и письменные и археологические источники, было распространено многоженство [38, с. 9 сл.; 32, с. 165 — «Чудеса св. Димитрия»; 4, с. 20; 45, с. 99 — ответы Николая]. Преемственности этнического самосознания между поколениями у тюрков не противоречили браки с женщинами из другого этноса. Но в условиях решительного преобладания славян, даже при строжайшем патриархате, такие браки ускоряли процесс эрозии протоболгарской общности. Протоболгары Кувера еще в Паннонии умножили свои ряды благодаря бракам с пленными византийками, и дети от этих браков унаследовали не только язык матерей, но и другие важные черты их самосознания: приверженность к христианству, мечту о возвращении в империю как родину их предков [32, с. 274 — «Чудеса св. Димитрия»]. В-третьих, к учащению браков со славянками протоболгар побуждало то обстоятельство, что их роды и семьи уже были тесно переплетены узами кровного родства, становящимися препятствием к новым брачным союзам. В-четвертых, усложнение аппарата власти, умножение административных пунктов, требовавших постоянного присутствия должностных лиц и гарнизонов, ускоряли переход к оседлости — по славянскому прототипу — значительного числа и знатных и рядовых протоболгар. Как внутренний, так и внешний город Плиски, а в особенности Преслава, несмотря на сохранение планировки укрепленного тюркского лагеря, быстро обрели черты раннесредневекового поселения городского типа [76, с. 13; 77, с. 52—56]. Когда Никифор I в 811 г. захватил Плиску, он разорил нивы местных жителей, перебил их скот (волов, свиней), ограбил жилища, огороженные деревянными изгородями, обследовал даже чердаки и, наконец, сжег город [32, с. 282 — Феофан]. Все это уже никак не похоже на аул скотоводов. Это был средневековый город, и ассимиляция в нем протоболгар была особенно интенсивной.

Задачи усложнившегося государственного управления обусловили использование в делопроизводстве греческой письменности и греческого языка. Тюркский язык протоболгар не смог, следовательно, и в этой сфере в отличие от латыни римлян и греческого византийцев послужить средством ассимиляции славян. Впрочем, среди части славянской аристократии могла проявиться тенденция к сближению с протоболгарами через узы родства, усвоение языка, нравов. Вопреки общему правилу на некоторых поминальных надписях не указан род усопшего или погибшего. Возможно, эти надписи посвящены людям не протоболгарского, а славянского происхождения (хотя они и носят тюркские имена), ибо именно на надписях со славянскими именами нет указаний на род умершего [63, с. 173—180, 230, 234; 78, р. 90—95; 79, S. 245—254; 80, S. 235—244]. И все-таки следует признать, что тенденция к «протоболгаризации» в среде славянской знати не получила развития.

Не менее сложен вопрос о славянизации рядовых протоболгар. Известно о крайне медленных темпах перехода кочевников к оседлости: такой переход вел к глубокой трансформации всего жизненного уклада и самого самосознания этноса [81, с. 326—328; 82, с. 335—360]. Расположение протоболгарских некрополей VII—IX вв. говорит о том, что протоболгары стремились селиться компактными колониями. Однако новые природные и политические условия, в которых они оказались, не способствовали сохранению прежнего хозяйственно-культурного типа. Здесь не было открытых степных пространств. Амплитуда перегонов скота должна была неминуемо сократиться³⁰. Подавляющая часть удобных земель к тому же была освоена славянами под земледельческое хозяйство, и насильственное сокращение этих хозяйств в крупных масштабах ради высвобождения земли под пастбища грозило ослаблением экономического потенциала государства, в чем не были заинтересованы высшая знать и ханский двор. Возможно, что часть протоболгар стала практиковать ту форму скотоводства, которая была веками освоена на Балканах автохтонами, т. е. пастушество. Характерно, что протоболгарские ранние поселения были «сдвинуты» именно к причерноморскому побережью. Традицию же пасты зимой скот у моря, в условиях более мягкого и влажного климата, пастухи-влахи на Балканах сохраняют до сих пор [83, р. 671—672; 84, р. 27]. Такие пастушеские поселения протоболгар, если они вообще возникали, должны были, несомненно, появляться или по соседству со славянскими, или как совместные, славяно-протоболгарские. Напомним, что протоболгарские топонимы от этой эпохи неизвестны.

Содействовала сближению протоболгар со славянами и воинская служба: совместные походы упрочивали чувство воинской солидарности.

В условиях Балканского полуострова славяне представляли более перспективный хозяйственно-культурный тип, и переход к нему ассимилируемых протоболгар был предопределен ходом

развития их общества. Обретавшие оседлость в иноэтнических поселениях, они уже через несколько поколений теряли свое прежнее этническое самосознание [85, S. 274—275]. Согласно сообщению византийской анонимной хроники первой четверти IX в., в Константинополе на хлебном рынке стояла статуя, изображающая «болгарина, который пашет на воле, как бы намереваясь проложить борозду в земле» [32, с. 224].

Славянизация массы протоболгар совершалась, скорее всего, не путем медленной и постепенной эволюции их быта и самосознания одновременно у всех представителей этноса, а через поглощение их отдельных контингентов славянской средой. Это предположение оправдывается, кажется, тем фактом, что археологические следы протоболгар с IX по XI в. становятся все более редкими. Прогрессирующему убыванию тюркского элемента в Болгарии содействовали также имущественное расслоение и вовлечение в зависимость обедневших протоболгарских семей и гибель части мужского населения в многочисленных сражениях.

Что же касается рядовых подданных хана — славян, то в отличие от славянской аристократии условия для их протоболгаризации практически отсутствовали. Славяне-крестьяне могли усвоить минимум протоболгарских слов (титулатура должностных лиц, названия божеств, воинские термины, наименования специфически протоболгарских предметов быта, может быть, слов, выражавших элементарный счет и понятия времени [86, с. 57—61; 87, с. 87—92], — в «Именнике» эти слова оставлены без перевода на староболгарский), но крестьянин в VIII—IX вв., живущий в пределах славянских объединений, крайне редко общался с протоболгарскими чиновными лицами. Его непосредственными властями были здесь старейшины, жупаны и князья из его единоплеменников. Во главе воинских соединений из славян стояли также военачальники-славяне³¹. При подавляющем большинстве славян и при царившей в их среде (по крайней мере за пределами узкого круга знати) моногамии [88, S. 64 f.] проникновение тюркского элемента в славянские семьи было крайне незначительным. Признаки протоболгаризации славян как этнической общности в источниках неразличимы, тогда как следы славянизации протоболгар ясно проступают с конца VIII в. Так, уже протоболгарские надписи этого времени при передаче собственных имен, топонимов и протоболгарских титулов и должностей обнаруживают влияние славянской речи [63, с. 57—58].

На рубеже VIII—IX вв. хан Крум уже не делал в изданных им законах никаких различий между своими подданными по этническому принципу [89, с. 631—644]. После разгрома войск Никифора I хан пировал вместе со славянскими архонтами, воздавая им должное за их вклад в победу; послом Крума в Константинополь был славянин Драгомир [32, с. 283, 285 — Феофан]. Среди приближенных хана появились и другие лица со славянскими именами (Славна, Коловр) [63, с. 220, 221, 224—225]. Как и славяне, поселившиеся на Балканах ранее протобол-

гар, ханы все чаще стали называть свою страну «родиной», «отечеством», «землей, в которой родились» [63, с. 117; 90, с. 3—19; 91, с. 12—31]. Болгария становилась совместной отчиной всех жителей страны. Согласно «Ответам папы Николая на вопросы болгар», правящие круги Болгарского государства в середине IX в. уже не усматривали серьезных этнических отличий в образе жизни, нравах и обычаях подвластного им населения. Бесспорно протоболгарскими можно признать лишь три-четыре черты, упомянутые в этом обширном памятнике (использование конского хвоста в качестве воинского штандарта, двоеженство, прием пищи, сидя на земле, ношение шаровар женщинами [45, с. 87, 93, 99]).

Известно, что выбору имени в средние века придавалось большое значение: были имена, излюбленные в данном роде, семье, имена имели значение талисманов и т. д. Тем примечательнее, что трое из сыновей Омуртага — Енравота (Воин), Звиница и Маломир — получили славянские имена. Енравота к тому же был первым представителем правящей династии, принявшим крещение в условиях гонения на христиан [92, с. 212; 11, с. 250—251; 93, р. 504—509]. Еще до официального принятия христианства в титулатуре хана и в инсигниях его власти появились не свойственные протоболгарам традиции: была введена официальная формула «от бога архонт» [63, с. 139—140; 11, с. 317; 70, с. 45—47; 94, р. 293], корону хана увенчивал по византийскому образцу крест [95, с. 29—30]. Все это свидетельствовало о постепенной утрате даже высшей протоболгарской аристократией своего прежнего этнического самосознания.

Как упоминалось, следы протоболгарского этноса прослеживаются до XI в. Это не дает, однако, оснований для заключения, что лишь началом этого века и следует датировать ликвидацию в стране «этнического дуализма»³². Понятие «этнический дуализм» представляется преувеличением при характеристике этнической ситуации в стране даже для середины IX в. Уже ко времени крещения Болгарии процесс славянизации протоболгар вступил в стадию завершения. Самый акт принятия христианства, представлявший собой для верных приверженцев язычества трагическую ломку освященных веками отеческих традиций, был трудно осуществим в условиях этнического дуализма. Этот акт предполагал предварительно достигнутое единство образа жизни, интересов, политических и общественных идеалов большинства господствующего класса, а также значительное упрочение аппарата центральной власти, державшей в повиновении и воинские силы государства, и органы центрального и провинциального управления. Сколь ни значительно было число христиан в стране до 865 г., процесс крещения Болгарии совершался не только через мирную проповедь миссионеров, но и через вооруженное насилие.

Восстание в десяти комитатах против Бориса под лозунгом восстановления язычества и ведущая роль в мятеже, как упоминалось, остатков протоболгарской знати не могут быть расценены

лишь как выражение остроты именно этнических противоречий внутри господствующего класса. В основе конфликта лежали не столько этнические трения, сколько политические разногласия (отношение к империи и к христианству).

Этническая трансформация протоболгарского меньшинства и перемены в его самосознании нашли отражение в изменении содержания понятий «болгары» и «Болгария». Характерно, что ранее всего протоболгар как славян стали воспринимать далекие от границ Болгарии современники-иноземцы, фиксировавшие очевидный для них факт и не связанные с имперской литературной традицией. Арабский путешественник начала X в. называет жителей Болгарии «славянами», как и автор арабской энциклопедии «Драгоценности» того же времени [74, с. 128, 140].

Византийские авторы до середины IX в. употребляли термин «болгары» в двух значениях: как равнозначный понятию «протоболгары» и как обозначение всех подданных государства «Болгария». Около середины этого века византийские памятники перестали упоминать о «славянах» в составе населения Болгарии; термин «славяне» стал обозначать представителей этого этноса, живших на северо-западе Балкан, в Южной Македонии, на Пелопоннесе, на Руси.

Показательно, что и протоболгарские надписи, еще отличавшиеся в первой четверти IX в. славянских подданных хана от «болгар» [63, с. 212—227], позднее уже не упоминают о славянах. Понятие «болгары» устойчиво ассоциировалось уже со всеми подданными государства. Более того, в X—XI вв. термин «болгары» получил даже расширительное значение — в результате последовательно проводимого официального курса болгарского правительства, придававшего понятиям «болгары» и «Болгария» прежде всего политический смысл. Начиная с Бориса, в титулатуре князя и во всех официальных документах болгарского двора подчеркивалось, что все подданные князя — «болгары», что он — правитель «земли болгар», повелитель «Болгарии». Отныне все жители, независимо от их этнической принадлежности, оказавшиеся под скипетром болгарского царя, трактовались как «болгары» (в том числе жители Южной Македонии, Северной Фракии, Эпира, Адриатического побережья, среди которых были и греки, и албанцы, и армяне, и влахи). Как «болгары» обозначались порой и славяне тех районов, которые весьма недолго входили в состав Болгарии. Кекавмен в последней четверти XI в. именовал «болгарами» славян Фессалии [96, с. 252 сл.].

Границы Первого Болгарского царства в годы его наивысшего расширения выходили за пределы территории расселения именно болгарской народности (ср. [11, с. 406—408]). Этническая карта многих районов Болгарии была гораздо более сложной, к тому же на значительной части Болгарии отсутствовал протоболгарско-славянский симбиоз как один из факторов формирования болгарской народности.

Отказ от противопоставления протоболгар славянским подданным, обозначение славян «своим» (некогда только тюркским) этнонимом не могли не означать существенные сдвиги в самосознании аристократии протоболгарского происхождения [90, с. 3 сл.]. Перестройка самосознания не сопровождалась, однако, утратой исторической памяти протоболгар, по крайней мере знатных. Что касается рядового населения, то оно, видимо, не сохранило четкого представления об отличии исторических путей двух этносов и с резких этнических различиях, некогда разделявших оба народа. Потомки протоболгар, не переставая сознавать себя болгарами, не отличали себя более и от славян, проникнувшись их самосознанием.

Сложнее, вероятно, обстояло дело с усвоением славянами в качестве «своего» этнонима «болгары»: сами славяне стали называть себя так позже, чем их обозначали этим именем представители иных этносов. Не испытав ассимиляции, в отличие от протоболгар, они должны были преодолеть более трудный психологический порог. В то время как протоболгарская аристократия особенно долго хранила сознание своего этнического своеобразия, в славянском обществе, напротив, именно славянская знать — в силу ее активного участия в политической жизни государства — ранее других социальных слоев восприняла наименование «болгары». Д. Ангелов справедливо подчеркивает решающую роль государственной власти в утверждении среди подданных как всеобщих понятий и этнонима «болгары», и названия страны «Болгария» [11, с. 332; 97, с. 77—100; 98, р. 9—20].

Это означало одновременно и органическое восприятие славянами такого компонента этносоциального самосознания, как государственно-политическая традиция, включавшая признание доминирующей роли протоболгарского элемента в государственной жизни Болгарии на первом этапе ее истории. Именно при Семионе «Именник болгарских ханов» был переведен на славянский в качестве официальной летописи Болгарского государства [47, с. 8—10; ср.: 99, S. 7—21].

Первоначально в иерархии представлений славян о своей этнополитической принадлежности понятие «болгары» ассоциировалось с их подданством и лишь затем было осмыслено как категория, выражающая специфику родного этноса сравнительно с другими славянскими народами.

О трудностях на пути усвоения понятия «болгары» как этнонима славянским населением страны свидетельствуют первые памятники славянской письменности и староболгарской литературы.

Широкое распространение среди деятелей христианской церкви той эпохи убеждения в том, что богословские и литургические тексты могут быть написаны лишь на греческом, латинском и еврейском (так называемая «догма троязычия»), обусловило полемическую направленность первых памятников письменности на славянском языке [100, с. 26—30]. Их авторы отстаивали право славян на использование собственной письменности, подчерки-

вали, что она создана для многочисленного народа, служит его просвещению. Пафос этих первых сочинений состоял не в прославлении деяний какого-либо одного из славянских народов, а в возбуждении чувства гордости за могущественный «род» славянский, вступивший наконец в круг цивилизованных (христианских) народов. Эта общественная идея была заложена уже в творчестве изобретателей славянской азбуки — Кирилла (Константина) и Мефодия. Хотя их миссия действовала на конкретной, в этногеографическом смысле вполне определенной территории (Великая Моравия), созданная ими письменность была ориентирована на нужды всего славянства.

Литература кирилло-мефодиевского цикла свидетельствовала об обострении чувства общеславянского единства. Понятие «славянский язык» употреблялось некоторое время как синоним понятия «славянский народ». Язык и вера выдвинулись в иерархии самосознания на первый план как основные факторы славянской общности. Понятие «иноплеменник» Константин Преславский приравнивает к понятию «иноверец» [101, с. 49—52]. Термины «славяне» и «славянский», как и «болгары» и «болгарский», употребляются для указания на население Болгарии в одних и тех же памятниках, однако первоначально — с известным смысловым отличием.

Так, в «Житии Наума Орхидского» сказано, что ученики Мефодия «пришли» в «болгарскую землю», а затем один из воспитанников Климента (Марк) стал четвертым епископом «славянского языка» в Деволе [102, с. 306—307]. Жители Болгарии принадлежали к «славянскому роду», пишет черноризец Храбр, когда они обрели «славянские книги» в правление «болгарского» князя Бориса [103, с. 189—190]. В приписке к переводу «Слов» Афанасия Александрийского отмечено, что, после того как Борис крестил «болгар», при ныне правящем «нашем князе болгарском Симеоне» много книг переведено «с греческого на славянский» [104, р. 6].

Понятия «славяне» и «славянский» имеют здесь по преимуществу этнический и вероисповедальный смысл, тогда как термины «болгары» и «болгарский» — государственно-политический (титул князя, территория государства, его название, подданные князя). Вероятно, в сознании образованных представителей славянства в первое время после крещения, а затем — распространения славянской письменности понятия «болгары» и «болгарский» не отражали масштабов происшедших культурно-исторических перемен, далеко выходявших за пределы Болгарского государства.

Возможно, подобная позиция в течение какого-то времени была не чуждой и более широким кругам населения Болгарии. В апокрифической летописи «Сказание пророка Исаяи», включившей разновременные славянские легенды, «первым царем в болгарской земле» объявлен Слав, который населил села и города людьми, бывшими некоторое время язычниками; царем же его

над «множеством людей от Дуная до моря» поставил сам пророк Исая. Эта легенда, называющая основателем «болгарского» народа и государства царя с несомненно славянским именем, выступает как полемическая реплика на официально утверждавшуюся традицию об основании царства «по сю сторону Дуная» протоболгаринном Аспарухом («Именник болгарских ханов»). Испор (Аспарух), по «Сказанию», лишь преемник Слава [105, с. 281].

Решающий перелом в сближении этнонимов «славяне» и «болгары» как родового и видового понятий произошел, скорее всего, в эпоху правления Симеона (893—937), во время наивысших, импонировавших самосознанию подданных успехов государства на международной арене и расцвета его славянской культуры. Впервые о «болгарах» как едином этносе («языке») всей страны говорится уже в таком памятнике конца IX в., как «Сказание о железном кресте» [106, с. 141]. Этот переход через еще недавно ощущавшийся «барьер» был осуществлен, видимо, совсем не потому, что кирилло-мефодиевская традиция трактовки этих терминов угасла вместе с уходом из жизни ее живых посетителей — учеников солунских братьев (ср. [11, с. 284 сл.], а потому, что завершилась глубокая перестройка самосознания населения страны.

Примечательно, что в первые, точно следовавшие оригиналу переводы византийских хроник, рассказывавших о войнах с болгарам в дохристианский период, уже младшие современники-переписчики стали вносить поправки, свидетельствующие о ранности этнического чувства болгар: резкие выражения хроник о язычниках-«болгарах» подвергались смягчению [107, с. 50, 199—200]. Понятия подданства и этнической принадлежности болгар наконец совместились.

Процесс формирования средневековой болгарской народности завершился, и в иерархии ее самосознания понятия «славяне» и «болгары» заняли те места, которые они занимают и ныне: члены болгарской этносоциальной общности сознают себя представителями одной из ветвей славянства, обладающей яркими чертами этнического своеобразия и оригинальными, исторически сложившимися культурно-общественными традициями.

Разумеется, развитие болгарской народности не прекратилось ко второй четверти X в. Однако процесс этот вступил в новую фазу, рассмотрение которой лежит за пределами данной главы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ О теоретических вопросах этнологии см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 35—36; Он же. К характеристике понятия «этнос». — В кн.: Расы и народы. М., 1971, вып. 1; Он же. Этнос и этносоциальный организм. — ВАН, 1970, № 3; Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этнические процессы как предмет исследования: (Предварительные замечания). — В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 9—21; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности. — В кн.: Расы и народы. М., 1976, вып. 6, с. 16; Георгиева И. Этнос, этносоциальный организм, этнические процессы. — Векове, 1972, № 1, с. 42—48; Литаврин Г. Г. Этническое само-

сознание южных славян в VII—X вв.: (К проблеме формирования ранне-средневековых народностей). — VIII Междунар. съезд славистов. М., 1978.

² См. об этом подробно: *Никитин С. А.* Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства. — ВМУ. Сер. обществ. наук, 1952, № 1; *Бурмов А.* К вопросу за отношенията между славяните и прабългари през VI—IX вв. — ИП, 1954, № 1; *Zástěrová B.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971, p. 77; *Кучма В. В.* Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов. — В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978, с. 7—8; *Литаврин Г. Г.* К проблеме образования Болгарского государства. — Сов. славяноведение, 1981, № 4, с. 29—48.

³ См. работы по топонимике: *Заимов Й.* Наистарите заселища на българските словени в балканските земли. — В кн.: Етногенезисът и културно наследство на българския народ. София, 1971, с. 51—56; *Zaimov J.* Relation chronologique entre la deuxième palatisation vieux bulgare et la métathèse liquide à la lumière des noms géographiques bulgares en Grèce du Sud. — In: Actes du XIe Congrès International des sciences onomastiques. Sofia, 1975, II, p. 453—456; *Idem.* Beitrag zur Erforschung der bulgarischen geographischen Namen in Griechenland. — Zeitschrift für Balkanologie (München), 1975, t. XI, N 1, S. 105—115.

⁴ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 127 сл.; *Алексова Б.* Материјална култура на словените ва Македонија. — В кн.: Словенска писменост: 1050—годовшнина на Климент Охридски. Охрид, 1966, с. 146—147; *Въжарова Ж.* Славяне и протоболгары. — In: Berichte, S. 319; *Она же.* Славяни и прабългари на некрополите от VI—XI в. на територията на България. София, 1976, с. 434; *Сотџа М.* Quelques données concernant les rapports des territoires norddanubiennes avec Byzance au VIe—VIIIe s. — Revue des Etudes sud-est européennes, 1971, t. IX, N 3, p. 371; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971, с. 161 сл.; *Teodor D.* Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie (Moldavie). — In: Berichte, S. 211. Ср.: *Търкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966, с. 58; *Eadem.* Ethnischen Schichten auf dem Balkan und die byzantinische Macht im 7. Jahrhundert. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzans. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1976, S. 67.

⁵ *Търкова-Заимова В.* Нашествия. . . , с. 70. Ср.: *Tărkova-Zaimova V.* Ethnische Schichten. . . , S. 66; *Ангелов Д.* Образуване. . . , с. 153 сл.; *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzantium in 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978; *Idem.* Slawen in byzantinischen Heer von Justinian I bis Justinian II. — In: Studien zum 7. Jahrhundert. . . , S. 77—91; *Tărkova-Zaimova V.* La politique de Byzance dans ses rapports avec des «Barbares». — Etudes Historiques. (Sofia), 1965, II, p. 35—40. Ко второй половине VI в. события относят: *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. . . , с. 5 сл.; *Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура: VI—IX вв. София, 1977, с. 59, 123—129; *Preda C.* The Byzantine Coins — an expression of the relations between the Empire and the populations north of Danube in the 6th—13th Centuries. — In: Relations between the Autochthonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania. București, 1975, p. 224—235. Датирует второй четвертью VII в. заселение славянами Мисии: *Zástěrová B.* Рец. на кн.: Avenarius A. Die Awaren in Europa. Amsterdam, 1974. — Byzantinoslavica, 1979, N 40 (1), p. 46.

⁶ *Коев Й.* Следн от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура. — В кн.: Етногенезисът. . . , с. 111—114; *Станилов Ст.* Проучването на Първата Българска държава (по археологически данни). — Археология (София), 1976, № 2, с. 10—22; *Бешевлиев В.* Рец. на кн.: Fodor I. Altungarn, Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland (Archäologische Beiträge). Szeged, 1977. — Археология (София), 1979, № 2, с. 64; *Гюзелев В.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (IV—VII вв.). — Там же, № 4, с. 12—22.

⁷ См. хроникальную заметку: *Данчева Б.* Първа комплексна конференция по българистика. — ИП, 1979, № 4/5, с. 275.

⁸ Дискуссию о переводе и истолковании этого наименования см.: *Коледаров П.* Политическа география на средновековната Българска държава. София, 1979, т. 1, с. 9. Ив. Дуйчев указал на отмеченную еще Л. Нидерле параллель между этим наименованием и названием упомянутого анонимным «Баварским географом» IX в. славянского племени Eptaradici (*Dujčev Iv.* Les sept tribus slaves de la Mesie. — SA, 1959, t. 6, p. 107). См. текст географа: *Гюзелев В.* Баварският географ и някои въпроси на българската история от първата половина на IX в. — ГСУ, филос.-ист. ф-т, 1965, т. 58, кн. III, с. 292. Вопрос остается, однако, нерешенным. См.: *Łowmiański H.* O identyfikacji nazw Geografa bawarskiego. — *Studia Źródłoznawcze* (Poznań), 1958, t. III, s. 1—21.

⁹ См. из новых работ: *Zástěrová B.* Les Awares. . . , p. 33 sq.; *Eadem.* Zu einigen Fragen aus Geschichte der slawischen Kolonisation auf dem Balkan. — In: *Studien zum 7. Jahrhundert. . .*, S. 59—60; *Cankova-Petkova G.* Über die Bildung des bulgarischen Staates. — In: *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jh.* Berlin, 1978, S. 464; *Avenarius A.* Die Awaren und die Slawen in den *Miracula Sancti Demetrii.* — *BYZANTINA*, 1973, t. V, S. 12—19.

¹⁰ *Търнкова-Заимова В.* По някои въпроси за етническите промени на Балканите през VI—VII в. — ИИИ, 1963, т. XII, с. 78; *Она же.* Нашествия. . . , с. 89—90; *Симеонов Б.* О характере местных названий романского происхождения в НР Болгария. — In: *Actes du XIIe Congrès International des sciences onomastiques.* Sofia, 1975, t. II, p. 277—283; *Mihăescu H.* Die Lage der zwei Weltsprachen (Griechisch und Latein) im byzantinischen Reich des 7. Jh. als Merkmal einer Zeitwende. — In: *Studien zum 7. Jahrhundert. . .*, S. 95—100; *Idem.* Torna, torna, fratere. — *BYZANTINA*, 1976, t. VIII, p. 32; *Gomolka G.* Bemerkungen zur Situation der spätantiken Städte und Siedlungen in Nordbulgarien und ihrem Weiterleben am Ende des 6. Jh. — In: *Studien zum 7. Jahrhundert*, S. 35—42 (см. здесь и библиографию); *Popescu E.* Contribution à la géographie historique de la péninsule Balkanique au VIe—VIIIe siècles de notre ère. — *Dacia, N. S.* (București), 1969, t. 13, p. 403—415. Cf.: *Gălăbov S.* Contribution en problème des contacts bulgaro-roumains au sud du Danube. — In: *Actes du 1er Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes.* Sofia, 1968, Linguistique, t. VI, p. 221; *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. . . , с. 7 (некрополи фракийцев не найдены); *Koledarov P.* Zur Frage der politischen und ethnischen Veränderung auf dem Balkan im 7. Jahrhundert. — *Études historiques* (Sofia), 1980, t. 10, S. 77—89; *Cankova-Petkova G.* L'état Bulgare, les Slaves et Byzance. — In: *Rapportes du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave.* Bratislava, 1980, t. 2, p. 73—77.

¹¹ *Милчев А.* Славяните и народите на римските провинции в източна част на Балканския полуостров. — In: *Berichte*, S. 149—150; *Koleva T.* Typologie de la fête de la Saint George chez les Slaves du Sud. — *Etudes Balkaniques*, 1977, № 1, p. 116—122; *Тодоров Я.* Паганизъм в Долна Мизия. София, 1928, с. 25 сл.; *Велков В.* Към въпроса за езика и бита на траките през IV в. от н. е. — В кн.: *Изследвания в чест на акад. Д. Дечев.* София, 1958, с. 731—739.

¹² Большинство историков не включают северов в одну Славинию с «Семью родами» (см.: *Коледаров П.* Политическа география. . . , с. 9) в отличие от М. Войнова (*Войнов М.* За първия допир на Аспаруховите българи със славяните и за датата на основането на българската държава. — ИИБИ, 1956, т. 6, с. 455—457), точку зрения которого мы разделяем.

¹³ Ив. Дуйчев (*Проучвания върху българското средновековие.* София, 1945, с. 151—167) предпочитает Вырбишский перевал. Ср.: *Литаврин Г. Г.* К проблеме. . . , с. 37.

¹⁴ ИБИ, VI, ГИБИ, III, с. 261—264 — Феофан, 295—296 — Никифор. Пересказ Анастасия Библиотекаря см.: ИБИ, VII, ЛИ, II, с. 248—250.

¹⁵ *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. . . , с. 416, 434; *Она же.* Селища и некрополи (края на VI—XI вв.). — *Археология* (София), 1974, № 3, с. 18—20;

Чеботаренко Г. Ф. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья. — В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979, с. 97; *Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средновековие. София, 1977, с. 224 сл.; *Седов В. В.* Происхождение. . ., с. 40, 41, 63, 66, 97, 127. Ср.: *Dimitrov D.* Quelques questions de l'histoire des Proto-Bulgares. — *Etudes Balkaniques*, 1977, N 2, p. 87—105.

¹⁶ *Седов В. В.* Происхождение. . ., с. 127; *Ваклинов Ст.* Славянската култура в България и византийското наследство. — In: *Berichte* S. 219; *Въжарова Ж.* Българският народностен облик през средновековието в светлината на археологически данни (VI—XI вв.). — В кн.: Първи конгрес на Българското историческо дружество. София, 1972, с. 409—410; *Она же.* Славяни и прабългари. . ., с. 429—431; ср.: *Dimitrov D.* Neue Angaben im nordöstlichen Bulgarien auf Grund der archäologischer Forschungen. — In: *Studii in honorem V. Beševliev.* Sofia, 1978, S. 369—381; *Idem.* Quelques questions. . ., p. 102.

¹⁷ См. об этом: *Михайлов Ст.* Първата славянска столица Плиска в светлината на последните археологически разкопки. — SA., 1959, t. 7, s. 366—368; *Ангелов Д.* Образуване. . ., с. 232; *Ваклинов Ст.* Плиска за тридесет години. — *Археология* (София), 1974, № 3, с. 30 сл.; *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 202—203.

¹⁸ *Grafenauer V.* Nekaj vprasanj in dobe naseljevanja juznih Slovanov. — *Zgodovinski časopis*, 1950, N IV, s. 125; *Kollautz A.* Рец. на кн.: *Avenarius A.* Die Awaren in Europa. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1977, 70 (2), S. 377—381; *Zástěrová B.* Beitrag zur Diskussion über den Charakter der Beziehungen zwischen Slawen und Awaren. — In: *Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines.* Beograd, 1964, Bd. II, S. 243—247; *Idem.* Les Awares et les Slaves. . ., p. 31—35, 71—79.

¹⁹ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 143. См. примеч. 41. См. также: *Сангова Ј.* Les Slaves aux environs de Preslav au VIIe—VIIIe s. d'après des données archéologiques. — In: *Studii in honorem V. Beševliev.* . . ., p. 363—368.

²⁰ *Дуйчев Ив.* Обединението на славянските племена в Мизия през VII в. — В кн.: Изследвания в чест на М. Дринов. София, 1960, с. 417; *Avenarius A.* Die Awaren in Europa. . ., S. 177 (автор, впрочем, считает, что авары владели землями и по левому берегу р. Тимок); *Ditten H.* Zur Bedeutung. . ., S. 141. Ср.: *Ангелов Д., Примов Б.* Създаването на българската държава и неговото значение в историята на Европа. — В кн. *Славянска филология. Т. 14. Доклады и статьи за VII Международ. конгрес на славистите.* София, 1975, с. 8.

²¹ См. об этом *Войнов М.* Някои въпроси във връзка с образуването на българската държава и покръстването на българите. — ИИИ, 1962, т. 10; *Петров П.* Към въпроса за образуването на първата българска държава. — *Славянска филология* (София), 1963, т. 5; *Artamonov M. I.* Slawen und Bulgaren im Dneprgebiet. — In: *Berichte.* . ., S. 145; *Гюзелев В.* Икономическо развитие. . ., с. 18. Ср.: *Търкова-Займова V.* Génèse. . ., p. 11—14.

²² *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по история на България. София, 1978, т. 1, с. 23 — Михаил Сириец; ГИБИ, II, с. 159—160, 180 — Агафий; III, с. 239 — Феофан; о «гуннско» прическе см.: ГИБИ, II, с. 149—150 — Прокопий.

²³ Ср. завет Кубрата синовьям «не работать на другие народы» (ГИБИ, III, с. 261—262 — Феофан).

²⁴ О возможном влиянии протоболгарского на славянский см.: *Saur V.* Protobulgarско-Slovansky bilingvismus ve fonologickem systemu bulharštiny. — In: *Studia Balkanica Bohemo-Slovaca.* Brno, 1976, S. 323.

²⁵ См. некоторые свидетельства на этот счет: ГИБИ, III, с. 146; с. 161 — «Чудеса св. Димитрия»; с. 81 — Пасхальная хроника; *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия. . ., т. 1, с. 30 — Себеос, 164 — ал-Табари; *Leo Diaconus.* *Historiae libri decem.* Vonnae, 1822, p. 105. 12—14.

²⁶ См. об этом специально: *Ditten H.* Zur Bildung..., S. 144—145; Γρηγορίου-Ίωαννίδου Μ. Τὸ ἐπισόδιον τοῦ Κοῦβερ ἐπὶ «Θαύματα τοῦ ἁγίου Δημητρίου». Θεσσαλονίκη, 1980, σ. 1—44.

²⁷ ГИБИ, т. III, с. 279, 280 — Феофан. Сходные меры осуществлял Крум на Пелопоннесе после подавления восстания славян (*Cronica di Monemvasia/Introduzione, testo critico e note a cura di I. Dujčev.* — Istituto Siciliano di studi bizantini e neoellenicé. Testi e monumenti. Testi, 12. (Palermo), 1976, p. 12, 22).

²⁸ Гюзелев В. Княз Борис Първи. София, 1969, с. 34—35, 43 сл.; *Он же.* Баварският географ... , с. 281; *Gjuselev V.* Allgemeine Charakteristik und Etappen der Errichtung der militärischen und administrativen Verwaltung des ersten bulgarischen Staates: 7. bis II. Jh. — *Etudes Balkaniques*, 1978, № 3, S. 76—77; *Цанкова-Петкова Г.* Българо-византийските отношения според мирните договори от края на VII до началото на IX в. — В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1973, т. X, с. 167—186; *Etudes balkaniques*, 1973, N 3, p. 84—87; *Koledarov P.* Administrative Structure and Frontier set up of the first bulgarian Tsardom. — *Ibid.*... , p. 135—136; *Андреев И.* Нарышская надпись князя Симеона и административное устройство Болгарского государства в конце IX — начале X в. — *Ibidem*, p. 121—131.

²⁹ Ср., однако: *Търкова-Заимова В.* Славянските заселвания на Балканския полуостров в рамките на «варварските» нашествия през VI и VII в. — Изв. на Българското историческо дружество, 1974, т. 29, с. 199—207; *Търкова-Заимова В.* Ethnische Schichten... , S. 70, 97; *Eadem.* Au sujet... , p. 31, 40.

³⁰ Гюзелев В. (Икономическо развитие... , с. 14) подчеркивает, что ведение кочевого скотоводческого хозяйства требовало обширных земель.

³¹ Служба в имперской армии, напротив, была важнейшим фактором ассимиляции: показательно, что из 203 слов латинского происхождения, сохранившихся в новогреческом, 141 слово относится к военной сфере (*Mihăescu H.* Die Lage... , S. 100).

³² См. об этом *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари.; *Dujčev Iv.* La formation la l'état bulgare et de la nation bulgare. — In: *Europe aux IXe—XIe siècles.* Varsovie, 1968, p. 223—224.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6.
2. *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. — в кн.: Вопросы этногенеза.
3. *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза. — В кн.: Вопросы этногенеза.
4. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
5. *Comşa M.* Direction et étapes de la pénétration des Slaves vers la peninsule balkanique aux VIe—VIIe s. (avec un regard spécial sur la territoire de la Roumanie). — In: *Balcanoslavica.* Prilep, 1974, I.
6. *Comşa M.* Socio—Economic organization of the Daco—Romanic and Slav Population on the Lower Danube during the 6th—8th Centuries. — In: *Relations between the Autochthonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania.* Bucureşti, 1975.
7. *Vabić B.* Forschung der altslawischen Kultur in der SR Makedonien. — *Zeitschrift für Archäologie*, 1976, Bd. I, N 10.
8. *Марянович-Вуйович Г.* Старейшие археологические следы славян в Белграде. — In: *Berichte.*
9. *Королюк В. Д.* Перемещения славян в Подунавье и на Балканы (Славяне и волохи в VI — середине VII в.). — *Сов. славяноведение*, 1976, № 6, с. 52—54.
10. *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари на некрополите от VI—XI в. на територията на България. София, 1976.
11. *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971.

12. *Андреев М.* Българската държава през средновековието. София, 1974.
13. *Търкова-Заимова В.* Ethnische Schichten auf dem Balkan und das byzantinische Recht im 7. Jahrhundert. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1976.
14. *Dujčev Iv,* Les sept tribus slaves de la Mesie. — SA, 1959, t. 6.
15. Ср.: *Антољак Ст.* Населување на словените во Македонија и создавање на македонските Склавинии. — В кн.: Историја на македонскиот народ. Скопје, 1969.
16. ГИБИ, II.
17. *Avenarius A.* Die Awaren in Europa. Amsterdam, 1974.
18. *Avenarius A.* Die Awaren und die Slawen in den Miracula Sancti Demetrii. — BYZANTINA, 1973, t. V.
19. *Търкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966.
20. *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzantium in 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978.
21. *Бешевлиев В.* За славянските племена в Североизточна България от VI до IX в. — В кн.: Преслав. София, 1968, т. 1.
22. *Коледаров П.* Политическа география на средновековната Българска държава. София, 1979.
23. *Велков В.* Състояние на проучванията върху прехода от античността към средновековието в Балканския полуостров. — Изв. на Българското историческо дружество, 1974, т. 29.
24. *Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура. VI—IX в. София, 1977.
25. *Търкова-Заимова В.* Génèse des peuples balkaniques et formation de leurs états. L'expérience bulgare. — In: IIIe Congrès International d'études du Sud—Est européen: Histoire. București, 1974, t. I.
26. *Ангелов Д.* Славяни и прабългари до образуването на българската държава. — Археология (София), 1979, № 2.
27. *Санкова-Петкова Г.* Über die Herkunft einiger slawischen Ethnonyme und Toponyme und ihre Bedeutung für das gesellschaftlichpolitische Leben auf dem Balkan. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1976.
28. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
29. *Божилков И.* Анонимът на Хазе: България и Византия на Долни Дунав в края на X в. София, 1979.
30. *Гюзелев В.* Рец. на кн.: Ангелов Д. Образуване. . . — Bulgarian Historical Review, 1973, № 3.
31. *Gjuselev V.* Allgemeine Charakteristik und Etappen der Errichtung der militärischen und administrativen Verwaltung des ersten bulgarischen Staates: 7. bis II. Jh. — Etudes Balkaniques, 1978, N 3.
32. ГИБИ, III.
33. *Callany D.* Neue Ergebnisse der awarenzeitlichen Forschungen im Ostungarn. — Studijne zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akademie vied, 1968, 16; *Callany D.* Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Budapest, 1958, S. 184 Karte.
34. *Rusu M.* Avars, Slaves, Romanic population in the 6th—8th Centuries. — In: Relations. . .
35. *Вържарова Ж.* Селища и некрополи (края на VI—XI вв.). — Археология (София), 1974, № 3.
36. *Чеботаренко Г. Ф.* К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья. — В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.
37. Стеци Евразии в эпоху средновековья. — В кн.: Археология СССР. М., 1981.
38. *Димитров Д.* По въпроса за гробните камери с трупоизгаряне в раносредновековните некрополи в Североизточна България. — Изв. на народния музей (Варна), 1976, кн. XI.

39. *Димитров Д.* Погребалният обред при ранобългарските некрополи във Варненско (VIII—X вв.). — Изв. на Археологическия институт, 1974, т. 34.
40. *Въжарова Ж.* Българският народностен облик през средновековието в светлината на археологически данни (VI—XI вв.). — В кн.: Първи конгрес на Българското историческо дружество. София, 1972.
41. *Гюзелев В.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (IV—VII вв.). — Археология (София), 1979, № 4.
42. *Gombocz Z.* Honfoglalás török jóvénys zavaink. Budapest, 1908.
43. *Gombocz. Z.* Die bulgarisch—türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.
44. ИБИ, VIII, ГИБИ, IV.
45. ЛИ, II.
46. Ср.: *Тъпкова-Заимова В.* Изследвания върху ролята на българската държава сред на балканските средновековни държави и някои въпроси от началния период на нейната история. — В кн.: Проблеми на българската история. София, 1973.
47. Ср.: *Дуйчев Ив.* «Именник на първобългарските хапове» и българската държавна традиция. — Векове, 1973, № 1.
48. См.: *Гюзелев В.* Функциите и ролята на кавхана в живота на първата българска държава (VII—XI в.). — ГСУ. История, 1967, т. 60, кн. 3.
49. *Гюзелев В.* Ичиргу боилите на първата българска държава. — Там же, 1973, т. 65, кн. 3.
50. *Grafenauer B.* Sklabarchontes — «gospodarii Slovanov» ale «slovanski knezi». — Zgodovinski časopis, 1955, let. IX.
51. *Гюзелев В.* Добруджанският надпис и събития в България през 943 г. — ИП, 1966, № 6.
52. *Гюзелев В.* Баварският географ и някои въпроси на българската история от първата половина на IX в. — ГСУ, Филос.-ист. ф-т, 1969, т. 58, кн. III.
53. *Въжарова Ж.* Некрополът до голямата базилика в Плиска. — В кн.: Плиска—Преслав. София, 1979, т. 1.
54. *Terras V.* Leo Diaconus and the ethnology of Kievan Rus. — Slavic Review, Sept. 1965, v. XXIV, N 3.
55. *Liutprand von Kremona.* Die Werke/hrsg. v. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915.
56. ИБИ, X, ГИБИ, V.
57. *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. — В кн.: Вопросы этногенеза.
58. *Симеонов Б.* Произход и значение на названието българи. — Векове, 1976, № 5.
59. *Симеонов Б.* Произход и значение на личното име на хан Аспарух. — Там же, 1977, № 3.
60. *Немет Ю. К.* К вопросу об аvaraх. — В кн.: Turcologia: К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1977.
61. *Литаврин Г. Г.* Этническое самосознание южных славян в VII—X вв.: (К проблеме формирования раннефеодальных народностей). — В кн.: VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
62. *Търкова-Заимова В.* Quelques remarques sur les auteurs byzantins. — In: Studie zur Geschichte und Philosophie des Altertums/hrsg. v. J. Harmatta. Budapest, 1963.
63. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979.
64. *Василев Р.* Проучванията на славянските археологически паметници от Северна България от края на VI до края на X в. — Археология (София), 1979, № 3.
65. Ср.: *Ферјанчић Б.* Византија и јужни словени. Београд, 1966.
66. *Primov B.* Bulgaria in the VIIIth Century. — Byzantinobulgarica, 1978, t. V
67. *Veševliev V.* Zwei Versionen bei Nikephoros dem Patriarchen. — Revue des études sud-est européennes, 1971, IX, № 3.
68. *Ангелов Д.* Историческа роля и значение на средновековна българска държава. — ИП, 1979, № 1.

69. *Tărkova-Zaimova V.* Au sujet des Miracula S. Demetrii, II, 6. — In: Studii in honorem V. Beševliev. Sofia, 1978.
70. См.: *Гюзелев В.* Княз Борис Първи. София, 1969.
71. *Илиевски П.* Хр. Грчко-словенска културна симбиоза во Македонија. — В кн.: Словенска писменост: 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966.
72. *Алексова Б.* Материјална култура на словените во Македонија. — Там же.
73. *Търкова-Займова В.* Долни Дунав — гранична зона на византијският запад. София, 1976.
74. *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по истории на България. София, 1978. Т. 1.
75. *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия (от края на VII до края XII в.). — ИИ, 1970, № 6.
76. *Ваклинов Ст.* Плиска, Преслав, Мадара: Разкопки и проучвания. В кн.: Плиска — Преслав. София, 1979. Т. 1.
77. *Въжарова Ж.* Златни наките от гроб 27 в Плиска. — Археология, 1980, № 1.
78. *Dinekov P.* Les premières manifestations de la pensée historique chez les bulgares. — In: Studii in honorem V. Beševliev. . .
79. *Vaklinov St.* Eine Denkmal runischen Schrifttums Pliskas. — Ibidem.
80. *Gerasimov T.* Protobulgarische Zeichen. — Ibidem.
81. *Fayein Cl.* La sédenterisation des nomades kouzo-valaques en Albanie Méridionale. — В кн.: VII Международният конгрес антропологических и етнографических наук/Груды. М., 1970.
82. *Ilyasov S.* Transition to settled way of the life and its role in the transformation of culture and modo of the Kirghizes. — Там же.
83. *Carolus-Barré Th.* Chez les Vlaques du Pinde. — Revue des études sud-est européennes, 1968, t. VI, № 4.
84. *Mateescu C. N.* Considération sur l'élevage et l'agriculture du néolithique moyen au Bas-Danube. — In: IIIe Congrès International d'études du sud-est europeen: Resumés des communication. București, 1974.
85. *Pride H.* Рец. на кн.: Les anciens Hongrois et les ethniques voisins à l'est. Budapest, 1977. — Südost-Forschungen, 1978, v. 37.
86. *Коев Й.* Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура. — В кн.: Етногенезисът и културно наследство на българска народ. София, 1971.
87. *Маринов В.* За етнокултурните приноси за българското животноводство. — Там же.
88. *Fodor I.* Altungarn, Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland (Archäologische Beiträge). Szeged, 1977.
89. *Йончев Л.* Някои въпроси относно Крумовото законодателство. — ИИБИ, 1956, т. 6.
90. *Ангелов Д.* Съдържание и смисъл на думата ОТЕЧЕСТВО в средновековна българска книжнина. — Старобългаристика, 1977, № 4.
91. *Ангелов Д.* Смисъл и съдържание на думите «І—АЗЫК, РОДЪ; ПЛЕМА, и НАРОДЪ» в средновековната българска книжнина. — Там же, 1978, № 3.
92. *Дуйчев Ив.* Славяни и прабългари. — ИИБИ, 1951, т. 1—2.
93. Studia in honorem V. Beševliev. . .
94. *Tărkova-Zaimova V.* L'idée byzantine de l'unité du monde et d'état bulgare. — In: Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Histoire (Sofia), 1969, III.
95. *Славчев П., Йорданов И.* Златни медальон на хан Омуртаг. — Археология (София), 1979, № 2.
96. Совети и рассказы Кекавмена/Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1972.
97. *Ангелов Д.* Покръстване на българите — причини и последици. — В кн.: Православието в България. София, 1974.
98. *Angelov D.* Quelques problèmes de la nationalité bulgare aux IXe—Xe siècles: La langue et la prise de conscience. — In: Byzantinobulgarica, 1973, v. 4.

- 99. *Dshonov B.* Über Urgestalt und Inhalt der «Namenliste der bulgarischen Khans». — In: *Byzantinobulgarica*, 1973, v. 4.
- 100. *Георгиев Е.* Славянская письменность на Балканах и европейский традиционализм. — В кн.: *Славянские культуры и Балканы*. София, 1978, т. 1.
- 101. *Христоматия по старобългарска литература*. София, 1967.
- 102. *Иванов И.* Български старини из Македония. София, 1970 (Фототипно издание).
- 103. *Кувев К.* Черноризец Храбр. София, 1967.
- 104. *Vaillant A.* Discours contre les Ariens de Saint Athanase, Version slave et traduction en français. Sofia, 1954.
- 105. *Иванов И.* Богомилски книги и легенди. София, 1970 (Фототипно издание).
- 106. *Ангелов Б.* Сказание за железния кръст. — В кн.: *Старобългарска литература*. София, 1971. Т. 1.
- 107. *Дуйчев Ив.* Из старата българска книжнина: Книжовни и исторически паметници отъ първото българско царство. София, 1943. Т. 1.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ О САМОСОЗНАНИИ ВЕЛИКОМОРАВСКОЙ НАРОДНОСТИ

История Великой Моравии оправданно привлекает к себе внимание историков, изучающих судьбы славян в период раннего средневековья. Хотя Великая Моравия как особое целое просуществовала сравнительно недолго (от конца VIII до конца IX в.), это было второе большое и самостоятельное политическое образование, возникшее на славянских землях после образования Первого Болгарского царства. Созданные здесь за столь короткий срок навыки развитой материальной культуры (металлургия, ювелирное дело и др.), а также формы социальной и политической организации оказали глубокое влияние на развитие ряда соседних с ней западнославянских народов. Наконец, Великая Моравия в том же IX веке стала первым очагом славянской письменности, и созданные здесь культурные традиции наложили глубокий отпечаток на развитие культуры всего славянского мира. В этой связи постановка вопроса о том, как отразились указанные социальные и культурные сдвиги IX в. на этническом развитии населения Великой Моравии, и прежде всего на развитии его самосознания, представляется вполне правомерной.

Хотя, как полагают археологи, заселение будущей территории Великой Моравии славянами происходило по разным направлениям и группами населения, связанными по своему происхождению с разными частями славянского этноса, к тому периоду, о котором ниже пойдет речь, на всей этой территории проживало

в условиях перехода от родо-племенного к раннефеодальному обществу население, в среде которого не было существенных различий ни в области материальной культуры¹, ни в сфере языка.

К сожалению, вплоть до начала IX в. в источниках нет определенных сведений об этнических различиях в среде этого населения, как и о существовании здесь каких-либо политических объединений. Впервые относящийся к этой территории этноним «мораване» встречается в записи «*Annales regni Francorum*», связанных с деятельностью каролингского двора, под 822 г. В этом году ко двору императора Людовика Благочестивого явились послы «всех восточных славян, т. е. ободритов, сорбов, вильцев, богемов, мораван (*Marvanorum*), преденецентов и живущих в Паннонии аваров» [1, S. 50]. Вильцы — здесь старое наименование позднейшего лютического союза племен, Богемия — название, употреблявшееся в первой половине IX в. для обозначения объединения славянских племен на территории современной Северо-Западной и Западной Чехии, преденеценты, как разъясняется в последующих записях «*Анналов*», — это иное название южных ободритов, проживавших на территории, прилегающей к Дунаю [1, S. 51]. Поскольку все упомянутые в перечне «восточных славян» названия относятся к довольно крупным этнополитическим общностям на восточных границах Каролингской империи, то есть основания считать такой общностью и упомянутых в ней «мораван». Если сопоставить с перечислением «*Анналов*» данные о местонахождении отдельных общностей, фигурирующих в этом перечне, то можно констатировать, что составитель «*Анналов*» упоминал их в определенной географической последовательности — с севера на юг. Тем самым определяется и район местонахождения мораван — южнее богемов и севернее живущих у Дуная преденецентов. Главной водной артерией этого района была р. Морава, от которой мораване и получили свое название². Поскольку названия, производные от наименований водных артерий, носили общности самого разного этнического и социального уровня, то само имя «мораван» не может ничего сказать о характере их социального объединения.

Уточнения позволяет сделать текст трактата «Обращение баваров и хорутан», составленного в Зальцбурге около 870 г. (о нем см. [2]). В нем рассказывается о «некоем» Прибине, в число владений которого «за Дунаем» входила Нитра — в современной Западной Словакии. Прибина в 30-х годах IX в. был изгнан из своих владений Моймиром, «князем мораван над Дунаем» [3, S. 310—312]. Следовательно, мораване представляли собой политическую общность — во главе мораван стоит князь. Это — не племенной вождь, а правитель: именно он, а не мораване изгоняет из Нитры Прибину. Вместе с тем подтверждается, что мораване в первых десятилетиях IX в. действительно заселяли именно бассейн р. Моравы — далее на запад лежало иное княжество.

О социальном уровне развития княжеств Моймира и Прибины и о характере отношений между ними до выступления Моймира позволяют судить данные об их церковных связях. Так, в том же трактате «Обращение баваров и хорутан» сообщается, что в Нитре — граде Прибины — был поставлен храм, освященный зальцбургским архиепископом Адальрамом (824—836) [3, s. 312], а в «Записях о пассауских епископах» говорится, что в 831 г. епископ Пассау Регинхар крестил «всех мораван» (*omnes Moravos*) [4, s. 407; 5, s. 313—315]. Эти данные ясно говорят о том, что оба княжества находились на более высоком уровне социального развития, чем другие славянские этнические общности, соседившие с Каролингской империей, так как принятие христианства возможно лишь в условиях далеко продвинувшейся социальной дифференциации общества. Вместе с тем связь мораван и Нитранского княжества с разными церковными центрами свидетельствует о том, что оба княжества были самостоятельно сформировавшимися политическими организмами.

Некоторые дополнительные наблюдения, позволяющие оценить масштаб происшедшего события, дает возможность сделать текст «Баварского географа» (перечень различных племен и областей на север от Дуная, как непосредственно у восточных границ Каролингской империи, так и далее на восток), помещенный под заголовком «*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*» в составе сборника античных сочинений по астрологии и геометрии. Исследователь каролингских рукописей Б. Бишофф определил дошедшую до нас рукопись как кодекс середины IX в., переписанный в Алемании [6, S. 262, Anm. 3]. Поскольку сам памятник был, по-видимому, составлен в Баварии, сохранившийся текст является, очевидно, копией с более раннего оригинала. Возникновение этого оригинала надо относить к более раннему времени, чем середина IX в., но все же не ранее 20-х годов IX в.: Болгария выступает в перечне среди непосредственных соседей империи, а из записей «*Annales regni Francorum*» следует, что установление дипломатических отношений между двумя государствами и появление у них общей границы относятся ко времени не ранее 824 г. [1, s. 50—52]. В этом источнике в перечне племен и областей, непосредственно соседящих с Каролингской империей, сказано: «*Marharii habent civitates XI*». Следовательно, территория, которую заселяли мораване, охватывала и южную часть бассейна Моравы, и доходила до Дуная, так как только здесь владения мораван могли граничить с землями Каролингов. Уже после упоминания Болгарии, на которой эта часть перечня заканчивалась, но перед концовкой («*Istae sunt regiones quae terminant in finibus nostris*») помещена еще одна запись: «*Est populus quem vocant Merehanos, ipsi habent civitates XX*» [3, s. 287]. Как убедительно показал Г. Булин, вторая запись представляет собой вставку в текст уже готового перечня — вставку, в которой отразился факт возникновения в Центральной Европе нового политического образования, значительно пре-

вышавшего по своим размерам прежнюю Моравию первых десятилетий IX в. [7, s. 421—423]. Сопоставление количества «*civitates*» (как бы ни понимать значение этого термина) в Моравии до и после объединения с Нитрой ясно показывает, что следует говорить об объединении двух по меньшей мере равновеликих по размерам и заселенности территорий. Сравнительно быстрое распространение этнонима «мораване» на всю совокупность владений Моймира после 30-х годов — свидетельство тенденции к слиянию этих двух общностей в одно целое. В этом смысле события 30-х годов можно рассматривать как важный рубеж не только политической, но и этнической истории Центральной Европы.

С 40-х годов IX в. начинается серия известий в «Каролингских анналах», анализ которых позволяет сделать более определенные выводы о характере образовавшегося в Центральной Европе политического объединения. Вопрос о том, являлась ли Великая Моравия в IX в. уже вполне раннефеодальным государством, или это было социальное образование более низкого уровня, где лишь шел процесс классовообразования, был предметом длительной дискуссии в среде чехословацких историков в 50—60-х годах³. В настоящее время убедительное решение этого вопроса дал выдающийся польский исследователь Г. Ловмянский, сопоставивший эти сообщения «Каролингских анналов» со свидетельствами тех же источников о других славянских общностях, граничивших с империей. При рассказе о тех или иных конфликтах в анналах обычно говорится о войне с сорбами, ободритами, «боемами» (*Boemani*), нередко без упоминания стоящего во главе их князя (или князей). Что касается Великой Моравии, то здесь в качестве противников империи названы именно правители — сначала Ростислав, затем Святополк; войско, ведущее войну, обозначается при этом не как войско мораван, а как войско Ростислава; непокорные Людовику Немецкому феодалы переходят не на сторону мораван, а на сторону Ростислава или Святополка [1, s. 99—100, 869 г.] и т. д.; сама же страна по отношению к правителю определяется как «его государство» (*regnum suum*) [1, s. 104, 871 г.]. Еще более существенно, что при заключении мирного договора его главным условием является обязательство не мораван, а моравского князя хранить верность императору и не нападать на его владения [1, s. 98, 864 г., 109, 874 г., 116, 884 г.].

И у полабских славян, и у мораван этнополитическая общность предстает как общность социально дифференцированная: наряду с верховными князьями выступают и князья меньшего значения, и знать (*primores*, *optimates*), однако характер отношений между верховными князьями и другими представителями социальной верхушки различен. У полабских славян *primores* и *reguli* оказываются представителями не того или иного правителя, а «народа» в целом (*Obodritorum*, *Sorabogum* и т. д.). В этих особенностях терминологии отражается представление о таких князьях (обычно правителях отдельных «племен») и знати, которые

выступают как самостоятельная сила по отношению к верховным князьям. Они неоднократно возводят этих князей на великокняжеский стол или низлагают их, опираясь на поддержку массы соплеменников⁴.

Напротив, в отличие от правителей Великой Моравии князья и знатные люди этой страны лишь спорадически упоминаются в источниках, при этом постоянно подчеркивается их зависимость от князя, их верность ему. Так, в 864 г. Ростислав выступает *cum universis optimatibus suis*, а в известии 901 г. фигурирует князь Моймир II и *omnes primates eius* [1, s. 98, 128, 129]. Аналогичная терминология характерна и для источников другого происхождения, говорящих о Великой Моравии. Так, в булле Иоанна VIII Святополку этот моравский правитель упомянут *cum nobilibus viris fidelibus tuis et cum omni populo terre tue* [3, s. 200—201]. Соответственно и в «Житии Константина» говорится, что Ростислав направил послов в Константинополь после того, как он «съвет сътвори с князи своими и с моравляны» [8, s. 98].

Анализируя эти различия, Г. Ловмянский пришел к убедительному выводу, что по сравнению с существовавшими на землях полабских славян союзами племенных княжеств Великая Моравия IX в. представляла собой политическое объединение более высокого уровня, в рамках которого заметное развитие получил процесс формирования раннефеодальной государственности. В частности, здесь утвердились порожденные этим процессом представления и о территории государства как собственности княжеского рода, и о формирующемся господствующем классе как совокупности вассалов монарха, его «верных» [5, s. 307—308, 377—378]. Наличие этих сдвигов говорит об уходе с исторической арены «племенной» знати, на смену которой шел формирующийся единый господствующий класс раннефеодального государства, охватывающего ряд прежних «племенных» территорий.

Другой стороной этого процесса было формирование аппарата государственной власти и территории как объекта действия этого аппарата. К сожалению, письменные источники содержат на этот счет мало сведений. Они свидетельствуют, однако, о существовании в Великой Моравии укрепленных центров — крепостей, как, например, *Dowina* — Девин (на территории современной Словакии), где Ростислав в 864 г. выдерживал осаду войск Людовика Немецкого [1, s. 98], или неизвестная по имени столица Ростислава, которую автор «Фульдских анналов» определил как крепость, из ряда вон выходящую по характеру сооружений⁵. Еще более важно, что эти крепости упомянуты как центры духовной и светской власти, средоточие аппарата, осуществляющего управление территорией. Так, в «Житии Мефодия» содержится весьма интересное указание, что, принимая поставленного в качестве моравского архиепископа Мефодия, Святополк «поручи ему вься пръкъви и стрижьники (духовных лиц. — Б. Ф.) в вьсех градах» [8, s. 154].

Нарисованная здесь картина может быть существенно уточ-

нена и дополнена благодаря археологическим исследованиям наиболее крупных моравских «градов»⁶. Эти исследования свидетельствуют о намечающемся именно на рубеже VIII—IX вв. значительном подъеме уровня ряда отраслей ремесленного производства, прежде всего обработки металлов и ювелирного дела, и об одновременной концентрации этого производства в определенных поселениях, размеры которых на протяжении IX в. резко расширяются. На этих поселениях появляются большие некрополи, изучение которых позволило выявить существенные различия в характере погребений, свидетельствующие о глубокой имущественной дифференциации великоморавского общества (группам мужских и женских погребений, в которых обнаружены богато орнаментированное оружие и шпоры, золотые и серебряные украшения, остатки драгоценных восточных тканей, противостоит масса погребений, вообще лишенных каких-либо предметов).

Сами эти поселения, до того или вовсе не укрепленные или обнесенные лишь деревянным частоколом, с начала IX в. окружаются мощными не только деревянными, но и каменными укреплениями; в структуре поселений намечается внутреннее членение, отражающее углубление социальной дифференциации великоморавского общества. Наиболее четко это проявилось в предполагаемой столице государства — городище у Микульчиц, где укрепленный каменный град с шестью каменными храмами и дворцом четко отделен от огромного «подградья», на котором концентрировалось в значительной мере торгово-ремесленное население, обязанное, несомненно, обслуживать потребности господствующей верхушки.

Таким образом, археологические данные подкрепляют сделанный на основе письменных источников вывод о развернувшемся в IX в. в Великой Моравии процессе перестройки традиционной общественной структуры и становления нового крупного раннефеодального общества.

Вместе с тем археологический материал позволяет ставить вопрос и о некоторых особенностях этого процесса в Великой Моравии. Так, в отличие от центров раннефеодальной государственности в Польше или Чехии, где «грады» возникают в IX—X вв. на новом месте, сменяя старые «племенные» центры, которые прекращают свое существование, в Великой Моравии в ряде случаев очевидна прямая преемственность градов с поселениями более раннего времени. Другая характерная черта великоморавских градов — их небывало большие размеры, в несколько раз превышающие размеры градов, существовавших во второй половине X—XII вв. на территории Древнечешского государства Пшемисловцев, в том числе и на бывших землях Великой Моравии. Эти наблюдения показывают, что смена «племенных» центров административными центрами раннефеодального государства (а соответственно, вероятно, и смена «племенной» знати господствующим классом раннефеодального общества) протекала здесь, очевидно, иначе, чем в некоторых соседних славянских землях,

Однако признание этой специфики не должно заслонять принципиальной однородности основного достигнутого результата.

Таким образом, на протяжении IX в. общественное развитие великоморавского населения достигло такого уровня, когда сложились необходимые социальные предпосылки для возникновения на базе интеграции ряда близко родственных славянских племен этнической общности нового типа, характерного для раннеклассового общества, — раннефеодальной великоморавской народности⁷ и соответственно для смены старого племенного самосознания сознанием принадлежности к великоморавской народности.

Какие же письменные источники содержат данные для освещения сдвигов в сфере самосознания? Во-первых, это данные негативного порядка: полное отсутствие каких-либо упоминаний об отдельных моравских «племенах» как в самой Великой Моравии IX в., так и на бывших великоморавских территориях уже после падения Великоморавской державы.

Сложнее положение дел с позитивными свидетельствами. Основная масса известий «Каролингских анналов» о Великой Моравии заключена по существу в двух источниках: «Бертинских анналах», написанных в Западно-Франкском королевстве, и «Фульдских анналах», созданных в Восточно-Франкском королевстве. В «Бертинских анналах» жители Великой Моравии — это либо *Sclavi*, либо *Winedes* [1, s. 71—80]. Составитель «Фульдских анналов» последовательно пользуется термином *Sclavi Margenses* [1, s. 90, 93, 95, 97]. В обоих названиях, таким образом, ясно отражается представление каролингских хронистов о Великой Моравии как о части славянского мира. Более того, именно на этом делается ударение. Если для составителя «Бертинских анналов», работавшего в районе, географически удаленном от Великой Моравии, обращение к более общему и более знакомому названию «славяне» представляется вполне естественным, то терминология «Фульдских анналов» такому простому объяснению не поддается. Составитель этого памятника, хорошо знакомый с отношениями Каролингской империи и ее восточных соседей, как правило, обозначает отдельные группы славянского населения их собственными самоназваниями («сорбы», «ободриты» и др.), совершенно не поясняя, что они — славяне. Можно лишь предполагать, что в отношении Великой Моравии на выбор терминологии повлияло складывающееся в середине IX в. представление о Моравской державе как государстве, распространившем свое политическое влияние на другие части славянского мира, пытавшемся выступать как центр сопротивления славянских племен экспансии империи Каролингов.

К сожалению, общность, обозначенная в обоих памятниках охарактеризованными выше названиями, точнее не определяется. Единственное исключение — известие «Фульдских анналов», что Ростислав Моравский был осажден в городе, «который на языке этого народа (*gentis illius*) называют Девин» [1, s. 98]. Однако вполне возможно, что «язык этого народа» — язык славян вообще и слово

«gens» обозначает здесь славянскую этническую общность в целом⁸.

Иной характер носят сведения Регенсбургского продолжения «Фульдских анналов» о событиях 80—90-х годов IX в. Здесь уже последовательно говорится о мораванах, «князе народа мораван» (*Magavorum gentis*) «со своим народом» (*cum gente sua*), а также о «земле Мораван» [1, с. 112, 113, 118, 124]. Можно отметить здесь как будто и известное противопоставление Моравии другим славянским землям в сообщении о сборе Святополком войск для нападения на Паннонию *ex omni parte Sclavorum* — «изо всех славянских краев» (а не из одной Моравии) [1, с. 114].

Видимо, к концу IX в. для иностранных наблюдателей стал более ясным характер мораван как общности не только политической, но и этнической.

Полученные результаты следует сопоставить с данными документальных источников. Уже самый ранний из документов — решение Майнцкого синода 852 г. — упоминает об особом *gens Magaensium* [4, с. 34]. Однако анализ более поздних источников — папских булл 70—80-х годов IX в. — показывает более сложную картину. В буллах названа лишь Моравия как страна, правителем которой является Святополк, а архиепископом — Мефодий [3, с. 189, 200]. Термина «мораване» как названия населения страны данные документы не знают. Чаще всего ее народ обозначается понятием «*populus*», а контекст, в котором этот термин употребляется, свидетельствует, что при этом имеется в виду не этническая, а политическая общность — подданные великоморавского князя Святополка⁹. В тех же случаях, когда определяется этническая принадлежность населения Моравии, папские буллы говорят о «славянах»¹⁰.

Налицо, таким образом, определенное расхождение между данными «Франских анналов» о *gens Magavorum* и свидетельствами современных им папских булл, которым это понятие незнакомо. Однако следует учитывать, что интересующие нас буллы были обычно ответом на исходившие из Великой Моравии просьбы одобрить (или запретить) «славянское письмо» или богослужение на «славянском языке». Под воздействием этих сообщений в курии легко могло сложиться представление о том, что население Моравии — славяне вообще.

Рассмотрим теперь свидетельства источников, возникших в самой Великой Моравии, — прежде всего «Житий» Кирилла и Мефодия. Однако, прежде чем переходить к содержащимся в этих памятниках сведениям о Моравии и мораванах, следует дать характеристику в целом системы понятий, которые используются в славянских текстах, возникших во второй половине IX в. в Великой Моравии для обозначения этнических и иных человеческих общностей.

Главное место в ней занимает термин «язык» (*ѣзык*), который употребляется одновременно для передачи греческих терминов *ἔθνος* и *γλῶσση*, т. е. «язык» — это и особый «народ», и особый «язык»

(в современном значении слова)¹¹. Следовательно, по представлениям авторов «Житий», особая этническая общность отличается от другой именно наличием у нее особого языка. Из совокупности таких общностей и состоит все человечество: в конце мира «сядет ветхий деньми судити всем языком» [8, Житие Константина, гл. XI, 93].

Хотя этот термин употребляется особенно часто, синонимичны с ним иногда и другие термины, которые используются главным образом там, где авторы «Житий» по стилистическим соображениям хотели избежать двукратного употребления одного и того же слова. Это, во-первых, термин «род». Термин употреблен в интересующем нас значении в главе XV «Жития Константина»: «Мы же многы роды знаем кънигы оумеюшта и богу славу воздаюшта кождо своим языком», и далее перечисляются армяне, персы и другие народы [8, с. 106]. Хотя термин «род» употребляется в этих памятниках не в одинаковом значении (он может употребляться, например, также для обозначения поколения), несомненно, что это слово соответствовало по своему основному значению греческому *γενεά*, обозначая общность людей, связанную кровными узами, происходящую от общего предка. В этом качестве термин «род» прилагался к человеческим общностям разного уровня, для которых был характерен этот общий признак, — от понятия всего человечества как совокупности потомков Адама («человеч род») [8, Житие Константина, гл. I, с. 60] до совсем небольшой группы людей — знатной аристократической фамилии (Константину обещали невесту «рода добра и велика») [8, с. 67]. Использование этого термина как синонима к понятию «язык»—«народ» говорит о том, что авторы «Житий» имели в виду не просто общность людей, говорящих на особом языке, но и связанных единством происхождения. В этом убеждает и еще одно наблюдение: как синоним понятия «язык»—«народ» в «Житиях» неоднократно употребляется и термин «племя»¹², обозначающий также совокупность людей, связанных кровнородственными отношениями. Наряду с этими терминами для обозначения определенной общности людей в «Житии Мефодия» использован один раз также термин «народ» [8, с. 162]. Разумеется, по этому единственному упоминанию нельзя точно определить содержание термина, однако изучение переводных текстов кирилло-мефодиевского времени показало, что этот термин был равнозначен греческим понятиям *ὄχλος*, *ἄϊμος*¹³, т. е. скопление людей или «народа» как политического, но не этнического целого¹⁴.

Обращаясь после этих предварительных замечаний к конкретным данным «Житий», следует констатировать, что как особая этническая общность со своим языком и обычаями здесь выступает общеславянская общность, обозначаемая термином «словенский язык». Так, уже заголовок «Жития Константина» содержит определение героя как «пръваго наставника и учителя словеньску языку» [8, с. 60]. Признаком этой особой этнической общности является прежде всего «словенский» язык, а также, как увидим

далее, и особые обычаи. К такой общности авторы «Житий», несомненно, причисляли и население Великой Моравии. Об этом позволяют судить слова, вложенные автором «Жития Мефодия» в уста посланца моравского князя Ростислава: «Мы, Словени — проста чадь» [8, с. 144]. Все содержание памятников убеждает также в том, что в понимании авторов жители Великой Моравии не только считают себя «славянами», но и говорят на «словенском языке». Однако — и это очень существенно для понимания высказываний авторов «Житий» о Моравии — в их представлении «славяне» живут отнюдь не только в Великой Моравии, а между языком и обычаями славян, живущих в Великой Моравии и за ее пределами, нет существенной разницы. Так, например, согласно рассказу «Жития Мефодия», император, предлагая Константину и Мефодию направиться в Моравию, аргументировал это тем, что «вы бо еста селоуныина, да селоуныне вси чисты словеньскы бесе доують» [8, с. 145]. Таким образом, не усматривалось существенных различий между славянской речью, на которой говорили в Солуни и в Великой Моравии. Еще более выразителен комментарий автора этого памятника к сообщению о том, что византийский император дал в управление Мефодию «словенское» княжество: «Яко прозьря, како ѿ хотяше учителя словением посълати и първаго архиепископа, дабы проучилъся въсем обычаем словенским» [8, с. 142]. Итак, согласно данному источнику обычаи славян, живущих в Византийской империи и в Великой Моравии, не отличались друг от друга.

Из всего этого закономерно следует, что «мораване» отличались в глазах составителей «Житий» от других славян лишь принадлежностью к особому политическому целому. Это политическое единство обозначено в текстах кирилло-мефодиевского цикла как «Морава» [8, с. 101, 105, 144, 145], «Моравска область» [8, с. 154], «земля Моравска» [8, с. 166], а его население — как «моравляны» [8, с. 98, 153—154] или «ввся люди Моравьскыя» [8, с. 154], без какого-либо дополнительного определения. Таким образом, нет оснований полагать, что авторы «Житий» воспринимали мораван как особую этническую общность. Контекст определенно говорит лишь об их принадлежности к особой политической общности. Этот вывод подкрепляется анализом «службы Мефодию», написанной Константином Преславским, где как объект духовного руководства, а затем посмертного патроната святого выступают одновременно «словене», «словенское стадо» и «земе Моравскаа... и людие ею» [8, с. 323—324].

Негативный результат проведенного исследования не может, однако, означать отрицательного решения вопроса о наличии у населения Великой Моравии своего этнического самосознания. Имеются, как указывалось выше, серьезные объективные основания в пользу того, что на территории Великоморавского государства такой процесс должен был происходить, но он, по-видимому, не смог получить адекватного отражения в текстах кирилло-мефодиевских памятников в силу особой приверженности их авторов

к представлению о славянах как о единой языковой, культурной и этнической общности, внутри которой возможны лишь политические деления.

Анализ более поздних западнославянских памятников кирилло-мефодиевской традиции, сохранивших в себе слои, восходящие к более раннему времени, позволяет наметить в самом общем виде (и предположительно) некоторые черты становления этнического самосознания зарождающейся великоморавской народности. Мы имеем в виду прежде всего так называемое «Сказание о преложении книг на славянский язык», выделенное как особый памятник А. А. Шахматовым при анализе «Повести временных лет» (начало XII в.). «Сказание» представляет собой компиляцию из текстов кирилло-мефодиевской традиции, главным источником которой было «Пространное житие» Мефодия. Однако эти заимствования сопровождаются авторским комментарием, подчеркивающим особую роль «Морав» в славянском мире. Так, здесь отмечается, что «первое преложены книги Мораве, яже прозвася грамота словенская»¹⁵. Еще более интересен заключительный комментарий к рассказу о создании славянской грамоты и основании моравского епископства: «В Моравы бо ходил и апостол Павел, учил ту, ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел, ту бо беша словене первое» [9, с. 23]. Очевидно, что здесь налицо двойное отождествление Моравии с Иллириком, а Иллирика — с прародиной славян. Такое отождествление, несомненно, имело целью подчеркнуть значение Моравии как прародины славян и места, где славяне впервые приняли христианство. Эта особая роль, по-видимому, в сознании автора в дальнейшем была закреплена созданием именно для Моравии славянской грамоты. Появление такого исторического построения — свидетельство существования достаточно высокого уровня самосознания образованных кругов того общества, в котором возник этот памятник.

Обсуждая вопрос о происхождении выделенных А. А. Шахматовым текстов, некоторые исследователи (наиболее определенно Р. О. Якобсон) возводили их к утраченному ныне великоморавскому сочинению времени Моймира II (конец IX — начало X в.)¹⁶. Однако изучение этих текстов показывает, что они не могут восходить к столь раннему времени. Сопоставление с такими, действительно возникшими в Великой Моравии второй половины IX в., памятниками, как «Пространные жития» Кирилла и Мефодия, показывает, что в них отсутствуют какие-либо конкретные дополнения о деятельности Кирилла и Мефодия в Моравии и вместе с тем налицо ряд искажений подлинных фактов¹⁷. Так, например, активным участником событий, связанных с прибытием моравских посланцев, выступает отец солунских братьев Лев, в действительности скончавшийся задолго до этого. Трудно представить, чтобы подобную ошибку мог допустить ученик Мефодия, которому атрибутируют «Сказание» Р. Якобсон и другие исследователи, разделяющие эту точку зрения. Гораздо более вероятно, что мы имеем дело с произведением человека, знавшего о Кирилле и Мефодии лишь

по письменным источникам и незнакомо с полным текстом «Пространного жития» Константина, где говорилось о смерти Льва, когда Константин был еще ребенком. Еще более существенна другая неточность — утверждение, что после одобрения папой славянского письма Константин—Кирилл «иде учит болгарского языка». Это явно вторичная версия, возникшая в Болгарии в процессе освоения болгарским обществом кирилло-мефодиевских традиций¹⁸. Наконец, следует отметить и прямое фактическое расхождение между древнейшими памятниками и «Сказанием» при рассказе о прошлом Моравии: если по «Сказанию» апостол Павел «учил есть язык словенск и поставил есть епископа и наместника по себе Андроника», то в «Житии Мефодия» в уста мораван вкладывается утверждение, что «отъци наши от святого Петра крещение прияли» [9, с. 28; 8, с. 153].

Все это не позволяет видеть в текстах, включенных в «Повесть временных лет», отражение подлинного памятника великоморавской литературы IX в. Гораздо больше оснований усматривать в них фрагменты произведения, созданного в чешском государстве Пшемисловцев. Представляется, однако, что появление такого сочинения в конце X или в XI в. было возможно лишь на базе определенных традиций, складывавшихся в предшествующий период в кругах церковной интеллигенции, связанной с социальной верхушкой великоморавского общества и пытавшейся осмыслить те сдвиги, в том числе и этнические, которые произошли в Центральной Европе с образованием Великоморавской державы.

Великоморавские традиции, конечно, создавались не только в этих кругах, о чем свидетельствуют очевидные следы не связанных с кирилло-мефодиевской традицией преданий о Святополке и гибели Великоморавской державы. Наиболее ранний из них (по времени фиксации в письменных источниках) — рассказ Константина Багрянородного (середина X в.) о «завете» Святополка своим сыновьям, который они не выполнили и тем привели к гибели Великоморавскую державу [3, с. 398—399]. Разумеется, рассказ в том виде, в каком он дошел до нас, представляет собой типичный «бродячий сюжет», но вряд ли его соединение с именем Святополка и Моравией можно приписывать инициативе Константина. Писавший в начале XII в. чешский хронист Козьма Пражский передал различные предания о таинственном исчезновении Святополка (по одной версии, он вдруг таинственно пропал среди своего войска, по другой — умер неизвестным отшельником на горе Зобор у Нитры [4, с. 201]). Один из вариантов преданий о Святополке и гибели Великоморавской державы отразился, как показывает словацкий исследователь М. Кучера, и в рассказе венгерского хрониста конца XII в. (так называемого Анонима) о занятии мадьярами Нитры¹⁹. Нет сомнений, что все эти предания отражали попытки осмысления разными кругами великоморавского общества такого, глубоко повлиявшего на его жизнь, события, как падение Великоморавской державы.

Характер этих преданий говорит в пользу тех исследователей, которые связывали зарождающееся самосознание великоморавской народности прежде всего с формирующимся сознанием принадлежности мораван к Великоморавскому государству. Хотя некоторые из преданий сохранялись среди «простого люда», не подлежит сомнению, что носителем этих представлений и силой, активно внедрявшей их в жизнь, был прежде всего складывающийся господствующий класс раннефеодального Великоморавского государства [10, с. 177—180].

В свете этого очевидно, сколь отрицательное воздействие на процесс формирования великоморавской народности оказало падение Великой Моравии в начале X в. Власть моравских князей, являвшихся видимым олицетворением этого государства, исчезла. Одновременно произошло разрушение многих градов — центров управления, а вместе с ними — системы нарождающейся государственной организации и единства формирующегося господствующего класса. К этому следует добавить и раздел великоморавской территории на части, население которых оказалось в разных условиях. Население западной части ядра Великоморавского государства, по-видимому, сохранило какие-то формы самостоятельной организации и было связано с разрушившимися Великоморавское государство венграми лишь данническими отношениями. Эта часть великоморавского населения вошла затем в орбиту влияния Древнечешского государства и была вовлечена в процесс формирования древнечешской народности.

Иной была судьба населения юго-восточной части Великоморавского государства, где довольно скоро появились постоянные поселения завоевателей, подчинивших местное население своей непосредственной власти [11, с. 173—187; 12, с. 56—59]. К XI в. эти земли стали частью государственной территории складывающегося Венгерского раннефеодального государства. Одной из сторон этого процесса были социальный упадок или ассимиляция формирующимся венгерским господствующим классом социальных верхов великоморавского общества, т. е. тех слоев, которые являлись носителями традиций принадлежности к Великой Моравии как к особому политическому, а отчасти и этническому целому. Тем самым утрачивались реальные основания для сохранения среди населения великоморавских политических традиций, сознания принадлежности к Великой Моравии [13, с. 43]. В ходе исторического развития потомки мораван утратили и свой этноним. В дальнейшем здесь наметился процесс складывания особой славянской народности, Ее формирование происходило в условиях контактов и конфронтации между двумя этносами — венгерским и славянским, резко отличными друг от друга по языку. Еще более существенным было то, что один из этих этносов — славянский не обладал своим господствующим классом, не имел особых форм социальной и государственной организации, подчиняясь власти Венгерского государства. Закономерно, что в этих условиях фундаментом, на котором стало строиться самосознание новой, сло-

вацкой народности, стало сознание принадлежности к славянской общности в целом, о чем и говорит самоназвание, принятое в итоге этим населением.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Наиболее убедительное свидетельство этого — неудача попыток реконструировать для этого района «племенные» территории по особенностям материальной культуры. См.: *Достал Б.* Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии. — В кн.: *Древняя Русь и славяне.* М., 1978, с. 84.
- ² Такое происхождение этого названия было ясно уже для людей раннего средневековья. См. в «Повести временных лет»: «...пришедше седоша на реце имянем Марави и прозвашася морави» (ПВЛ, ч. 1, с. 11).
- ³ Обзор этой дискуссии см. в кн.: *Kučera M.* Slovensko po ráde Vel'kej Moravy. Bratislava, 1974, s. 34, 37.
- ⁴ Разбор свидетельств каролингских анналов о полабских славянах под этим углом зрения см.: *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1970, t. IV, s. 236—262.
- ⁵ Франкские войска в 869 г. подошли к «illam inefabilem Rastizi munitio-nem et omnibus antiquissimus dissimilem» (MMFH, t. I, s. 101).
- ⁶ Существуют как монографии, подводящие итоги исследованию отдельных «градов» (*Poulik J.* Mikulčice-sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975; *Hrubý V.* Staré Město — velkomoravský Velehrad. Praha, 1965), так и ряд монографических статей, а также исследования обобщающего характера (*Poulik J.* Staří Moravané budují svůj stát. Gottwaldow, 1963; *Štepanek M.* Opevněná sídliště 8—12 století ve střední Evropě. Praha, 1965; *Chropovský B.* Slovensko na úsvite dejin. Bratislava, 1970.)
- ⁷ Разумеется, это относится лишь к основному ядру Великоморавской державы, где протекали описанные выше процессы, в отличие от тех территорий, которые были связаны с этим ядром лишь отношениями уплаты дани, участия в военных походах великоморавского князя и т. д.
- ⁸ Ср. указание того же источника под 871 г., что Святополк изменил присяге «по обычаю славян» (MMFH, t. I, s. 104). В сообщении «Ксантенских анналов» о том же событии говорится, что «regnum Margorum» было вырвано у франков «per quendam eiusdem gentis Sclavum» (Ibid., s. 68).
- ⁹ На это указывает употребление таких выражений, как «populus terre tuo», «populus tuus», ясно противопоставляемых «благородным мужам» (primates, iudices), составляющим окружение князя. См.: MMFH, t. III, s. 200, 217, 224.
- ¹⁰ См. предписание в булле Иоанна VIII, чтобы все духовные лица моравской епархии повиновались Мефодию — sive Sclavos, sive cuiuslibet gentis (MMFH, t. III, s. 205). Булла Стефана V адресована «Святополку, королю славян» (Ibid., s. 217); инструкция послам того же папы в Моравию дана им как лицам, посланным ad Sclavos, и начинается словами Cum Deo propitio ingressi Sclavorum fines fueritis (Ibid., s. 226).
- ¹¹ Разбор соответствующих свидетельств см.: *Ангелов Д.* Смысл и содержание на думите язык, родъ, племя и народъ в средневековната българска книжнина. — *Paleobulgarica*, 1978, N 3, s. 13—15.
- ¹² Житие Константина, X («ово от сего, ово от иного языка и племени»), XII («гяду аз собрати вси племена и языки»), XVI («а прочим всем языком и племеном слепым веляще быти»). — MMFH, t. II, s. 87, 96, 106. О значениях термина «племя» в древнейших славянских текстах см.: *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1973, t. 25, s. 49.
- ¹³ Так в переводе евангельских текстов (*Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1969, t. 19, s. 309), а также в «Номоканоне» Иоанна Схоластика, переведенном Мефодием (MMFH, t. IV, s. 272).
- ¹⁴ Правда, в одном из памятников, относимых к этому периоду, термин «народ» как будто употребляется именно в таком значении. Так, в «Киевских листках» читается: «Не обрати нас в плен народом поганьским» (MMFH,

t. II, s. 319), однако в аналогичном контексте в «Номоканоне», переведенном Мефодием, читаем о «варварских языцах» (ММФН, т. IV, s. 263). Очевидно, в «Киевских листках» мы имеем дело со словоупотреблением более позднего времени.

¹⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 21. Это положение дополнительно подчеркивается утверждением, что Кирилл и Мефодий создали азбуку не только для моравян, но и в Моравии («сима же пришодьшома, начаста съставлявати писмена». — Там же, с. 22).

¹⁶ Подробнее о разных точках зрения на происхождение «Сказания» см.: *Кралик О.* Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле. — ТОДРЛ, XIX, с. 178—181.

¹⁷ См. о них в комментарии Д. С. Лихачева (ПВЛ, ч. 2, с. 257—259).

¹⁸ См. ту же версию в написанном в Болгарии «Проложном житии Кирилла» (ММФН, т. II, s. 242).

¹⁹ См.: ММФН, т. I, s. 226—228; *Kučera M.* O historickom vedomí slovákov v stredoveku. — In: *Dawna świadomość historyczna w Polsce, Czechach i Slowacji.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1978, s. 39—40.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. ММФН, т. I.
2. *Kos M.* *Conversio Bagoariorum et Carantanorum.* Ljubliana, 1936.
3. ММФН, т. III.
4. *Ibid.*, т. IV.
5. *Łowmiański H.* *Początki Polski.* Warszawa, 1970. Т. IV.
6. *Bischoff B.* *Die südostdeutschen Schreibschulen und Bibliotheken in der Karolingerzeit.* Wiesbaden, 1960. Bd. I.
7. *Bulín H.* *Staré Slovensko v údajoch tzv. Bavorského geografa.* — *Historický časopis*, 1958, N 3.
8. ММФН, т. II.
9. ПВЛ, ч. 1.
10. *Dekan J.* *Velka Morava a problematika staromoravskej národnosti.* — *Historický časopis*, 1972, N 2.
11. *Chropovský B.* *Slovensko na úsvite dejin.* Bratislava, 1970.
12. *Kučera M.* *Slovensko po páde Vel'kej Moravy.* Bratislava, 1974.
13. *Kučera M.* *O historickom vedomí slovákov v stredoveku.* — In: *Dawna świadomość historyczna w Polsce, Czechach i Slowacji.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1978.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ САМОСОЗНАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

(по памятникам древнерусской письменности
X—XII вв.)

Исследователи этнической истории восточных славян в целом встречаются с теми же трудностями в работе, что и те, кто занимается другими ветвями славян; это сравнительная скудость и отрывочность письменных источников, отсутствие строгих и определенных критериев при характеристике и оценке археологиче-

ского материала, спорность многих наблюдений ученых-лингвистов. И все же по истории восточных славян существует ряд важных письменных источников, прежде всего русские летописные своды XI—XII вв., опираясь на сведения которых можно охарактеризовать основные этапы процесса формирования самосознания древнерусской народности.

Описание состояния восточных славян и внутреннего деления в их среде в период, предшествующий образованию Древнерусского государства и древнерусской народности, содержится во вводной части «Повести временных лет» — древнерусского летописного свода начала XII в. Рассказав о расселении славянских племен по Дунаю, Мораве и Висле, летописец переходит к повествованию о славянах восточных: «Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота, от сея прозвавшася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша ѥ Новъгород. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, нарекошася север». Таков первый рассказ летописца о расселении восточнославянских племен. Он не исчерпывает, однако, всех этих племен, и летописец, остановившись подробнее на древнейшей истории полян, которых он называет «мужи мудри и смыслени», продолжает перечислять другие славянские племена: «Кривичи, иже седять на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленск. . . , бужане зане седоша по Бугу, после же вельныне». Далее, рассказав о братьях Радиме и Вятке, родоначальниках, в соответствии с обычной средневековой традицией, племен, в данном случае радимичей и вятичей, летописец так определяет место их поселения: «И пришедъша седоста Радим на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи. И живяху в мире поляне и древляне, и север, и радимичи, вятичи и хрвате, дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне, а улучи и тиверьци седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви» [1, с. 11, 13—14].

В какой мере можно считать точными сообщения летописца и к сколь раннему времени можно возвести описанную им картину? Некоторые точки опоры дает сопоставление сведений летописца о славянском населении бассейна Буга с данными источника первой половины IX в. — «Баварского географа». По сведениям летописца, это население трижды меняло свое название: сначала оно именовалось «дулебами», затем «бужанами» — название, производное от реки Буг, затем «волынянами» — по названию политико-административного центра этого района, «града» Волини. Характерно, что в «Баварском географе» зафиксировано уже второе из указанных названий — *Busani* — Бужане. Известно составителю этого памятника и название другой, соседней с бужанами группы славянского этноса — *Unlizi* — Уличи [2, с. 288].

Иначе говоря, показания «Повести временных лет», несомненно, отражают действительность первой половины IX в., а в некоторых случаях и более раннего времени.

Об относительной древности нарисованной в летописи картины свидетельствует и тот факт, что приведенные в «Повести временных лет» названия являются патронимами или произошли от характера местности, на которой расселялся данный коллектив (лес, поле, болото — «дрягва»), от названий рек. Среди этих наименований практически нет производных от названий городов — политико-административных центров данных территорий: это явление характерно для этапа сложения феодальной государственности и классового общества

Те группы населения, на которые делилось восточное славянство уже в IX в., а вероятно, и ранее, в исторической литературе довольно долго назывались «племенами». Следует, однако, подчеркнуть, что в источниках они этим термином не обозначаются: при описании этого этапа жизни восточных славян в источниках конца XI—начала XII в. постоянно фигурирует термин «род». Уже в «Начальном своде» 90-х годов XI в., памятнике более раннем, чем «Повесть временных лет», о предках восточных славян говорится: «Живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюща кождо родом своим» [3, с. 104]. Та же терминология присуща и «Повести»¹. К сожалению, употребление этого термина не позволяет определить, какая общность имеется в виду, так как понятие «род» используется для обозначения общностей разного уровня — от просто знатного рода в современном понимании («держати почаша род их княжение в полях») [1, с. 13, 20] до обозначения отдельных народов и более широких этнических общностей («род ляхов», а также «род словенский», «род варяжеский») [3, с. 107, 131; 1, с. 14, 59]. Ясно, однако, что при употреблении термина «род» речь шла об общностях не государственных, а основанных на сознании единства происхождения.

Данные Нестора об ареале расселения разных групп восточных славян, который подчас равнялся территории целых европейских государств, позволяют полагать, что эти общности являлись не «племенами», а объединениями более высокого типа, «племенными» союзами. В пользу этого говорят и сведения о количестве градов у различных восточнославянских объединений: у бужан, по данным «Баварского географа», был 231 град, у уличей — 318 градов [3, с. 288]. Такого количества градов не могло быть на территории одного племени. Так, известно, что на земле племени «коледичей», входивших в племенной союз полабских сорбов, в середине IX в. насчитывалось всего 12 градов [4, с. 240]. Ряд важных аргументов археологического порядка в пользу признания перечисленных в «Повести временных лет» объединений восточных славян «племенными» союзами привели такие крупнейшие знатоки древней истории восточных славян, как П. Н. Третьяков [5, с. 14, 65—67, 109—110, 250—260 сл] и Б. А. Рыбаков [6, с. 24].

Для понимания характера этих союзов как этнических объединений очень существенны замечания в «Повести временных лет» о различиях между ними. Так, здесь указывается, что люди, входившие в состав отдельных «племенных» союзов, «имяху. . . обычай свой, и закон отец своих, кождо свой нрав». Другими словами, восточнославянские «племенные» союзы имели ряд черт, присущих этническим общностям: свои законы и обычаи, свои нравы.

Летописец подкрепил это положение рядом конкретных сообщений: о различиях между брачными обычаями полян и древлян, о том, что и радимичи, и вятичи, и северы «один обычай имяху»; он дал и описание этого «обычая», в частности характерного для него обряда погребения [1, с. 14—15]. Употребляя в рассказе о древних обычаях славян имперфект, летописец тем самым давал понять, что речь идет об отдаленном для человека начала XII в. прошлом [7, с. 134]. Кое-что сохранялось, однако, и в его время: так, описав языческий обряд погребения, летописец отметил: «Еже творять вятичи и ныне».

Эти сообщения «Повести временных лет» привлекли внимание археологов, неоднократно сопоставлявших их с результатами археологических раскопок. В результате выявлено главное: каждому из восточнославянских «племенных» союзов были действительно свойственны свои обычаи, частично отраженные в сохранившихся остатках памятников материальной культуры. Так, обряд погребения у ряда «племенных» союзов обладал специфическими чертами: у новгородско-ильменских славян это — круглые сопки [8], у смоленских кривичей — удлиненные курганы [9], у вятичей — засыпанные землей столпы [10], так это указано и в «Повести», для северян характерны захоронения на горизонте [11, с. 81—105]. Была установлена и степень точности отдельных конкретных известий «Повести». Так, ряд северянских женских украшений, отличаясь от полянских, имеет несомненное сходство с подобными украшениями у радимичей и вятичей [11]. Эти наблюдения археологов вполне соответствуют летописному замечанию, что «племена» радимичей, вятичей и северян «один обычай имяху».

Выявление особенностей материальной культуры населения, входившего в состав различных «племенных» союзов, позволило установить ареал их распространения, сравнить эти данные с сообщениями вводной части «Повести» и внести в летописные сообщения известные уточнения, а иногда и коррективы.

Уточнена по археологическим данным южная граница расселения северян. Летопись указывает в качестве ее р. Сулу, археология же позволяет отодвинуть эту границу далее на юг, от нижнего течения Ворсклы до Северского Донца (южнее Харькова) [12, с. 118—120]. Другой пример уточнения археологами карты Нестора касается пределов расселения радимичей и дреговичей. Оказывается, Днепр не являлся границей обитания радимичей: их поселения обнаружены Т. Ф. Соловьевой и на правобережье,

и, наоборот, следы поселений дреговичей удалось установить на левом берегу Днепра [13, с. 251]. Очень существенны коррективы, внесенные археологами в летописные данные о расселении кривичей. Выяснено, что кривичи жили не только в верховьях Двины и Днепра, как сообщает «Повесть», но на гораздо более обширной территории, пределы которой простирались от Пскова до Суздаля. Таковы свидетельства археологических памятников, изученных В. В. Седовым [14, с. 201; 15, с. 47]. По-видимому в данном случае летописец отметил лишь главный (по его мнению) район расселения кривичей.

В целом, однако, налицо соответствие данных археологии и «Повести временных лет» об ареалах расселения восточных славян, и это дает веский довод в пользу того, что данные общности были именно «племенными» союзами. В эпоху существования этих союзов (VII—VIII вв., в отдельных случаях, возможно, и ранее) совершался интенсивный процесс разложения родо-племенных отношений у восточных славян. Происходили распад родовых общин и выделение отдельных семей-домов. Археология свидетельствует о смене родовых усыпальниц курганами, насыпанными только над одной семьей. Родовая община сменялась соседской. Усиливалась социальная и имущественная дифференциация, из массы соплеменников выделялась племенная знать, зарождались органы принуждения.

В этих условиях на базе «племенных» союзов стали возникать «племенные» княжения. В «Повести временных лет» не только четко выделен этот новый этап в общественной жизни восточных славян, но и отмечено, что такие княжения появились на территории ряда «племенных» союзов. Описав возникновение княжения у полян, летописец подчеркнул: «А в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане» [1, с. 13].

С двумя основными этапами этнополитического развития восточных славян связано возникновение исторических преданий, отразившихся в русском летописании конца XI—начала XII в.

Отмеченный выше рассказ о Радиме и Вятке как родоначальниках радимичей и вятичей отражает еще идеологию эпохи существования «племенных» союзов, пережиточно сохранявшуюся в близкую к летописцу эпоху у сравнительно отсталого в социальном развитии населения Полесья и брянских лесов. Не случайно вятичи еще в XI в. воспринимались на Руси как язычники и вплоть до XIV в. сохраняли языческий обряд захоронения в курганах (см. [10]).

Радим (как и Вятко) выступает в предании в качестве эпонима родоначальника «племени», от которого оно получило свое название, а главным актом его деятельности представлено поселение на будущей территории «племени»: предание было «историческим» обоснованием единства коллектива «соплеменников», их прав на занятую «племенем» землю.

К следующему этапу — этапу возникновения «племенных» княжений следует относить полянское предание о Кие, известное в двух различных версиях «Начального свода» (конец XI в.) и «Повести временных лет» (начало XII в.). Речь идет уже не о родоначальнике «племени», а о князе—родоначальнике княжеского рода, основателе политического центра княжества — укрепленного града, названного по его имени. «И по сих братьи держати почаша род их княженъе в полях», — завершает свою запись предания о Кие и его братьях летописец, подчеркивая основное значение сказания о том, как возникла у полян княжеская власть [1, с. 13]. Основатель Киева Кий выступает с атрибутами уже не родоначальника, а князя-правителя (особенно в той его версии, которая отражена в «Повести временных лет»): он посетил Царьград, где «великую честь» принял от византийского императора [1, с. 13]. Вместе с тем предание четко фиксирует родовую связь Кия с массой соплеменников: Он «княжаше в роде своем». В другом месте отмечается, что, придя на Дунай, Кий там также «хотяше сести с родом своим». Особенно характерны в этом смысле слова полян, приведенные в летописи под 862 г.: «Была суть 3 Братья, Кий, Щек, Хорив, иже зделаша градок съ (Киев. — А. Р., Б. Ф.) и изгибоша, и мы седим, род их, платяче дань хозаром» [1, с. 13, 18; ср. 3, с. 104—105]. Иначе говоря, самосознание населения «племенного» княжения еще сохраняло, видимо, тесную связь с нормами старого племенного самосознания.

Следующим этапом этнополитического развития восточных славян стало возникновение в IX в. объединений, охватывавших территорию нескольких таких «племенных» союзов (вернее, возникших на их основе «племенных» княжеств). Объединения эти были иногда даже неоднородны по своему этническому составу. Так, в состав объединения, образовавшегося в северной части Восточной Европы, вместе с приильменскими словенами и исковской ветвью кривичей, близкими в языковом и общекультурном отношении, вошел также и какой-то этнос финно-угорского происхождения, обозначенный летописцем термином «чудь»². Главной причиной возникновения таких объединений было дальнейшее углубление процессов социально-экономического развития, но определенную роль сыграла также необходимость борьбы с внешним врагом, в данном случае — с угрожавшими северным восточнославянским землям варягами.

На юге аналогичное значение имела необходимость борьбы с хазарами. Именно здесь, в Среднем Поднепровье, возникло то политическое объединение восточных славян, которое сыграло затем выдающуюся роль в создании Древнерусского государства и формировании древнерусской народности. Это объединение прослеживается по источникам уже в первой половине IX в. «Бертинские анналы» сообщают о послах «народа (gens) Рос», прибывших в 839 г. к императору Людовику Благочестивому; во главе этого народа стоял правитель (rex) с титулом «кагана» [16, с. 34]. Кроме того, Ruzzi (Русы) упомянуты в перечне народов, живших на восток

от Каролингской империи, в тексте «Баварского географа» — источника первой половины IX в. [2, с. 289].

Титул «хакан» — тюркского происхождения, принятый правителями «народа Рус»³, очевидно, с целью подчеркнуть свою независимость от носившего аналогичный титул хазарского правителя. Как указывает А. П. Новосельцев, в иерархии восточных титулов «хакан» означал правителя более высокого ранга, чем князь (малик, падшах), «и может быть приравнен к европейскому титулу императора» [17, с. 406—407]. Правитель с таким титулом, конечно, уже не был племенным князем, а стоял во главе объединения, которое можно рассматривать как зародыш большого раннефеодального государства.

Реконструкцию границ «Русской земли» IX в. осуществил А. Н. Насонов [18, с. 28—33]. Исследователь опирался на данные письменных источников XII в., когда в условиях торжества феодальной раздробленности снова ожили старые понятия. Однако полученные им конкретные результаты ни в чем не противоречат сведениям источников X в.

Сопоставление выводов ученого с данными о расселении восточных славян показало, что в состав «Русской земли» вошла полностью территория княжения полян и восточная часть мест расселения северян⁴. Что же означало название «Русь», которое получило новое политическое объединение? Дискуссия по этому вопросу не закончена до сих пор. Наиболее обоснованной представляется точка зрения, что «Русь» — это старый этноним, возможно, иранского происхождения, зафиксированный в источниках для районов Причерноморья уже в VI в. [19, с. 145—159]. Однако, независимо от происхождения этого названия, следует отметить вслед за А. Н. Насоновым и Г. Ловмянским, что в отличие от других этнонимов русских летописей название «Русь» с самого начала служило обозначением надплеменного политического образования. Возможно, и само принятие этого названия было одним из важных звеньев в процессе утверждения государственной организации, идущей на смену племенной [18, с. 21—22, 30; 19, с. 154—156]. Следовательно, и население этого государства — «народ Рус» источников IX в. — представляло собой надплеменную общность.

К сожалению, о процессе слияния отдельных племенных групп «Русской земли» в одну этническую общность позволяют судить пока лишь археологические материалы. Они дают возможность наметить некоторые черты, характерные для таких процессов, протекавших в условиях зарождения феодальной государственности. На этом этапе весьма большую роль играли непосредственные контакты основных масс населения. Распространение на территории «восточных северян» X в. свойственного полянам обряда погребения и погребального инвентаря следует, вероятно, связывать с широкой полянской колонизацией этих земель⁵.

Хотя данные о Руси IX в. очень скудны, есть основания полагать, что уже в IX в. «Русская земля» была ядром обширного по-

литического целого. Показательно, что патриарх Фотий в энциклике 867 г., определяя «русов» как «бесчисленный народ» (*ἄναριθμητος*), указывал, что они напали на Константинополь, «поработив (т. е. по-видимому, обложив данью. — *Авт.*) соседние народы» [20, р. 168, том. II, 10].

Следующей важной гранью в истории восточных славян стал рубеж IX—X вв., когда власть правителей «Русской земли» в той или иной форме стала распространяться на большую часть восточнославянских «племенных» княжений. Войска этих княжений стали принимать участие в походах киевских князей, прежде всего в знаменитых походах X в. на Константинополь. В сфере внешних сношений киевских князей с соседними государствами стало утверждаться новое представление о «Руси» как о совокупности населения всех земель, признававших верховную власть киевских князей.

Это новое понятие зафиксировано в ряде иностранных источников X в. Особенно показательно в этом отношении свидетельство польского документа, известного под условным названием «*Dagome iudex*» (начало 90-х годов X в.), где упоминается граница Древнепольского государства с «Русью» (*Russe*) [4, 158—159]. Здесь «Русь» — конечно, не территория Среднего Поднепровья.

Более полно раскрыть содержание этого понятия позволяет договор Олега с греками 911 г. Во вступительной части договора о послах сказано: «... иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр». Далее снова указывается, что договор заключен «похотеньем наших великих князь и по повеленью от всех иже суть под рукою его сущих Руси» [1, с. 25—26]. Нет оснований сомневаться, что находящиеся «под рукою» Олега «светлые и великие князья» стояли во главе восточнославянских «племенных» княжеств, находившихся в определенной зависимости от киевского князя. Послы представляли всех этих «государей» в совокупности, а следовательно, и нормы договора относились к населению всех их владений. В дальнейшем тексте договора (как и последующих договоров 944 и 971 гг.) также не проводится никакого разграничения между «русами» и другим восточными славянами, признающими верховную власть Олега. Таким образом, понятие «Русь», означающее в договоре то страну, то ее население⁶, и производное от него «русин» относятся ко всем восточным славянам, находившимся под властью киевского князя.

«Русь» выступает в договоре не только как особая политическая общность со своей верховной властью, своими «законами» и «поконами», но и как общность этническая. В преамбуле договора послы Олега и других князей выступают как послы «от рода рускаго». «Род русский» здесь, конечно, не государственная, а, скорее всего, этническая общность. Еще более важно заявление послов, что они приносят клятву «по закону и покону языка нашего» [1, с. 29], где «язык» — не что иное, как наиболее характер-

ное для древних славянских памятников обозначение этнической общности.

Однако если указанные памятники свидетельствуют о новом значении понятия «Русь», то ряд других источников того же X века содержат данные иного рода. Так, автор «Областей мира» писал, что «среди русов живет часть славян, которая находится в услужении у них» [21, р. 159]. Что здесь имеется в виду, позволяет выяснить свидетельство Константина Багрянородного, писавшего в середине X в. В его сочинении «Об управлении государством» о «русах» сказано: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Кявы (Киева) и отправляются в „полюдие“, которое называется „кружением“, а именно в Склавинии вьрвианов (древлян. — *Авт.*), другувитов (дреговичей. — *Авт.*), кривичей, севериев (северян. — *Авт.*) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками. — *Авт.*) русов» [22, сар. 9, р. 62]. В другом месте он снова упоминает этих славян-«пактиотов», изготовлявших «однодеревки» и продававших их «русам», плавающим в Константинополь [22, сар. 5, р. 56].

В этом источнике, описывающем отношения внутри Древнерусского государства, обращает на себя внимание четкое противопоставление «русов», которых византийский писатель отождествляет с социальной верхушкой «Русской земли», другим славянским землям — «Склавиниям», признающим власть киевского князя. Противопоставление это основано на том, что «Склавинии», носящие свои традиционные названия восточнославянских «племенных» союзов, уплачивают «русам» дань.

Сообщение такого осведомленного современника, как Константин, следует сопоставить с летописными записями о событиях X в. Записанные в конце X—начале XI в., они передают рассказы и предания, возникшие, конечно, в более раннее время. В них постоянно встречаются названия восточнославянских «племенных» союзов, большая часть которых уже являлась к этому времени, как говорилось выше, племенными княжествами. Эти земли выступают как объект завоевательной политики киевских князей, которые «примучивают» их, облагают данью и силой подавляют их попытки порвать зависимость от Киева. В иных отношениях составителя летописных записей, отражавшего, как показал А. Н. Насонов, интересы киевской знати, эти племенные территории совсем не интересуют, и о событиях их внутренней жизни он ничего не сообщает.

В ряде этих записей понятие «Русь» употребляется в том же значении, что и «русы» у Константина Багрянородного. Так, например, в рассказе о походе Олега на Царьград четко противопоставляются «русь» и северные «словене» [4, с. 108; 1, с. 25]. Еще более выразителен рассказ о войне с радимичами с характерным комментарием: «Темь же и Русь корят Радимиче, глаголяще. . . волчья хвоста бегали». А далее летописец указывает, что радимичи «платять дань Руси, повоз везуть и до сего дни» [3, с. 131; 1, с. 59]. Здесь «русь», как «русы» у Константина, фактически отожд-

дествлена с той социальной верхушкой «Русской земли», в пользу которой поступала дань с подчиненных восточнославянских земель.

Выявить главные черты системы отношений «Русской земли» с другими восточнославянскими землями и воздействие этой системы на этническое самосознание восточных славян позволяет рассказ летописи о древлянах и князе Игоре [3, с. 110—113; 1, с. 39—43]. Этот рассказ помогает уяснить, что упомянутые у Константина «русы» — это княжеская дружина, а «полюдье» — наезды дружины на земли восточнославянских объединений, лежавших за пределами «Русской земли», во время которых дружина, взимая дань, «насиляше» местное население. Территория древлян выступает как особый политический организм — «Деревьская земля». Среди «древлян» выделяются «лучшие мужи нарочиты, иже держаша Деревьску землю». Во главе «Деревьской земли» стоит князь по имени Мал. В высказываниях, вложенных в уста древлян летописцем, они противопоставляют киевскому князю, который «акы волк, восхыщая и грабя», своих князей, которые «расплодили землю нашу». Существенно при этом, что «древляне» не причисляют себя к «Руси», как это видно из слов об Игоре: «. . .се князя убихом руского».

Очевидно, что при такой системе отношений сознание принадлежности к своему «племенному» княжению на территориях, подчиненных верховной власти Киева, не только сохранилось, но и усиливалось, принимая форму активного противопоставления «своего» и «чужого», своей «земли» и своих правителей «Русской земле» и ее князьям.

Рассказ позволяет сделать ряд заключений и об общем уровне развития «Русской земли» и «земли Деревьской». Хотя древляне, несомненно, имели своего князя, он не играл большой роли в развитии событий. Решение об убийстве Игоря приняли древляне, «сдумавше. . . с князем своим», а в дальнейшем вообще действовали «лишь «древляне», древлянские послы, причем послы не князя, а «Деревьской земли». Такие порядки характерны скорее для «племенного» княжения. Иной была картина в «Русской земле». Здесь единственным лицом, направляющим развитие событий, выступает вдова Игоря, Ольга. Она одна принимает решения, отдает приказания и дружине, и местному населению, которое в отличие от древлян не носит племенного названия, а определяется терминами «людье киевский», «кияне». Все это — проявление различий между уровнем развития раннефеодального государства — «Русской земли» — и уже архаичным для X в. «племенным» княжением древлян. Весьма важно, что даже отсталое древлянское общество после убийства Игоря не ограничилось отложением от «Русской земли», а стремилось подчинить ее своей власти, требуя выдать Ольгу замуж за древлянского князя. Так в действиях древлянской верхушки также проявилась главная тенденция в этнополитическом развитии восточных славян — тенденция к их объединению в одно целое.

Для понимания общей направленности развития следует раз-
зобратить известия летописи о финале конфликта между «Русской
землей» и древлянами. В «Начальном своде» говорится о том, что
на древлян была возложена «дань тяжка», но этим дело не ограни-
чилось, так как далее сказано: «И иде Ольга по Деревьстей земле
с сыном своим и с дружиною своею, установляючи уставы и уро-
ки» [3, с. 113]. Это сообщение дополнено в «Повести» рассказом
о взятии главного града древлян — Искоростеня. Когда град за-
горелся, «побегоша людье из града, и повеле Ольга воем своим
имати а, яко взя град и пожьже ѥ; старейшины же града изнима,
и прочая люди овых избѣ, а другая работе предасть мужем своим,
а прок их остави платити дань» [1, с. 43]. Хотя Искоростень, судя
по археологическим данным, и далее продолжал существовать
[23, с. 51], административным центром «Деревьской земли» стал
Вручий — современный Овруч [3, с. 124—125; 1, с. 53].

Эти летописные тексты неоднократно анализировались при
изучении развития древнерусской феодальной государственности
[24, с. 240—241; 25, с. 148—152]. Эта сторона дела теперь достаточ-
но выяснена. Для нашей темы важны несколько иные аспекты.
Здесь следует отметить, что результатом конфликта была факти-
ческая ликвидация племенного княжения древлян, разрушение
его главного града — средоточия и политических традиций мест-
ного населения, и важных для всего племенного княжества куль-
тов, удаление с древлянской территории местной племенной знати
(«старейшин»), традиционно выступавшей в роли политического
руководителя племенного объединения и хранителя его идейных
традиций, отправлявшей племенные культы, подчинение тер-
ритории древлян власти «русской» администрации. Все это озна-
чало сильный удар по традициям племенного самосознания и ста-
новление новых форм общественных связей, которые вели к по-
степенному сближению социального положения различных эт-
нических групп восточных славян (в данном случае — населения
«Русской земли» и древлян). Важнейшей предпосылкой успешного
развития этого процесса были тесное языковое родство и культур-
ная близость этих групп.

Рассказ о древлянах представляет особый интерес потому,
что ликвидация древлянского княжества была частью общего
процесса ликвидации восточнославянских «племенных» княже-
ний, протекавшего во второй половине X в., хотя, разумеется,
не всегда и не везде он протекал именно в такой форме. Об общем
ходе этого процесса позволяют судить преамбулы договоров Руси
с греками. Если в договоре 911 г. фигурируют «светлые и вели-
кие князи», то договор 944 г. заключался от имени «Игоря вели-
кого князя русского и от всякого княжья и от всех людей», а в до-
говоре 971 г. упомянуты лишь «бояре и Русь вся» [1, с. 25—26,
35, 52]. Помещенный в летописях под 989 г., но относящийся
к более позднему времени перечень сыновей Владимира киев-
ского [3, с. 159; 1, с. 83] и их княжеских столов говорит о том, что
в начале XI в. в подавляющем большинстве главных центров на

землях, населенных восточными славянами, сидели уже не «племенные» князья, а члены княжеского рода Рюриковичей — наместники киевского князя. В XI в. лишь отдельные территории, как, например, «страна вятичей», продолжали сохранять прежний статус «племенных» княжеств⁷.

Ликвидация «племенных» княжений положила начало новому этапу в развитии феодальной государственности восточных славян, произошел «переход к новым формам государственной жизни, с более развитым административным и финансовым аппаратом, с новой системой организации дани и суда» [26, с. 42]. Как показал А. Н. Насонов, к концу XI в. основная часть восточнославянских земель стала объектом деятельности аппарата принуждения сформировавшегося Древнерусского государства и пришедшего на место «племенной» знати господствующего класса этого государства — боярства, связанного с Киевом и заинтересованного в сохранении этой связи.

Все это способствовало уравниванию ранее существовавших различий в положении разных восточнославянских этнических групп. Новое политическое деление Древнерусского государства на «области» — «земли», ставшие в период феодальной раздробленности отдельными княжествами, не совпадало с прежним «племенным» делением, его формирование сопровождалось переделом старых «племенных» территорий.

Так, например, Черниговская земля XI—XII вв. наряду со старой «племенной» территорией северян включила часть «племенных» территорий дреговичей, радимичей и вятичей. Другие области этих территорий вошли в состав Полоцкой, Смоленской и Ростово-Суздальской земель [21, с. 70—73]. Положение людей стало определяться не их принадлежностью к тому или иному «племени» (или племенному союзу), а их местом в социальной структуре формирующегося Древнерусского государства. Этому содействовала и активная деятельность раннефеодального государства, вмешательство которого в общественную жизнь в конце X—XI в. постепенно росло.

Можно наметить три направления этой деятельности, способствовавшие ослаблению племенных различий и усилению сознания принадлежности к более широкой общности. Во-первых, это привлечение к решению важных общегосударственных задач (прежде всего для борьбы с кочевниками) населения всей «Русской земли» в невиданных ранее масштабах. Так, летопись сообщает, что для борьбы с кочевниками Владимир Святославич «нача ставити города по Десне и по Вьстри и по Трубежю и по Суле и по Стугне, и нача порубати мужи лучьшии от Словен и от Кривиць, и от Чюди, и от Вятиць и от всех град»⁸. Таким образом, в градах, поставленных Владимиром на южнорусских землях, бывших территориях полян и северян, с целью обороны от кочевников размещались «лучшие мужи», набранные на территории северных восточнославянских «племенных» княжеств⁹. Следовательно, решая общегосударственные задачи, киевские князья активно содейство-

вали формированию единого общерусского господствующего класса, тесно связанного с Киевом и чуждого местных племенных традиций.

Во-вторых, следует отметить изменения, внесенные княжеской властью в нормы существующего права. Возмещение за нанесенный ущерб определялось теперь лишь социальным положением пострадавшего, а не его племенной принадлежностью [25, с. 131—133]. Так, уже в первой статье «Краткой правды», возникновение которой исследователи относят к 1016 г., о норме возмещения за убийство сказано: «...аще ли будет Русин... любо Словенин, то 40 гривен положити за нь» [3, с. 176].

И наконец, в-третьих, княжеская власть активно участвовала в принятии единой для всего населения Древнерусского государства системы религиозных верований. Хотя и ранее существовала известная общность религиозных верований не только восточных славян, но и славян вообще, однако наряду с чертами такой общности имелись и серьезные различия, некоторые из которых появлялись в районах интенсивных этнических контактов восточных славян с угро-финским и балтским этносами (см., например, почитание змей у той части восточных славян, которая ассимилировала балтские этнические группы). Об этом косвенно, но убедительно говорят известные летописцу в начале XII в. серьезные различия между брачными обычаями и погребальными обрядами у восточнославянских «племенных» княжеств. Первым шагом к унификации верований была попытка Владимира создать в 980 г. единый пантеон языческих божеств во главе с Перуном [3, с. 128; 1, с. 56]. Однако настоящий перелом наступил лишь с принятием Древней Русью в 989 г. христианства. Этот акт был, несомненно, одним из важных завершающих шагов в процессе формирования классового общества и государства у восточных славян. Однако здесь важна и другая сторона дела. В тех реальных исторических условиях только христианство, как строго монотеистическая религия, могло утвердиться как единая религия всех восточных славян; только христианский клир, как четко организованная и централизованная организация, мог при поддержке государственной власти добиться действенного, хотя и ограниченного на первых порах решения этой задачи. Какой бы ни была поверхностной на первых порах христианизация, по крайней мере в жизни социальных верхов утвердилось хотя бы формальное соблюдение единых христианских норм, пришедших на смену разнообразию языческих обычаев¹⁰.

Принятие христианства имело значение еще и в другом отношении. Поскольку в отличие от язычества для отправления христианских обрядов требовался целый слой людей, обученных грамоте и владевших хотя бы зачаточными формами средневековой образованности, постольку с принятием христианства наступили существенные перемены и в культурной жизни восточных славян. Хотя славянская письменность была здесь знакома уже славянам-язычникам, лишь после крещения Владимир «нача поимати у на-

рочитые чади дети и даяти нача на ученье книжное» [3, с. 157; 1, с. 81]. Одним из важнейших результатов этих сдвигов на русской почве было сложение на базе общих традиций славянской книжности развитого литературного языка. Этот язык был доступен в полной мере сравнительно ограниченному кругу образованных людей, но в отличие от локальных говоров имел хождение по всей территории восточного славянства.

Все рассмотренные выше сдвиги в социально-политической и культурной жизни восточных славян способствовали (разумеется, не в одинаковой степени) слиянию ранее разрозненных восточнославянских «племенных» союзов в единую не только языковую, но также социально-политическую и культурную общность.

Создавалась основа для важных принципиальных сдвигов и в сфере самосознания. Памятники агиографии и летописные своды XI—XII вв. освещают почти исключительно изменения самосознания господствующего класса, а иногда даже — лишь его интеллектуальной элиты, связанной с киевской митрополичьей кафедрой и монастырями Киева и Вышгорода, откуда вышла подавляющая часть этих памятников, однако позднейшее их широкое распространение говорит о том, что постепенно сформулированные в этих памятниках новые представления стали достоянием более широких общественных кругов.

Первое, что здесь следует отметить, — это утверждение в памятниках середины XI—начала XII в. представления о «Русской земле» как о всей территории Древнерусского государства (а не только Среднего Поднепровья), где проживают «русские люди». Показательно, что авторы при этом нередко специально подчеркивают, что они говорят о «всей Русской земле». Таким, например, памятником является «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона.

«Слово» Илариона, судя по новейшим его исследованиям, было произнесено между 1037 и 1050 гг., вероятнее всего — весной 1049 г. [28, с. 147]. Оно преисполнено верой в равенство всех народов, чувством глубокого патриотизма и гордости за свою страну, Русскую землю, «яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли». Прославляя Владимира как «нашего учителя и наставника», обратившего Русь в христианство, Иларион подчеркивает универсальность такого обращения. Оно захватило и все слои населения (Владимир приказал креститься «малым и великим, рабам и свободным, юным и старым, боярам и простым»), и всю страну (Владимир «заповедав по всей земли креститься», «веру уставль не в едином соборе, нъ по всей области сей» [28, с. 165, 167]), т. е., как ясно из контекста, все восточнославянские земли, находившиеся под властью князя и принявшие вместе с ним крещение.

Настойчивое употребление понятия «Русская земля» с определением «вся» характерно и для другого памятника XI в. — «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха. Это сочинение имело сложную литературную судьбу и сохранилось в соединении с так

называемым «Другим житием» Владимира начала XII в. и «Похвалой княгине Ольге» начала XIII в. Вероятно, все три сочинения были сведены воедино в XIII в. [29, с. 333]. В первой, древнейшей части Иаков говорит о Владимире, что он «крести же всю землю Русскую от коньца и до коньца», «всю Рускую землю и грады вся украси святыми церквами», «всю Рускую землю привед к Богу», «всю землю Рускую крести» [30, с. 68—71].

Очень близким по смыслу является употребление понятия «Русская земля» и в памятниках борисо-глебского цикла, создававшихся во второй половине XI—начале XII в.¹¹ Первые русские святые, ставшие символом борьбы с междукняжескими усобицами, предстательствуют в этих памятниках именно за всю Русскую землю и прославляются как «забрала» всей ее. Это отчетливо звучит уже в «Сказании о Борисе и Глебе» — возможно, наиболее раннем памятнике всего цикла, возникшем около 1072 г. «А вы ни о едином бо граде, ни о дьву, ни о вьси попечение и молитву въздаета, нъ о всей земли Рускеи», — восклицает автор «Сказания» [31, с. 50]. Ему вторит автор «Летописной повести», подчеркивая, что Борис и Глеб своим заступничеством пребывают не только там, где находятся их мощи: «Не токмо zde, но и по всей Рустей земли» [31, с. 89]. Аналогичны идеи и самого позднего памятника цикла — вышгородских записей о событиях 1113—1115 гг. Здесь говорится, что в 1113 г. после смерти Святополка Владимир Мономах «прея княжение всея Роусьскы земля», что при перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г. присутствовали «и князи, и вьсе боярство, и вьсе старейшинство, и воеводы вься Роусьское земля и вси предръжащая страны вся» [31, с. 65]. Как равнозначные понятию «Русская земля» в борисо-глебском цикле употреблены понятия «страна Русская» [31, с. 3], земля, где живут «правоверные люди руские» [31, с. 11], область владычества великого киевского князя [31, с. 4, 60, 64].

Представление о Русской земле как о едином государстве, охватывавшем всю территорию, заселенную восточными славянами, и о населении этого государства как о «русских людях» отразилось не только в цикле агиографических памятников, но и в летописных текстах о событиях XI в. Сопоставляя сообщения о событиях середины XI—начала XII в. в «Начальном своде» (по тексту Новгородской Первой летописи) и в «Повести временных лет» с летописными записями о событиях X—начала XI в., можно выделить некоторые важные черты, характерные для этого слоя летописных известий. Во-первых, в летописных записях этого времени полностью исчезли обозначения каких-либо территорий или групп населения по их племенной принадлежности. Их заменили производные от наименования города — административного центра данного княжества, района или «волости». Вместо северян, древлян, радимичей и т. д. летописных известий X в. в известиях XI в. фигурируют меняне (от «Меньска» — Минска, под 1067 г.), Ростовская область и белозерцы (под 1071 г.), черниговцы (под 1078 г.), лучане (от г. Луцка, под 1085 г.) и т. д.

В этих переменах терминологии, как и в других славянских странах в период раннего феодализма, находил отражение в сфере самосознания процесс отмирания форм общественной (и одновременно этнической) организации населения, возникшей в условиях родо-племенных и раннеклассовых отношений, и становления новых форм общественной структуры, характерных уже для складывавшегося феодального общества. Исчезновение из привычного обихода при описании событий и переделов «волостей» между членами княжеского рода племенных названий говорит о далеко зашедшем распаде традиционных форм племенного самосознания.

Во-вторых, знаменательно, что в летописях теперь описывались события, происходившие в разных районах и центрах Древнерусского государства. И это не просто отражение объективной связи событий, но сознательная установка составителей летописных памятников второй половины XI—начала XII в. Как убедительно показал еще А. А. Шахматов, общерусский охват событий был результатом осознанного соединения в одно целое летописных записей, которые велись в двух разных центрах Древней Руси — Киеве и Новгороде. И наконец, в-третьих, в системе понятий летописцев при рассказе о событиях XI—начала XII в. нет ни одного случая, где понятия «Русь», «Русская земля» выступали бы в контексте их противопоставления какой-либо восточнославянской территории. И для летописцев «Русь», «Русская земля» — это вся территория Древнерусского государства, где живут «русские люди»¹². Более того, в некоторых известиях термином «Русь» обозначаются такие группы населения, которые определенно не входили в состав «Русской земли» IX—X вв.¹³ Известная преемственность с прежней традицией проявляется в том, что один и тот же термин «Русь» выступает в разном контексте — то как название страны, то как обозначение ее населения¹⁴.

Вместе с упрочением понятий — «Русская земля» как единое государство восточных славян и «русские люди» как единое население этого государства — складывалось и связанное с этими понятиями представление о «русских» как об особой этнической общности.

Впервые четкая формулировка такого понятия может быть зафиксирована в «Слове о законе и благодати» Илариона. В «Слове», как и в памятниках кирилло-мефодиевского цикла, налицо представление о человечестве как о совокупности разных этнических общностей, отличающихся друг от друга своей «речью», а сами эти общности зачастую обозначаются термином «язык». Как моравские и болгарские книжники IX в., Иларион, противопоставляя христианство иудейской религии (это основная тема памятника), подчеркивает «вселенский» характер христианского учения: бог «сыном своим вся языки спасе» [28, с. 153], христианство «простирая на вся края земли» [28, с. 156]. В результате, подчеркивает митрополит, «вера. . . благодатьнаа по всей земли простресея и до нашего языка Рускааго доиде» [28, с. 161].

Употребление (в рамках терминологии, характерной для Илариона) понятия «язык русский» говорит о наличии у автора «Слова» ясного представления о «русских» как об особой, именно этнической общности, отличной от других этносов. Однако если это представление в дальнейшем распространилось и упрочилось, то сам термин, употребленный Иларионом, в других текстах второй половины XI—начала XII в. почти не встречается¹⁵. Дело, очевидно, в том, что в условиях, когда различия между языком отдельных славянских народов были еще очень невелики, не могло утвердиться представление о «русских» как об общности, отличающейся от других славянских этносов, в том числе от чехов, поляков, болгар, именно своим языком. Даже в начале XII в. Нестор — создатель «Повести временных лет» — полагал, что «русские» говорят на общем с другими славянами «словенском языке». Вместо термина, употребляемого Иларионом, в текстах второй половины XI—начала XII в. получило распространение обозначение «сыны русские». Оно налицо уже в написанном в 80-х годах XI в. «Чтении» о Борисе и Глебе Нестора. Глеб, по словам агиографа, «изыде противу супостату дъяволу, и погуби ѿ, и отъя поношение от сынов Руских» [31, с. 6]. В восходящих к «Начальному своду» конца XI в. рассказах об Ольге и Владимире патриарх константинопольский говорит Ольге: «Благословити тя имуть сынове рустии в последняя дни родове внук твоих» [3, с. 114]. И далее в том же рассказе: «Сию бо хвалят рустеи князе и сынове, аки началницю» [3, с. 120]. Повествование о крещении Руси также завершается словами, что теперь бог «в веки пребывает, хвалим от русских сынов» [3, с. 159]. Видимо, под влиянием этих летописных текстов данный термин появился и в таком (по определению Н. И. Серебрянского) киевском памятнике раннего времени, как краткое «Проложное Житие» Владимира [32, с. 54—59], где о главном герое памятника сказано, что он «взорав крещением всю землю и насея святыми книгами, от них же жнуть рустии сынови» [32, Тексты, с. 16]. Известен термин и «Хожению» Даниила — произведению начала XII в.¹⁶

Как синоним интересующего нас сочетания в сходном смысле широко употребляется в летописании выражение «рустии люди»¹⁷, однако очевидна и разница в их содержании. Тогда как в первом словосочетании на переднем плане — мотив общности происхождения этой совокупности людей как главного отличия от других подобных общностей, то во втором — мотив принадлежности данной совокупности людей к единому политическому целому — «Русской земле». Выражение «сыны русские» передает представление о «русских» как об особой этнической общности: ведь сознание единства происхождения — это один из главных компонентов этнического самосознания. Существенно при этом, что «сыны русские» указанных текстов это не только жители Поднепровья, но все восточные славяне-христиане.

Хотя вторую половину XI в. можно считать временем упрочения представления о «русских» как об этнической общности нового типа, в источниках этого времени нет пока ни сколько-нибудь

развернутого определения главных черт данного этноса, его отличий от других этносов, ни сколько-нибудь развернутого очерка его истории, включая представления о его происхождении. Вступительная часть «Начального свода» (90-е годы XI в.), подводившего итоги развитию древнерусской исторической мысли в XI столетии, представляла собой более или менее механическое сочетание полянского предания о Кие и новгородского сказания о «призвании князей».

В этом отношении важным качественным сдвигом в процессе формирования этнического самосознания древнерусской народности было появление в начале XII в. написанной монахом Киево-Печерского монастыря Нестором «Повести временных лет». В своей основной части «Повесть» базировалась на материалах предшествующего летописания, прежде всего — «Начального свода», и была Нестором лишь отредактирована и несколько дополнена. Однако обширные вступительные статьи этого памятника не имеют параллелей в предшествующих произведениях древнерусской агиографии и историографии. По выражению А. Н. Насонова, эти статьи «несли в себе откровение о русском народе, новое понимание народа-Руси» [26, с. 57].

В науке давно поставлен вопрос о том, был ли сам Нестор-летописец автором этого введения, или он воспользовался уже существовавшим до него сочинением. Вторую точку зрения выдвинул Н. К. Никольский, полагавший, что текст, легший в основу вводной части «Повести временных лет», возник еще в X в. в правящей среде племени полян. Ученый назвал это произведение «моравско-полянской летописью», в которой уже в X в. великоморавское сочинение о древнейших судьбах славян было соединено с местной полянской традицией. Это сочинение исследователь считал древнейшим ядром русской летописи [33].

Построение Н. К. Никольского оказалось в резком противоречии с данными текстологических исследований А. А. Шахматова по истории древнерусского летописания. Как известно, А. А. Шахматов на большом фактическом материале показал, что «Повести временных лет» предшествовал более ранний летописный свод, условно названный «Начальным», который отразился в тексте Новгородской Первой летописи младшего извода. В этом киевском «Начальном своде» конца XI в. нет никаких следов того идейного построения, которое Н. К. Никольский относил к древнейшему ядру русского летописания. Возникшего противоречия Н. К. Никольский не разрешил и текстологической аргументации А. А. Шахматова по существу не рассматривал. Неудивительно поэтому, что его общая концепция истории русского летописания была признана неубедительной как историками древнерусской литературы [34, с. 58, 146—147], так и исследователями древнерусского летописания [26, с. 16—18]. Есть, таким образом, основания считать более правильной первую (в настоящее время общераспространенную) точку зрения, что автором введения к «Повести временных лет» был монах Киево-Печерского монастыря Нестор (начало XII в.), и оно

отражает исторические представления, сложившиеся к этому времени в образованных верхах русского господствующего класса.

Место этого текста в истории становления самосознания древнерусского народа было глубоко и разносторонне раскрыто А. Н. Насоновым. «„Повесть временных лет“, — указывал он, — первый летописный памятник (начала XII в.), в котором с полной ясностью утверждалось и осмысливалось понятие Руси в широком значении, как совокупности разных (не только южнорусских) восточнославянских этнических групп или племен» [26, с. 68]. Такой подход отражен уже в самой структуре труда Нестора. Тогда как составитель «Начального свода» начинал повествование с рассказа об основании Киева (которое он сравнивал с основанием Рима и Александрии) [3, с. 103—105], Нестор начинал рассказ с библейского «разделения языков», полагая, что тогда выделился «язык словенск, от племени Афетова». Затем «от тех словен розидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте» [1, с. 11]. Далее следует уже разбивавшееся повествование о том, как «словени» расселились на территории Восточной Европы и как в ходе этого расселения разные группы славян получили свои названия. Летописец подробно характеризует территорию расселения и обычаи всех этих групп. Делает он это потому, что, по его убеждению, все эти группы, пришедшие из одного района — с Дуная, связаны между собой единством происхождения, входят в состав «Руси», и, следовательно, и их прошлое — часть прошлого «Руси».

Эта позиция автора прямо сформулирована им в начальных строках его труда, в перечне населявших мир народов: «В Афетове же части седять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Вель, Морьдва, Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимигола, Корсь, Летьгола, Любь» [1, с. 10]. Очевидно, что «Русь» противопоставлена здесь, как особая этническая общность, угро-финским и балтским этносам на территории Восточной Европы, т. е. является именно той общностью, которая объединяет все проживающие здесь восточнославянские этнические группы.

В своем введении Нестор пытался также выяснить, в чем отличия между «Русью» и другими группами населения на территории Восточной Европы. Необходимость постановки этого вопроса вызывалась тем, что у предшествующих Нестору авторов «Русь» часто отождествлялась (и для того были исторические основания) с областью владений киевских князей. Определенные сложности возникли со временем потому, что по крайней мере к середине XI в. (см. записи этого времени о походах Ярослава и его сына Владимира на Чудь, Ятвягов, Литву, Емь [1, с. 101—103]) часть балтских и угро-финских этносов Восточной Европы также признавала верховную власть киевских князей. Найденные Нестором критерии были четко выделены А. Н. Насоновым [26, с. 69—70]. Первый из них — языковой. У всех восточнославянских «племен» один общий язык — славянский («се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи,

север, бужане»), в то время как «мурома язык свой, и черемиси свой язык, морьдва свой язык». Но есть и другой критерий: те, которые, «суть инии языци» (или «суть свои язык имуще»), это одновременно и те, «иже дань дают Руси» [1, с. 13]. В этом сопоставлении «Русь» выступает как общность, обусловленная не только единством происхождения и языка, но и наличием у нее особой политической организации — государства, за пределами которого находятся другие «языки», связанные с этим государством лишь данническими отношениями¹⁸.

Как и у других хронистов раннего средневековья, у Нестора этнос (в данном случае восточнославянский) в этническом смысле неизменен (летописец ничего не говорит о процессе ассимиляции балтов и угро-финнов восточными славянами, начавшемся задолго до Нестора и продолжавшемся в его время), но этот этнос имеет определенную социальную историю. Ее основные этапы также сжато намечены во введении к «Повести»: сначала родовые отношения, затем возникновение «племенных» княжений, затем их объединение под властью киевских князей. В итоге образовалась особая общность, отличная от угро-финской и балтской и своим языком, и своей политической организацией. Как идеолог господствующего класса, Нестор подчеркивает подчиненное положение этих этносов по отношению к «Руси», которая в этом контексте фактически отождествляется с той правящей верхушкой, в пользу которой реально поступала дань. Наконец, в своем введении Нестор пытался решить вопрос и о том, каково соотношение восточнославянского этноса с другими славянскими этническими общностями.

В настоящее время можно считать установленным, что свои знания о славянах и территории их расселения Нестор черпал из западнославянского, скорее всего древнечешского, памятника, известного под условным названием «Сказание о преложении книг на славянский язык»¹⁹. Этим, в частности, объясняется, что в «Повести» при описании расселения славян говорится почти исключительно о западнославянских этносах (есть «белые» — чешские хорваты, но нет хорватов южных; есть «словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри», но нет болгар, и т. д.). Картина расселения восточнославянских и других славянских племен объединена в повествовании Нестора, при этом подчеркнуто, что все это — разные части «славян» в целом [1, с. 11]. Повествование заканчивается словами: «Тако розидеся словеньский язык», где «язык» — обозначение особой этнической общности. Но славян объединяет не только общность происхождения, но и общий «язык» (уже в современном значении этого слова). Свои заимствования из западнославянского источника Нестор сопровождает следующим комментарием: «А словеньский язык и руский одно есть. . . аще и поляни звахуся, но словеньская речь бе. Поляни же прозвани бяху, зане в поли седяху, а язык словенски един» [1, с. 23]. «Язык» выступает здесь не как элемент противопоставления, а как элемент связи восточнославянского этноса с другими славянскими

этнoсaми. Однако это не единственная связь. Славян, в представлении Нестора, связывают также идейно-культурные традиции, восходящие ко времени принятия славянами христианства. Сообщение западнославянского источника, что «в Моравы... ходил и апостол Павел, учил ту», он сопровождает следующим комментарием: «Тем же и нам, Руси, учитель есть Павел, понеже учил есть язык словенск» [1, с. 23]. Важнейшей частью этих традиций является общая для ряда славянских народов славянская письменность²⁰. Этому Нестор придавал столь большое значение, что включил в свой труд обширные извлечения из западнославянского источника о создании Кириллом и Мефодием славянского алфавита и первых памятников письменности на славянском языке [1, с. 21—23]. Ответа на вопрос, каковы же различия между «Русью» и другими славянами, Нестор не дает.

Подытоживая эти наблюдения, следует констатировать, что в цепи отрывочных размышлений Нестора проступает стремление найти характерные черты той этнической общности, историю которой он хотел написать²¹. Эти размышления показывают, что Нестор был близок к представлению о «руси» как об особой этнической общности, отличной и от восточнославянских племенных групп, и от славянской общности в целом.

Важно, однако, что Нестор не нашел для нее особого названия. Если Козьма Пращский проводил различия между *Bohemii* и *Bohemia*, а Галл — между *Poloni* и *Polonia*, то для Нестора, как и для его предшественников, «Русь» и «Русская земля» — это одновременно обозначение и особого народа, и особого государства. Каковы же были причины этого? Ответить на вопрос можно лишь предположительно. В известной Нестору этнической терминологии существовали два понятия для обозначения этнических общностей — «род» и «язык»²². Термин «язык» Нестор, однако, уже использовал для обозначения славянской языковой общности, а термин «род» обозначал общности самого разного уровня и не годился для определения установленной Нестором специфики положения Руси на лестнице этнической иерархии. Вместе с тем для принятия Нестором традиционной двуединой формулы «Руси» как народа — государства, думается, были дополнительные причины. Русь, как этническая общность, совпадавшая с государством, именно этим аспектом наиболее ясно отделялась, с одной стороны, от восточнославянских «племен», с другой — от славянской общности. В этом смысле стихийно найденная предшественниками Нестора формула соответствовала и итогу его сознательных исканий.

В заключение следует остановиться на вопросе о характере «полянского патриотизма», проступающего в ряде сообщений вводной части «Повести временных лет». Правда, таких настроений не был чужд и автор «Начального свода», у которого поляне уже при первом упоминании выступают как «мужи мудри и смыслени» [3, с. 105]. Но у Нестора эта тенденция заострена: поляне противопоставляются другим восточнославянским «племенам».

Так, резко отличаются обычаи полян и других восточнославянских этнических «племен»: поляне «своих отец обычай имуть кроток и тих», а древляне «живяху звериньским образом, живуще скотьски», радимичи же, вятичи и северяне «живяху в лесу, яко и всякий зверь, ядуще все нечисто» [1, с. 14—15]. В связи с этим, как отметил А. Н. Насонов, Нестор опустил слова «Начального свода», что там, где жили поляне, тоже в древности «бяхе около их лес и бор велик, и бяху ловища зверие» [3, с. 105; 26, с. 76]. Проявляется у Нестора также, хотя и не столь явно и открыто, отождествление полян с «русью»: «Бе един язык словенск: словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовома Русь» [1, с. 21]. Сам текст восходит к западнославянскому источнику, где, по-видимому, имелось в виду польское племя полян, но пояснение принадлежит летописцу, отождествлявшему, конечно, с русью полян киевских.

Эти особенности и послужили объективным основанием для упомянутой выше теории Н. К. Никольского о существовании Повести X в. о «полянах — Руси». А. Н. Насонов убедительно показал, что рассказы, в которых находятся отмеченные выше тексты, не могли содержаться в древнейшем «ядре» русского летописания и что в них есть все основания видеть плод работы сводчика начала XII в. — Нестора. А. Н. Насонов раскрыл связь данных особенностей взглядов летописца с общественными условиями его времени [26, с. 76—77]. К началу XII в., как уже указывалось выше, уровень социального развития на большей части территории, заселенной формировавшейся древнерусской народностью, стал сравнительно единым. В целом везде уже господствующий класс отделился от основной массы народа, хотя положение разных групп этого господствующего класса не было одинаковым. Главное место в Древнерусском государстве принадлежало южнорусской, прежде всего киевской, знати, от которой зависела знать других, образовавшихся во второй половине XI—начале XII в. феодальных земель. Этот период — время усиления сепаратистских тенденций в этой среде, попыток группировок правящего класса на местах ослабить или совсем порвать свою зависимость от Киева. Наметилось, по-видимому, и временное оживление (но уже на новой основе) остатков старых племенных традиций, используемых с целью дополнительного исторического обоснования ведущей роли киевской знати в Древнерусском государстве. Эти настроения, вероятно, и отразил Нестор, тесно связанный с рядом представителей киевского боярства²³.

Столь архаический по форме «полянский патриотизм» Нестора, как и хорошо прослеженное в исторической литературе оживление в XII в. понятия «Русская земля» в его первоначальном значении, был на самом деле признаком вступления Древней Руси в новую стадию развития.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ ПВЛ, ч. 1, с. 12. Внутренние конфликты в их среде определяются выражением: «. . . вьста род на род» (Там же, с. 18).
- ² НПЛ, с. 106; ПВЛ, ч. 1, с. 18. «Чудь» в летописи — это общее обозначение финно-угорских племен. В данном случае это были племена веси в Приладожье, к IX в., вероятно, уже сильно славянизированные. См.: Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 149—154.
- ³ О том, что правитель «народа Рус» носил титул «хакана», упоминает и восточный автор «Областей мира». См.: *Minorsky V. Hūdud al Alam. The Regions of the World. London, 1973, p. 159.* Нет сомнения, что этот титул носили также киевские князья; в «Слове о законе и благодати» Иларион неоднократно прилагает этот титул к Владимиру Святославичу и Ярославу Мудрому. См.: *Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — Slavica, 1963, № 2, 164—165.*
- ⁴ Подробнее об этом см.: *Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества. . . , с. 61—68.*
- ⁵ Сводку археологических данных см.: *Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв. — САИ, Е. 1—24, 1966.* Последнюю интерпретацию этих данных см.: *Зайцев А. К. Черниговское княжество, с. 64—66.*
- ⁶ Ср. выражения «жаловати начнуть Русь» и «поймутъ ѿ в Русь».
- ⁷ Еще в 80-х годах XI в. Владимир Мономах, как он рассказывает в своем «Поучении», «в вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его» (ПВЛ, ч. 1, с. 159).
- ⁸ НПЛ, с. 159; ПВЛ, ч. 1, с. 83 (здесь конец фрагмента дает отличное чтение: «и от сих насели грады»).
- ⁹ Подобные акции предпринимались неоднократно: например, при закладке Белгорода в 991 г. Владимир «наруби во нь от иных град и много людий сведе во нь» (НПЛ, с. 165; ПВЛ, ч. 1, с. 83). Следует учитывать, что автор записей о княжении Владимира отметил, по-видимому, лишь те мероприятия, которые были связаны с обороной Среднего Приднепровья и самого Киева.
- ¹⁰ Характерно, что автор «Повести временных лет», описав различные обычаи славянских языческих «племен», отметил, что все это уже принадлежит прошлому, ибо «мы же хрестьяне. . . закон имам един» (ПВЛ, ч. 1, с. 16).
- ¹¹ О времени возникновения памятников борисо-глебского цикла см.: *Slavica Orientalis, 1969, № 3/4.*
- ¹² Такое употребление этих понятий особенно характерно для летописного рассказа о Любечском съезде 1097 г. и последовавших за ним событиях. См.: ПВЛ, ч. 1, с. 170—171, 174—175, 176.
- ¹³ См. летописную запись 1060 г. о сражении псковичей и новгородцев с сосолами: «И паде Руси 1000, а Сосол бещисла» (НПЛ, с. 183). Это свидетельство особенно показательное, так как запись восходит не к киевскому, а к новгородскому источнику.
- ¹⁴ Помимо текста, приведенного в предшествующем примечании, можно указать также на рассказ о походе 1043 г. на Царьград, в частности на такие выражения в нем, как «избило море Русь», «слепиша Руси много» (ПВЛ, ч. 1, с. 104).
- ¹⁵ Единственное исключение — выражение в конце «Сказания о Борисе и Глебе» (начало XII в.): «Не нашему единому языку токѣмо подано бысть бѣгѣмъ, но вьсьи земли спасенце» (*Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. М., 1916, с. 50.*)
- ¹⁶ «Мне же худому бог послух есть. . . и вся дружина, русьстии сынове приключьшиися во тѣ день, ногородцы и княпе» (Памятники литературы древней Руси: XII век. М., 1980, с. 112).
- ¹⁷ См., например, в «Похвале Владимиру», помещенной в «Повести временных лет» под 1015 г.: «Сего бо в память держать русьстии людье» (ПВЛ, ч. 1, с. 90).
- ¹⁸ Как тонко отметил А. П. Насонов, такое противопоставление

в начале XII в. не вполне отвечало действительности, так как тогда на земли таких племенных групп восточных славян, как радимичи и вятичи, действие государственного аппарата еще в полной мере не распространялось. По-видимому, чувствуя это, летописец в данном случае не включил вятичей и радимичей в перечень восточнославянских племен, хотя в других местах своего введения он недвусмысленно причисляет их к восточным славянам.

¹⁹ Об этом памятнике см. подробнее в главе об образовании великоморавской народности.

²⁰ Что, в представлении Нестора (и его источника), славянской письменностью в его время пользовались не все славяне, явствует, как будто, из слов: «Яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских» (ПВЛ, ч. 1, с. 21).

²¹ Правда, начальные слова «Повести» говорят о намерении автора выяснить, «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити и откуда Русская земля стала есть», и эти заявления можно истолковать как намерение написать историю Древнерусского государства. Однако сама структура труда Нестора, начинающего свое изложение со времени, намного предшествующего возникновению такого государства (с момента выделения «славян» из состава человечества, а затем из их состава — славян восточных), говорит о более широком замысле автора.

²² Кроме того, в «Повести» неоднократно встречается термин «племя», но он обычно обозначает потомство какого-либо родоначальника («племя Хамово», «племя Афетово», «племя Авраама», «племя Рюрика», «племя Сифа» и т. д., см.: ПВЛ, ч. 1, с. 10—11, 18, 65, 122) и со словом «Русь» не соединяется: Нестор ничего не говорит о каком-либо родоначальнике восточных славян. Термин «народ» Нестору также известен, но употребляется он в значении, характерном для старославянских памятников: толпа, множество людей. См.: Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 224—225.

²³ См. признание самого Нестора в летописи под 1106 г., что он «вписах в летописаньи сем» «многа словеса», которые он слышал от знаменитого киевского боярина Яна Вышатича (ПВЛ, ч. 1, с. 186).

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. ПВЛ, ч. 1.
2. ММФН, т. III.
3. НПЛ.
4. *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1973. T. V.
5. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
6. *Рыбаков Б. А.* Древние русы. — СА, 1953, вып. XVII.
7. *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.
8. *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода. — История СССР, 1971, № 1.
9. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. — САИ, Е. 1—8, 1974.
10. *Равдина Т. В.* О датировке вятических курганов. — СА, 1965, № 1; *Седов В. В.* Ранние курганы вятичей. — КСИА, 1973, вып. 135.
11. *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре). — СЭ, 1947, вып. VI—VII.
12. *Кучера М. П.* Переяславское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
13. *Соловьева Т. Ф.* Радимичская экспедиция. — АО 1967 г. М., 1968.
14. *Седов В. В.* О юго-западной группе восточнославянских племен. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.
15. *Седов В. В.* Кривичи. — СА, 1960, № 1.
16. *Scriptores rerum germanicarum.* Hannoverae, 1845—1855. T. I.
17. *Новосельцев А. П.* Восточные источники о славянах и Руси VI—IX вв. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
18. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

19. *Łowmiański H.* Nazwa «Rus», jej pochodzenie i znaczenie. — In: *Łowmiański H.* Początki Polski, t. V.
20. Photii de Russorum incursione homiliae duae. — In: *Fragmenta historicorum graecorum.* Parisiis 1883, vol. V, p. 1
21. *Minorsky V.* Hudūd al Alam: The Regions of the World. London, 1937.
22. Constantine Porphyrogenitis De Administrando Imperio ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949. Пер. Г. Г. Литаврина.
23. *Толочко П. П.* Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
24. *Зимин А. А.* Феодалная государственность и Русская правда. — ИЗ, 1965, № 76,
25. *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская правда. — В кн.: Древнерусское государство. . .
26. *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969.
27. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв.
28. *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — *Slavia*, 1963, N 2.
29. История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1.
30. *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. — КСИС, 1963, № 37.
31. *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. М., 1916.
32. *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. — ЧОИДР, 1915, кн. 3.
33. *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник по истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1.
34. См.: *Лихачев Д. С.* «Повесть временных лет»: (Историко-литературный очерк). — ПВЛ, ч. 2.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ

ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ЧЕШСКОЙ НАРОДНОСТИ

Славянские племена заселили Чешскую долину в основном в VI—начале VII в. Как показывают археологические материалы и данные филологии, славянское население этого района складывалось из этнических коллективов, весьма близких между собой как по языку, так и по основным элементам материальной культуры. Вместе с тем эти этнические коллективы не образовывали какой-либо общности, наподобие, например, восточнославянских «племенных» союзов, а принадлежали к разным этносоциальным единствам в рамках надплеменной общности славян. На территории позднейшей Чехии исследователи выделяют три крупных архео-

логического комплекса, различающиеся между собой по форме городищ, характеру керамики и обряду погребения. Так, на части территории Северо-Западной Чехии зафиксированы археологические памятники, которые ничем не отличаются от памятников на землях полабских сорбов. Наряду с этим выделяются комплексы памятников Восточной и Южной Чехии, для которых характерны погребения в курганах и керамика красноватого цвета, и Северо-Западной и Центральной Чехии, где погребения в курганах отсутствуют, а керамика серого цвета имеет иные формы [1, s. 51—60].

Наблюдения над археологическим материалом могут быть сопоставлены со свидетельствами письменных источников. Так, указания археологических данных на наличие в Чешской долине населения, родственного полабским сорбам, находят некоторое подтверждение в свидетельстве так называемого «Проложного Жития» Людмилы, что эта жена пражского князя была «князя сербского дщи» [2, с. 107]. Между тем по другим источникам устанавливается, что она была дочерью князя Пшова — города, расположенного именно на территории Чешской долины [3, I, 15]. Таким образом, есть основания предполагать, что население Чешской долины принадлежало по крайней мере к трем разным семьям племен, при этом основная часть одной из них находилась за пределами данного географического района. Этот вывод позволяют уточнить наблюдения над характером некоторых этнонимов и топонимов этого района.

Так, известно, что славянские племена на территории Восточной Чехии обозначались в источниках IX—X вв. этнонимом «хорваты», по-видимому, иранского происхождения [4, s. 130—134]. В настоящее время известен ряд славянских этнических общностей с таким названием за пределами Чешской долины, например «хорваты» в перечне восточнославянских племен «Повести временных лет» и известные всем «хорваты» на Балканском полуострове. У этих последних сохранилась традиция, отраженная у Константина Багрянородного, об их переселении на Балканы с севера, из «Великой Хорватии» [5, t. III, s. 389—390]. Можно предполагать, что и у чешских «хорватов» сохранялось аналогичное представление о своей генетической связи с какими-то группами славянского населения за пределами Чешской долины. На юге Чехии выступает топонимика¹, которая позволяет говорить о связях населения этого района с этническими общностями, известными под названием «дулебы», выявленными исследователями и за пределами Чешской долины, среди восточнославянских племен, а также, что особенно интересно, на территории соседней с Южной Чехией Паннонии [6, s. 393]. Между тем для территорий Северо-Восточной Чехии (район распространения серой керамики) такие связи не прослеживаются².

Таким образом, вполне вероятно, что при большом сходстве языка и основных элементов материальной культуры различные

группы славянского населения, заселявшие Чешскую долину, ни по особенностям своей материальной культуры, ни по характеру самосознания не представляли собой какой-либо особой и единой общности.

В источниках IX в. появляются сведения о двух политических объединениях на территории Чешской долины. Одно из них выступает под названием Богемия — *Bohemia*, *Beheim*, другое носит название *Chorigti* — Хорваты. О втором из них сохранились лишь единичные свидетельства конца IX—X в. [5, s. 337—338]. Больше данных сохранилось о «Богемии», ставшей в дальнейшем ядром формирования и Древнечешского государства, и древнечешской народности. Как показывает анализ «Франкских анналов» первой половины IX в., «Богемия» этого времени охватывала территории современных Центральной и Северо-Западной Чехии³. Несомненно, основой этого объединения стала проживавшая как раз в этом районе родственная семья «племен», но саму «Богемию» IX в. следует определить как общность иного типа — союз «племен», во-первых, потому, что «Богемия» являлась уже политическим объединением, во-вторых, потому, что в состав этого объединения уже в IX в. вошли не только племена «серой керамики», но и «племена», родственные сорбам. Пожалуй, еще более точно следует определить это объединение в качестве союза «племенных» княжеств.

IX век был в истории славянского населения Чешской долины временем заметного усиления процессов классового образования, на которые ускоряющее воздействие оказывало Великоморавское раннефеодалное государство. Появлялись крупные городища, сначала с древо-земляными, а затем с каменными укреплениями, и богатые некрополи на их территории и в их ближайшей округе [7, s. 101—105]. Важным итогом этих процессов стало укрепление княжеской власти. Уже в известиях «Франкских анналов» первой половины—середины IX в. как представители *Sclavorum*, *quae vocatur Bohemi*, выступают *duces Boemanorum cum hominibus suis*, т. е. с дружинами [5, t. I, s. 43, 89, 107, 121, 124]. Известия этих же анналов (единственного источника для того времени) рисуют «Богемию» как сравнительно устойчивое политическое образование, неоднократно отмечают солидарность ее князей в выступлениях сначала против Каролингской империи, стремившейся поставить эти территории в зависимость от себя, а затем — против экспансии Великоморавского государства. Так, например, в 895 г. *omnes duces Boemanorum* приняли решение отложиться от Великой Моравии [5, t. I, s. 121]. Можно согласиться с западногерманским исследователем Р. Венкусом, что в условиях конфронтации с франками и с Великой Моравией у отдельных племен, входивших в состав «Богемии», должно было появиться определенное сознание общности интересов, явившееся предпосылкой для развития общих традиций и представлений, легших затем в фундамент этнического самосознания [8, s. 34]. Степень этого сознания, однако, не следует преувеличивать. Определенная солидар-

ность действий вовне сочеталась с острыми внутренними конфликтами между племенными княжествами, каждое из которых стремилось занять руководящее место в политическом союзе. Не случайно отсутствие во «франкских анналах» вплоть до конца IX в. каких-либо упоминаний о «старших» или «верховных» князьях «Богемии». Видимо, на протяжении IX в. эти конфликты не приводили к определенному результату и между княжествами сохранялось равновесие сил. Возможно, в этом следует искать объяснение того факта, что объединение не имело, по-видимому, своего самоназвания, и каролингские хронисты дали этому политическому объединению Чешской долины наименование, заимствованное у античных географов (термином «Boiohaemum» они обозначали некогда проживавшее на этой территории кельтское племя бойев).

В «Хронике» Козьмы Пражского, историческом труде начала XII в., сохранилось предание о войне между двумя племенами в составе «Богемии»: племенем «чехов», земли которых локализируются в бассейне р. Влтавы, и расположенным северо-западнее от него племенем «лучан». Война носила крайне жестокий характер, сопровождаясь разорением городов и истреблением населения⁴. Археологический материал позволил не только установить достоверность этого предания в его основных моментах, но и уверенно датировать описанные Козьмой события второй половиной IX в. [9]. Эти конфликты должны были способствовать сохранению отдельными племенами традиций племенного самосознания.

О характере этих традиций позволяют отчасти судить записанные Козьмой в первых главах его «Хроники» предания племени чехов — «Предания и рассказы старцев»⁵. Существенной чертой таких традиций является обычно рассказ о происхождении племени от общего родоначальника и о его поселении на данной территории. В «Повести временных лет» приводятся такие предания, сохранявшиеся у некоторых восточнославянских племен [10, с. 14]. Начальная часть «Хроники» Козьмы также содержит рассказ о том, как pater Bohemus со своим родом поселился на незаселенной земле у р. Влтавы и назвал ее своим именем [3, I, 1]. Исследователи давно уже определили славянский эквивалент pater'a Bohemus'a Козьмы как «отец Чех» и квалифицировали его рассказ как предание о происхождении племени чехов [11, с. 228—235]. Социальная и этническая функция этого предания очевидна. Оно утверждало единство всего данного коллектива соплеменников как лиц, связанных кровным родством и происшедших от общего родоначальника, а также историческое право племени на занимаемую им территорию⁶.

Наряду с рассказом об «отце Чехе» в «Хронике» Козьмы помещен и ряд других преданий: о Кроеке и его дочерях, о Либуше и Пшеммысле. Существенно, что в них фигурируют прежде всего представители племенной верхушки, с которой связывается происхождение Пшеммысловцев — княжеского рода чехов с конца IX в. Эти представители племенной знати непосредственно участ-

вуют в отправлении языческого культа, в частности в обряде «священной пахоты», целью которой было, несомненно, обеспечить плодородие почвы, а тем самым — одно из важнейших условий благополучного существования «племени»⁷. Роль племенной верхушки как хранителя и толкователя племенных традиций выступает здесь достаточно отчетливо. Предания фиксировали одновременно и подчиненное положение соплеменников по отношению к этой верхушке.

На рубеже IX—X вв. в жизни славянского населения Чешской долины, и прежде всего «Богемии», произошли важные изменения. Княжество чехов стало играть главную роль в «Богемии». Князья чехов стали здесь «старшими» князьями, а затем начался процесс ликвидации племенных княжеств и зарождения на этой территории форм социальной организации, характерных для большого раннефеодального государства. Ликвидация племенных княжеств завершилась в основном к середине X в. К этому же времени под властью Пшемисловцев оказались также и другие части Чешской долины, а также ряд территорий за ее пределами, находившихся в разной степени зависимости от чешских князей⁸. Какое же воздействие оказали происшедшие политические и социальные сдвиги на традиционные формы этнического самосознания?

Начать рассмотрение следует, очевидно, с «племени» чехов. Здесь кризис традиционных форм самосознания был обусловлен прежде всего усилением княжеской власти и ее окончательным отрывом от массы членов племени. В сфере идеологии это выразилось в появлении легенды о «призвании» Пшемисла — предка чешского княжеского рода⁹. Тем самым княжеский род, являвшийся ранее главным хранителем племенной традиции, теперь порывал с ней, освобождаясь от связей родства с массой соплеменников и становясь над ними. Тем самым наряду с понятием «чехи» — совокупность соплеменников — потомков одного родоначальника — возникало понятие о чехах как о совокупности людей, призвавших князя и передавших ему власть над собой, а следовательно, ставших его подданными.

Другая важная черта — усиление в социальных верхах «племени» сознания своей принадлежности к главному, господствовавшему на территории Чешской долины этническому коллективу. Это относится прежде всего к княжеской дружине, которая сыграла в возвышении чехов главную роль и считала это своей заслугой. Характерно, что центральной идеей предания о войне лучан и чехов было прославление подвигов княжеского дружинника по имени Тыр, которому чехи были обязаны своей победой [12, с. 11].

Это обстоятельство приобрело особое значение в условиях, когда ликвидировались племенные княжения и управление племенными территориями переходило в руки дружинников чешского князя. Дружина чешского князя фактически превращалась в ведущий компонент формирующегося господствующего класса рав-

нефеодалного государства не только на территории племенного княжества чехов, но и за его пределами. Сохраняя в полной мере усилившееся сознание своей принадлежности к чехам и одновременно своей связи с Чешским государством, являясь носителями этого сознания на землях бывших племенных княжений и ассимилируя в рамках своего коллектива представителей других племен, дружинники Пшемысловцев становились первыми чехами в широком смысле слова. Ассимиляция облегчалась тесным языковым родством и культурной близостью различных групп славянского населения Чешской долины.

Не менее важные сдвиги происходили в жизни племенных княжеств, ставших объектом завоевательной политики чехов. Ныне точно установлено, что уничтожение этих княжеств осуществлялось жестоким и насильственным образом, сопровождаясь разрушением традиционных племенных центров (средоточия отправления племенных культов и традиций) и уничтожением племенной верхушки, являвшейся главным носителем этих традиций¹⁰. Управление этими землями оказывалось в руках княжеской дружины — силы, активно враждебной местным племенным традициям. Дружина осуществляла свою власть из новых, построенных Пшемысловцами градов¹¹, являвшихся первоначально центрами суда и управления и превращавшихся постепенно в центры феодального господства и подчинения. В пользу стоявшей в градах дружины свободное население округа должно было нести различные «службы» и дани. Эти перемены совпали с принятием на рубеже IX—X вв. Пшемысловцами и их дружинами христианской религии, которая затем распространилась по всей территории, находившейся под их властью. Центрами отправления культа стали храмы, поставленные в пшемысловских градах. Строго централизованная, подчиненная одному центру — пражскому епископству организация христианского клира выступала наряду с дружиной как другая важная идейная и социальная сила, враждебная старым племенным языческим культам и утверждавшая как нормы новой, единой для всех религии, так и представления об обществе и государственной власти, несовместимые с племенными традициями.

В этих условиях наметился глубокий кризис традиционных форм племенного самосознания, утрачивавших опору в реальной жизни, так как положение свободного общинника определялось теперь не его принадлежностью к тому или иному коллективу соплеменников, а характером его отношений к граду как к центру формирующейся раннефеодальной государственности. Внешним выражением кризиса следует считать исчезновение в письменных источниках обозначения территорий по их старым племенным названиям и использование новых названий, производных от названий административных центров — градов, названий, свидетельствовавших о политической связи, об отношениях подданства, а не об этнической принадлежности.

Насколько далеко зашли эти процессы в X в.? Ответ на этот вопрос может дать сохранившийся в документе 1086 г. перечень территорий на северо-западных и северных границах владений Пшемисловцев, почерпнутый, по-видимому, из учредительной грамоты пражского епископства 973 г.¹², а также написанные в X в. памятники литературы, возникшие как в Чехии, так и вне ее, но на основании доставленной из Чехии информации, — «Жития» членов княжеского рода Пшемисловцев — Людмилы и ее внука Вацлава¹³.

Изучение «Житий» позволяет выявить эволюцию представлений о той политической единице, которая являлась объектом власти Пшемисловцев. Наиболее архаичное из этих сочинений — «Житие Людмилы», написанное, по-видимому, в первой половине X в.¹⁴, открывается словами: *Fuit in provincia Boemorum quidam comes nomine Boriwoy. . . et accepit uxorem de alia provincia filiam Slavibori comitis nomine Ludmilam* [13, s. 144]. Здесь *provincia Boemorum* — территория племенного княжества чехов, а *alia provincia* — соседняя с чехами территория племени шован.

Иную картину дает Первое старославянское «Житие Вацлава». «Земля», которой правит Вацлав, здесь уже более широкое понятие: в него включается, например, и упомянутый в «Житии» «град Болеславль» [2, с. 38 — ныне Стара Болеслава], лежавший явно за пределами территории племени чехов [14, s. 170]. Вместе с тем вся эта земля определяется агиографом как «Чехи» — *Czechy* «бе же князь велик славою в Чехах живый» [2, с. 36]. Племенное название начинало приобретать более широкое значение, становилось обозначением земель, находившихся под властью чешского князя. Вместе с тем агиограф отличает чехов от восточно-чешских «хорватов» [2, с. 38], которые хотя и находились в зависимости от Праги, но еще в конце X в. имели собственных князей. Очевидно, что в это время термин «чехи» распространялся лишь на земли, находившиеся под непосредственной властью пражского князя. Дальнейшее расширение смысла понятия можно наблюдать в «Житиях» пражского епископа Войтеха, написанных на рубеже X—XI вв. за пределами Чехии, но людьми, лично знавшими епископа. В обоих «Житиях» согласно сказано, что Войтех был избран на кафедру как *indigena* [15, cz. I, s. 11; cz. II, s. 7], т. е. как уроженец «земли», которая далее определяется как *terra*, или *provincia Boemia* [15, cz. II, s. 3, 6]. Между тем Войтех был членом особого княжеского рода, владевшего как раз племенными территориями хорватов.

Другая характерная черта этих памятников — определение окружающей князя дружины в качестве «мужей чешских»¹⁵. Это словоупотребление перешло затем в более поздние памятники¹⁶. Приобретение племенным названием более широкого значения, использование его в применении к формирующейся государственной территории и складывающемуся господствующему классу, несомненно, говорят о ясно обозначившемся начале фор-

мирования представления о чехах как об общности нового типа, одновременно и этнической и политической.

Об этом же свидетельствует и само появление в X в. «Житий» Людмилы и Вацлава. Составление этих «Житий», конечно, отражало осознание социальными верхами этой общности своей принадлежности к особому целому. В средние века такое сознание проявлялось, как правило, в стремлении представителей такого единства обрести себе и патронов — святых, которые «ходатайствовали» бы за эту общность перед богом.

Однако в X в. имело место лишь начало этого процесса. Характерно, что в самих агиографических текстах отсутствует четкое понятие «Чешской земли» как особого политического и этнического целого. В частности, в этих текстах крайне глухо и неясно говорится о посмертном патронате святого, объекте патроната и его характере. В Первой старославянской легенде эта тема вообще не поднималась, нет ее и в «Легенде» Гумпольда, а обращение к святому в концовке «Crescente» составлено в таких общих и стереотипных выражениях, что могло бы быть обращено к любому христианскому святому [13, с. 190]. Даже в службе Вацлаву, где, казалось бы, тема патроната должна была занять видное место, «земля Воемьска» упоминается лишь один раз как место действия святого [2, с. 121]. Весьма вероятно, что, добиваясь канонизации Вацлава, Пшемьсловцы и их «чешские мужи» желали, чтобы «Чешская земля» имела собственного патрона, но в наличных текстах это не нашло отражения. Наоборот, в записях чудес проявилась скорее противоположная тенденция — доказать, что Вацлав может своей святостью исцелять и людей из других стран (чудо с хромоногим из «земли Франков») [13, с. 189]. Возможно, в этом отразились попытки духовенства храма св. Вита (где находились мощи святого) в то время еще немецкого, добиться признания нового культа в империи.

К аналогичным выводам приводит и рассмотрение данных документа 1086 г. Фигурирующие в нем территории, в том числе и относящиеся к ядру государства — современной Северо-Западной Чехии, продолжали сохранять свои старые племенные названия, хотя наряду с ними уже появлялись и названия нового типа — производные от названий градов¹⁷.

Такое положение объяснялось как неразвитостью только нарождавшихся новых форм социальной организации, так и неоднородностью державы Пшемьсловцев, включавшей в себя земли, находившиеся в разной степени зависимости.

На рубеже X—XI вв. наступили существенные изменения. Прежде всего держава Пшемьсловцев превратилась в более или менее однородный социальный организм. Ряд территорий, слабо связанных с центральным ядром (позднейшие Малая Польша, Силезия), отпал, на других местная верхушка была самыми жестокими мерами уничтожена (взятие Либице в 995 г.) [16, с. 109—169]. На всей территории, находившейся под властью чешского

князя, утвердилось полное господство его дружины — «чешских мужей».

Вместе с тем политический кризис, возникший с распадом неоднородной державы Пшемисловцев, был использован ее соседями, прежде всего польским правителем Болеславом Храбрым. Используя недовольство «чешских мужей» своим князем Болеславом III, Болеслав Храбрый добился устранения этого правителя и своего возведения на пражский престол. В Праге появилась дружина Болеслава, в главных градах стали польские отряды. Однако вскоре, когда Болеслав оказался в конфликте с императором Генрихом II, поддержавшим брата свергнутого Болеслава III Яромира, в стране вспыхнуло восстание и польский правитель вынужден был поспешно бежать из Праги. Яромир занял чешский престол [16, с. 190—199; 17, с. 497—520]. Выступление против иноземного правителя и его войска отразило не только непосредственные материальные интересы чешских социальных верхов, ущемленных в своей функции господства и управления, но также крепнущие связи этих верхов и более широких слоев населения с формирующимся в Чешской долине этносоциальным организмом. Утверждение, хотя и на сравнительно непродолжительное время, иноземной власти способствовало обострению этнического самосознания и четкому противопоставлению чехов представителям другого славянского этносоциального организма, складывавшегося рядом.

Характерно, что в «Хронике» Козьмы Пражского повествование о борьбе за чешский трон на рубеже X—XI вв. [3, II, 34—36] представляет собой первый, восходящий к местной традиции рассказ [17, с. 518—519], не заимствованный из памятников агиографии и не связанный с деятельностью пражской епископской кафедры. Иначе говоря, это событие запомнилось современникам и перешло к потомкам как важная грань в развитии чешского народа и государства.

Обращает на себя внимание, что панику, охватившую польское войско в Праге, хронист приписывает чудесному вмешательству св. Вацлава. Вацлав выступает в данном случае уже с явными чертами святого патрона чехов и их государства. Появление на монетах Яромира и его преемников изображения св. Вацлава (чего не было на монетах X в.) говорит о том, что здесь отразилась традиция начала XI в. [18, с. 97]. Таким образом, рост самосознания социальных верхов формирующейся древнечешской народности нашел и свое внешнее выражение в развитии культа святого патрона «Чешской земли» и населяющего ее народа. О дальнейшем углублении этой тенденции свидетельствует поход чешского князя Бжетислава в Польшу в 1039 г.; одной из целей похода был перенос из Гнезна в Прагу мощей бывшего пражского епископа Войтеха, как «своего» святого, которого чехи не желали оставить в «чужой» земле [3, II, 3—5; 16, с. 292—294].

Важным этапом в истории сложения чешской народности стало включение в состав Древнечешского государства «Моравии» —

тех территорий ядра Великоморавской державы, которые не были захвачены венграми. История этих земель после падения Великоморавской державы остается крайне неясной из-за почти полного отсутствия письменных свидетельств X в. Археологические данные позволяют говорить об упадке уровня хозяйственного и социального развития на этой территории после вторжения венгров, об уничтожении и запустении городов — центров социальной организации общества¹⁸.

Однако нет оснований полагать, что эти перемены негативного порядка привели к полной ликвидации тех сдвигов и в социальном развитии, и в сфере самосознания, которые произошли здесь в IX в., в период образования Великоморавской державы и зарождения моравской народности. Характерно, что за территориями Великоморавской державы, не захваченными венграми, сохранилось (вплоть до нашего времени) общее наименование — «Моравия», а население сохранило общее название — «мораване» (см. об этом ниже). Если к этому добавить, что еще в начале XII в. Козьма Пражский записал предания, ходившие среди простого народа (*sicut vulgo dicitur*), о таинственном исчезновении великоморавского правителя Святополка [3, I, 14; 11, s. 418], то будет ясно, что в отличие от «племенных» территорий Моравия представляла область, где у населения сохранилось сознание принадлежности к этносоциальному организму более высокого уровня, а в прошлом — и к особому государству.

Ряд исследователей полагают, что уже во второй половине X в. Моравия вошла в состав Древнечешского государства и что уже тогда были предприняты первые шаги к созданию традиции об общем историческом прошлом чехов и мораван — важный шаг на пути их консолидации в единую народность. Эта точка зрения опирается на свидетельства так называемой Легенды Кристиана, памятника, датируемого обращением автора как к заказчику труда ко второму пражскому епископу Войтеху (годы пребывания в Чехии 982—994 гг.). Справедливо обращалось внимание на такие особенности этого произведения, как объединенное повествование о крещении Моравии и Чехии, подчеркивание связи между этими событиями, а также положение о том, что Древнечешское государство стало преемником Великоморавской державы в соответствии с пророчеством крестителя и патрона Моравии Мефодия¹⁹. Однако вопрос о датировке памятника (является ли он подлинным произведением конца X в. или фальсификатом, созданным в начале XIV в. в кругах патриотически настроенного чешского духовенства) является предметом дискуссии, до сих пор не законченной²⁰. Поэтому трудно опираться при решении интересующего нас вопроса на свидетельства данного памятника.

В пользу сформулированной выше точки зрения можно привести, однако, достоверное свидетельство враждебного Древнечешскому государству современника — Титмара Мерзбургского. Его сообщение об истреблении чешским князем Олдржихом заподозренных в измене вассалов (1014 г.) сопровождается замеча-

нием, что раздоры, жестокость и господство дурных страстей характерны для этих земель и уже ранее навлекли на них несчастье. «Чехи в правление князя Святополка (*Boemii regnante Zueterulco duce*) были некогда нашими господами», взимали с саксов дань, а «в своем краю, Мораве» (*In sua regione Marierun*) Святополк имел собственных епископов, но он и его преемники все это утратили [19, s. 457—459]. Очевидно, что для Титмара Пшемисловцы — преемники Святополка, а «чехи» — это население Великоморавского, затем Древнечешского государства, один из районов которого называется «Моравия». Подобные представления могли появиться лишь после длительного пребывания Моравии под властью чешских князей. Однако, по-видимому, на территорию Моравии созданная в собственно Чехии государственная организация не распространялась, и в этом следует искать причину того, что в начале XI в. пути Чехии и Моравии разошлись. Вероятно, Моравия вместе с Чехией признала верховную власть Болеслава Храброго, но в дальнейшем местная знать не последовала примеру чехов и осталась под властью Болеслава. В сообщениях Титмара Мерзебургского под 1017 г. мораване (*Moragenses*) выступают как «воины Болеслава», нападающие на Чехию и Баварию [19, s. 549, 555]. Вскоре после этого чешскому князю Олдржиху удалось снова включить Моравию в состав Древнечешского государства [20, s. 249]. Козьма Пражский сообщает о жестокой расправе с польскими отрядами, захваченными в моравских городах: пленников продали в рабство в Венгрию [3, I, 40]. Несомненно, не менее жестокой расправе подверглась и сотрудничавшая с польской властью местная верхушка. Моравия была отдана в управление сыну Олдржиха Бжетиславу, и его пришедшая из Праги дружина сосредоточила в своих руках управление территорией.

С этого времени в Моравии стала проводиться политика, направленная на распространение здесь характерных для собственно Чехии порядков, на укрепление власти чешских феодалов. Этим целям отвечало, в частности, создание в Моравии системы новых, так называемых бжетиславовских, градов — центров управления и одновременно опорных пунктов княжеской дружины [21], а также хорошо прослеживаемые по документам XI в. пожалования земель в Моравии и доходов с моравских градов чешским монастырям [22, s. 157—158]. В итоге можно говорить об установлении и в моравских и в чешских землях единой системы социальной организации, во главе которой стоял по существу единый господствующий класс. Был сделан важный шаг по пути сближения двух этносов, близко родственных в языковом отношении и обладавших сходными традициями культурного и социального развития. Парадоксально, что обособленность Моравии в известной мере поддерживалась самой политикой центральной власти, утверждавшей взгляд на Моравию как на область, подчиненную Чехии. Эта тенденция получила яркое выражение в высказываниях Козьмы, недовольного вмешательством моравских феодалов

в борьбу за пражский престол: «Моравия и владельцы ее должны всегда находиться под властью князя чехов, как установил... Бжетислав, который первым подчинил ее своему господству» [3, III, 34]. Наряду с такой открытой апелляцией к праву завоевания можно встретить и более скрытое проявление той же тенденции при попытках обосновать политическое единство чехов и моравян обращением к их прошлому. Так, в упомянутой выше «Легенде Кристиана»²¹ в рассказе о гибели Моравской державы по проклятию Мефодия и о пророчестве Мефодия Борживою сказано: «Станешь господином своих господ» [23, s. 93]. Такая интерпретация прошлого служила обоснованию прав Пшемысловцев на Моравию уже не в силу завоевания, а по божественному промыслу, но и она утверждала подчиненное положение моравских феодалов.

В политической структуре государства в XI—XII вв. это нашло свое выражение в том, что на территории Моравии размещались уделы младших членов княжеского рода, подчиненных верховной власти чешского князя [22, s. 162—163]. Это положение первоначально препятствовало слиянию отдельных территориальных группировок в единое целое, но начало оказывать противоположное действие, когда к концу XI в. наметилась тенденция к феодальной раздробленности и усилилась борьба Пшемысловцев за пражский престол [24, s. 94—98]. В условиях, когда моравские князья неоднократно захватывали власть в Праге, усилились контакты между отдельными группировками феодалов, способствовавшие их смешению²².

Анализ некоторых особенностей терминологии «Хроники» Козьмы позволяет выяснить, как отразились эти сдвиги на характере формировавшегося самосознания древнечешской народности. Так, в ряде мест «Хроники» Козьма противопоставляет как разные территории Чехию (Bohemia) и Моравию, и их жителей (конкретно: феодалов) — как две разные группы, но при этом если жители «Чехии» выступают обычно как «чехи» (boemii), то употребления термина «мораване» хронист избегает, пользуясь описательными формами типа «воины, собранные со всей Моравии» или «те, кто из Моравии»²³. Еще более важно, что в «Хронике» Козьмы можно проследить также использование понятий «королевство Чехия» (regnum Boemiae) и «чехи» (boemii) в более широком значении, охватывающем жителей и Чехии и Моравии. Наиболее показателен с этой точки зрения рассказ Козьмы о событиях 1109 г., когда во время участия чехов во главе с князем Святополком в военном походе императора Святополк был убит. После его смерти, пишет Козьма, император предложил «всем чехам» (universis Boemis), находившимся в лагере, избрать нового князя. Тогда же был избран новый князь — Оттон. Но далее оказалось, что его выдвинули «те, кто из Моравии» «без согласия чехов», и поэтому на съезде в Праге кандидатура Оттона была отвергнута [3, III, 27]. Здесь на протяжении небольшого текста один и тот же термин «boemii» употреблен в двух разных значениях. Эти колебания терминологии отражали сложность заключительного этапа

процесса формирования древнечешской народности, когда уже единый этносоциальный организм внутренне распадался на две областные общности.

Отмеченные выше моменты были лишь одной из сторон тех сложных процессов социального и этнического развития, которые протекали на территории Чешской долины на протяжении XI—начала XII в. Этот этап в целом следует определить как время полного развития и распространения по всей государственной территории тех форм социальной организации общества, которые зародились в X в., т. е. как период, когда завершилось формирование основных классов феодального общества и раннефеодальной государственности ²⁴.

На данной территории сложился этносоциальный организм уже классового общества, т. е. народность с ее диалектическим единством антагонистических классов. Тогда же окрепли такие существенные предпосылки для формирования этнического самосознания древнечешской народности, как установление на всей территории Древнечешского государства культурной однородности благодаря увеличению культурных инфрасвязей и расширению их пространственных рамок. Одновременно в рамках этой общности заметно определились и различия, связанные с особенностями социального положения и культуры антагонистических классов.

Как эти культурные и социальные сдвиги отразились на развитии этнического самосознания? Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего остановиться на оборотной стороне этих процессов, заключающейся в окончательном разрушении традиционных форм племенного самосознания. Терминология нарративных и документальных источников первой половины XII в. показывает, что при описании территорий в них употребляются уже только названия, производимые от административных центров — градов. Старые племенные наименования настолько вышли из обихода, что даже Козьма, автор специального исторического труда, описывая войну «племен» IX в., в ряде случаев использует новые названия отдельных земель, потому что прежние ему неизвестны ²⁵. Старая традиция, таким образом, окончательно сошла со сцены, открыв дорогу к развитию сознания принадлежности к иной, чем «племя», социально-этнической общности у обоих сложившихся из разных социальных и племенных групп классов феодального общества на территории Чешской долины. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют проследить, как протекал этот процесс в среде представителей угнетенного класса.

О характере и степени развития этого процесса к началу XII в. среди господствующего класса позволяет судить «Чешская хроника» Козьмы Пражского — историческое сочинение второго и начала третьего десятилетия XII в., главной темой которого были «Деяния чехов» (*Gesta Boemiorum*). Уже в самом появлении такого труда, как ответа на определенные общественные потреб-

ности, следует усматривать важный рубеж в развитии самосознания древнечешской народности.

Козьма был деканом пражского капитула и принадлежал к сложившемуся во второй половине XI в. в составе верхушки чешского духовенства слою выходцев из местных знатных родов. Заняв к рубежу XI—XII вв. видные позиции в ряде монастырей и в главных соборных капитулах, эта группа претендовала на то, чтобы взять в свои руки управление чешской церковью, находившееся еще в то время в руках епископов-немцев [24, с. 42—48]. Неудивительно, что представитель этой общественной среды, образованной и особо чувствительной к этническим вопросам (другим группам общества еще не приходилось серьезно сталкиваться с конкуренцией пришельцев), предпринял попытку создать исторический труд, посвященный истории «чехов»²⁶. Хотя среда, из которой вышел Козьма, представляла собой особый слой внутри духовного сословия, именно этот слой был тесно связан с верхушкой светских феодалов Чехии — и благодаря участию в деятельности княжеской канцелярии, и в силу тесных родственных связей между этими двумя общественными группами. Поэтому этническое самосознание автора «Хроники» в его наиболее существенных чертах есть основание рассматривать как отражение этнического самосознания верхушки господствующего класса древнечешской народности на рубеже XI—XII вв. Эта верхушка составляла, конечно, незначительное меньшинство чешской народности, но ее воззрения были господствующими в данном этносоциальном организме. Правда, нельзя исключить, что отдельные высказывания отражают индивидуальные взгляды Козьмы, но здесь иногда возможна контрольная проверка путем сопоставления воззрений хрониста с суждениями его младшего современника, так называемого Вышеградского каноника — представителя той же социальной группы, что и Козьма.

Изучение терминологии Козьмы показывает, что для определения особой этнической общности или для противопоставления таких общностей хронист пользуется термином *gens*²⁷. Однако в ряде текстов термин *gens* выступает у него также как синоним других латинских терминов — *populus* и *plebs* — при обозначении «народа» как единого социально-политического целого²⁸.

Такое смешение связано, конечно, с печеткостью употребления этих терминов в латинской литературе периода раннего средневековья²⁹, однако более важными причинами этого были особенности самосознания хрониста и его социальной среды. Этническая общность чехов (*bohemi*) выступает в «Хронике» не сама по себе, а в неразрывной связи с «Чешской землей» (*terra Bohemiae*) и «Чешским государством» (*regnum Bohemiae*).

Тесная связь этих понятий в сознании хрониста особенно наглядно видна в пассаже речи, направленной против предложения возвести на пражскую кафедру княжеского капеллана-немца: «Уж не думаешь ли ты, что чужеземец (*alienigena*) любит нас и

расположен к этой стране (*terra*) больше, чем местный житель (*indigena*)? Ведь такова уж человеческая натура, что любой человек, к какой бы стране он ни принадлежал, всегда не только больше любит свой народ (*gens*), чем чужой, но даже чужие реки он повернул бы, если бы мог, в свое отечество (*patriam*)» [3, II, 23]. Противопоставление «своего» и «чужого» народа выражено здесь со всей отчетливостью, но это противопоставление связано прежде всего с тем, что каждый народ имеет свое отечество. Какое чехи имеют «отечество» и чем они в этом отношении отличаются от других этносов, разъясняется уже в самом начале «Хроники»: чехи — это прямые потомки тех людей, которые после «разделения языков» поселились на этой земле, где ранее вовсе не было людей, и дали этой земле имя своего старейшины — «Чеха» — «Чехия» [3, I, 1]. «Чехи», как особый этнос, отличаются от других, живущих на этой земле людей тем, что они живут на ней изначально, и только они имеют на нее законное право. Таким своеобразным образом превращается в «Хронике» важнейший компонент этнического самосознания, представление об общем происхождении членов этноса. Используя племенное сказание, Козьма делает ударение не столько на физическом происхождении от общего предка, сколько на изначальной связи данной общности с определенной территорией.

Собственно этнической истории чешский этнос, в представлении Козьмы, не имеет. Однако в отличие от «племени» он обладает социальной историей, итоги которой занимают существенное место в этническом автостереотипе Козьмы как представителя господствующего класса раннефеодального Чешского государства. Как справедливо отметил уже В. Новотный, при воссоздании этого процесса хронист использовал предания племени чехов, которые он приспособлял к известной по Библии схеме сложения государства у древних евреев [11, s. 251].

Для определения внутренней структуры этноса на первом этапе его жизни в Чешской долине Козьма использовал заимствованный из Вульгаты термин *tribus*, где он обозначал 12 колен Израиля³⁰: население делилось на «трибы», жившие в первобытных условиях. Развитие заключалось в превращении триб в политическую общность, сначала во главе с «судьями», а затем — с князьями. Существенно, что в представлении хрониста этот сдвиг сопровождался созданием не только новой политической общности — государства, но и новой системы общественного устройства. Первый князь — Пшемьсл «установил... все законы, которым подчинена и которыми пользуется эта страна и теперь» [3, I, 8]. Наряду с отдельной территорией особые права и обычаи составляют другой характерный признак чешского народа. В «Хронике» говорится и об особом «праве... чехов» (*justitia... Voeuorum*) [3, III, 13], и об «обычае этой земли» (*ritus huius terrae*³¹). Одновременно чехи выступают как общность людей, находящихся под властью своей династии — потомков Пшемьсла, которые «будут вечно править в этой стране». И здесь налицо неразрывная связь представлений об особых «земле», «государстве»,

«народе». Взгляды Козьмы Пражского могут служить хорошей конкретной иллюстрацией того известного положения, что, когда «этнос и социально-политический организм совпадают, этническое самосознание и сознание государственной принадлежности обычно настолько тесно сливаются, что практически почти не различаются» [25, с. 108].

Как своеобразный символ и воплощение этого нерасчлененного единства выступает культ св. Вацлава — патрона и Чешской земли, и чешского народа. И в «Хронике» Козьмы, и у «Вышеградского каноника», и в памятниках искусства конца XI — начала XII в. Вацлав последовательно выступает не только как мученик, но и как святой воин и правитель, чудесное покровительство которого способствует прекращению внутренних раздоров и защищает Чешскую землю — свое «отечество» — и чехов от нападения внешних врагов³². В известии «Вышеградского каноника» о битве под Хлумцом 1126 г., когда чехи разбили войско императора Лотаря, чехи предстают как *familia sancti Wenzeslai* [26, s. 203]. Латинскому *familia*, по-видимому, соответствовало славянское «челядь» — обозначение совокупности лиц, входящих в состав большой патриархальной семьи, одновременно и родственников, и лиц, находящихся под властью главы семьи³³, в роли которого здесь выступает Вацлав. Выбор этого термина был опять-таки связан со стремлением передать в нем одновременно два понятия — родственной связи и подданства. Отмеченные здесь черты являются характерными для самосознания представителей народности, т. е. этнической общности уже классового общества, в возникновении и существовании которой деятельность государства играет огромную роль [25, с. 142].

Установив главные отличительные черты понятия чешского народа у Козьмы и у «Вышеградского каноника», следует остановиться на широте и социальном содержании этого понятия. Так, известно, что Козьма заимствовал ряд своих преданий (о Пшемьсле и др.) из традиции племени чехов. У Козьмы, однако, они по существу переосмыслены и с самого начала отнесены к территории всей современной Чехии³⁴, что, несомненно, свидетельствует о формировании такого важного компонента самосознания древнечешской народности, как общее прошлое.

Более сложный вопрос — социальное содержание этого понятия. Д. Тшештик справедливо отметил, что народ у Козьмы порой отождествляется с княжеской дружиной (шире — войском) [24, s. 87]. Действительно, рассмотрение отдельных эпизодов, в которых участвует «весь народ» или «все чехи», показывает, что *populus* у Козьмы тождествен войску. Примером может служить рассказ о событиях 1067 г., когда князь созвал у Добенина «народ (*populum*) и знатных людей на совет». Далее выясняется, что на совете присутствовали «комиты» — правители городов — и «воины» (*milites*) [3, II, 23]. Высказывание хрониста, что «все чехи первого и второго разряда» (*primi et secundi ordinis*) «любили князя Собеслава» [3, III, 58], разъясняется свидетельством «Вышеград-

ского каноника» о том, как Собеслав для принесения присяги созвал *milites primi et secundi ordinis* [26, s. 229]. Количество таких примеров можно увеличить, но и так ясно, что в обычном словоупотреблении обоих хронистов «весь народ» или «все чехи» — это войны, войско. Для рубежа XI—XII вв. войско уже практически совпадало с военной организацией господствующего класса как особого сословия³⁵, складывавшегося к этому времени на базе слияния садившихся на землю княжеских дружинников с перерождавшейся верхушкой общинников.

Значит ли это, однако, что хронисты рубежа XI—XII вв. ограничивали понятие «народа» как особого этнополитического организма только рамками господствующего класса? Думается, что здесь мы имеем дело скорее с традиционным употреблением понятий, уже не отвечавших своему социальному содержанию. Характерно, что упоминания о «всех чехах» обычно связаны с рассказом о восшествии князя на престол [3, II, 14, 18; III, 27, 60]. Когда-то этот обряд совершался при участии «всех чехов» — членов племени, упоминание об их согласии стало частью традиционной формулы, говорившей о законности этого события. Хронист продолжает употреблять ее, хотя социальная действительность, породившая эти слова, уже успела исчезнуть.

Вместе с тем Козьме хорошо известно, что особая этническая общность (*gens*) включает в свой состав разные социальные элементы. Так, он говорит, например, о приказе князя Спитигнева изгнать из Чехии всех «немцев» (*de gente Teutonica*), будь то «богатые или бедные» [3, II, 14]. Другие его высказывания свидетельствуют, что для хрониста и чешский *gens* не составлял в этом отношении исключения. Наиболее показателен текст речи Либуши, предостерегавшей чехов перед выбором князя³⁶. «И вас самих, и людей ваших, кого ему вздумается, он превратит в своих рабов, крестьян, данников (*tributarios*), служителей, палачей, глашатаев, поваров, пекарей или мельников» [3, I, 5]. Из этого следует, что «народ чехов», в представлении хрониста, включал в себя предков всех основных социальных групп современного ему общества. Вся совокупность этих людей участвовала в важнейшем событии истории этноса — передаче власти Пшемыслу, что, собственно, и привело в дальнейшем к созданию государства и возникновению в его рамках разных социальных групп. В этой связи надо отметить и выбор «Вышеградским каноником» для обозначения совокупности «всех чехов», находящихся под патронажем Вацлава, термина *familia*, содержание которого также охватывало людей разного социального положения.

Важнейшей составной частью этнического самосознания являются этнические стереотипы: представления о характерных чертах своего и чужих этносов, содержащие одновременно и элемент оценки этих черт. Анализ таких стереотипов позволяет не только уточнить характерные черты этнического самосознания данной общности, но и выявить социальную среду, в которой эти стереотипы складывались. Исследователи давно уже выявили в составе

«Хроники» Козьмы совершенно определенные представления о свойствах непосредственно граничивших с чехами народов³⁷. Много места в «Хронике» отведено полякам и их правителям. При описании событий рубежа X—XI вв. он характеризует польского правителя Мешко (в действительности — Болеслава Храброго) как коварного врага Чешского государства, который нанес чехам многие «обиды». Поход князя Бжетислава на Польшу и разорение Гнезна и Кракова — достойное возмездие за это [3, I, 34—36; II, 2]. Вместе с тем автор демонстрирует пренебрежение поляками как плохими воинами: из Праги они постыдно бегут, при походе Бжетислава на Польшу не в состоянии оказать сопротивление и т. д. Козьма неоднократно подчеркивает, что в сравнительно недавнем прошлом польские земли находились в зависимости от чешского князя и выплачивали ему дань [3, II, 13, 37—38; III, 1, 9]. То, что к началу XII в. положение изменилось и поляки используют в своих интересах усобицы в Чехии, вызывает его резкое недовольство [3, III, 20]. Наиболее яркое выражение соответствующие воззрения получили в вымышленной речи князя Владислава: «О чехи — вас, прославленных в свое время на суше и море, известных своей доблестью, отличавшихся победами, вас, притом еще при вашей жизни, подвергают издевательствам ваши данники (tributarii), которым вы всегда внушали страх» [3, III, 36]. Очевидно, что подобный стереотип формировался в обстановке конфликтов между раннефеодальными государствами, а само его содержание (критерии оценки, направленность) говорит о тесной связи с идеологией чешских феодалов, рассматривавших Польшу как возможный объект экспансии³⁸.

Более сложный характер имели и под воздействием большей суммы факторов складывались отраженные в хронике Козьмы представления о немцах³⁹. Единого образа немцев в «Хронике» нет. Здесь мы находим два не совпадающих между собой изображения. Прежде всего это немцы, поселившиеся в Чехии, — чужеземцы, пришедшие в страну «без одежды» и претендующие в ней на места, которые должны по праву принадлежать чехам [3, II, 23]. Всех этих пришельцев, невзирая на их положение, Козьма призывает выгнать из Чехии⁴⁰. Такие воззрения формировались в обстановке столкновений между чешским и немецким духовенством в Чехии и были тесно связаны с общим представлением о связи каждого этноса со своим отечеством.

Иной характер носит изображение немцев как внешней силы, вступающей в различные контакты с чешским народом и государством. Характерные черты этих немцев — их «коварство» [3, I, 34] и в особенности «надменность» (superbia) [3, I, 40; II, 35]. Конкретное содержание «надменности» раскрывается в рассказе хрониста о походе немцев на Чехию в 1040 г. как убеждение в непобедимости своего войска, перед которым все должны обращаться в бегство⁴¹, хотя, как подчеркивает хронист, действительные факты никак не подтверждают этого убеждения⁴². Именно последнее побуждает немцев наносить Чешской земле обиды, посягать на права чехов,

обеспечивающие им определенный статус в отношениях с империей. Очевидно, что «немцы» здесь — германские феодалы, а сам стереотип сложился в обстановке попыток империи подчинить себе Чешское государство и отражает реакцию на это чешского рыцарства и духовенства. Характерно, что «надменность» немцев, по мнению хрониста, зиждется также на их «пренебрежении» к славянам, к которым они, следовательно, причисляют и чехов⁴³.

Это замечание становится яснее, если принять во внимание высказывания о Чехии немецких хронистов X—XI вв. Хотя в X, а тем более в XI в. восточные соседи империи не представляли сколько-нибудь однородного целого (одни из них — это христианские феодальные государства, занявшие уже определенное место в политической структуре христианской Европы, другие сохраняли приверженность язычеству и старым общественным порядкам), немецкие хронисты от Видукинда до Ламберта Херсфельдского последовательно рассматривали их как единое целое — как «славянские», «варварские» народы, которые должны повиноваться империи и выплачивать ей дань⁴⁴. Эти воззрения, проявлявшиеся, несомненно, и в повседневных контактах между представителями господствующих классов германского и чешского этносов, обуславливали тот факт, что в моменты конфронтации у чехов обострялось сознание принадлежности к славянской этнической общности. Так, Козьма, который никогда специально не говорит о принадлежности чехов к этой общности и даже не пытается очертить ни пределы ее расселения, ни круг входящих в нее народов (как, например, Галл Аноним и Нестор), при упоминании о немецко-чешских конфликтах именуется чехов «славянами». Показательно окончание его рассказа о событиях 1041 г.: «Славяне одержали зловещую победу над императором» [3, II, 11]. Та же особенность присуща и текстам «Вышеградского каноника». Сообщая о сражении с немецким войском в 1126 г. при Хлумце, он отметил, что в битве пали «лишь три славянина» [26, s. 203].

Важно, что в представлении Козьмы чешско-немецкий конфликт не ограничивается чисто политической конфронтацией. Хронист отметил, что объектом «пренебрежения» немцев являются не только славяне, но и *lingua eorum* [3, I, 40]. Термин *lingua* употребляется хронистом, как правило, для передачи понятия «язык» в современном смысле, т. е. язык, на котором говорят люди, принадлежащие к той или иной этнической общности (*lingua gotana* — латынь, *lingua theutonica* — немецкий)⁴⁵. Таким образом, в данном месте «Хроники» идет речь о презрении немцев к «языку славян».

Следовательно, в представлении хрониста, славяне, как и немцы, имеют особый язык, который является общим языком для чехов, поляков и других славян, подобно тому как немецкий (*lingua theutonica*) является общим языком для саксов, баваров, швабов. Действительно, более пристальный разбор терминологии хрониста показывает, что термин *lingua Bohemica* (или *lingua Boemorum*) ему неизвестен. Напротив, термин *lingua Slavonica*

он употребляет неоднократно. Так, о первых пражских епископах Тегдаге и Детмаре Козьма пишет, что они, хотя и были немцами, хорошо знали «славянский язык» [3, I, 23, 31] и были способны вести свою деятельность среди говорящих на этом языке чехов. С этим следует сопоставить текст буллы папы Иоанна XIII об основании пражской епископии — фальсификат начала XII в., сочиненный едва ли не самим Козьмой [27, s. 128—129]. Булла запрещает ставить на епископскую кафедру «человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа или славянского языка» (*Bulgariae gentis vel Ruziae aut Slavonice lingue*) [3, I, 22]. Здесь отчетливо проявилось представление о существовании разных славянских народов и общего для них славянского языка. К аналогичным выводам приводят и наблюдения над терминологией «Вышеградского каноника». Так, этот хронист, говоря о строительстве некоторых крепостей, указывает, что «по-славянски» они называются так-то [26, s. 206], отмечает он также, что месяц ноябрь «по-славянски называется просинец», и приводит «славянское» название деревни [26, s. 211].

Если у пишущих на латинском языке хронистов рубежа XI—XII вв., связанных с пражским собором и Вышеградом, встречаются лишь отдельные высказывания о чехах и славянах, то более развитой и продуманной концепцией по этому вопросу обладали те круги чешского духовенства, которые имели прямое отношение к сохранению и развитию на чешской почве кирилло-мефодиевских традиций. В XI в. эти круги группировались вокруг Сазавского монастыря, пользовавшегося покровительством некоторых чешских правителей этого времени⁴⁶. Вероятно, именно здесь на основе кирилло-мефодиевских и великоморавских традиций окончательно сложилось разбивавшееся в главе о великоморавской народности «Сказание о преложении книг», которое в начале XII в. попало из Сазавы в Киев, к Нестору. Проследив дальнейшее развитие этих традиций, надо отметить, что на почве Сазавы они взаимодействовали со складывающимися при активном участии этого центра чешскими национально-государственными традициями⁴⁷. Вероятно, в условиях этого взаимодействия возник такой интересный памятник, сохранившийся в хорватских списках XIV в., как «Похвала Кириллу и Мефодию», где они выступают в качестве патронов «Чешской земли»⁴⁸. Для сазавских книжников, как показывает анализ «Сказания», реконструированного А. А. Шахматовым, чехи — это часть славян, расселившихся по обширным территориям Европы из своей прародины в «Илюрике». Помимо общего происхождения, всех славян объединяет общий язык, а затем и общая письменность. Козьма Пражский, как и значительная часть чешского высшего клира, был противником славянской письменности, но сравнение высказываний Козьмы и книжников Сазавы показывает, что обе группировки тогдашней чешской интеллигенции с разной степенью осознанности разделяли представление о существовании общего для всех славян «славянского» языка.

Таким образом, в период раннего средневековья для самосознания идеологов господствующего класса чешской народности было характерно отсутствие представления о наличии у чешского этноса особого языка. По их мнению, чехи говорили на славянском языке, общем для них и ряда соседних им народов⁴⁹. Различия между отдельными славянскими говорами еще не осознавались как глубокие и принципиальные, и представления о славянской общности носили еще конкретный характер, воплощаясь в языковом единстве. Для людей XIII—XIV вв. особый язык — это уже важнейший (если не самый важный) признак особого этноса, термины *lingua* или *jazyk* стали служить в качестве главного обозначения особой этнической общности.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Здесь прежде всего должен быть отмечен град Дудлебы — один из главнейших административных центров Южной Чехии в XI—XII вв.
- ² Правда, Э. Шимек пытался сблизить название одного из племен этого района — «лучан» с «лучанами», выступающими в Повести временных лет под 1086 г. См.: *Šimek E. Dúlebi, Volyňané, Lučané, Čeští Chorvaté a Čechové.* — SA, t. I, 1948. Однако это случайное совпадение. Название чешских «лучан» дано им по характеру местности обитания, богатой лугами (чеш. *louka*) (MGH—SS, N. S., t. 2, *Козьма*, I, 10. далее *Козьма*), а «лучане» русской летописи — это жители г. Луцка на Волыни (ПСРЛ, т. 1, стб. 205).
- ³ Анализ этих источников см.: *Dobiáš J. Seit wann bilden die natürlichen Grenzen von Böhmen auch seine politische Landesgrenze?* — *Historica*, 1963, VII. Поправки к его выводам см.: *Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины.* — В кн.: *Формирование раннефеодальных славянских народностей.* М., 1981, с. 98.
- ⁴ *Козьма*, I, 10—13. О локализации территории обоих племен см.: *Turek R. Die frühmittelalterliche Stämmegebiete in Böhmen.* Praha, 1957, S. 54—57.
- ⁵ См. второе предисловие к «Хронике». О том, что использованные Козьмой предания — это предания племени чехов, см.: *Novotný V. České dějiny.* Praha, 1912, d. I, č. I, s. 237—258.
- ⁶ Характерно, что этимологический анализ имени «Чех» приводит к представлению об освоенной, обработанной земле. См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян.* — В кн.: *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.* М., 1976, с. 125.
- ⁷ Об этом компоненте преданий Козьмы см.: *Třeštík D. Historické povědomí českého raného středověku.* — In: *Dawna świadomość historyczna w Polsce, Czechach i Słowacji.* Wrocław etc., 1978, s. 9—10.
- ⁸ Последний обстоятельный очерк главных этапов формирования Древнечешского государства см.: *Łowmiański H. Początki Polski.* Warszawa, 1970, t. IV, s. 405—444.
- ⁹ Предание записано Козьмой (I, 5—8) и осмыслено им в духе понятий своего времени (см. очерк «*Kosmovo pojetí přemyslovské pověsti*». — In: *Třeštík D. Kosmova kronika: Studie k počátkům českého dějepisectví a politického myšlení.* Praha, 1968, s. 166—182), но появилось оно, несомненно, значительно раньше, так как некоторые реалии в нем хронисту были уже непонятны. См.: *Флоря Б. Н. Формирование. . .*, с. 127.
- ¹⁰ Наиболее подробную конкретную картину (на примере ликвидации княжества древлян) дает восточнославянский материал, но и в Чехии X в. дело обстояло аналогичным образом, о чем говорят и данные письменных

источников (*Видукинд Корвейский*. Деяния саксов. М., 1975, II, 3), и данные археологии, рисующие картину насильственного разрушения, а затем и запустения ряда крупных городищ на землях соседних с чехами племен (см. детальнее: *Флоря Б. Н.* Формирование. . . , с. 105).

- 11 О смене старых крепостей «градами» Пшемисловцев см.: *Štěpánek M.* Opevněné sídliště 8—12 století ve střední Evropě. Praha, 1965, s. 107 i nast.
- 12 См. об этом: *Turek R.* Listina Jindřicha IV. z 29 dubna 1086 r. (D. IV 390) a její teritoria. — SA, 1975, t. 22, s. 93—97.
- 13 Итоги дискуссии о датировке и месте возникновения отдельных памятников суммированы. См.: *Krzemieńska D.* Legendy o św. Wacławie a św. Ludmile. — SSS, t. 3, cz. 1, s. 37—38.
- 14 См. об этом: *Łowmiański H.* Początki Polski, t. IV, s. 411—412.
- 15 «Разгордеша же моужи чесьскы. . . ун бо им бяше князь» (Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970, с. 37).
- 16 Так, в «Легенде Никольского», памятнике XI в., читается следующая речь Вацлава к дружине: «Аз ли бых не уме с вами, чехи, на комони обрести противник наших» (Сказания. . . , с. 80).
- 17 См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Формирование. . . , с. 111—116.
- 18 О судьбе великоморавских градов см.: *Štěpánek M.* Opevněné sídliště. . . , s. 138—141.
- 19 См. об этом подробнее: *Králík O.* Od Radima ku Kosmovi: K nejstarším dějinám české vzdělanosti. Praha, 1968, s. 8, 40—42.
- 20 Разные точки зрения в их новейшем изложении см.: *Fiala Z.* Hlavní pramen legendy Kristiánovy. Praha, 1974; *Ludvikovský J.* Latinské legendy českého středověku. — Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university, 1973/1974, 18/19.
- 21 Памятник, возможно, относится к более позднему времени, но легшее в его основу историческое построение существовало уже в начале XII в., так как его ключевой момент — крещение чешского князя Борживоя Мефодием — четко отмечен у Козьмы (*Козьма*, I, 10).
- 22 По наблюдениям Р. Нового, половина моравских феодальных родов, выступающих в источниках второй половины XII в., происходила из Чехии. См.: *Nový R.* Přemyslovský stát 11 a 12 století. Praha, 1972, s. 162—163.
- 23 *Козьма*, II, 35; III, 27. Если Моравия для хрониста и terra и prouintia, то мораване нигде не определяются как особый gens.
- 24 Последний обобщающий очерк этих процессов см. в кн.: *Nový R.* Přemyslovský stát. . .
- 25 См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Формирование. . . , с. 116—119.
- 26 О заинтересованности этого слоя в «Хронике» ясно говорят не только посвящения ряду его видных представителей в отдельных книгах труда, но и факт его неоднократного копирования в XII в. именно в этой среде (Вышеград, Сазава).
- 27 *Козьма*, I, 15 (мать князя Вацлава — de gente Luticensi), II, 4 (Войтех ушел из Чехии поучать чужие народы — ad extras gentes), 14 (изгнание из Чехии всех «немцев» — de gente Teutonica), 23 (противопоставление «своего» и «чужого» народа) и т. д. Лишь изредка хронист использует в этом значении термин natio (I, 4, 5, 30). Оба эти термина используются также как синонимы для обозначения аристократического рода (в рассказе об избении рода Вршовцев — III, 23, 24).
- 28 Употребление как синонимов терминов gens и populus см.: *Козьма*, I, 4, 8; терминов «gens», «populus» и «plebs» см.: I, 29, 30. Термины populus и plebs употребляются, кроме того, как синонимы при противопоставлении народа и вельмож (I, 23, 29, II, 47).
- 29 См. подробнее об этом: *Cultus et cognitio: Studia z dziejów sredniowiecznej kultury.* Warszawa, 1976, s. 673—682.
- 30 *Cultus*. . . , s. 677; *Козьма*, I, 3. См. также I, 9 (omnes tribus terre Boemie). Этот термин используется также хронистом для обозначения княжеского или аристократического рода (I, 13; III, 52).
- 31 *Козьма*, II, 50; см. также и «нравы. . . чехов» (III, 7). Представление о наличии у каждого народа своих законов и обычаев ярко выражено в таком документе, как Привилегия князя Собеслава пражским немцам (70-е

- годы XII в.): Theutonici sunt de Boemis nacione diversi sic eciam a Boemis eorumque lege vel consuetudine sunt divisi» (Codex juris municipalis regni Bohemiae. Praha, 1886, vol. I, N. 1, s. 1).
- ³² Подробнее о «вацлавской идеологии» в Чехии конца XI начала XII в. см.: *Třeštík D. Kosmova. . .*, s. 192—204. В той же роли, но менее определенно выступает и другой чешский святой — Войтех.
- ³³ О таком значении терминов «челядь», «семья», «дом» в древнеславянских текстах см.: *Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 15—17.*
- ³⁴ Исключением служит лишь рассказ о войне чехов и лучан, но и в него проникает понимание термина Boemia в современном хронисту значении: князь лучан стремился omnem Boemiam ad obtinendum (*Козьма, I, 11*).
- ³⁵ Характеристику чешского войска этого времени см.: *Choc P. S mečem i štítem: České rané feudální vojenství. Praha, 1967, s. 67—72.*
- ³⁶ Здесь Козьма использовал текст Первой книги царств [8, с. 11—17], но в цитируемом месте (I, 5) этот текст изменен так, чтобы соответствовал чешским порядкам: *Krzemieńska B., Třeštík D. Služebná organizace v rané středověkých Čechách. — Československý časopis historický, 1964, N 5, s. 637.*
- ³⁷ См., например: *Třeštík D. Kosmas. . .*, s. 83—86.
- ³⁸ Аналогичные настроения прослеживаются и у «Вышеградского каноника», выражавшего, в частности, сожаление (под 1139 г.), что князю Собеславу не удалось подчинить польские земли своей власти. Но налицо и новый мотив: рассказывая о походах чешских войск на Силезию (1134 г.), хронист выражает сожаление о Польше, страдающей от дурной политики своего князя. См.: *FRV, t. II, s. 230.*
- ³⁹ Хотя хронисту было, несомненно, известно о существовании баваров, швабов, саксов (*Козьма, III, 27*), как правило, западные соседи чехов фигурируют в «Хронике» как theutonici — немцы.
- ⁴⁰ Прямо такой вывод в «Хронике» не сформулирован, но, излагая дважды с явным одобрением историю об изгнании Спитигневом всех немцев из Чехии (*Козьма, II, 14, 23*), Козьма проявляет себя как сторонник такого решения.
- ⁴¹ *Козьма, II, 9*, речь Генриха III, обращенная к воинам: «Вам не придется вступать в тяжелый бой. . . стоит вам только спуститься вниз, как они наверняка от страха побегут».
- ⁴² Характерно, что за приведенными выше словами следует рассказ о поражении немецкого войска. См. также: *Козьма, II, 35* — аналогичный рассказ о посрамлении австрийского маркграфа.
- ⁴³ Князь Бжетислав не хотел просить у немецкого графа согласия на брак с его дочерью, так как знал, что немцы «habeant despectui Sclavos» (*Козьма, I, 40*).
- ⁴⁴ Уже для Видукинда (Деяния саксов, I, 35—36) поход Генриха на Прагу — это эпизод из истории покорения императором «варварских народов» — славян. Разбор еще более показательных высказываний Адама бременского и Ламберта герсфельдского см.: *Mikušek E. Ideové pojetí vztahu českého státu k říši německé v dílech dějepisců 10. a 11. století. — Sborník historický, 1979, t. 26, s. 19—20, 24.*
- ⁴⁵ Лишь в одном месте «Хроники» термин lingua выступает в значении самой этнической общности: немецкий король вступил в Рим «cum. . . multitudine diversarum nationum atque linguarum» (*Козьма, III, 38*).
- ⁴⁶ Очерк истории монастыря на основании данных монастырской хроники см.: *Рогов А. И. Жизнеописание первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре. — В кн.: Сказания. . .*, с. 10—14.
- ⁴⁷ Так, с Сазавой, по общему мнению исследователей, следует связывать составление особой редакции «Жития Вацлава» (основанной на использовании ряда памятников вацлавского культа), известной под условным названием «Легенды Никольского». См.: *Staroslověnské legendy českého původu: Nejstarší kapitoly z dějin česko-ruských kulturních vztahů. Praha, 1976, s. 141—143.*
- ⁴⁸ Об этом памятнике см. подробнее: *Večerka R. Velkomoravská literatura v přemyslovských Čechách. — Slavia, 1963, N 3.*

- 49 В таком представлении о соотношении «gens» и «lingua» для раннего средневековья не было ничего необычного. Так, Исидор Севильский в своих «Этимологиях» — труде, явившемся энциклопедией знаний и образцом учености для церковной интеллигенции этой эпохи, писал: «...initio autem quot gentes, tot linguae fuerunt, deinde plures gentes quam linguae, qua ex una lingua multae gentes exortae» (цит. по кн.: *Cultus...*, s. 679).

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Turek R.* Die frühmittelalterliche Stämmegebiete in Böhmen. Praha, 1957.
2. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.
3. *Козьма.* — *Cosmas Pragensis. Chronica boemorum.* — MGH SS. N. S., v. II. Berlin, 1923.
4. *Vach M.* Čeští Charváti. — *Český časopis historický*, 1949, N 2.
5. ММФН.
6. Статья «Dulebowie». — SSS, t. 1.
7. *Štěpánek M.* Opevněné sídliště 8—12 století ve střední Evropě. Praha, 1965.
8. *Wenskus R.* Die slavischen Stämme in Böhmen, als ethnische Einheiten. — In: *Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit.* Wiesbaden, 1967.
9. *Váňa Z.* Vlastislav. Výsledky výzkumu slovanského hradiště v letech 1953—1955 a 1957—1960. — *Památky archeologické*, 1968, N 1.
10. ПВЛ, ч. 1.
11. *Novotný V.* České dějiny. Praha, 1912, d. I, č. 1.
12. *Třeštík D.* Historické povědomí českého raného středověku. — In: *Dawna świadomość historyczna w Polsce, Czechach i Słowacji.* Wrocław etc., 1978.
13. *Fontes rerum bohemicarum.* Praha, 1873. T. I.
14. *Turek R.* Čechy na úsvitě dějin. Praha, 1963.
15. *Pomniki dziejowe Polski.* Warszawa, 1962, ser. II, t. IV, cz. I; Warszawa, 1969, cz. II.
16. *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.
17. *Krzemieńska B.* Krise českého státu na přelomu tisícletí. — *Československý časopis historický*, 1970, N 6.
18. *Radomešský R., Ryněš V.* Společná úcta sv. Václava a Vojtěcha zvláště na českých mincích a její historický význam. — *Numizmatické listy*, 1958, 13.
19. *Kronika Thietmara Ed. M.-Z. Jedlicki.* Poznań, 1953.
20. *Krzemieńska B.* Politický vrestup českého státu za knížete Oldřicha (1012—1034). — *Československý časopis historický*, 1977, N 2.
21. *Šujan F.* Vývoj hradů na Moravě v l. 1029—1077. — *Časopis matice moravske*, 1906, N 76.
22. *Nový R.* Přemyslovský stát 11 a 12 století. Praha, 1972.
23. *Pekař J.* Die Wenzels und Ludmila Legenden und die Echtheit Christians. Prague, 1906.
24. *Třeštík D.* Kosmas. Praha, 1972.
25. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
26. *Fontes rerum bohemicarum.* Praha, 1873. T. II.
27. *Třeštík D.* Kosmova kronika: Studie k počátkům českého dejepisectví a politického myšlení. Praha, 1968.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДРЕВНЕПОЛЬСКАЯ НАРОДНОСТЬ И ЕЕ ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Трудность исследования вопроса о формировании этнического самосознания древнепольской народности определяется почти полным отсутствием, вплоть до начала XII в., местных письменных источников. Древнейший памятник польской исторической мысли — написанная около 1112—1116 гг. «Хроника» Галла Анонима¹ — не ставил своей целью осветить происхождение народа и государства; этим данная хроника отличается и от «Повести временных лет», и от «Чешской хроники» Козьмы Пражского. Польский хронист, условно именуемый Галлом Анонимом, главной задачей считал прославление деяний современного ему князя Болеслава Кривоустого, поэтому вводная часть «Хроники» посвящена не древнейшей истории польского народа, а происхождению предков Болеслава — первых владетелей из династии Пястов. Из древних преданий «Хроника» фиксировала лишь те, которые были связаны именно с династией. Все же, как мы увидим далее, «Хроника» дает ценный материал об этническом сознании господствующих слоев польского общества. Для изучения более ранних этапов этнического самосознания поляков наряду с сохранившимися в «Хронике» элементами древней исторической традиции могут быть использованы отдельные сведения иностранных хроник и актов. Важным подспорьем при интерпретации письменных источников являются данные археологии и лингвистики.

Именно на основании лингвистических и археологических материалов большинство изучавших этот вопрос славистов пришли к выводу, что современная территория Польши или по крайней мере значительная ее часть входила в состав «прародины славян» — ареала формирования общеславянской этнической общности. В VII—VIII вв. в бассейнах Вислы и Одры шел процесс зарождения феодальных отношений, сопровождавшийся появлением новых форм политической организации общества [2, с. 74—75; 3, т. III, с. 224, 503 ii]. Однако письменный источник, фиксирующий наличие в данном регионе определенных территориально-политических образований, — «Баварский географ» — написан лишь к середине IX в. [4, с. 4—22; 5].

Приводя наименования населения «областей» (*regiones*), расположенных к северу от Дуная, «Географ», как правило, указывал и количество градов (*civitates*) по областям. По мнению современных исследователей, слово *civitates* в данном источнике означает только те грады, которые являлись центрами территориальных общин периода разложения родо-племенных структур и

формирования классового общества. Такие соседские общины (*viciniae*) в Великопольше называли опольями (*opole*). После образования Польского государства это название распространилось и на остальной его территории [6, s. 205—250; 7]. На систему ополий во главе с градами опирались более крупные территориальные образования. По всей видимости, «области» «Баварского географа» являлись «племенными» союзами, превращавшимися в «племенные» княжества — зародышевую форму государственности [2, с. 82—83]. В прошлом некоторые историки допускали, что подобные «малые государства» (*państwo*) существовали задолго до первого дошедшего до нас известия о них. Однако наблюдения археологов о развитии производительных сил дали материалы для вывода, что именно к середине IX в. во многих районах Польши был достигнут уровень классовой дифференциации общества, позволяющий предполагать зарождение раннефеодальной государственности [8, s. 63; 9, s. 187]. В рамках «племенных» княжений формировались определенные социально-этнические общности, которые, хотя сами по себе были весьма нестойкими, стали основанием для формирования общепольского этносоциального организма². О характере этнического самосознания населения отдельных княжеств прямых свидетельств источников нет; косвенным свидетельством наличия определенных форм самосознания исследователи считают относительную устойчивость ряда «племенных» этнонимов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «Баварский географ» называет сравнительно небольшие территориальные образования (по 5—20 градусов) наряду с очень крупными (по 200—400 градусов). Очевидно, объединения второго типа («большие племена» по терминологии старой польской историографии) были результатом интеграции образований первого типа («малых племен»). Существует мнение, что «протогосударственный» характер могли иметь только большие племенные союзы. Вопрос этот нельзя считать разрешенным окончательно. Заметим лишь, что Силезия, где известны только «малые племена», отнюдь не отставала по уровню социально-экономического развития от районов, где сформировались большие племенные союзы.

Одной из причин замедленности интеграционных процессов в Силезии могло быть именно сравнительно раннее появление здесь более стойких, чем в других районах, малых племенных союзов. «Баварскому географу» известны здесь «малые племена» слензян (15 градусов), дядошан (20 градусов), ополян (20 градусов), голенишичей (5 градусов)*. Пражский документ 1086 г., отражающий ситуацию второй половины X в., знает тех же слязан и дядошан и прибавляет к ним бобрян и требовян (которых часть ученых локализует в Чехии). Дядошане и слензяне были известны также Титмару Мерзебургскому в начале XI в. [10, s. 76, 77, 83—85]. Очевидно,

* Не приводим здесь этнонимов, локализация которых спорна (например, *Lupiglaa*).

общесилезский союз племен не успел образоваться, как вся область уже в последней четверти IX в. вошла в сферу влияния Великоморавского государства [11, s. 25, 38], а позже — Чехии. Общее наименование для всего края зафиксировано в источниках, относящихся к периоду уже после его вхождения в Древнепольское государство (в частности, у Галла Анонима *regio Zlezensis* под 1109 г., у Козьмы Пражского — *Slensko*)³.

За исключением Силезии, малые племена поименно известны еще в Поморье, если согласиться с гипотезой о локализации здесь упомянутых «Географом» велюнзан (волиняне?) и приссан (выжичане?) [10, s. 89—90]. Отнесение к Поморью этнонимов *Thafnezi* и *Zeguiani* еще более гипотетично [10, s. 90—91]. Общее название большого племени поморян появляется в источнике о событии середины XI в.: в 1046 г. в съезде в Мерзебурге принимали участие на равных правах князь чехов Бржетислав, князь поляков Казимир и князь поморян (*Comenapogum*) Земузил [12, p. 802]. Позже поморяне фигурируют в ряде источников (Галл Аноним, «Повесть временных лет», «Житие Отто Бамбергского» и др.) [13, s. 91—109]. Ретроспективный анализ более поздних данных позволяет предположить наличие, по крайней мере к середине IX в., общепоморского союза «племен» [3, t. V, s. 411—414]. Очевидно, и этноним «поморяне» более древний, чем первые сохранившиеся упоминания о нем. Это же можно сказать и о самоназвании поморян или их части — «кашубы». Были даже попытки найти сходный этноним у аль-Масуди, однако оказалось, что упомянутые этим автором «гушпанин» («гащеабин») названы в числе южнославянских племен [14, s. 390; 15, t. I, s. 43—55].

В ряде источников «Кашубия» встречается с XIII в. применительно к Западному Поморью. Представляется спорным принятое в ряде исследований мнение, что в Восточное Поморье наименование «кашубы» было привнесено лишь в результате включения в 1455 г. части Восточного Поморья (Лэмборского и Бытовского округов) в состав владений западнопоморских князей, титуловавших себя князьями Кашубии [14, s. 391]. Вряд ли титул германизированных к этому времени князей мог стать основанием для самоназвания автохтонного населения всего Восточного Поморья, в том числе и тех земель, которые в 1455 г. не вошли в состав Западнопоморского княжества. Весьма вероятно, что кашубы — древнее название одного из «малых племен» [10, s. 91], распространившееся и на другие поморские «племена» на раннем этапе их интеграции. В источниках это название зафиксировалось сначала на западе в связи с процессом кристаллизации западнопоморской государственности, но сохранился этот этноним в тех частях Восточного Поморья, которые избежали германизации.

Иное положение мы видим в других районах будущей Польши. Ареалы «малых племен» здесь выделяются гипотетически, преимущественно по данным археологии и отчасти — топонимики; письменным же источникам известны лишь «большие племена» — союзы «племен», перераставшие в племенные княжества. Свод-

ный перечень больших племен, память о которых сохранилась и после образования общепольского государства, дает «Повесть временных лет»⁴.

Так, в Мазовии неизвестно по названию ни одно малое племя. Отсутствие у «Баварского географа» сведений о племенном союзе мазовшан можно объяснить тем, что Мазовия была расположена в стороне от областей, интересовавших «Географа». Впервые этноним «мазовшане» встречается в «Повести временных лет» при описании событий 1041 и 1047 гг. и в этнографическом введении [16, с. 103, 104, 11]. В «Хронике» Галла Анонима отмечены латинизированные формы *Masouiensis*, *Masovitae*. Более ранние упоминания о Мазовии гипотетичны: у Павла Диакона (VIII в.) имеется известие о «стране женщин» на севере Европы, у Ибрагима ибн Якуба (X в.) — о «городе женщин» к востоку от Руси. Наконец, в прибавлениях Альфреда к его переводу труда Орозия «страна женщин» (*Maegaland*) размещена к северу от хорватов [17, р. 13]. Сопоставление этих источников дало основание для предположения, что во всех трех случаях имеется в виду Мазовия, наименование которой вызвало ассоциацию с амазонками⁵. Если принять данное построение, то мазовшан следует считать древнейшим из «больших племен» Повисленья.

Сравнительно древним был и союз вислян — объединение племен Верхнего Повисленья, — упомянутый уже «Баварским географом» (*Vuislani*). Уже в третьей четверти IX в. князь, сидевший «в Вислѣх», был, по определению «Жития Мефодия» [17, р. 107], «силен велми». Он даже «пакости дѣяше» мощному Великоморавскому государству. Около 875—876 гг. племенное княжество вислян оказалось в зависимости от великоморавского князя Святополка. Еще до того образец Великой Моравии был достаточно привлекательным для феодализирующейся племенной верхушки вислян [18, с. 97—114]. Именно в IX в. у вислян появляются большие грады, которые могут служить одним из показателей превращения союза племен догосударственного типа в племенное княжение. Очевидно, процесс образования «племенной государственности» проходил здесь параллельно с вхождением данной территории в орбиту политического влияния Великоморавского государства. Местная знать сначала пыталась противостоять Моравии, но вскоре осознала, что опора на более развитый государственный организм поможет ей укрепить свои позиции внутри края и подчинить себе земли соседних племен.

Не только благодаря помощи Моравского государства, но в первую очередь по внутренним причинам южнопольские земли, которые на протяжении длительного времени были наиболее развитыми в экономическом отношении, на некоторое время стали тем регионом, где процесс превращения родо-племенных связей в государственно-территориальные происходил с наибольшей интенсивностью. По-видимому, во второй трети IX в. вислянское княжество претендовало на роль «собирателя польских земель». Еще в конце IX в. английский король Альфред Великий в допол-

нениях к своему переводу «Истории против язычников» Орозия писал: «А к востоку от Моравии (Mogorago lande) находится страна вислян (Visleland), к востоку от нее — Дакция» [17, р. 13]. Таким образом, в его понимании, вислянский край — отдельное от Великой Моравии политическое образование. Во второй половине X в. это образование очутилось в зависимости от Чешского государства, что открыло возможность для установления политических связей последнего также с племенной верхушкой юго-западных окраин восточнославянского мира — Перемышльской и Червенской земель⁶.

Вероятнее всего, зависимое от Моравии, а позже от Чехии вислянское княжество включало и район Сандомирской возвышенности — предполагаемый ареал особого племенного союза лендзян [18] (Lendizi «Баварского географа», Lenzeninoi Константина Багрянородного). Такая локализация была предложена и обоснована Г. Ловмянским. Сейчас эта гипотеза принята в большинстве обобщающих работ [19, т. 1, сз. 1, т. 136; 8, с. 63]. Возражения К. Тыменецкого и некоторых других авторов не убеждают. Их главный аргумент — отсутствие в Люблинско-Сандомирской земле «ленд» (leḍa), с которыми связаны этнонимы «лендзяне» и «ляхи». Однако слово это многозначно. Его толкуют то как целину или перелог, то как выкорчеванные или выжженные участки среди лесов, то как черноземы на месте болот, наконец, как поле, поросшее лесом⁷. Невозможно установить, какой оттенок значения слова «ленда» преобладал в IX в. или ранее на той территории, где образовался этноним «лендзяне». Поэтому поиски районов большего распространения ленд вряд ли могут дать аргументы против положения о локализации лендзян по среднему течению Вислы.

Данную гипотезу подтверждает сообщение «Повести временных лет». Летописный отрывок о «ляшских» «племенах», хотя его поддающаяся реконструкции редакция написана не ранее конца XI в., отражает ситуацию, сложившуюся на ранних ступенях интеграции «прапольских» племенных союзов. По словам летописца, часть славян «сѣдоша по Вислѣ и прозвашася ляхове, а от тѣх ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне» [16, с. 11]. Таким образом, для летописца ляхи («ляхове») — это и частное название некоего привислянского племени, и общее название группы родственных племен. В настоящее время не вызывает возражений концепция о генетической связи и первоначальной однозначности этнонимов «лях» (Leḥ *led-ch) и «лендзянин-лядянин» (leḍ + ianin) [20]. На связь форм «лях» и «лядянин» указывает, в частности, восточнославянская форма прилагательного «лядьский» (*leḍskii) и наименование поляков у литовцев (lenkas от leḥ) и венгров (лендьел) [21, с. 94—95]. Таким образом, в более узком значении «ляхи» «Повести временных лет» однозначны лендзянам, и прямое указание источника об их проживании «по Висле» делает беспочвенными попытки искать лендзян-ляхов в других местах.

Как видно из контекста, летописец именем непосредственно граничивших с Русью сандомирских ляхов-лендзян назвал вислянско-лендзянское объединение, подобно тому как ранее западные источники это же объединение именовали «вислянами», «вислянским краем»⁸. «От тѣх ляхов прозвашася поляне. . .» — это можно понимать только так, что именем привислянских ляхов-лендзян стали называть на Руси также живущих далее полян и другие польские «племена» («ляхове друзии»).

Тот факт, что этноним «лендзяне-ляхи» на Руси и в Венгрии стали относить ко всем польским землям, весьма знаменателен. Он объясняется не только тем, что соседи лучше знали более близкие к себе племенные союзы, но и тем, что к лендзянскому союзу перешла гегемония в южнопольском политическом объединении. Укоренение термина «ляхи» в общем значении наиболее вероятно для того периода, когда «лендзяне-ляхи» Верхнего Повисленья были наиболее реальным претендентом на роль центра притяжения для других родственных племенных союзов.

К середине X в. от лендзян ведущая роль перешла к племенному княжеству полян с центром в Гнезно. Именно это княжество переросло впоследствии в общепольское государство. Племя полян «Баварским географом» не упомянуто, зато ему известно огромное территориальное объединение «глопеан» — они имели «400 градусов или более», т. е. значительно больше, чем любое другое известное нам политическое образование на польских землях. Большинство исследователей склонны видеть в названии «глопеани» деформацию этнонима «гопляне», связанного с наименованием оз. Гопло в Куявии⁹. Именно над этим озером был расположен и древнейший центр Куявии — Крушвица. Учитывая большие размеры объединения гоплян (более 400 градусов), естественно предположить, что это объединение включало и полянскую племенную территорию. Согласно относительно поздней «Великопольской хронике», именно в Крушвице у оз. Гопло погиб «съеденный мышами» князь Попель, после чего власть перешла к династии Пястов. Некоторые историки полагают, что эта легенда — отголосок преданий о переходе власти в объединенном племенном союзе от гоплянской племенной верхушки к князьям гнезненских полян [22, с. 290].

В написанной в начале XII в. «Хронике» Галла Анонима сказано, что после гибели Попеля и его потомков князем в Гнезно стал Семовит, сын крестьянина Пяста (Pazt) и крестьянки Репки (Rerca) [1, I, 3]. Его сыном был Лестько, внуком — Семомысл, правнуком — Мешко I — первый польский князь, о котором известно и из других источников. В историографии XIX—начала XX в. было принято считать легендарным весь перечень предков Мешко [23, с. 597], но в настоящее время преобладает мнение о его подлинности. Если список действительно подлинный, то Семовит княжил в Гнезно примерно в последней трети IX в. [3,

t. 5, s. 462] и был основателем династии Пястов*. Археологические данные свидетельствуют, что с середины IX в. Гнезно было сильно укрепленным тричленным градом, который вполне мог быть центром большого племенного княжества. В первой половине X в. княжество, по-видимому, усилилось. Источники последних лет X в., о которых подробнее будет идти речь ниже, позволяют сделать вывод, что общепольское государство унаследовало название «Польша» именно от ставшего ядром формирующейся государственности племенного княжества с центром в Гнезно. Точно неизвестно, когда это княжество стало называться полянским, или польским, возможно, это произошло уже во второй половине IX в. Этноним «поляне», как и наименования других племенных союзов, зафиксирован в иностранных источниках. Однако нет оснований сомневаться, что в большинстве случаев названия княжеств были самоназваниями местного населения. Устойчивость их может служить показателем наличия и зачаточных форм этнического самосознания. Факторами, способствовавшими поддержанию особого самосознания, были разобщенность отдельных княжеств друг от друга «межплеменными пущами», наличие территориальных диалектов, местных обычаев, особенностей материальной культуры, наконец, внутриобластной брачной эндогамии [25, с. 141]. В таких условиях наряду со старым племенным самосознанием зарождались и разные формы самосознания областного, территориального. Стабилизации этого самосознания способствовали и локальные языческие культы, а на более поздних этапах — также местные исторические предания. Из «Хроники» Титмара Мерзебургского известно, что на горе Сленже был центр племенного культа слензян [26, с. 555]. Аналогичную роль, возможно, играли курганы Крака в Кракове, Сальверегина в Сандомире, курган в Плоцке.

Есть точка зрения, что имена предков Мешко I, относимые Галлом к эпохе идолопоклонства (*ydolatria*) [1, I, 3], не что иное, как имена полянских племенных божеств [3, t. 5, s. 462]. Аналогичные случаи «перенесения богов на землю» известны и у других народов**, а имя Семовит имеет аналогии среди имен западнославянских языческих богов (Святовит, Яровит, Руевит). Правда, нет оснований для сближения имени Лешко с русским лешим, тем более что в древних источниках упоминается не Лешко, а Лестько (*Les-tik*). В то же время если принять, вслед за А. Брюкнером и Г. Ловмянским, что упоминаемые саксонской «Хроникой» Видукинда *Licicavici* — подданные князя Мешко — это «лестьковичи», то такое племенное наименование могло произойти, скорее всего,

* Наименование первой польской династии Пястами — позднее, впервые оно встречается в трактатах силезских ученых конца XVII—начала XVIII в. [24, с. 71].

** Например, датский хронист XII—XIII вв. Саксон Грамматик изображает древнегерманского бога Одина и его потомков основателями датской династии.

не от реального князя (как предположил Ловмянский в последней своей работе), а от легендарного предка-эпонима¹⁰.

Тем самым сведения Галла дают возможность реконструировать полянский племенной культ, который мог использоваться для консолидации полянского племенного княжения. Если же согласиться с историками, считающими предков Мешко лицами историческими [27], то придется признать формирование у полян исторической традиции, служащей идеологическому обоснованию законности полянской племенной династии. Лишь после превращения полянской династии в общепольскую сказания о Пясте и его потомках стали приобретать характер общегосударственных. Еще позже это случилось с вислянскими сказаниями, проблески которых лишь с трудом угадываются в насыщенном домыслами и учеными конструкциями рассказе Винцентия Кадлубка, хрониста XIII в. [28, с. 56—58]. Вероятно, на поздних этапах развития племенных княжений формирующиеся исторические предания переплетались с реликтами древних родовых мифов. Впрочем, племенная мифология не очень глубоко укоренилась; если бы борьба христианских миссионеров с ней была упорной и длительной, это неминуемо отразилось бы в источниках.

Установление политических рубежей между княжествами способствовало более четкому разграничению зарождавшихся этнических общностей в рамках отдельных княжеств. Однако в целом различия в уровне и характере материальной и духовной культуры населения отдельных княжеств были незначительными по сравнению с многочисленными общими чертами. Показательно, что археологам не удалось соотнести ареалы больших племен и соответствующих им племенных княжений с ареалами каких-либо существенных явлений в сфере материальной культуры и обрядности. Различия диалектов на территории будущей Польши также были сравнительно слабо выражены [29, р. 18]. Культурная и этноязыковая близость населения различных княжеств облегчала контакты между ними. Но главным стимулом активизации этих контактов было общее оживление экономической и политической жизни. Зарождение государственности в форме племенных княжеств явилось лишь одной из сторон этого многогранного процесса перестройки всей общественной структуры. Одним из факторов, способствующих этнической консолидации племенных общностей, стал рост населения, который способствовал упрочению межплеменных контактов [25, с. 139]. Надо отметить, что многие новшества в области сельскохозяйственного и ремесленного производства распространялись, невзирая на политические рубежи [30—31, с. 185—186]. Через территорию многих княжеств проходили транзитные торговые пути, с чем были связаны продвижение товаров и людей, циркуляция информации. Даже столкновения между княжествами вели к взаимному ознакомлению, не говоря уже о том, что конфликт с одним княжеством вызывал стремление искать союзников среди его соседей. В ходе контактов между территориальными объединениями социально-актив-

ные круги общества имели возможность лучше осознать как общие черты всех славян, так и культурно-языковые особенности западнославянских племен в целом и той их части, которая на следующем историческом этапе составила этническую базу польской народности.

Как видно из этнографического введения к «Повести временных лет», внешние наблюдатели также осознавали этническую близость этносоциальных областей, формировавшихся в Повисленье, крае полян, в Мазовии, Поморье. Всех их, и, кроме того, еще лютичей, летописец противопоставил непольским этническим образованиям [16, с. 11]. Конечно, часть признаков, сближающих «прапольские» племена, кристаллизовалась уже в период деятельности Древнепольского государства. Но часть этих признаков — более древнего происхождения. Так, причисление к польскому этносу лютичей и поморян надо объяснить наличием в их этническом облике черт, сформировавшихся в догосударственный период, поскольку первые вообще не вошли в Польское государство, вхождение же вторых было весьма нестойким.

Не позже середины X в. главенствующая роль в кругу родственных «прапольских» племенных княжеств переходит к гнезненским полянам. Это объясняется целым рядом факторов. Урожайные почвы создавали хорошие условия для пашенного земледелия, что обеспечивало общий высокий уровень производительных сил. Выгодным было и географическое положение: удаленность от наиболее грозных противников и близость к зонам, где была возможна экспансия. Устанавливаемая по археологическим данным большая концентрация градов в Великопольше — показатель раннего выделения здесь относительно мощного аппарата власти и сильной военной организации.

Осознание опасности, связанной с экспансией немецких феодалов, ускорило интеграцию других племенных княжений с гнезненским княжеством полян. Существует мнение, что «процесс объединения польских земель произошел довольно безболезненно. Неизвестны, кроме Поморья, случаи борьбы между владельцами полян и подчиненными ими землями» [30—31, с. 15]. Но некоторые историки рисуют иную картину: «Грабительская деятельность полян должна была наталкиваться на сопротивление, вызывать войны, в которых не пренебрегали никаким коварством и жестокостью. Во время этих войн победоносный полянский князь уничтожил племенную аристократию соседних княжеств, навязал покоренным общинам постоянные повинности. . .» [32, с. 83]. Поздняя по отношению к событиям «Хроника» Галла утверждает, что Семовит расширял границы своего государства *usu laboris et militiae* — мирными и военными усилиями [1, II, 4]. Попытки определить соотношения между военной и невоенной формами интеграции по археологическим данным весьма гипотетичны в связи с сложностью интерпретации археологических источников. Крайне трудно определить и последовательность территориальных приобретений гнезненского княжества. Весьма вероятно,

что к началу правления Мешко I (960—992) оно охватывало, кроме Великопольши и Куявии, Мазовию и часть Поморья. Мешко распространил свое влияние на Любушскую землю и все Поморье, а возможно, и на Силезию. В 966 г. он принял христианство. Наконец в самом конце столетия при сыне Мешко Болеславе I Храбром была присоединена Краковская земля.

Таким образом, около 1000 г. Польское государство объединило все этнически польские племенные княжения. Точнее выражаясь, польскими их можно именовать только начиная с этого времени: к концу X в. в связи с ведущей ролью полянского княжества в образовании общепольского государства племенное название полян распространилось и на другие области, вошедшие в государственное объединение с полянским центром. Это зафиксировали сразу же хорошо информированные иностранные авторы. Так, в приписываемой Иоанну Канапарию первой редакции «Жития Войтеха» (рубеж X—XI вв.) Болеслав Храбрый назван полянским князем (*dux Polaniorum*) [17, р. 179, 184, 213]. В «Гильдесгеймских анналах» за 1015—1017 гг. фигурируют *Poliani*. В «Хронике» Титмара Мерзебургского (ум. в 1018 г.) Польша последовательно именуется *Polonia*, поляки — *Poleni*, *Polenii*, князь Польши Болеслав I — *dux Poleniorum* [17, р. 261, 268, 271, 275, 277, 284, 299, 307, 310, 317]. «Кведлинбургские анналы» начала XI в. применяют форму *Polonia*, которая стала общепринятым наименованием Польши на латинском языке; *dux Polonorum* назван Болеслав Смелый в адресованном ему письме папы Григория VII [17, р. 67] (1075 г.). Идриси, писавший в XII в., знает Польшу под названием «Булуния».

Все древние упоминания относят слова «Полония», «полони» ко всей Польше; более узкое значение слова «поляне», зафиксированное в относительно поздней «Повести временных лет», отражает генетически более раннюю ступень эволюции значения данного этнонима. В его распространении на всю территорию Древнепольского государства значительную роль сыграли феодалы края полян — наиболее влиятельная прослойка класса феодалов в государстве Мешко I. Однако и после возникновения более общего значения слова «Полония» оно довольно долго продолжало применяться и в своем первоначальном значении — край полян [33, с. 56]. Так, «Хроника» Галла Анонима, в основном пользующаяся словом «Полония» для обозначения всего государства, в одном случае называет так Великопольшу [1, II, 4]. В акте 1234 г. позднейшая Великопольша названа «землей, специальное наименование которой Полония» [34, с. 144] (только примерно с середины XIII в. для этого района утвердилось наименование *Polonia maior* — Великопольша). Появление более широкого значения термина «поляне» (*Poloni*) означало важную грань в процессе сложения польской народности и формирования ее самосознания; показателем интенсивности этих процессов может быть сравнительно быстрое вытеснение новым значением слова его первоначального (племенного) значения. К сожалению, в связи с отсут-

ствием ранних документов на польском языке неизвестно, как слово «Полония» передавалось в разговорной речи (варианты *Polszcza* и *Polska* сравнительно поздние).

Если о племенных княжениях можно было говорить как о зачаточных формах государственности, то княжество Мешко I и Болеслава I может быть определено как раннефеодальное государство, в рамках которого шла стабилизация польской народности. О далеко зашедшем процессе феодализации общества свидетельствует упоминание об «оптиматах», которые были в войске Мешко I наряду с рядовыми воинами [35, s. 119—120, 192—193]. По словам Ибрагима ибн Якуба, мощная дружина Мешко — 3000 воинов — была в полном подчинении князя, дававшего дружинникам «одежду, коней, оружие и все, что им нужно» [36, s. 142]. Еще большей была дружина Болеслава I. Княжеская дружина не только служила целям внешней экспансии, но и была главной силой, обеспечивавшей функционирование аппарата принуждения внутри страны, взимание централизованной феодальной ренты.

Централизованный характер изъятия ренты способствовал консолидации единого господствующего класса в масштабах всего государства. Этот класс стремился к унификации форм общественной жизни путем насаждения во всех регионах страны одинаковых или сходных административно-фискальных и судебных институтов. Зарождается и общегосударственное законодательство. Например, всеобщий характер имело предписание соблюдать посты (как сообщает Титмар, нарушителям поста выбивали зубы). В «Чешской хронике» Козьмы Пражского сказано, что Бжетислав, переселяя в 1039 г. жителей Геча в Чехию, «одного назначил их начальником и судьей, дабы они и их потомки жили под тем правом, под которым пребывали в Польше» [37]. Очевидно, применявшееся в Польше обычное право отличалось от чешского и какие-то нормы этого права считались специфически польскими, свойственными всему Польскому государству [8, s. 89].

Новое государство, как орган классовой власти феодалов, использовало сеть существовавших ранее градов, однако функции многих из них изменились. Новым явлением стали грады — резиденции княжеских каштелянов, выполнявших административные, судебные и военные функции в соответствующих округах [38, s. 663—690]. Об изменениях роли градов свидетельствует также исчезновение или упадок многих старых градов наряду с возникновением крупных новых. Именно на основе реорганизованных систем градских округов стали функционировать более крупные территориальные образования — провинции или земли. Первые сведения о новом административном делении можно извлечь из указания Галла о тех градах, в которых Болеслав I имел большие отряды рыцарей и щитников. Это Познань, Гнезно, Влоцлавск, Геч [1, II, 3]. Это были центры военной организации и аппарат власти в ядре государства (которое в документе «*Dagome iudex*» 992 г. названо *civitas Schinesghe* — Гнезненское государство) [3, t. 5, s. 616]. Согласно тому же документу в государство

Мешко, кроме гнезненской области, входили и *pertinentiae* — районы, сохранившие до времени остатки старой структуры, но вынужденные признать главенство гнезненского князя, основной опорой которого были «оптиматы» и дружина упомянутого центрального округа.

Разделение государства на «собственно государство» и его владения («пертиненции», т. е. «принадлежности») объясняется неравномерностью социально-экономического развития регионов, разной степенью их вовлечения в интеграционные процессы. Правобережная часть Мазовии и после признания верховенства гнезненских князей сохраняла существенные черты старого племенного строя, что и обусловило живучесть центробежных тенденций в этом крае [3, t. 5, s. 493]. Даже если признать, что князь мазовшан Маслав (Мецлав) не был носителем мазовшанского сепаратизма [39, s. 247], трудно отрицать использование им стремлений населения Мазовии сохранить свою самобытность. Вооруженный конфликт с Маславом, в понимании киевского летописца, являлся войной с мазовшанами [16, с. 104], и после ликвидации в 1047 г. «государства Маслава» в общественном строе Мазовии сохранились многие архаические особенности.

Определенная архаичность социальной структуры была свойственна и Поморью, несмотря на сравнительно высокий уровень развития производительных сил в этом крае и на образование здесь богатых городов-республик. В конце X — начале XI в. Поморье было лишь в даннических отношениях к князьям Польши, эта зависимость была непрочной и вскоре прервалась. В состав Польского государства Восточное (Гданьское) Поморье вошло лишь около 1119 г., Западное Поморье в это время еще проходило ту стадию общественного развития, которая уже давно была пройдена в Центральной и Южной Польше. А именно, как свидетельствует «Хроника» Галла Анонима, отдельные племенные княжества объединялись в относительно устойчивую общность под властью верховного князя. Последнего Галл дважды назвал *ipse dux* — «сам князь» [1, I, 28, 39]. Хотя это объединение и вело войну с Польским государством, оно перенимало из Польши ряд форм государственной организации, что создавало определенные предпосылки для интеграции поморян с польской народностью.

Если не считать Западного Поморья, в XII в. Польша уже делилась на провинции во главе с наместниками — Краковскую, Сандомирскую, Силезскую, Великопольскую, Куявскую, Мазовецкую и, вероятно, Ленчицко-Серадзскую [40, 296—297]. Границы провинций совпадали с племенными делениями, хотя и не всегда. Так, в Мазовецкую провинцию вошли и некоторые земли за пределами ареала мазовшан. Не только изменения границ округов, но и сама однородность управленческого аппарата способствовала ломке старых областных различий.

Одним из важных аспектов воздействия государства на ликвидацию региональных барьеров было также стимулирование им большей, чем в догосударственный период, подвижности населе-

ния, особенно его социальной верхушки. Сам король или князь не имел постоянного места пребывания, а разъезжал по всей стране, останавливаясь на ночлег в градах либо в палатках [41, р. 141]. Вместе с ним ездил свита и часть дружины. Дружинники и административный аппарат набирались в разных частях страны и перемещались с места на место по распоряжению монарха. Известны и случаи перемещений феодально зависимого населения. Таким образом, деятельность государства вела к замене старых структур, генетически связанных с пережитками родо-племенных общностей, новыми, чисто территориальными. Показателем успехов этого процесса могут быть учащающиеся случаи наименования людей по центрам провинций или градских округов («краковяне», «вроцлавяне» и т. п.) [1, V, 5; 33, с. 56].

Важным фактором, направленным на определенную консолидацию всего населения страны, было создание в 1000 г. архиепископии, охватившей Польшу в целом. Сеть епархий в общем не совпала со старыми племенными делениями, но зато учитывала складывающуюся административно-территориальную структуру государства. Церковная организация в этот период была еще настолько тесно слита с аппаратом государственной власти, что может рассматриваться как его составная часть. Монархия и духовенство вместе повели решительную борьбу с племенными языческими культами. Укреплению государственного единства должен был способствовать насаждавшийся церковью и государством культ святых, патронов-покровителей одновременно и Польского государства, и польского народа.

Первым общепольским святым стал чех, пражский епископ Войтех. Осуществленная в 999 г. благодаря стараниям Болеслава I канонизация Войтеха (погибшего при проповеди христианства среди язычников-пруссков) служила утверждению в Европе стереотипа о Польше как о государстве, активно борющемся с язычеством. Благодаря захоронению в гнезненском соборе мощей Войтеха Гнезно стало «столицей святого мученика» [1, III, 25]. С культом Войтеха связано появление первого известного нам созданного в Польше литературно-публицистического памятника — «Книги о страданиях святого мученика» [42]. В этой книге подчеркивалось признание императором высоких достоинств за владельцем Польши Болеславом I. О насаждении общегосударственного культа Войтеха свидетельствует постройка посвященных Войтеху костелов в разных частях Польши, в том числе и в Поморье. Новый культ, по замыслу правителей страны, должен был активно воздействовать и на широкие массы населения. Несомненно, также неграмотным была адресована иконографическая программа знаменитой Гнезненской двери. Характерно, что в трех сценах, где изображен Болеслав I, он показан владельцем одного ранга с императором [43, с. 13]. Однако Войтех по происхождению был иностранцем — чехом. Может быть, поэтому позже культ этого святого не смог противостоять ряду региональных культов святых в княжествах периода феодальной раздробленности.

В целом феодализация общества и образование феодального государства привели к возникновению антагонизма культуры господствующих классов и народных масс. Уже на первых этапах христианизации, охватившей сначала социальную верхушку, этот антагонизм проявлялся достаточно четко. Ему способствовало и распространение в среде светских и духовных феодалов латинскоязычной письменности. Однако углубление антагонизмов «по вертикали» сопровождалось гомогенизацией социальных структур в их территориальном аспекте.

В истории нередки случаи, когда феодальный класс этнически противостоял народным массам. В таких случаях формирующиеся этносоциальные организмы могли не включать феодалов, особенно их верхушку, а охватывали прежде всего народные массы [25, с. 137].

В Польском раннефеодальном государстве господствующая верхушка не отличалась от народных масс по этническому происхождению, что облегчало ей идеологическое воздействие на низы. Одним из методов такого воздействия и было упоминавшееся выше насаждение культа святого — патрона страны и династии.

Ряд историков считают, что деятельность государства была единственным фактором, определившим вхождение этнически аморфных славян в польскую народность [32, s. 78]. Однако в конкретных польских условиях, где государство объединило сравнительно близкие друг другу племенные организмы, более убедительной представляется точка зрения исследователей, доказывающих, что территория государства была определена границами этнической общности, формирование которой началось уже раньше, по крайней мере на этапе племенных княжеств [44, s. 448; 3, t. 4, s. 530; 45, с. 89; 46, с. 13]. Все приобретения, сделанные Болеславом I за пределами этой этнической общности (Чехия, Словакия, Червенские грады) [47], не удалось удержать в составе Польского государства. Однако, несомненно, государство весьма способствовало интенсификации тех уз, которые в предыдущий период были весьма нестойкими.

Процесс формирования народности по-разному преломлялся в сознании разных слоев общества. К сожалению, источники для исследования зарождающегося самосознания польской народности весьма фрагментарны. Важнейший из них — уже упоминавшаяся «Хроника» неизвестного по имени монаха-бенедиктинца, вошедшего в историографию как Галл Аноним. Основная часть «Хроники» — панегирик Болеславу Кривоустому, содержащий во вводной части краткие сведения о предках князя. Сам Галл — представитель верхушки духовенства, тесным образом связанного с верхушкой государственного аппарата. Безусловно, труд Галла Анонима отражает не только взгляды его непосредственных покровителей и вероятных заказчиков (в первую очередь канцлера Михаила Авданца и познанского епископа Павла) [48, s. XXIV], но и взгляды, имевшие распространение среди значительной части светских и духовных феодалов. С полным правом автор

мог сказать, что его «Хроника» — доказательство, «что он не даром ел польский хлеб».

Само создание «Хроники» — показатель определенного уровня этнического и политического самосознания польской правящей верхушки. «Если Вы считаете королей и князей польских недостойными включения в хроники, — обращался Галл к предполагаемым читателям, — то приравниваете королевство польское к каким-нибудь некультурным варварским народам» [1, кн. III, вводное письмо].

На страницах хроники неоднократно упомянуты «поляки», «польский народ» (*Poloni, gens Polonica*). С понятием польского народа связано и понятие о Польше как об отечестве, ради которого следует приносить любые жертвы. Во введении к книге III, где описываются войны Болеслава Кривоустого с поморянами, империей, Чехией, Галл подчеркивает: «Защищающие отечество или наследие предков и те, кто мстит за несправедливость, предпочитают славную смерть в бою. . . позорной зависимости от победителей» [1, кн. III, вводное письмо]. Ту же мысль вкладывает Галл в уста Болеслава, цитируя речи, с которыми этот князь якобы обращался к своим рыцарям накануне сражений [1, III, 2, 4, 5 и др.]. Весьма показательна и персонификация образа Польши как женщины — матери или вдовы [1, I, 16, 29].

Один из признаков наличия этнического самосознания — идеализация своей родины. По словам Галла, Польша — «страна, изобилующая хлебом и мясом, рыбой и медом», «родина, в которой воздух чист, нивы плодородны, леса медоносны, воды полны рыбы, рыцари воинственны, крестьяне трудолюбивы, кони выносливы, воны пригодны к пахоте, коровы богаты молоком, овцы — шерстью» [1, I, 1]. И хотя такая характеристика является литературным штампом, типичным для средневековых хроник, восхваление Галлом родины свидетельствует, что люди из окружения Галла гордились своей страной, любили ее.

Как и подобает монаху-бенедиктинцу, важным преимуществом Польши Галл считал ее верность христианству. Излагая легенду о прозрении родившегося слепым будущего князя Мешко, Галл пишет: «Слепота означала, что Польша издревле была как бы слепа. . . но через Мешко должна быть просвещена и возвышена над соседними народами. . . Когда он принял веру, польский народ был спасен от смерти в неверии» [1, I, 4]. Причем Польша не только сама обратилась в христианство, но и стала играть важную роль в обращении народов, оставшихся еще языческими [1, I, 1]. Концепция об особой роли Польши в христианизации язычников также служила идеализации и прославлению этой страны, тем более что писалось это в эпоху крестовых походов. Польша получила таким образом свое, притом почетное, место в кругу народов, служивших более общей задаче крещения всех «неверных» [49, s. 46].

Один из признаков народности — ее территориальная консолидация, наличие территории, прочно связанной с данным этно-

сом. Уже во вступлении к книге I Галл очень конкретно определяет границы Польши, имеющей с востока — Русь, с юга — Венгрию, с юго-запада — Баварию и Чехию, с запада — Данию и Саксонию, со стороны Северного моря — три «языческих» народа — Селенцию, Поморье и Пруссию [1, I, введение]. Из соседей поляков не названы только полабские славяне (если идентифицировать, что наиболее вероятно, «Селенцию» не с землей лютичей, а с частью Ятвягии). Таким образом, довольно точно очерчены территория Древнепольского государства и ареал формирующейся польской народности. В ее состав, в понимании Галла, входили все бывшие большие племена бассейна Вислы и Одры, кроме поморян. Один раз особым «народом» (*gens*) названы мазовшане, но в том же месте «Хроники» поход Казимира Восстановителя в Мазовию рассматривается как борьба за покорение части «собственного народа» [1, I, 20]. Таким образом, Галлу были известны некоторые особенности этнического облика мазовшан, но с его точки зрения они не имели принципиального характера.

Особое положение, в понимании Галла, занимают поморяне. К ним он относится враждебно, как к язычникам, и в то же время видит в «поморском народе» (*gens, natio*) представителей особой этнической общности [1, III, 7, 48]. По словам Галла, Казимир Восстановитель «освободил всю Польшу, занятую (оскупатан) поморянами, чехами и другими соседними народами» [1, I, 19]. Поморяне ведут с поляками борьбу «за свободу» [1, IV, 48], во время осады града Накло польским князем в 1119 г. поморские рыцари присягают «либо погибнуть за родину, либо победить поляков» [1, III, 1]. В этих словах, весьма похожих на те, которыми Галл описывает самосознание поляков, исследователи видят свидетельство наличия у поморян зачатков сознания принадлежности к особой народности¹¹. Однако надо иметь в виду, что Галл, как идеолог «крестового похода» на языческих поморян, нарисовал одностороннюю картину контактов Поморья с Польским государством. Документы 1176 и 1229 гг. позволяют предположить рецепцию поморским обществом польских феодальных институтов [3, t. 5, s. 420]. Эббо в «Житии Оттона Бамбергского» отмечает, что перед лицом усиления немецкой угрозы поморяне стремились к сближению с поляками и называли их «нашими польскими братьями» [50, III, 13]. Таким образом, создавались определенные предпосылки для вовлечения в последующем населения Поморья в процесс формирования польской народности. В связи с различиями политической обстановки эти предпосылки получили определенные возможности реализации только в восточной части Поморья.

О Галле как стороннике единства польской народности говорит то, что он вовсе не упоминает бывших больших племен (кроме поморян и мазовшан), замалчивает периоды политического разобщения территории Польши, в частности после смерти Болеслава I. Даже описывая раздел государства между Болеславом Кривоустым и Збигневом, он подчеркивает наличие верховного прави-

теля — сначала отца обоих князей, позже (что не соответствовало действительности) — Болеслава [49, s. 52—53]. Вся территория Польши, кроме Поморья, образует, в понимании Галла, особую территориальную единицу, страну поляков.

Еще более важный, чем территория, признак этноса — наличие специфических для данной общности обычаев, отражающих особенности ее этнического развития. По Галлу, поляки имеют обычаи (*mo ges*), свойственные только им. Так, поскольку венгерский король Ласло провел детство в Польше, «по своим обычаям и образу жизни он сделался как бы поляком» [1, I, 27]. Мешко III заслужил любовь отчизны тем, что «следовал старинным обычаям предков» [1, I, 29].

Вместе с тем польский народ является составной частью славянского мира, подобно тому как Польша — северная часть «Славонии», Славянской земли (владелец Польши последовательно именуется Северным князем) [1, I, 3]. Вся Славянская земля весьма обширная: «Она тянется от сарматов, именуемых также гетами, до Дании и Саксонии, от Фракии через Венгрию, занятую в свое время гуннами (именуемыми также венграми), и далее, через Каринтию, она доходит до Баварии. А на юге вдоль Средиземного моря, начиная от Эпира, через Далмацию, Хорватию и Истрию, ограничивается берегами Адриатического моря и там, где находятся Венеция и Аквилея, доходит до Италии» (1, I, предисловие). Это уникальное для своего времени описание подтверждает, что в Польше в начале XII в. хорошо знали пределы славянского мира на западе и юге. Осознавалось и языковое родство славянских народов. Объясняя слова «Гнезно» и «цебры», Галл пишет об их значении на «славянском» языке, а не на польском. Очевидно, свой язык называли славянским сами поляки.

Несмотря на осознание родства славян, Галл при оценке различных народов не отдает какого-либо преимущества славянским народностям. Это объясняется тем, что зафиксированные у него стереотипные характеристики народов формировались в первую очередь, исходя из классовых интересов польских феодалов и их внешнеполитической ориентации. Такие стереотипы весьма интересуют историков, поскольку устойчивые оценки других народов они справедливо относят к числу проявлений этнического самосознания и факторов его дальнейшего утверждения. Стереотипы, которые отразились в «Хронике» Галла, часто связаны с переходящей политической конъюнктурой [51, s. 80—81]. Однако в целом они отражают, с одной стороны, взгляды католического духовенства, заинтересованного в распространении своей веры, с другой — взгляды феодальной знати, стремящейся обосновать внешнюю экспансию государства в соответствии со своими классовыми интересами. В частности, отношение к пруссам и поморянам определено именно насаждавшимися церковью представлениями о язычниках как о диких народах, в корне отличающихся от христианской Польши, миссия которой — распространять

«истинную религию», невзирая на сопротивление «варваров». Этот стереотип не заслонял понимания существенных различий между разными нехристианскими народами и племенами. Пруссy, у которых сохранились более сильные пережитки родо-племенного строя, живут «без короля, без закона», не имеют ни крепостей, ни городов [1, II, 42; III, 24]. Утверждение о «беззаконии» отражало отрицательное отношение представителя развитого феодального общества к общественному строю с сильными еще чертами военной демократии. Поморян Галл уже не обвиняет в отсутствии законов, так как видит сходство их социальных институтов с институтами Польши и ее соседей.

Что касается отношения Галла к Руси, то некоторые исследователи преувеличивают конфессиональные мотивы хрониста [52, s. 101]. В отличие от действовавшего в середине XII в. краковского епископа Матвея [53, с. 115] Галл Аноним вовсе не считает Русь «другим миром» [49, s. 51]. Ее население он не причисляет к варварам, как это сделал впоследствии магистр Винцентий [49, s. 51]. Оценки восточных соседей как людей «простых», не способных оказать сопротивление воинственным противникам, отражали в первую очередь стремление польских феодалов к политике экспансии на Русь. Очевидно, Галл выражал точку зрения той группы феодалов, которая отрицательно относилась к политическому сближению Польши и Руси в период правления Болеслава Кривоустого [54, с. 16]. Однако взгляды, враждебные Руси, отнюдь не были господствующими; свидетельство тому — многочисленные династические браки и неоднократные союзы князей Польши и Руси периода феодальной раздробленности.

Достаточно сложны и даже противоречивы содержащиеся у Галла оценки чехов. Как известно, несколько раз предпринимались попытки государственного объединения Польши и Чехии — с польской стороны Болеславом I, с чешской — Бжетиславом I и Вратиславом II [55, s. 69]. Исследователи предполагают, что польские монархи, стремившиеся овладеть Чехией, и чешские монархи, ставившие целью овладение Польшей, использовали в своих целях идею славянской солидарности [55, s. 69]. Однако попытки насильственного объединения обеих стран, как и другие конфликты между чешскими и польскими феодалами, способствовали утверждению отрицательных стереотипов в среде господствующих классов родственных народов. Вместе с тем между чешскими и польскими рыцарями существовали многочисленные родственные и иные связи. Галл приписывает чехам хитрость, вероломство, врожденную склонность к грабительству [1, III, 3, 4, 10, 20]. С другой стороны, у него же находим упоминание о «воинственном чешском народе», о чехах как о «храбрых и благородных рыцарях» [1, I, 24; III, 23].

Особо важными в этот период для Польши были взаимоотношения с немцами и империей. В отличие от Козьмы Пражского и более поздней польской «Хроники» магистра Винцентия для Галла Анонима конфликт с империей не является проявлением славяно-

германского антагонизма, а носит чисто политический характер. Хронист решительно осуждает «несправедливые» действия императоров, направленные на насильственное подчинение себе других стран — Венгрии, Чехии, особенно Польши. Экспансионизм императоров — причина особой чувствительности хрониста к проблеме суверенитета Польши. В представлении хрониста, Польская страна «заслуживает предпочтения перед другими в особенности в том, что, будучи окружена столькими. . . и христианскими и языческими народами и неоднократно нападению подвергаясь с их стороны. . . никогда не была никем полностью покорена» [1, I, предисловие].

Описывая неудачу похода императора на Польшу в 1109 г., хронист заключает: «Поскольку преисполненный гордыни император замышлял нарушить древнюю вольность Польши (*antiquam libertatam Poloniae*), справедливый судия не допустил этого» [1, III, 15]. Получается, что сам бог охраняет эту «древнюю вольность». Идеалом для Галла было время правления Болеслава I, особенно положение, достигнутое на Гнезненском съезде 1000 г.: император Оттон III тогда добровольно отрекся от своего законного права на получение дани с Польши, признал польского владельца «своим братом» и как бы сувереном в рамках империи [56, s. 1052]. Сам Галл указывает, что описание съезда заимствовано им из «Книги о страданиях св. мученика Войтеха». Возможно, что из этого не дошедшего до наших дней памятника перешли к Галлу и элементы концепции о «древней вольности», на которую посягают несправедливые императоры [48, s. XXXV]. Факты, противоречащие концепции «древней вольности Польши», Галл обходит [49, s. 49] (например, о сильной временами зависимости Польши от империи). Но в целом Галл признает авторитет императора для всех христиан и выступает лишь против злоупотребления этим авторитетом. По его словам, Болеслав Кривоустый написал императору Генриху IV: «Если бы ты по-доброму, а не насилем потребовал денег либо воинов в помощь римской церкви, получил бы, вероятно, не меньше помощи и совета (*auxilii vel consilii*), чем получали твои предшественники от наших» [1, III, 2]. Упомянутая здесь формула «помощь и совет» выражает взаимоотношения вассальной зависимости, таким образом Галл признавал верховный сюзеренитет империи [48, s. 138]. Однако он категорически осуждал насилие с ее стороны и поэтому считал войны императора с христианской Польшей несправедливыми. В отличие от империи Польша вела лишь справедливые войны — либо для защиты своих законных прав, либо для распространения христианства среди язычников. Это противопоставление — справедливые войны Польши, несправедливые — ее соседей — еще один показатель идеализации Галлом своей страны. Свойственный Галлу стереотип Польши как форпоста христианства на данном этапе его функционирования противопоставлялся концепциям восточнонемецких феодалов о Восточной Германии как о форпосте христианского мира против «полуязыческой» Польши.

В понимании Галла, польский патриотизм неразрывно связан с представлением о долге верности династии. Польша — это страна, для которой Пясты — «прирожденные владетели» [1, I, 19; II, 16], поэтому ему чужда свойственная Козьме Пращскому мысль о выборности основателя династии. Его «низкое» происхождение должно было оттенить ту мысль, что возвышение этого человека носило сверхъестественный характер, что власть вручена Пястам по воле бога, решения которого не могут быть ни поняты людьми, ни ими пересмотрены [57, s. 1376]. Это не исключало того, что и монарх имел определенные обязанности по отношению к своим подданным. Недаром как синоним монархии у Галла выступает слово «республика» — «вещь общественная», т. е. институт всего господствующего класса, интересы которого монарх обязан защищать (см. [1, I, 15]).

Выступая от имени монархии и всего господствующего класса, Галл все же включает в понятие отчизны представителей разных сословий. Польша, по его словам, край, где «воины бесстрашны, крестьяне трудолюбивы». Болеслава Храброго «все» (universi) называли отцом отчизны, он «крестьян не отягчал повинностями, но, как любящий отец, позволял им жить спокойно». При этом «ущерб, причиненный крестьянам насилиями врагов, он считал сравнимым с утратой крепости или города» [1, I, 12, 15]. Рассказывая, как отчизна оплакивала Мешко III, Галл уточняет, что среди оплакивавших были крестьяне, пастухи, ремесленники, слуги [1, I, 29].

Нам сейчас трудно судить, в какой мере слова Галла о привязанности народных низов к династии отражают действительное положение вещей, а в какой рисуют идеальную картину, соответствующую пожеланиям правящей прослойки. Но по более поздним источникам известно широкое распространение монархических иллюзий среди крестьян и горожан, идеализировавших центральную власть как представительницу «порядка в беспорядке» [58, с. 411]. В целом это была идеология, помогавшая господствующим классам держать народные массы в повиновении и одновременно способствовавшая их вовлечению в процесс консолидации народности. В этой связи мы не можем согласиться с мнением тех историков, которые противопоставляют сознание привязанности к монархии сознанию принадлежности к народности. В действительности же в моноэтнических государствах государственно-династическое самосознание было в средневековье и формой выявления сознания принадлежности к этносоциальному организму.

Таким образом, анализ «Хроники» Галла обнаруживает в ней целую систему представлений о польском народе как об особой этнической общности, отличной от соседних народов и в некоторых отношениях противопоставленной им. Именно это позволяет считать труд Анонима древнейшим подлинным свидетельством существования сложившегося исторического и этнического самосознания поляков [59, р. 9]. Очевидно, этот уровень самосознания соот-

ветствовал определенному этапу развития раннефеодальной народности, которая к тому времени включила в свой состав уже большинство бывших «племен» бассейнов Вислы и Одры.

Как было отмечено выше, на этапе племенных княжеств прослеживались элементы самосознания двух уровней — общеславянского и «племенного», причем последнее начинало трансформироваться в сознание принадлежности к данному княжеству. В результате формирования народности эта иерархия пополнилась промежуточной ступенью — сознанием принадлежности к общепольской этносоциальной общности, а племенное сознание стало перерастать в областное. Сохранение также в раннегосударственный период сознания близости всех славян и рецидивы племенного самосознания, как правило, не препятствовали укреплению общепольского самосознания социально активной части общества [33, с. 64—65]. Осознанию принадлежности к польской народности все более широких кругов населения способствовали как укрепление государственного аппарата внутри страны, так и внешнеполитическая конфронтация Польского государства с соседями. Позже, в период феодальной раздробленности, рецидивы «племенной» идеологии использовались носителями центробежных тенденций. Однако за время существования Древнепольского государства общепольское самосознание укоренилось настолько, что оно не только сохранилось в условиях распада Польши на удельные княжества, но и стало существенным компонентом идеологии объединительного движения.

В заключение отметим, что в памятниках второй половины XIII—начала XIV столетия этническое самосознание поляков проявилось с гораздо большей интенсивностью, чем в предыдущий период. В отличие от более раннего времени одним из главных показателей этнической принадлежности становится языковой критерий: поляки — «люди польского языка». Ряд историков только к этому периоду относят появление польского народа со своим самосознанием [60]. Однако в свете изложенного первые этапы формирования польской народности следует отнести к более раннему времени. Это примерно IX—XII вв. Народность, формирующаяся в этот период, можно было бы назвать древнепольской. Такое терминологическое различие подчеркнуло бы как связь двух этапов консолидации феодальной народности, так и существенное отличие второго этапа, когда этносоциальные структуры стали опираться на гораздо более интенсивные, чем раньше, интеграционные процессы в области экономики, социально-политической жизни, культуры.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Критическое издание памятника подготовлено К. Малечинским: МРН, ser. II, t. II. Пол. пер.: Anonim *tzw. Gall. Kronika Polska*. Wrocław; Warszawa: Krakow, 1965. Рус. пер.: *Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских*. М., 1961.

- ² Формирование «протонародностей» на базе социально-этнических областей во многих случаях было предпосылкой образования народностей. См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 141.
- ³ Формы на *ensk* применялись в польских источниках XVI—XVII вв., варианты *Ślask*, *Szląsk* появились в XVIII в. См.: «*Ślask*». — SSS, t. 5, s. 561.
- ⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 11 Подробнее об этом перечне речь идет ниже.
- ⁵ См.: *Łowmiański H.* Początki Polski, t. II. Warszawa, 1964, s. 78—80. Менее вероятна гипотеза Г. Лабуды, что под «страной женщин» следует понимать Поморье. См.: *Ловмянский Г.* Рец. на кн.: *Labuda G. Źródła, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski.* — Acta Poloniae Historica, 1962, 6, p. 120.
- ⁶ Такой вывод позволяет согласовать сведения летописной статьи 981 г. и указания документа 1086 г. о принадлежности к Пражской епархии около 973 г. земель «по Буг и Стырь» (или, что более вероятно, «по Буг и Стрый»). Подробнее об этом см.: *Исаевич Я. Д.* «Грады Червеньские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI в.). — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов: Эпоха средневековья. М., 1972, с. 107—124.
- ⁷ Ср. различные толкования в работе: *Rocznik Przemyski*, 1958, 9, г. 1 s. 15. Ср.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2, с. 549.
- ⁸ См. подробнее: *Исаевич Я. Д.* Висляне и лендзяне в IX—X вв. — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- ⁹ Куявия, впервые упомянутая в булле 1136 г., вскоре после этого стала удельным княжеством. Вопрос о том, существовало ли в Куявии большое племя, отдельное от полянского союза, остается открытым.
- ¹⁰ Сам Ловмянский в более ранней работе подчеркивал, что неизвестны случаи происхождения славянского племенного названия от имени какого-либо исторического лица. См.: *Łowmiański H.* Dynastia Piastów we wczesnym średniowieczu. — In: *Początki Państwa Polskiego.* Poznań, 1962, t. 1, s. 110.
- ¹¹ *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1973, t. V, s. 414.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. МРН, ser. II, t. II (издание Галла Анонима).
2. *Корольков В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957.
3. *Łowmiański H.* Początki Polski.
4. *Łowmiański H.* O identyfikacji nazw Geografa Bawarskiego. — *Studia źródłoznawcze*, 1958, t. 3.
5. *Horak F., Travniček D.* Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Geograf Bawarský). — *Rozprawy Československé akademie věd. Řada SV*, 1956, roč. 66, seš. 2.
6. *Studia Historyczne*, 1970, t. 13.
7. *Tymieniecki K.* Opole, organizacja opolna. — SSS, t. 3, cz. 2.
8. *Historia państwa i prawa Polski.* Warszawa, 1973, t. 1.
9. *Hensel W.* Początki państwa polskiego i jego kultury. Wrocław, 1971.
10. *Zajęczkowski S.* Podziały plemienne Polski w okresie powstania państwa. — In: *Początki państwa. . .*, t. 1.
11. *Bulin H.* Slezsko a říše Velkomoravská. — *Slezský sborník*, 1960, r. 58, č. 1.
12. МGH—SS, t. 20.
13. *Archeologia Polski*, 1960, t. 5, z. 1.
14. Статья *Kaszubi*. — SSS, t. 2.
15. *Labuda G.* Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1960.
16. ПВЛ, ч. 1.
17. МРН, t. 1.
18. *Łowmiański H.* Lędzanie. — SA, 1954, t. 4.
19. *Historia Polski.* Warszawa, 1957.

20. Rocznik Przemyski, 1958, 9, r. 1.
21. *Melich J.* Der Herkunft der slawischen Lehrwörter der ungarischen Sprache. — Archiv für slawische Philologie, 1911, 32.
22. *Hensel W.* U źródeł Polski średniowiecznej. Wrocław etc. . . , 1974.
23. *Brückner A.* Fälscher an der Arbeit. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1937, 2.
24. Стаття Piast. — SSS, t. 4.
25. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
26. Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon / Ed. M. Jedlicki. Poznań, 1953.
27. Prace z dziejow Polski feudalnej ofiarowane R. Grodeckiem. Warszawa, 1960.
28. Mistrza Wincentego Kronika polska. Warszawa 1974, wstep.
29. Quaestiones Medii Aevi (Varsovia), 1977, N 1.
- 30—31. Dziejów Polski blaski i cienie. Kraków, 1968.
32. Polska pierwszych Piastów. Warszawa, 1968.
33. Польша и Русь. М., 1974.
34. Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski. Poznań, 1877, vol. 1, N 168.
35. *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. М., 1975.
36. МРН, ser. II, t. 1.
37. *Козьма*, II, 2.
38. Studia Historyczne, 1980, 1.
39. Стаття Mieścław. — SSS, t. 3, cz. 1.
40. *Zajączkowski S.* Uwagi nad terytorialno-administracyjnym ustrojem Polski XII w. — Czasopismo Prawno—Historyczne, 1955, 7.
41. Quaestiones Medii Aevii (Varsovia), 1977, N 1.
42. Studia Zródłoznawcze, 1958, t. 2.
43. Drzwi gnieźnieńskie. Wrocław, 1956, T. 1.
44. Studia Staropolskie, 1956, 3.
45. ВИ, 1955, № 8.
46. *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.
47. *Ісаевич Я. Д.* Територія і населення Червеньських градів. — Український історико-географічний збірник, 1971, вип. 1.
48. *Аноним tzw. Gall.* Kronika polska. Wrocław, 1965, wstep.
49. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego, 1959, z. 12.
50. *Ebbo.* Żywot św. Ottona. — Pomniki dziejowe Polski, 1969, ser. 2, t. 7, cz. 2.
51. Z polskich studiów slawistycznych, 1968, ser. 3. Historia.
52. *Тус Т.* Z dziejów kultury w Polsce średniowiecznej. Poznań, 1924.
53. *Щавелева Н. М.* Послание епископа краковского Матвея Бернаруду Клервосскому. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
54. *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961, введение.
55. Z polskich studiów slawistycznych, 1968, ser. 3. Historia.
56. *Labuda G.* Zagadnienie suwerenności Polski wczesnofeudalnej w XI—XII w. — Kwartalnik Historyczny, 1960, N 4.
57. Znak, 1973, N 11/12.
58. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 21.
59. Acta Poloniae Historica, 1962, vol. 6.
60. *Grodecki R.* Powstanie polskiej świadomości narodowej na przełomie XIII i XIV w. — Przegląd Współczesny, 1925, N 14, t. 2.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ХОРВАТСКОЙ НАРОДНОСТИ

Становление и развитие этнического самосознания хорватской раннесредневековой этносоциальной общности закономерно связаны со сложными процессами консолидации хорватов в единое и прочное целое на протяжении исторической эпохи. Между тем, как указывается в современной литературе, древнейшая история хорватов до сих пор остается недостаточно изученной и отдельные аспекты многопланового и порой противоречивого развития древнехорватской народности все еще представляются весьма спорными¹. Разногласия в оценке этого широкого круга проблем, как справедливо отмечает Ю. В. Бромлей, начинаются уже с истолкования самого названия «хорваты», встречающегося, как известно, и в других славянских странах в эпоху раннего средневековья. Спорна и локализация их прародины (так называемой Белой Хорватии), откуда племя хорватов пришло на Балканы в VII в. (о чем подробнее см. ниже [1, с. 8—10]). В литературе XIX—XX вв. существуют самые разные точки зрения по поводу этнонима «хорваты», который ученые предлагали связывать этимологически с германскими, славянскими, кавказскими и другими языками; в современной историографии преобладает мнение, что данный этноним скорее следует возводить к древнеиранским наименованиям².

Нет согласия и в определении местоположения Белой Хорватии, о которой говорится в сочинении Константина Багрянородного в связи с описанием передвижения хорватского племени на юг, в пределы современной Хорватии. Одна из гипотез связывает прародину хорватов с Чехией; согласно другой точке зрения Белая Хорватия локализуется в верховьях рек Одера и Вислы (от Чехии до Восточной Галиции)³.

Трудности исследования становления древнехорватской народности и формирования ее этнического самосознания обуславливаются рядом важных особенностей источниковой базы для древнейшей эпохи хорватской истории⁴. Прежде всего следует отметить фрагментарность и крайнюю скудость тех свидетельств, которые содержатся в сохранившихся нарративных, актовых и эпиграфических источниках. К тому же использование даже этих отрывочных сообщений зачастую затрудняется отсутствием точной дати-

ровки древних надписей и сомнениями в достоверности более поздних письменных памятников, которые признаются нередко либо фальсификатами, либо интерполированными. Наконец, и это особенно важно при изучении проблемы заселения славянами территории современной Хорватии, древнейшие повествования о событиях той поры дошли до нас лишь в составе сочинений византийской или средневековой далматинской историографии, как правило, в более поздней, иногда противоречивой, и, вероятно, не совсем точной передаче, отражающей, помимо прочего, этноэтническую (византийскую и латинскую, т. е. романскую) тенденциозную традицию. Это относится, в частности, и к сочинению Константина Багрянородного «Об управлении империей», соответствующие свидетельства которого могут быть сопоставлены и дополнены некоторыми сведениями латинских источников раннего средневековья⁵.

Анализ этих известий показывает, что уже к концу VI—началу VII в. этническая карта той территории Балканского полуострова, на которой позднее начинает складываться древнехорватская народность, резко изменилась: внутренние области были заселены славянскими «племенами», находившимися под властью аварских каганов, и аварами, тогда как прежние (романские) жители этих византийских провинций в большинстве своем были вытеснены в горы либо бежали к морю, на острова Далмации, или в прибрежные города, еще остававшиеся под властью Византии (один из самых крупных городов Далмации, Салона, был захвачен славянами и аварами около 614 г.)⁶. Примечательно, что в известиях письменных памятников для этой территории (в отличие от других местностей Юго-Восточной Европы) не сохранилось названий первоначально поселившихся здесь славянских «племен»; известные нам этнонимы (т. е. «хорваты», «гудускани») связаны с более поздним появлением здесь хорватского племени и содержатся лишь в позднейших источниках иностранного, иноязычного происхождения.

Однако, как известно, этнические сдвиги в этой части Балканского полуострова завершились только с поселением здесь хорватов, что в историографии обычно датируется 20—30-ми годами VII в. и связывается с борьбой хорватов и других славянских племен против Аварского каганата⁷. Видимо, в это время снова в известной мере изменилась этническая панорама этих областей: за счет притока хорватов увеличилось и, вероятно, шире распространилось славянское население, может быть, сократилась здесь и численность аваров, часть которых, однако, осталась в Хорватии, согласно свидетельству Константина Багрянородного [2, с. 30—31; 3, с. 73]. В то же время, вероятно, происходили дальнейшие политические и этнические перемены не только во внутренних областях современной Хорватии, но и в Прибрежной Далмации, где создание хорватского племенного объединения и победа его над местными аварами, видимо, привели к новому натиску славян на приморские владения Византии. Как сообщает

Константин Багрянородный, романские жители тогда «находили спасение в крепостях побережья и доныне владеют ими, каковыми являются Декатера (нынешний Котор. — *Е. Н.*), Раусий (ныне Дубровник), Аспалаф (ныне Сплит), Тетрангуриин (Трогир), Диадора (Задар), Арба (о-в Раб), Векла (о-в Крк) и Опсара (ныне Црес), жители которых и теперь (т. е. в X в. — *Е. Н.*) называются римлянами» [2, с. 12—13].

Сам факт победы хорватов над аварами, зафиксированный в древних преданиях (о них подробнее см. ниже), как, видимо, и расширение хорватских владений в Приморской Далмации, свидетельствует о том, что в конце первой — начале второй трети VII в. в этой части Балканского полуострова, освобожденной от аварского господства, возникло сильное и довольно обширное политическое объединение местного славянского населения, во главе которого стояли хорваты⁸. Это политическое объединение содействовало, по всей вероятности, консолидации славян Далматинской Хорватии (может быть, и некоторых смежных районов), преодолению той этнической «чересполосицы», которая возникла в ходе расселения разных славянских племен и групп по соседству с неславянским (автохтонным и пришлым) населением. Об этом говорит отсутствие на всей этой территории (притом на протяжении периода с VII до X в.) каких-либо славянских племенных наименований, кроме общего (для всего союза и его ядра) этнонима «хорваты» и одного узколокального племенного названия («гудускани») ⁹.

Вместе с тем об этих сложных и во многом неясных процессах сближения местных славянских племен, развития нового и общего сознания их политического и этнического единства свидетельствует и то важное обстоятельство, что к этому времени, вероятно, относятся древние хорватские предания и сказания, которые пронизаны идеей общности происхождения славянских жителей Хорватии и законности прав на владение ими данной территорией в силу их полной победы над аварами, прежними властителями Далмации. Эти древние хорватские предания (точнее, сказания, возникшие уже после создания хорватского племенного объединения и включения в его состав другого славянского населения этих районов) дошли до нас в составе труда Константина Багрянородного «Об управлении империей», где они сохранились в разных версиях в главах 30 и 31 [4, с. 36—39, 133—140].

Показательно, однако, что, несмотря на некоторые различия, эти версии целиком согласуются в рассказе о далекой прародине хорватов, о поселении их на Балканах и разгроме ими аваров. Так например, предание, содержащееся в главе 30, относит примерно к одному времени захват аварами Византийской Далмации и последовавший затем поход части хорватского племени из своей северной «прародины» на юг, в пределы современной Хорватии. Как повествует Константин Багрянородный, хорваты «жили в ту пору за Багиварией (т. е. Баварией. — *Е. Н.*), где с недав-

него времени находятся белохорваты. Один из родов, отделясь от них, а именно пять братьев: Клука, Ловел, Косенцис, Мухло и Хорват — и еще две сестры, Туга и Вуга, вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом, и одолели хорваты», в результате чего, как подчеркивается далее, «с тех пор эта страна находится под властью хорватов» [2, с. 30—31]. Любопытно, что это предание сообщает и о дальнейших движениях части хорватского «племени»: «От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией». Свидетельство это вызывает, однако, споры в историографии, в частности по поводу географического соответствия названных здесь античных терминов¹⁰.

Вместе с тем это хорватское предание, подчеркивающее законность прав хорватов на Далмацию и другие области Балканского полуострова, важно для уяснения этнических процессов в среде местного славянского населения еще и потому, что оно не упоминает, кроме аваров (об их остатках в Хорватии здесь идет речь), никаких иных племен или народов. Иными словами, в данной связи можно отметить не только наличие элементов очень давней традиции собственно хорватского племени (т. е. балканских хорватов в узком смысле, в отличие от всех жителей хорватского союза племен), а именно сообщение о прародине, о выделении части племени во главе с вождями (братьями и сестрами), среди имен которых одно — эпоним «Хорват», но и свидетельство соединения этого хорватского «племени» с другими племенами и группами, оказавшимися в данной части Балканского полуострова.

Иначе повествует о древнейшей истории хорватов сказание, включенное в главу 31 труда Константина Багрянородного. Это сказание, правда, весьма близко к приведенному выше преданию (из главы 30) в той части, где говорится о происхождении хорватов. Они, сказано в главе 31, «происходят от некрещеных хорватов, называвшихся белыми, которые обитают по ту сторону Турции (т. е. Венгрии. — *Е. Н.*), близ Франкии (т. е. Германского королевства. — *Е. Н.*), и граничат со славянами, т. е. некрещеными сербами». Эти хорваты перешли к византийскому императору Ираклию (610—641) в тот момент, когда авары изгнали романцев из пределов тогдашней (т. е. X в.) Хорватии и Сербии. «Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войной против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне». Здесь, таким образом, проявляется уже важное отличие: передвижения хорватов ставятся в непосредственную связь с политикой Византии, проводится мысль о полной их покорности велениям императора. Все это, как уже отмечалось в исторической литературе, обусловлено тенденциозностью данного произведения византийской политической и исторической мысли¹¹.

Однако в последующем изложении главы 31 обнаруживается другая немаловажная особенность этих старинных преданий

о появлении хорватов на Балканах, связанная, на наш взгляд, со значительными переменами в социальном и политическом устройстве хорватского «племени» и соседних (союзных?) с ним славян, с начавшимся процессом становления раннефеодальной государственности и образования вместо прежних союзов племенных объединений, которые в сочинениях Константина Багрянородного именуется «архонтиями». Отнюдь не случайно в предании, зафиксированном в главе 31, совершенно не упоминается о семи племенных предводителях — прародителях хорватов (пяти братьях и двух сестрах), о том, что именно эти представители одного рода возглавляли часть народа при его переселении на юг; напротив, в главе 31 отражена уже совсем иная политическая — княжеская — традиция. Здесь говорится: «Эти хорваты (т. е. поселившиеся на Балканах. — *Е. Н.*) имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга» [2, с. 39—40].

Иными словами, появление в главе 31 династической, княжеской традиции в рассказе о древнейшей эпохе хорватской истории наглядно свидетельствует, по нашему мнению, о том, что разногласия данных версий старинных хорватских сказаний были следствием не только особенностей структуры труда Константина Багрянородного, его мозаичности и многослойности, не только наличия разных сведений, полученных к тому же от разных информаторов в разной передаче, не только смешения народной хорватской традиции с политической и ученой традицией Византии [3, с. 73—79]. Сопоставление этих двух версий говорит о том, что после поселения хорватов на Балканах и образования хорватского племенного объединения начался процесс перехода к раннесредневековой государственности, а вместе с тем — и процесс трансформации прежних хорватских преданий, сосуществования и, быть может, даже борьбы разных направлений и тенденций в истолковании древнейшего периода истории хорватов, т. е. прежде всего давних родо-племенных сказаний и новой, княжеской традиции. В данной связи, вероятно, возможно допустить, что одновременно происходила деформация и отдельных рассказов о племенной общности хорватов, в результате чего, например, не сохранились сведения о судьбе перечисленных выше братьев и сестер, возглавлявших переселение хорватов. В свою очередь, исчезли данные о происхождении первого их архонта (отца Порги), как и о судьбе самого Порги и его потомков.

Рассматривая вопрос об особенностях формирования этнического самосознания хорватов в связи с политическими и социальными переменами в этой части Балканского полуострова, было бы, разумеется, неправомерно отвергать возможность того, что зарождавшееся в VII в. Хорватское княжество (или политическое объединение) в обстановке аваро-византийской борьбы действительно могло опираться на помощь Византии и, в свою очередь, оказывать ей поддержку против Аварского каганата [5, с. 129]. Внутриполитическое развитие в рамках Хорватской архонтии (или союза племен), с одной стороны, и вероятность

союза хорватов с Византией — с другой, дают основания считать правдоподобным и следующее сообщение из главы 31 труда Константина Багрянородного — о начале распространения христианства среди хорватов¹². «Василевс Ираклий, — гласит этот рассказ, — отправив посольство, приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов». Весьма примечательно, что в самом этом источнике указано на определенную хронологическую дистанцию между двумя важнейшими событиями древнейшей хорватской истории — поселением хорватов на Балканах и принятием ими христианства: если пришли они сюда во главе с первым князем — отцом Порги, то крещены были лишь при его сыне («Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порг») [2, с. 40—42].

Скудость сохранившихся свидетельств не позволяет представить полнее все эти новые процессы политического и социально-экономического развития. Быть может, это сообщение Константина Багрянородного следует сопоставить с рассказом хрониста Феофана о торжественном приеме в Константинополе (678 г.) послов аварского кагана, как и посланцев различных «королей», «экзархов» и прочих правителей «западных народов» (в том числе, как предположил уже Ф. Шишич, хорватских и сербских князей) (ср., например, [6, с. 453]). Б. Застерова полагает, что сам факт приравнивания послов аварского кагана и представителей безвестных славянских князей говорит о значительных успехах в развитии политической и социальной организации славянского населения этой части Юго-Восточной Европы [7, с. 65]. В литературе делались, однако, и иные допущения, в частности, довольно шаткие на наш взгляд, о признании всеми этими славянскими народами власти Византии в тот период¹³. Более правдоподобным представляется предположение, что факт одновременного посольства аваров и других «западных народов», напротив, является скорее показателем признания вновь этими славянскими княжествами к началу последней четверти VII в. верховной власти аварского кагана¹⁴, а может быть, признаком и распада хорватского «племенного» союза на отдельные княжества во главе с разными «королями», «экзархами» и прочими «первейшими» или «знатнейшими» правителями. Вполне вероятно, что в пользу последней точки зрения можно привести и отмеченное выше расхождение двух версий хорватских преданий об их появлении на Балканах; эти версии могли сохраниться в разных частях распавшегося объединения, а затем (возможно, неодинаковыми путями) дошли до составителей труда «Об управлении империей».

Закономерно также допущение, что распад (или ослабление) хорватского объединения (или начавшего формироваться раннегосударственного организма) во многом затруднил процессы не только политического и социально-экономического развития, но и этнической консолидации и выработки нового самосознания, выражавшегося в идее общности происхождения и политической принадлежности. Вплоть до начала IX в. в письменных источниках

нет упоминаний о каких-либо княжествах или других политических организациях на территории современной Хорватии. Однако, несмотря на это, бесспорно, что в VII—начале IX в. в пределах многочисленных Славиний, занимавших обширные пространства Балканского полуострова и включавших, по всей видимости, также разрозненные княжества и области хорватов и соседних славянских «племен» и групп, совершались важнейшие перемены, заложившие основы раннефеодального общества и государственности и приведшие к зарождению новых этносоциальных общностей — раннесредневековых народностей¹⁵. Одной из таких народностей и была хорватская, появление ядра которой в историографии датируется IX в. [8, с. 33—34].

Согласно сообщениям франкских источников начала IX в. к этому времени в Далматинской Хорватии (между р. Цетиной и горами Велебит, в непосредственном соседстве с византийскими городами Задар, Трогир и Сплит) возникло княжество, сыгравшее важную роль в становлении хорватской народности¹⁶. Примечательно, что в момент появления этого раннесредневекового государства на исторической арене оно в сохранившихся западных (латинских) памятниках еще не называется хорватским. Так, во «Франкских анналах» Борна, правитель княжества в Далматинской Хорватии, именуется в 818—821 гг. «князем (dux) гудусканов», «князем Далмации» или же «князем Далмации и Либурнии»¹⁷. Говоря об особенностях этого княжества, находившегося тогда под верховной властью Франкской империи, следует отметить существование в рамках этой политической организации наследственной княжеской власти. Например, после смерти Борны (в 821 г.) «по просьбе народа и также с согласия императора» (Людовика I. — *Е. Н.*) князем стал племянник Борны — Владислав¹⁸. По всей видимости, становление и развитие этого раннефеодального государства в Далматинской Хорватии были связаны и с гораздо более интенсивной, нежели ранее, христианизацией местного славянского населения (в особенности с начала IX в.) (ср. [4, с. 206]).

Разумеется, не следует преувеличивать степень внутреннего единства и консолидации этого Хорватского княжества во главе с Борной. Даже скудные известия франкских хронистов позволяют выделить внутри этого государственного объединения как само ядро княжества (и самой древнехорватской народности) в названном районе Далмации, так и соседние районы Балканского полуострова, где жили другие славянские «племена», подчинявшиеся лишь вооруженной силе Борны. К сожалению, известно лишь название одного из таких «племен», а именно «гудусканов», именуемых в югославской литературе обычно «гачанами» и локализуемых в бассейне р. Гацки (ныне область Лики в Хорватском приморье; см., например, [9, с. 133]). Этот этноним сохранился во «Франкских анналах»; вероятно, ввиду близости гачан к франкским владениям в Истрии и словенских землях (потому-то, видимо, Борна впервые выступает в этих хрониках как «князь гудуска-

нов»); вместе с тем — и это очень важно для понимания этнополитической структуры всего района — от границы словенских земель до рубежей древнесербской народности — название «гудусканы» упоминается в связи с борьбой Борны против другого славянского князя — Людевита, когда обнаружилась разнородность владений и шаткость власти Борны над соседними областями современной Хорватии.

Дело в том, что в тот момент на территории современной Хорватии существовало и другое славянское княжество, во главе которого стоял «князь Нижней Паннонии», упомянутый Людевит; его владения охватывали часть нынешней Славонии (с центром в г. Сисак). Выступив против господства Франкской империи, Людевит старался получить поддержку смежных славянских народов и «племен», в том числе — словенцев Карантании, тимочан, может быть, и «гудусканов» (гачан). Показательно, что в битве на р. Куше (819 г.) Борна был разбит Людевитом, потому что Борну «покинули гудусканы»; позднее, по словам франкского анналиста, эти неверные «гудусканы, вернувшись домой, были опять покорены Борной»¹⁹. Однако гибель Людевита, бежавшего сначала к сербам, а затем в Далмацию (823 г.), не привела к расширению пределов Хорватского княжества Борны и его преемника Владислава за счет ликвидации так называемого Паннонско-Хорватского княжества (в нынешней Славонии), которое существовало еще в конце IX в. [10, s. 92].

Сведения об этой Паннонской Хорватии ограничиваются чрезвычайно беглыми сообщениями, обычно в связи с франкско-болгарскими войнами или взаимоотношениями местных князей с франкскими королями. Известия же о княжестве, возникшем и развивавшемся в Далматинской Хорватии, более подробны. Они дают представление о процессе становления раннефеодальных отношений, формирования государственности и сплочения местного населения в ядро древнехорватской народности. Нет сомнения в том, что в этом смысле период с середины IX до начала X в. имел решающее значение для развития этносоциальных процессов в Хорватии.

Упрочение раннефеодального государства во главе с князем Миславом и его наследником Трпимиром (ок. 845—864 гг.), завершение христианизации хорватского населения и создание самостоятельной церковной организации (епископии с центром в г. Нине во главе с особым «епископом хорватов»), усиление внешнеполитических позиций Хорватского княжества, включение в его состав (в начале X в.) значительной части Паннонского княжества, наконец, провозглашение князя Томислава первым хорватским королем (ок. 925 г.) — все это знаменовало собой дальнейшее упрочение и развитие древнехорватской народности, что, несомненно, нашло отражение и в сфере этнического самосознания²⁰.

Об этом мы можем судить уже на основании первых известных нам документов княжеской канцелярии, в частности на основании

грамоты князя Трпимира от 4 марта 852 г., сохранившейся, правда, лишь в поздних списках. Именно здесь впервые появляется этноним «хорваты», который служит для обозначения не только данного раннефеодального государства, но и особой этносоциальной общности, сформировавшейся в Далматинской Хорватии [10, s. 96; 4, s. 225].

Уже на данном этапе этносоциальных процессов в той части современной Хорватии Древнехорватское государство и народность определяются в грамоте Трпимира как четко связанные с христианской верой и церковью. Сам князь именуется «князем хорватов», пользующимся «божьей милостью», он с готовностью подтверждает земельное пожалование своего предшественника Мислава Сплитской архиепископии, которая, по словам архиепископа Петра, простирает свою юрисдикцию «до берега Дуная и совершенно по всему государству хорватов» (*rene per totum regnum Chroatorum*)²¹. Само появление в дарственной грамоте, отвечавшей интересам местного католического духовенства, понятия особой «земли хорватов» или «королевства хорватов», по нашему мнению, не позволяет согласиться с выводом Н. Клаич, будто «неизвестный житель Сплита, который, видимо, в XII или XIII в. придал жалованной грамоте Трпимира 852 г. нынешний вид, был проникнут ненавистью ко всему, что было хорватским» [4, s. 227].

Напротив, речь идет о признании сплитским духовенством законности князей Далматинской Хорватии, о стремлении получить от них земельные владения и, в свою очередь, оказать им необходимую поддержку, не только освящая их наследственную власть, но и поддерживая их старания расширить пределы собственных владений (т. е. «земли хорватов». — *Е. Н.*) — «вплоть до Дуная» — за счет соседних областей. Разумеется, в тексте грамоты сквозит высокомерие верхушки романского клира городов Далмации, опиравшееся на чувство общности со «славным Римом» (см. об этом, например, в труде Константина Багрянородного) [2, с. 30—31], но заметно и согласие поддержать послушных и щедрых к местной далматинской церкви правителей уже верной («Христу и королю Италии») хорватской христианской народности.

Если даже допустить наличие в грамоте 852 г. позднейших интерполяций (прежде всего в определении пределов земельных владений Сплитской церкви), то сам факт стремлений династии Трпимировичей и правящей хорватской верхушки уже в это время к расширению границ государства и формирующейся народности за счет соседних славянских земель, по нашему мнению, не вызывает никаких сомнений. Подтверждением этому может служить сообщение Константина Багрянородного о переселении части хорватов в Иллирик и Паннонию, а также о том, что эти хорваты (в отличие от хорватов Далмации) также «имели самостоятельного архонта», который «ради дружбы» обменивался «посольствами с архонтом Хорватии»²².

Это сообщение необходимо сопоставить с точкой зрения о «политическом объединении Славонии (т. е. Паннонской или Посав-

ской Хорватии. — *Е. Н.*) с Хорватией» во время правления короля Томислава (примерно в 910—930 гг.) [8, с. 34]. В данной связи важно отметить также, что Хорватское королевство затем (в XI в.) расширилось и за счет приморских городов Византийской Далмации (Задра и др.), чему, разумеется, способствовали благожелательная политика «королей Хорватии и Далмации» к романскому (католическому) клиру и их стремление получить признание со стороны римской курии (см., например, [1, с. 16]).

Не вызывает сомнений, что политика хорватских королей и раннефеодальной верхушки государства, направленная на установление тесных связей с романским патрициатом и церковью далматинских городов и вызывавшая серьезные внутриполитические противоречия, имела весьма важные последствия для процессов развития древнехорватской народности, становления и перестройки этнического самосознания хорватов. Достаточно упомянуть о решениях Сплитских церковных соборов (925, 1060 гг.) против «варварского, или славянского, языка» в богослужении, против славянской письменности (глаголицы), а также о ликвидации самостоятельной, так называемой хорватской, епископии в Нине²³, чтобы предположить, что такая ревностная борьба латинского духовенства и римской курии, которую поддерживали хорватские короли, препятствовала сплочению славянского населения в пределах обширного королевства Трпимировичей в единую хорватскую народность.

Немаловажным свидетельством замедленности этнической консолидации в пределах современной Хорватии в X—XI вв. является, без сомнения, то обстоятельство, что этноним «хорваты» служил обозначением лишь той раннефеодальной народности, которая уже сложилась в Далматинской Хорватии. Между тем славянское население северной части королевства Трпимировичей, т. е. Паннонской или Посавской Хорватии, вплоть до XIV—XV вв. в источниках обычно обозначалось как «славяне», а сама территория — как «Словинье» либо «Славиния»²⁴. Вероятно, сохранению этнической разобщенности славянского населения современной Хорватии способствовало и то, что хорватские короли в X—XI вв. не могли постоянно удерживать под своей властью земли Посавской Хорватии, которые иногда отделялись, а позднее, в конце XI в., стали владением венгерских королей.

Резкое ослабление Хорватского королевства, ожесточенные внутренние распри, экспансия соседних феодальных государств (норманнов, Венеции), как известно, имели своим следствием завоевание Далматинской Хорватии в 1102 г. венгерским королем Коломаном (Кальманом), который подчинил также и далматинские прибрежные города и острова²⁵. Показательно, что захват всех хорватских земель венгерской династией Арпадов не означал, однако, создания реальных предпосылок для быстрого сплочения славянского населения этих областей (т. е. «королевства Хорватии, Далмации и Славонии») в достаточно прочную этносоциальную общность, ядром которой стала бы древнехорватская народ-

ность в Далматинской Хорватии. И в XII в. отдельные части той территории весьма различались по общественной структуре, степени феодального развития, традициям и, добавим, по своим этническим особенностям²⁶. Естественно, что ликвидация в начале XII в. самостоятельной хорватской раннефеодальной государственности сыграла значительную роль в процессе этнического развития хорватских земель, затруднив дальнейшее формирование хорватского этнического самосознания.

Говоря о причинах, замедлявших становление самосознания древнехорватской народности, нельзя не отметить и тот факт, что в данном случае определенное значение имело и наличие романского (далматинского) населения в некоторых приморских городах и на островах Далмации, которые к концу рассматриваемой эпохи были также включены в состав Хорватского королевства, как некоторые южнодалматинские города — в состав сербского Дуклянского государства. Вполне понятно, что в тот период (как это имело место и в процессе развития древнесербской народности) в раннефеодальной Хорватии длительное этническое противостояние (причем не только противодействие, но и взаимодействие) романского и славянского населения могло в известной мере содействовать оформлению представлений о широкой славянской общности, развитию общеславянского самосознания, что также в какой-то степени должно было препятствовать укреплению хорватского самосознания и распространению этнонима «хорваты» на все славянское население областей, входивших в то или иное время в состав владений хорватских правителей или же тесно с ними связанных.

Весьма важно в этой связи, что о роли таких «общеславянских» представлений в X—XI вв. можно судить по различным документам, происходящим не только из Италии (письменные памятники римской курии), но и из Далмации, включая как акты местных далматинских властей и духовенства, так и дарственные грамоты самих хорватских правителей. Показательно, что в папских документах X—XI вв. неизменно говорится (применительно к Хорватии) о «земле Славинов», «Славинии», «славянах», а не о хорватах в этническом смысле [11, s. 30, 32, 34, 96]. Не вызывает сомнения, что влияние этой романской (латинской) традиции ввиду укрепления позиций христианской (католической) церкви в Хорватии (особенно в XI в.) сказалось и в том, что даже в документах хорватских королей XI в. термин «хорваты» обычно выступает лишь в узкогосударственном понимании — в составе титула «король хорватов и далматинцев» (или же «король Хорватии и Далмации») ²⁷.

Все это позволяет предположить также, что данная весьма устойчивая романская традиция, сохранявшаяся прежде всего в среде населения приморских городов Далмации и в кругах латинского духовенства, сыграла в тот период определенную роль не только в плане этнического обозначения славянского населения Далмации и других земель Хорватского государства. Вероятно,

следует учитывать ее роль также и в плане заметной деформации старинных преданий о происхождении и ранней истории хорватов. Об этом можно судить уже на основании материалов о Хорватии, известных Константину Багрянородному. Примечательно, что в его труде «Об управлении империей» вместо последовательного перечня хорватских князей (как это имеет место в главе о Сербии) содержатся лишь весьма краткие и порой неясные упоминания некоторых правителей (Порги, далее — Трпимира, Крешимира, другого Крешимира и Мирослава). Причем истолкование и датировка этих сведений иногда приводят к серьезным разногласиям в историографии²⁸. В то же время Константин Багрянородный слишком подробно рассказывает о клятве хорватов, данной ими римскому папе, о завете св. Мартина, обязавшего хорватов (в духе той же клятвы) никогда не вести завоевательных походов, придерживаться лишь оборонительной тактики и т. п. [2, с. 42—43].

Разумеется, нельзя недооценивать эти особенности источников при анализе процессов становления и развития самосознания древнехорватской народности, поскольку в тот период для формирования представлений об общности происхождения и принадлежности к данному народу и государству были весьма важны и такого рода предания, и списки правителей хорватов, и их родословы, и краткие летописи. Весьма любопытно, что лишь в конце XI в. в документах короля Петра Крешимира IV встречаются некоторые свидетельства, которые можно расценивать как отрывки или извлечения из несохранившихся «королевских хроник Хорватии».

Так, например, в его дарственной грамоте (от 1066—1067 гг.?) есть ссылка на аналогичное земельное пожалование, которое «даровал дед мой» Крешимир [11, с. 105]. Гораздо обильнее была использована эта гипотетическая королевская хроника в другой грамоте Петра Крешимира, изданной примерно в то же время. Здесь король не ограничивается упоминанием своего «прадеда» (так!) — Крешимира Великого, но называет и сына его — Держислава, и могущественных банов их — Прибину и Годемира; затем он говорит о последующих правителях и представителях хорватской династии — Святославе и его братьях и, наконец, о своем отце, короле Стефане, и о «благородных банах», «бывших в их времена» (Варде, Босентернце и Стефане Праске)²⁹. К сожалению, по этим отрывкам трудно судить, насколько подробной была эта хроника, имела ли она обоснование прав этой династии, связанное с преданиями о поселении хорватов на данных землях, и т. д.

Все это свидетельствует о том, что процесс формирования этнического самосознания древнехорватской народности в изучаемый период был весьма сложным и многоплановым и, видимо, к концу XI в. не нашел завершения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Из многочисленных работ по этим вопросам назовем прежде всего следующие: *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии: К изучению процесса классовобразования у славян. М., 1964, с. 8. Ср.: *Историја народа Југославије*. Београд, 1953, т. 1, с. 167; *Šidak J.* Hrvati. Historija. — *Enciklopedija Jugoslavije*. Zagreb, 1960, т. 4, с. 40; *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen im Mittelalter. Ljubljana, 1966, S. 9.
- ² В связи с оценкой этой научной дискуссии ср. также: ВИИНЈ, т. II, с. 38—39, примеч. 116; *Ditten H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jahrhundert. — In: *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert*. Praha, 1978, S. 445.
- ³ Для характеристики этих тезисов можно указать, например: *Бромлей Ю. В.* Становление. . ., с. 9—10; ВИИНЈ, т. II, с. 37—38, примеч. 115; *Ditten H.* Bemerkungen. . ., s. 441.
- ⁴ О сохранившихся письменных памятниках той поры см., например: *Бромлей Ю. В.* Становление. . ., с. 8, 31 сл.; *Историја народа*. . ., т. 1, с. 218 сл.; *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1972, s. 31 sl.; *Rački F.* Documenta historiae Chroaticae. Zagrabiae, 1877, p. XI.
- ⁵ Для анализа труда Константина Багрянородного и других свидетельств важно привлечь издание: ВИИНЈ, т. II, § 29—31; ср. также: *Новаковић Р.* Нека запажања о 29. и 30. глави De administrando imperio. — *Историјски часопис*, 1972, кн. XIX, с. 5—54; *Ферјанчић Б.* Структура 30. главе списка De administrando imperio. — *Зборник радова Византолошког института*, 1978, т. XVIII, с. 67—80; *Klaić N.* Povijest. . ., с. 36—39, 64, 133—140; см. также: *Rački F.* Documenta. . ., p. 258 sqq (соответствующие свидетельства из писем римского папы Григория I, «Истории» Павла Дякона о событиях конца VI—начала VII в., ср. также: ИБИ, II).
- ⁶ При оценке этих событий и их датировке см.: ВИИНЈ, т. II, с. 10 и сл.; *Бромлей Ю. В.* Становление. . ., с. 10; *История Югославии*. М., 1963, т. 1, с. 49; *Byzanz im 7. Jahrhundert*. Berlin, 1978, s. 108; *Šišić F.* Pregled povijesti hrvatskog naroda. Zagreb, 1962, s. 76.
- ⁷ В данной связи укажем, например, следующие работы: *Šišić F.* Pregled. . ., s. 76; *Byzanz im 7. Jahrhundert*, s. 129 и. а.; *Ковачевић Ј.* Аварски каганат. Београд, 1977, с. 80—81.
- ⁸ Подробнее см., например, в следующих трудах: *Бромлей Ю. В.* Становление. . ., с. 13; *История Югославии*, т. 1, с. 49; *Историја народа*. . ., т. 1, с. 167, 170.
- ⁹ Эти вопросы этнонимии применительно к хорватам освещаются во многих работах: *История Югославии*, т. 1, с. 49; *Grafenauer B.* Hrvati: Ime. — *Enciklopedija Jugoslavije*, т. 4, с. 37—38.
- ¹⁰ Об этих дискуссионных вопросах этнонимии и терминологии см.: *Ферјанчић Б.* Структура. . ., с. 74; *Klaić N.* Povijest. . ., s. 36—39, 133—140.
- ¹¹ Из обширной литературы о данном труде назовем, в частности: ВИИНЈ, т. II, с. 37—39; ср., например: *Klaić N.* Povijest. . ., s. 36—39, 133—140.
- ¹² О спорной проблеме начала христианизации хорватов см.: *Историја народа*. . ., т. 1, с. 169; *Ферлуга Ј.* Византија и постанак најранијих јужнословенских држава. — *Зборник радова Византолошког института*, 1968, т. XI, с. 64; *Klaić N.* Povijest. . ., s. 192—195.
- ¹³ О таком предположении, переоценивающим могущество Византии в ту пору см.: *Острогорски Г.* *Историја Византије*. Београд, 1959, с. 139, примеч. 2; ВИИНЈ, т. I, с. 224, примеч. 17.
- ¹⁴ Ср.: *Ковачевић Ј.* Аварски. . ., с. 82.
- ¹⁵ Эти процессы освещаются, например, в следующих работах: *Ферлуга Ј.* Византија. . ., с. 56—57 и сл.; *Ditten H.* Bemerkungen. . ., S. 447 ff.
- ¹⁶ Для характеристики этих этносоциальных сдвигов сошлемся, например, на такие труды: *Бромлей Ю. В.* Становление. . ., с. 13; *Историја народа*. . ., т. 1, с. 170—172; *Šišić F.* Pregled. . ., s. 87—88.
- ¹⁷ Свидетельства франкских источников той поры см.: *Rački F.* Documenta. . ., p. 320—325; ср.: *Klaić N.* Povijest. . ., s. 206—207; *Antoljak S.* Da li bi

- se još nešto moglo reći o hrvatskim knezovima Borni i Ljudevitu Posavskom. — Годишен зборник на Филозофскиот факултет на универзитетот во Скопје, 1967, кн. 19, с. 129.
- ¹⁸ Соответствующие сведения письменных памятников см.: *Rački F. Documenta. . .*, p. 325; ср.: *Klaić N. Povijest. . .*, s. 207; *Šišić F. Pregled. . .* s. 90.
- ¹⁹ Для оценки данного сообщения укажем на следующие работы: *Rački F. Documenta. . .*, p. 321—326; *Šišić F. Pregled. . .*, s. 89—90; *Станојевић С. Историја српског народа. Београд, 1908*, с. 52—54; *Историја народа. . .*, т. 1, с. 172—174; *Ковачевић Л., Јовановић Л. Историја српскога народа. Београд, 1894*, св. 2, с. 29—32; и др.
- ²⁰ Подробнее о политических и этнических процессах IX—X вв. см.: *Бромлей Ю. В. Становление. . .*, с. 14—15; *Историја народа. . .*, т. 1, с. 175—181; *Šišić F. Pregled. . .*, s. 95—122; *Klaić N. Povijest. . .*, s. 221 sl.; *Grafenauer B. Die ethnische. . .*, S. 34—35.
- ²¹ Текст этой грамоты Трпимира см.: *Rački R. Documenta. . .*, p. 3—4; *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Zagreb, 1967*, vol. 1, s. 4—5; ср. русский перевод: *Москаленко А. Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян: Хорваты и сербы. М., 1978*, с. 59—60.
- ²² Подробнее об этом сообщении см.: ВИИНЈ, т. II, с. 31—32; ср.: *Ферјанчић Б. Структура. . .*, с. 75; *Историја народа. . .*, т. 1, с. 168; *Годишен зборник на Филозофскиот факултет, 1979—1980*, кн. 5—6, с. 63—85.
- ²³ О решениях сплитских соборов и борьбе против «славянского языка» см.: *История Югославии, т. 1*, с. 54, 58; *Историја народа. . .*, т. 1, с. 182—184, 192—193.
- ²⁴ В данной связи сошлемся, например, на такие работы: *Историја народа. . .*, т. 1, с. 168; *Grafenauer B. Hrvati*, s. 37.
- ²⁵ О подчинении Хорватии Коломаном см.: *Бромлей Ю. В. Становление. . .*, с. 16—17; *Историја народа. . .*, т. 1, с. 202—204, 613—614.
- ²⁶ Такая точка зрения, например, содержится в следующих работах: *Историја народа. . .*, т. 1, с. 615—616; *Grafenauer B. Die ethnische. . .*, S. 37; *Sidak J. Hrvati*, s. 41.
- ²⁷ *Codex diplomaticus. . .*, v. 1, s. 88, 97, 102, 104, 105. Ср.: Там же, с. 113 («по-славянски») и 172 («хорваты» в Супетарском капитулярии).
- ²⁸ О различных толкованиях в данной связи см., например: ВИИНЈ, т. II, с. 42—43; ср.: *Antoljak S. Značaj i važnost isprave kralja Krešimira I za hrvatsku povijest X st. — Radovi Filozofskog fakulteta (Zadar), 1972*, sv. 10/4, с. 75—95.
- ²⁹ Об этом см.: *Codex diplomaticus. . .*, vol. 1, s. 105 (ср. s. 113) и *Antoljak S. Značaj. . .*, с. 95.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.*
2. ВИИНЈ, т. II.
3. *Ферјанчић Б. Структура* 30. главе списка *De administrando imperio*. — *Зборник Радова Византолошког института, 1978*, т. XVIII.
4. *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1972.*
5. *Byzanz im 7. Jahrhundert. Berlin, 1978.*
6. *Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jahrhundert. — In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Praha, 1978.*
7. *Žastěrová B. Zu einigen Fragen aus der Geschichte der slawischen Kolonization auf dem Balkan. — Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Berlin, 1976.*
8. *Grafenauer B. Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen im Mittelalter. Ljubljana, 1966.*

9. *Antoljak S.* Da li bi se još nešto moglo reći o hrvatskim knezovima Borna v Ljudevitu Posavskom. — Годишен зборник на филозофскиот факултет на универзитетот во Скопје, 1967, кн. 19.
10. *Šišić F.* Pregled povijesti hrvatskog naroda. Zagreb, 1962.
11. *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae.* Zagreb, 1967, V. I.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ДРЕВНЕСЕРБСКОЙ НАРОДНОСТИ

Территория, в рамках которой проходили процессы становления и развития раннефеодальной сербской народности (ее можно, вероятно, называть также древнесербской народностью в отличие от сербской народности последующей эпохи), охватывала западные районы современной СР Сербии, значительную часть СР Боснии и Герцеговины, часть Далмации (т. е. некоторые земли в составе современной СР Хорватии), всю территорию СР Черногории и некоторые сопредельные районы Балканского полуострова.

Проблемы образования и развития древнесербской народности до сих пор остаются еще недостаточно изученными, что обусловлено рядом причин. В частности, разногласия в историографии объясняются существованием различных методологических основ в исследованиях данной проблематики, а это связано и с использованием разной терминологии применительно к отдельным этапам истории этнических общностей, и с неодинаковой оценкой соотношения этносоциальных общностей различного уровня¹.

При изучении этих вопросов необходимо также учитывать скудость и фрагментарность свидетельств письменных памятников о прошлом данных районов современной Югославии вплоть до XII в., более того — преобладание сообщений иностранных источников, крайнюю малочисленность материалов местного (сербского) происхождения. К тому же наиболее важные сведения местной традиции дошли до нас в составе весьма сложных по структуре и тенденциозных по своей направленности сочинений (это относится прежде всего к уникальным свидетельствам Константина Багрянородного)².

В труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» был использован ценнейший памятник сербского происхождения («хроника сербских правителей» IX—X вв. — по определению Г. А. Острогорского) или, может быть, даже ряд памятников, которые содержали данные не только о поселении сербов на Балканском полуострове, но в известной мере и о наличии устойчи-

вого в отличие от других славянских племен³ сознания общности происхождения сербов.

В частности, в главе 32 этого труда сказано, что «сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также белыми и живущих по ту сторону Турции (т. е. Венгрии. — *Е. Н.*) в местности, именуемой ими Воики». Само переселение «половины народа», жившего в этой северной («некрещеной», или «белой») Сербии, на юг, в пределы Балканского полуострова, по словам Константина Багрянородного, произошло во время правления византийского императора Ираклия I (610—641). «Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна Захлумов, Тервуния и страна каналитов, — продолжает упомянутый автор (о границах этих балканских земель мы скажем ниже. — *Е. Н.*), — были подвластны василевсу ромеев, но эти страны оказались безлюдными из-за аваров. . . то василевс и поселил означенных сербов в этих странах».

Из этих слов августейшего писателя следует, что в перечисленных выше областях, опустевших из-за аварских нашествий, поселились только выходцы из «белой» Сербии, однако из последующего изложения (в главе 33) выясняется, что, хотя жители страны Захлумов (нынешняя Герцеговина) ведут свое происхождение от сербов, род их князей «прибыл, отделясь от некрещеных поселенцев на Висле (их называют личики). . .». Иными словами, даже на основании этого свидетельства можно предположить, что в земле Захлумов были представители разных славянских «племен», в том числе сербов и «личиков» (в литературе «личиков» сопоставляют с польскими «лендзянами» и «лицикавиками»), которые, вероятно, поселились в данных областях в разное время и, возможно, происходили из различных районов славянской прародины к северу от Карпатских гор⁴.

Примечательно, что у Константина Багрянородного ничего не говорится о сербском происхождении славянских жителей средневековой области Диоклея (Дукля, позднее — Зета, а впоследствии — Черногория), хотя, по словам этого источника, заселение славянами этих районов относилось к тому же времени, что и появление сербов на Балканах. Диоклея (Дукля), сказано в главе 35 труда «Об управлении империей», «была вновь заселена при василевсе Ираклии, как и Хорватия, Сербия, страна захлумов и страна Тервуния и Канали»⁵. Разумеется, такое умолчание о сербском происхождении «диоклетиан» (жителей Дукли) заслуживает внимания, поскольку в отношении соседних земель в соответствующих главах имеются недвусмысленные указания на то, что «тамошние обитатели происходят от некрещеных сербов, живя там со времен того архонта, который из некрещеной Сербии перебежал к василевсу Ираклию. . .» (глава 34 — о Тервунии и Канали, ср. о Пагании или Арентании — глава 36).

Все это позволяет говорить о том, что та обширная территория, на которой позднее возникает древнесербская народность,

была заселена разными славянскими «племенами», которые, видимо, по языку и обычаям были весьма близки друг другу, что должно было способствовать развитию сознания своеобразной общности (в том числе и общности происхождения). К сожалению, из племенных имен той поры сохранились упоминания лишь о двух — о сербах и «личиках»⁶.

О хронологии появления славянских «племен» в данных областях Балканского полуострова, о том, откуда они пришли и в какой части славянской прародины жили ранее, наконец, о происхождении и значении этих племенных названий (т. е. сербов и «личиков») нельзя дать точного ответа ввиду скудости письменных свидетельств и расхождений в их оценке разными учеными.

Так, время поселения сербов на Балканах определяется примерно третьим десятилетием VII в., тогда как о периоде появления здесь «личиков» и других славянских групп и племен (в том числе и пришедших ранее, до сербов) мы не располагаем никакими сведениями. В определении прародины сербов (т. е. «белой» Сербии) приходится опираться прежде всего на весьма общие и неопределенные свидетельства Константина Багрянородного, которые в историографии иногда сопоставляются с его же упоминанием о бассейне Вислы (как прародине «личиков»); соответственно с этим в литературе либо говорится о единой прародине сербов и «личиков» (т. е. о бассейне Вислы), либо на основании того, что Константин упоминает «личиков» отдельно от сербов, предполагается, что сербы балканские ведут свое происхождение от сербов полабских (т. е. нынешних лужицких сербов).

Точно так же остается нерешенным и вопрос о происхождении и значении самого термина «сербы»; многочисленные попытки использовать в этой связи различные славянские и неславянские слова и этнонимы (в том числе и аварские, восточнокавказские) до сих пор остаются недостаточно убедительными.

Что же касается этнической карты этих районов Балкан в период поселения славян, то, вероятно, в это время здесь еще в какой-то мере сохранилось и неславянское население, в частности остатки прежнего романизованного населения (которое в позднейших источниках обычно именуется «влахами»), равно как и отдельные группы аваров и сходных с ними по языку и обычаям народов, численность которых, видимо, была гораздо меньшей, чем число славянских поселенцев⁷. Можно предположить, что уже в VII в. на данной территории происходили весьма сложные процессы этнической и социальной перестройки, связанные с поселением и перемещениями отдельных славянских «племен», сменой прежних родственных связей территориальными, ассимиляцией групп неславянского (романского и нероманского) населения, образованием новых этносоциальных общностей и политических объединений.

Чем же объяснить названное выше свидетельство, восходящее к раннесредневековой сербской традиции, что сербы заселили не только Сербию и Боснию (т. е. внутренние районы этой части

Балканского полуострова), но и прилегающие к Адриатическому морю области, известные по источникам X в. — Травунию, Паганию, Захумье? Вероятно, допустимо предположение, что какая-то часть сербского племени (или объединение «племен») действительно расселилась в приморских районах, потеснив пришедшие сюда ранее славянские «племена» («личиков» и другие, неизвестные по имени) или расположившись по соседству с ними. Вместе с тем, видимо, возможно предположить, что уже в тот период интенсивной этнической и социально-политической перестройки на данной территории (вероятно, во второй трети VII в.) имели место значительные сдвиги, связанные не только с внутренними процессами в среде славянского населения, но и с общей военно-политической обстановкой на Балканах, с взаимоотношениями Византии и Аварского каганата с различными славянскими племенами, племенными союзами и государствами (такими, как государство Само, союз «Семь племен» мизийских славян, Славинии в других частях Балканского полуострова и т. д.)⁸.

Именно в этой напряженной обстановке острой аваро-византийской и аваро-славянской борьбы тех лет, после перехода сербского племени (точнее, видимо, союза племен) на юг от Дуная и поселения его в перечисленных выше районах Балканского полуострова здесь, вероятно, возникло (во второй трети VII в.) довольно крупное политическое объединение славянских племен, руководство в котором принадлежало сербам. Часть других (несербских) племен, возможно, имела известную самостоятельность в этом союзе, о чем свидетельствует и сохранение ими собственных княжеских родов и особой традиции о поселении из бассейна Вислы и общности происхождения (например, в Захумье). Сплочению такого обширного (но, видимо, непрочного) союза могла содействовать внешняя угроза со стороны аваров, которым, вероятно, к 70-м годам VII в. удалось добиться ослабления или распада сербского союза «племен».

О существовании политического объединения, внешнеполитическая роль которого была провизантийской и, быть может, антиаварской, говорит, например, сообщение лангобардского историка Павла Диакона о крупном походе «славян», видимо по просьбе Византии, против лангобардских правителей Южной Италии (в 662 г.)⁹. Сам факт столь значительного похода «славян», достигших г. Сипонта и пересекших Адриатику на «множестве кораблей», свидетельствует о том, что речь идет о военной операции большого политического объединения. Наличие большого флота указывает на то, что объединение «племен» включало жителей Пагании (Арентании) и Захумья, которые и позднее совершали далекие морские походы и отважные набеги на различные города Адриатики (например, в 926 г. набег захумлян на Сипонт).

Этот рассказ Павла Диакона позволяет также судить об этнической близости этих (т. е. «сербских», говоря условно) славян и других славянских племен. Во время нападения славян на Сипонт один из лангобардских вельмож (Радуальд, сын фриульского

герцога Гизульфа) «говорил с этими славянами на их собственном языке» [1, с. 145]. К. Иречек замечает по этому поводу, что он, вероятно, научился славянскому языку во Фриуле [2, с. 56], т. е. у представителей карантанских (словенских) племен.

Об интенсивных процессах политического развития в рамках сербского объединения «племен» можно судить также и по словам Константина Багрянородного о том, что сербы приняли христианство уже при императоре Ираклии (610—641), направившем к ним пресвитеров из Рима [3, с. 56]. Вполне вероятно, что именно в это время приобретает особое значение осознание политической (и этнической) общности разных славянских «племен», объединенных в единое сербское образование. Следствием этого, видимо, необходимо признать как закрепление в сербской исторической традиции сознания общности происхождения всех жителей Сербии, Захумья, Травунии, Пагании (что и было зафиксировано в сербских источниках труда Константина Багрянородного), так и исчезновение прежних племенных названий (кроме имени «сербов» и — в захумской традиции — «личиков»). Значение данного периода в истории этнических и политических процессов, протекавших в этой части современной Югославии, представляется тем более важным, что политическое объединение во главе с сербским «племенем» оказалось весьма недолговечным.

Уже к 70-м годам VII в. аварский каган вновь добился подчинения ряда славянских племен, в том числе, видимо, также сербов и хорватов¹⁰. Однако распад их политических объединений не мог помешать дальнейшему социально-экономическому и этнополитическому развитию населения данной части Балканского полуострова, образованию новых политических объединений и центров, хотя, разумеется, эти процессы в VII—VIII вв. были порой замедлены, протекали по-разному в отдельных областях региона.

Именно в этот период складывались предпосылки для возникновения в этих землях государственных образований. Хотя данных письменных источников очень мало, можно говорить о формировании в ту пору социальной верхушки, возглавлявшейся «жупанами» и князьями («архонтами»), о появлении наследственных княжеских родов, которые вели происхождение со времен переселения из далекой славянской прародины (таковы предания о князьях Сербии и Захумья¹¹). Вероятно, к этому периоду относится и появление в данных районах крепостей, городов, замков, которые упомянуты в труде Константина Багрянородного под термином «кастрон» и являлись, возможно, центрами отдельных политико-административных единиц (княжеств, «жупаний», земель и т. п.). В свою очередь, видимо, к этому периоду необходимо возводить и зарождение (хотя еще в слабовыраженной форме) некоторых «протонародностей», этносоциальных общностей, известных по источникам IX—X вв.

Первым из таких сообщений является рассказ «Франкских анналов» о выступлении Людевита Посавского в начале IX в. против

империи Каролингов. Хотя основное внимание Эйнгарда привлекают перипетии борьбы Людевита с франками, присоединение к Людевиту племени тимочан, восставших против власти Первого Болгарского царства, и антиболгарская позиция племен абодритов и преденедентов (т. е. события в бассейне Дуная и Савы, в районе современной Славонии и Юго-Восточной Сербии), все же в этих анналах содержится важное сообщение и о сербах, у которых Людевит пытался в 822 г. найти поддержку: он бежал тогда «к сербам, народ (*patio*) которых, как говорят, обладает большей частью Далмации». Здесь, в пределах сербов, Людевит, однако, не ограничился просьбами о помощи, он убил «одного из их герцогов» (или князей — *ex ducibus eorum*) и подчинил своей власти «его город» (*eius civitatem*)¹².

В этом сообщении для нас много интересного. Прежде всего то, что сербы («сороби») являются особым «народом» (или «родом» — в средневековом смысле), занимающим значительную часть «Далмации», обозначение которой понимается весьма широко, в античном смысле — как территория от Адриатики вплоть до Савы и Дуная¹³. В этой связи не представляется убедительной попытка отождествить этот «народ» сербов лишь со средневековой дворянской общиной и жупанией Срб, встречающейся в источниках только с XIV в. [4, с. 211]. Напротив, в этом сообщении «Франкских анналов» идет речь о многочисленном народе, которым правят разные князья (*duces*), а центрами отдельных княжеств (или герцогств) сербов, по данному известию, служат особые города или крепости, идентичные, по всей видимости, с теми «кастра», о которых применительно к X в. пишет Константин Багрянородный.

Данные труда «Об управлении империей» о Сербии и других южнославянских землях в IX в. подтверждают сообщение «Франкских анналов», подчеркивающих политическую значимость сербов в сложной обстановке начала IX в. и их особое положение среди других, известных анналисту славян Юго-Восточной Европы (тимочан, абодритов, гудусканов, хорватов Далмации и др.).

По словам Константина Багрянородного, именно 20-е годы IX в. были важным рубежом в политической истории сербов, жителей Травунии, Захумья, Дукли (Диоклеи), Пагании (Арентании): при византийском императоре Михаиле Травле (820—829) «тамошние народы, хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы и паганы, также взбунтовавшись против царства ромеев, оказались независимыми и самовластными, никому не подчиненными» [3, с. 14]. По всей видимости, в IX в. сложилась в основных своих чертах система южнославянских государств, образовавшихся в данных районах Балканского полуострова и упоминаемых (применительно к политической обстановке конца IX—первой половины X в.) в сочинениях Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «О церемониях»¹⁴.

На основании этих произведений византийской историографии, основанных отчасти и на южнославянских источниках, полити-

ческая карта этого региона в конце IX—середине X в. обрисовывается следующим образом. Княжество (архонтия) Дукля (в греческих источниках — Диоклея) включало часть Южной Далмации и прилегавших к ней внутренних районов до Котора. К северо-западу от Дукли по Адриатическому побережью простиралась архонтия Тервуния (Травуния), включавшая местности вплоть до Рагузы (Дубровника). Между Рагузой и р. Неретвой было расположено Захумское княжество (архонтия Захлумов), а далее к северо-западу (между Неретвой и Цетиной) располагалась Пагания (Арентания). Наконец, во внутренних районах Балканского полуострова, примыкая с востока к названным приморским княжествам, находилось княжество сербов, или так называемая крещеная Сербия, именуемая так в труде Константина Багрянородного в отличие от «прародины» сербов (к северу от Карпат) — «белой», или «некрещеной Сербии» [3, с. 34, 78, ср. также с. 46—65].

О том, что эта политическая система ряда южнославянских государств сформировалась и в целом стабилизировалась уже в конце IX—начале X в., говорит такой факт, как отсутствие в рамках этой территории каких-то значительных перемен; исключением может быть лишь один любопытный пример изменений политической карты той поры, связанных с судьбой небольшой области Конавли (у Константина Багрянородного — Канали), простиравшейся вдоль Адриатического моря от Рагузы (Дубровника) до Боки Которской.

Примечательно, что в списке южнославянских князей (архонтов), названных в сочинении «О церемониях», наравне с правителями Хорватии, Сербии, Захумья, Травунии, Дукли упоминается и князь Конавльского края [3, с. 78]. Между тем в труде «Об управлении империей» подчеркнуто, что Травуния представляет собой *единое* княжество (включая и область Конавли), что «страна тервунитов и каналитов — *одна и та же*» [3, с. 61]. Иными словами, особое княжество в Конавли, подчиненное затем архонтами Травунии, существовало самое позднее до начала 40-х годов X в., однако возможно, что оно было ликвидировано даже ранее, ибо первоначальный список адресатов византийского двора, вошедший в сочинение «О церемониях» и отредактированный в 30-х—начале 40-х годов X в., восходил еще ко времени правления императора Льва VI (886—912) ¹⁶.

Судьба области Конавли тем не менее лишь подтверждает вывод, что в целом перечисленные выше княжества представляли собой устойчивые политические образования, обладавшие собственным административным аппаратом (система городов — «кастронов», наличие особых областей или административных единиц — «жупаний» в Пагании, особая область Босния в составе Сербии). Разумеется, размеры и политическая значимость этих княжеств были неодинаковы. Особенно обширными были владения архонтов Сербии, которая по своей протяженности была примерно равна всем остальным архонтиям, вместе взятым. Важным признаком государственности было и наличие собственной историко-

политической традиции, зафиксированной у Константина Багрянородного применительно к Сербии и Захумью; не менее показательны для процессов социальной дифференциации и становления государственной власти в этом регионе существование наследственных княжеских родов, правивших в самой Сербии, а также в Травунии и Захумье.

Об интенсивности этих процессов свидетельствует и принятие христианства сербами в IX в. В литературе крещение сербов и других южнославянских народов (кроме «паганов» — неретвлян, долго еще сохранявших язычество) датируется примерно 867—874 гг., что соответствует сообщению Константина Багрянородного об их христианизации при императоре Василии I (867—886). Однако возможно, что начало этого процесса относится уже приблизительно к 30-м годам IX в., совпадая, таким образом, в целом со временем становления самостоятельных государств на всей этой территории (конец первой четверти этого столетия)¹⁶.

Наличие самостоятельных государственных образований, политическая раздробленность территории, на которой возникла древнесербская народность, отражались на процессах этнического развития, которые протекали с неодинаковой быстротой в разные периоды.

Говоря об образовании этносоциальных общностей на территории названных южнославянских государств, необходимо прежде всего отметить зарождающуюся в IX—X вв. тенденцию к становлению единой древнесербской народности, центром и этническим ядром которой была тогда архонтия (княжество) Сербия [5, с. 33—35]. О наметившихся процессах этнической консолидации свидетельствует и терминология «Франкских анналов» (в частности, приведенное выше известие о сербах-«сорабах», владевших большей частью Далмации), и сознание общей принадлежности (за исключением жителей Дукли) к единому роду, связанному общностью происхождения, согласно преданиям о приходе на Балканы из далекой прародины. Можно предположить, что эти предания о едином происхождении всех потомков прежнего сербского племени были неразрывной принадлежностью «хроники сербских князей», следы которой сохранились в сочинении Константина Багрянородного и служили обоснованием претензий князей Сербии на подчинение их власти других государств данного региона в частности Травунии и Пагании (см., напр., [3, с. 54, 62]). Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что объединению разных южнославянских земель вокруг Сербского княжества во второй половине IX—первой половине X в. (как в плане политическом, так и в плане этносоциальном) способствовала не только близость языка и обычаев населения этих областей Балканского полуострова, но и заметные внешнеполитические успехи сербских князей той поры в борьбе как против устремлений правителей Первого Болгарского царства, так и против попыток некоторых представителей сербской династии воспользоваться поддержкой Хорватии для захвата престола (см. [3, с. 50—57]).

Необходимо, однако, подчеркнуть неравномерность и сложность процессов этнического развития в IX—X вв., поскольку политическая разобщенность этой территории создавала одновременно почву для возникновения и развития этнических общностей разного уровня, обуславливая становление не только единой древнесербской народности, но и более узких, локальных (или «племенных») народностей низшего уровня, сопоставимых, вероятно, с «протонародностями» раннесредневековой Германской державы (т. е. баварской, саксонской и т. д.)¹⁷. Примечательно, что в названиях «племен» у Константина Багрянородного (захлумы, тервуниоты, каналиты, паганы и диоклетианы, т. е. дукляне), уже нет никаких следов наименований древних славянских племен, известных по источникам VII в. (вроде «северов», «смолян», «драгувитов» и т. п.). Напротив, известные по византийским памятникам X в. южнославянские «племена» этой части Балканского полуострова носят уже названия, связанные с территорией их обитания, а не с древнейшими славянскими этнонимами. Так, например, захумляне («захлумы») именовались так из-за гор («хлм» — холм), на которых был расположен город Хлум; дукляне — по имени старинного города Дукли [3, с. 50—60, 63]. Точно так же и названия «тервуниоты» и «Тервуния» можно сопоставить с географическими наименованиями той области (современные г. Требинье, р. Требишница). Примечательно, что даже так называемые паганы (неретвляне), дольше других славянских жителей Адриатического побережья сохранявшие язычество, не удержали старинных племенных имен: Константин Багрянородный специально отмечает, что они именуются «по-славянски паганами», т. е. некрещеными, а местные романские жители Далмации называли их по соседней р. Неретве (Наренте) арентанами (т. е. нарентанами) [3, с. 64]. Не менее любопытно происхождение этнонима «каналиты» (конавляне), который в современной науке сопоставляется с латинским названием акведука, сохранявшегося в том крае с античных времен [6, ср. 336—337].

Иными словами, этническая консолидация в рамках отдельных княжеств и областей могла одновременно сопровождаться возникновением узколокального сознания принадлежности к данному государству, данной «протонародности». В ряде случаев такое локальное сознание, возможно, находило опору и в обычаях населения (например, в языческих — в Пагании), и в политическом соперничестве различных государств и княжеских родов (как, например, действия захумских князей X в. против Сербского княжества) [3, с. 54], и, вероятно, в особенностях племенного и этнического состава населения той или иной исторической области. Видимо, в большей мере (по сравнению с другими племенами) процессы формирования таких «протонародностей» нашли проявление у дуклян и захумлян; особняком от других стояли, вероятно, неретвляне — «паганы», связи которых с остальными частями формирующейся древнесербской народности полностью оборвались во второй половине X в.

Период со второй половины X до начала XI в. открывает новый этап в развитии древнесербской народности, который завершается в конце XI—начале XII в. Характерными чертами этой эпохи следует признать резкое изменение политической обстановки в данных областях Балканского полуострова. После длительной и ожесточенной борьбы в начале XI в. все названные выше земли (Сербия, Захумье, Травуния, Дукля — Зета) вошли в состав новосозданных византийских провинций или полузависимых княжеств, возглавлявшихся представителями местной славянской знати. Однако вскоре, после успешного выступления зетских князей (во главе со Стефаном Воиславом в 1034—1042 гг.), в данном регионе образовалось самостоятельное Сербское государство, включавшее не только Дуклю (Зету), но и внутреннюю Сербию (Рашку), Боснию, Захумье и Травунию¹⁸.

В период успешной освободительной борьбы Зетского княжества против византийской власти возник интересный памятник славянской агиографии («Житие» зетского князя Владимира), освящавший династические претензии Стефана Воислава и идеологически обосновывавший законность нового Сербского государства, правители которого вскоре приняли титул «королей»¹⁹. Немаловажным шагом, подчеркивавшим самостоятельность Сербского (Дуклянского) королевства, было создание Барской архиепископии, включавшей владения Воислава и его потомков.

Образование раннефеодального Дуклянского государства, с одной стороны, и падение политической роли внутренней Сербии (Рашки) в результате сербо-болгарских войн X в. — с другой, во многом изменили процесс развития древнесербской народности. Ее главный центр переместился из внутренней Сербии в Дуклю (Зету), правители которой подчинили себе (постоянно или временно) остальные районы. Их население постепенно сплачивалось в единую раннефеодальную этносоциальную общность. Вместе с тем на данном этапе развития древнесербской народности в отличие от предшествующего периода заметно изменились ее территориальные рамки. Так, например, вне ее пределов оказались земли «шаган» — неретвлян, княжество которых постепенно становилось все более связанным с приморскими городами Далмации и соседними славянскими (несербскими) землями. В свою очередь, упрочение самостоятельности Дуклянского королевства в XI в. привело, видимо, к некоторому расширению пределов древнесербской народности на северо-востоке — вплоть до Дуная и Савы. Особенности нового этапа развития нашли отражение и в переменах этнической терминологии [7, с. 505].

Если ранее, в IX—первой половине X в., важную роль играли локальные политико-территориальные наименования отдельных южнославянских государств этого региона, наряду с которыми существовало общее наименование «сербов» как обозначение потомков первых поселенцев на Балканах, представителей нового, более широкого этносоциального объединения, то теперь соотношение этнонимов разного уровня резко меняется. В XI в. локальные

наименования (вроде дуклян — «диоклетиан» и т. п.) все реже появляются в сохранившихся источниках (обычно византийских), в лексиконе которых постепенно становится преобладающим единый для всех южнославянских земель этой части Балканского полуострова этноним — «сербы».

Наглядным примером этого могут служить те обозначения, которыми сопровождается в византийских памятниках XI в. описание политической деятельности зетского князя Стефана Воислава (1034—1050) и его войн с Византией и придерживавшимися провизантийской ориентации вельможами и князьями Захумья, Сербии и Боснии. Так, в «Советах и рассказах» Кекавмена, византийского полководца той эпохи, сказано, что тогда «в крепостях Далмации, в Зете и Стамне, был топархом Воислав Диоклейский» (Диоклетианос)²⁰. Однако в предшествующей главе Кекавмен, упоминая о разгроме Воиславом византийского войска и не называя его по имени, употребляет этнонимическое наименование — «Трибуний серб» [8, с. 168—169; 9, с. 210]. По этому поводу издатель сочинения Кекавмена Г. Г. Литаврин пишет, что «первое слово (т. е. Трибуний. — *Е. Н.*) образовано от славянского названия сербской области Требинье и означает «требинец» [8, с. 406, примеч. 378].

В данной связи примечательно, что Кекавмен, следуя, видимо, за своим (далматинским) источником [9, с. 210—211, примеч. 54], не счел возможным назвать дуклянского и травунского (требунского) правителя лишь по имени его владений, но увидел необходимость в пояснении с помощью более общего и более распространенного этнонима («серб»). Показательны также соответствующие обозначения, сопутствующие рассказу о Воиславе Зетском в «Истории» Иоанна Скилицы (ум. в конце XI в.). Скилица вовсе не упоминает о Дукле или Зете, а прямо утверждает, что против императора восстала «Сербия», что «Стефан Воислав, архонт сербов. . . занял землю сербов» [9, с. 156—157]. Такая же терминология использована Скилицей и в рассказе о предшественнике Воислава — зетском князе Владимире, который, по словам Скилицы, правил в «Трималии (т. е. Трибалии. — *Е. Н.*) и ближайших областях Сербии» [9, с. 113]. В далекой от продуманного единства и точности византийской этнической терминологии XI в. сочетались, таким образом, реальные названия той поры и устарелые античные этнонимы (например, Трибаллия), порой ошибочно отождествлялись сербы и хорваты. К сожалению, эти недочеты иноязычной (византийской и латинской) терминологии не могут быть восполнены ввиду крайней скудости местных письменных источников, сохранившихся к тому же на латинском языке.

Эти особенности источниковой базы не позволяют подробнее проследить процессы развития древнесербской народности на втором этапе ее истории. Можно предположить, что, несмотря на определенное сплочение разных частей древнесербской народности в XI в. в рамках единого раннефеодального Дуклянского (Зетского) государства, на оформление более устойчивого сознания

общности происхождения, языка и обычаев, общей принадлежности к единому этносоциальному и политическому объединению, все же и в этот период еще сохранялись этническая и политическая разобщенность, заметный партикуляризм и локальные особенности в отдельных сербских землях. В частности, вследствие этого с конца XI в. наметилось выделение особой политической и этнической общности в Боснии²¹. В конце XI—начале XII в. ослабело, а затем распалось Дуклянское королевство. К этому времени, вероятно, следует отнести завершение второго этапа истории древнесербской народности. Дальнейшее развитие этнического самосознания сербского населения протекало в иных территориальных рамках (уже после отделения Боснии), в иной политической и этносоциальной обстановке, связанной с началом эпохи развитого феодального строя.

Говоря об этих сложных процессах развития этнического самосознания, связанных с возникновением древнесербской народности и с наличием в этом же регионе этнических общностей более низкого уровня («протонародностей»), необходимо учитывать и немаловажное значение в этот период общеславянского самосознания, чувства принадлежности к гораздо более широкой, нежели сербская народность (или отдельные «народы» — захумляне, дукляне и т. п.), семье народов. Следует подчеркнуть, что роль этих представлений об общеславянском единстве и их влияние на процесс становления самосознания древнесербской народности (как, впрочем, и древнехорватской) были в ту пору особенно значительными. Дело в том, что на побережье Далмации (преимущественно в городах и на островах, принадлежавших тогда Византии) в средние века сохранялось романское население, так называемые далматинцы.

Вероятно, существование на границах сербских княжеств, перечисленных выше (а затем и в составе раннефеодального Дуклянского государства), представителей романского этноса, обладавшего собственным языком и тесными связями с Италией, могло содействовать (в силу постоянного этнического противостояния) появлению представлений прежде всего об общеславянской, нежели о сербской, общности или же о локальных единствах (протонародностях). К сожалению, мы можем судить об этом главным образом на основании памятников христианской церкви (латиноязычных документов, составленных в Италии и Далмации). Примечательно, что в этих источниках XI в. обычно говорится не о сербах, а о «славянах», причем подразумеваются жители Дукли, Захумья и соседних областей²². Вполне вероятно, что представления, связанные с самосознанием широкой славянской общности, могли в определенной мере замедлять развитие этнического самосознания собственно древнесербской народности.

В силу укрепления в XI в. в сербских землях позиций христианской церкви (т. е. прежде всего католического клира далматинских городов, а также римской курии) эти процессы могли находить отражение не только в сознании славянского населения, но

и в письменных исторических памятниках, составленных в пределах этого региона. Одним из таких весьма сложных по составу источников, посвященных истории и происхождению местного населения этих земель является так называемая Летопись попа Дуклянина, датируемая обычно второй половиной XII в. Поскольку этот памятник основан на более ранних источниках (он включает, в частности, и «Житие Владимира Зетского», названное выше), он может быть использован и для уяснения тех этнических представлений, которые были свойственны и романским далматинцам, и их славянским соседям. Любопытно, что в тексте Летописи термин «славяне» употребляется для обозначения жителей Сербии и смежных земель именно в тех местах, где они противопоставляются «латинам» (т. е. далматинцам) или венграм (т. е. при рассказе о событиях примерно X в.)²³. В других случаях говорится просто о «народе» этих земель или о «народах» того или иного правителя.

Все это позволяет сделать вывод о том, что сложный и многоплановый процесс развития самосознания древнесербской народности, связанный с сохранением не только сознания общеславянской общности, но и представлений о локальной этнополитической принадлежности, к началу XII в. еще не нашел своего полного завершения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Подробнее о причинах определенных расхождений в историографии см., например: *Наумов Е. П.* Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влахи (в XII—XIII вв.). — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; *Он же.* Балканские влахи и формирование древнесербской народности. — В кн.: Этническая история восточных романцев: Древность и средние века. М., 1979; *Он же.* Волошская проблема в современной югославской историографии. — В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978.
- ² При оценке этих свидетельств ср., например: *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen in Mittelalter. Ljubljana, 1966; *Janković D.* Srpska država i nastajanje srpske nacije. — *Postanak i razvoj srpske nacije.* Beograd, 1979, s. 46.
- ³ Для анализа этой «хроники» важно привлечь: ВИИИИ, т. II; *Острогорски Г.* Порфирогенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци. — В кн.: Сабрана дела Георгија Острогорског. Београд, 1970, кн. 4, с. 79—86.
- ⁴ О трактовке этих спорных вопросов см.: *Новаковић Р.* Да ли су сви Захумљани пореклом Срби? — *Историјски часопис*, 1975, кн. XXII; *Он же.* Срби Константина Порфирогенита и англосаксонског краља Алфреда. — *Зборник Историјског музеја Србије*, 1975, т. 11—12; *Он же.* Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво? Београд, 1978.
- ⁵ В связи с проблемой заселения Дукли сошлемся, например, на следующие издания: *Исаевич Я. Д.* Висляне и лендзяне в IX—X вв. — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; ВИИИИ, т. II, с. 63, примеч. 229; *Историја Црне Горе.* Титоград, 1967, кн. 1, с. 291; ср. также: *Живковић Д.* Најновија историја црногорског народа. — *Стварње*, 1977, № 6, с. 930—931; *Ditten H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jahrhundert. — *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert.* Praha, 1978, s. 452.
- ⁶ При оценке этих свидетельств ср.: *Историја Црне Горе*, кн. 1, с. 293; *Ditten H.* Bemerkungen. . ., S. 452.

- ⁷ Эти аспекты этнической истории той поры освещены, например, в таких работах: *Историја Црне Горе*, кн. 1, с. 284—290; *Јуречек К.* *Историја Срба*. Београд, 1952, т. 1, с. 65; *Станојевић С.* *Историја српског народа*. Београд, 1908, с. 46—47; *Наумов Е. П.* *Процессы формирования. . .*; и др.
- ⁸ Об этих этносоциальных сдвигах на Балканах см.: *Станојевић С.* *Историја. . .*, с. 43, 48—49; *История средних веков*. М., 1952, т. 1, с. 232, 244—245; *История Болгарии*. М., 1954, т. 1, с. 53; *Державин Н. С.* *Славяне в древности*. М., 1946, с. 207; *Byzanz im 7. Jahrhundert*. Berlin, 1978, S. 127—131, 134—135.
- ⁹ Текст данного свидетельства см.: ЛИ, I, с. 415; ср.: *Јуречек К.* *Историја. . .*, т. 1, с. 59 (с датировкой около 642 г.).
- ¹⁰ В данной связи необходимо сослаться на следующие издания: ВИИНЈ, т. I, с. 224 и примеч. 17; *Острогорски Г.* *Историја Византије*. Београд, 1959, с. 139 и примеч. 2; *Ditten Н.* *Bemerkungen. . .*, S. 453; *Byzanz im 7. Jahrhundert. . .*, S. 132.
- ¹¹ Характеристику этих политических процессов см.: *Ферлуга Ј.* *Византија и постанак најранијих јужнословенских држава*. — *Зборник радова Византолошког института*. Београд, 1968, т. XI, с. 56 сл.; *Грачев В. П.* *Сербская государственность в X—XIV вв.: (Критика теории «жупной организации»)». М., 1972, с. 201 сл.*
- ¹² Подробнее об этих свидетельствах «Франкских анналов» см.: *Јуречек К.* *Историја. . .*, т. 1, с. 67, 111; *Станојевић С.* *Историја. . .*, с. 53—54; *Klaić N.* *Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1975, s. 211.
- ¹³ В связи с таким толкованием термина «Далмация» см.: *Јуречек К.* *Историја. . .*, т. 1, с. 67; *Grafenauer В.* *Die ethnische. . .*, S. 34.
- ¹⁴ Трактовка этих сведений и их датировка дана, например, в изданиях: ВИИНЈ, т. II, с. 3, 5; ср.: *Ферлуга Ј.* *Листа адреса за стране владаре из Књиге о церемонијама*. — *Зборник радова Византолошког института*, 1970, т. XII, с. 162 и сл.
- ¹⁵ Об этом можно судить, например, по работе: *Ферлуга Ј.* *Листа адреса. . .*, с. 176.
- ¹⁶ Подробнее об этих процессах см., например: ВИИНЈ, т. II, с. 49—50 и примеч. 154; *Историја Црне Горе*, т. 1, с. 353—354.
- ¹⁷ Для характеристики разных этнических общностей можно привлечь такие работы: *Бромлей Ю. В.* *Этнос и этнография*. М., 1973, с. 140—141; *Наумов Е. П.* *Процессы формирования. . .*, с. 193—194.
- ¹⁸ Конкретные перипетии сербо-византийской борьбы той поры излагаются в таких трудах: *Јуречек К.* *Историја. . .*, т. 1, с. 131—139; *Историја Црне Горе*, кн. 1, с. 381—399; *Станојевић С.* *Историја. . .*, с. 63—91.
- ¹⁹ О «Житии Владимира Зетского» см., например: *Историја Црне Горе*, кн. 1, с. 421—422; *Банашевић Н.* *Летопис попа Дукљанина и народна предања*. Београд, 1971, с. 133—224. Житие сохранилось в составе «Летописи попа Дукљанина» (см., например: *Шишић Ф.* *Летопис попа Дукљанина*. Београд; Загреб, 1928).
- ²⁰ Это сообщение Кекавмена и его перевод см. в издании: *Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина*. М., 1972, с. 170—171; при его анализе ср.: ВИИНЈ, т. III, с. 212.
- ²¹ Подробнее об этом см.: *Grafenauer В.* *Die ethnische. . .*, S. 43. Ср. также: ВИИНЈ, т. IV, с. 28.
- ²² Свидетельства такого рода см., например, в изданиях: *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. Zagreb, 1967, vol. 1, s. 158 (Михаил Зетский в письме папы Григория VII 1078 г. назван «королем славян»); *Шишић Ф.* *Летопис. . .*, с. 190—191 (в Локрумских грамотах: «. . . рагужане и жители Стона. . . и другие какие бы то ни было люди — латины или славяне. . .», «. . . люди Захумья и рагужане. . .»).
- ²³ Соответствующие сведения и терминологию той поры см.: *Шишић Ф.* *Летопис. . .*, с. 311, 318—319, 320; ср.: *Ferluga Ј.* *Die Chronik des Priesters von Diokleja als Quelle für die byzantinische Geschichte*. — *Byzantinica*, 1980, t. 10, s. 431.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. ИЛ, I.
2. *Jurecek K.* Историја Срба. Београд, 1952. Т. I.
3. ВИИНЈ, т. II.
4. *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1972.
5. *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen im Mittelalter. Ljubljana, 1966.
6. Историја Црне Горе. Титоград, 1967, Кн. 1.
7. *Čirković Š.* Srbi. — Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1968. Т. 7.
8. Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972.
9. ВИИНЈ, т. III.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У ПОЛАБСКИХ СЛАВЯН (VI—X вв.)

Долгое время в исторической науке шла дискуссия о времени заселения славянами территории между реками Одером и Эльбой (Лабой). В итоге археологических, филологических и исторических исследований послевоенного периода достигнуто согласованное мнение, что славяне заселили эту территорию в результате великой славянской миграции, которая началась после нашествия гуннов (около 370 г.), а завершилась с упадком Аварского каганата в VII в. [1, с. 70—76].

В период этой великой миграции произошли коренные изменения, определившие политическую и этническую карту Центральной Европы. К концу этого периода определился ареал расселения полабских славян (в широком смысле, включающем различные группы западнославянского населения по Лаббе—Эльбе), известный нам по письменным источникам VII—X вв. и, более точно, по археологическим изысканиям послевоенного времени [2]. Сопоставление выводов археологов, основанных на изучении керамики, с данными письменных источников позволило окончательно установить время поселения славян в междуречье Одера и Лаббы, датировав его в основном началом VI в. [1, с. 70; 2, с. 9].

Хотя на основании сообщения Прокопия можно полагать, что германские племена в подавляющей массе ушли с территории между Одером и Лаббой до занятия ее славянами [3, р. 305], есть сведения о том, что в отдельных местностях германское население сохранилось. В этих местах славянское и германское население находилось в постоянном контакте. Такими местами были область

германского племени вариов, на восток от р. Салы [2, s. 16], долина р. Лабы, где также были остатки германского населения [4, s. 2 ff], а также район славянского поселения Дессау — Мосигкау [5, s. 3]. Германо-славянские контакты в этих и некоторых других местах [6, s. 15] обусловили заимствование славянами некоторых германских этнонимов и гидронимов, получивших славянскую форму. Однако письменные источники не позволяют выявить каких-либо следов влияния этих контактов на формирование самосознания отдельных этнических общностей полабских славян.

Известное значение для формирования этнических и политических образований на территории между Одером и Эльбой имели географические условия, влияние которых было противоречиво. С одной стороны, данная территория расселения славян составляет единый географический регион. Для него были характерны по преимуществу низменный рельеф, единообразие водной системы, состоящей из рек, текущих в одном направлении, равномерный умеренный климат, преобладание подзолистых почв и смешанного леса. Все это благоприятствовало сближению этнически родственных славянских племен [1, s. 223]. С другой стороны, по рельефу местность делилась в горизонтальном, западно-восточном направлении [2, s. 11], а большинство рек, берущих начало в так называемой Средней горной гряде (Одер, Нейсе, Шпрее, Эльба, Мюльда, Плейса, Белый Элстер, Сала), текут главным образом в юго-западном направлении, разделяя страну по вертикали. Крупные лесные массивы также способствовали относительной изоляции славянских поселений в различных районах [7, s. 25].

На процесс формирования этнической и политической общности оказала влияние также р. Эльба, служившая в качестве главной связующей в этом регионе славянского мира. Долина этой реки стала районом наибольшей концентрации славянского населения, но не на всем своем протяжении: верховья и низовья Эльбы находились за пределами славянских поселений, ее левый берег, как и левобережье Салы, остался в конечном итоге под немецкой властью [8, s. 225]. Существенно более значительную роль, чем географический фактор, в формировании этнического самосознания полабских славян играли их общее происхождение, близость хозяйственно-культурного типа, однородность социально-экономической структуры славянского общества, постоянная политическая конфронтация полабских славян с соседними народами (особенно с франками, немцами и датчанами).

Решающей отраслью производства у полабских славян было земледелие. Сравнительное увеличение удельного веса скотоводства, охоты и пчеловодства в некоторых районах не меняет общей картины. Главным было зерновое хозяйство (рожь, пшеница, ячмень, овес). Лишь в ходе исторического развития, особенно к концу рассматриваемого периода, стали сказываться региональные различия в уровне производства, в способе его организации.

Они были связаны с разным качеством земель, разными темпами развития отдельных отраслей хозяйства [9].

Все славянские племена между Одером и Эльбой находились на одном уровне общественного развития — на высшей стадии распада общинного строя с ясно выраженными чертами военной демократии. Одним из общих проявлений этого процесса было повсеместное сооружение градов — *civitates* [2, р. 25] — в VII—IX вв. Преобладание общих черт в историческом и социально-экономическом развитии, особенно в первые века после заселения страны, способствовало упрочению сознания этнического единства всех местных славянских племен.

Полабским славянам было свойственно, видимо, сознание их общего происхождения. Представление об этническом единстве всех славянских племен и родстве полабских славян с другими славянами западнославянского ареала наиболее четко выражено в «Повести временных лет»: перечисляя большое количество племен, автор называет их всех славянами, а полабских лютичей именует родственным племени «ляхов», т. е. поляков [10, с. 11]. Источники отразили также представление о единстве языка славян. Так, хронист Адам Бременский обращает внимание на общность языка полабских славян («винулов») с другими западными славянами, в том числе с поляками («полянами») [11—12, разряд II, 18, р. 311]. О том, что язык отдельных полабских славян действительно мало различался, говорит анализ славянских топонимов и собственных имен в сообщениях «Франкских» и «Немецких анналов» и в «Хрониках» Видукинда, Титмара, Адама Бременского и Гельмольда. Хронисты прямо называют этот язык славянским. Ободритский князь Готшалк, как сообщает Гельмольд, сам обращался к местному населению с проповедью на славянском языке [13, I, 20, р. 100]. Для всех «Хроник», сообщающих об отдельных полабо-славянских «племенах» и их «союзах», характерен оборот «*Scilavi, qui dicuntur. . . Wilci, Sorabi etc.*» [14, III, 42, р. 112].

О единстве полабских славян свидетельствует наименование территории их поселения общим названием *Sclavania* (*Scлавия*). Так, у Адама Бременского этот термин употреблен неоднократно при описании событий на территории между Одером и Лабой [11, II, 5, р. 307; II, 14, р. 314]. Область полабских славян (*provincia, regio, terra*), пишет он, самая обширная часть Германии (*amplissima Germaniae provintia*), а заселена она «винулами» (*winules*), под которыми хронист имеет в виду славян [15, s. 215]. Гельмольд также пользуется термином *Sclavonia* (*Scлавия*), повествуя об отдельных районах данного региона [13, I, 5, р. 50; I, 11, р. 66 и др.]. Рассматривая винулов как единое целое, Гельмольд отмечает в качестве их отличий от других народов их характер, внешний вид и язык [13, II, 1, р. 34]. Об отдельных чертах быта, характере и обычаях полабских славян упоминают также Видукинд [14, I, 9, р. 72] и Гельмольд [13, I, 83, р. 288]. Отмеченные ими черты говорят о существовании исторической и культурной традиции у полабских славян, об их приверженности

своим обычаям, которым они следуют как «законам славянским». Обычай и нормы общественной жизни — часть исторической традиции, это «законы их отцов», нарушение которых вызывает общественное порицание [13, I, 13, p. 72]. Важнейшим компонентом исторической традиции является сохранение в памяти потомков деяний предков [13, I, 16, p. 65], соблюдение «законов и обычаев славянского народа» [16, p. 366, anno 849]. Полабо-славянское общество отличалось своим общественным устройством, которое в целом противопоставлялось соседнему — германскому. Знание особенностей уклада и устройства полабо-славянского общества ценилось среди соседних народов. Так, например, тюрингский герцог Такулф особенно выделялся знанием быта и устройства полабов, что вызывало уважение его современников [16, p. 366, anno 849]. Место своего обитания полабские славяне называли своей patria и были готовы защищать ее, не щадя жизни [14, I, 9, p. 72]. Руководствуясь интересами patria, они проводили свою внешнюю политику [13, I, 9, p. 64]. С точки зрения иноземных наблюдателей полабские славяне представляли собой единый этнический комплекс. Сознание принадлежности к славянской общности, близость языка и обычаев в условиях конфронтации с иноэтничным (германским) миром создавали благоприятные условия для формирования здесь особой славянской народности. Однако в ходе исторического развития у полабских славян возобладала центробежные тенденции, решающее значение приобрело формирование этнического самосознания в рамках нескольких «племенных союзов», все более обособлявшихся друг от друга и обнаруживавших тенденцию к их превращению в самостоятельные раннефеодальные народности.

Первым по времени из полабских «племенных союзов» во франкских источниках упоминается союз сорбов. Уже под 631 г. они выступают в качестве общности, именуемой gens, а предводитель их называется dux [17, IV, 13, p. 99]. Из источников VIII—IX вв. известно о территории (terra) поселения сорбов: они жили между Салой и Эльбой [18, p. 42, anno 782; 19, p. 193, anno 806]. Объективные условия содействовали обособлению сорбов: место их поселения представляло собой замкнутую область с плодородной моренной и лёссовой почвой, что в сочетании с благоприятной водной системой благоприятствовало развитию земледелия [20, s. 229]. Начало формирования общности сорбов следует отнести еще ко времени освоения ими данной страны, когда поселенцы, как предполагают, первоначально составляли одно племя, именуемое сорбами [21, s. 111]. Это «большое племя» — gens — распалось на отдельные обособленные скопления поселений, послужившие основой для формирования нескольких племенных общностей и получавших иногда особые названия, образованные от наименований мест проживания [22, s. 70—78]. Так, среди племен, составивших племенной союз сорбов, известны делеминцы, сиуслы, колодицы, мильцианиты, лузиции [22, s. 79], занимавшие определенные территории и области [23, p. IV, 45, p. 203]. Общее коли-

чество племен в союзе сорбов определить трудно. Оно изменялось со временем. Так, например, мильцианиты, лузиции вошли в объединение позже. К IX в. территория сорбов образовывала область (*regio*), в которую входили племенные области (*regiones*), в свою очередь включавшие в себя 50 округов, объединенных вокруг градов (*civitas*) и поэтому именуемых градскими округами (*civitates*) [24, s. 9]. Территориальный признак был главным в определении союза и его составных частей. Сорбский союз выдержал длительный и сильный натиск Франкской, а затем Восточно-Франкской державы, он находился в непрерывной конфронтации с ними. Из 30 войн франков со славянами 14 велись непосредственно против сорбов [9, s. 91]. При этом сорбы не только оборонялись, но и переходили в наступление [17, IV, 74, p. 101]. Военную активность сорбов следует объяснять прежде всего особенностями их общественного строя.

Основой экономического развития сорбского общества было земледелие, а основной формой поселения — деревня (*villa*) [22, s. 70], для которой в VII—VIII вв. было характерно наличие сельской общины как переходной формы от коллективной собственности к частной [20, s. 229]. С VIII в. углубился процесс социального расслоения сорбского общества. К IX в. оформляется привилегированный социальный слой, в который входили племенные князья (*reges*), предводители племен (*duces*), знать (*primores*) [17, IV, 68, p. 102; 18, p. 82, anno 806; 20, s. 235; 22, s. 79].

Опорой привилегированного слоя стали грады — *civitates* [6, s. 162]. Изменение назначения градов отражало основную тенденцию развития сорбского общества от VII к IX в.: если вначале они служили прежде всего защитой и убежищем в борьбе с франками, то затем становились преимущественно складочным пунктом военной добычи и богатства знати, резиденцией ее представителей. Начался переход к раннефеодальному государству [8, s. 237]. Тенденция к образованию государства не увенчалась, однако, успехом, а в начале X в. сорбы стали объектом завоевания со стороны Немецкого государства [25, s. 101]. После разгрома немцами племени делеминцев (гломачей) сорбский союз сошел с политической арены (23, I, 16, p. 25). В отличие от других частей полабских славян (велетов и ободритов), возобновивших борьбу и восстановивших свою независимость, сорбы были подчинены окончательно: в сведениях о восстаниях полабских славян в конце X в. о сорбах уже не упоминается.

В процессе формирования этнического самосознания сорбов и в последующее время особенно сильно отразился факт их завоевания, которое произошло прежде, чем сформировалась сорбская государственность и сорбская народность. Отсутствие государственности крайне затормозило формирование народности. Тем не менее ускорившийся процесс социально-экономического развития сорбского общества, длительная и успешная конфронтация с франками, а отчасти и с соседними славянскими племенами создали

предпосылки, которые могли в последующем при благоприятной обстановке привести к оформлению сорбской раннефеодальной народности. О развитии этнического самосознания сорбов свидетельствуют особенности употребления самого термина «сорбы», восходящего к сочетанию +srb [21, s. 115]. Этимология этого термина остается неясной [26, с. 34], однако представляется бесспорным, что перед нами достаточно древнее самоназвание одного из славянских племен. В письменных источниках название *Surbi* известно с VII в. [27, р. 50, anno 839]. Возможно, уже тогда оно обозначало этническую общность более широкую, чем племя [8, s. 237]. В источниках IX в. этот этноним уже совершенно определенно обозначает всю совокупность племен, входивших в состав сорбского политического объединения (см., например, выражение *Sorabos, qui Colodici vocantur*). Важной чертой сорбской общности было совпадение ее границ с зоной распространения особого диалекта, существенно отличного от говоров других полабских славян [28, s. 20].

Для формирования у сорбов сознания принадлежности к особой этнической общности могли иметь значение и своеобразные черты их культуры, выявленные археологами. Племена между Салой и Эльбой отличались от окружающих полабских племен VI—VII вв. некоторыми особенностями материальной культуры: они строили относительно малые дома (до 16 м²), глубоко вкапывая их в землю. Умерших сжигали, а пепел хоронили в неглубоких ямах, часто выложенных камнем. В качестве урн для пепла употребляли сосуды особой формы — так называемого пражского типа [6, s. 35]. Специфика обряда погребения ясно говорит о существовании здесь особых культурных традиций и обычаев, несомненно нашедших отражение в самосознании.

Развитие самосознания сорбов в условиях наметившегося перехода к раннефеодальной государственности соответствовало начальному этапу формирования сорбской народности. Наряду с общеславянским самосознанием сорбов IX—X вв. началось становление представлений о своей стране (*provincia, regio*), о своей территории (*terra*), о своем народе (*gens, natio*), о своей территориальной власти (*duces, reges*), защищавшей интересы привилегированного слоя (*primogres*), наконец, о своей *patria*. Вместе с тем этот процесс только начинался. Среди известных названий отдельных территорий или групп населения на территории объединения сорбов совсем нет названий, производных от названий городов — административных центров, что характерно для сложившегося феодального общества. Названия эти или отражают характер местности в районе проживания той или иной группы населения (например, *Sitici* от *sik* — тростник, *Nitici* от *nik* — низкое место), или являются производными от названий водных артерий (например, *Plisni* от р. *Plisa*, ныне р. Плейсе) [20, s. 272], что характерно для этнонимов, возникающих на стадии военной демократии. Формирование сорбской народности и ее самосознания было нарушено в результате немецкого завоевания. Начался

новый период этнического развития сорбов в условиях их подчинения немецким феодалам и немецкому государству.

Согласно Эйнгарду, территория, заселяемая другой группой полабских славян — велетами, простиралась от берегов Средней Эльбы на северо-восток до Балтийского моря, а сами велеты были известны как наиболее выдающийся народ (*natio*) на берегу Балтийского моря [28а, сар. 15, р. 183]. На северо-западе они граничили с полабским союзом (собственно полабами), на западе границей служило среднее течение Эльбы, на юге и востоке границы были менее определенными. В начальный период на юге к велетам относились также говоляне, или стодоряне. В VI—IX вв. к велетам примыкали также племена на восток от р. Укра [29, с. 71]. Источник конца IX в. локализует ядро велетских племен на территории, расположенной между Варнавой и Одером [30, р. 13]. Главными племенами, составлявшими союз велетов, были кессины (хижане), цирципаны (черезпеняне), толлензы (доленцы) и редарии, или ротари. Такой состав велетского объединения сохранялся вплоть до XII в. [31, с. 153].

В первые века своего пребывания на занятой территории велетские племена отличались от окружающих племен некоторыми чертами материальной культуры. Для их поселений были характерны большие дома, сами поселения часто представляли собой большие, концентрированные комплексы селений. Велеты изготовляли особую керамику, получившую у археологов название по месту находки в селении Фельдберг (область Неустерлиц) Фельдбергской керамики. Она изготовлялась на гончарном круге, была хорошо обожжена и богато украшена. Для VI—VIII вв. характерно сооружение обширных по размеру укрепленных градов (*civitates*), которые строились, как правило, на возвышенных местах, причем в каждом из них могло разместиться от 60 до 80 больших домов, а в одном граде могло пробыть от 600 до 1000 человек. Грады служили также убежищем для населения всей округи. Большие грады характерны для времени до IX в., затем прослеживается замена больших градов малыми — кольцевыми, так называемыми городищами, перед которыми располагались неукрепленные селения [6, с. 164]. Видимо, вначале поселение велетов (в ходе общей миграции славян) происходило в виде больших, хорошо сплоченных групп, которые не распадались на мелкие поселения, а продолжали жить вместе, держась за территорию, окружающую большой град. Такой образ поселения отличал велетов от других объединений полабских славян — сорбов и ободритов — и был обусловлен с самого начала необходимостью защиты. Велеты продвинулись в область, которая до них уже была занята ободритами, опередившими велетов в общем потоке славянского переселения и отошедшими под давлением велетов в западную часть общего региона [32]. О возникшем с самого начала соперничестве ободритов и велетов свидетельствуют «Франкские анналы» [19, р. 175, anno 789]. На среднем течении Одера велеты оказались соседями говолян и лужицких племен,

что также требовало принятия оборонительных мер, основанных на концентрации поселений вокруг больших градов [33, s. 217—238].

Особые условия поселения велетских племен, их длившаяся веками конфронтация с одной из основных западнославянских племенных групп (ободритами) содействовали консервации военно-демократического уклада, культивированию воинственных традиций, сохранению повышенной боеспособности всей группы велетских племен, формированию характерных черт самосознания.

Об общественном строе велетского общества в конце VIII—IX в. и о развитии соответствующего этой стадии самосознания велетского общества дают некоторые представления письменные источники. В последней четверти VIII в. велеты называются одним из славянских народов (*Natio... Sclavenorum*) или племенем (*gens*), имеющим общее название. Причем поясняется, что сам народ именуется себя «велетами», тогда как иноземцы (франки) называют их «вильцами» [19, p. 175, anno 789]. Велетский народ (*populus*) вынужден был подчиниться Карлу Великому. Привилегированный слой велетов составляли *primores et reguli*; предводитель велетов (*rex*) отличался от остальных привилегированных превосходством по роду (*nobilitate generis*) и возрасту (*auctoritate senectutis*) [34—35, p. 70, anno 789].

Племенные князья велетов были выходцами из племенной аристократии (*primotes*). Ее привилегированное положение основывалось уже на землевладении. Однако до конца VIII в. у велетов еще сохранялась старая племенная структура во главе с племенными начальниками, хотя процесс имущественной и общественной дифференциации, отразивший появление частной собственности на землю, все более углублялся. На этой основе усиливались тенденции к формированию раннефеодального государства, к упрочению связей, соединяющих отдельные племена в военно-политические объединения, особенно во время обострения внешней опасности.

В первой четверти IX в. возросла консолидация власти в руках великого князя велетов. По выражению источника, князю принадлежала область «всего королевства» (*«totius regni»*) [18, p. 132, anno 823]. Ему принадлежала уже власть над всем ядром велетских поселений, в которые прочно входили четыре племени [11, II, 21, p. 30]. Власть князя была выборной, в чем проявилось соблюдение старой традиции (*secundum ritum gentis*) [18, p. 132, anno 823]. Однако в ходе первой половины IX в. отчетливо проявилась тенденция к превращению выборной власти князя в княжескую наследственную власть [18, p. 132, anno 823].

Для формирования этнического самосознания велетов большое значение имел последовавший затем и оставшийся до сих пор не вполне выясненным политический кризис велетского союза.

В конце 30-х годов IX в. в политической жизни велетов произошли события, решительно повлиявшие на судьбы их политической общности, обособившие их от многих полабо-славянских

племен и вызвавшие перегруппировку сил внутри союза велетских племен. С этого времени сведения анналов о велетах обрываются почти на 100 лет, после чего велеты вновь появляются в сообщениях анналов в совсем другой политической и исторической обстановке, определявшейся наступлением на славян Немецкого государства. При этом племена, входившие в объединение велетов, к концу X в. стали именоваться уже не велетами, а лютичами [29, s. 5]. Видимо, внутри велетского общества происходил процесс, во многом изменивший и затормозивший политическое развитие этой части полабских славян. Сведения «Баварского географа», несомненно, отразили факт политической децентрализации велетского союза: в отличие от ободритов велеты располагали значительно бóльшим количеством градов (195 против 53) [24, s. 3]. Произошло это, вероятно, в связи с усилением значения местной знати, заинтересованной в создании малых градов как мест своего пребывания [6, s. 164]. Источник конца IX в. «Дополнения» короля Альфреда к «Истории» Орозия, упоминая о велетах, отождествляет их с говолянами [30, p. 13]. Такое смешение отражало процесс распада бывшего союза велетов и обособление племен, которые раньше примыкали к его основному ядру.

Сопротивление велетских племен экспансии немецких феодалов в середине X в. носило необыкновенно упорный характер: говоря именно об этой борьбе велетов, Видукинд писал, что они воевали за свободу, против угрозы «крайнего рабства» [14, III, 20, p. 96]. Вставший во главе немецкой пограничной области маркграф Геро повел коварную политику, заманил на пир и умертвил 30 велетских князей [14, III, 20, p. 95]. Это ожесточило велетов, в их союзе особенно выдвигаются редарии (ротари), которые стали организаторами борьбы и союзниками ободритов. Сопротивление продолжалось и после разгрома союзных стодэрян. Велеты приняли активное участие в борьбе с немцами в 50-х годах X в. вместе с ободритами. В 893 г. бывшие велетские племена под названием лютичей вместе с ободритами поднялись на одно из самых мощных восстаний полабских славян. Лютичи оказали решающее влияние на антифеодальную, антинемецкую и антицерковную направленность восстания и повели за собой ободритов [23, I, 3, p. 52; VI, 24, p. 348]. В ходе освободительной борьбы лютичи проявили особую приверженность племенному общественному устройству и противопоставили угрозе христианизации языческую веру.

Все это повлияло на характер формирования их самосознания. Особенностью лютичей явилась консервация у них племенного общественного устройства, которое в условиях общенародного сопротивления и активной роли языческого культа мобилизовывало массы на отражение внешней опасности и обеспечивало успех в борьбе за независимость. Отсутствие центральной власти, потерпевшей поражение в ходе политического кризиса второй половины IX—начала X в., компенсировалось особой организацией языческого культа.

В отличие от сорбов и родственных им лужицких племен язы-

ческие верования обрели у лютичей более развитую форму и оказали значительно большее влияние на формирование их этнического самосознания. Именно в 30-х годах X в. складывается новая форма языческой веры лютичей, неизвестная сербо-лужичанам. Это был языческий политеизм, оказавшийся здесь особенно стойким. Анализ сведений источников¹ о лютичьем политеизме убеждает в том, что для него была характерна территориальная структура: племенные языческие божества «опекали» не определенную область человеческой жизни, а определенную племенную территорию. Кроме племенных богов, существовали также боги с надплеменной «компетенцией» (36, с. 171). В граде лютичей Радогошче находилась главная их святыня и сборный пункт для общих военных походов; здесь хранились штандарты, с которыми лютичи ходили в поход [23, VI, 25, р. 345]. Для охраны и постоянного надзора за святилищем и для выполнения обязанностей, связанных с организацией языческого культа, население избирало особых служителей, именовавшихся *sacerdotes* или *flamines*, которые организовывали жертвоприношения людьми и скотом, совершали гадания [23, VI, 23, р. 349]. Под управлением таких служителей находилась расположенная в святилище казна, которая была источником расходов на общественные дела. Видимо, существовали и регулярные приношения, и обязательные взносы для пополнения этой казны.

Организация языческого культа у лютичей в известной степени компенсировала функции раннефеодального государства, являлась своего рода средством сохранения политической самостоятельности и организации общественной жизни в условиях сохранения черт племенного строя. Этому содействовала конфронтация прежде всего с Немецким государством и его христианской церковью. Образование наряду с племенными культами развитого культа всего племенного союза является важным свидетельством далеко зашедшего процесса консолидации велетов не только как политической, но и как этнической общности. В этническом самосознании велетов можно выделить слой общеславянского самосознания. Для него характерно прежде всего представление о славянском происхождении велетов [10, с. 11]. О принадлежности велетов к славянскому этническому единству постоянно говорится в анналах и историко-географических описаниях: велеты, лютичи и составляющие их племена обозначаются как «славяне» [14, I, 36, р. 82], а их язык определяется как «славянский язык» — «*lingua slavica*» [14, II, 36, р. 100]. Для велетов, а затем лютичей характерна приверженность «славянским обычаям», «славянским законам», верность «славянскому укладу жизни», «славянской свободе» [14, II, 20, р. 96].

Специфика расселения велетов, отличие области поселения велетов от области сорбов и ободритов и начавшийся процесс языковой дифференциации [2, с. 10], наконец, разный темп политического развития по сравнению с другими частями полабских славян — все это способствовало развитию наряду с общесла-

вянским собственно велетского самосознания, отразившегося как принадлежность велетов к своему этносоциальному организму, образовавшемуся на основе территориальной общности союза велетских племен. Несмотря на незавершенность этого процесса, создавались определенные условия для формирования на базе бывших велетских племен лютицкой народности. Развитию собственного велетско-лютицкого самосознания способствовало и своеобразное развитие материальной культуры, о чем уже говорилось выше, образование местных топонимов, гидронимов, названий поселений, формирующихся территориальных и политических единиц — племен (*gens — gentes*), областей (*regio — regiones*).

Название «велеты» (*Weletabi*) [37, s. 57], или *Vultabi*, *Wlotabi* [34, p. 131, anno 997], выводилось еще И. Шафариком от славянского корня *vel* (большой) с суфф. *ot, et* [38, s. 552].

Такая этимология подкрепляется фольклорными рассказами о «велетах — волотах» — велесканах [26, с. 37—38]. Подобный характер самоназвания является свидетельством определенной самооценки, а следовательно, и самосознания. По-видимому, в чем-то подобное значение имел и пришедший ему на смену этноним «лютичи». О том, что он означает, единого мнения нет (ср. [39, s. 405]), однако стоит отметить, что, по мнению хрониста XI в. Адама Бременского, лютичами называли сильных людей [11, II, 19, 15, p. 312; I, 2, p. 35; 36, p. 100].

И тот и другой этнонимы, будучи самоназваниями, устойчиво употреблялись для обозначения этнических общностей более широких, чем племя, охватывавших ряд объединявшихся на длительный срок племенных территорий, что свидетельствует о начале зарождения здесь самосознания общности нового типа — народности. Заметные особенности материальной культуры велетов (о чем говорилось выше), а также определенные отличия их языка (одного из полабских диалектов) от языка их южных соседей, сорбов, также объективно способствовали развитию этого процесса.

Однако процесс оформления особой лютицкой народности в X—XII вв. остался незавершенным. Об этом свидетельствует сохранившееся сосуществование нового, общевелетского, и старого, узкоплеменного, самосознания. В конечном счете это явление определялось самой структурой велетского союза, так и не превратившегося в раннефеодальное государство и состоявшего — вплоть до конца своей истории — из отдельных племенных территорий. Развитие общевелетского религиозного культа в Радогошче не привело к ликвидации культов племенных богов, чтимых лишь в пределах своего племени. Анализ терминологии источников показывает, что в них нет каких-либо особых терминов для обозначения территории всего племенного союза. Так, термин *patio* в источниках относится не только к велетам и лютичам в целом, но и к отдельным племенам. Обозначение области поселения (*regio*) относилось не только к совокупности племен, но и к отдельному племени [24, s. 3]. То же можно сказать и о понятиях *terra, provincia, territorium*. Для отдельных племен встречаются обозначения

ния terra Kessin, provincia Heveldon, Redariorum provincia [40, s. 125]. Gens употребляется как синоним natio и означает также то племя, то всех лютичей в целом [41, s. 194]. Сходные выводы дают и наблюдения над термином populus [11, II, 21, p. 342]. Тем не менее следует сказать, что формирование собственно велето-лютицкой народности и развитие ее самосознания продвинулись значительно дальше по сравнению с сорбами. Об этом свидетельствует, в частности, длительная и успешная борьба велетов (лютичей) за свою свободу с немецкими феодалами [14, II, 20, p. 96], когда велеты «сражались за отечество, за жен, за детей, наконец, за самую жизнь» [14, I, 9, p. 71].

Группа полабских племен, занявшая северо-запад общего региона расселения славян между Одером и Лабой, — ободриты выступают во «Франкских анналах» конца VIII в. также в виде особой политической и этнической общности [24, s. 3; 30, p. 14; 32, s. 141], состоявшей из четырех племен: вагров, занимавших современную Восточную Голштинию, полабов, поселившихся между реками Трнавой и Эльбой, варнавов — по верхнему течению рек Варны и Мильденицы и, наконец, собственно ободритов, давших наименование всему племенному союзу. Границы поселения этих племен устанавливаются на основании письменных источников [42] и обширного археологического материала. Политическое единство перечисленных племен фиксируется уже для рубежа VIII—IX вв., когда все они выступают как союзники франков и противники велетов, саксов и датчан [19, p. 185, anno 789].

В момент первого появления ободритов в анналах под 789 г. о них говорится как о союзе во главе с одним предводителем (princeps). Историки видят в нем первого известного нам князя ободритов Вилчана [18, p. 58, anno 789]. Начиная с упомянутого года и на протяжении 40 лет прослеживается ряд следующих один за другим возглавляющих союз князей: Дражко, Славомир и, наконец, Чедраг. Все они именуются терминами princeps, dux, rex, а власть, им принадлежащая, определяется как regia potestas [18, p. 92, anno 809, p. 112, anno 817]. Наряду с ними источники упоминают и других князей, стоявших, видимо, во главе отдельных племен. С 30—40-х годов IX в. ободритско-франкский конфликт [27, p. 46, anno 839] перерастает в войну ободритов с Восточно-Франкским королевством Людовика Немецкого. Одержав победу над ободритами, Людовик отдал их территорию под власть «князей» (duces) [16, p. 365, anno 844]. Эта мера, последовавшая после гибели главного ободритского князя, была, несомненно, направлена на ликвидацию единой ободритской власти, на разделение ее между князьями отдельных племен. О раздроблении ободритского объединения говорит и «Баварский географ», согласно которому 53 града (civitates) ободритов поделили между собой князья (duces) [24, s. 3]. Вскоре, однако, ободриты нарушили условия «нового порядка»: уже в 858 г. они вновь под общим названием obodriti выступили как политическое целое.

В период ослабления Восточно-Франкского государства при

Людовике III (876—882) и Карле Толстом (882—887) и затем вплоть до 20—30-х годов X в. ободриты оставались независимыми и едиными. Для этого времени о них сохранилось мало сведений в источниках.

Для рассмотрения вопроса о формировании этнического самосознания ободритов, отразившего начало образования ободритской народности, решающее значение имеет констатация успешно развивавшегося в X в. процесса образования раннефеодального государства. Несомненно, начало процесса формирования раннефеодальной государственности у ободритов следует отнести уже к IX в. Об этом говорит постоянное существование общеободритской княжеской власти в IX в. и успешное отражение попыток ее уничтожить со стороны Франкского государства. Уже к IX в. можно отметить и тенденцию к установлению наследственного принципа в занятии княжеского стола.

Анналы IX в. дают представление о составе ободритского общества и о положении отдельных его частей. Над широкой массой всего народа (*populus, vulgus*) возвышался слой знати (*primores, meliores, praestantiores*), во главе которого стоял князь (*princeps, dux, rex*). Экономической базой господствующего слоя и опорой его политической власти была собственность на землю. Определить размер земельных владений у ободритских *primores* и *meliiores* трудно, однако родовой характер знати свидетельствует о долговременности материальной основы их власти — этой основой могла быть только земля. Земельные владения переходили из поколения в поколение — таким образом осуществлялась преемственность в их наследовании, что сохраняло привилегированное положение их владельцам. К IX в. относятся сведения о противопоставлении княжеской власти народу [43, с. 5]. Все это позволяет заключить, что государство ободритов, несомненно существовавшее в первой половине X в., явилось результатом процесса, проходившего в IX в. Данные об окружении и свите ободритского князя в середине X в. типичны для раннефеодального государства [44, с. 145].

Ускорившийся темп социально-экономического и политического развития ободритов в IX—X вв. создавал более благоприятные условия для перерастания племенного этнического самосознания в самосознание народности этой части полабских славян.

В письменных источниках VII—X вв. ободриты фигурируют под общим обозначением *Abotriten (Obodriten)*, которое отражало этнополитическую общность племен, входивших в состав ободритского объединения [19, р. 209, anno 822]. В немецких историко-географических описаниях термин *Abodrites* иногда заменяется наименованием *Nortabrezi* и *Adprede*. В обоих случаях иноземцы воспринимали ободритов в качестве составной части славян, что отразилось и в формулировке, обычно употребляемой для племен полабо-славянского региона: «...славяне, которые называются...» (далее идет наименование ободритского племени) (*Sclavos, qui dicuntur...*). Описывая события на территории ободри-

тов, хронисты обычно говорят о *Sclavia, Slavia*. Вместе с тем ободриты рассматриваются как составная часть именно полабских славян, именуемых термином *Winidi* [13, I, 1, p. 34; I, 15, p. 80]. Язык ободритов называется «славянским языком» [45, p. 14, anno 810]. Ободритам присущи характер, нравы, внешний вид, язык, в общих своих чертах свойственные полабским славянам и резко отличающиеся от немецких [23, II, 37, p. 101], венгерских [14, I, 38, p. 84]. Вместе с тем по ряду признаков ободриты обособлялись от других групп населения полабо-славянского региона. О территории их говорится как об особой области (*regio*) в пределах полабо-славянской территории [19, p. 204, anno 817]. *Regio* ободритов — это одна из *regiones* полабских славян. Эта область ободритов чаще обозначается термином *provincia* или *terra*, причем обычно говорится, что это «славянская земля» или «земля ободритов» [13, I, 14, p. 76; I, 24, p. 110]. Этническая общность племен, населявших эту «область» или «землю», обозначается (как у сорбов и велетов) терминами *patio* и *gens* [18, cap. 18, p. 180; p. 116, anno 818; 13, I, 41, p. 123]. В отличие от сорбов и велетов при повествовании об ободритах в источниках IX—X вв. определенно говорится как о княжестве [13, I, 48, p. 186], а затем как о *regnum* [13, II, 10, p. 352]. Население княжества именуется *populus* [19, p. 215, anno 826], оно воспринимает свою землю как отечество — *patria* [13, I, 10, p. 90].

Ободритов как особую этнополитическую общность (*populus istius, qui Abodriti vocantur* [23, VIII, 5, p. 587; 13, I, 38, p. 270]) источники четко отличают от этнополитических общностей сорбов и велетов. Проявлением зарождавшегося самосознания ободритов как общности нового типа явилось приобретение самим названием «ободриты» более широкого, чем первоначально, значения. Что касается этимологии этого термина, то в настоящее время большинство ученых склонны производить этот термин от названия р. Одер (Одры): «ободриты» — «живущие на Одре» [46, s. 223]. Поскольку в IX—X вв. ободриты проживали на территории, значительно удаленной от Одра, то Г. Ловмянский предполагает, что группа славян получила такое название значительно ранее, еще в период проживания в первоначальном очаге расселения (у Одры) [1, s. 74]. Таким образом, речь идет о самоназвании весьма раннего происхождения. Первоначально оно, по-видимому, относилось лишь к племени ободритов в узком смысле, но уже в известиях «Каролингских анналов» начала IX в. выступает как самоназвание населения — племенного союза, перераставшего в раннефеодальное государство. Эта перемена содержания этнонима отражала процесс зарождения самосознания ободритской народности [47, с. 20].

Ободриты имели общие, характерные для них как этнической общности черты. У них (как у сорбов и велетов) также прослеживаются особенности в культурно-археологической традиции (особенно в районе Западного Мекленбурга и Восточной Голштинии); для них показательны простая нераскрашенная керамика, свойст-

венные только им небольшие дома и малые грады [6, s. 73]. Язык ободритов, как и велетов, приобрел характерные особенности древнеполабского языка, отличающие его от древнесорбского (9, s. 50). Языческий культ ободритов имел свои истоки (за исключением заимствованного впоследствии у лютичей культа Радогошта), причем по сравнению с культом лютичей носил более архаичные черты. Этнополитическое обособление ободритов совершалось в нарастающей конфронтации с франками, а затем с немцами. У формирующейся ободритской народности в условиях возникшего Ободритского государства борьба с Немецким государством обрела более высокие формы по сравнению, например, с лютичами. Хронисты Видукин и Титмар, повествуя о восстаниях славян против немцев в X в., как правило, называют мятежные племена лютичей, но не называют имен их князей. Напротив, рассказывая об ободритах, участвовавших вместе с велетами в больших антинемецких движениях 936—940, 954—960 и 983 гг., хронисты упоминают о возглавлявших их князьях — Ноконе и особенно Стоигневе, т. е. движение ободритов имело более высокую форму организации [48, s. 270].

Вместе с тем процессы складывания и раннефеодальной государственности, и раннефеодальной народности у ободритов в описываемый период не получили своего завершения. Выше уже отмечался сравнительно высокий уровень социального развития, достигнутый ободритским обществом к середине X в. Ободритские князья выступают в источниках этого времени с явными чертами раннефеодальных правителей. Наиболее крупные грады на землях ободритов — племенной центр вагров Старгард, племенной центр собственно ободритов Велиград (по-латыни именуемый *Magnopolis*), названный датчанами в IX в. Рериком [11, II, 19, p. 312; 13, I, 2, p. 42], — из укрепленных поселений превращались постепенно в центры политической власти, ремесла и торговли. Можно проследить также, как политические функции начинали приобретать и малые грады — центры небольших территорий, обозначаемые в источниках как *pagus*. Об этом можно судить на примере таких градов, как Сусель, Плена, Ольденбург, Даркун и др. [23, IV, 45, p. 203; 13, I, 64, p. 200]. Отдельные племенные территории явно превращались в княжества.

Однако в X в. этот процесс не достиг уровня, который привел бы к ломке традиционно сложившейся структуры ободритского объединения. Прежде всего не произошло объединения всей территории союза под властью ободритских князей. Так, например, Видукинд хорошо известен князь вагров, находившийся в 60-х годах X в. в конфликте с князем ободритов; после изгнания вагрского князя его престол перешел к его сыну [14, III, 68, p. 119]. Еще более важно, что источник и для этого времени четко фиксирует традиционное разделение «земли Ободритов» (*regio Abotritorum*) на четыре части, носящие свои старые племенные названия. Население каждой из этих областей по-прежнему обозначается в источниках теми же терминами, что и ободриты в целом (*gens*,

natio, populus), а их территория — как земля или область соответствующего gens'a. Иначе говоря, население отдельного племенного княжества в составе ободритского объединения все еще продолжало восприниматься как особая этнополитическая общность [13, I, 2, 13, p. 36; III, 79, p. 343].

О сохранении (в измененной форме) традиций племенного самосознания свидетельствуют и данные о языческом культе у ободритов: не только в X в., но и позднее каждое племя имело своего особого бога, власть которого распространялась лишь на племенную территорию (у вагров божеством был Прове, у полабян — Жива, у собственно ободритов — Радогошт) [36, s. 175].

Таким образом, особенностью формирования ободритской народности было сочетание у них общеславянского, полабо-славянского, общеободритского и локального — племенного самосознания [47, с. 81]. Эта особенность отразилась в своеобразии процесса складывания раннефеодального Ободритского государства, для которого, как и для каждого раннефеодального государства, были характерны сосуществование и борьба различных тенденций общественного развития, в том числе борьба центристремительной и центробежной тенденций — одна из характерных черт феодального общества, отмеченная Ф. Энгельсом [49, с. 411].

Формирование этнического самосознания у полабских славян отразило разные стадии формирования славянской народности в зависимости от различных объективных и субъективных факторов. К объективным факторам можно отнести отмеченные в начале главы особенности миграции, географические и демографические условия, разные темпы социально-экономического и политического развития различных районов полабского ареала. В результате возобладала тенденция к образованию самостоятельных славянских народностей: сорбской, велетской и ободритской.

Историческое прошлое каждой из формирующихся народностей в IX—X вв. во многом определило последующий уровень их развития. Наиболее прочным и стойким в борьбе за политическую независимость оказалось ободритское объединение, в рамках которого и была достигнута наиболее высокая стадия развития самосознания раннефеодальной народности у полабских славян.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Saxonis Grammatici Historia Danica/ Recensit P. Müller. Havniae, 1939, vol. XIV, p. 567, 569, 577; *Ebbo. Żywot Św. Ottona.* — In: Pomniki dziejowe Polski. Warszawa, 1969, ser. 2, t. 7, cz. 2; II, 2, s. 52; II, 7, s. 67; III, 1, s. 92; III, 6, s. 106; III, 9, s. 110; *Herbord. Dialog o życiu św. Ottona biskupa Bambergskiego.* — MPH, seria II, t. 7, cz. 3, cap. II, 14, s. 84; cap. II, 32, s. 124; cap. III, 16, s. 177; cap. III, 18, s. 180; *Monachi Pfieltingensis Vita Ottonis episcopi Babenbergensis.* — MGH—SS, t. XII, cap. II, 13; III, 8; III, 9; III, 16.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1964, t. II, s. 70—76.
2. *Die Slawen in Deutschland* Hrsg. J. Herrmann. Berlin, 1972.

3. Procopii Caesariensis De bello gothico, cap. 15. — In: Opera Omnia/ Ed. J. Haury. Lipsiae, 1905. Vol. II.
4. Schmidt B. Der späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle, 1961.
5. Krüger B. Dessau—Musigkau. Berlin, 1967.
6. Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder—Neisse und Elbe. Berlin, 1968.
7. Eichler B. Grundsätzliche Bemerkungen zur Erforschung des vorlawischen Substrats in der altsorbischen Onomastik. Berlin, 1968, S. 25.
8. Lowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1973, t. V.
9. Brankač J. Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe—Saale und Oder aus der Zeit vom 9 bis zum 12 Jahrhundert. Bautzen, 1964.
10. ПБЛ, ч. 1.
- 11—12. Adami gesta Hammaburgensis ecclesia pontificum. — MGH—SS, t. VII.
13. Helmoldi presbyteri Bozoviensis Chronica slavorum. — In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters (далее — Ausgewählte Quellen). Berlin, 1963, Bd. XIX.
14. Widukindi Monachii corbeiensis rerum gestarum Saxoniarum, libri tres/ Ed. V. Hirsch. Berlin, 1935.
15. Koczy L. Slavonica Adama Bremeńskiego. — In: Slavia Occidentalis. Poznań, 1935.
16. Annales fuldenses. — MGH—SS, t. I.
17. Fredegarii Chronicon. — In: Krusch B. Fredegarii et aliorum chronica. Hannover, 1888.
18. Annales regni francorum. — In: Ausgewählte Quellen. Berlin, 1963, Bd. V.
19. Einhardi annales. — MGH—SS, t. I.
20. Brachmann H. Slawische Stämme am Elbe und Saale. Berlin, 1975.
21. Eichler B. Studien zur Frühgeschichte slawischer Mundarten zwischen Saale und Neisse. — Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, 1965, t. 19.
22. Schlesinger W. Die Verfassung der Sorben. — In: Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder/ Hrsg. H. Ludat. Gießen, 1960 (далее — Siedlung und Verfassung).
23. Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon/ Ed. M. Jedlicki. Poznań, 1953, IV, 45.
24. Horák B., Travníček D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii. — Rozprawy ČSAV, 1956, ročník 66, sešit 2.
25. Bartmuss H. Die Geburt des ersten deutschen Staates. Berlin, 1966.
26. Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах: (Основные проблемы и перспективы). — В кн.: Славянские древности. Киев, 1980.
27. Annales Bertiniani. — In: Ausgewählte Quellen. Berlin, 1963, Bd. VI.
28. Trautmann R. Die slawischen Völker und Sprachen. Leipzig, 1948.
- 28a. Einhardi Vita Karoli. — Ausgewählte Quellen, Bd. V.
29. Bulín H. Německý přínos k dějinám polabských Slovanů. — In: Vznik a počátky Slovanů. Praha, 1958. Díl II.
30. King Alfred Orosius. — MPH, t. 1.
31. Trautmann R. Die slawischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. Berlin, 1950.
32. Fritze W. Probleme der obodritischen Stämme und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zur Herrschaft. — In: Siedlung und Verfassung.
33. Schuldt E. Die Ausgrabungen im Gebiet der «2 Alten Burg» vom Sukow, Kreis Teterow. — In: Bodendenkmalpflege in Mecklenburg: Jahrbuch 1963/ Hrsg. von E. Schuldt. Mecklenburg, 1963.
- 34—35. Annales Quaedlinburgenses. — MGH—SS. T. III.
36. Lowmiański H. Religia Słowian i jej upadek. Warszawa, 1979.
37. Widajewicz J. Studia nad relacją o Słowianach Ibrahima ibn Jakuba. Kraków, 1946.
38. Šafařík P. J. Slovanske starožitnosti. Praha, 1937. Díl. II.

39. *Widajewicz J. Weleci*. Katowice, 1946, s. 12; *Witkowsky T. Die Namen der Redarier*. Berlin, 1968.
40. *Bruske W. Untersuchungen zur Geschichte des Lutizenbundes*. Münster; Köln, 1955.
41. *Passio s. Adalberti*. — МРН. Т. I.
42. *Wigger F. Mecklenburgische Annalen bis zum Jahr 1066*. Schwerin, 1860.
43. *Bulin H. Počatky statu obodrického*. — *Pravněhistorické studie*, 1958, t. VII.
44. *Kowalski T. Relacja Jbrahima ibn Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al Bekriego*. — МРН. Т. 1.
45. *Annales sancti Amandi*. — МGH—SS. Т. I.
46. *Brückner A. Słowianie a niemcy*. Warszawa, 1900, t. I, s. 207; *Lehr-Spławiński T. Obodriti — Obodryce*. — *Slavia Occidentalis*, 1947, t. 18.
47. *Саливон А. Н. Самосознание ободритов (к вопросу образования раннефеодальной народности)*. — *Сов. славяноведение*, 1979, № 5.
48. *Labuda G. Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej*. Poznań, 1960. Т. I.
49. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, 2-е изд., т. 21.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЛЕНЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ И ЕДИНСТВО

ДРЕВНЕГО СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО МИРА (в связи с проблемой этнического самосознания)

Временные границы и древнейшие диалекты праславянского.

Предмет настоящего раздела составляют те первоначальные языковые соотношения, которые складывались между разными частями славян к тому времени, когда из диалектов единого праславянского (или общеславянского) языка начали выделяться разные группы, позднее развившиеся в отдельные славянские языки. Период обособления таких относительно поздних диалектов был длительным — примерно с V в. н. э. до X—XI вв. н. э. К этому периоду относится и формирование представления об отдельности или (хотя бы частичной) обособленности некоторых этнических образований, в пределах которых использовался тот или иной диалект (позднее — язык). На фоне подобной обособленности тем отчетливее становилась значимость славянского единства, поддерживаемого наличием единого литературного и церковного языка (в различных его изводах).

Указанному периоду предшествовало значительно более долгое время (приблизительно до V в. н. э.), когда могли зародиться основные черты гораздо более ранних (исконных) диалектов пра-

славянского языка, соответствовавших древнейшим племенным различиям. Так, безусловно к более раннему времени можно отнести формирование тех общих языковых явлений (изоглосс в терминах лингвистической географии), которые объединяют западно-южнославянскую группу диалектов и праюжно-западнославянскую группу. Как полагал еще А. М. Селищев, а в последнее время и многие другие слависты, следы давних диалектных связей между этими группами могли сказаться в фонетических явлениях¹. Наиболее ранние диалектные взаимоотношения (в частности, объединяющие северо-западную часть восточнославянской области с западной южнославянской), очевидно, отражают группировку диалектов, предшествовавшую историческому разделению групп славянского населения (после начала заселения Балкан).

В результате предпринятого в последнее время пересмотра взглядов на фонетические изоглоссы, которые, по мнению многих представителей предшествующего этапа в истории славистики (в особенности Т. Лер-Сплавиньского [1, с. 27; 2, с. 141—148, 159—167, 207—214, 219—230]), определяли наиболее раннее членение славянской языковой общности на две древние группы (западную и восточную), соотносимые с двумя племенными членениями, удалось выяснить, что большинство этих изоглосс не являются вовсе столь древними: их можно отнести ко времени после V в. н. э. и примерно до XII—XIII вв.² (т. е. к эпохе формирования позднейших диалектных членений в отличие от более ранней эпохи). Бесспорно, более ранним остается только изменение неначальных групп **tl*, **dl*, которое охватывает целиком восточнославянскую область (хотя и дает в ее северо-западной части не упрощение в **l*, как в других частях, а отражение **kl*, **gl*, сходное с рефлексами в кашубском и севернопольских диалектах³, весьма важное ввиду других следов западно-восточных изоглосс в северном ареале славянской области; очень вероятно генетическое сходство с **kl* **gl* < **tl*, **dl* в балтийском). Архаизм, наблюдаемый в тех словенских говорах, которые сохранили *tl*, *dl*, как западнославянские языки, ограничен либо позицией на границе морф (разных морфологических частей слова): *pad-la*, ср. рус. *па-ла* : *пад-ать*, либо (на крайнем северо-западе) позицией в середине слова: сев.-зап. — словен. *modliti* (во Фрейзингских отрывках наряду с формой *scilatsem* в которой произошло упрощение), ср. чеш. *modliti*, польск. *modlić* при др.-рус. *молити*, сербо-хорв. *мòлити* с типичным «восточным» развитием **dl* > *l*; исходная форма реконструируется как праслав. **modliti* < **mold-i-ti*, ср. лит. *maldyti*, латыш. (sa)maldīt [3, с. 171]. Таким образом, и по этому показательному признаку удастся обнаружить след более ранних архаизмов, объединявших южно-западнославянский диалектный ареал с (северо-)западно-южнославянским; однако более важны отмеченные выше общие инновации этих диалектов. Относительную хронологию изменения **tl*, **dl* в основной части восточного ареала можно установить благодаря таким древнейшим германским заимствованиям, как *gutleib* > др.-рус. *Гълѣбъ* (от-

куда позднейшее *Глеб*). По своему типу эти заимствования близки к тем самым ранним заимствованиям, которые проникают в праславянский язык благодаря контактам славян («венетов»?) с остготами в причерноморских степях или к северу от них в IV в. н. э.⁴ Поэтому нельзя исключить и того, что заимствования типа *Гълѣбъ* датируются примерно тем временем⁵. Это представляет значительный интерес для выяснения древности изоглоссы $*t\bar{l} > k\bar{l}$, $*d\bar{l} > g\bar{l}$, объединяющей северные восточнославянские диалекты с северно-западнославянскими и противопоставляющей их более южным (ср. сев.-вел.-рус. *Жерегло* как топоним — название пролива, соединяющего Псковское озеро с Чудским, при др.-рус. *жерело* 'устье': «Днепръ втече^т в Понтеское море тремя жералы; Волга вътече^т семьюдесять жерель в море Хваліиское». ПВЛ по Ипатьевскому списку).

Два кратко обрисованных выше примера ранних диалектных членений, которые следует отнести к праславянской эпохе, можно рассматривать как показательные для древней эпохи, когда близкие друг к другу диалекты единого (еще не распавшегося на отдельные языки) праславянского языка могли контактировать друг с другом. Подобные контакты близко родственных диалектов могли иметь место и позднее, но в двух приведенных случаях приходится отнести их ко времени собственно праславянского. Эти контакты были вероятны именно на фоне общего единства языка, осознававшегося его носителями. Для рассматриваемого периода указанные диалектные различия не могли еще препятствовать взаимопониманию.

Наиболее ранние лексические и грамматические изоглоссы внутри праславянского и степень его единства. Более внимательное изучение различий в словаре отдельных славянских диалектных общностей, намеченное нашими лингвистами более 20 лет назад⁶ и детально проведенное за истекшее время, привело к несколько неожиданным результатам, которые по существу многое могут изменить в представлениях о наиболее древних изоглоссах (в частности, лексических), определяющих деление общеславянской области до V в. н. э., а следовательно, и в исторических выводах, из них вытекающих. Древность этих лексических изоглосс удостоверяется в значительной степени тем, что они находят подкрепление в лексических соотношениях между отдельными индоевропейскими диалектами (напоминаем, что именно словарные соотношения остаются до сих пор наиболее разработанной стороной индоевропейской лингвистической географии). В качестве наиболее показательного примера можно привести выводы исследований последнего времени, которые позволили установить наличие многочисленных лексических совпадений южнославянских диалектов (и, в частности, их восточной группы, в том числе праболгарской) с балтийскими, что требует нового исторического подхода ко всей проблеме членения балто-славянской диалектной общности, начиная с индоевропейской эпохи (т. е. с того времени, когда балтийские языки и славянские существуют на одной территории

в качестве диалектов одного языка — позднеиндоевропейского или, точнее, позднеревневропейского или позднезападноевропейского, что может быть на основании сопоставления лингвистических и археологических данных отнесено к концу III—II тыс. до н. э. [4; 5, с. 36]). Следовательно, между сосуществованием прабалтийского и праславянского диалектов (в то время друг от друга еще крайне мало отличавшихся) в Северном Причерноморье и сопредельных с ним областях Восточной (и Юго-Восточной) Европы в III—II тыс. до н. э. и началом распада общеславянского языкового единства в V—VI вв. н. э. проходит около двух с половиной (или даже трех) тысяч лет. За это время прабалтийские и праславянский диалекты, начинавшие уже расходиться между собой, находились в контакте друг с другом и с другими индоевропейскими диалектами — как позднезападноиндоевропейскими (прежде всего германскими, о чем свидетельствует большая группа балто-славяно-германских изоглосс, особенно лексических, относящихся ко времени до изменения балтийских и славянских палатальных по типу языков *satəm*⁷), так и иранскими (что может объясняться «скифо-европейскими» [6] контактами эпохи существования языкового союза диалектов тех западноиндоевропейских и восточноиранских — в широком смысле слова «скифских» — племен, которые были объединены тесными связями еще со времени их совместных переселений из Центральной Азии). Новейшие исследования в области славянской географии слов с убедительностью свидетельствуют о том, что при подобных контактах между древними индоевропейскими диалектами, образывавшими (после значительно более раннего отделения от них целого ряда других диалектов — анатолийских, тохарских, греческо-армянского и др.) вторичный языковой союз («аллогенетическое родство» по акад. Г. В. Церетели), уже складывались диалектные различия внутри праславянского.

В качестве простого примера можно указать на весьма показательное лексическое противопоставление в обозначении попарно соотнесенных терминов со значениями 'правый — левый', игравшими очень важную роль в древнеславянской системе мифологических и обрядовых представлений⁸. Эта функционально значимая пара противопоставленных друг другу слов-антонимов в славянском обозначалась несколькими способами, из которых сопоставимый с балтийскими названиями (типа лит. *dešinỹs-is* 'правый'), имеющими индоиранские и древнеевропейские соответствия, древнеиндоевропейский термин для обозначения 'правого' сохранился только в южнославянском, ср. стилистически обыгранное сопоставление церковнославянского (генетически восточно-южнославянского) и древнерусского (древневосточнославянского) способов обозначения этих понятий в списке древнерусского перевода «Книги Бытия» (XIII, 9) времени интенсивного литературного двуязычия у восточных славян: «Любо ты на лѣво, а азъ на право, любо ты на десно, а азъ на шюе»⁹. Принятый в северной (но не в южной) группе славянских диалектов (и восточных и западных)

способ обозначения понятия 'правый' посредством слова, имеющего прежде всего юридические ассоциации, представляет особый интерес, во-первых, ввиду особой весомости для древних славян всего комплекса представлений, связанного с правдой-правом (соответственно кривдой-ложью), которые у северных групп славян наложились и на второй антоним (ср. др.-рус. *кривыи* в значении 'неправый': «не ходаше поутем кривыи^м, но правыи^м» — и в значении пространственном: др.-рус. *Кривыи Бѣлок* и т. п.; ср. этноним *кривичей* и другие, с ним сходные¹⁰, и т. п.); во-вторых, потому, что этот же семантический способ образования понятия 'правый' характерен для древнегерманского, а также латинского и романских языков. В данном случае представляется несомненным, что сохранение индоевропейского архаизма в южнославянском привело к совпадению его с так же архаичным балтийским; общий принцип сохранения архаизмов на периферии ареала при инновации в центре (в данном случае в центре балтийско-славянского диалектного ареала, понимаемого как единое целое) давно уже выявлен лингвистической географией. Но существенно при этом то, что для этого достаточно далекого времени, когда можно говорить о едином балто-славянском диалектном ареале (где диалекты первоначально непрерывно переходят друг в друга, образуя пространственно-временной континуум¹¹), несущественно различие между восточной и западной группами северных диалектов праславянского, которые все вместе семантической инновацией объединяются с прагерманским, противопоставляясь прабалтийскому.

Из других, выявленных нашими лингвистами в последние годы фактов этого же рода, которые могут представить особый интерес для историков, занимающихся проблематикой славянского этногенеза (но пока еще не привлекли их внимания), следует обратить особое внимание на обнаружение целых небольших текстов — и фразеологических сочетаний, и основанных из них сложных слов с достаточно специализированными значениями (в частности, относящимися к социальной сфере)¹². Речь идет о специфических терминологических сочетаниях, которые относятся к языку права, строго кодифицированному и поэтому сохраняющему множество архаизмов. Еще существеннее то, что составные части таких терминов представляют собой типичную социальную лексику западно-индоевропейского диалектного ареала [7, с. 76 и сл. — с библиографией вопроса]. Но каждое такое сочетание в целом, хотя оно и построено из элементов, которые могут быть возведены к празападноиндоевропейскому (или к одному из ранних его диалектных членений, включавших славяно-балто-германский ареал), сохраняется только в южнославянском и балтийском. Можно думать, что, как и специфическое для южнославянского обозначение 'правого' (и 'левого'), также словосочетания все вместе являются архаизмами, а не инновациями. Эти архаизмы дают указание на то, что именно северная диалектная группа характеризовалась инновациями, отделявшими ее как от балтийских

языков, так и от южнославянских. При этом (как и в случае указанной выше архаичной фонетической изоглоссы $tl > kl$) в некоторых из подобных случаев от других восточных диалектов отделяется близкая к балтийским, крайне северная (прасеверно-великорусская) группа. Явным архаизмом, общим у южнославянского (за исключением прасловенского, особенно близкого к пра-чешско-словацкому) не только с балтийским, но и с прасеверно-великорусским, является, например, пра-сев.-вел.-рус. *бубáрка* 'букашка', *бубарица* 'жук'; лит. *baĩbalas*, латыш. *baĩbals* 'жук'; прус. *Vambeln* (топоним XV в. н. э.); архаизм восточно-индоевропейской формы с суффиксом $*-l-$ \sim $*-r-$ удостоверяется греческо-индо-иранскими формами¹³. Судя по наличию подобных соответствий в греческо-арийском, слово может восходить к эпохе сохранения ранних контактов праславянского с иранским. Для более позднего времени можно предполагать наличие центральной северной диалектной зоны, характеризующейся инновациями, не затрагивающей ни праюжнославянского, ни прасеверно-великорусского.

Древние изоглоссы, которые объединяют южнославянские с юго-западной частью восточнославянского ареала, противопоставляя их западнославянским (кроме словацкого) и части восточнославянских диалектов¹⁴, можно предположить при сравнении разных вариантов грамматических окончаний [3, с. 16—17]. При всех (определяемых специфичностью развития конца слова в славянском) трудностях возведения этих форм к соответствующим диалектным индоевропейским вариантам представляется возможным допустить достаточную древность части этих вариантов, сопоставляемых с балтийскими [8, р. 152].

Еще больший интерес представляет то, что и на синтаксическом уровне оказывается возможным проведение различий между южнославянскими (позднее балкано-славянскими) диалектами и северными диалектами, не сохранившими черт, общих с частью балтийских диалектов. При этом с выявленными в недавнее время южнославянскими синтаксическими архаизмами оказываются сопоставимыми архаизмы западнобалтийские, представленные в прусском: прус. *din* 'он' отождествляется со второй частью болг. *еди-кой* 'кто-нибудь', серб.-церк.-слав. *јѣде кѣи*; восстановленное $*(j) e-di \sim *de$ находит подтверждение в авест. *təm dim. . .* *yo* 'того, который что' [9, с. 341—344; 10, с. 48—49]. По способу образования подобных относительных определенных синтаксических конструкций славянские языки удается разделить, как показывает недавнее исследование А. А. Зализняка¹⁵, на несколько диалектных подгрупп. Они различаются по тому, какое относительное местоимение в них используется (ср. др.-рус. *который*, ст.-слав. *кторъ*, *котерьъ* с соответствиями как в балтийском и германском, так и в восточноиндоевропейском при ст.-слав. *И-* в *И-ЖЕ*, имеющем в этой функции соответствия только в балтийском и в восточноиндоевропейской — индо-иранско-греческо-фригийской диалектной группе)¹⁶ и какой следующий за ним эле-

мент (типа частицы) вносит дополнительный синтаксический оттенок определенности (ср. др.-рус. *которыи то*, ср. др.-рус. *то-ть*, др.-новгор. *-ти*, где функция *то* сходна с ролью этимологически соответствующего элемента в ст.-чеш. *tot'*, чешск. *to-té-ž*, *ty-té-ž* и соответствующих ст.-польск. *tocz-toć*¹⁷, польск. *to-ci-ż*, а за пределами славянского ареала — в зап.-герм. *the* [11, с. 117]); др.-в.-нем. *in themo tage, the her her ni wanit, inti in theru zīt, the her ni wei 'in die, qua non sperat, et hora, qua ignorat'*, Татиан, 147, 12; др.-англ. *Unferd malelode. . . , þeæt fōtum sæt frēan Scyndainga*. «Сказал Унфред. . . , который сидел у ног владыки Скильдингов»; в южном ареале ту же роль играют ст.-слав.-ЖЕ и родственные ему частицы, ср. ст.-чеш. *je-ž*, чеш. *jenž*, этимологически связанное с греч. $\delta\epsilon < *g^w e$; ср. также отмеченное еще Н. Н. Дурново отличие форм типа ст.-слав. *ничьже* от др.-рус. *ничьто*. По этой синтаксической изоглоссе, как и по некоторым другим, указанным выше, отдельно выделяется западно-южнославянский, судя уже по древнейшим памятникам, где характерны конструкции типа ст.-словен. *goti, koljihže ne rasem* (во Фрейзингских отрывках) и т. п.

С точки зрения лингвистической географии представляется вероятным, что выделяемые по рассмотренным лексическим и грамматическим критериям центральные зоны инновации, объединяющие обычно западнославянские диалекты (или их восточную часть) с восточнославянскими (без северных) достаточно рано сформировались внутри общеславянской языковой общности. Их новообразования не захватывали южнославянского (позднее ставшего балкано-славянским) языкового ареала, отчасти также и других периферийных ареалов. Это вело к диалектному обособлению названных ареалов, в частности южнославянского, но то, что специфику этого ареала составляли архаизмы (а не инновации), не дает еще возможности говорить об отдельном южнославянском внутри общеславянского¹⁸. Южнославянский как непрерывная область (континуум) диалектов формируется значительно позднее, после переселения носителей этих диалектов на Балканы, но часть изоглосс, его характеризовавших, сложилась как реликтовые (отражающие более ранний этап развития) еще в достаточно ранний период истории праславянского. Если для лингвистической географии более существенны инновации центральной зоны, то при рассмотрении степени единства праславянского одинаково важно наличие диалектных различий как в этой зоне, так и в периферийных областях, где сохранялись архаизмы. В свете изложенного становится ясным, что до сих пор бытующее в литературе представление о высокой степени единства праславянского до его распада¹⁹ является тоже в определенном смысле реликтовым. Наиболее проникательные слависты, как М. Г. Долобко, давно уже выявили, что в основе традиционного подхода к праславянскому (до Мейе, одним из первых применившего к его изучению принципы лингвистической географии) «лежит допущение, что все исторически наиболее древние формы отдельных славянских

языков, в случае возможности предположить их предка в праславянском, должны быть к нему возведены. Такое построение неприемлемо для тех, внимание которых более направлено к отысканию диалектических различий на праславянской почве, нежели к установлению единства праславянского языка (таков, скажем, Мейе)» [12, с. 238]. Исследования географии славянских слов за последние десятилетия полностью подтвердили правоту последней точки зрения. Тем не менее первая парадоксальным образом удерживается в качестве научного архаизма и даже усилилась за счет опровержения древности многих фонетических изоглосс, на которые ранее (например, в упомянутых трудах Лер-Сплавиньского) опиралось допущение о древности разделения славян на восточную и западную группы. Но на смену этому, теперь устаревшему, делению приходит целый ряд неопровержимых древних изоглосс, определявших диалектное структурирование праславянского на всем более чем двухтысячелетнем протяжении от балто-славянского (в указанном смысле) до распада праславянского.

Славянская устно-поэтическая речевая традиция и проблема этнического самосознания. Выяснив вопрос о современном взгляде на степень дробности славянского праязыка до V в. н. э., естественно в рамках настоящего труда задаться вопросом о том, в какой степени дробность (в частности, лексическая и отчасти синтаксическая) диалектов праславянского языка могла препятствовать взаимопониманию и соответственно осознанию самими носителями диалектов себя как частей единого этноса. Несомненно, что диалектная дробность должна была ощущаться. Но тем не менее это могло и не мешать существованию у древних славян осознанного представления о себе как о едином целом. В пользу этого говорят выявленные в последнее время лингвистами и фольклористами данные, свидетельствующие о наличии у славян в древности единой устно-поэтической традиции (термин акад. В. М. Жирмунского, много сделавшего как для обоснования самого этого понятия на широком типологическом материале — от германского эпоса до тюркского, так и для выявления реальности его приложения к славянскому материалу), связанной и с единством всей системы религиозных и мифологических представлений. В настоящее время можно считать установленным, что у славян еще до введения или распространения христианства существовал ранний, дописьменный литературный язык (или «народно-поэтическая речь», в терминах акад. В. М. Жирмунского и его школы), продолжавший традицию так называемой индоевропейской поэтической речи (*indogermanische Dichtersprache*)²⁰. «Литературный» язык, о котором условно можно говорить по отношению к общеиндоевропейскому (около V—IV тыс. до н. э.) и более позднему праславянскому периодам, был устной поэтической речью народной словесности, к которой относились исторические, мифологические и обрядовые фольклорные тексты, хранившиеся в памяти жрецов и сказителей-поэтов (ст.-слав. *вѣтми*, др.-рус. *вѣтмя* 'вития, оратор, краснобай', родственное лат. *uātēs* 'поэт, вдохновенный

песнопевец' ²¹). Эта общеславянская традиция реконструируется на основе преимущественно западно-южнославянской и северновеликорусской, т. е. именно тех, которые особенно архаичны и с точки зрения сохранения в них лексических (и некоторых других языковых) архаизмов (а также сохранения некоторых музыкальных форм со структурой типа 5+3, соответствующей и стихотворному размеру).

В частности, общеславянский эпический восьмисложник реконструируется прежде всего на основании сравнения сербохорватских юнацких песен с северновеликорусскими старинами (былинами) [13, р. 31, 96], такой же восьмисложный стих (с членением на две группы из 5 слогов + 3 слога, разделенные цезурой) характерен и для славянского обрядового фольклора (что находит подтверждение и при соотнесении метрики с мелодикой) [14, с. 147, 163] и может быть возведен к общиндоевропейскому источнику [15, р. 161—187], как и некоторые характерные темы праславянской поэзии, восстанавливаемые на основании надежных языковых соответствий, простирающихся на целые тексты. В частности, тема прославления боевой славы (праслав. *slav- < и.-е. *klōw-) предводителя дружины, реконструируемая в качестве основной для индоевропейского прототипа древнегерманских, древнегреческих и индоиранских устно-поэтических текстов ²², достаточно полно отражена в праславянской ономастике — в собственных именах, представляющих собой трансформацию небольших поэтических текстов; часть таких текстов, имеющих соответствия в основных древних индоевропейских поэтических традициях, засвидетельствована во всех основных группах славянских диалектов (ср. соответствия типа др.-инд. вед. śravaṅ dhā- 'добывать славу', греч. κλέος καταθέσται в именах типа др.-рус. *Сдеславъ*, *Суди-славъ*, польск. *Zdie-sław*, *Sędzi-sław*, чеш. *Sudi-slav*, сербохорв. **Zdzie-slaw* < праслав. *sъ-dě-slavъ < и.-е. *som-dhē-klōvos), часть — только в определенных их группах, как правило, архаических — периферийных: западно-южнославянской и севернолехитской (сербохорв. *Десу-слав*, кашуб. *Dziesi-sław*), древневосточнославянской и севернолехитской (др.-рус. *Расти-славъ*, кашуб. *Raci-sław*). Особый интерес представляет то, что и некоторые диалектно ограниченные имена, которые тем не менее можно возвести к праславянскому, как общее для лехитского (польск. *Czci-sław*, *Cze-sław* < *čъstь-slāvъ [16, s. 216] и пращешского (чеш. *Čti-slaw*) < *съstь-slāvъ), имеют соответствия в восточнославянском эпосе: с устно-поэтическим текстом, восстанавливаемым на основании этого сложного слова, совпадают ключевые слова формулы, относящейся к княжеской дружине в «Слове о полку Игореве»: «Ищучи себѣ чти, а князю славѣ». Дальнейшие наиболее близкие соответствия обнаруживаются в индоиранском: др.-инд. *citti* в значении 'священное действие'; во мн. ч. — 'благоговение' ²³, śravaṅ 'слава'; авест. *čišti*, *srava-*. В тех же двух западнославянских диалектных группах — пращешской (ст.-чеш. *dieti jme* 'установить имя') и лехитской

(польск. *dzieć imię*) — сохраняется общеславянский мифопоэтический фразеологический архаизм **jьmę dĕti*, который необходимо возвести к общеиндоевропейскому благодаря его совпадению с анатолийским и восточноиндоевропейским [17, с. 63; 3, с. 142].

Благодаря применению современных методов восстановления текстов удается выявить на основе некоторых (чаще всего диалектно ограниченных) сложных слов исходные словосочетания, связанные с общеславянскими мифопоэтическими мотивами. Обозначение петуха в украинской загадке именем *Будимір*, праславянская форма которого восстанавливается благодаря сравнению с стар.-сербохорв. *Bùdimîr* (личное имя, известное с XIV в.), ст.-чеш. *Budimír* (личное имя, XIV в.), позволяет восстановить мифопоэтический контекст, проясняемый и отождествлением этого имени с др.-инд. *Buddha Maitreya* ²⁴, которое указывает, что слово, ограниченное архаическим южно-западнославянским-западно-южнославянско-западно-восточнославянским ареалом, должно быть связано не с более поздними славяно-иранскими контактами, а с более древними славяно-арийскими (отразившимися преимущественно в специфической для кочевников евразийских степей лексике коневодства, в частности в праслав. **griva*, др.-инд. *grivā* 'грива на шее коня' ²⁵, рус. *мышинный жеребчик*: др.-инд. *mūṣkaṁ* (о яичках коня, буквально 'две мыши'), в обозначениях мастей коня типа, по-видимому, весьма архаичного **brōpъ*: ст.-чеш. *brōp* 'конь белой масти', др.-рус., рус.-ц.-слав. *броныи* 'о коне — белый': митан. арийск. *barṅṅni-* 'масть коня' при греч. *φάρβυει* 'λαρβύει', др.-в.-нем. *brun* 'коричневый' ²⁶. Сочетание **bratъ-sestra*, отраженное в ст.-слав. *братъсестра*, рус.-ц.-слав. *братъсестра* (в Остромировом евангелии, 228), белор. *брат-сестра* 'Иван-да-Марья' [18, с. 9], бесспорно, относится к представленному в большом числе пространных текстов общеславянскому мифу о кровосмесительном браке брата и сестры, которые в этом мифе превращаются в цветок с двумя цветами (фиолетовым и желтым, как Иван-да-Марья ²⁷). Бессоюзное синтаксическое сочетание, лежащее в основе этих сложных слов, восходит, по-видимому, к нормам архаического общеиндоевропейского синтаксиса.

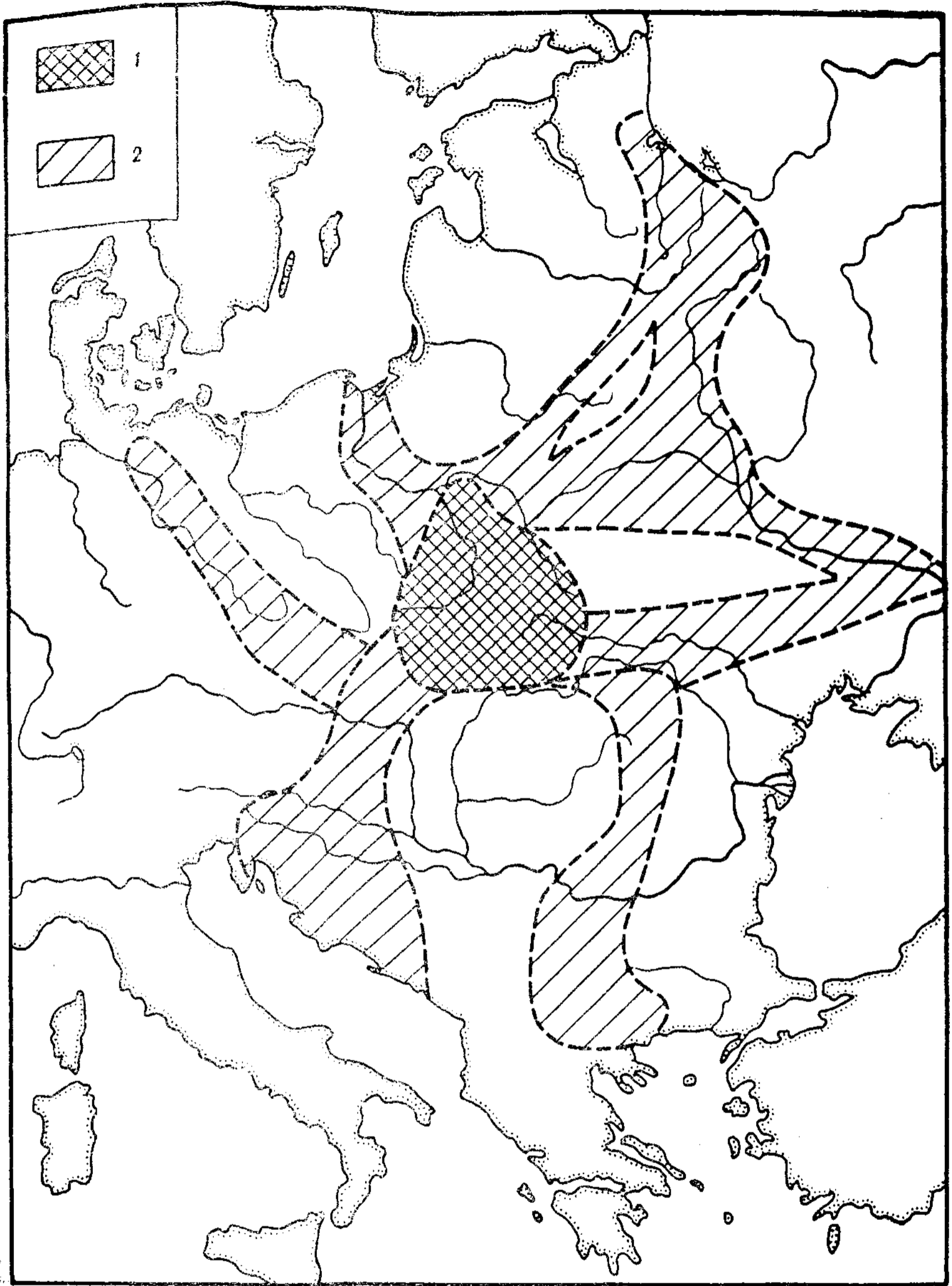
Представляется, что именно развитость народно-поэтической традиции, унаследованной от общеиндоевропейского, позволила Кириллу и Мефодию быстро выработать специфическую лексику, необходимую для славянских переводов христианских священных текстов. Достаточно привести один показательный пример. Ст.-словен. *goti*. . . *rasem* (во Фрейзингских отрывках) свидетельствует об употреблении в архаическом празападно-южнославянском *pasti* в древнем индоевропейском значении ²⁸. Как показывает сравнение *хет.* *šap* (частица с видовым терминальным значением), др.-инд. *вед.* *saṁ* (частица с аналогичным перфективирующим значением), прус. *saṁ-*, лит. *saṁ-*, праслав. **съ-* развилось из приглагольной частицы с видовым значением (сохраняемым до сих пор), ср. выше об этимологии праслав. **съ-dĕ-slavъ*. Поэтому ст.-слав. *съпасти* и его производные по своей семантике непосред-

ственно продолжали общеиндоевропейское синтаксическое сочетание типа *som *rohь- в его мифопоэтическом и обрядовом употреблении. Переосмысление подобных сочетаний в соответствии с христианской традицией требовало лишь известного уточнения их семантики. Но по существу народно-поэтическая речь древних славян уже содержала все необходимые предпосылки для такого переосмысления.

Согласно излагаемой концепции сохранявшаяся благодаря фольклорной преемственности традиция народно-поэтической речи могла способствовать длительному ощущению единства этноса в целом, тем более что одной из тем эпических песен были подвиги боевых дружин и их предводителей. Существование такой традиции и ее несомненный консерватизм способствовали ощущению единства всего этноса в целом (как позднее эту же функцию переняла письменная литература, подвергнув ее переосмыслению).

Пространственно-временное разделение славянского единства и конец праславянского периода. От праязыка к отдельным языкам. Начиная с V—VI вв. н. э. (если не ранее, с IV в., по мнению многих славистов) происходит быстрое расширение славянского языкового ареала, приведшее к разобщению и обособлению диалектов праславянского языка и к его распаду. Следует при этом иметь в виду, что языковые процессы следуют за этносоциальными и культурными с большим запаздыванием. Поэтому лингвистически начало распада датируется границей VI—VII вв.²⁹

Оставаясь в пределах только языковых данных, в настоящее время можно наметить в общих чертах следующую картину расчленения славянского языкового ареала в период начала распада праславянского праязыка³⁰. Относительно замкнутая область (между Закопанье и Буковиной) характеризуется концентрацией архаических гидронимов, образованных только от праславянских названий водных бассейнов или слов с близкой семантикой — названий болота, грязи и т. п. (*bar-, *bolto-, *(j)ezeg-, *glina, *ilь, *kaľь, *mogje, *potokъ, *reka, *voda). Южная граница этой замкнутой территории, на которой представляется оправданным искать локализацию прародины праславян — т. е. области распространения праславянского языка перед началом его распада, — определяется на основании того, что в отмеченных пределах только к северу от Карпат встречаются названия, образованные от bar- и некоторых других слов (см. карту, составленную Й. Удольфом), обнаруживается наибольшая концентрация нескольких специфических производных, в том числе имеющих южнославянские параллели и т. п. Пользуясь тем же критерием единства и специфичности гидронимии, можно наметить следующие ранние ареалы обособления некоторых из отдельных диалектных групп. Имена водных бассейнов восточнославянского типа концентрируются к северу и к югу от припятских болот, по Днепру — от Киева и к северу — до Новгорода. Имена рек свидетельствуют о раннем разделении прачешско-словацкой группы и лехитской (с обособляющейся от нее северо-западной областью).

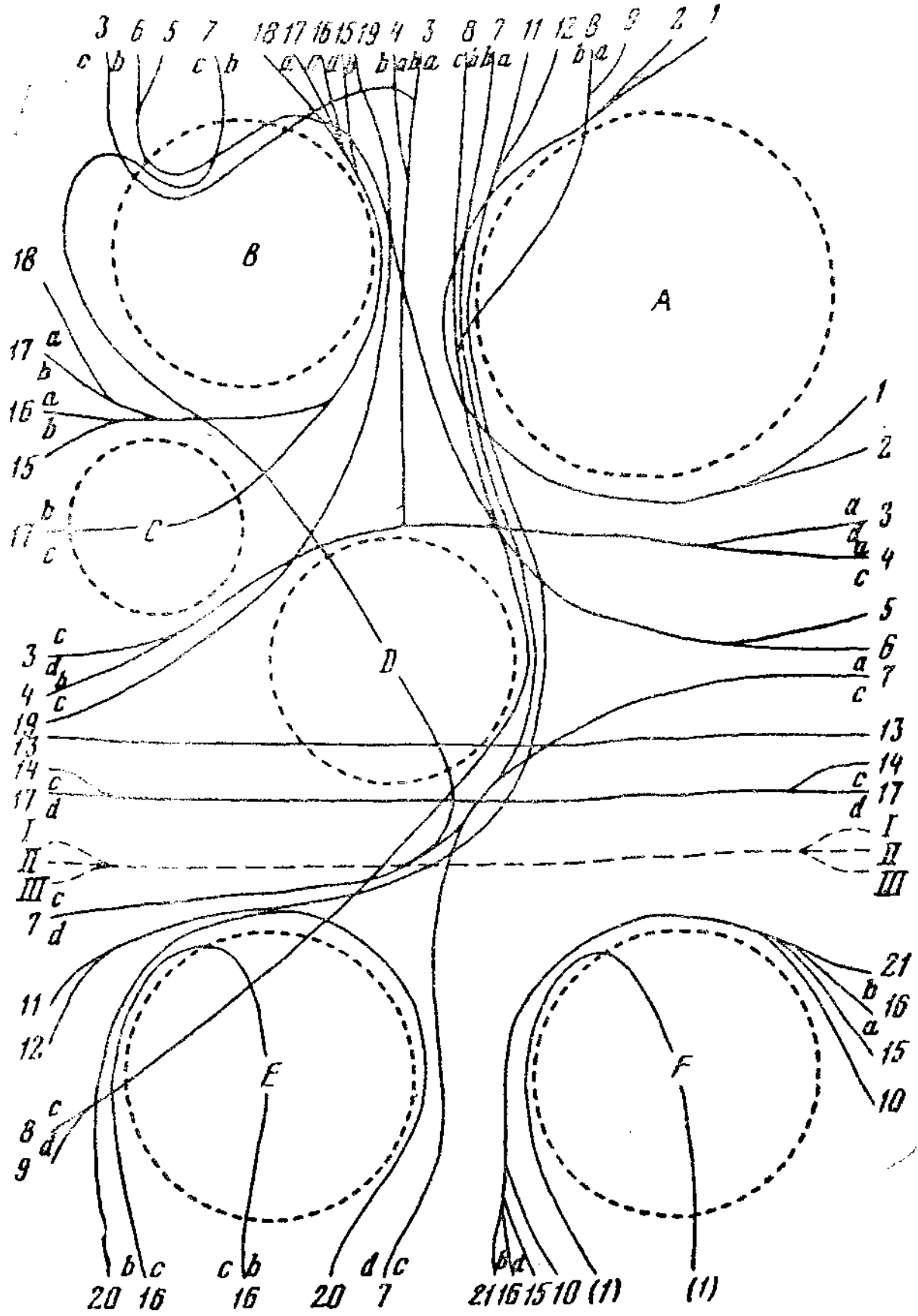
Карта I. Распространение и концентрация гидронимов общеславянского типа:

1 — область наибольшей концентрации; 2 — ареалы позднейшего распространения

Как и собственно языковые данные, гидронимы подтверждают вывод о том, что первоначально заселение Балкан могло осуществляться двумя друг с другом не схожими путями и соответственно различными этническими группами: одна из них двигалась через Моравию, Словакию, Верхние Альпы и Словению (ср. выше о тех изоглоссах, которые относятся к ранним свидетельствам обособления этого ареала), другая — через Западную Украину, Восточную Румынию, Восточную Сербию в центральную часть Балкан. Как гидронимы, так и анализ изоглосс времени распада праславянского языка не позволяют говорить о раннем формировании южнославянского (балкано-славянского) языкового единства (как уже отмечалось, древних южнославянских лексических и синтаксических архаизмов праславянского периода типа *desnъ 'правый' едва ли было достаточно для выделения южнославянского диалекта еще на праславянском уровне; скорее это был архаизирующий праславянский).

Согласно новейшим опытам исследования изоглосс, хорошо коррелирующих с приведенными данными анализа гидронимии, выделяются отдельные правосточпославянская (с исключительно рано обособлявшейся прасеверной подобластью и, возможно, с отдельной западной подобластью), пралехитская (с рано обособляющейся северо-западной подобластью), пралужицкая, прачешско-словацкая, празападно-южнославянская и правосточно-южнославянская диалектные группы (см. карту-схему по Бирбауму [19]). Основными (относительно поздними по сравнению с выше рассмотренными, преимущественно фонетическими) изоглоссами, по которым выделяются эти группы, являются изоглоссы восточнославянских языков периода падения редуцированных (который, согласно Н. С. Трубецкому и его последователям определяется как последний общеславянский и первый диалектный славянский процесс), достигшего наибольшей интенсивности в восточном ареале (в особенности в архаическом северо-западной подобласти), вплоть до XII—XIII вв.³¹ (тогда как в западном ареале она заканчивается к рубежу XI—XII вв.), по этому критерию иногда характеризуется вплоть до столь позднего времени как «распадающийся поздний общеславянский»³².

Однако это утверждение нуждается в целом ряде оговорок. Если говорить об изоглоссах, охватывающих древневосточнославянские диалекты, то они составляют пучок, противопоставляющий их еще до указанного времени другим диалектам, на которые распался праславянский. В частности, часть восточнославянских диалектов характеризуется изменением /ъ/ > о (в сильной позиции), что фонологически можно связать с изменением е > о³³, а также полногласием — изменением группы типа / *ToгT / (где T — символ шумного смычного, г — символ плавного сонанта) > / TогоT /, / TьгT / > / TьгT / (а также / TиT / > / TулT /, / TелT / > / TолT / и развитием / *tj /, / *dj / > / ѣ /, / ж / (в древненовгородском эти группы отражались иначе: шк', жг'). По характеру второй части группы / ToгT / и по акцентуа-

Карта II. Карта-схема по Бирнбауму:

А — восточнославянская диалектная область; В — лехитская диалектная область; С — лужицкая диалектная область; D — чешско-словацкая диалектная область; E — западно-южнославянская (словено-сербо-хорватская) диалектная область; F — восточно-южнославянская диалектная область; 1 — лабиализация $|\text{ѣ}| > |\text{o}|$; 2 — $|\text{(j)e-}|, |\text{j}u-| > |\text{o-}|, |\text{u-}|$; 3 — $|\text{To}r\Gamma| > \text{a) } |\text{To}ro\Gamma|, \text{b) } |\text{Ta}r\Gamma| \vee |\text{Tro}\Gamma|, \text{c) } |\text{Tro}\Gamma|, \text{d) } |\text{Tra}\Gamma|$; 4 — $\text{T}\Gamma\text{T} > \text{a) } |\text{T}\text{ѣ}r\Gamma| > |\text{To}r\Gamma| \vee |\text{To}ro\Gamma|, \text{b) } |\text{Ta}r\Gamma|, \text{c) } \text{T}\Gamma\text{T}$; 5 — $|\text{T}\text{ѣ}t| > |\text{T}t|, |\text{T}\text{ѣ}t| > |\text{To}t| > |\text{To}lo\Gamma|$; 6 — $|\text{T}e\Gamma| > |\text{To}\Gamma| > |\text{To}lo\Gamma|, |\text{T}'e\Gamma| > |\text{T}'o\Gamma| > |\text{T}'e\Gamma|$; 7 = $|\text{tj}|, |\text{kt}'|, |\text{d}| > \text{a) } |\text{č}|, |\text{ž}|, \text{b) } |\text{c}|, |\text{ž}|, \text{c) } |\text{c}|, |\text{z}|, \text{d) } |\text{č}|, |\text{ž}|, \text{e) } |\text{št}|, |\text{žd}|, \text{f) } |\text{sk}'|, |\text{zg}'| (|\text{st}'|, |\text{zd}'|)$; 8 — $|\text{tl}|, |\text{dl}| > \text{a) } |\text{l}|, \text{b) } |\text{kl}|, |\text{gl}|, \text{c) } |\text{tl}|, |\text{dl}|$; 9 — $|\text{sk}\text{š}| > |\text{šč}| > |\text{št}| \sim |\text{sc}| > |\text{st}|$; 10 — $|\text{pj}| > |\text{p}'| > |\text{p}'| \sim |\text{p}'|$; 11 — $|\text{kv}\text{š}| > |\text{cv}| \sim |\text{kv}|$; 12 — $|\text{x}\text{š}| > |\text{s}'| \sim |\text{š}|$; 13 — $|\text{ört}| > |\text{ro}\Gamma| \sim |\text{ra}\Gamma|$; 14 — $|\text{TE}| > |\text{T'E}| \sim |\text{TE}|$; 15 — $|\text{č}| > |\text{ä}| > |\text{pa}| \sim |\text{č}| > |\text{je}|, |\text{ä}| > |\text{l}|$; 16 — $|\text{q}| = |\text{oN}|$; 17 — $|\text{q}| = |\text{eN}|, \text{a) } |\text{q}| > |\text{ä}| > |\text{q}|, \text{b) } |\text{č}|, \text{c) } |\text{ä}| > |\text{pa}|, \text{d) } |\text{e}|$; 18 — $|\text{čT}|, |\text{qT}| \sim |\text{äT}| > |\text{aT}|, |\text{qT}|, |\text{äT}|$; 19 — $|\text{r}'| > |\text{r}\Gamma| > |\text{Ar}\Gamma|$; 20 — $|\text{b}| : |\text{ѣ}|$; 21 — $|\text{tj}|, |\text{kt}'| : |\text{stj}|, |\text{skj}|, |\text{skj}|$; I — $|\text{*jěns}| > |\text{-ě}| \sim |\text{-e}|$; II — $|\text{*on(t)s}| > |\text{-a}| \sim |\text{-y}|$; III — $|\text{ъмь}| : |\text{-омь}|$

ции юго-западные говоры отличаются от других восточнославянских. Часто высказываемое положение о раннем единстве восточнославянской области нуждается в специальных оговорках. Во-первых, следует отметить наличие некоторых особых изоглосс, выделяющих западные диалекты, где осуществлялось изменение групп ь/ъj (> i/u) и особого рода компенсаторное удлинение гласных (ведшее к особому рода вторичным «диффузным» гласным верхнего подъема); эти изменения не касались периферийных восточных диалектов, для которых иногда соответственно предполагается состояние, отличное от западного и южного [20, р. 14]. Более конкретную локализацию еще более ранних (преимущественно словарных) отличий могут помочь дать такие архаические украинские слова (см. выше о *Будимир*), которые как древние архаизмы сопоставимы с прачешско-словацкими, а в других случаях — с южнославянскими архаизмами, ср. укр. *брич* 'бритва' < *brǫǫ (сербохорв. *брич*), понимаемое как карпатская изоглосса (ср. [18, с. 25]).

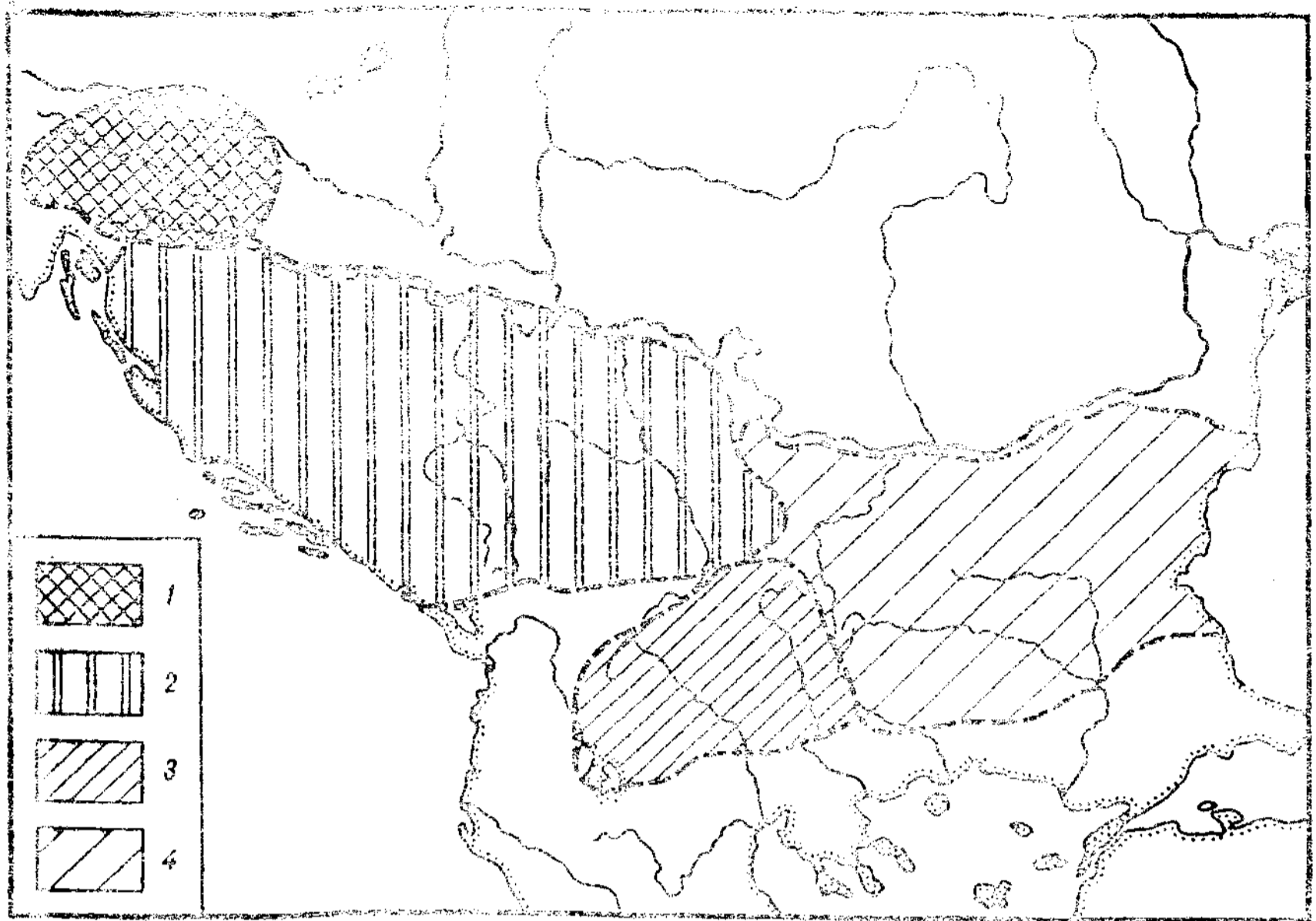
При несомненности подобных «карпатских» изоглосс, восходящих к ранним этапам расселения одной из частей позднейшего восточнославянского населения, степень обособленности этой части (и ее соотношения с конкретными племенами и их названиями) еще надлежит выяснить, изучая диалектные черты древнерусских и староукраинских памятников (новейшие исследования указывают на наличие целого ряда важных с этой точки зрения изоглосс, в частности акцентологических).

Признавая (при известной обособленности диалектов с «пра-рутенскими» и «пракарпатскими» чертами) возможность единства древневосточнославянского праязыка (архаического общеславянского по Трубецкому), следует вместе с тем отметить и наличие очень рано обособившейся северной области, которая, помимо некоторых лексических архаизмов, характеризовавших ее еще в раннепраславянский период (см. выше), имеет ряд (преимущественно также архаичных) характерных фонетических черт. Кроме рассмотренной в начале раздела изоглоссы *tl > *kl, северновосточнославянская область характеризуется специфическим (имеющим аналог в западно-южнославянской области) изменением групп sk, zg перед гласными переднего ряда, возникшими благодаря дифтонгизации³⁴; северо-западная область — отсутствием второй палатализации и особым отражением *tj, *dj, особой морфологией имени (формы на -e. < и.-e. *-e в casus indefinitus) и акцентуацией (по двум последним признакам выявляется особая близость ее к праславянскому). Различия между северно-(западно)-великорусским ареалом, особенно близким к прасеверно-лехитскому (в том числе и в акцентологическом отношении) и прасловенскому, и всей остальной частью восточнославянской языковой области не только в языковом, но и в этнографическом (и фольклорном, ср. выше) отношении были еще недавно настолько значительны, что в начале второй четверти XX в. такой выдающийся лингвист и этнограф, как чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленин,

внутри этой области выделял четыре основных ареала: украинский, белорусский, северновеликорусский и южновеликорусский (21). Предпоследний в особенности характеризуется как периферийный, сохраняющий многие пережиточные явления (в том числе и праславянской эпохи, начиная с достаточно ранней поры).

Лехитская группа характеризуется изменением группы / *ToŕT / > / TroT /, но именно по этому показательному признаку выделяется ее архаическая северо-западная группа, сохраняющая рефлекс праславянского состояния / TarT / (наряду с последующими вторичными новообразованиями общелехитского характера). Эта же группа обнаруживает специфическое отражение / Tɫ'ŕT / > / ToɫT / (как в восточнославянском) в отличие от лехитско-лужицкого / TarT /. Северо-западная группа внутри лехитского ареала характеризуется весьма показательным архаизмом и по изоглоссе изменения сочетаний с носовой фонемой (*eN, *oN), которые в этой группе частично сохраняются (а в остальном лехитском ареале представлены назализованными гласными ɛ̃, õ), как они сохраняются и в части южнославянских говоров³⁵. Северо-западнолехитская подгруппа, как и близкие к ней по этой изоглоссе периферийные южнославянские диалекты, показывает, что тенденция к образованию языка с открытыми слогами была последним инновационным общеславянским процессом, осуществлявшимся (как и падение редуцированных, хотя и раньше него) уже в период разделения диалектов праславянского и не охватившим полностью некоторых его диалектов. Некоторые из изоглосс, характеризующих пралехитский, являются у него общими с пралужицкими и прачешско-словацким, но тем не менее каждый из этих диалектов предстает после распада праславянского в качестве самостоятельного единства. Отличительной особенностью лехитского, отличающей его от других западнославянских, является особый фонетический характер открытого / ä / < * / ě / (< *e₁x*e₂) [22]. Часть лехитского характеризуется умлаутом (przegłos) / eT / > / oT /.

Лехитский и лужицкий вместе характеризуются (в отличие от прачешско-словацкого) изменением / r'ŕT /, теряющим палатализацию (ст.-польск. śmigré > śmierć). Оба эти диалекта объединяются также процессами / TrŕT / > / TArT /, / TrŕT / и / TorT / > / TroT /. Пралужицкий резко выделяется своими лексическими особенностями, рано обуславливающими вторичное его сближение с германским и другими западноиндоевропейскими диалектами³⁶. Прачешско-словацкий отделяется от других диалектов, в частности, благодаря наличию целого ряда (отчасти уже приведенных выше) черт, объединяющих его с северо-западно-южнославянским (праславянским); иногда в этих изоглоссах участвуют и южнолехитские говоры (как в стяжениях типа stati < stojati, bati se < bojati se). Представляется, что в IX—X вв. все эти диалекты могли представлять единое целое, позднее разобщенное, в частности, благодаря венгерскому вторжению и другим внешним факторам. Наиболее ранние из дошедших до нас

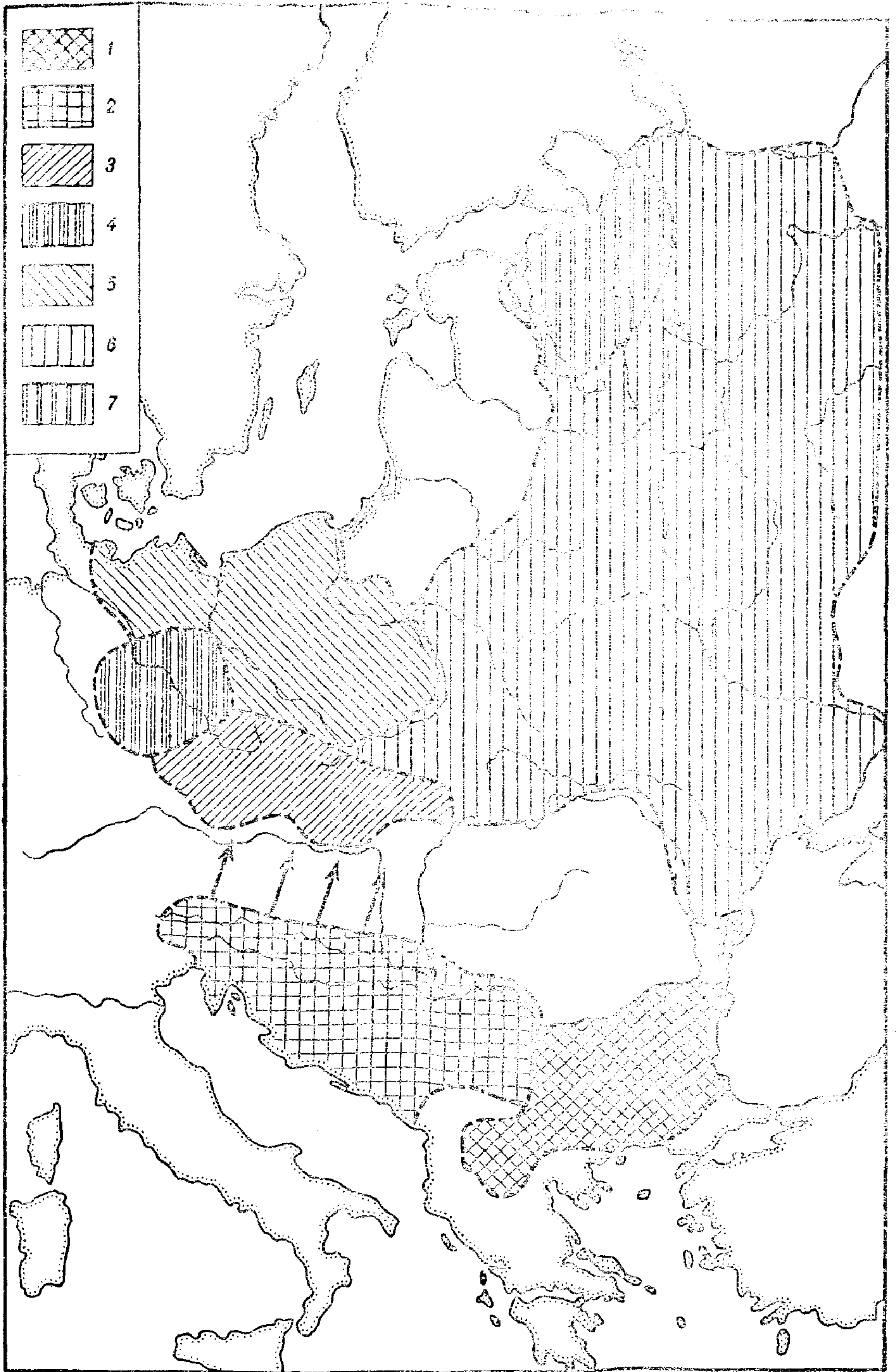

Карта III. Центральные и периферийные группы балкано-славянских диалектов:

1 — прасловенская (северо-западно-южнославянская периферийная) диалектная группа; 2 — западно-южнославянская центральная диалектная группа; 3 — восточно-южнославянская центральная группа; 4 — восточно-южнославянская периферийная группа

славянских литературных текстов, относящихся ко второй половине X в., позволяют дать абсолютную датировку наличия диалектных черт чешско-моравского типа (в «Киевских листках») и прапаннонского прасловацко-словенского типа (в уже неоднократно упоминавшихся Фрейзингских отрывках)³⁷.

Основной и наиболее важный вывод современной славянской лингвистической географии применительно к южнославянским диалектам состоит в том, что (в той мере, в какой речь не идет о рассмотренных выше праславянских диалектных чертах, объединяющих южнославянский ареал с балтийским) южнославянское диалектное единство складывалось уже на Балканах в качестве языкового союза близкородственных говоров, часть из которых имела законно общие черты (в частности, так можно объяснять некоторые сербохорватско-болгарские акцентологические параллели). Но значительное число изоглосс разделяет западно-южнославянскую группу (характеризующуюся, в частности, развитием $*zg'$, $*zd' > \dot{z}$, z' , $\dot{z}j$; $*dj > j$, ср. различие по этой же изоглоссе в восточнославянской области; различием $*sk$, $*stj$ и $\dot{s}+t$, наличием $\dot{z}e > re$ в формах наст. вр. от $mo\dot{c}i$; сохранением количественных противопоставлений гласных, совпадением \dot{z} и \dot{z} , различием $*lj$ и sk' , st' , отсутствием открытого $*\dot{e}$) и восточно-

Карта IV. Славянские языки после распада праславянского на диалекты (X—XII вв.):

1 — восточно-южнославянский; 2 — западно-южнославянский; 3 — чешско-словацкий; 4 — лужицкий; 5 — лехитский; 6 — восточнославянский; 7 — северо-западный восточнославянский

южнославянскую группу, в которой отсутствуют как все перечисленные фонетические черты, так и некоторые морфологические архаизмы западно-южнославянского (формы дв. ч.; наличие древнего склонения, отсутствие постпозитивного артикля)³⁸, см. карты П. Ивича. Эти бесспорные открытия южнославянской диалектологии (как и приведенные данные гидронимии) показывают, что заселение славянами Балкан происходило по двум разным путям, которые соответствуют двум различным диалектным группам, также достаточно дробным (в частности, по характеру отражения групп *tj, *dj), что отражено и в ранних старославянских текстах, фиксирующих соответствующие диалектные различия³⁹.

Выявление перечисленных отдельных диалектных групп, характеризовавшихся к IX—X вв. н. э. большим своеобразием, представляет значительный интерес для выяснения языковых аспектов проблемы национального самосознания. При этом совпадение этнонимов на периферии (например, словинцев, которые говорят на северо-западнолехитском, словен и новгородских славян) оказывается возможным в ряде случаев сопоставить с отмеченными выше реальными изоглоссами, отражающими древние диалектные общности (в том числе периферийных областей).

Наметившиеся к IX—X вв. диалектные группировки в известной мере подготавливали этническое и культурное обособление соответствующих групп населения. Не каждый диалект позднее развивается в отдельный язык, что зависело от конкретных социально-исторических условий. Но каждое из ранних славянских государств имело один или несколько отличных друг от друга диалектов — языковую основу самостоятельного этнического самосознания. При этом нужно подчеркнуть, что существование таких отмеченных выше диалектных различий, как обособленных прасевернолехитского (в том числе поморско-полабских), пралехитского (в частности, прапольского), прасеверно-западно-великорусского, праюжно-восточнославянского, прачешского, прасловацко-словенского (лишь позднее разделившегося), празападно-южнославянского и правосточно-южнославянского (с дальнейшими диалектными членениями) диалектов для дальнейшего развития более существенно, чем зависевшие от более или менее случайных внешних факторов даты первой письменной фиксации соответствующих (архаичных в наиболее ранних текстах) глосс или памятников — полабских, древнепольских, новгородских (и позднее псковских), северо-западновеликорусских (где берестяные грамоты создают уникальную возможность изучения древненовгородского, уже к XI в. сильно отличающегося от других диалектов, реконструируемых по данным лингвистической географии), других древнерусских (с ранними диалектными различиями), древнечешских, древнесловенских («древнепаннонских», ср. выше о Фрейзингских отрывках), старосербохорватских, старославянских (с отражением в них диалектных черт). Лишь при формировании отдельных литературных языков (таких, как старославянский и позднейшие

церковнославянские разных изводов) и письменных языков широкого общения (каким из всех перечисленных был только северно-западновеликорусский новгородский, самостоятельное развитие которого рано обрывается) факт появления многочисленных текстов на данном языке становится значимым и для этнического сознания. Не всякий отдельно обособившийся и даже фиксированный в письменности диалект (как прасловенский) обязательно был соотнесен с этнической группой, ощущавшей себя как отдельная. Запаздывание некоторых основных процессов, приводивших к окончательной дифференциации праславянской языковой области, способствовало длительному сохранению осознаваемого единства всех славян. Поэтому и существование отдельных диалектов, иногда весьма существенно отличавшихся от других (как в случае древненовгородского), не всегда препятствовало осознанию более общего государственного и этнического единства, в пределах которого функционировал этот диалект. За исключением центральнобалканского (восточно-южнославянского) языкового ареала, где создавалось значительное число старославянских текстов, язык которых первоначально был относительно близок к разговорным диалектам, и северно-восточнославянской (в частности, древненовгородской) области, письменность которой точно фиксировала реальные диалекты XI—XII вв., на всей остальной славянской территории в X—XII вв. создавались тексты разных ранних изводов старославянского языка, относительно близких к тем местным диалектам или языкам, влияние которых все более сказывалось в этих изводах: древнерусском (самостоятельные памятники которого, если не говорить о древненовгородской области, немногочисленны и, за вычетом небольшого числа текстов, преимущественно отражают наддиалектный язык типа княжеского койнэ, отраженного в ряде грамот), древнечешском, моравском и богемском, паннонском, сербском и хорватском. На основании этих ранних текстов и отдельных глосс и записей на таких языках, как древнепольский, можно утверждать, что к концу XII в. языковое единство славянского мира в значительной степени утрачивается, хотя идея единого славянского языка еще долгое время сохраняется. Короткое или во всяком случае не очень продолжительное существование отдельных государственных образований не приводит сразу к образованию единого языка. Унаследованные диалектные различия еще долгое время сохраняются. Дробность реальных разговорных диалектов, однако, на значительной части территории (кроме западных областей, с XI в. все более отделяющихся от восточных по культурно-историческим и религиозным причинам) компенсировалась возрастающей ролью единого церковного языка, который при всех различиях его изводов рассматривался как единый и общий для всех славян.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941, с. 21—22. Ср. также ниже о чертах, объединяющих именно эти диалектные группы.
- ² Литературу об этом см.: *Birnbaum H. Common Slavic: Progress and problems in its reconstruction. Ann Arbor, 1975, p. 8—9* (там же библиография вопроса); *Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров). — В кн.: Псковские говоры. Псков, 1968, т. II, с. 20—43; Зализняк А. А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта. — В кн.: Балто-славянские исследования, 1981. М., 1982.*
- ³ *Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка М., 1915, № 181, 501; Trubetzkoy N. Die Behandlung der Lautverbindungen tl, dl in den slavischen Sprachen. — Zeitschrift für slawische Philologie, 1925, Bd. 2, S. 177—221; Rudnicki M. Grupy tl, dl w językach słowiańskich. — Prace filologiczne, 1927, 12; Tesnière L. Les diphones tl, dl en slave. — Revue des études slaves, 1933, vol. 13, p. 51—100. Ср.: Селищев А. М. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. — Slavia, 1928, VII, 1; Аक्सентьева А. Г. Палатальная корреляция и мена tl, dl > kl, gl в славянских языках. — В кн.: Проблемы исторического языкознания. М., 1976, вып. 1, с. 5—18. В этой связи по-новому предстает целый ряд традиционных сопоставлений типа польск. *pytlować* 'просеивать муку': др.-сев. рус. (в свете исследований А. А. Зализняка по древненовгородскому) *пѣкльваница* 'пекарня' (ср. хет. *pittalwan* < *p_ek^w-tl-w-on 'пеклеванный'). Данный факт (как и ряд ему аналогичных, часть которых приведена далее) достаточен для того, чтобы усомниться в правильности предположения, согласно которому все восточнославянские диалекты образуют единство, сопоставимое с единством не других ветвей, а других подгрупп славянских диалектов: *Brozović D. About the characteristics of the dialectal issoglosses in the South—Slavic language territory. — In: Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata / Ed. by H. Birnbaum, L. Ćurovič, G. Jacobsson, N.-Å. Nilsson, A. Sjöberg, D. S. Worth. Lisse 1978 (в дальнейших ссылках Studia linguistica), p. 47.**
- ⁴ *Stender-Petersen A. Slawisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927; Kiparsky V. Die gemeinlawischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934; Жирмунский В. М. Введение в сравнительное изучение германских языков. М.; Л., 1964, с. 87—88 (см. также литературу о венедах-славянах и данные Иордана в главе I настоящей книги).*
- ⁵ Ср. об их древности: *Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 136, § 294.*
- ⁶ Ср., в частности: *Трубачев О. Н. Принципы построения этимологических словарей славянских языков. — ВЯ, 1957, № 5, с. 69—71. См. новую литературу в обзоре: Gutschmidt K. Bemerkungen zu südslawischen-nordslawischen lexikalischen Parallelen. — I: Beiträge zur slawischen Etymologie. — Zeitschrift für Slawistik, 1979, Bd. 24, S. 37—43.*
- ⁷ *Stang Chr. S. Lexikalische Sonderüberstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972; Иванов В. В. Лингвистическая проблематика этногенеза славян в свете отношений славянского к балтийскому и другим индоевропейским языкам. — В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований. М., 1979, с. 28—30. Относительно членения на *centum* и *satem* ср. также: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Ряды «гutturальных» в индоевропейском. Проблема *centum* и *satem*. — ВЯ, 1980, № 4.*
- ⁸ *Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1975; Birnbaum H. Common Slavic. . . (там же библиография); ср. к типологии: Иванов В. В. Из семипотческих комментариев к клинописным хеттским текстам. — In: Philologia Orientalis. Тбилиси, 1976, с. 127—130.*

- ⁹ Возможно, что соположением двух способов передачи одного понятия автор перевода создает церковнославянский аналог приема параллелизма, исключительно важного для стилистики подлинника.
- ¹⁰ См. о фактах балтийских и славянских языков, касающихся этнонимов типа вост.-слав. *кривичи*, южнославянского термина у Константина Багрянородного, *Crivitz* в Мекленбурге и т. п.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян (см. Вопросы этногенеза, с. 127; *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. — Там же, с. 45—46; там же литература).
- ¹¹ Ср.: *Иванов В. В.* Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира». — В кн.: Теоретические основы классификации языков. М., 1980, с. 197.
- ¹² См., например: *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. А—Д. М., 1975, с. 369.
- ¹³ ЭССЯ, вып. 2, с. 230—231. Словарь в целом специально ориентирован на выделение праславянских диалектных черт, и именно в этом отношении вышедшие его выпуски (как и некоторые материалы Общеславянского лингвистического атласа) чрезвычайно важны для рассматриваемой проблемы.
- ¹⁴ См. об этом: *Birnbaum H.* The dialects of Common Slavic. — In: Ancient Indo-European dialects. Berkeley; Los Angeles, 1966; *Shevelev G. Y.* Jesmi 'I am' and some verbal endings in Slavic. — In: Papers on Slavic philology. I. In honor of J. Retroll/Ed. by B. A. Stolz, Ann Arbor, 1977, p. 249—257; *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. III. Paris, 1966, p. 76; *Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich, II, 2. Warszawa, 1973, s. 26.
- ¹⁵ *Зализняк А. А.* Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском. — В кн.: Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить А. А. Зализняка за сообщенные им результаты исследования языка древнерусских памятников, оказавшие существенное воздействие на ряд положений настоящей главы.
- ¹⁶ См.: *Иванов В. В.* Сравнительно-исторический анализ категории определенности—неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики. — В кн.: Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979, с. 37, 53, 62. Указанные там же синтаксические особенности микенского греческого находят разительный аналог в синтаксисе древне Новгородских берестяных грамот.
- ¹⁷ *Zubaty J.* O jistém způsobu užívání zájmen an a on o jeho původě. — In: *Zubaty J.* Studie a články, sv. II. Praha, 1954, s. 88—89; *Иванов В. В.* О следах индоевропейских комплексов энклитик в славянском. — In: *Studia linguistica*, с. 192.
- ¹⁸ Обратная точка зрения, не учитывающая реликтового характера древнеюжнославянских изоглосс, изложена в статье: *Brozović D.* Op. cit.
- ¹⁹ Ср. уже цитировавшийся новейший обзор литературы вопроса: *Birnbaum H.* Common Slavic... (с детальной библиографией).
- ²⁰ См.: *Иванов В. В.* К проблеме следов древнейшего литературного языка у славян. — В кн.: Славянское и балканское языкознание: Славянские литературные языки и письменность. М., 1979, с. 5—25 (там же — литература вопроса).
- ²¹ Там же, с. 10—12; *Топоров В. Н.* Этимологические заметки. — КСИС, 1958, т. 25, с. 86—88. Эта этимология получила в настоящее время широкое признание (ср. работы Поля и других славистов).
- ²² *Smitt R.* Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967. Рассматриваемый характерный мотив общеиндоевропейского и праславянского эпоса можно соотнести с характером социальной жизни и миграций индоевропейцев и славян в пору их раннего расселения.
- ²³ *Sanskrit—Wörterbuch in kürzerer Fassung/Bearbeitet von O. Böhtlingk.*

- St.-Petersburg, 1888, t. 2, S. 228. Представляется, что для разъяснения славянского слова важны именно эти санскритские значения (как и его употребление в качестве имени божества), а не первое словарное значение 'мышление, понимание', обычно цитируемое.
- ²⁴ Отождествление принадлежит В. Н. Топорову: ЭССЯ, вып. 3, с. 76, ср.: там же, с. 109, о сохранении сербохорв. *bdjèti* в современных говорах только в одной загадке.
- ²⁵ Данное специфическое значение недавно лишь выявлено индологами (см.: *O'Flaherty A. Contributions to an equine lexicology with special reference to frogs. — Journal of the American Oriental Society, 1978, vol. 98, N 4, p. 476*) и поэтому (как и значение следующей, приводимой далее санскритской формы *muṣkau*) не использовалось ранее в работах по славянской этимологии.
- ²⁶ Ср.: ЭССЯ, вып. 3, с. 41—42. Предлагаемое нами сближение слова с митан. арийск. *babruppi* представляется существенным для отождествления последнего с греческим словом, которое (как и германская и отчасти славянская параллель, отличающаяся, однако, по вокализму суффикса: *-о-, а не *-и-) делает спорным понимание -ппи как специфически митаннийского (хурритского с аккадизированным -и-) суффикса, вероятное в таких аналогичных (и встречающихся вместе с *babru-ппи*) обозначениях масти коня, как митан. арийск. *pinkara-ппи*; др.-инд. *piṅgala-* 'красноватый' (*Mayrhofer M. Ausgewählte kleine Schriften. Wiesbaden, 1979, S. 32—33, 52—53, 66—67*); праслав. **ръстръ* 'пестрый' (о скоте); праславянское слово формально и по значению является точным аналогом арийского (на что ранее внимания не обращалось). В последнее время обнаружен и ряд других славяно-индоарийских изоглосс.
- ²⁷ См. подробно об этом мифе и многочисленных славянских народно-поэтических текстах, на основании которых он восстанавливается: *Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей, с. 217—243.*
- ²⁸ См. об этом: *Топоров В. Н. Slovenica. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1958, вып. 4, с. 92, 93; Иванов В. В. К этимологии русского пасти. — В кн.: Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского. М., 1961, с. 111—119.*
- ²⁹ См.: *Bidwell E. E. The chronology of certain sound changes in Common Slavic as evidenced by loans from Vulgar Latin. — Word, 1961, vol. 17, p. 105—127; Shevelev G. Y. A prehistory of slavic: The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1965; Stieber Z. Problem najdawniejszych różnic między dialektami słowiańskimi. — In: Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1968, s. 108.*
- ³⁰ См.: *Udolph J. Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slawen. — Beiträge zur Namenforschung, 1979, Bd. 14, Heft I, S. 1—25 (и карты на S. 24, 25).*
- ³¹ Существенные уточнения в хронологию вносят новейшие работы: *Kiparsky V. Über die Betonung der urslav. њ, њ. — Scando-Slavica, 1969, vol. 15, p. 187—192; Marvan J. Some structural aspects of the development of jers. — Scando-Slavica, 1971, vol. 17, p. 249—258; Idem. On the morphological disintegration: Slavic unity. Morphologic development of the contractions. — Slavic World, 1972, p. 312—334; Зализняк А. А. Независимость эволюции редуцированных от ударения в восточнославянском. — В кн.: Структура текста. — 81. М., 1981, с. 28—31. К описанию статистического механизма падения редуцированных ср.: *Abernathy R. Some theories of Slavic linguistic evolution. — In: American contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague; Paris, 1963, p. 7—26; Колесов В. В. Падение редуцированных в статистической интерпретации. — ВЯ, 1964, № 2, с. 30—44; Он же. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в. — ВЯ, 1968, № 4, с. 80—86; Русинов Н. Д. Рефлексы древнейших восточнославянских *търт, тьлт, тьрт, тьлт* в Лаврентьевской летописи (в вероятностно-статистической интерпретации). — В кн.: Проблемы исторического языкознания. Л., 1936, вып. 1, с. 37—54 (особенно с. 53, где отмечено существенное диалектное различие по так называемому «второму полногласию»). Отмеченные еще**

Шахматовым (связывавшим второе полногласие с хронологией падения редуцированных) новгородские формы типа *горнъчарский* в настоящее время подтверждаются формами в поздних берестяных грамотах типа *горончаро*. Не исключено, что дальнейшее исследование этой проблемы может пролить свет и на проблему двойного отражения группы типа балт. *ig, ug* в балтийском и славянском (ср. двойное отражение ступени редукции сочетаний гласного с сонантом в анатолийском; автор признателен А. А. Зализняку и С. А. Старостину за обсуждение проблемы).

- ³² *Birnbaum H.* Common Slavic. . . , p. 256 (там же дальнейшая новая литература вопроса).
- ³³ *Ekholm R.* Der Wechsel (j)e ~ o-im Slawischen. Uppsala; Leipzig, 1925; *Jakobson R.* Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. — In: Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris, 1962, vol. I, p. 44—52.
- ³⁴ *Durnovo N.* Le traitement de SK dans les langues slaves. — *Revue des études slaves*, 1926, vol. 6, p. 216—223; *Герковский Г. И.* Древнерусские написания *жч, жс* и *з* перед передними гласными. — *ВЯ*, 1959, № 4, с. 52—59.
- ³⁵ См.: *Troubetzkoy N.* Les voyelles nasales des langues lékhites. — *Revue des études slaves*, 1925, vol. 5, p. 24—37; *Koschmieder E.* Die Aussprache der Nasalvokale im Altkirchenslavischen. — *Die Welt der Slaven*, 1958, Bd. 3, S. 236—247; *Дурново Н. Н.* Спорные вопросы общеславянской фонетики. 2. Гласные на *en, em* перед носовым в общсл. яз. — *Slavia*, 1928, VI, с. 209—232; *Колесов В. В.* Праславянская фонема /ǫ/ в ранних преобразованиях славянских вокалических систем. — В кн.: Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1975, с. 170—195; *Mareš E.* Diachronische Fonologie des Ur- und Frühslavischen. München, 1969; *Avram A.* L'opposition «implosif» «explosif» ou le problème des voyelles nasales du vieux slave. — In: *Studia linguistica*, p. 21—26 (ср. к проблеме открытых слогов: *Martinet A.* Des jers slaves aux voyelles caduques du japonais. — *Ibid.*, p. 263—266; *Birnbaum H.* The Common Slavic, p. 105, 127—129 (с дальнейшей литературой вопроса)).
- ³⁶ *Трубачев О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. Ср., в частности, лексемы типа **br'ustъвъ* 'икра ноги'. — ЭССЯ, вып. 3, с. 34 и др.
- ³⁷ Ср.: *Freisinger Denkmaler. Brižinski Spomeniki. Monumenta Frisingensia. Literatur—Geschichte—Sprache—Stilart—Texte—Bibliographie/Hrsg. von J. Pogacnik.* (Geschichte, Kultur und Geisteswelt der Slowenen, II). München, 1968.
- ³⁸ См.: *Ivič F.* Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. Bd. I. Allgemeines und die štokavische Dialektgruppe, Wiesbaden, 1958 (см. 5, 31, 32 — карты); *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971.
- ³⁹ См.: *Gavazzi M.* Problem karakteristiknoga razmeštaja nekih etnografskih elemenata na Balkanu. — In: *Comptes rendus du IV-e Congrès de géographes et des ethnographes slaves.* Sofia, 1936, p. 231—236; *Idem.* Zapadno-panonski slavenski pojas u davnini. — *Ethnographia Polska*, 1960, t. III, с. 159—171; *Bratanić B.* Uz problem doselenija Južnih Slavena: Nekoliko etnografskih—leksičkih činjenica. — In: *Zbornik radova Sveučilista u Zagrebu.* Zagreb, 1951, I, с. 221—250; *Толстой Н. И.* Уз проблем словенских лексических изоглоса: Српскохрватска лексика у општесловенском оквиру. — В кн.: Научни састанак слависта в Вукове дане. Београд, 1977, св. 1, с. 113—120.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Лер-Сплавиньский Т.* Польский язык/Пер. И. Х. Дворецкого; Под ред. С. С. Высотского. М., 1954.
2. *Lehr-Splawinski T.* *Studia i szkice wybrane z jezykoznawstwa slowiańskiego.* Warszawa, 1957.

3. *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индо-европейские истоки. М., 1981.
4. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции. — Народы Азии и Африки, 1980, № 1.
5. *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей (в дальнейшем: Язык как источник). — В кн.: Вопросы этногенеза.
6. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
7. *Иванов В. В.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен. — В кн.: Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.
8. *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian grammar: the phonology and morphology of the three catechisms. University Park and London, 1974.
9. *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. А—Д. М., 1975.
10. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд): Проспект/Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1963.
11. *Жирмунский В. М.* Введение в сравнительное изучение германских языков. М.; Л., 1964.
12. *Долобко М. Г.* Изучение явлений общеславянского праязыка в трудах А. А. Шахматова. — Изв. ОРЯС, 1920, т. XXV.
13. *Jakobson R.* Studies in comparative Slavic metres. — In: Jakobson R. Selected writings. IV: Slavic epic studies. The Hague; Paris, 1966.
14. *Земцовский И.* Мелодика календарных песен. М., 1975.
15. *West M. L.* Indo-European metrics. — Glotta, 1973, vol. LI, N 34.
16. *Milewski T.* Indoeuropejskie imiona osobowe. — Polska Akademia Nauk, Prace Komisji językoznawstwa, N 18. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.
17. *Иванов В. В.* Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков. — В кн.: Balcanica. М., 1979.
18. ЭССЯ, вып. 3.
19. *Furdal A.* Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju glosowego. Wrocław, 1961; *Birnbaum H.* The Dialects of Common Slavic. — In: Ancient Indo-European dialects. Berkeley; Los Angeles, 1966.
20. *Birnbaum H.* Common Slavic: Progress and problems in its reconstruction. Ann Arbor, 1975.
21. *Zelenin D.* Russische (Ostslavisches) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927.
22. Ср.: *Samilov M.* The phoneme Jat' in Slavic. The Hague; Paris, 1964.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У СЛАВЯН

Самой яркой культурно-языковой особенностью средневековой Славии было наличие международного надэтнического литературного языка — древнеславянского (церковнославянского)¹. В той же ее части, где древнеславянский не функционировал, его место занимала латынь (реже — немецкий или итальянский язык). Структура славянского этнического и языкового самосознания была достаточно сложной и неоднородной в разных славянских

землях. Она имела не только локальные особенности, но и изменялась исторически, о чем свидетельствуют многочисленные языковые, литературные и историко-культурные памятники. Этот вопрос требует особого рассмотрения, однако для его успешного разрешения важно понимание ситуации, относящейся к периоду возникновения славянской письменности. Хотя исторические свидетельства еще I—II вв. (Плиния Старшего, Тацита, Птолемея) и VI—VII вв. (Прокопия Кесарийского, Иордана и др.) говорят о едином славянском этносе и особом языке славян, по существу проблему славянского самосознания и славянского языка можно решать лишь на основе собственных славянских свидетельств, т. е. начиная со времени возникновения и функционирования славянской письменности.

В данной главе речь пойдет о соотношении таких явлений и факторов, как письменность (и возникший на ее основе литературный язык) и этническое самосознание у славян в ранний период их истории. Для рассмотрения этой темы важно осветить ряд смежных вопросов, а именно: а) о времени возникновения славянской письменности; б) о сфере распространения славянской письменности; в) о характере первоначальной славянской письменности (глаголица или кириллица?); г) об отношении славянской письменности (славянского алфавита и литературного языка) к неславянской письменности (алфавиту и литературному языку). Это — первый круг проблем, связанных с письменностью, соответственно с литературой и литературным языком. Вторым кругом вопросов связан с выяснением того, в каких этнических условиях распространялась славянская письменность, какова была этническая структура славянства в пору возникновения и распространения славянской письменности и как возникновение письменности (и литературы) повлияло на самосознание славян. Наконец, третий круг проблем касается соотношения славянской письменности и книжности с конфессиональными институтами — с сакральными текстами, богослужением, церковной иерархией. Эти моменты, в свою очередь, соотнесены с историческими, социальными и иными факторами.

Рассмотрим кратко в отдельности каждую из упомянутых групп проблем и вопросов.

Славянская письменность возникла и начала достаточно интенсивно развиваться в 60-х годах IX в., т. е. накануне, во время и после Моравской миссии Кирилла и Мефодия 863 г. Сама Моравская миссия, равно как и жизненный и научно-просветительный подвиг двух солунских братьев, довольно подробно документирована разнообразными историческими, хорошо известными источниками. В отличие от этого у нас нет никаких свидетельств о существовании славянской письменности в докирилло-мефодиевскую эпоху. Все памятники, открытые в послевоенный период, в том числе и ряд надписей на камне, относятся к более позднему периоду — X—XII вв. Попытки как бы то ни было обосновать существование славянской письменности до Кирилла и Мефодия

(опыты Э. Георгиева, П. Я. Черных, В. А. Истрина, Н. Энговатова, Н. А. Константинова, А. С. Львова и др.) оказались тщетными и лишенными серьезной научной аргументации. Особенно конфузными стали опыты объяснения севернопричерноморских тамгообразных знаков в качестве протоглаголицы². Солидное археологическое исследование В. С. Драчука³ положило конец необоснованным домыслам этого плана. Можно также со значительной долей уверенности сказать, что известное место в славянском (древнерусском) списке XV в. «Пространного жития Кирилла (Константина)» — «Роусьскими писмены» — довольно аргументированно объяснено рядом славистов (А. Ваяном, Р. О. Якобсоном, Г. Г. Лаефом, В. Р. Кипарским, Т. А. Ивановой)⁴ как метатеза букв Р и С при первоначальном «Соурьскими письмени», т. е. «сирийскими письменами». Речь здесь, как известно, идет о Хазарской миссии Константина около 860 г. и о его непродолжительной остановке в Херсонесе, где он «чловѣка ѡбрѣтъ глаголюща тою бесѣдою. . . и обрѣте же тоу еваггеле и ѱалтирь роусьскими писмены писано» [1, с. 12]. «Русские» письма в Херсонесе пытались связать с северочерноморской предполагаемой «протоглаголицей», однако эта версия, не будучи подтвержденной никакими историческими и археологическими источниками, была, как отмечалось выше, окончательно отброшена.

Возникнув в начале 60-х годов IX в., славянская письменность стала довольно быстро распространяться в славянских землях. Первоначально, а затем и в течение всего средневековья основной ее функцией, но далеко не единственной, было христианское богослужение. В некоторые западославянские земли и, вероятно, в западные и южные окраины южнославянских земель христианство проникло до Моравской миссии солунских братьев⁵. Что же касается болгар, то они приняли крещение в 865 г. при князе Борисе, сербы — видимо, в 70-х годах IX в., а русские, т. е. восточные славяне, — почти на век позже, при князе Владимире в 988 г. В 886 г. болгарский князь Борис I принял бежавших из Великой Моравии учеников Кирилла и Мефодия. Это означает, что славянская письменность во второй половине IX в. уже была распространена в Великой Моравии — в чешских, моравских, словацких и, надо полагать, лужицких землях [2], затем в Паннонии, среди части словенцев, у хорватов, вероятно, у сербов, у болгар и солунских славян. О распространении славянской письменности в Паннонии (на Блатном озере у князя Коцела) свидетельствуют «Пространные жития Кирилла и Мефодия»⁶, а об употреблении, видимо локальном, славянского богослужения и письма в Польше⁷ говорят некоторые археологические и исторические данные. Почти всеславянское распространение славянского письма было недолгим; при этом еще значительная часть славян (прибалтийских, поморско-кашубских, восточных — древнерусских, частично — западных и южных) оставалась язычниками, т. е., говоря словами древнего книжника, была вне «света просвещения книжного». Русь с некоторым опозданием, но с тем

большим усердием приняла «слово истинное» и «грамоту славянскую». Столь быстрое и широкое распространение славянской азбуки, письменности (литературы) и литературного старославянского языка объясняется, помимо прочего, чрезвычайной близостью в IX в. всех славянских наречий (языков), еще сохранявших многие черты общеславянского — праславянского языка (наличие редуцированных звуков ъ и ь, структура открытых слогов и т. п.)⁸. Ученики Кирилла и Мефодия и продолжатели их дела не знали из-за близости славянских наречий друг к другу перевода с одного славянского языка (диалекта) на другой, они лишь вносили в уже оформленный солунскими братьями литературный, книжный и сакральный язык те или иные локальные черты. Списки с такими чертами и принято называть изводами (русским, чешским, хорватским, сербским, боснийским, болгарским и др.). Единство и близость славянских наречий того и даже более позднего времени ощущались древними восточно-, южно- и западнославянскими историками (Нестором, Далимилом, Длугошем и др.), и это ощущение имело под собой, как свидетельствует современная славистика, реальную основу. Таким образом, в истории славянства была одно время, хотя и недолго, ситуация, которую киевский летописец определил словами: «тако разидеса Словѣньский языкъ тѣм же и грамота прозваса Словѣньская».

Осознание единства или близости славянских наречий самими славянами существенно для характеристики их самосознания. Для этой же цели важно решение вопроса о том, какая азбука — глаголица или кириллица — была первоначальной, т. е. изобретена и применена Кириллом и Мефодием. Современная славянская лингвистика однозначно отвечает и на этот вопрос, устанавливая, что глаголица древнее, чем кириллица. При этом выдвигается целый ряд аргументов, сумма которых и создает убедительную картину. В пользу изначальности глаголицы говорят: а) исторические свидетельства (о них подробнее речь будет идти ниже); б) оригинальность глаголических графем; в) способы применения глаголицы и кириллицы для цифровых обозначений; г) палимпсесты, в которых кириллица вторична, а глаголица первична, а также отчасти одновременное употребление букв двух азбук в одних и тех же памятниках; д) более архаический язык глаголических памятников; е) география глаголицы; ж) свидетельства черноризца Храбра о том, что славянская азбука имела 38 букв (такое число букв было в глаголице); з) наличие в азбучной молитве-акrostихе двух букв для Х-хера (хера обыкновенного и хера паучного); и) названия и порядок букв алфавита и др. [3, с. 19—58].

Для выяснения вопроса об этническом самосознании славян небезынтересна и проблема происхождения глаголицы. История основных европейских азбук и ряда других показывает, что чаще всего одна азбука наследует другую. Так было с греческим письмом, вышедшим из финикийского (древнесемитского), и с латинским, вышедшим из греческого. Ряд ученых (Тейлор, Беляев,

Ягич, Мареш и др.) выводили глаголицу из греческого минускульного письма, отдельные ученые — из хазарского (Груньский), армянского (Гастер), коптского (Фортунатов) и т. п. [4]. Наибольшей популярностью пользовалась минускульная гипотеза, которая, по моему мнению, должна уступить свои позиции гипотезе Юрия Черныхвостова об изобретении Константином-Кириллом глаголических букв путем его единоличного вдохновения, букв, за редким исключением (Ш и др.), не заимствованных из других азбук, а выдуманных вновь⁹. История письма знает подобные случаи. Стефан Пермский в XIV в. изобрел пермскую азбуку зырян, преследуя миссионерские цели. Эта азбука на Руси использовалась и в виде тайнописи.

Исключительность глаголицы, ее принципиальная независимость от греческого и латинского письма могут быть восприняты как демонстрация славянской культурной автономности, или самобытности, отдельности по отношению к другим этносам, обладавшим письменностью, в первую очередь к греческому (византийского периода) и немецкому (франкскому). Специфичность и новизна глаголицы, ее непричастность к чужеземному базису выражены автором «Похвального слова св. Кириллу и Мефодию», известного в русском списке XII в.: «Не на тоужемь основании своєю дѣло полагающа, нъ изнова писмена въображъша и съвършиста въ языкъ новъ» [1, с. 83—84]. С этим славянским свидетельством перекликается место в письме папы Иоанна VIII князю Святополку Моравскому от 3 июня 880 г.: «Litteras slavonicas, a Constantino quondam Philosopho repertas jure laudamus» («славянское письмо, изобретенное Константином Философом, по праву хвалим») [5, S. 222—224]. Об этническом славянском самосознании в связи со славянской (глаголической, по всей вероятности) азбукой у черноризца Храбра будет сказано ниже, а пока же отметим, что некоторые черты греческого влияния сказываются и в глаголице. Это влияние заметно и в порядке букв алфавита, и в выражении звука *y* двумя графемами (буквами), и в употреблении титлов, и в ряде других черт [6].

Глаголица, однако, во многих южнославянских землях была заменена кириллицей, которая затем в культурно-историческом ареале *Paх Slavia Orthodoxa* оказалась господствующей. Наиболее вероятным временем и местом официального утверждения кириллицы можно считать 893 г. и болгарскую столицу Преслав, где царем Симеоном был проведен собор [7, с. 79—88]. Более точных свидетельств подобного рода у нас нет. Тем не менее можно говорить, что кириллица, как известно заимствовавшая основной корпус букв из греческого унциального письма, появилась уже после утверждения глаголицы как специфически славянского письма и после создания славянской литературы со значительным корпусом текстов, распространенных на обширной территории. С вхождением Руси в греко-славянский мир, т. е. *Paх Slavia Orthodoxa*, окончательно обособившийся в 1054 г. от мира *Slavia Latina*, ареал древнеславянского литературного языка и литера-

туры, равно как и объем произведений и сферы древнеславянской книжности, значительно увеличился. Этот процесс был одновременно и процессом распространения и утверждения кириллицы у восточных славян. Кириллица (и кириллическая литература) стала тем самым еще более надэтнической, межславянской, в то время как область распространения глаголицы со временем ограничилась довольно узким ареалом — хорватским севернодалматинским побережьем с Истрией и прилегающими к побережью территориями. Там она, как известно, сохранялась почти до наших дней¹⁰. Эти земли постоянно находились в церковной юрисдикции римского папского престола. Глаголица в них была знаменем, способом выражения славянского этнического самосознания, хотя оно выступало и в других формах и потому не исчезло и в тех землях мира *Slavia Latina*, где славянская азбука была заменена латинской.

Литературно-языковая ситуация после 1054 г., т. е. после довольно четкого разграничения (но не отрыва друг от друга) двух миров — *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, в разных славянских землях стала строиться по-разному. В XIII—XIV вв. в ареале *Slavia Latina* установилось литературно-языковое гетерогенное двуязычие — латино-чешское, латино-польское, в то время как в мире *Slavia Orthodoxa* такое двуязычие в ту же эпоху было гомогенным — церковнославянско-русским, церковнославянско-сербским, церковнославянско-болгарским и т. д. [8, с. 230—272]. Гомогенность этого двуязычия была столь значительной и стойкой, что современники раннего периода его бытования, равно как и представители более поздней эпохи и даже некоторые ученые наших дней, считали и считают, что в древней Руси или, скажем, в древней Сербии были не два языка, а один язык, стилистически дифференцированный и варьирующийся по жанрам, по языковым функциям [9]. Это представление было довольно прочным, и оно усиливалось еще во многом потому, что существовало множество отдельных текстов, например русские летописи, в которых это двуязычие в известной мере нейтрализовалось: церковнославянский и древнерусский смешивались, создавалась средняя, переходная, гибридная форма книжного языка. Такой гибридный язык, равно как и церковнославянский, назывался на Руси обычно *словенским*, *славенским*, но этот же книжный язык мог позже называться и *русским*, так как он был очень близок к русскому и функционировал у русских, хотя его южнославянское происхождение ощущалось иногда довольно четко [10, с. 177—204].

Стоит отметить, что Нестор в начале XII в. в своем введении к «Повести временных лет» характеризовал славян как этнос с особым языком и особой «грамотой» [11]. Этот пассаж много раз подвергался внимательному и разностороннему анализу. В 1968 г. В. Д. Королюк изучал его в связи с проблемой славянского самосознания в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. В полемике с рядом историков (Ф. Граусом, Л. Гавликом и др.)

В. Д. Корольюк отметил, что система исторических взглядов Нестора-летописца представляла собой синтез европейской (в первую очередь византийской. — *Н. Т.*) образованности, образованности русской и представления о славянском единстве, коренящегося в терминах «славяне» и «славянский язык» [12, с. 98—113]. Терминологические устойчивые сочетания «словѣньскыи языкъ» и «грамота словѣньская» мы рассмотрим кратко ниже, сейчас же обратим внимание на этническую градацию славян, принятую Нестором. В представлении русского летописца существуют три типа этнических образований. 1. Обобщающий тип, охватывающий все славянские народности или крупные этнические образования, а тем самым и племена — этническая семья (Бѣ единъ языкъ словѣньскъ. . . , словѣне. . . прозъвашася ляхове. . . , словѣне. . . нарекошася поляне, а друзии древлане и т. п.). 2. Народность как основная крупная единица (Чеси, Сърбь, Хорутане и др.). 3. Племя как более мелкая, чем народность или «преднародность», единица, в нее входящая или формирующаяся (поляне, древлане, дрегсвичи, полочане, мазовъшане и др.). Нечто подобное, хотя и в сильно измененном виде, мы находим позднее в некоторых славянских зонах, например в Полесье [13]. Нет нужды приводить более подробный перечень этнонимов из «Повести временных лет», свидетельствующий о племенном дроблении Руси, — он общеизвестен [14]. Существенно обратить внимание на то, как противопоставляются этнонимы в том же памятнике. Словене как этническая семья, как этнос противостоят волохам — восточным романцам, аварам, половцам и другим народам (си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ) как представителям других этнических семей, как другим «иноплеменным» этносам. «Внутри» славян различаются народности — чехи, мораване, сербы, хорутане (словенцы). Но также «внутри» славян различаются и племенные образования для восточных славян, как правило минуя звено народности — русских. Русь же, как справедливо отмечают А. И. Рогов и Б. Н. Флоря (см. главу V настоящего труда), означает у Нестора скорее государственное целое, чем этническое: «Се бо токмо словѣньскъ языкъ (единств. число! — *Н. Т.*) в Руси: полане, деревлане, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверь, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же велыдане. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Нерома, Либь: си суть свои языкъ имуще отъ колѣна Афетова. . .» Или: «. . . аще и полане звахуся, но словѣньскаа рѣч бѣ. . .» Или: «поланомъ же жиоущемъ ѿсобѣ, якоже рекохомъ суще отъ рода словѣньска, и нарекошася полане, а древлане же отъ словѣнъ же и нарекошася древлане; радимичи бо и вятичи отъ ляховъ» (хотя выше говорилось что: «словѣне же ови пришьдъше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася ляхове. . .») ¹¹.

Отдельные восточнославянские племена, как известно, по представлению Нестора-летописца, рознились на основании таких этнографических признаков, как обычаи («имяху бо обычаи свои

и законъ отецъ своихъ и предания каждо свой правъ. . .»). Этот же критерий в еще большей степени применял Нестор к другим не-славянским этносам — сирийцам, бактриянам, индийцам, бриттам, половцам и др., следуя традиции византийского летописца Георгия Амартола, утверждавшего, что «ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ закопъ есть, другимъ же обычай, зане законъ безаконьникомъ отечъствие мнится» («каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов»).

Говоря о половцах, держащихся законов своих отцов, проливающих кровь и хвалящихся этим, киевский летописец заявляет: «Мы же, христиане, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу. . .», противопоставляя славян по вероисповедному принципу половцам—нехристианам. Таким образом, градация племя—народность—этническая семья, в которой звено народности в прошлом не всегда четко вырисовывалось, дополнялась еще одной важной ступенью, уже не этнического, а иного порядка, — ступенью конфессионального ареала. В XI—XII вв. таких ареалов, куда входили славяне, уже было два: один, возникший на базе византийской обрядности и культуры, может быть назван греко-славянским миром (или *Pax Slavia Orthodoxa*), другой, на базе римской обрядности и культуры, — латино-славянским миром (или *Pax Slavia Latina*).

Ощущение принадлежности к тому или иному миру со временем становилось компонентом этнического самосознания отдельных славянских народностей, в особенности когда это самосознание развивалось и проявлялось в условиях татаро-ордынского или турецко-османского ига. Так, православная вера нередко воспринималась как своя «национальная» вера и даже так и называлась, к примеру у сербов — «српска вера» (в противоположность «турской вере» — исламу) и т. п. Нередко наблюдалось и обратное положение, когда самоназвание этнической группы или подавляющего его большинства — земледельцев — возникало по конфессиональному признаку. Ср. рус. *крестьянин*, *крестьянство*.

Эти факты следует учитывать прежде всего потому, что возникновение и распространение письменности у славян были тесно связаны с принятием и утверждением христианства, с установлением и широким принятием богослужения на славянском (старославянском) языке. Правомерность и каноничность славянского богослужбного, сакрального языка оспаривались многими представителями духовенства, признававшими главенство папы римского. С точки зрения славянских первоучителей и их последователей такая позиция была не более чем ересью (см. «Житие Константина»). Эта ересь называлась «треязычной», ибо ее сторонники, по словам автора «Жития», считали, что «недостойно некоторому же языку имѣти буквѣвъ своихъ, развѣ еврѣи и грекъ и латинь, по пилатоу писанью еже на крстѣ гснѣи напис». Византийская историческая и культурно-обрядовая традиция, наоборот, допускала и в ряде случаев поощряла богослужение на других

языках — сирийском, коптском, арабском, эфиопском, армянском, грузинском, готском и др. В большинстве случаев эти языки имели и свой особый алфавит (особое письмо), как были различны и три алфавита в «велицѣхъ языцѣхъ» — еврейском, греческом и латинском. Введение в богослужение, как и создание своей азбуки и книжной нормы, означало для славянского языка — этноса — «причтетиса велицѣхъ языцѣхъ». Насколько влиял этот факт на славянское этническое самосознание, можно судить хотя бы по известному сочинению южнославянского черноризца Храбра «О письменѣхъ». Сочинение это, как и большинство славянских книжных трудов древней эпохи, в некоторых своих частях компилятивно и снабжено цитатами или сведениями из греческих авторов (Псевдо-Феодосия, Феодорита Кирского, Георгия Амартола, Епифания Кипрского, Евсевия Кесарийского). Эти компиляции связаны с темой происхождения греческого письма, греческого перевода св. Писания и т. п. Что же касается частей текста о возникновении славянской письменности и азбуки, то они, безусловно, оригинальны.

Для интересующей нас темы существенна заключительная часть трактата черноризца Храбра: «Аще бѡ въпросиши книгчиа греческаго глаа кто вы есть писмена сътворишь, или книги прѣложилъ или въ кое врѣма то рѣдции от них вѣдать то, аще ли въпросиши словенскыа буквара глаа кто вы писмена сътворишь есть, или кто книги прѣложилъ вѣси вѣдать, и отвѣщавъ речеть стѣи Кѡнстантинъ философъ нарицаемыи Күрилъ. тѣ писмена сътвори, и книги прѣложи. и Меѡдїи братъ его. сѣт бѡ еще живи, иже сѣть видѣли и^х, аще въпросиши въ кое время, вѣдать и рекъть, яко въ врѣмена Михаила цѣра греческа и Бориса княза болгарска и Растица, княза моравьска. и кѡцла княза Блатьска въ лѣто же от създанїа всего мира $\tilde{\text{S}}\tilde{\text{T}}\tilde{\text{Z}}\tilde{\text{I}}$. (6363), = 863 г. н. э. [15, с. 194].

В этом тексте нетрудно отметить несколько моментов утверждения достоверности излагаемых фактов (вѣси вѣдать. . ., сѣть бѡ — «еще живи, иже сѣть видѣли их и др.), а также мотив превосходства славянских «писмен» над греческими, который еще ярче выступает в утверждении, что греческое название буквы «альфа» не греческого происхождения, а заимствовано из еврейского «алефъ» и т. п., в то время как у славян имеются свои названия букв — «азъ» и т. д., и особенно ярко в заявлении, что греческие писмена создали «эллины поганые», а славянские — «святой муж». Следует напомнить, что в древнерусских и древнеюжнославянских текстах слова «еллины» и «еллиньски» обычно означают не «эллины, древние греки», «древнегреческий», а «язычники», «языческий» вообще. Это же значение имело и слово «поганый» (ср. лат. *paganus* — язычник). Таким образом, представления об особых достоинствах славянского письма, противопоставлявшегося системам письма других народов, становилось в IX в. уже частью самосознания славян, воспринявших «свет разумения книжного». К тому же IX веку следует относить и зарождение

представлений о сакральности, священности славянского алфавита, которые затем стали очень популярны у славян, с чем свидетельствует ряд фактов. К ним следует отнести наличие азбучной молитвы у славян [16], возникновение которой, вероятно, можно связывать с появлением славянской письменности, затем наличие определенного числа граффити, представляющих собой начало алфавита на развалинах церкви в Преславе, в Софии Киевской, в Софии Новгородской, писавшихся обычно под титулом наряду с формулами *господи, помози и спаси, господи*, и др.¹² Следует отметить, что сравнительно небольшое число примеров употребления глаголицы на Руси, относящееся в основном к граффити Софии Киевской и Софии Новгородской, включает в себя и ряд примеров с этими формулами. В связи с этим и со всем комплексом рассуждений о святости, сакральности славянского алфавита важно учесть сумму аргументов, изложенных выше, по вопросу о первичности глаголицы. Ряд первых по порядку глаголических букв, начиная с глаголического аза в виде креста со слегка опущенными концами поперечной перекладины, означали, видимо, молитву или молитвенное заклинание сакрального характера (позже эта сакральность перенеслась и на кириллический алфавитный порядок)¹³. Особый интерес вызывают в этом смысле и смешанные глаголическо-кириллические написания. М. Н. Сперанский видел в таких написаниях «орудие» для «затаения», «загадки» [17, с. 58—67, особо с. 60]. Однако, например, случай с написанием «Вѣадимірь на стоѣѣ» на золотой монете св. Владимира не может считаться такой загадкой, и появление глаголического «людие» в этом тексте следует объяснять иным способом.

Есть все основания полагать, что на христианском Востоке, равно как и на Западе, сакральным считался не только «свой» алфавит, но и алфавит «чужой», а также, что крайне важно для наших наблюдений, и смешение алфавитов¹⁴. Таким образом, создание славянской письменности и славянского литературного языка явилось новым толчком к усилению общеславянского самосознания, к осмыслению представлений о месте славян среди других народов. Эти явления отразились на всей территории славянского мира, где существовала в X—XI вв. славянская письменность и литература: не только у южных и восточных, но и у западных славян, в частности в Чехии, где в XI в. действовал такой крупный центр славянской письменности, как Сазавский монастырь.

Однако к концу XI в. условия для развития славянской письменности и литературы в Чехии ухудшились. Папа Григорий VII не дал чешскому князю разрешения совершать богослужения на славянском языке [18, р. 88], а затем против славянской письменности выступили католические круги в самой Чехии. Отголосок столкновений по этому вопросу можно видеть в фальсификате буллы папы Иоанна XIII об основании пражского епископства, включенном в «Чешскую хронику» Козьмы Пражского (начало XV в.). Здесь говорилось, что на епископскую кафедру нельзя

ставить «человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа или славянского языка» [19]. Не случайно мы не знаем произведений, написанных на древнеславянском, древнечешском или древнепольском, относящихся к западнославянской зоне и к XII в.

На рубеже XI—XII вв. параллельно с упадком славянской письменности в Центральной Европе осуществляются и гонения на славянское письмо и язык в Далмации. Древнеславянский (церковнославянский) язык перестает быть действительно литературным языком всех славян. Славянская же письменность становится (на этом этапе) отличительной чертой лишь части славянских народов, которые по этому признаку временно отделяются от других славянских народов, не обладающих такой письменностью. Это накладывает свой отпечаток и на процессы развития самосознания в последующий период истории славян.

В итоге возникновение славянской письменности повлекло за собой и возникновение древнеславянского (старославянского и церковнославянского) литературного языка и, безусловно, способствовало укреплению общеславянского межплеменного самосознания (на уровне этнической семьи), хотя такое самосознание, надо полагать, существовало и до появления славянской письменности и определялось не только фактором литературным (литературно-языковым) и лингвистическим, но и этнографическим или фольклорно-этнографическим, а также этнопсихологическим. С другой стороны, славянская письменность дала импульс для развития народностей и народов славянских, для развития народного (национального) самосознания и народной (национальной) литературы путем отпочкования от общеславянской литературы и письменности.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. — ВЯ, 1961, № 1, с. 52—66; Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- ² См.: Эпштейн Э. И. К вопросу о происхождении русской письменности. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист., 1947, вып. 15, с. 21—26; Константинов Н. А. Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья. — Вестн. ЛГУ. История, яз. и лит., 1963, № 14, вып. 3, с. 107—109. Подробнее см.: Можалева И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике, 1945—1974 гг. М., 1980, с. 84—86.
- ³ См.: Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья: Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Київ, 1975; Он же: «Загадочные знаки» Северного Причерноморья. — Archeologia, 1970, XXI; 1971, XXII.
- ⁴ Vaillant A. Les «lettres russes» de la Vie de Constantin. — Revue des Études slaves, 1935, t. XV, p. 75—77; Jakobson R. Saint Constantin et la langue syriaque. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire Orientales et Slaves de l'Université libre de Bruxelles, 1939—1944, t. VII, p. 181—186; Lunt H. G. Again the русьскими писмены. — Cercetări de lingvistică, Anul III. Supliment (București), 1958, p. 323—326; Купарский В. О происхождении глаголицы. — В кн.: Климент Охридски: Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. София, 1968,

с. 91—98; *Иванова Г. А.* Еще раз о «русских письменах». — *Сов. славяноведение*, 1969, № 4, с. 72—75.

⁶ Хорваты, например, официально принимали христианство дважды. Первый раз, по свидетельству Константина Багрянородного, в VII в., между 664 и 668 гг., когда император Ираклий потребовал священнослужителей из Рима, и второй раз — в царствование Василия I Македонянина, после освобождения хорватов от власти франков. В обоих случаях духовным главой хорватов был римский папа.

⁶ См.: *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, с. 1—78, а также: *Grivec F., Tomšić F.* Konstantin i Metodije Solunjani. Izvori. — *Radovi Staroslovenskog instituta (Zagreb)*, 1960, knj. 4, s. 95—167.

⁷ См.: *Lehr-Spławiński T.* Czy są ślady istnienia liturgii cyrilometodejskiej w dawnej Polsce? — *Slavia*, 1956, t. XXV, s. 2; *Havránek B.* Otázka existence církevní slovanštiny v Polsku. — *Ibid.*

⁸ *Трубецкой Н. С.* К проблеме русского самопознания. [б. м.], 1927; *Дурново Н. Н.* К вопросу о времени распада общеславянского языка. — In: *Sborník prací I Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Přednášky.* Praha, 1932, sv. II, s. 514—526; *Он же.* Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — In: *Byzantinoslavica.* Praha, 1929, роč. 1, s. 48—85; *Толстой Н. И.* Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности. — *КСИС*, 1963, с. 27—38; *Он же.* Мысли Н. С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках. — В кн.: *Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования.* Калинин, 1981, с. 98—119.

⁹ См.: *Кипарский В.* О происхождении глаголицы; *Kiparsky V.* Tschernochvostoffs Theorie über den Ursprung des glagolitischen Alphabets. — In: *Cyryllo-Methodiana: Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863—1963.* Köln; Graz, 1964, S. 393—400.

¹⁰ Древнейший хорватский текст, писанный латиницей, *Šibenska molitva* («Шибеникская молитва» — по названию города Шибеник в Далмации), относится к XIV в., а древнейший хорватский глаголический памятник Башчанская плита (по селу Башка на о-ве Крке) датируется 1100 г. См.: *Nazor A.* Zagreb—riznica glagoljice: Katalog izložbe. Zagreb, 1978.

¹¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 9—10. В принципе можно принять, вслед за рядом исследователей и за А. И. Роговым и Б. Н. Флорей (гл. V), положение о том, что сведения о славянах и территории их расселения Нестор черпал из западнославянского источника под условным названием «Сказание о предложении книг на славянский язык». Компиляция или частичное заимствование немного меняет в общем подходе к славянам в этноиерархической системе (шкале, лестнице) отдельных славянских народов. Важно, что эти сведения Нестор принял и что они, надо полагать, соответствовали его представлениям, как соответствуют они в общих чертах и нашим современным представлениям о славянах IX—XII вв., и представлениям неславянских современников (или почти современников) Нестора.

¹² См.: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской: (По материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976; *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978; *Гошев И.* Старобългарски глаголически и кирилски надписи. София, 1961.

¹³ Среди ряда ранних граффити-азбук выделяется Преславская глаголическая азбука, открытая акад. Иваном Гошевым в 1949 г. в развалинах Круглой церкви в Преславе в помещении для крещения. По наблюдениям И. Гошева, весь алфавит, от которого сохранилось лишь 13 глаголических букв, помещался на расстоянии 23 см между двумя крестами, размерами во много раз превосходящими глаголический «азъ» и другие буквы. См.: *Гошев И.* Старобългарски глаголически. . ., с. 61—66, 136—138). И. Гошев предполагает, что азбука начертана в связи с обрядом освящения храма или для того, чтобы отметить культурно-просветительную деятельность

покойника, погребенного у стены. Второе, на наш взгляд, менее вероятно. Сакральность этой и подобных азбук-граффити бесспорна. В связи с этими азбуками уместно вспомнить отрывки стихов 8-го и 10-го из первой главы «Откровения св. Иоанна (Апокалипсиса)»: «Азъ есмь алфа и ѱ, начатокъ и конецъ, глеть гдѣ (ст. 8) и . . . слышахъ за собою гласъ велии яко трѣбѣ глѹщъ азъ есмь алфа и ѱ первыи и послѣднии» (ст. 10 по тексту Острожской библии). Алфавит в целом, и особенно первые и последние буквы, выражает идею сакральной цельности и божественной завершенности. В связи с этим интересно и греческое Ἀρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιῶ Θεῶν, которому соответствует славянское «добро есть ѣбо братіе всегда отъ бога начати и до бога скончати якоже Григоріи богословъ рече», известное по сочинению пресвитера Константина — ученика св. Мефодия. Наконец, возникает предположение, что и в берестяных грамотах написание азбуки и азбучные «упражнения», в том числе и так называемого мальчика Онфима, являются сакральными, а не «ученическими», если учесть и иные тексты того же «автора». См. грамоты № 199—201 и № 203—207 в кн.: Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

- ¹⁴ По свидетельству А. И. Яцимирского, в прошлом в среде славян восточного обряда «для освоения грамоты нужно причаститься яблоком и хартией, на которой должно быть написано то, что следует знать. На хартии надо написать + и Н. И. К. А. п «все слова» (т. е. буквы) вокруг креста, т. е. полную славянскую азбуку. Магическое действие азбуки, особенно первой и последней ее букв, а также начальных букв определенных слов известно во многих древних и новых культурах. Алфавиты, особенно из чужих азбук, например, у коптов греческие, притом вырезанные на камне, на металле, играли роль ἀποτρόπαιον (умилостивительная жертва) или astraca и пропикли к грекам и римлянам с Востока» (Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературе, LXXXIII—XC. — Изв. ОРЯС, 1917, XII, с. 54—55). В этом пассаже А. И. Яцимирский делает ссылку на статью А. Видемана. См.: Widemann A. Alphabet. — Archiv für Religionswissenschaft, 1906, Bd. VIII, S. 552—554). Д. Айналов сообщает, что и теперь при освящении католического храма епископ своим посохом пишет латинский и греческий алфавиты на линиях, крестообразно обозначенных на полу. Этот обряд толкуется в так называемой Золотой легенде XIII в.: «На полу пишется алфавит, так как он знаменует единение обоих народов, т. е. язычников и иудеев, или страницу обоих заветов, или параграфы нашей веры. Алфавит же из латинских и греческих букв, накрест написанных, знаменует единение в вере народов из язычников и иудеев, через посредство Христова креста осуществленное». На Руси же уже по крайней мере в XIII в. было запрещено писать крест на земле. «Мѣрило праведное» (список XIII в.) определяет: «Никтоже да не пишетъ на земли креста», а «Слово св. апостоль и отецъ о крестѣ Христовѣ» (по списку XVI в. церкви св. Николая в Дубне) предупреждает: «Образъ крестныи на земли пишуцимъ нѣкимъ несмысленнымъ, не повелеваемъ вѣрнымъ. То бо латына дѣютъ». Во всех случаях запрещается писание на земле, а не употребление двух алфавитов. См.: Айналов Д. Русское известие о латинском обряде — В кн.: Статьи по славянской и русской филологии. — Сб. ОРЯС. Л., 1928, т. CI, № 3, с. 499—502. Число подобных примеров можно было бы умножить. Точно так же можно было бы привести примеры употребления греческого алфавита в древнерусских и южнославянских храмах (ср. надписи в Софии Киевской), однако любопытно, что писцы старейших древнерусских граффити смешивали не греческий и славянский алфавит, а два «своих» славянских алфавита — глаголицу и кириллицу. Примеры см. в цитированных выше работах М. Н. Сперанского, А. А. Мединцевой, С. А. Высоцкого.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. Т. 1.
2. *Frinta A.* Bohemismy a paleoslovenismy v lužickosrbské terminologii křestanské a jejich dějepisný význam. — Acta universitatis Carolinae. Philologica (Praha), 1954, 5.
3. *Nedeljković O.* Još jednom o hronoložkom primatu glagoljice. — Slovo, (Zagreb), 1965, knj. 15—16.
4. *Ягич И. В.* Глаголическое письмо. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911, Вып. 3. Графика у славян.
5. MGH, Epistolae, t. VII.
6. *Vajs J.* Rukovět hlholské paleografie. Praha, 1932.
7. *Ильинский Г. А.* Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена кириллицей. — In: Byzantinoslavica. Praha, 1931, роѣ. 3, s. 1.
8. *Толстой Н. И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.). — В кн.: Славянское языкознание: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.
9. *Толстой Н. И.* Однос српског књишког језика приема старом словенском књижевном језику (у вези са развојем жанрова у старој српској књижевности). — В кн.: Научни састанак слависта у Вукове дане 8. Београд, 1980, св. 1.
10. *Толстой Н. И.* Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI—XVII вв.). — В кн.: Вопросы русского языкознания. М., 1976.
11. ПСРЛ, т. 1.
12. *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов: Доклады советской делегации. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
13. *Obrebski J.* Problem etniczny Polesia. Warszawa, 1936.
14. *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.
15. *Кувев К. М.* Черноризец Храбр. София, 1967.
16. *Кувев К. М.* Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974; *Mareš F.* Azbučná báseň z rukopisu Státní veřejné knihovny Šaltykova-Ščedrina v Leningradě (Sign. Q. I, 1202). — Slovo (Zagreb), 1964, knj. 14, s. 5—24.
17. *Сперанский М. Н.* Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929, вып. 4.
18. Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Pragae, 1904, t. I, fasc. I, N 81.
19. *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М., 1962, с. 65—66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в приведенных выше главах был рассмотрен процесс становления этнического самосознания большинства народностей славянского мира в эпоху раннего средневековья.

Конкретный анализ показал, что история становления и развития этносоциальных общностей разного таксономического уровня в славянском мире в течение VI—XII вв. характеризуется рядом существенных черт сходства в пределах всего обширного, занятого славянами ареала Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, а также значительными особенностями в формах и темпах протекания указанного процесса в каждом составляющем определенное единство славянском регионе.

Как было выяснено в ходе проведенного исследования, сходство в развитии славянства в раннее средневековье определялось в конечном итоге общими закономерностями социально-экономической и политической эволюции человеческого общества на стадии разложения первобытнообщинных отношений и становления классов раннефеодального общества. Рассмотренная в труде эпоха в истории славян представляет собой в целом время перехода от строя военной демократии к государственным формам общественной жизни, соответствующее в этническом отношении последнему этапу славянского этногенеза — периоду перехода от родо-племенных и союзно-племенных общностей к раннефеодальным народностям.

Что касается особенностей формирования этносоциальных славянских общностей (вплоть до консолидации народностей с их четко выраженным этническим самосознанием), то они оказались следствием сложного комплекса причин, соотношение и воздействие которых были различными в каждом конкретном случае и о которых специально будет сказано ниже.

Сделанные авторами труда наблюдения и выводы о развитии этнического самосознания славян в избранных для рассмотрения хронологических и территориальных пределах позволяют прийти к заключению, что в целом процесс этого развития может быть разделен на три последовательно сменяющих друг друга этапа.

Первый, древнейший этап (устанавливаемый гипотетически) соответствует периоду, когда славянская этническая общность была еще слабодифференцированной и занимала сравнительно с последовавшей эпохой переселения относительно ограниченное пространство в междуречье Вислы—Одры или Днестра—Одры (предполагаемая прародина славянства). Начало этого периода восходит, по всей вероятности, к последним столетиям до нашей

эры и практически — ввиду отсутствия источников — недоступно для изучения. Столь же условна и конечная грань этого этапа, поскольку уже письменные известия, восходящие к середине IV в. н. э., позволяют констатировать, что ареал расселения славянства значительно расширился к этому времени и само славянское общество переживало стадию далеко зашедшей этносоциальной и этнокультурной дифференциации, выразившейся в образовании крупных военно-территориальных племенных союзов.

Поскольку зарождение народностей раннефеодальной эпохи происходит уже в недрах союзно-племенных объединений, постольку, следовательно, началом их формирования можно датировать переход ко второму этапу этнокультурной эволюции славян. Исходным его рубежом допустимо, видимо, считать уже II—III вв. н. э., так как, судя по сравнительному материалу эпохи Великого переселения народов и по более поздним свидетельствам о славянах, самый процесс расселения и перемещения значительных этнических масс на большие расстояния был следствием обострившейся имущественно-социальной дифференциации и совершался, как правило, в рамках военно-политических объединений племен. Конечной гранью этого второго этапа естественно считать образование раннефеодальных славянских государств, т. е. время от конца VII до середины IX столетия.

Последний, третий этап этнокультурного развития, в ходе которого в целом завершается процесс становления раннефеодальных народностей, представляет собой уже время государственной истории славянских народов. В силу неравномерности темпов эволюции разных регионов славянского мира завершение этого этапа столь же разно, как и его начало, для различных славянских народностей, охватывая в целом время с первой половины X в. по XII в. включительно.

Естественно, что наиболее скудны известия о первом этапе. В сущности говоря, у нас нет никаких данных, которые позволили бы составить представление о характере и формах этнического самосознания славян в ту эпоху, когда их этническая структура, так сказать в «чистом виде», может быть охарактеризована лишь двумя таксономами: племя — этническая общность в целом. Судить об этническом самосознании славян в этот период можно ретроспективно, по остаточным формам, рудиментам этнических представлений славян в более поздний, второй период. И авторы всех глав труда, анализируя прежде всего славянские этнонимы этого времени, показали, что славянам на этом этапе было, несомненно, свойственно сознание и общеславянской общности, и своего узкоплеменного единства в пределах этой общности. В течение какого-то, возможно длительного, периода иерархия самосознания славян ограничивалась лишь этой двучленной формулой: племя — этническая общность в целом.

В качестве доказательства существования на заре славянской истории некоей нерасчлененной общеславянской общности можно указать на ряд характерных для славян этнокультурных призна-

ков, оформление которых восходит к столь отдаленной эпохе, когда сами славяне как языковая и этническая общность, имевшая «собственный» хозяйственно-культурный тип, едва выделились из родственной семьи других индоевропейских народов. Такими теряющимися в глубине веков признаками являются свойственные славянам по всему ареалу их последующего расселения тип жилища (полуземлянка с печкой-каменкой (очагом) в одном из углов), лепная керамика (так называемого пражского типа) и обряд захоронения, характеризуемый трупосожжением с последующей ингумацией останков в урнах или ямах. Общность обряда захоронения, несмотря на фиксируемые для VI—IX вв. археологами некоторые частные отличия, свидетельствует, несомненно, о единстве общих вероисповедных (языческих) представлений.

Хотя уже в эпоху Великого переселения славянский мир не представлял собой в языковом отношении монолита, характеризуясь диалектной сложностью, есть основания утверждать, что общеславянский язык, по крайней мере в первые столетия нашей эры, выполнял функцию единого важнейшего средства общения во всех регионах, занятых славянами.

К этому, первому, этапу, по всей вероятности, следует отнести и появление общего самопазвания — этнонима «славяне», наиболее четко и определенно свидетельствующего об общеславянском самосознании его носителей.

Что касается племенных наименований славян для данного этапа, то наука не располагает достоверными данными на этот счет: вполне вероятно, что среди многочисленных названий племен, которые упоминаются в источниках VI—VIII вв., имеются и такие, которые сохранились от древнейшего периода. Таковы, по-видимому, прежде всего названия племен, произведенные от эпонимов; названия, подчеркивающие общность происхождения от одного родоначальника, связывающие племя узы кровного родства, если только и эти дошедшие до нас названия не были результатом последующего сознательного переосмысления племенной знатью военно-территориального союза истории своего союза.

Название «венеды», данное славянам по имени их предшественников в местах, где славяне расселились на рубеже нашей эры, не стало, как известно, этнонимом (самоназванием) славян. Наименование части славянства этниконом «анты» имело, вероятно, иранское происхождение и также указывало на то, что эта ветвь славян заняла в процессе расселения территорию, некогда заселенную иранским племенем с таким названием. Однако этникон «анты», которым ранневизантийские авторы в течение более полувека упорно обозначали юго-восточную часть славянства, противопоставляя антов соседнему с ними объединению «склавинов» и подчеркивая в то же время этническую общность обеих групп, мог обрести и характер этнонима — как самоназвание славян — членов («подданных») данного военно-территориального союза.

Значительно более богатый материал для обобщения сохра-

нился от второго этапа развития этнического самосознания славянства — от эпохи существования военно-территориальных племенных союзов. Авторы всех без исключения исторических глав труда пришли к выводу, что те названия отдельных славянских контингентов, под которыми они фигурируют в источниках VI—X вв. и трактуются в них нередко как наименования племен, были в сущности уже не племенными названиями, а означали этносоциальные организмы различной степени зрелости, разного масштаба и устойчивости, в которые были объединены несколько племен.

Образование этих союзно-племенных объединений сопровождалось, несомненно, прогрессирующей дезинтеграцией былой относительно общеславянской общности и глубокими сдвигами в этническом самосознании славян. Характерно, что, согласно письменным памятникам, рассказывающим о положении в славянском мире до расселения славян на территории Византийской империи, первоначально все славянство разделилось только на два крупных военно-территориальных объединения: союзу антов противостоял в целом союз склавинов, каждый из которых в VI—начале VII в. осуществлял свою самостоятельную политику в отношении к Аварскому каганату и Византийской империи. К концу VI в. восходит и появление в ученой греко-латинской традиции обозначения объединения славян термином «Славиния» («Славия»), который первоначально указывал, по-видимому, не столько на особую социально-политическую организацию противостоявших антам славян, сколько на территорию их расселения. В этом смысле данный термин изредка употреблялся в западной латиноязычной историографии еще в X—XI вв. в отношении к полабским славянам: территории их различных племенных объединений и «княжеств» обозначались как части Славии (Славонии). Однако в ранневизантийских исторических памятниках (исключая в сущности единственное упоминание у Феофилакта Симокатты одной Славинии в целом за Дунаем в конце VI—начале VII в.) этот термин имел значение этносоциальных организмов, военно-территориальных союзных объединений славянских племен: Славинией в равной степени именовалась территория союза берзитов, ваюнитов, стримонцев, мораван, драгувитов.

Тот же Феофилакт Симокатта, говоря о Славинии за Дунаем, враждебной империи и не подчиняющейся аварам, упоминает о существовании внутри ее других, более мелких племенных объединений (Ардагаста, Мусокия), представителям каждого из которых было свойственно сознание более тесного этносоциального единства, сознание «подданства» ему, верности и чувство привязанности к занятой союзом территории как к своему «отечеству», «земле отцов».

Развитию этих элементов самосознания содействовала, безусловно, длительная конфронтация Славиний с франко-германским миром, с аварами, с кочевниками Причерноморья и Приазовья и прежде всего с Византийской империей. Особым обост-

рением чувства этнополитического единства сопровождалось при этом не экспансионистские, организуемые славянской знатью, а оборонительные войны, так как именно они вели к осознанию общенародной опасности и к укреплению политического объединения.

Существенное значение в этом процессе имел для славян не только характер взаимодействия с соседними народами и государствами, но и уровень общественного и культурного развития последних, как и степень их давления на Славинии и опасности подчинения союзных славянских объединений. Влияние Византии и конфронтация с нею ускоряли процесс социального созревания и политической консолидации славян во время их пребывания на левобережье Дуная, а затем расселения на севере и северо-западе Балканского полуострова. Однако постоянное и мощное давление империи на Славинии в Македонии, во Фракии, в Греции и на Пелопоннесе консервировало их союзно-племенную политическую структуру, препятствовало их объединению в более крупные союзы и перерастанию их в государства. Отнюдь не случайно, существуя в ходе чередующихся периодов полузависимости и независимости от империи в течение VI—X столетий, эти Славинии сохранялись в виде изолированных друг от друга регионов, не вступая в активное соперничество друг с другом, но и не объединяя своих сил. Напротив, именно там, где натиск империи ощущался слабее (север и северо-запад полуострова), Славинии в ходе конфронтации превратились в VIII—IX вв. в раннефеодальные государства.

Союзно-племенные объединения полабских славян, частью оформившиеся еще до прихода в эти земли, частью консолидировавшиеся и упрочившиеся именно в процессе упорной конфронтации с франко-германским миром, видимо, в силу ожесточения этой борьбы также не смогли перерасти в устойчивые государственные организмы (исключая объединение ободритов): постоянные тяжелые войны с гораздо более организованным и сильным врагом способствовали консервации военно-демократического уклада, гипертрофии местных языческих культов и языческого политеизма, ставшего здесь в самосознании славян при недостатке политических факторов сплочения символом независимости. Таким образом, союзно-племенное самосознание, независимо от региона поселения славян, выступало в эту эпоху (на втором этапе) как новая, промежуточная форма этнического самосознания — между узкоплеменным и общеславянским, характерными для первого этапа.

Иерархия этнического самосознания славян усложнялась. Постепенное упрочение и возрастание роли ее среднего звена вели, несомненно, к снижению значения, к отходу на второй план двух других, рудиментарных форм самосознания (племенного и общеславянского). Развитие высшей для этого этапа союзно-племенной ступени этнического самосознания не означало, однако, быстрого исчезновения двух других ступеней: длительное время

они продолжали сосуществовать с первой в сложном диалектическом взаимодействии.

Но это лишь наиболее общая характеристика сущности совершившегося в ту эпоху процесса. В действительности и формы славянского этнического самосознания, и само количество составляющих его иерархическую структуру ступеней отличались сравнительным многообразием. Особую сложность самосознания обнаруживают при этом именно те славянские объединения, этносоциальная консолидация которых в силу конкретных причин развития протекала наиболее замедленными темпами. Так, анализ сведений о полабских славянах позволяет предполагать, что многие их группы сохраняли до X—XI вв. и узкоплеменное самосознание (у членов каждого племени, входившего в объединения сорбов, велетов и ободритов), и союзно-племенное (сербское, велетское, ободритское), и самосознание регионального (полабского) единства, и общеславянское самосознание.

Однако столь многоступенчатая иерархия самосознания была, вероятно, свойственна не всем славянским группам уже у тех же полабских славян: поскольку этнонимы, обозначавшие отдельные племена, в эту эпоху уже утратили свой первоначальный смысл (кровнородственных объединений, связанных общностью происхождения), постольку, следовательно, для главенствующего в союзно-племенном объединении «племени» сознание особой «племенной» и союзно-племенной общности имело тенденцию к нивелировке, уподоблению (сорбы, велеты, ободриты).

Уровень «племенного» самосознания прослеживается по длительному сохранению не только древнейших названий особых «племен», но и их особых культов, помимо культов надплеменных, «союзных».

Следы единого самосознания славян этого региона можно усмотреть в фактах объединения их сил (особенно в 983 г.), несмотря на внутренние противоречия между их союзами и княжествами, перед германской опасностью. Отражение этой региональной общности самосознания можно усмотреть и в обозначении всей занятой ими территории в латинских памятниках как Славии или особой части Славии (Славонии), а ее жителей — как части «венедов».

Что же касается сознания общеславянского единства, этнической общности славян в целом, то в источниках оно отразилось слабо, конкретное проявление находило главным образом на окраинах славянского мира, в условиях конфронтации славян с иноэтничными социально-политическими общностями этой эпохи (на левобережье Дуная в VI—VII вв., в Аварском каганате VI—IX вв., на границе с кочевым миром в Восточной Европе).

Источники о славянах в этот период их этнокультурного развития подчеркивают единство материальной культуры славян, их языка, нравов, обычаев, внешнего физического облика, сходство их общественно-политической структуры, языческих верований и т. д., но не дают достаточно материала для уверенного

заклучения, что славянам всех регионов славянского мира было в равной мере присуще в эту эпоху понимание их этнической общности в целом, в особенности общности с населением территориально отдаленных районов, поскольку вообще до появления прослойки грамотных и владевших хотя бы зачатками образованности славян вряд ли у них существовало сколько-нибудь отчетливое представление о масштабах территории, заселенной этим единоплеменным народом. Вероятно, существование древней фольклорной традиции, пользовавшейся единой устно-поэтической речью, могло способствовать фиксации древних исторических преданий о судьбах славянства в целом. Однако более отчетливая форма всеобщего славянского самосознания была привнесена позже, лишь в X—XII вв., на третьем из рассматриваемых здесь этапов, причем отнюдь не в широкие слои населения, и об этом особо будет сказано ниже.

Процесс возникновения и развития военно-территориальных племенных объединений и соответственно союзно-племенного самосознания сопровождался постепенным возрастанием роли социально-политических компонентов в сознании членов этих объединений сравнительно с собственно этническими представлениями. Ход этой эволюции нашел частичное отражение в истории этнонимов и в эволюции их содержания.

Среди множества этнонимов, о которых выше шла речь, некоторые, безусловно, являлись первоначально не самоназваниями, а этниконами, т. е. наименованиями, данными славянам — носителям этих названий — представителями других народов, чаще всего соседями. Однако, как правило, в рассматриваемую в труде эпоху эти этники для соответствующих групп славян стали уже этнонимами, с которыми были тесно связаны представления об этническом родстве, этносоциальном и политическом единстве и общности исторических судеб.

Называемые в труде славянские этнонимы в целом можно, видимо, разделить на четыре большие группы: на происшедшие из этниконов, т. е. заимствованные у других народов (например, анты, хорваты, сербы, дулебы, сагудаты, болгары), на осмысленные в качестве патронимических (кривичи, ляхи, чехи), на образованные от географических названий и понятий (особенно большая группа: северяне, бужане, висляне, лендзяне, ободриты, мораване, захлумы, стримонцы и т. д.) и, наконец, на связанные этимологически с понятиями, смысловая нагрузка которых либо загадочна, либо находится в трудно уловимом соотношении с особенностями или историей возникновения племени или объединения племен (тиверцы, каналиты, гудусканы, «Семь родов», ваюниты и т. п.).

Этнонимы первой группы (хорваты, сербы) обнаруживают большую устойчивость и позволяют говорить, что их носители пришли в места их окончательного поселения уже сплоченными военно-территориальными, союзно-племенными объединениями, которые и в новых условиях стали играть главенствующую роль

в процессе этносоциальной и политической консолидации. Действительно, внутри союзного объединения хорватов в VII в., а затем в начале IX в. не известно ни одного другого этнонима от поселившихся здесь ранее славянских контингентов, кроме этнонима «гудусканы». Сходным было положение, вероятно, и в регионе сформировавшейся позднее сербской народности: помимо этнонима «сербы», здесь упоминается только еще один славянский этноним, сложившийся вне балканской территории, — «личики» (или «лендзяне»).

Высокая степень самосознания ко времени усвоения этнонима была, по всей вероятности, присуща и славянским союзам, носившим патронимические наименования (эпонимы). Хотя идея происхождения от одного предка (Крива, Ляха, Чеха, Радима, Вятко) стала особенно настойчиво культивироваться племенной знатью в эпоху обострения их борьбы за сохранение независимости своего племенного княжения, эта идея опиралась на распространённые в пределах объединения представления о кровнородственной близости его членов.

Можно предполагать, по-видимому, что в меньшей степени на первых порах этносоциальное самосознание было свойственно в период поселения и оформления союзов племен или объединений тем группам славян, наименования которых восходят к географическим названиям. Здесь в качестве связующего принципа новой общности в этнониме отразился лишь фактор соседства. Возможно, такие союзные контингенты славян происходили из разных регионов славянского ареала и в момент переселения не составляли прочных этносоциальных организмов. Это, однако, не означало, что и сложившееся после переселения объединение с местным наименованием всегда уступало в прочности тем союзам, которые образовались еще до их перемещения. Такими устойчивыми союзно-племенными образованиями были, например, объединения полян, ободритов, моравян, тимочан, стримонцев, лендзян (ляхов).

Важным фактором формирования самосознания членов военно-территориальных, перераставших в государственные объединения союзов было единство их вероисповедных (религиозных) представлений. На фоне общеславянских черт языческого культа археология, а затем и письменные памятники все более отчетливо фиксируют нарастающие отличия. С ходом поступательного развития славянского общества религиозные представления все теснее связывались с социальными и политическими, все более ставились на службу интересам крепнущей знати данного союза.

Функциональная роль религии усиливалась и во внутренней жизни союзно-племенного единства, и в его отношениях с внешним миром. Имя родоначальника племени (хотя и мифического, как Крив, Чех, Лях) осмыслялось как имя обожествляемого предка, к которому возводили свою генеалогию господствующий в объединении род или главенствующее племя. Сознание принадлежности к данному этносоциальному организму все отчетливее сочеталось с представлением о верности почитаемым в данной

общности богам, с признанием их превосходства над божествами иноплеменников или соперничающих союзов.

В условиях борьбы за гегемонию между союзно-племенными объединениями характерная для мирной обстановки веротерпимость язычников обрела оттенок идеологических противоречий, в особенности если враг был опасен для самого независимого существования данного военно-территориального союза и представлял принципиально отличавшуюся религию. В последнем случае войны славян-язычников с врагом носили ожесточенный характер уже на ранней стадии развития у них процессов политической консолидации, например войны с христианской Византийской империей в VI—VIII вв.

Религиозный оттенок отчасти приобрели столкновения и между полабскими военно-территориальными объединениями славян в VII—IX вв. Присущий каждому славянскому объединению толк язычества обрел значение символа независимости. Вероисповедная разобщенность полабских славян послужила, безусловно, в качестве одного из препятствий к образованию единого славянского государства в междуречье Эльбы и Одера.

Можно, видимо, допустить, что наивысших форм этническое самосознание достигло в пределах так называемых племенных княжений, которые авторы ряда глав определили как особую общественно-политическую и этнокультурную стадию в развитии славян, как высшую форму военно-территориальных союзов (подлинно «протогосударства»), объединение которых и привело к образованию раннефеодальных государств. Существование «племенных княжений» непосредственно в канун образования государств исследователи отметили в тех регионах славянского мира, где процесс консолидации государственных систем в силу ряда внутренних и внешних причин был особенно продолжительным.

Однако вопрос о сходстве и отличиях этих политических образований сравнительно с военно-территориальными союзами и государствами в собственном смысле слова разработан еще недостаточно. В качестве предварительных наблюдений указывается на то, что в отличие от союзно-племенных объединений в племенных княжениях (в Древней Руси, Польше, Чехии, сербских землях) в большей мере сгладились этнокультурные различия между племенами, особые наименования которых почти исчезли, утратили былое значение локальные культы языческих божеств, установились общие для населения княжества нравы и обычаи, игравшие роль неписаного закона, сложились в пределах таких политических образований и некоторые особенности матримониальных отношений, погребального обряда, материальной культуры. В качестве примера такого племенного княжения можно было бы указать княжество древлян, в котором и княжеская власть стала обретать наследственный характер.

Однако в качестве «племенных княжений» характеризуются и объединения велетов и мазовшан, где еще отнюдь не все из перечисленных факторов единства нашли заметное проявление.

Вполне вероятно, что в ходе дальнейших исследований будет установлено, что данная стадия этнополитического развития (племенные княжения) была свойственна всем славянам, и лишь недостаток источников не позволяет констатировать ее во всех регионах заселенного славянами ареала.

Несмотря на важное значение периода существования союзно-племенных объединений в процессе оформления этнического самосознания разных этносоциальных групп славянства, решающее значение имел в этом отношении этап раннефеодальной государственности. Лишь в пределах государств произошло завершение формирования раннесредневековых народностей как устойчивых этносоциальных единств и становление их этнического самосознания. Именно государство обеспечило воздействие, так сказать, «в полную силу» всех тех факторов, которые были необходимы для консолидации народности: стабильность территории, ее оборона от иноземного натиска, единство аппарата власти, утверждение общности социально-политической структуры и вероисповедания, единство системы эксплуатации и участия масс населения в общественных работах и в отправлении воинской повинности, утверждение общих норм права и правопорядка, регулярная информация, обеспечение торгового обмена, создание центров культурной жизни и т. д. и т. п.

Все эти сферы деятельности государственной власти, преследующие целенаправленно и сознательно задачи упрочения экономического, социального и политического господства привилегированных слоев общества, объективно содействовали и утверждению сознания этнокультурного единства различных социальных слоев населения. Помимо естественноисторически формировавшихся компонентов этого сознания, в него в этот период активно внедрялись такие понятия, как представление об общности интересов всего населения страны перед внешней опасностью, о верности правящей династии, о святости установленного закона и т. п. Недаром самосознание оформляющейся в эту эпоху народности порой почти неотличимо от понятия подданства и сливается с ним.

Процесс этот на его последнем этапе был также многообразным в зависимости от конкретных условий становления и первых веков существования разных славянских государств. Важную роль при этом играли и этнополитические традиции предшествующей эпохи. Оформление новой, высшей ступени этнического самосознания ознаменовалось кризисом всех его предшествующих форм: племенное и союзно-племенное самосознание во всех его проявлениях тускнело и исчезало, сознание общеславянской этнической общности также отодвигалось на задний план, хотя здесь имели место (также в конечном счете в результате деятельности государственной власти) некоторые новые явления, о которых специально будет упомянуто ниже.

Как было показано выше, территория расселения славянских раннесредневековых народностей, ее рельеф, природа и климат являлись не только условием формирования этнополитических

организмов, но и важным фактором складывания их самосознания, ассоциируемым с понятием «родина», «отечество», «земля предков». Поэтому в самосознании всех народностей нашел отражение процесс постепенного оформления ее жизненного пространства. Государство и здесь выступало в качестве активного не только организующего, но и идейно-политического фактора.

Безраздельному господству в качестве этнонима среди населения Древней Руси к началу XII в. наименования «русские», «русь» предшествовал почти трехсотлетний период его постепенного распространения на всю территорию государства. Этноним «русь» был сначала характерен лишь для социально-политических верхов Киевского государства. Этот этап соответствовал, видимо, эпохе, к которой восходит зафиксированная «Повестью временных лет» та версия предания о Кие с братьями, в которой он выступает в качестве основателя не племени, а княжеского рода и самого политического объединения («княжил с родом своим»).

Появление в первой половине IX в. у киевского князя пышного титула «каган», превращение Киева в центр обширного политического объединения княжеств, а затем распространение понятия «Русская земля» за пределы бывшего княжения полян — на восточных северян (т. е. обретение понятиями «русские» и «Руть» надплеменного значения) знаменуют новый этап в формировании и единого государства, и его территории, и этнического самосознания древнерусской народности.

Следующим этапом территориального распространения понятия «Русская земля» было начало объединения северного (новгородского) и южного (киевского) политических центров на рубеже IX—X вв. В своем широком, порой доминирующем смысле термин стал обозначать подданство единому раннефеодальному государству.

В начале XI в. уже во всех важнейших центрах восточного славянства сидели не племенные князья, а представители правящего в Киеве дома Рюриковичей. Границы бывших княжений — теперь уделов подчиненных Киеву князей — были перекроены, наименования уделов — провинций были сознательно изменены — они получили названия от их городских административных центров. Понятие «Русская земля» распространилось безраздельно на все государство. Термин «русские» уже у Илариона в середине XI в. употреблен в значении всеобщего этнонима и подданства одновременно.

Этот процесс сопровождался кризисом старых форм племенного самосознания (точнее, союзно-племенного или самосознания племенных княжений): старые этнонимы перестали употребляться; прежние центры племенных княжений подверглись разгрому, местные святилища — разрушению, племенная высшая знать княжений — репрессиям и удалению с родных мест.

Огромной была при этом роль официальной правительственной пропаганды и направленной политической деятельности, нашедшей отражение в законодательстве, проповедях высшего духо-

венства, церковных уставах, утверждении культов общерусских святых, создании памятников исторической мысли (летописание).

В начале XII в. в «Повести временных лет» и других древнерусских памятниках чередуются без видимых отличий выражения «сыны русские» как представители древнерусской этнической общности, связанные единством происхождения, и «русские люди» как подданные единой государственной власти.

Сходно процесс формирования территории государства происходил, по-видимому, и в Польше, где в течение значительного времени после объединения государства под единой властью, помимо понятия «Польша», бытовало и более узкое его значение («Великопольша»), связываемое с прежним ядром политического объединения и самой народности — княжеством полян. Здесь также объединение сопровождалось упадком старых племенных центров и созданием новых, а государственная власть искореняла местные культы, а затем усиленно пропагандировала общегосударственный культ святого — покровителя сознательно идеализируемого отечества — Войтеха.

В остроконфликтной ситуации ожесточенной борьбы княжеств за гегемонию складывалась и территория Чешского государства. Здесь также центральная власть в ходе объединительного процесса и ликвидации партикуляризма племенных княжений целенаправленно вела курс на формирование единого самосознания через утверждение понятия общего государственного подданства, придавая официальный характер легенде об «отце Чехе», а затем — о предках основателя княжеского рода Пшемисла, утверждая в качестве всеобщего культ Вацлава и проводя, наконец, идею об общности прошлых исторических судеб чехов и моравян.

Сложным и трудным, несмотря на сравнительно ограниченные масштабы государственных образований, был процесс оформления территории единого Сербского государства, значительная часть населения которого состояла из племен, предки которых переселились на Балканы из различных регионов славянского мира и упорно стремились к сохранению независимости своих мелких племенных княжений. Некоторые союзно-племенные объединения, участвовавшие вначале в процессе становления сербской народности, затем отделились от этносоциальной общности с сербами и были поглощены соседними славянскими народами. Несмотря на наблюдающуюся в XI столетии экспансию этнонима «сербы» на значительной территории, достигавшей адриатического приморья, процесс полного утверждения сербской народности на стадии раннефеодального государства остался незавершенным чему содействовали гористость местности, отсутствие конфессионального единства сербских земель и недостаточная прочность государственной общности в этот период.

Сходным было положение дел в Хорватии, где этноним «хорваты» утвердился в X—XI вв. как самоназвание населения только в Далматинской Хорватии, не распространившись на слабо спаянную с нею территорию Паннонской и Посавской Хорватии.

Особенно ярким своеобразием отличалось складывание государственной и этнической территории болгарской народности, где в пределах единого государства с конца VII в. оказались два народа, представлявшие резко различные этнические и хозяйственно-культурные типы. Здесь не сложилось устойчивого комплекса поселений, основанных и заселенных именно протоболгарами: в обстановке быстро прогрессирующей ассимиляции они переходили к оседлости, оседая в славянских населенных пунктах и теряя свой этнический облик. Территория страны в IX—X вв. постепенно расширялась за счет присоединения занятых славянами земель к югу и западу от Балканского хребта; одновременно центральная власть ликвидировала автономию изначально входивших в состав государства славянских территориальных союзов, следуя этому принципу и на вновь присоединяемых землях. С чрезвычайной последовательностью центральная власть утверждала здесь понятие «болгары» и «Болгария» как обозначение всех подданных государства и название самого государства.

В условиях быстро прогрессирующего исчезновения самого протоболгарского элемента усилия государства привели в первой половине X в. к слиянию понятия подданства («болгары») с понятием самой единой народности («болгарской»), характеризовавшейся в целом славянским этническим обликом.

Существенную роль в данном конкретном случае сыграла не только относительная малочисленность протоболгар сравнительно со славянами, но и различие хозяйственно-культурных типов обоих народов.

Единство материальной культуры и производственной деятельности славян приобрело особое значение в деле сохранения их этнического самосознания в условиях тесного социально-политического контакта с этносом, представлявшим иной этнокультурный тип. Особенности орудий труда, жилищ, хозяйственных строений, предметов быта, одежды, украшений, повседневного распорядка и т. п. стали наглядными признаками этнического своеобразия, атрибутами родной этнокультурной среды.

С повторяющимися циклами сезонных работ земледельцев и скотоводов были сопряжены различающиеся традиционные для обоих народов обычаи и празднества; специфика производственной деятельности отражалась в особенностях фольклора, музыки, была связана и с различиями в сфере общеидеологических (религиозных) представлений. Менее благоприятные условия сохранения и развития в новой обстановке привычного для протоболгар их хозяйственно-культурного типа привели к его отступлению с исторической арены, а вместе с тем ускорили и ассимиляцию протоболгар как этноса.

Особый случай представляет история формирования этносоциальной общности в пределах Великой Моравии. Развитие этого, достигшего высокой степени общественно-политического и этнокультурного единства, государства было прервано иноземным завоеванием. Ход консолидации государственной территории

протекал здесь без тех особых сложностей, о которых шла речь выше: между старыми племенными и новыми административными центрами существовала прямая преемственность. К концу IX в. в письменных памятниках наметилась тенденция отличать моравян от остальных славян не только как особую политическую, но и как этническую общность. Раннее утверждение христианства и литургии на славянском языке (славянском) также содействовало созреванию особого этнического самосознания подданных Великой Моравии. Несомненно, следует искать «моравские» корни у культивировавшихся образованными кругами впоследствии уже в пределах Чешского государства идей о Великой Моравии как прародине славянства, о ее особой миссии в распространении среди славян христианства и славянской письменности.

Однако отсутствие своей независимой государственности, ассимиляция венграми в пределах южных районов Великой Моравии господствующего класса моравян, зависимость других частей от иных государств в целом изменили ход этнокультурного процесса. Моравская народность как особый тип этнической общности, который не рассматривается в данном труде, сохранилась в составе Чехии, подданные исчезнувшего государства Великая Моравия участвовали в оформлении иных славянских народностей (в том числе словаков), но вопрос о степени консолидации великоморавской народности к началу X столетия остается в науке дискуссионным.

Наиболее отрицательным образом на процессе формирования народности отразился факт иноземного завоевания и ликвидации государственных образований у полабских славян. Ни у велетов и сорбов, ни у ободритов, история государства которых была слишком быстротечной, не произошло оформления особых народностей раннефеодальной эпохи. Протекавшие на этих землях этносоциальные процессы обусловили, однако, существование (частично до наших дней) специфических этнических общностей, свидетельствующих о далеко зашедшем процессе формирования этнического самосознания полабских славян в раннее средневековье.

Во всех главах данного труда окончательное оформление этнического самосознания славянских народностей связывается с принятием и утверждением христианства, поскольку именно распространение христианства и его победа с активной помощью центральной государственной власти послужили решающим фактором преодоления в сознании подданных пережитков племенного партикуляризма и создания вероисповедного единства в масштабах всего государства, т. е. стабилизации того компонента этнополитического самосознания, с образованием которого в целом завершается процесс становления раннефеодальных народностей.

Оформление христианской идеологической (религиозной) общности в пределах всего государства являлось первым крупнейшим

переворотом в сознании людей, начиная со времени господства первобытнообщинных отношений. Помимо важнейшей социальной и идейно-политической роли, которую сыграло принятие христианства, оно явилось важнейшим фактором массовой нивелировки самосознания.

Вместе с тем принятие христианства, а также распространение славянской письменности послужили делу сохранения, а отчасти и регенерации чувства общеславянского этнического единства. О том, что этот компонент этнического самосознания не исчез полностью в эпоху упрочения самосознания отдельных славянских народностей, свидетельствовал хотя бы тот факт, что еще в канун принятия христианства славянский мир сохранял языковое единство, понимание своей этноязычной общности. Отнюдь не случайно ни у одной из рассмотренных в труде славянских народностей не появилось понятия собственного языка, свойственного именно данной славянской народности, носящей особое самоназвание: население всех славянских стран по-прежнему считало свой язык славянским или рассматривало, если пользовалось для определения языка своим этнонимом, этот язык идентичным общеславянскому (Нестор: «Славянский язык и русский одно есть»).

Христианство привнесло в сознание неофитов представление об их причастности к огромному цивилизованному миру, к христианской ойкумене. Для IX—XI столетий в массе христианского населения Европы еще отсутствовало понимание того, что христианский мир все отчетливее распадается на две основные зоны — западнохристианскую (латинскую) и восточнохристианскую (византийскую). К намечающейся конфронтации между этими двумя зонами в указанное время широкие слои населения были привлечены до второй половины XI в. лишь отчасти и лишь на крайних западных и юго-западных границах славянства (Великая Моравия, Хорватия, западносербские земли).

Тем важнее, что, начиная с первых письменных памятников славянства, культурно-церковные деятели, пропагандисты славянской литургии и славянской письменности усиленно культивировали идею общеславянской этнокультурной и вероисповедной общности. Первые переводчики христианских текстов на старославянский язык использовали и существовавшую до принятия христианства народно-поэтическую общеславянскую традицию. Славяне обрели в литературном церковном языке (а позднее в разных его местных изводах, включавших локальные особенности) мощное средство культурного, языкового и религиозного объединения. Поскольку период языкового распада бесписьменного общеславянского языка (начавшийся в IX в.) совпал со временем создания и распространения единого письменного языка христианской церковной проповеди (IX—XI вв.), эти два процесса действовали разнонаправленно. Единство старославянского письменного языка в известной мере уравновесило усиливавшийся процесс языковой дифференциации. Благодаря двуязычию в кану-

дом из регионов славянского мира существовал единый для славян общелитературный язык.

Идея общеславянского единства, несомненно, проникла в среду образованных людей не только на Руси, в Болгарии, Восточной Сербии, Великой Моравии, но также в Чехии и Польше. Особенно ярко сознание этого общеславянского единства отразилось в «Сказании о переложении книг», в сочинении черноризца Храбра «О письменах» и в «Повести временных лет». Впервые за всю предшествующую историю славянства признаки его этнической общности были осмыслены как доказательства единства славян в пределах всего заселенного ими ареала; случилось же это именно тогда, когда процесс дезинтеграции этой общности достиг в действительности своей высшей стадии для раннего средневековья — оформления особых славянских народностей.

Общеславянское самосознание было, разумеется, достоянием прежде всего образованных слоев общества. Оно не было политическим, а носило ярко выраженный этнокультурный характер. Однако постепенно, в рамках по крайней мере восточнохристианской зоны, оно получило тенденцию к усвоению более широкими слоями населения, культивируемое распространением славянской грамоты, интенсификацией культурного обмена, взаимным проникновением культов «отечественных» святых (чтимых в народе разных славянских стран), памятников литературы и искусства, наконец, усилением церковно-вероисповедных противоречий с государствами, представлявшими западную, латинскую зону христианства.

Яркое проявление этот процесс нашел, в частности, в том, что в самосознании народностей некоторых славянских стран появились компоненты, отражающие представление об особой этнокультурной роли, сыгранной данной народностью в славянском мире: выше уже было упомянуто о подчеркивании в некоторых раннеславянских памятниках особого значения Великой Моравии в принятии славянами христианства и в приобщении их к славянской грамоте; сходные тенденции проявились вскоре и в болгарской литературе, где славянские просветители Кирилл и Мефодий предстают безоговорочно как болгары по этническому происхождению.

Накопец, в полном соответствии со стремлением формирующихся народностей утвердить свое этнополитическое достоинство и права на обладание занятой ими территорией создавались, распространялись а иногда получали и официальную санкцию мифы и легенды, в которых запечатлевался отрицательный стереотип соседних иноязычных народов, в соперничестве или острой борьбе с которыми упрочивалось данное славянское этнополитическое единство. Об этом свидетельствуют уже этниконы, которые дали славяне некоторым своим соседям (чудь, немцы) или которые они заимствовали у других народов вместе с пейоративным оттенком (греки). Об этом говорят и устойчивые изречения, подобные древнерусскому летописному «погибоша аки обре».

Характерно, что эти отрицательные стереотипы иноплеменников были созданы на периферии славянского мира, где славяне приходили в соприкосновение с чуждыми им в этническом отношении народами.

Мы кратко суммировали здесь лишь отдельные аспекты проблемы формирования этнического самосознания славянских народностей в эпоху их становления. Теоретическое осмысление этого сложного и многогранного процесса фактически лишь начато в марксистской историографии. Его более глубокое и всестороннее рассмотрение возможно, по-видимому, после расширения и интенсификации комплексных исследований в этом направлении и, в частности, после изучения вопросов истории средневековых народностей на следующем этапе их развития. В силу всего этого предложенную в данном Заключении попытку обобщения выводов монографии следует рассматривать лишь как предварительную.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ»

Среди трудов, авторство которых приписывается византийскому императору Константину VII Багрянородному (913—959 гг.), важнейшее значение в качестве исторического источника имеет сочинение «Об управлении империей». Как ни один другой византийский памятник этой эпохи труд Константина содержит множество уникальных свидетельств о народах и странах Ближнего Востока, Кавказа, Балканского полуострова, Центральной Европы, Северного Причерноморья и Древней Руси. Интенсивно используются свидетельства этого памятника и авторами данной работы о развитии этнического самосознания славян.

Сочинение Константина представляет собою поучение, составленное им в 948—952 гг. для своего сына и наследника Романа II (959—963 гг.) в качестве руководства, призванного помочь юному императору в управлении государственным кораблем. По всей вероятности, именно в силу этого назначения труда его содержание не было предано широкой гласности: сочинение императора осталось неизвестным авторам-современникам, как и писателям последующего времени, упоминания об этом произведении и ссылки на него отсутствуют в византийской литературе. Поэтому, видимо, не случайно труд «Об управлении империей» сохранился в единственной (Парижской) рукописи, датируемой XI столетием.

Научная литература, посвященная трактату Константина, огромна. Его критическое издание было осуществлено в 1949 г. венгерским ученым, одним из крупнейших византинистов нашей эпохи Д. Моравчиком¹. В 1962 г. группа западных ученых с участием издателя опубликовала систематическое исследование труда Константина в виде обстоятельного комментария, снабженного источниковедческим введением и обширной библиографией². Пятью годами позднее, в 1967 г., вышло в свет второе издание памятника; при этом были тщательно проанализированы и учтены все те эмендации и конъектуры, которые были сделаны в историографии почти за 20 лет, истекших после первого издания Моравчика³. Сочинение Константина и в данное время пользуется неизменным вниманием в мировой научной литературе. Немало свидетельств Константина по-прежнему не находят удовлетворительного объяснения, множество вопросов, связанных с пониманием различных пассажей труда, остаются по сей день остро дискуссионными. Русское полное издание памятника с историко-филологическим введением и детальным комментарием включено в перспективный план серии — «Корпус древнейших источников по истории народов СССР» и будет осуществлено совместно группой сотрудников двух академических институтов (Истории СССР и Славяноведения и балканистики).

Полностью на русский язык труд «Об управлении империей» был переведен единожды около столетия назад Г. Ласкиным⁴. Этот перевод, издание которого уже через два—три десятилетия стало библиографической редкостью, к настоящему времени безнадежно устарел. Не могут удовлетворить научную общественность и переводы отдельных отрывков из сочинения Константина. Лучшим из изданий такого рода и наиболее полным по числу переведенных глав является перевод В. В. Латышева и Н. В. Малицкого⁵. В соответствии с критическим изданием памятника переводу подверглись лишь несколько глав (о хорватах и сербах) и лишь в последние годы⁶.

Данный перевод основан на издании 1967 г. Из перевода исключена почти целиком лишь одна, самая обширная 53 глава, содержащая в основном предание о соперничестве Херсона и Боспора в III—IV вв. и не являющаяся органической частью сочинения Константина Багрянородного. Технические термины оставлены, как правило, без перевода и кратко пояснены в прилагаемом словарике, не претендующем на роль научного комментария. Транскрипция этих терминов и собственных имен выдержана в большинстве случаев в соответствии с их написанием в оригинале и в соответствии с их греческим произношением в средние века. Слова в квадратных скобках отсутствуют в тексте памятника и вставлены нами лишь для того, чтобы сделать перевод максимально понятным. Отточия означают лакуны в рукописи, указанные издателями.

Интерпретация текста не входит в задачи данной публикации, которая рассматривается как предварительная.

Г. Г. Литаврин

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio/* Ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949.
- ² *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio.* London, 1962. Vol. II. Commentary.
- ³ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio/* Ed. Gy. Moravcsik. Washington, Dumbarton Oaks, 1967.
- ⁴ Ласкин Г. Сочинения Константина Багрянородного «О темах» (*De thematibus*) и «О народах» (*De administrando imperio*). — ЧОИДР, 1899, т. 1 (188).
- ⁵ Латышев В. В., Малицкий Н. В. Сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством». — Изв. ГАИМК, 1934, вып. 91.
- ⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей: Отрывки/ Пер. Г. Г. Литаврина. — В кн.: Москаленко А. Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян: Хорваты и сербы. М., 1978, с. 31—48.

КОНСТАНТИНА, ВО ХРИСТЕ, ЦАРЕ ВЕЧНОМ, ВАСИЛЕВСА РОМЕЕВ, К СЫНУ СВОЕМУ РОМАНУ, БОГОВЕНЧАННОМУ И БАГРЯНОРОДНОМУ ВАСИЛЕВСУ

(Предисловие)

Мудрый сын радует отца, и нежно любящий отец восхищается разумом сына, ибо господь дарует ум, когда настает пора говорить, и добавляет слух, чтобы слышать. От него сокровище мудрости, и от него обретается всякий дар совершенный. Он возводит на трон василевсов и вручает им власть надо всем. Ныне посему послушай меня, сын, и, восприняв наставление, станешь мудрым среди разумных и разумным будешь почитаться среди мудрых. Благословят тебя народы и восславят тебя сонм иноплеменников. Восприми, что тебе должно узнать в первую очередь, и умно возмись за кормило царства. Поразмысли о настоящем и вразумись на будущее, дабы соединить опыт с благоразумием и стать удачливым в делах. Учти, для тебя я пишу поучение, чтобы в нем соединились опыт и знание для выбора лучших решений и чтобы ты не погрешил против общего блага. Сначала — о том, какой иноплеменный народ и в чем может быть полезен ромеям, а в чем — вреден: [какой] и каким образом каждый из них и с каким иноплеменным народом может успешно воевать и может быть подчинен. Затем — о хищном и ненасытном их нраве и чего они в своем безумии домогаются получить, потом — также и о различиях меж иными народами об [их] происхождении, обычаях и образе жизни, о расположении и климате населенной ими земли, о внешнем виде ее и протяженности, а к сему — и о том, что случалось когда-либо меж ромеями и разными иноплеменниками. После всего этого — о том, какие в нашем государстве, а также во всем царстве ромеев в разные времена появлялись новшества. Все это я продумал наедине с собой и решил

сделать известным тебе, любимому сыну моему, чтобы ты знал особенности каждого из народов: как вести с ними дела и приучать их или как воевать и противостоять [им], ибо [тогда] они будут страшиться тебя как одаренного; будут бегать от тебя, как от огня; замкнутся уста их, и будто стрелами будут поражать их твои речи. Ты будешь казаться страшным для них, и от лика твоего дрожь объест их. И вседержитель укроет тебя своим щитом и вразумит тебя твой создатель. Он направит стопы твои и утвердит тебя на пьедестале непоколебимом. Трон твой, как солнце, — перед ним, и очи его будут взирать на тебя, ни одна из тягот не коснется тебя, поскольку он избрал тебя и исторг из материнского чрева и даровал тебе царство свое как лучшему из всех, и водрузил тебя, словно убежище на холме, словно статую золотую на высоте, вознес, словно город на горе, чтобы несли тебе дары иноплеменники и поклонялись тебе населяющие землю. Но ты, о господи, боже мой, коего царство вечно и несокруσιμο, да пребудешь указующим путь рожденному мною благодаря тебе, и да будет блюстительство лика твоего на нем, а слух твой да будет склонен к его молитвам. Пусть охраняет его рука твоя, и пусть он царствует ради истины, и пусть ведет его десница твоя. Пусть направляются пути его пред тобою, дабы сохранять заповеди твои. Неприятели да падут перед лицом его, и да будут лизать прах враги его. Да будет осенен корень рода его кроной плодородия, и тень млада его пусть покроет царские горы, так как благодаря тебе царствуют василевсы, славя тебя в веках.

1. *О пачинакитах: насколько полезны*

они, находясь в мире с василевсом ромеев.

Итак, послушай, сын, то, что, как мне кажется, ты [обязан] знать; обрети разумение, дабы овладеть управлением. Ведь и всем прочим я говорю, что знание есть благо для подданных, в собственности же — для тебя, обязанного печься о спасении всех и править и руководить мировым кораблем. А если я воспользовался ясной и общедоступной речью, как бы беспечно текущей обыденной прозой, для изложения предстоящего, не удивляйся нисколько, сын мой. Ведь не пример каллиграфии или аттикизирующего стиля, торжественного и возвышенного, я старался представить, а заботился более, чтобы через простое и обиходное повествование наставить тебя в том, о чем, по моему мнению, тебе не должно пребывать в неведении и что легко тебе может доставить тот разум и мудрость, которые обретаются в длительном опыте.

Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиария с подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т. е. заложников, и апокрисиария, которые придут в богохранимый этот град вместе с исполнителем сего дела и воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойными правящего василевса.

Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон и так называемые Климаты.

2. *О пачинакитах и росах.* [Знай], что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб.

[Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии

не водилось. Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность — в то время когда росы удалятся от своих [семей] — нападая, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

[Знай], что и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко — не могут же росы двум трудам противостоять — побеждают и устраивают резню.

3. *О пачинакитах и турках.* [Знай], что и турок род весьма страшится и боится упомянутых пачинакитов, потому, что был неоднократно побеждаем ими и предан почти полному уничтожению, оттого турки всегда страшными считают пачинакитов и трепещут перед ними.

4. *О пачинакитах, росах и турках.* [Знай], что пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю.

5. *О пачинакитах и булгарах.* [Знай], что и булгарам более страшным казался бы василевс ромеев и мог бы понуждать их к спокойствию, находясь в мире с пачинакитами, поскольку и с этими булгарами соседят названные пачинакиты, и когда пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду ва-

силевсу ромеев, могут легко выступить против Булгарии и, благодаря своему подавляющему большинству и силе, одолевать тех и побеждать. Поэтому и булгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами. Так как [булгары] многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно находиться всегда в мире с пачинакитами.

6. *О пачинакитах и херсонитах.* [Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влаттин, прандии, харерии, пояса, перец, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям. Ведь будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы.

7. *О василиках, посылаемых из Херсона в Пачинакию.* Всякий раз, когда василик переправится в Херсон ради подобного поручения, он должен тотчас послать [вестника] в Пачинакию и потребовать от них заложников и охранников. Когда они придут, то заложников оставить под стражей в крепости Херсона, а самому с охранниками отправиться в Пачинакию и исполнить порученное. Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков: заложники домогаются одного для себя, а другого для — своих жен, охранники — одного за свои труды, а другого — за утомление их лошадей. Затем, когда василик вступит в их страну, они требуют прежде всего даров василевса, и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей. Мало того, те, которые ради охраны возвращающегося к Херсону василика приходят с ним, просят у него,

чтобы он вознаградил труд их самих и их лошадей.

8. *О василиках, посылаемых из богочраемого града в Пачинакию с хеландиями по рекам Дунай, Днепр и Днестр.* [Знай], что и в стороне Булгарии расположился народ пачинакитов по направлению к области Днепра, Днестра и других там имеющих рек. Когда послан отсюда василик с хеландиями, то он может, не отправляясь в Херсон, кратчайшим путем и быстрее найти здесь тех же пачинакитов, обнаружив которых, он оповещает их через своего человека, пребывая сам на хеландиях, имея с собою и охраняя на судах царские вещи. Пачинакиты сходятся к нему, и когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но и сам получает от пачинакитов их заложников и держит их в хеландиях. А затем он договаривается с пачинакитами. И когда пачинакиты принесут василику клятвы по своим «законам», он вручает им царские дары и принимает друзей из их числа, сколько хочет, а затем возвращается. Так-то нужно договариваться с ними, чтобы, когда у василевса явится потребность в них, они бы исполнили службу будь то против росов, либо против булгар, либо же против турок, ибо они в состоянии воевать со всеми ими и, многократно нападая на них, стали ныне [им] страшными. Ясно это также из следующего. Когда клирик Гавриил как-то был послан к туркам по повелению василевса и сказал им: «Василевс заявляет вам, чтобы вы отправились и прогнали пачинакитов с мест их, а вы расположились бы вместо них, так как прежде там располагались, — дабы находиться близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял бы послов и вскорости находил вас», — то все архонты турок воскликнули в один голос: «Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними: страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей — не по праву они нам».

[Знай], что пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны реки Днепра и всегда здесь проводят лето.

9. *О росах, отправляющихся с моно-*

ксиллами из России в Константинополь. [Да будет известно], что приходящие из внешней России в Константинополь моноксиллы являются из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а также из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киева, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксиллы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и моноксиллы из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киеву. Их вытаскивают для оснастки и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксиллы, переносят на новые — весла, уключины и прочее убранство . . . снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витечеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксиллы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссуни, что означает по-русски и по-славянски «Не спл». Теснина его столь же узка, сколь пространство цнканистрия, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегаящая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моноксиллах, затем нагие, ощупывая [дно] своими ногами, [волокут их], чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни — у носа, другие посередине, а третьи — у кормы, толкая [ее] шестами и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому

порогу, называемому по-русски Улвореп, а по-славянски Островунипрах, что значит в переводе «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксиллы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-русски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неуспешно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноксиллах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моноксиллы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-русски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моноксиллы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-русски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает «Кипение воды» и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-русски Струкун, а по-славянски Настрези, что переводится как «Малый порог». Затем достигают так называемой переправы Криария, через которую переправляются херсониты, идя из России, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а высоту — столько с низа [ипподрома] до того [места], откуда свешиваются занавеси, и насколько пролетит стрела пустившего ее снизу доверху. Ввиду чего к этому месту приходят пачинакиты и воюют против росов. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, втыкают

они и стрелы кругом, а другие [кладут] также кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми. От этого острова росы не боятся пачинакита, пока не окажутся в реке Селине. Затем, продвигаясь таким образом от [этого острова] до четырех дней, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Св. Эферия. Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух—трех дней. И снова они переоснащают свои моноксины всем тем нужным, чего им не доставало: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]. Так как устье этой реки является, как сказано, заливом и простирается вплоть до моря, а у моря лежит остров Св. Эферия, оттуда они отправляются к реке Днестру и, найдя там убежище, вновь там отдыхают. Когда же наступит благоприятная погода, отчалив, они приходят в реку, называемую Аспрос, и подобным же образом отдохнувши и там, снова отправляются в путь и приходят в Селину, в так называемый рукав реки Дуная. Пока они не минуют реку Селину, рядом с ними следуют пачинакиты. И если море, как это часто бывает, выбросит моноксил на сушу, то все [прочие] причаливают, чтобы вместе противостоять пачинакитам. От Селины же они не боятся никого, но вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная. От Дуная они прибывают в Конопу, а от Конопы — в Констанцию. . . к реке Варна; от Варны же приходят к реке Дичине. Все это относится к земле Булгарии. От Дичины они достигают области Месемврии — тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание. Зимний же и суровый образ жизни росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другивитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке

Днепре, возвращаются в Киаву. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксины, они оснащают [их] и отправляются в Романию.

[Знай], что узы могут воевать с пачинакитами.

10. О Хазарии, как нужно и чьими силами воевать [с нею]. [Знай], что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому, как и эксусиократор Алании.

[Знай], что девять климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии.

11. О крепости Херсоне и крепости Боспоре. [Знай], что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения алан, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир.

12. О Черной Булгарии и о Хазарии. [Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами.

13. О народах, соседствующих с турками. [Знай], что к туркам прилегают следующие народы. С западной стороны от них — Франгия, с северной — пачинакиты, а с южной — . . . Великая Моравия, т. е. страна Сфендоплока, которая совершенно уничтожена этими самыми турками и захвачена ими. Хорваты же соседят с турками у гор.

[Знай], что пачинакиты могут также нападать на турок, сильно разорять их и вредить им, как уже было сказано выше в главе о пачинакитах.

Обрати, сын, очи разума твоего на слова мои, познай, что я велю тебе, и ты со временем, будто из

отцовских сокровищниц, сможешь извлекать богатства благоразумия и источать аромат мудрости. Итак, знай, что у всех северных народов стала как бы прирожденной жадность к деньгам и ненасытность, никогда не удовлетворяемая. Посему она требует всего, всего домогается и не имеет четких границ своим желаниям, но вечно жаждет большего и взамен скромной пользы стремится извлечь великую корысть. Поэтому должно неуместные их домогательства и наглые притязания отклонять и пресекать правдоподобными и разумными речами, мудрыми оправданиями, которые, как мы смогли постичь на опыте, могут быть вот какими.

Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских, а подобное случается частенько, послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов, или из мантий ради какой-либо их службы и услуги, тебе нужно отвечать так: «Эти мантии и венцы (а венцы у вас называются камелавкиями) изготовлены не людьми, не человеческим искусством измышлены и сработаны, но, как мы находим запечатленными словами заповедными в древней истории, когда бог сделал василевсом Константина Великого, первого царствующего христианина, он послал ему через ангела эти мантии и венцы, которые вы называете камелавкиями, и повелел ему положить их в Великой божьей святой церкви, которая именем самой истинной мудрости божьей святою Софией нарекается, и не каждый день облачаться в них, но когда случается всенародный великий господний праздник. Поэтому, по божьему повелению, он убрал их; они подвешены над святым престолом в алтаре этого самого храма и явились украшением церкви. Прочие же царские вещи и украшения разостланными положены поверх святого сего престола. Когда же наступает праздник господина бога нашего Иисуса Христа, патриарх берет из этих одеяний и венцов нужное и подходящее для случая и посылает василевсу, а тот надевает их, как раб и слуга божий, но только на время процессии, и вновь после использования возвращает их в церковь, где

они находятся. Мало того, есть и заклятие святого и великого василевса Константина, начертанное на святом престоле божьей церкви, как повелел ему бог через ангела, что если захочет василевс ради какой-либо нужды или обстоятельства, либо нелепой прихоти забрать что-нибудь из них, чтобы употребить самому или подарить другим, то будет он предан анафеме и отлучен от церкви как противник и враг божьих повелений. Если же он вознамерится сам изготовить другое, подобное [этому], то пусть церковь заберет и это по требованию на сей счет всех архиепископов и синклита. Не имеют права ни василевс, ни патриарх, ни кто-либо иной брать эти одеяния или венцы из святой божьей церкви. Великий страх да тяготеет над посягающими нарушить что-либо из сих божьих заповедей. Так, один из василевсов, по имени Лев, который взял себе жену из Хазарии, в припадке неразумной дерзости, забрал один из этих венцов, когда не было господнего праздника, и без согласия патриарха одел его. Тотчас пали карбункулы на лоб его, и, муками от них изнуренный, он жалким образом лишился жизни, до времени найдя смерть. Поскольку кара за такую дерзость последовала столь быстро, с той поры стало правилом, что василевс, прежде, чем будет коронован, клянется и заверяет, что он не дерзнет сделать или измыслить ничего противного до него установленному и с древних времен соблюдаемому. После этого он венчается патриархом и совершает и исполняет подобающее наступившему празднеству».

Должно, чтобы ты подобным же образом проявлял попечение и заботу о жидком огне, выбрасываемом через сифоны. Если кто-нибудь когда-нибудь дерзнет попросить и его, как многократно просили у нас, ты мог бы уклониться и отказать в таких выражениях: «Это также [бог] через ангела доставил и вручил великому, первому василевсу-христианину, святому Константину. Одновременно он получил и великие наказы о сем от того ангела, как мы точно осведомлены отцами и дедами, чтобы он изготовлялся только у христиан и только в том городе, в котором они царствуют, — и никоим

образом не в каком ином месте, а также, чтобы никакой другой народ не получил его и не был обучен [его приготовлению]. Поэтому сей великий василевс, наставляя в этом своих преемников, приказал начертать на престоле церкви божией проклятия, дабы дерзнувший дать огонь другому народу, ни христианином не почитался, ни достойным какой-либо чести или власти не признавался. А если он будет уличен в этом, то да будет низвержен с поста, да будет проклят во веки веков, да станет притчею во языцех, будь то василевс, будь то патриарх, будь то любой иной человек, из повелевающих или из подчиненных, если он осмелится преступить сию заповедь. Было определено, чтобы все питающие рвение и страх божий, отнеслись к сотворившему такое как к общему врагу и нарушителю великого сего наказа и постарались убить его, предав мерзкой и тяжелой казни. Случилось же некогда — ибо зло вечно выискивает местечко — что один из наших стратигов, получив всевозможные дары от неких иноплеменников, передал им взамен частицу этого огня, но поскольку бог не попустил оставить безнаказанным преступление, когда наглец вздумал войти в святую церковь Божию, пал огонь с неба, пожрал и истребил его. С той поры великие страх и трепет обуяли души всех, и после этого никто более, ни василевс, ни архонт, ни частное лицо, ни стратиг, ни какой бы то ни было вообще человек, не дерзнули помыслить о чем-либо подобном, а тем более на деле попытаться исполнить либо совершить это».

Но давай, впрочем, изменим тему. Разбери и узнай уместные и подходящие ответы на иной вид неразумных и нелепых домогательств. Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т. е. либо дочь его плучить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса, должно тебе отклонить и эту их неразумную просьбу, говоря такие слова: «Об этом деле также страшное заклятие и нерушимый приказ великого и святого Константина начертаны на священном престоле вселенской

церкви христиан святой Софии: никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к отличным и чужим обычаям, по сравнению с ромейским устройением, особенно же — с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками. Ибо для них одних сделал исключение сей великий муж святой Константин, так как и сам он вел род из тех краев, так что имели место частые браки и великое смешение меж франками и ромеями. Почему же только с ними одними он повелел заключать брачные сделки василевсам ромеев? Да ради древней славы тех краев и благородства их родов. С иным же каким бы то ни было народом нельзя этого сделать; а дерзнувший совершить такое должен рассматриваться как нарушитель отеческих заветов и царских повелений, как чуждый сонму христианскому, — и предается анафеме. Выше было рассказано, как пресловутый, ранее упомянутый василевс Лев незаконно и дерзко, вопреки согласию тогдашнего патриарха, взял и возложил венец — и немедленно был предан казни, достойной его дурного деяния. Осмелился он и эту заповедь святого сего василевса, которую, как уже было рассказано, тот установил, начертав на святом престоле, счесть недостойной внимания, почитая ее ни во что, вследствие чего поставил себя вне страха божия и заповедей его. Он заключил с хаганом Хазарии брачную сделку, взял его дочь в жены и навлек таким образом великий позор и на державу ромеев и на себя самого, ибо отменил обычаи предков и поставил их ни во что. Впрочем, он был не правоверным христианином, а еретиком и иконоборцем. Потому-то из-за сих его противозаконных нечестивых деяний он в божьей церкви постоянно отлучается и предается анафеме, как преступник и ниспровергатель повелений и бога, и святого великого василевса Константина. Как это можно подлинным христианам заключать с неверными брачные союзы и вступать с ними в родство, когда каноны это запрещают и вся церковь считает это чуждым и враждебным христианскому порядку? Скажем иначе: кто из державных, благородных и мудрых василевсов ромеев соглашался [на

это]?). А если иноплеменники возра-
зят: «Но как же господин Роман ва-
силевс породнился с булгарами, вы-
дав собственную внучку за господина
Петра, болгарина?», то следует отве-
тить так: «Господин Роман василевс
был простым и неграмотным чело-
веком, не принадлежал ни к тем,
кто с детства воспитан в царских
дворцах, ни к тем, кто с самого на-
чала следовал ромейским обычаям;
он был не из царского и знатного
рода, а поэтому он многое вершил
деспотично и крайне самовластно,
не повинувшись при этом запретам
церкви, не следуя заповедям и по-
велениям великого Константина.
По разумению надменному и само-
вольному, добру неученому, следо-
вать надлежавшему и хорошему не
желавшему, как и блюсти обычаи,
от отцов переданные, он дерзнул сде-
лать упомянутое, лишь тот предлог
благовидный при этом выставив,
что столь великое число пленных
христиан благодаря этому деянию
было освобождено, что булгары
являются христианами и единове-
рцами нашими, а кроме того, — что
выданная была дочерью не само-
держца и законного василевса, а
третьего и последнего [среди них],
еще подчиненного и ни к какой
власти в делах царства не причаст-
ного. Да и нет здесь отличий: той
или иной из царских родственниц
она оказалась, из далеких или близ-
ких царскому благородству [она
была], ради общепольного или ка-
кого иного дела [она выдана]; [и не-
важно, что] самого незначительного
и не властвующего [она была до-
черью]. Так как вопреки канонам
и церковной традиции, вопреки пове-
лению и заповеди великого и святого
василевса Константина он совершил
это, поэтому еще при жизни выше-
названный господин Роман был
крайне ненавидим, порицаем и по-
носим и советом синклита, и всем
народом, и самую церковью, так что
ненависть [к нему] под конец стала
явной и после смерти точно также
подвергали его презрению, обвине-
нию и осуждению, введшего как нов-
шество это недостойное и неподобаю-
щее для благородного государства
ромеев дело». Поскольку каждый
народ имеет различные обычаи, раз-
ные законы и установления, он дол-
жен держаться своих порядков и

союзы для смешения жизней заклю-
чать и творить внутри одного и
того же народа. Ибо подобно тому,
как любое существо вступает в сно-
шение с ему единопородными суще-
ствами, так и у каждого народа стало
правилом вступать в брачные сожи-
тельства не с иноплеменниками и
иноязычными, а с людьми того же
рода и того же языка. Именно по-
этому устанавливалось обычно едино-
мыслие друг с другом, взаимопони-
мание, дружеское общение и сожи-
тельство; чуждые же нравы и отлич-
ные узаконения обыкновенно поро-
ждают враждебность, ненависть и
ссоры, что помогает возникновению
не дружбы и единения, а вражды
и раздоров. Ведь должно, чтобы же-
лающие править по закону не сорев-
новались в подражании дурно со-
деянному кем-либо по невежеству и
самолюбию, но держались славных
дел тех, кто царствовал в согласии
с законом и справедливостью,
[чтобы] они имели пред собой благие
образцы для примера и подражания
и в соответствии с ними пытались
и сами направлять все ими совершае-
мое. Поэтому из-за таких самоволь-
ных дел его — я имею в виду госпо-
дина Романа — постигший его конец
является достаточным примером для
вразумления того, кто пожелает по-
дражать его дурным поступкам.

Нужно, однако, вместе с прочим
знать тебе, сын возлюбленный, и то,
что способно при осведомленности
об этом во многом содействовать тебе
в совершении достойных удивления
дел. А именно — [знать] опять-таки
о различиях меж другими народами,
об их происхождении, нравах, образе
жизни, расположении и климате на-
селенной ими земли, об ее внешнем
виде и протяженности, как далее бу-
дет поведано подробнее.

14. *О происхождении Мухумета.* Не-
честивый и мерзкий Мухумет, о коем
сарацины говорят, что он был их
пророком, ведет род, происходя
от исконнейшего племени Исмаила,
сына Авраама. Ибо Низар, потомок
Исмаила, провозглашается отцом
всех их. Итак, он породил двух сыно-
вей, Мундара и Равию. Мундар же
породил Кусара, Каиса, Фемима,
Асанда и нескольких других неиз-
вестных по имени, которые, унаследо-
вав Маданитскую пустыню, разво-
дили скот, живя в шатрах. Имеются

и глубже этих живущие, не из их племени, а [происходящие] от Иектана, называемые омиритами, то есть аманитами. Рассказывают же так. Поскольку сей Мухумет был нищим сиротой, вздумалось ему напяться к некоей богатой женщине, своей родственнице, по имени Хадига, чтобы быть погонщиком верблюдов и вести торговлю с иноплемениками в Египте и в Палестине. Затем по-немногу, ведя себя смело и подольстившись к женщине, которая была вдовою, он берет ее в жены. Итак, часто бывая в Палестине и вращаясь среди иудеев и христиан, он захватался идей и некоторых письменных учений. Страдал он недугом — эпилепсией, и печалилась сильно жена его, знатная и богатая, но соединенная с таким мужем, не только не имущим, но и эпилептиком, а он, утешая ее, говорил: «Ужасное зрю я очами видение ангела по имени Гавриил и, не вынося вида его, помрачаюсь и падаю». Ему поверили, ибо лживо свидетельствовал о том же некий арианец, псевдомонах, ради постыдной корысти. Так, одураченная, она и прочим единоплеменным женщинам возвестила, что он является пророком. Хитрая ложь достигла ушей филарха по имени Бувахар. Когда жена Мухумета умерла и оставила его преемником и наследником своего состояния, оказался он знатным и весьма богатым человеком, и его дурное заблуждение и еретичество охватили края Эфрива. Поучал сей безумный совратитель доверчивых людей, что убивающий врага либо убитый врагом попадает в рай, и о чем-то ином болтал. Молятся они и звезде Афродиты, которую называют Кувар, и возглашают в своей молитве так: «Алла уа Кувар», что значит: «Бог и Афродита». Ибо бога они обозначают словом «Алла», «уа» употребляют вместо союза «и», «Кувар» имеют звезду и говорят по этому: «Алла уа Кувар».

15. О роде Фатимидов. Знай, что Фатима была дочерью Мухумета и от нее происходят Фатимиды. Они не от Фатимы из страны Ливии, а проживают в краях севернее Мекки, дальше от могилы Мухумета. Арабский народ к войнам и битвам исключительно подготовлен. Именно с этим родом шел на войну Мухумет, опустошил много городов и подчинил

много стран, потому что они мужественны и воинственны, так что, если в войске их насчитывается до одной тысячи, то это войско оказывается непобедимым и неодолимым. Скачут они не на конях, а на верблюдах; во время войны не надевают ни панцирей, ни шлемов, но [только] розовый плащ; вооружены они длинными копьями, щитами размером с человека и огромными деревянными луками, которые лишь немногие мужи с трудом могут натянуть.

16. Из правила, которое вывел математик Стефан о выступлении сарацин — в какой год от основания мира оно случилось и кто тогда держал скипетр царства ромеев. Выступили сарацины 3 сентября десятого индикта, в двенадцатый год правления Ираклия, в год от основания мира 6130. Гороскоп же самих сарацин указывал на месяц сентябрь, третье число, пятый день недели. В эти времена главным вождем арабов был Муамеф, которого арабы называют Мухуметом и который, став их пророком, обладал властью над арабами девять лет.

17. Из хроники блаженного Феофана. В этот год, т. е. в 6139 г. умер Муамеф, вождь сарацин и лжепророк, избрав вместо себя Абу-Бахара (он же Бунактор), своего родственника. Обманутые евреи в начале появления Муамефа вообразили, что это ожидаемый ими Христос. Поэтому некоторые из выдающихся среди них пришли к нему, чтобы принять его веру и оставить веру Моисея, который видел бога. Увидев же его за поеданием мяса верблюда, они поняли, что он не тот, за кого они его почитали. Но они обучили его беззаконию против христиан и оставались с ним. Как раз они склонили его принять некую часть их закона, в частности обрезание и кое-что другое, что и соблюдают сарацины. Итак, первым последовал за ним и объявил его пророком Абу-Бахар, поэтому тот и оставил его преемником. Ересь Муамефа охватила края Эфрива, сначала скрытно в течение десяти лет, далее проявилась в войне, длившейся также десять лет, затем явно исповедовалась одиннадцать лет. Муамеф учил своих подданных, что убивший врага или убитый врагом беспрепятственно достигает рая. А раем он называл мясную пищу, напитки

и соитие с женщинами; там, мол, текут реки вина, меда и молока, краса жен несравненная, здесь неведомая, а иная; что соитие продолжительно, а наслаждение постоянно, и кое о чем ином болтал, полном распутства и глупости, как и о том, чтобы сострадать другим и помогать обиженным.

18. Второй вождь арабов Абу-Бахар — три года. Этот Абу-Бахар первым овладел городом Газой и всею ее округой. Умер же Абу-Бахар, пробыв эмиром три года, и власть перенял Умар, который правил арабами двенадцать лет.

19. Третий вождь арабов Умар. Итак, сей Умар выступил против Палестины и, расположившись в ней, осаждал Иерусалим в течение двух лет, пока не взял его хитростью, ибо Софроний, епископ Иерусалима, подвигнутый божественным рвением и отличаясь дальновидностью, получил от Умара крепкое ручательство за церкви всей Палестины, что они останутся неразрушенными и не подвергнутся грабежу. Повидав его, Софроний сказал: «Истинно это мерзость и запустение на месте святе, предсказанное пророком Даниилом». Умар мечтал о храме иудеев, который воздвиг Соломон, чтобы обратить его в капище своего богохульства. Так и остается это поныне.

20. Четвертый вождь арабов Уфман. Он занял войной Африку и, установив налоги с афров, вернулся. Его стратигом был Мавия, разрушивший Колосс Родосский и разграбивший остров Кипр и все его города. Он захватил остров Арад, сжег его город и покинул остров, оставшийся не населенным вплоть до сих дней. Взяв остров Родос, Мавия уничтожил колосс, стоявший на нем 1360 лет после его установления, купив который, некий купец — иудей из Эдессы погрузил медь колосса на девятьсот верблюдов. Этот Мавия совершил поход и против Константинополя; он разорил Эфес, Галикарнас, Смирну и прочие города Ионии; стал он на двадцать четыре года и пятым вождем арабов после смерти Уфмана.

21. Из «Хроники» Феофана: год от сотворения мира 6171. Знай, что перед смертью Мавии, вождя арабов, в Ливан вторглись мардаиты, овладели

им от Черной Горы вплоть до святого города и захватили возвышенности Ливана. Множество рабов и местных жителей перебежали к ним, так что через недолгое время число их достигло многих тысяч. Узнав об этом, Мавия и его советчики сильно испугались. Он отправил послов к самодержцу Константину, прося о мире. По сему поводу правоверным василевсом Константином, сыном Погоната, по прозвищу Пичикавдис. Когда он прибыл в Сирию, Мавия принял его с большой честью. Меж обеими сторонами был согласован письменный договор о мире, укрепленный клятвой на условиях уплаты агарянами василевсу ромеев ежегодного пакта из трех тысяч золотых монет, восьмисот пленных мужчин и пятидесяти породистых коней. В то время царство арабов было разделено на две части: в Эфриве власть держал Али, а Египтом, Палестиной и Дамаском правил Мавия. Жители Эфрива вместе с сыновьями Али выступили против Мавии. Мавия также вооружился против них и дал бой близ реки Евфрат. Сторона Али была побеждена, и Мавия захватил Эфрив и всю землю Сирии. Его род правил 85 лет. После этого выступили из Персии так называемые маврофоры, владычествующие поныне, напали на род Мавии и уничтожили его. Зарезали они и Маруама, их главу. Уцелели лишь немногие из [потомков] Мавии; их, вместе с одним из внуков Мавии, маврофоры преследовали вплоть до Африки. Именно этот внук Мавии с небольшим числом людей переправился в Испанию в дни Юстиниана Ринотмета, отнюдь не Погоната. Нашими историками это не описано, ибо с тех времен, как Великий Рим был взят готами, начали умаляться дела римские, и никто из историков не упомянул ни о краях Испании, ни о роде Мавии. А «История» блаженного Феофана повествует так. И вот умер Мавия, вождь сарацин, бывший стратигом 26 лет, а эмиром 24 года. Власть над арабами шесть лет держал Изид, его сын. Когда он умер, арабы Эфрива взбунтовались и, возмуться, поставили над собою вождем Авделу, сына Зувера. Услышав об этом, населяющие Финикию, Палестину и Дамаск агаряне

пошли против Усы, эмира Палестины, избрали Маруама и поставили его вождем, который и держал власть девять месяцев. Когда же он умер, Авимелех, его сын, принял власть и держал ее двадцать два года и шесть месяцев. Он захватил тиранов и убил Авделу, сына и преемника Зувера. В это время умер василевс Константин, сын Погоната, правивший царством ромеев 17 лет. Царствовал после него Юстиниан, его сын.

Усвой, что вождь арабов, который пятым по счету после Муамефа обладал властью над арабами, происходил не из рода Муамефа, а из другого колена. Сначала он был избран Уфманом, вождем арабов, в стратеги и навархи и послан с крупными силами и 1200 оборудованными для боя судами против государства ромеев. Он дошел до Родоса и, там вооружившись, прибыл оттуда к Константинополю, но, проведя здесь продолжительное время и разорив все вокруг Византия, вернулся, не достигнув цели. Придя на Родос, он разрушил стоящего на нем коллоса. Это было медное изваяние Солнца, позлащенное с головы до пят, имеющее в высоту восемьдесят локтей и соразмерную с высотой толщину, как об этом свидетельствует надпись, начертанная на основании, у ног коллоса, и гласящая так:

В восемь десятков локтей на Родосе
Лахис из Линда коллоса поставил.

Медь же от статуи он забрал, переправил ее в Сирию и выставил на продажу для всякого желающего. Купил ее еврей из Эдессы, перегрузивший ее с моря на 980 верблюдов. Итак, когда умер Уфман, принял власть над арабами сам Мавия. Он овладел также святым градом и краями Палестины, и Дамаском, и Антиохией, и всеми городами Египта. Алим же, бывший зятем Муамефа по его дочери, звавшейся Фатимой, овладел Эфривом и всею Суровой Аравией. Далее, в эти дни поднялись на войну друг с другом Алим и Мавия, поспоривши из-за власти — кому из них владеть всей Сирией. Сошлись они у реки Евфрат и завязали упорный бой друг с другом.

Когда битва разгорелась и пало много с обеих сторон, возопило множество агарян и в том и в другом из двух воинств: «Чего ради мы рубим и рубят нас, а род наш уходит из мира людей? Пусть встретятся два старца с обеих сторон, и кого они изберут, тот пусть и будет вождем». Алим и Мавия согласились с их мнением и, сняв с пальцев свои перстни (это знак власти у агарян), вручили их двум старцам и отдали свою власть на усмотрение двух старцев, совершив клятвенный обряд и постановив, что кого бы ни избрали старики, тот и будет господином и вождем всех сарацин. Когда два старца вышли в середину меж военными станами обеих сторон, они встали в промежутке между лагерями, лицом друг к другу. Старец Алима считался у народа сарацин благочестивым, из тех, которых они называют кади, т. е. правоверными и освященными. Старец же Мавии был благочестив лишь с виду, а на деле хитер и дерзок и превосходил остальных людей в коварстве. Старец Мавии сказал старцу Алима: «Скажи ты первым, что хочешь, ибо ты разумен и благочестив и намного превосходишь меня годами». И старец Алима отвечив так: «Отрешил я Алима от власти, когда снял его перстень с руки его и надел на свой палец; снимаю я перстень Алима и со своего пальца, отрешая также и его от его власти». А старец Мавии ответил: «Я привел Мавию к власти, так как надел перстень его на мой палец; надеваю я перстень Мавии и на его палец». Затем они разделились друг от друга. Мавия, таким образом, овладел всею властью над Сирией, ибо поклялись эмиры друг другу: «Что бы ни сказали старцы, мы повинемся их речам». Поэтому Алим, взяв свое войско, ушел в края Эфрива со всем своим родом и там закончил жизнь. После смерти Алима его сыновья, считая договор отца бредом, восстали против Мавии и завязали с ним жестокую войну. Однако, потерпев поражение, они бежали от лица его, и Мавия, послав [своих людей], убил их всех. С тех пор вся власть над арабами перешла к Мавии.

Знай, что этот Мавия был внуком Софиама. А внуком Мавии был Масалмас, ходивший походом на Константинополь. По его просьбе была

воздвигнута сарацинская мечеть в царском претории. Но он не был вождем арабов — вождем сарацин был Сулейман, а Масалмас занимал пост стратига. Сулейман прибыл в Константинополь со своим флотом, а Масалмас — по суше и из Лампсака переправился в области Фракии, ведя с собою 80 тысяч стратиотов. Но по промыслу божию и флот Сулеймана, вождя арабов, и пешее войско Масалмаса — все со стыдом отступили, разбитые и побежденные и флотом, и стратиотами василевса. И пребывало наше государство долгое время в мире под водительством и охраной сего града со стороны Владычицы нашей приснодевы и богородицы Марии, непорочного и святого лика которой устыдился и смутился сам Сулейман, упавший с коня.

22. Из хронографа блаженного Феофана об этом же: о Мавии и его роде; о том, как он переправился в Испанию. Василевс ромеев Юстиниан Ринотмет. Таково начало его царствования. После этого он был свергнут Леонтием, затем вновь вернулся, свергнув Леонтия и Апсимара, проведя их обоих в триумфе на ипподроме и уничтожив. В этот год Авимелех отправил к Юстиниану [послов], чтобы укрепить мир на том условии, чтобы василевс успокоил корпус мардаитов из Ливана и запретил их набеги; Авимелех же будет давать ромеям каждый год тысячу номисм, одного породистого коня и одного раба-эфнопа, и чтобы василевс и Авимелех делили поровну, как общие, налоги с Кипра, Армении и Ивирии. Василевс отправил Павла магистриана к Авимелеху для утверждения согласованного, и была составлена письменная при свидетелях крепость. Почтенный дарами магистриан вернулся. Послав [своих людей], василевс забрал 12 тысяч мардаитов, умалив ромейское могущество, ибо все ныне населенные арабами на границах города от Моисустии до Четвертой Армении были беззащитными и безлюдными из-за набегов мардаитов, а с их роспуском ужасные бедствия претерпела Романия от арабов вплоть до нашего времени. В том же году, вступив в Армению, василевс принял там мардаитов из Ливана, разрушив [эту] медную стену. Порвал он также мир, утвержденный с булгарами, нарушив нала-

женные его собственным отцом нормальные порядки.

Еще в правление Авимелеха арабы выступили против Африки, захватили ее и поставили в ней гарнизоны из своего войска. В то время Леонтий лишил Юстиниана власти над ромеями, и, сослав его в Херсон, овладел царством. Когда же Апсимар Тиверий перенял царство у Леонтия и овладел скипетром ромеев, умер Авимелех, вождь арабов, и Уалид, сын его, правил в течение девяти лет. В тот же год снова вернулся Юстиниан на царство и так как правил он легкомысленно и беспечно, агаряне полностью овладели Африкой. Тогда внук Мавии переправился с немногочисленным войском в Испанию и, соединив всех людей своего рода, завладел Испанией, отчего агаряне, населяющие поныне Испанию, прозываются «мавиатами». Их потомками являются и агаряне, живущие на Крите, так как, когда Михаил Травл захватил власть над ромеями, случилось длившееся до трех лет восстание Фомы и так как василевс был тогда поглощен текущими делами, живущие в Испании агаряне, сочтя время удобным, снарядив крупный флот и начав от пределов Сицилии, опустошили все Кикладские острова. Прибыв к Криту, найдя его богатым и незащищенным, ибо никто не взялся за оружие и не сопротивлялся, они захватили его и владеют им вплоть до сего дня. Уалиду наследовал Сулейман и правил три года. Тогда Масалмас, стратиг Сулеймана, выступил с войском по суше, а Умар по морю. Но с содействия божия они со стыдом вернулись, не достигнув цели. Сулейману же наследовал Умар и держал власть над арабами два года. А Умару наследовал Азид, осуществлявший власть в течение четырех лет. Его преемником был Исам, обладавший властью 19 лет. Когда он умер, шесть лет власть имел Маруам. Когда же умер Маруам, обладателем власти над арабами стал Авдела; он правил 21 год. Когда он умер, вождем арабов оказался Мадис; он держал власть девять лет. Когда его не стало, обладателем власти над арабами стал Аарон. Он держал власть 23 года.

В это время, т. е. когда власть над ромеями. . . Ирина и Константин, в год от основания мира 6288.

В этом году вождь арабов Аарон умер во внутренней Персии, называемой Хорасаном, и власть унаследовал Моамед, его сын, бездарный во всех отношениях, взбалмошный человек, восстав против которого в этой стране Хорасан вместе с отрядами отца, его брат Авдела стал причиной гражданской войны. С тех пор арабы Сирии, Египта и Ливии, раздробившись на множество царств, губили и дела государства и друг друга, убийствами, грабежами и всяческими безрассудствами приводя в смятение и себя самих и подвластных им христиан. Тогда-то были опустошены и церкви во святом граде Христа, бога нашего, монастыри двух великих лавр, лавры во святых Харитона и Кириака и лавры святого Саввы, и прочие киновии святых Евфимия и Феодосия. Эта кровавая анархия и против чужих и против наших длилась пять лет.

До сего места упорядочил по годам историю арабов во святых Феофан (воздвигший монастырь так называемого «Великого поля»), бывший с материнской стороны дядей великого, благочестивого и христианнейшего василевса Константина, сына Льва, мудрейшего и благого василевса, внука Василия, владевшего, да блаженна его память, скипетром царства ромеев.

23. Об Ивирии и Испании. Ивирии две, одна у Геракловых столпов, по имени реки Ивир, о которой упоминает Аполлодор в [сочинении] «О земле», II: «в Пиренеях есть большая река Ивир, текущая изнутри [страны].» Говорят, что Ивирия делится меж многими народами, как Геродор написал в 10-й [книге] «Истории о Геракле»: «А народ этот ивирский, о котором я сказал, что он населяет берег пролива, хотя единородом, различается именами по его племенам. Сначала — живущие в крайних частях запада называются кинитами (а для идущего от них к северу это уже глиты), затем — тартисии, далее — элевсинии, после же — мастивы, за ними — келкианы, потом идиороданы». Артемидор же во второй [книге] «Географий» говорит, что Ивирия разделяется следующим образом: «Внутренняя часть от Пиренейских гор до мест у Гадир называется одинаково и Ивирией, и Испанией. Римлянами она была

поделена на две эпархии. . . вся, простиравшаяся от Пиренейских гор до Нового Карфагена и истоков Бетиоса, а вторая провинция — до Гадир и Лиситании». Называется она и Ивиритис. Парфений в «Левкадиях» [пишет]: «Поплывет в Ивиритис вдоль берега». Вторая же Ивирия находится близ персов. Народ, [назван] ивирами подобно пиерам, ивирам. Дионисий [пишет]: «Близ Столпов народ великосердых иви-ров», а Аристофан в «Трифалите»: «Узнав иви-ров древнего Аристарха и «ивиры, которых ты поспешно ведешь ко мне на помощь». Артемидор во второй [книге] «Географий»: «Грамотой же италов пользуются живущие у моря ивиры». От родительного «Ивирос» женское [будет] «Иви-рис». «Эллинка, а не ивирка», — [пишет] Менандр в «Аспиде». Употребляется также: «Ивирик» — «Первый — Иви-рикский, на востоке у некоего». . . (?). Ивирия делится надвое, а ныне на-трое, как Маркиан в «Перипле» [пишет] о ней: «Итак, сначала Иви-рия была разделена римлянами на-двое, а теперь — на-трое: Бетикскую Испанию, [Луситанскую] Испанию и Тарраконисию». От родительного «Ивирос» Аполлоний [производит] именительный, как от «филакос» — «филак». В «Паронимах» он говорит: «Именительные падежи выводятся из родительных: «идор» — двусложное также и в именительном, с острым ударением на первом слоге, как в простой форме, так и в сложной. Просты, итак: «мартир», «мартирос», «мартис». [Сложны]: «Харопс», «Харопос», [новый именительный] — «Харопос»: «повелителя Харопия»; «Троицин», «Троицинос», [новый именительный] — «Троицинос» — «сын Троициния»; «Ивир», «Ивирос», [новый именительный] — «ивирос», от чего у Квадрата (в «Десятитысячнике римском», 5) есть [образование] «Ивирийцами»: «Воюющие с лигиями и ивирийцами». То же самое и Аврон в «Паронимиях» говорит. «Сам козлородый ивир», — сказано в «Малфаках» Кратина. Говорят, что ивиры пьют воду, как и Афиней во второй [книге] «Дипнософистов» [пишет]: «Филарх в седьмой книге говорит, что все ивиры пьют воду, хотя они являются самыми богатыми людьми (ибо обладают множеством серебра и золота), постоянно

едят они один раз [в день], как он говорит, из-за скупости, а одеяния носят роскошнейшие».

24. *Об Испании.* Откуда название Испания? От гиганта, у которого было такое имя — Испан. Две Испания — провинции Италии: Великая и Малая. Упоминает о ней Харакс в 10-й книге [своих] «Хроник»: «Когда в Малой, Внешней Испании снова восстали луситаны, то против них был послан римлянами стратиг Квинт». Он же [пишет] об обеих [Испаниях]: «Квинт, военачальник римлян в обеих Испаниях, побежденный Вириафом, заключил с ним договор». В 3-й [книге] «Эллиник» Харакс говорит, что она называется Ивирией: «Эллины сначала называли Испанию Ивирией, еще не зная названия всего народа, по той части их земли, которая находится у реки Ивир и называется по ее имени, — так именовали всю [Испанию]». А в Испанию, говорят, ее переименовали позже.

25. *Из истории блаженного Феофана Сигрианского.* В том же году Валентиниан не только не смог спасти Британию, Галлию и Испанию, но потерял и западную Ливию — таково название страны афров — при следующих обстоятельствах. Были два стратига, Аэций и Бонифаций, которых Феодосий послал в Рим по просьбе Валентиниана. Однако, когда Бонифаций получил власть над западной Ливией, Аэций из зависти оклеветал его, будто он задумал возмущение и стремится овладеть Ливией. Сказав также это Платидии, матери Валентиниана, Аэций пишет Бонифацию: «Если за тобой пошлют, чтобы ты явился, — отказывайся, так как ты оклеветан и василевсы хотят хитростью схватить тебя». Прочтя это и как родному сыну доверяя Аэцию, Бонифаций, будучи вызван, не явился. Тогда василевсы сочли Аэция верноподданным. В то время готы и иные многочисленные народы обитали в наиболее северных областях, вплоть до Дуная. Особенно заслуживающими внимания из них являются готы, визиготы, гепиды и вандалы, кроме как по имени ничем другим не различающиеся и говорящие на одном языке. Все они исповедуют зловерие Ария. При Аркадии и Гонории, перейдя Дунай, они поселились в земле ромеев. Гепиды же,

из которых впоследствии выделились лонгиварды и авары, заселили места в округе Сингидона и Сирмия. Визиготы, опустошившие с Аларихом Рим, ушли в Галлию и овладели ее населением. Готы же, обладавшие сначала Паннонией, через 19 лет царствования Феодосия Юного после его разрешения населили земли Фракии и, пробыв во Фракии 58 лет, под водительством Февдериха, их патрикия и консула, с позволения Зинона, захватили западное царство. Что же касается вандалов, то они, соединившись с аланами и германцами, ныне называемыми франками, и перейдя реку Рейн под предводительством Годигискла, поселились в Испании, являющейся первой страной Европы, начиная с Западного Океана. Бонифаций, в страхе перед василевсами ромеев, отплыв из Ливии, пришел в Испанию к вандалам и, поскольку Гогидискл уже умер, а властью располагали его сыновья Готфар и Гизерих, он, склоняя их, обещал им разделить Западную Ливию на три части, чтобы каждый вместе с ним управлял одной третью и чтобы сообща отражать любого врага. На этих условиях вандалы, переправясь через пролив, заселили Ливию от Океана до Триполи, что у Кирены. Визиготы же, снявшись из Галлии, овладели и Испанией. Некоторые лица из ромейского сената, друзья Бонифация, сообщили Платидии о лживости обвинения Аэция, показав и письмо Аэция к Бонифацию, ибо Бонифаций послал его им. Пораженная Платидия ни в чем, однако, не обвинила Аэция, но отправила к Бонифацию увещательное клятвенное послание. Когда умер Готфрий, самодержцем вандалов стал Гизерих, Бонифаций же, получив послание, выступил против вандалов, после того, как к нему прибыло большое войско из Рима и Византия во главе с Аспаром. В состоявшемся сражении с Гизерихом войско римлян было разбито. Так, прибыв с Аспаром в Рим, Бонифаций был избавлен от подозрений, доказав истину. Африка, однако, оказалась в руках вандалов. Тогда и Маркиан, бывший воином на службе у Аспара, а впоследствии василевсом, был живым взят в плен Гизерихом.

Да будет известно, что существуют три амермумна во всей Сирии, в цар-

стве арабов, первый из которых сидит в Багдаде и ведет род от Муамефа, или Мухумета; второй же находится в Африке и происходит от колена Алима и Фатимы, дочери Муамефа, или Мухумета, поэтому они и называются Фатемидами; третий же сидит в Испании, он — из рода Мавии.

Да будет известно, что в начале господства сарацин над всей Сирией амермумн обосновался в Багдаде. Он владел всей Персией, Африкой, Египтом и Счастливой Аравией. Ему принадлежали следующие великие эмираты, или стратигиды: первый эмират — Персия, т. е. Хорасан, второй эмират — Африка, третий эмират — Египет, четвертый эмират Филистим, или Рамвле, пятый эмират Дамаск, шестой эмират — Хемс, или Эмеса, седьмой эмират Халец, восьмой эмират Антиохия, девятый эмират Харан, десятый эмират Эмет, одиннадцатый эмират Эсиви, двенадцатый эмират Мусел, тринадцатый эмират Тикрит. Когда же Африка была исторгнута из-под власти амермумна, что в Багдаде, стала самовластной и провозгласила своего амермумна, первым эмиратом осталась, как было и ранее, Персия, или Хорасан, вторым Египет и далее — прочие, как ранее перечислено. Не столь давно, однако, когда амермумн Багдада снова стал слаб, оказался самостоятельным эмир Персии, т. е. Хорасана. Он объявил себя самого амермумном, повесив коран на табличках на свою шею, подобно ожерелью. Он уверяет, что сам происходит от рода Алима. Мало того, эмир Счастливой Аравии всегда и всецело был [ранее] под властью эмира Египта, но и он стал самостоятельным и объявил себя также амермумном. Он тоже утверждает, что происходит от рода Алима.

26. Родословная славного короля Гуго. Пусть будет известно, что король Италии, великий Лотарь, дед славного короля Гуго, происходит из рода Карла Великого, о котором много песен, энкомиев и рассказов, повествующих о его воинских подвигах. Итак, сей Карл был единоподержцем всех королевств, а царствовал сам в великой Франгии. В дни его никто из остальных королей не дерзал называть себя королем — все были у него в подчинении. Карл, отправив в Палестину множество золота и несмет-

ных богатств, воздвиг там многочисленные монастыри. Затем, упомянутый Лотарь, взяв свои войска и выступив на Рим, овладел им в борьбе и был коронован тогдашним папой. На обратном пути в свою державу, в Папию, он прибыл в крепость Плаценту, отстоящую от Папии на 30 миль. Здесь он умер. У него был сын по имени Адельберт, который взял в жены великую БERTУ и породил от нее ранее названного короля Гуго. После того, как умер великий Лотарь, Лодоик, родной [внук] Лодоика, придя из великой Франгии, овладел Папией. Он был не венчан. После этого он явился в Верону, в крепость, отстоящую от Папии на 120 миль, и, когда он прибыл туда, жители крепости восстали против него и, схватив, ослепили. Властью овладел тогда Берингарий (дед нынешнего Берингария), который, войдя в Рим, был коронован. После сего множество народу заявило Родульфу, находящемуся в Бергонии: «Приходи сюда и мы передадим тебе королевство и убьем Берингария». Он пришел из Бергонии в края Папии, и половина народа осталась с Берингарием, а половина — с Родульфом. В войне Берингарий одолел в первом сражении, а в новой битве победил Родульфа. Войско Берингария бежало, лишь Берингарий, покинутый, прикинулся мертвым, лежа меж мертвецами и накрывшись своим оленьим плащом, а ногу свою держал наружу. Один из воинов Родульфа, проходя, ударил его по ноге копьём, но он даже не шелохнулся. Поскольку он не шевелился, тот отстал от него, считая его мертвецом. Войско Родульфа не знало, что это Берингарий. По окончании битвы Берингарий встал, один пришел в свой дворец, снова овладел царством, воевал с Родульфом и победил его. После этого они договорились друг с другом и поделили страну надвое: один получил одну ее часть, другой — другую. Родульф же находился под волей и властью Берингария. Затем явились в Папию из Бергонии три маркиза, чтобы изгнать [ее] правителей и самим овладеть [ею]. Это были: Гуго, сын Талиаферна, Боз и Гуго, брат Боза, названный выше, благороднейший король. Пришли они с сильным войском. Узнав об этом, Берингарий

изготовился, выступил ему навстречу для битвы, обложив, морил голодом, и дал приказ своему войску не убивать никого, но где бы и кого бы из них ни схватили, отрубать схваченному нос и оба уха и отпускать. Так это и делалось. Итак, наблюдая это, вышеозначенные три предводителя, выйдя босыми с божественными евангелиями в руках, явились к Берингарню, моля о прощении и клянясь никогда до конца жизни его не приходить туда. И он позволил тогда им уйти в их страну. Затем, когда Берингарий ушел в Верону, его убил Фалемберт, его кум, и тогда всем королевством овладел Родульф. После сего народ всей страны заявил Гуго, названному ранее королю: «Приходи, и мы передадим тебе страну». Когда он прибыл, народ поднял его, ввел его во дворец и поставил его королем. Родульфу же он сказал: «Удались с богатством своим, хочешь — в свою страну, не хочешь — в иное место». Родульф ушел в Бергонию, в свою страну, и правил там многими людьми. Когда он умер, Гуго, поименованный выше король, отправился в Бергонию и взял в супруги жену Родульфа, которая носила также имя Берты. Дочь же ее, по имени Аделаса, он отдал за Лотаря, сына своего, нынешнего короля Италии. Прибыв в Константинополь и обручившись с Романом, сыном Константина, христоролюбивого деспота, дочь сего славного короля Гуго, которая называлась Бертой по имени своей бабки, Великой Берты, царствовавшей после смерти Адельберта, своего мужа, [десять] лет, была переименована в Евдокию, по имени и бабки, и сестры Константина, христоролюбивого деспота.

27. *О феме Лагувардия, о ее принципатах и архонтиях.* Да ведомо будет, что в древние времена всею властью над Италией, т. е. над Неаполем, Капуей, Беневентом, Салерно, Амальфи, Гаэтой и всей Лагувардией, обладали ромей, а именно, когда Рим был царственным городом. После же того, как царская власть перешла в Константинополь, все это было поделено на два царства; с того времени царствующий в Константинополе направлял двух патрикиев: один патрикий правил Сицилией, Калаврией, Неаполем и Амальфи,

а второй патрикий сидел в Беневенте и правил Папией, Капуей и всем прочим. Ежегодно они платили василевсу определенную сумму для казначейства. Все эти ранее поименованные страны были населены ромеями. Однако, во времена царицы Ирины посланный туда патрикий Нарсес правил Беневентом и Папией, а папа Захария, афинянин, владел Римом. Случилось, что разгорелась война в краях Папии, и патрикий Нарсес израсходовал на войско уплачиваемые в казну пакты, не послав вносимое им по норме. Нарсес сообщал: «Я надеюсь, что скорее от вас будут посланы мне деньги, так как весь взысканный с этих мест взнос я израсходовал на разразившиеся войны, а вы, напротив, с этих мест требуете выплат». Услышав об этом и разгневавшись, царица Ирина отправила ему веретено и прялку, написав ему: «Прими то, что тебе подходит. Ибо мы полагаем, что тебе более пристало прясть, чем, подобно мужу, с оружием в руках защищать, направлять и вести в бой ромеев». Прочтя это, Нарсес ответил царице: «Поскольку вы сочли меня столь же способным прясть и ткать, как и женщина, веретеном и прялкой, я наряду такую пряжу, что пока живы ромей, они не смогут ее распутать». Лагуварды тогда жили в Паннонии, где недавно поселились турки. Отправив к ним всевозможные плоды, патрикий Нарсес объявил им: «Идите сюда и посмотрите землю, текущую по поговорке молоком и медом, лучше которой, как я думаю, нет у бога. И, если она понравится вам, поселитесь в ней, и во веки веков будете благославлять меня». Услышав это и согласясь, лагуварды, забрав своих домочадцев, пришли в Беневент. Но жители крепости Беневент не позволили им войти внутрь крепости, и они поселились вне крепости, близ стены, у реки, выстроив там малую крепость, почему она и называется «Цивитанова», т. е. «новая крепость», которая стоит и поныне. Входили они [потом] и внутрь крепости и в церковь и, хитростью одолев жителей крепости Беневент, перебили всех и овладели крепостью. А именно: внеся внутри своих посохов мечи и в церкви разом ринувшись в бой (?), они перебили, как сказано, всех. Затем, выступив в поход, подчинили

всю ту землю и землю фемы Лагувардия и Калаврия вплоть до Папии, без Идрунта, Каллиполя, Русиана, Неаполя, Гаэты, Сирента и Амальфи. Первой крепостью была древняя и великая Капуя, второй — Неаполь, третьей — Беневент, четвертой — Гаэта, пятой — Амальфи. Салерин был заселен при Сикарде, когда лагуварды поделили принципаты. От времени, когда была разделена Лагувардия, вплоть доныне, т. е. до 7-го индикта 6457 г. от основания мира, прошло 200 лет. Жили два брата, Сикон и Сикард. Сикон владел Беневентом, краями Бари и Сипенда, а Сикард — Салерином, Капуей и краями Калаврии. Неаполь же являлся древним преторием посылаемых патрикиев, и правящий Неаполем обладал и Сицилией, так что, когда прибывал патрикий в Неаполь, дука этого города уходил в Сицилию. Капуя же была особенно большим городом; она была взята вандалами, т. е. африканцами, и они разрушили ее. Поскольку она оставалась пустой крепостью, лагуварды поселились в ней. И когда вновь африканцы напали на них, епископ Ладульф отстроил крепость у моста через реку и назвал ее «Новой Капуей», существующей и ныне. С того времени, как была построена эта Капуя, прошло 83 года. Неаполь же, Амальфи и Сирент всегда были у василевса ромеев.

Да будет известно, что «мастромилис» означает на ромейском языке «катепан войска».

Да будет ведомо, что венетики, прежде, чем приплыть и поселиться на островках, на которых живут ныне, назывались энетиками и обитали на суше в следующих крепостях: крепость Конкорда, крепость Юстиниана, крепость Нун и прочие многочисленные крепости.

Должно знать, что когда приплыли ныне называемые венефиками, а сначала — энетиками, они прежде всего выстроили сильную крепость (в которой и ныне сидит дука Венеции), окруженную со всех сторон на шесть миль морем, куда впадают 27 рек. На восток от этой крепости также имеются острова. И на этих островах нынешние венетики также построили крепость: крепость Коград, в которой находится великая митрополия и покоится много останков

святых, крепость Риваленса, крепость Лулиан, крепость Апсан, крепость Роматина, крепость Ликенция, крепость Пинеты, называемая Стровил, крепость Виниола, крепость Воес, в которой есть храм св. апостола Петра, крепость Илитуалба, крепость Литуманкерса, крепость Вроннон, крепость Мадавк, крепость Ивола, крепость Пристины, крепость Клугия, крепость Врунд, крепость Фосаон, крепость Лаврион.

Следует знать, что и другие острова находятся в той же стране Венеции.

Да будет известно, что и на материке, в земле Италии, имеются крепости венетиков, каковыми являются следующие: крепость Капрэ, крепость Неокастр, крепость Финес, крепость Экил, крепость Аимана, великий эмпорий Торцелон, крепость Муран, крепость Ривалт (что значит «самое высокое место»), в которой сидит дука Венеции, крепость Каверченца.

Следует знать, что есть [здесь] также эмпории и укрепления.

28. *Рассказ о том, как был населен город, ныне называемый Венецией.* Должно знать, что в древности Венеция была неким пустынным местом, безлюдным и болотистым. Теперь называющиеся венефиками были франками из Аквилегии и прочих мест Франгии, и жили они на суше, напротив Венеции. Когда же Аттила, василевс аваров, явился, разорил и погубил все Франгии, все франки начали спасаться бегством из Аквилегии и прочих крепостей Франгии, прибывать на безлюдные острова Венеции и возводить там хижины в ужасе перед василевсом Аттилой. Итак, когда этот василевс Аттила разорил все пространство суши, дошел вплоть до Рима и Калаврии, оставя далеко в стороне Венецию, сбежавшиеся на острова Венеции люди, обрета безопасность и как бы стряхнув ужас, пожелали все поселиться там, что и сделали, размещаясь там и поныне. После ухода Аттилы, многие годы спустя, подобным образом явился король Пипин, который правил тогда Папией и прочими королевствами, ибо у этого Пипина были три брата, которые господствовали над всеми Франгиями и Славиниями. Когда король Пипин явился против венефов с крупным сильным войском, он об

ложил переправу ведущую с суши на острова Венеции, в месте, называемом Аивола. Поэтому венецики, видя, что на них идет со своим войском король Пипин и что он намерен отплыть вместе с конями к острову Мадамавку (этот остров лежит близ материка), бросая шпангоуты, перегородили всю переправу. Оказавшись в бездействии, войско короля Пипина (ибо он был не в состоянии переправить их в ином месте) простояло напротив венециков, на суше, шесть месяцев, воюя с ними ежедневно. Тогда как венецики поднимались на свои суда и устраивались позади набросанных ими шпангоутов, король Пипин стоял со своим войском на морском берегу. Венецики, воюя луками и пращами, не позволяли им переправиться на остров. Так, ничего не достигнув, король Пипин заявил венецикам: «Будьте под моею рукою и покровительством, ибо вы происходите из моей страны и державы». Но венецики ему возразили: «Мы желаем быть рабами василевса ромеев, а не твоими». Однако, побуждаемые долго сваливавшимися на них бедами венецики заключили мирный договор с королем Пипином на условии уплаты ему крупного пакта. Но с тех пор ежегодно пакт уменьшается, что продолжается и доныне. Ибо венецики уплачивают правителю королевства Италии, или Папие, ежегодно легкую дань из 36 литр. Таким-то образом прекратилась война между франками и венециками. Когда же народ начал спасаться бегством в Венецию и скапливаться здесь, так что собралось множество народа, они провозгласили дукой над собой человека, превосходящего прочих благородством. Первый дука появился в их среде, прежде чем против них пошел король Пипин. Дука в то время находился в месте, именуемом «Цивитанува», что означает «Новая крепость». Но поскольку названный островок находится близко от суши, с общего решения они перенесли дука на другой островок, на котором он расположен и ныне, так как он отдален от суши настолько, насколько можно различить человека, сидящего на коне.

29. *О Далмации и соседствующих с нею народах.* Так как василевс

Диоклетиан очень любил Далмацию, выведя людей из Рима вместе со своими домочадцами, он поселил их в стране Далмации. Как переселенцы из Рима, они называются римлянами и носят это прозвание вплоть до сего дня. Далее сей василевс Диоклетиан построил также крепость Аспалаф и воздвиг в ней дворцы, которые невозможно описать ни словом, ни на бумаге и руины которых до нынешнего дня свидетельствуют о древнем благоденствии, хотя подточили их долгие годы. Кроме того, построил тот же василевс Диоклетиан крепость Диоклею, теперь находящуюся во владении диоклетианов, отчего и прозвище «диоклетианы» осталось как название жителей той страны. Владение этих римлян простиралось до реки Дуная. Когда некоторые из них пожелали переправиться через реку и узнать, кто живет по ту сторону ее, то, переправясь, они нашли славянские безоружные племена, которые называются также аварами. [Ранее же] ни эти люди не знали, что кто-нибудь живет по ту сторону реки, ни те, что кто-либо обитает по сю сторону. Поскольку же римляне застали аваров безоружными и к войне не подготовленными, они, пойдя войною, забрали добычу и полон и вернулись. С тех пор римляне установили две смены и, отслужив от пасхи до пасхи, меняли свое [пограничное] войско, так что в великую святую субботу они встречались друг с другом, одни — возвращаясь от укреплений, другие же — отправляясь на эту службу. Ибо близ моря, ниже той же самой крепости, есть крепость по названию Салона, размером в половину Константинополя, в коей все римляне сходятся, вооружаются, выступают отсюда и отправляются к клисуре, отстоящей от этой самой крепости на четыре мили, которая и доныне зовется Клиса, ибо затворяет проход идущим с той стороны. Оттуда же они уходят к реке. И так эта смена войск осуществлялась многие годы, и славяне, по ту сторону реки, называемые также аварами, поразмыслив, сказали: «Эти римляне, которые переправились и взяли добычу, отныне не перестанут ходить против нас войною. Поэтому сразимся-ка с ними». Засем славяне,

они же авары, посоветовавшись таким образом, когда однажды римляне переправились, устроили засады и, сражаясь, победили их. Взяв их оружие, знамена и прочие воинские знаки и переправившись через реку, названные славяне пришли к клисуре. Увидев их, находившиеся там римляне, приметя также знамена и вооружение своих единоплеменников, сочли и их самих таковыми. Когда же названные славяне достигли клисуры, они позволили им пройти. Пройдя же, славяне тотчас изгнали римлян и овладели выше упомянутой крепостью Салона. Поселясь там, с той поры они начали понемногу разорять римлян, живших в долинах и на возвышенностях, уничтожали [их] и овладевали их землями. Прочие же римляне находили спасение в крепостях побережья и доньше владеют ими, каковыми являются Декатера, Раусий, Аспалаф, Тетрангурий, Диадора, Арва, Векла и Опсара, жители которых и теперь называются римлянами.

[Знай], что с царствования Ираклия, василевса ромеев (о чем будет рассказано при описании хорватов и сербов), вся Далмация и окружающие ее народы, как-то: хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы и аренданы, именуемые также паганы. . . Когда же царство ромеев по небрежению и неопытности правивших в то время опустилось почти до ничтожества, особенно — при Михаиле Травле из Амория, жители крепостей Далмации стали самостоятельными, не подвластными ни василевсу ромеев, ни кому-либо другому. Кроме того, тамошние народы, хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы и паганы также взбунтовались против царства ромеев, оказались независимыми и самовластными, никому не подчиненными. Архонтов же, как говорят, эти народы не имели, кроме старцев-жупанов, как это в правилах и в прочих Славиниях. Помимо этого, большинство этих славян не было крещено, и долгое время они оставались нехристями. При христолюбивом василевсе Василии они отправили апокрисиариев, прося и умоляя его о том, чтобы некрещеные из них были крещены и они были бы,

как и сначала, подвластными царству ромеев. Выслушав их, блаженный сей и приснопамятный василевс послал василлика вместе с иереями и крестил их всех, кто оказался из упомянутых выше народов некрещеным. Тогда, после крещения, он поставил для них архонтов, которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими. С тех пор и доньше архонты у них появляются из тех же самых родов, а не из какого-либо иного. Что же касается паганов, называемых на языке ромеев аренда-нами, то они, [поселившись] в непроходимых и обрывистых местностях, остались некрещеными. Ведь к тому же «паганы» на языке славян означает «нехристи». Но после этого и они, отправив послов к тому же приснопамятному василевсу, просили, чтобы крестили и их; послав, он крестил и их также. Так как (как мы уже говорили) из-за небрежения и неопытности правивших дела ромеев пришли в упадок, жители крепостей Далмации оказались самовластными, ни василевсу ромеев, ни кому-либо иному не подчиненными. Через некоторое время, в царствование Василия, приснопамятного и незабвенного василевса, сарацины, прибыв из Африки, с 36-ю кораблями [под командованием] Солдана, Сава и Калфуса, достигли Далмации и разорили крепость Вутовы, крепость Россу и нижнюю крепость Декатеры. Пришли они и к крепости Раусия и осаждали ее 15 месяцев. Тогда, в силу обстоятельств, раусеи дали знать незабвенному василевсу Василию, говоря; «Смилуйся над нами, не допусти нашей гибели от ненавистников Христа». Василевс, сострадая, послал патрикия Никиту, друнгария флота, прозвище коего Оорифа, с сотней хеландий. Сарацины, проведав о прибытии судов патрикия друнгария флота, бежали, оставив крепость Раусий, переправились в Лагувардию и, осадив крепость Бари, взяли ее. Тогда Солдан, построив там дворцы, владел всей Лагувардией вплоть до Рима в течение 4 лет. Затем, по этой самой причине, василевс направил посольство к Лодовиху, королю Франгии, и к папе Римскому, чтобы они помогли посланному василевсом войску. Согласясь

с просьбой василевса, король и папа прибыли оба с большой силой, соединились с посланным василевсом войском, вместе с хорватом, сербом, захлумом, тервуннотами, каналами, раусеями и со всеми из крепостей Далмации (все эти люди прибыли по царскому повелению) и, переправясь в Лагувардию, осадили крепость Бари и взяли ее.

Должно знать, что хорватов и прочих славянских архонтов перевезли в Лагувардию на собственных своих судах жители крепости Раусий. И крепость Бари, и страну, и весь полон забрал василевс ромеев, а Солдана и прочих сарацинов взял Лодоих, король Франкии, и увел их в крепость Капую и в крепость Беневент. Никто не видел Солдана смеющимся. И король изрек: «Если кто-либо покажет мне Солдана смеющимся или правдиво сообщит об этом, я дам тому много денег». После этого кто-то увидел его смеющимся и сообщил об этом королю. Позвав Солдана, король спросил, почему он смеялся. Тот ответил: «Я увидел повозку с ее возвращающимися колесами и засмеялся потому, что я некогда был вождем, а ныне ниже всех, и что бог снова может возвысить меня». С того момента Лодоих приглашал его к своему столу и ел с ним. Архонты же Капуи и Беневента приходили к Солдану, спрашивали его о врачевании и уходе за лошадьми и о прочих делах, ибо он был стар и опытен. А Солдан, будучи коварен и хитер, сказал им: «Хочу сообщить вам [одно] дело, но боюсь, как бы от вас об этом не стало известно королю — тогда я погублю свою жизнь». Они поклялись ему и, осмелев, он сказал им: «Король хочет сослать всех вас в Великую Франгию, и если вы не верите, подождите немного и я докажу вам.» Уйдя, он сказал Лодоиху: «Дурны архонты места сего, и ты не сможешь владеть этой страной, если не уничтожишь динатов, противодействующих тебе. Закуй в оковы первых людей крепости и сошли их в твою страну, и тогда, как ты [того] хочешь, прочие подчинятся тебе». Когда он убедил его исполнить этот совет, а [Лодоих] повелевал изготовить железные цепи для изгнания, то отправился к ар-

хонтам и заявил: «Вы и теперь не верите, что король превратит вас в изгнанников и имя ваше исчезнет из памяти людей? Впрочем, если хотите окончательно удостовериться, пойдите и посмотрите, что изготовляют все кузнецы [крепости] по повелению короля. Если вы не увидите, что они делают цепи и оковы, то будете знать, что все сказанное мною вам является ложью. А если я говорю правду, позаботьтесь о вашем спасении, отблагодарите и меня, давшего вам добрый и спасительный совет». Архонты же, убежденные речами Солдана, и к тому же увидевшие цепи и оковы, обрели окончательную уверенность и с той поры замыслили гибель короля Лодоиха. Король, не ведая ни о чем этом, отправился на охоту. А когда он вернулся, архонты уже захватили крепость и не позволяли ему войти. Король Лодоих, видя мятеж архонтов, направился в свою страну. А архонты сказали Солдану: «Что же ты хочешь, что бы мы сделали тебе за доставленное нам тобою спасение?» Он попросил отпустить его в свою страну, что и было сделано, и Солдан отправился в Африку, свою собственную страну. Не забыв, однако, старого своего унижения, он выступил в поход и прибыл с войском к Капуе и Беневенту, чтобы осадить и подчинить их. Правящие же теми крепостями отправили послов к королю Лодоиху во Франгию, чтобы, придя [с войском], он помог им против Солдана и африканцев. Однако, король Лодоих, узнав об этом и о том, к какой уловке прибег Солдан, убедив архонтов, что «король хочет сослать вас в оковах во Франкию», заявил им в ответ: «Даже в том, что я ранее сделал для вас, я раскаиваюсь, а именно, что спас вас от врагов ваших. Вы же воздали мне злом за добро, и так как вы прогнали меня, то теперь я рад гибели вашей». Тогда, потерпев неудачу у короля Франгии, они направили послов к василевсу ромеев, чтобы он оказал им помощь и избавил от этой напасти. Василевс со своей стороны обещал помочь им. Когда же апокрисиарий возвращался из царственного града, неся благую весть о союзе с василевсом, посланным его, он был схвачен стражами Солдана, не успев войти под защиту

крепости. Ибо Солдан знал заранее, что отправлено письмо с мольбой к василевсу ромеев, и постарался схватить их апокрисиария, что и случилось. Когда тот был пойман, Солдан узнал о выполненном им поручении и что через несколько дней прибудет помощь ромеев. Тогда Солдан заявил этому апокрисиарию: «Если ты сделаешь, что я велю тебе, то будешь награжден свободой и великими дарами, а если нет, то будешь страшной казнью лишен жизни». Когда тот обещал выполнить, что ему будет приказано, Солдан заявил: «Велю тебе стать близ стены, позвать посланных тебя и сказать им: „Я повиполнил поручение, которое должен был выполнить, умоляя за вас василевса ромеев. Знайте, однако, что напрасным оказалось мое путешествие, василевс совершенно не принял во внимание вашу мольбу — не ждите от василевса помощи.“ Когда апокрисиарий обещал с радостью исполнить это, его подвели ближе к крепости, и он, пренебрегши всем, о чем говорил Солдан, ни угроз его не страшась, ни обещаниями его не соблазняясь, но лишь страх божий имея в душе, решил про себя: «Лучше будет умереть мне одному и не дать одурачить и предать на смерть столько душ людских». Итак, когда он оказался близ стены, то позвал всех архоптов и сказал повелевающим этой крепостью: «Господа мои, я выполнил свою службу и сообщаю о [благом] ответе для вас василевса ромеев. Но заклинаю вас сыном Божиим, спасением всей крепости и самих душ ваших, чтобы вы вместо меня облагодетельствовали детей моих и супругу, надеющуюся обнять меня. Как вы поступите с ними, такова будет вам и награда от справедливого подателя благ — господа, грядущего судии живых и мертвых.» Сказав это, он ободрил их следующими словами: «Солдан погубит меня, смерть нависла надо мною, но стойте крепко, не малодушничайте, подождите немного — через несколько дней явится спасение, посланное вам василевсом ромеев!» Когда он прокричал это, державшие его люди Солдана, услышав сверх ожидания, то, что он сказал, заскрежетали на него зубами и стремились опередить один

другого, чтобы лично оказаться его убийцей. После смерти апокрисиария, Солдан, боясь подходящих сил василевса, вернулся в свою землю. С тех пор и поныне жители Капуи и Беневента находятся под властью ромеев, в полном услужении и подчинении, благодаря оказанному им великому сему благодеянию.

[Знай], что крепость Раусий не называется Раусием на языке ромеев, но в силу того, что она стоит на скалах, ее именуют по-ромейски «скала-лава», поэтому ее жители прозываются «лавсеями», т. е. «сидящими на скале». В просторечии же, нередко искажающем названия перестановкой букв и переменившем название и здесь, их называют раусеями. А эти же самые раусеи владели древней крепостью Пятавра. В то время, когда славяне, живущие в феме, захватили прочие укрепления, они овладели также и этой крепостью. Одних они убили, других обратили в рабство. Сумевшие бежать и спастись поселились на обрывистых местах, там, где ныне находится крепость, которую они выстроили сначала небольшой, затем — заново — побольше; а после этого опять удлиннили стены из-за совершавшегося понемногу расширения и увеличения числа [жителей], пока [не возникла нынешняя] крепость. Из людей, переселившихся в Раусий, упомянем следующих: Григорий, Арсафий, Викторин, Виталий, архидиакон Валентин, Валентин — отец протоспафария Стефана. С тех пор, как из Салоны они переселились в Раусий, минуло по сей день, т. е. до 7-го индикта 6457 г., 500 лет. В этой же крепости покоится св. Папкратий во храме св. Стефана, стоящем в центре самой крепости.

[Знай], что касается крепости Аспалаф, что означает «малый дворец», то воздвиг ее василевс Диоклетиан. Он пользовался ею как собственным домом, выстроив внутри двор и дворцы, большая часть которых была разрушена. Сохранилось до наших дней немного, среди прочего — помещение епископии крепости и храм св. Домна, в котором покоится сам св. Домн. Этот храм служил [некогда] усыпальницей и самому василевсу Диоклетиану. Под храмом имеются сводчатые камары,

которые служили темницами; в них он безжалостно заключал святых, обрекаемых им на муки. Покоптея в сей крепости и св. Анастасий.

[Знай] о стенах этой крепости, что они выстроены не из кирпича и не из бетона, а из прямоугольных каменных блоков, имеющих в длину по одной оргни (нередко — и по две), а в ширину — также по одной оргни. Они соединены и скреплены друг с другом железными скрепами, залитыми свинцом. В этой крепости возвышаются многочисленные колонны с капителями наверху. На этих [колоннах] сам василевс Диоклециан намеревался воздвигнуть сводчатые камары и покрыть [ими] всю крепость, выстроив свой дворец и все жилища крепости на этих сводах, в два и три этажа — так, чтобы все это накрыло некую часть самой крепости. Стена этой крепости не имеет ни перипата, ни бастионов, а только высокие парапеты и бойницы для стрельбы из лука.

[Знай], что крепость Тетрапурин является малым островком на море; [этот островок] имеет тянущийся до материка очень узкий перешийк, наподобие моста, по которому жители проходят в саму крепость. Тетрапурином она называется потому, что мала и подобна огурцу. В этой крепости покоится святой мученик Лаврентий, архидиакон.

[Знай], что крепость Декатеры на языке римлян означает «стесненная и задущенная», ибо море вклинивается как узкий язык до 15 или 20 миль [вглубь] и крепость расположена [у конца] этого морского залива. Вокруг этой крепости высокие горы, так что только летом можно видеть солнце, так как тогда оно стоит посреди неба, а в зимнее время — никогда. В сей крепости лежат нетленные мощи св. Трифона, излечивающие любой недуг, а в особенности — терзаемых печистыми духами. Храм его — купольный.

[Знай], что крепость Диадоры на языке ромеев называют «йам эра», что означает «уже была», т. е. ко времени, когда был построен Рим, эта крепость уже была воздвигнута. Это крупная крепость. В просторечии ее именуют Диадора. В сей крепости лежит во плоти св. дева Анастасия, дочь Евстафия, царствовавшего [там] в то время, а также св.

Хрисогоп, монах и мученик, и его святые вериги. Храм св. Анастасии продолговатый, подобно Халкопратийскому храму, с зелеными и белыми колоннами, весь покрытый изображениями древнего письма восковыми красками. Пол его представляет чудесную мозаику. Близ него находится другой купольный храм, св. Троица; сверх этого храма надстроен еще один храм наподобие хора, также купольный, в который поднимаются по винтовой лестнице.

[Знай], что под властью Далмации находится множество всевозможных островков вплоть до Бенсвента, так что суда там никогда не страшатся бури. Среди этих островков находится крепость Векла, на другом островке — Арва, на третьем — Опсары, на четвертом островке — Лумврикат, которые населены и ныне. Прочие же безлюдны, с заброшенными крепостями, имена которых таковы: Катавтрено, Пизух, Селво, Скерда, Алоип, Скирдакисса, Протима, Мелета, Эстиуниз и прочие всякие, которым не придумали названий. Остальные же крепости, находящиеся на материковой части фемы и захваченные названными славянами, стоят безлюдными и пустыми, ибо никто не живет в них.

30. Рассказ о феме Далмация. Если знание — благо для всех, то и мы, усвоив познание о делах, не окажемся вдали от этого [блага]. Поэтому-то мы и делаем доступным для всех, кто будет жить после нас, изложение как об этих, так и об иных достойных деяниях так, чтобы в результате достичь двойной пользы.

Итак, спрашивающие об утрате Далмации — как это она была захвачена народами славян — могут узнать [об этом] из следующего ниже. Но сначала необходимо поведать о ее положении. Издревле Далмация брала начало от пределов Диррахия, а именно — от Антибари, и простиралась до гор Истрии, а в ширину достигала реки Дуная. Вся эта область находилась под властью ромеев, и эта фема являлась наиболее значительной из других западных фем. Но она была захвачена народами славян следующим образом. Близ Аспалафа имеется крепость, которая именуется Саловой — строение василевса Диоклециана, хотя и сам Аспалаф также воздвиг-

нут Дюклетианом и там находились его царские [дворцы]. В Салоне же жили его мегистаны и много простого народа. Крепость эта была главной во всей Далмации. Поэтому ежегодно из прочих крепостей Далмации конные стратиоты собирались [здесь] и высылались из Салоны числом до тысячи для несения стражи на реке Дунай против аваров, ибо авары сделали своим местом пребывания противоположную сторону реки Дунай, где ныне ведут кочевую жизнь турки. Отправляясь туда ежегодно, жители Далмации часто видели на той стороне реки скот и людей. Поэтому вздумалось им однажды переправиться и познать, кто же эти люди, живущие там. Итак, переправясь, они обнаружили одних аварских женщин и детей, тогда как мужчины и юноши находились в военном походе. Поэтому, совершив внезапное нападение, они захватили их в плен и без ущерба вернулись, доставив эту добычу в Салону. Затем, когда авары возвратились из похода и узнали о случившемся — в чем они пострадали, они взволновались, недоумевая, откуда им нанесен удар. Поэтому решили подождать случая, чтобы из него узнать обо всем. Далее, когда, как обычно, были снова отправлены из Салоны таксеоты (однако, это были не те, что ранее, а другие, хотя они то же самое держали в помыслах), они переправились, [направляясь] против аваров, но так как те оказались собравшимися воедино, а не рассеянными, как прежде, не только ничего не сделали, но и претерпели самое ужасное. Ибо одни из них были убиты, а прочие были схвачены живыми, никто не избежал рук [аваров]. Порасспросив пленных, кто они и откуда, и узнав, что от них они претерпели упомянутый удар, а также попытав [у них] о достоинствах их земли и словно полюбив ее уже по слуху, авары заключили живых пленников в оковы, надели на себя их одежды, как носили их те, и, сев на коней, взяв в руки их знамена и прочие значки, которые те носили с собой, все поднялись в воинском порядке и двинулись против Салоны. Поскольку же при допросах они узнали и время, когда таксеоты возвращаются с Ду-

ная (а это была великая святая суббота), они прибыли как раз в этот день. Основная масса войска, когда они были уже где-то поблизости, затаилась, а около тысячи, которые имели для обмена коней и одежды далматинцев, вышли открыто. Жители крепости, признав свои значки и одеяния, зная также и день, в который те по обычаю возвращаются, открыли ворота и приняли прибывших с радостью. Авары, войдя, тотчас овладели воротами и, знаком осведомив о свершенном деле войско, приготовились к вторжению и нападению. Так они перебили всех жителей города, а затем овладели всей страной Далмацией и поселились в ней. Одни городки у моря не сдались им, а были удержаны ромеями и то лишь потому, что средства для их жизни они добывают на море. Итак, увидев, что земля эта прекрасна, авары поселились на ней. Хорваты же жили в то время за Багиварией, где с недавнего времени находятся белохорваты. Один из родов, отделяясь от них, а именно — пять братьев: Клука, Ловел, Косендис, Мухло и Хорват и две сестры, Туга и Вуга, — вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов. В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами. Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, т. е. «белыми хорватами», имеющими собственного архонта. Они подвластны Оттону, великому королю Франгии (иначе — Саксии), и остаются христианами, вступая в родственные связи и дружеские отношения с турками. От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией. Имели и они самовластного архонта, ради дружбы обменивавшегося лишь посольствами с архонтом Хорватии. В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране. Но франки нас-

только были жестоки к ним, что, убивая грудных детей хорватов, бросали их собакам. Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, перебив архонтов, которых те им поставили. Поэтому против них из Франгии выступило большое войско. Семь лет длилась их война друг с другом, и наконец с трудом одолели хорваты. Они перебили всех франков и убили их архонта по имени Коцелин. С того времени, оставаясь самостоятельными и независимыми, они попросили Рим о святом крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов. Итак, страна их была разделена на 11 жупаний, а именно: Хлевиана, Ценцина, Имота, Плева, Песенда, Парафалассия, Вревера, Нона, Тнина, Сидрага, Нина. Боян их владеет Кривасой, Лицей и Гуциской. Упомянутая Хорватия и прочие Славинии расположены следующим образом: Диоклея лежит по-соседству с малыми крепостями Диррахия, а именно — у Элисса, Элкия и Антибари, и простирается до Декатер, а со стороны гор граничит с Сербией. От крепости же Декатер начинается архонтия Тервуния; она тянется до Раусия, а с ее горной стороны граничит с Сербией. От Раусия начинается архонтия захлумов. Она простирается до реки Оронтия, а у морского побережья граничит с паганами; на севере, со стороны гор, — с хорватами, а в основном — с Сербией. От реки Оронтий начинается Пагания, она тянется до реки Зендина и имеет три жупании: Растоцу, Мокр и Дален. Две жупании, т. е. Ростоца и Мокр, прилегают к морю; они владеют длинными судами. Жупания же Далена расположена вдали от моря, и ее население живет обработкой земли. От них поблизости находятся четыре острова: Мелеты, Куркра, Браца и Фарос, прекрасные и плодородные, где есть заброшенные крепости и много виноградников. Живущие на островах обладают скотом и тем существуют. От реки Зендина начинается Хорватия. Она простирается вдоль моря до пределов Истрии, а точнее — до крепости Алвуна, а со стороны гор тянется еще дальше, до некоего места фемы Ист-

рия. Граничит она у Цендины и Хлевена со страной Сербией. Страна Сербия [как бы] прикрывает с материка все остальные страны [из названных], на севере она граничит с Хорватией, а на юге — с Булгарией. С того времени, как названные славяне поселились [здесь], овладев всем пространством Далмации, жители ромейских крепостей живут возделыванием земли на островах. Но так как паганы постоянно пленяли их и истребляли, они покинули эти острова, стремясь возделывать землю на материке. Однако этому препятствовали хорваты, ибо они еще не платили подати хорватам, а все, что с недавнего времени отдают славянам, они вносили своему стратигу. Будучи не в состоянии прожить, они явились к приснопамятному василевсу Василию, поведав ему обо всем изложенном. Поэтому блаженный сей василевс постановил, чтобы они все даваемое стратигу отдавали славянам и жили в мире с ними, а стратигу предоставляли бы некую малость лишь в знак подчинения и зависимости от василевсов ромеев и своего стратига. С тех пор стали эти крепости подплатежными славянам и уплачивают им пакты: крепость Аспалаф — в 200 номисм, крепость Тетрангурин — в 100 номисм, крепость Диадоры — в 110 номисм, крепость Опсары — в 100 номисм, крепость Арва — в 100 [номисм], крепость Векла — в 100 [номисм], т. е. вместе 710 номисм, помимо вина и прочих различных продуктов, а все это [оценивается] выше, чем [названная сумма] в номисмах. Крепость Раусий лежит меж двух стран, захлумами и Тервунией. Виноградники жителей крепости находятся в обеих этих странах, и они уплачивают архонту захлумов 36 номисм и архонту Тервунии также 36 номисм.

31. О хорватах и о стране, в которой они живут в настоящее время. [Знай], что хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называвшихся «белыми», которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами, т. е. некрещеными сербами. [Имя] хорваты на славянском языке означает «обладатели большой страны». Эти

хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромеев Ираклию ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли сербы, в то время, когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян, выведенных из Рима и поселенных там василевсом Диоклетианом. Поэтому-то они и прозывались римлянами, что были переселенцами из Рима в этих краях, а именно — в ныне именуемой Хорватии и Сербии. Когда упомянутые римляне были прогнаны аварами, в дни того же василевса ромеев Ираклия, их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне. Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга. Василевс Ираклий, отправив [посольство], приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов. Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порг.

[Знай], что та страна, в которой поселились хорваты, сначала находилась под властью василевса ромеев, поэтому и сохранились поныне дворцы и ипподромы василевса Диоклетиана в стране хорватов, в крепости Салона, близ крепости Аспалаф.

[Знай], что упомянутые крещеные хорваты не желают воевать против чужой страны, лежащей вне их собственной, ибо они при василевсе ромеев Ираклии получили некое предсказание и постановление от папы римского, пославшего священников и их крестившего. Эти хорваты после крещения заключили, собственноручно подписав, договор и дали св. апостолу Петру нерушимые твердые клятвы, что никогда не отправятся в чужую страну и не будут воевать, а напротив, будут хранить мир со всеми желающими, получив, в свою очередь, от самого римского папы молитву, согласно которой, если какие-либо иные народы выступят против страны самих хорватов и принудят их воевать, то бог ранее самих хорватов вступит в бой и защитит их, а ученик Христа Петр дарует им победу. Через много лет, во дни архонта

Терпимира, отца архонта Красимира, прибыл из Франгии (что между Хорватией и Венецией) некий муж по имени Мартин, из весьма благочестивых, хотя и одетых по-мирски, который, как говорили сами хорваты, совершил много чудес. Сей благочестивый муж, будучи слаб и не имея ног — так что его поднимали и носили четыре человека, куда бы он ни захотел, — заклинал хорватов хранить ту же заповедь святейшего папы до скончания их жизни, вознося за них и сам молитву, подобную молитве папы. По этой причине ни длинные суда этих хорватов, ни кондуры никогда не отправляются войною против кого-либо, если только не напали на них самих. Но на этих судах отправляются желающие вести торговлю из хорватов, обходя (от крепости к крепости) и Паганию, и залив Далмации вплоть до Венеции.

[Знай], что архонт Хорватии сначала, то есть с царствования василевса Ираклия, подвластен как слуга василевсу ромеев и никогда не подчинялся архонту Булгарии. Но и болгары не ходили войной против хорватов, кроме архонта Булгарии Михаила Бориса, который, отправясь против них для войны и не будучи в силах добиться успеха, заключил с ними мир, одарив при этом хорватов и получив дары от них. Однако и эти хорваты никогда не платили пакта булгарам, хотя обе стороны частенько доставляли друг другу дары из благорасположения.

[Знай], что в крещеной Хорватии имеются населенные крепости: Нопа, Белеград, Белицин, Скордона, Хлевена, Столпон, Тенин, Кори, Клавока.

[Знай], что крещеная Хорватия выставляет конницу до 6000 воинов, пешее войско — до ста тысяч, длинных судов — до 80, а кондур — до 100. Длинные суда имеют по 40, а кондуры — по 20 мужей [команды], мелкие же кондуры — по 10 мужей.

[Знай], что это большое войско и множество народа Хорватия имела до архонта Красимира. Когда же он умер, а сын его Мирослав, правивший четыре года, был убит бояном Привуннем и в стране произошли раздоры и множество столкновений, уменьшились и конница и пешее войско, как и число длин-

ных судов и кондур у державы хорватов. Ныне она имеет 30 длинных судов, больших и малых кондур. . . конницу. . . и пешее войско. . .

[Знай], что Великая Хорватия, называемая «Белой», остается некрещенной до сего дня, как и соседние с нею сербы. Она выставляет еще меньше конницы, как и пешего войска, сравнительно с крещеной Хорватией, так что является более доступной для грабежей и франков, и турок, и пачинакитов. Она не обладает ни длинными судами, ни кондурами, ни торговыми кораблями, ибо лежит вдали от моря, — путь от тамошних мест до моря занимает 30 дней. А море, которого они достигают через 30 дней, называется «Черным».

32. *О сербах и о стране, где они живут ныне.* Да будет ведомо, что сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также «белыми» и живущих по ту сторону Турции в местности, именуемой ими Воики. С ними граничит Франгия, а также Великая Хорватия, некрещеная, называемая также «Белой». Там-то и живут с самого начала эти сербы. Но когда двое братьев получили от отца власть над Сербией, один из них, взяв половину народа, попросил убежища у Ираклия, василевса ромеев. Приняв его, сам василевс Ираклий предоставил ему в феме Фессалоника как место для поселения [город] Сервин, который с той поры и получил это прозвание. Сербами же на языке ромеев обозначаются «рабы», почему и «сервилами» в просторечии называется обувь рабов, а «цервулианами» — носящие дешевую, нищенскую обувь. Это прозвище сербы получили потому, что стали рабами василевса ромеев. Через некоторое время этим сербам вздумалось вернуться в свои места, и василевс отослал их. Но когда они переправились через реку Дунай, то, охваченные раскаянием, возвестили василевсу Ираклию через стратига, управлявшего тогда Белеградом, чтобы он дал им другую землю для поселения. Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян,

живущих в теперешней Далмации и Диррахии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах. Они были подвластны василевсу ромеев, который, приведя пресвитеров из Рима, крестил их и, обучив их хорошо совершать дела благочестия, изложил им веру христианскую. Когда же Булгария находилась под властью ромеев, [булгары были в мирных отношениях с сербами]. Затем, когда умер сей архонт Серб, прибегнувший к помощи василевса, по наследству правил его сын, затем внук и так далее — архонты из его рода. Через некоторое время был в этом роду среди них Вонсеслав, затем его сын Родослав, сын этого — Просигоис и его сын — Властимир. Вплоть до этого Властимира булгары были в мирных отношениях с сербами, как соседи и люди сопредельных земель, дружески общаясь друг с другом, неся службу и находясь в подчинении у василевса ромеев и испытывая его благодеяния. В правление же этого Властимира Пресиам, архонт Булгарии, пошел войной на сербов, желая покорить их, однако после трехлетней войны не только ничего не достиг, но и погубил множество своих воинов. После смерти архонта Властимира власть над Сербией унаследовали три его сына — Мунтимир, Строимир и Гоиник, поделившие страну. В их правление явился архонт Булгарии Михаил Борис, желая отомстить за поражение Пресиама, своего отца. Воюя [с ним], сербы настолько оказались сильнее, что взяли в плен сына Михаила — Владимира с двенадцатью великими боярами. Тогда, конечно, сокрушаясь о сыне, Борис против воли заключил мир с сербами. Желая вернуться в Булгарию и боясь, как бы сербы не заманили его в засаду на пути, он попросил для своей безопасности детей архонта Мунтимира, Борена и Стефана, которые и сберегли его невредимым вплоть до самых границ, то есть до Расы. В благодарность за эту услугу Михаил Борис дал им большие дары, и они взамен дали ему в качестве подарка двух рабов, двух соколов, двух собак и 80 штук меха, о чем булгары говорят как о пакте. Через недолгое время упомянутые три брата, архонты Сербии, высту-

пили друг против друга, и, когда одолел один из них, Мунтимир, он, желая один располагать властью, схватил и отдал в Булгарию двух других. Только Петра, сына одного из братьев — Гоиника, он оставил возле себя и заботился о нем. Но Петр, бежав, прибыл в Хорватию, о чем будет рассказано несколько позже. Вышеупомянутый находящийся в Булгарии брат [Мунтимира] Строимир имел сына Клонимира, которому Борис дал в жены болгарку. В Булгарии у него родился Чеслав. Мунтимир же, изгнав братьев и получив власть, породил трех сыновей, Прибеслава, Брана и Стефана, а после его смерти ему наследовал первый сын Прибеслав. Итак, через один год, выступив из Хорватии, упомянутый ранее Петр, сын Гоиника, отстраняет от власти своего двоюродного брата Прибеслава с двумя его братьями и сам принимает власть, а те, бежав, являются в Хорватию. Через три года Бран, придя для войны против Петра, был разбит им, попал в плен и был ослеплен. По прошествии двух лет Клонимир, отец Чеслава, также бежав из Булгарии, достиг Сербии и вступил с войском в одну из ее крепостей, Достинику, с намерением захватить власть. Воюя против него, Петр убил его и управлял еще 20 лет, начав править в царствование Льва, блаженного и святого василевса, подчиняясь и выполняя для него службу. Он заключил мир с Симеоном, архонтом Булгарии, так что даже и кумом его сделал. После же времени, в которое царствовал этот господин Лев, протоспафарий Лев Равдух, удостоенный после этого титулом магистра и должностью логофета дрома, а тогда бывший стратигом в Диррахии, оказался в Паганини, находившейся в то время под властью архонта Сербии, с целью помогать советом и содействовать самому архонту Петру в некоей службе и делах. Возревновав к сему, Михаил, архонт захлумов, сообщил Симеону, архонту болгар, что василевс ромеев удостоил даров архонта Петра, чтобы он соединился с турками и выступил против Булгарии. Произошла в то время и битва при Ахелое между ромеями и булгарами. Поэтому Симеон, будучи взбешен этим, послал против ар-

хонта Сербии Петра Сигрицу Феодора и известного Мармаина с войском, а с ними был и архонтопул Павел, сын Брана, которого ослепил Петр, архонт Сербии. Итак, булгары, коварно действуя против архонта Сербии и вступив с ним в кумовство, скрепленное клятвой, что они не причинят ему никакого ущерба, обманом заманили его к себе и, немедленно связав, увели его в Булгарию. Он умер в тюрьме. Вместо него вступил [в Сербию] Павел, сын Брана, и правил три года. А василевс господин Роман, имея в Константинополе архонтопула Захарию, сына Прибеслава, архонта Сербии, послал его с той целью, чтобы он стал архонтом в Сербии. Однако, уйдя и ведя войну, он потерпел поражение от Павла. Тот схватил его и передал булгарам, где его держали в оковах. Затем, через три года, когда Павел враждовал с булгарами, [они] отправили Захарию, ранее посланного василевсом господином Романом, и он, изгнав Павла, сам овладел властью над сербами. Захария тотчас вспомнил о благодеяниях василевса ромеев: он стал врагом болгар, не желая вообще подчиняться им, но склонный скорее быть под властью василевса ромеев. Так что, когда Симеон послал против него войско с Мармаимом и Сигрицей Феодором, он их головы и оружие отправил с поля битвы к василевсу ромеев в качестве трофеев (ибо между ромеями и булгарами еще продолжалась война). Он никогда не прекращал направлять посольства к василевсам ромеев, как и архонты до него, будучи в подчинении и на службе у них. Но Симеон опять послал новое войско во главе с Книном, Имником и Ичбокклией против архонта Захарии, отправив с ними также и Чеслава. Тогда Захария, испугавшись, бежит в Хорватию. Булгары же известили жупанов, чтобы те прибыли к ним и приняли Чеслава к себе архонтом. Вызвали они их с помощью клятвенных заверений, но довели [лишь] до первой деревни и, немедленно связав их, вступили в Сербию, захватили весь народ от мала до велика и увели в Булгарию. Некоторые, однако, бежав, ушли в Хорватию. Страна оказалась пустынной. Итак, в то

время эти болгары вторглись в Хорватию во главе с Алогоботуром с целью войны, и все были перебиты там хорватами. Через семь лет Чеслав, бежав от болгар с четырьмя другими, прибыл из Преслава в Сербию, но обнаружил в стране лишь 50 мужчин, не имеющих ни жен, ни детей, занятых охотой и так кормивших себя. Овладев с ними страной, он сообщил об этом василевсу ромеев, прося его о защите и помощи, обещая нести службу и повиноваться его повелениям, как и архонты до него. И с тех пор василевс ромеев не переставал благодетельствовать его, так что и пребывавшие в Хорватии, Булгарии и в прочих странах сербы, которых рассеял Симеон, услышав об этом, собрались к нему. Прибыло много беглецов из Булгарии и в Константинополь; василевс ромеев послал их к Чеславу, одев и облагодетельствовав. Благодаря богатым дарам василевса ромеев сплотив и заселив страну, как было прежде, он порабски подчинился василевсу ромеев, соединив эту страну и укрепив в ней в качестве архонта с содействия василевса и в результате его больших благодетельств.

[Знай], что архонт Сербии изначально, то есть с царствования василевса Ираклия, порабски подчинен василевсу ромеев и никогда не был подвластен архонту Булгарии.

[Знай], что в крещеной Сербии имеются населенные крепости: Десниник, Черनावускея, Мегиретус, Дреснеик, Лесник, Салинес, а в местности Босона — Катера и Десник.

33. О захлумах и о стране, которую они ныне населяют. [Знай], что страна захлумов находилась ранее во власти ромеев, то есть римлян, которых василевс Диоклетиан переселил из Рима, как о них уже рассказано [нами] в повествовании о хорватах. Эта страна захлумов и была в подчинении у василевса ромеев, но, поработенная аварами, она была полностью опустошена, а ее население уничтожено. Ныне живущие там захлумы являются сербами, со времен того архонта, который искал убежища у василевса Ираклия. Имя же захлумы они получили от горы — так называемого Хлума, иначе говоря, на славянском языке захлумы означает «(живущие) за холмом».

ибо в этой местности имеется большой холм, на вершине которого находятся две крепости: Бона и Хлум, а за тем же холмом протекает река под названием Бона, что означает «хорошая».

[Знай], что род анфипата и патрикия Михаила, сына Вусевуцы, архонта захлумов, прибыл от некрещеных поселенцев на реке Висле (их называют личики) и поселился на реке, именуемой Захлума.

[Знай], что в стране захлумов имеются населенные крепости: Стагн, Мокрискик, Ослия, Галумаиник, Добрискик.

34. О тервуниотах и каналитах и о стране, которую они ныне населяют. [Знай], что страна тервуниотов и каналитов — одна и та же. Тамошние обитатели происходят от некрещеных сербов, проживая [здесь] со времен того архонта, который, уйдя из некрещеной Сербии, попросил убежища у василевса Ираклия, и вплоть до архонта Сербии Властимира. Итак, сей архонт Властимир выдал свою дочь за Краину, сына Белаи, жупана Тервунии. Желая оказать честь своему зятю, он нарек его архонтом, сделав его самовластным. От него родился Фалимир, а от него — Чузимир. Но архонты Тервунии всегда были послушны архонту Сербии. Тервуния на славянском языке означает «сильное место», ибо эта страна обладает множеством укреплений.

[Знай], что в подчинении у этой страны Тервунии находится другая страна, называемая Канали. На славянском же языке Канали значит «тележная», так как из-за равнины того места там всякое дело выполняют с помощью повозок.

[Знай], что на территории Тервунии и Канали имеются населенные крепости: Тервуния, Орм, Рисена, Лукаветы, Зетливи.

35. О диоклетианах и о стране, которую они ныне населяют. [Знай], что страна Диоклея также прежде находилась во власти римлян, которых переселил из Рима василевс Диоклетиан (как рассказано [об этом] в истории о хорватах), и была в подчинении у василевса ромеев. Поработенная также аварами, и эта страна запустела и была вновь заселена при василевсе Ираклии, как и Хорватия, Сербия, страна захлу-

мов, Тервуния и страна Канали. Название Диоклея происходит от крепости в этой стране, которую воздвиг василевс Диоклетян. Ныне это пустующая крепость, по сию пору именуемая Диоклеей.

[Знай], что в стране Диоклее имеются большие населенные крепости: Градеты, Нуграде, Лондодокла.

36. О паганах, называемых также аренданами и о стране, которую они ныне населяют. [Знай], что страна, в которой теперь живут паганы, также ранее находилась во власти римлян, которых, переселив из Рима, василевс Диоклетян расселил в Далмации. Сами же паганы происходят также от некрещеных сербов времени того архонта, который искал помощи у василевса Ираклия. Также поработенная аварами, и эта страна была опустошена, а заселена снова при василевсе Ираклии. Паганами же они названы потому, что не приняли крещения в то время, когда были крещены все сербы. Ведь на славянском языке паганы означает «нехристи», а на языке ромеев их страна называется Аренда, поэтому их сами ромей и именуют аренданами.

[Знай], что в Пагании имеются населенные крепости: Мокр, Веруллия, Острок и Славинеца. Владеют они также следующими островами: большой остров Куркра, т. е. Кикер (на котором имеется и крепость); другой большой остров Мелеты, т. е. Малозеаты, который упоминает в «Деяниях апостолов» св. Лука, называя его Мелитой; на нем змея ужалила в палец св. Павла, и св. Павел сжег ее в костре; другой большой остров Фара: еще большой остров Брац. Но есть и другие острова, не находящиеся во власти самих паганов: остров Хоары, остров Иис, остров Ластовон.

37. О народе пачинакитов. Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Па-

чинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет.

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на восемь фем, имея столько же великих архонтов. А фемы таковы: название первой фемы Иртим, второй — Цур, третьей — Гпла, четвертой — Кулпей, пятой — Харавои, шестой — Талмат, седьмой — Хопон, восьмой — Цопон. Во времена же, в какие пачинакиты были изгнаны из своей страны, они имели архонтами в феме Иртим Ваицу, в Цуре — Куела, в Гиле — Куркутэ, в Кулпей — Ипаоса, в Харавои — Кандума, в феме Талмат — Косту, в Хопоне — Гиаци, а в феме Цопон — Батана. После смерти этих власть унаследовали их двоюродные братья, ибо у них утвердился закон и древний обычай, согласно которым они не имели права передавать достоинство детям или своим братьям; довольно было для владеющих им и того, что они правили в течение жизни. После же их смерти должно было избирать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом. Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда.

Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарциур, фема Сирукалпей, фема Вороталмат и фема Вулацопон, — расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям более восточным и северным, напротив Узий, Хазарии, Алании, Херсона и прочих климатов. Остальные же четыре рода располагаются по сию сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гпазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавои соседит с Россией, а фема Иавдпер-

тим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервлепинами, депзаньнами и прочими славянами. Пачинакия отстоит от Узни и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии — на десять дней, от Росии — на один день, от Турции — на четыре дня, от Булгарии — на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе.

Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников.

Должно знать, что по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами Аспрон, так как ее камни кажутся совсем белыми; вторая крепость Тунгаты, третья крепость Кракнакаты, четвертая крепость Салмакаты, пятая крепость Сакакаты, шестая крепость Гиэукаты. Посреди самих строений древних крепостей обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромей некогда имели там поселение.

Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдирти, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар.

38. *О родословной народа турок и о том, откуда они происходят.* [Знай], что народ турок имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия — по прозвищу их первого воеводы. Этот воевода прозывался личным именем Леведия, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него. Итак, в этой местности, уже названной Леведии,

течет река Хидмас, которая именуется также Хингилус. В те времена они не назывались турками, а именовались по неведомой причине савартами-асфалами. Турок было семь родов, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Леведия. Они жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называвшему Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой. Пачинакиты же, прежде названные кангар (а название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством), двинувшись на хазар войною и будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок. Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, — они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов. Через недолгое время упомянутый хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам, чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство, [требующее], чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: «Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему». Отвечая хагану, тот произнес: «Твое отношение ко мне и твой выбор я высоко чту и изъявляю тебе подобающую благодарность, но пос-

кольку я неспособен к такой власти, то не могу повиноваться. Есть, впрочем, иной, помимо меня, воевода, называемый Алмуц и имеющий сына по имени Арпад. Лучше, чтобы один из них, либо этот Алмуц, либо его сын Арпад, стал архонтом и повиновался слову вашему». Итак, довольный такой речью, упомянутый хаган дал Леведии своих людей и послал их с ним к туркам. Когда они беседовали об этом с турками, то турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, по обычаю — «закану» хазар подняв его на щите. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Турции из этого рода. Через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, посылают торговцев, и они навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания.

[Знай], что местность пачинакитов, в которой в те времена жили турки, именуется по названиям тамошних рек. А реки эти таковы: первая река под названием Варух, вторая река, именуемая Куву, третья река по имени Трулл, четвертая река, называемая Брут, пятая река, так называемый Серет.

39. О народе каваров. Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и, когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружились

друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой — язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующий и по сей день.

40. О родах каваров и турок. Первый — этот, от хазар отколовшийся, вышеназванный род каваров, второй — род Неки, третий — Мегери, четвертый — Куртугермат, пятый — Тариана, шестой — Генах, седьмой — Кари, восьмой — Каси. Так, соединясь друг с другом, кавары вместе с турками поселились в земле пачинакитов. После этого, названные Львом, христоролюбивым и престопамятным василевсом, они переправились [через Дунай] и, воюя против Симеона, наголову разбили его, наступая, дошли до Преслава и заперли его в крепости по названию Мундрага, вернувшись затем в собственную страну. В то время архонтом они имели Лиундика, сына Арпада. Однако, после того, как Симеон вновь помирился с василевсом ромеев, обретя безопасность и [позабыв боязнь], он спеша с пачинакитами и вступил с ними в соглашение с целью нападения на турок и уничтожения их. Когда турки отправились в военный поход, пачинакиты вместе с Симеоном пришли против турок, истребили целиком их семьи и беспощадно прогнали отсюда турок, охраняющих свою страну. Турки же, возвратясь и найдя свою страну столь пустынной и разоренной, поселились в земле, в которой проживают и ныне и которая именуется, как сказано, по выше названным наименованиям рек. А место, в котором прежде находились турки, именуется по названию протекающей там реки Этель и Кузу, где с недавнего времени расселяются пачинакиты. Итак турки, гонимые пачинакитами, пришли и поселились в земле, в которой живут теперь. В этом месте имеются некоторые постройки, оставшиеся с древних времен: прежде всего — мост василевса Траяна, в начале Турции,

затем — в трех днях [пути] от этого моста — Белеград, в котором находится башня святого и великого василевса Константина, потом вниз, по течению реки, — тот знаменитый Сермий, на расстоянии двух дней пути от Белеграда, а от сего места — Великая Моравия, некрещеная, которую опустошили турки и которой правил прежде Сфендоплок.

Таковы древние постройки и названия местностей по реке Истру, а места выше них, которые охватывают все обиталище турок, они называют ныне по именам текущих там рек. Реки же эти следующие: первая река Тимисис, вторая река Тутис, третья река Морсис, четвертая — Крисос и еще одна река Тица. Соседствуют с турками с восточной стороны болгары, где их разделяет река Истр, называемая также Дунаем, с северной стороны — пачинакиты, с западной — франки, с южной — хорваты. Эти восемь родов турок не подчиняются собственным [особым] архонтам, но имеют соглашение сражаться вместе со всем тщанием и усердием на реках, в какой бы стороне ни возникла война. Первым главою они имеют архонта из рода Арпада, друг за другом, и двух других, гилу и карху, которые имеют ранг судьи. Каждый род имеет архонта.

Должно знать, что гила и карха суть не собственные имена, а достоинства.

Должно знать, что Арпад, великий архонт Турции, породил четырех сыновей: первым Таркацуса, вторым Иелеха, третьим Иутоцуса, четвертым Залтаса.

Должно знать, что первый сын Арпада, Таркацус, породил сына Тевели, второй сын, Иелех, породил сына Эзелеха, третий сын, Иутоцас, породил сына Фалициса, нынешнего архонта, а четвертый сын, Залтас, породил сына Таксиса.

Должно знать, что все сыновья Арпада умерли, а внуки его, Фалис, Тасис и их двоюродный брат Таксис, живы.

Должно знать, что умер Тевелис и что имеется его сын Термацус — друг, недавно приходивший вместе с Вулцусом, третьим архонтом и кархой Турции.

Должно знать, что Вулцус карха — сын Кали кархи и что имя Кали есть

имя собственное, а карха — достоинство, как и гила, который выше кархи.

41. *О стране Моравии.* Да будет ведомо, что архонт Моравии Сфендоплок был мужественен и страшен соседним с ним народам. Были у этого Сфендоploка три сына и, умирая, он разделил свою страну на три части и оставил трем сыновьям [каждому] по одной части, первого определив великим архонтом, а двух других — подчиняться слову первого сына. Он убеждал их не впадать в раздор и не идти один против другого, показав им это на примере. А именно: принеся три палки и связав их, он дал их переломить первому сыну, а когда он не смог, дал второму, как затем и третьему. Потом, разъединив три эти палки, он раздал всем трем по одной. Взяв их и получив повеление сломать, они тотчас переломили их. Таким примером он убедил их, сказав: «Если вы пребудете нераздельными, в единодушии и любви, то станете неодолимыми и непобедимыми для врагов, а если среди вас случится раздор и соперничество, если вы разделитесь на три царства, не подчиненные старшему брату, то разорите друг друга и окажетесь целиком добычей соседних с вами врагов». После смерти этого Сфендоploка, пробыв в мире один год, они впали в раздоры и вражду меж собою, затеяв междоусобную войну друг с другом. Турки, явившись, совершенно разгромили их и завладели их страной, в которой живут и ныне. Остатки населения рассеялись, перебежав к соседним народам, болгарам, туркам, хорватам и к прочим народам.

42. *Землеописание от Фессалоники до реки Дуная и крепости Белеград, до Турции и Пачинакии, до хазарской крепости Саркел, до России и до Некропил, находящихся на море Понт, близ реки Днепр, до Херсона вместе с Боспором, в которых находятся крепости Климатов; затем — до озера Меотида, называемого из-за его величины также морем, вплоть до крепости по имени Таматарха, а к сему — и до Зихии, Папагии, Касахии, Алании и Авасгии — вплоть до крепости Сотиринуполь.* Должно знать, что от Фессалоники до реки Дуная, на

котором находится крепость по названию Белеград, путь занимает восемь дней, если путешествовать не в спешке, а с отдыхом. Турки живут по ту сторону реки Дуная, в земле Моравии, а также по сию сторону, между Дунаем и рекой Савой. От понизовья реки Дуная, против Дистры, начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно. «Саркел» же означает у них «Белый дом»; он был построен снафарокандидатом Петроной, по прозванию Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел. Василевс, склоняясь к их просьбе, послал им ранее названного снафарокандидата Петрону с хеландиями из царских судов и хеландии катепана Пафлагонии. Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них строение крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек. Затем этот выше названный снафарокандидат Петрона, прибыв к василевсу после постройки крепости Саркел, сказал ему: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архоптам». Ведь до василевса Феофила не бывало стратига, посылаемого [туда] из этих мест, но управителем всего являлся так называемый протевон с так называемыми отцами города. Итак, василевс Феофил, размышляя при сем, того или этого послать в качестве стратига, решил, наконец, послать вышеозначенного снафарокандидата Петрону как приобретшего знание местности и понимания дел отнюдь не лишнего, которого он и избрал стратигом, почтив чином протоснафария, и отправил в Херсон, повелев тог-

дашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из местных. Так совершилось строительство крепости Саркел. От реки Дуная до вышеозначенной крепости Саркел 60 дней пути. В пространстве этой земли имеются многочисленные реки, величайшие из них две — Днестр и Днепр. Имеются и другие реки, так называемая Сингул, Ивил, Алматы, Куфис, Богу и многие иные. В верховьях реки Днепра живут росы; отплывая по этой реке, они прибывают к ромеям; Пачинакия занимает всю землю до Росии, Боспора, Херсона, Сарата, Бурата и тридцати краев. Расстояние по побережью моря от реки Дуная до реки Днестра 120 миль. От реки же Днестра до реки Днепра 80 миль, так называемый «Золотой берег». От устья реки Днепра идут Адары. Там есть большой залив, называемый Некропила, по которому совершенно невозможно пройти. От реки Днепра до Херсона 300 миль, а в промежутке — болота и бухты, в которых херсониты добывают соль. От Херсона до Боспора расположены крепости Климагов, а расстояние — 300 миль. За Боспором находится устье Меотидского озера, которое из-за [его] величины все именуют также морем. В это Меотидское море впадает много больших рек; к северной стороне от него — река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию. Самый же залив Меотиды тянется в направлении к Некропилам, находящимся близ реки Днепр, мили на четыре, и сливается [с ними] там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив [таким образом] находящуюся внутри всю землю Херсона и Климагов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше. Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь два пути, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам. С восточной стороны Меотидского озера впадает много всяких рек: река Танаис, текущая от крепости Саркел, Харакул, в которой ловится верзитик; есть и иные реки, Вал и Вурлик, Хадир и прочие много-

численные реки. Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы через пролив 18 миль. На середине этих 18 миль имеется крупный низменный островок по имени Атех. За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии — страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор — страна Аланя. Вдоль побережья Зихии [в море] имеются островки, один крупный островок и три [малых], ближе их к берегу есть и другие, используемые зихами под пастбища и застроенные ими, — это Турганирх, Царвагания и другой островок. В бухте Спатал находится еще один островок, а в Птелеях — другой, на котором во время набегов алан зихи находят убежище. Побережье от пределов Зихии, т. е. от реки Никопсиса, составляет страну Авастию — вплоть до крепости Сотриуполя. Она простирается на 300 миль.

43. *О стране Тарон.* Впрочем, возлюбленный сын, достаточно рассказано тебе о северных скифах, знание которых при случае окажется тебе полезным и пригодным во всех отношениях. Следует также, чтобы ты не остался в неведении о [странах] к восходу солнца, почему они вновь стали подданными ромеев, после того, как прежде ускользнули от их владычества.

Известный Крикорикий, архонт Тарона, первым склонился и подчинился василевсу ромеев. Однако, в начале он вел себя двулично: на словах прикидывался, что чтит дружбу василевса, а на деле творил удобное катархонту сарацинов. При разных обстоятельствах он бывал предводителем войск, выступавших из Сирии против подвластных василевсу ромеев фем, обо всем, тайно замышляемом у ромеев против враждебных сарацин, он сообщал в Си-

рию, все случающееся у нас он постоянно с помощью секретных писем открывал амермумну; казаться он хотел пекущимся о делах ромеев, а проявлял себя скорее как поборник и ревнитель дел сарацин. Впрочем, он постоянно слал дары, которые у тамошних варваров считаются почетными, приснопамятному среди василевсов Льву и получал в ответ еще больше и драгоценней от благочестивого василевса, который неоднократно увещал его с помощью грамот прибыть в царственный [град], чтобы лицезреть василевса и приобщиться у него милостей и чести. Боясь, однако, что это послужило бы к огорчению и оскорблению амермумна, он измышлял отговорки и болтал попусту, будто бы не может оставить свою страну лишенной собственного попечения, чтобы она, мол, не была разграблена сарацинами.

Этот архонт Тарона, схватив как-то в битве сыновей Аркаика, т. е. двоюродных братьев так называемого патрикия Крикорики, отца прото-спафария Асотия, держал их в окопах у себя. О них и Симватий, тогдашний архонт архонтов, просил блаженнейшего василевса, чтобы он послал к Тарониту и позаботился о возвращении его племянников, которые были сыновьями упомянутого Аркаика, дабы их не отправили к амермумну. Ибо патрикий Григорий был родственником Симватия, архонта архонтов. Вняв этой просьбе Симватия, блаженнейший василевс Лев послал известного евнуха Синута, бывшего тогда хартуларием срочных дорог, и к архонту Тарона ради его дела, и к Адранасиру, куропалату Ивирии, по некоему иному делу, дав ему для обоих подобающие подарки. Но так как упомянутый Синут был оклеветан Феодором, переводчиком из армян, перед названными приснопамятным василевсом, вместо него был отправлен в качестве василика прото-спафарий Константин, доместик ипургии, сын Липса, ныне анфипат патрикий и великий этериарх, получивший приказом повеление забрать подарки для архонта Тарона Крикорикия и самому явиться в Тарон, а Синуту приказать отправиться к Адранасиру, куропалату Ивирии, как ему уже было велено. Достигнув Тарона и отдав Крикорикию

посланные ему дары и грамоты василевса, означенный протоспафарий забрал незаконного сына Таронита, который именовался Асотнем, и привел его в царственный град. Василевс, почтив его достоинством протоспафария и вполне достаточно облагодетельствовав, отправил к его отцу с тем же протоспафарием. Забрав затем оттуда Апоганема, брата Крикорикия, архонта Тарона, сей Константин привел его к блаженному василевсу вместе с двумя сыновьями Арканка, которого, также почтив достоинством протоспафария и милостиво приняв много раз, василевс вновь отправил через того же Константина в собственную страну к его брату.

После этого, пробыв в Халдии достаточно долго, упомянутый Константин был приказом направлен в Тарон — прибыть и взять Крикорикия, архонта Тарона и явиться в царственный град. Что он и сделал. Когда сей Крикорикий прибыл в богохранимый град и был почтен достоинством магистра и стратига Тарона, был дан ему и дом для жительства, называемый «[Домом] варвара» — теперь это дом паракимомена Василия. Был почтен он также ежегодной рогой в десять литр золота и десять других литр в милларисиях, так что в целом было двадцать литр. Пробыв некоторое время в царственном граде, он снова благополучно был доставлен тем же протоспафарием Константином в его собственную страну.

После этого Апоганем опять явился к блаженному василевсу и был возведен им в достоинство патрикия. Склонили его и к тому, чтобы взять в жены дочь упомянутого Константина. Под этим предлогом он попросил также дом, и получил он тоже «Дом варвара» без хрисовула. Облагодетельствованный василевсом, он тогда вернулся в свою страну, чтобы вновь прибыть и заключить брак. Но через несколько дней после благополучного прибытия в свою страну он завершил срок своей жизни. Брат же его Крикорикий своими грамотами испрашивал входа в царственный град для получения назначенной ему роги из рук святого василевса и для пребывания в течение некоторого времени в богохранимом граде. К сему он просил о полу-

чении для жительства дома, предоставленного ранее его брату, который блаженный василевс и дал ему по той причине, что он недавно подчинился и для того, чтобы побудить прочих архонтов востока к подобному желанию подчиниться ромеям. Однако он не дал хрисовульного документа о дарении ему этого дома.

По происшествии изрядного числа лет, когда скипетр царства ромеев взял блаженный василевс Роман, этот Крикорикий заявил, что он не в состоянии владеть «Домом варвара», и просил о получении вместо него проастия в Кельцине, или в Тацате, или в ином месте, где велит василевс, чтобы в случае набега агарян на его страну он мог отправлять туда свою родню и имущество. Василевс же, не располагая точными сведениями о деле, но, думая, что Таронит имеет «Дом варвара» по царскому хрисовулу блаженного Льва, дал ему проастий Григоры в Кельцине, а взамен забрал, разумеется, дом. Но и он не выдал ему хрисовула на проастий.

Через некоторое время этому василевсу написал Торник, племянник Таронита, сын известного Апоганема: «„Дом варвара“ блаженнейший василевс Лев даровал моему отцу, а после смерти моего отца — поскольку я был малолетним и сиротою — дядя мой из-за своей власти овладел его домом, постоянно обещая мне, что, когда я достигну совершеннолетия, то получу отеческий дом. А ныне, как я узнал, мой дядя отдал этот дом твоей царственности и получил в возмещение проастий Григоры в Кельцине».

От этих-то царских милостей архонту Тарона зародилась и выросла зависть к нему и у Какикия, архонта Васпаракана, и у Адранасира, куропалата Ивирии, и у Асотикия, архонта архонтов, которые ропща, написали василевсу, по какой, мол, причине один Таронит пользуется царской рогой, а все они не получают ничего. «Ибо какую, — говорили они, — особую, помимо нашей, несет он службу или в чем он больше нас приносит пользы ромеям? Посему должно, чтобы или мы также, как он, получали рогу, или он оказался лишенным этого дара». Блаженный василевс Роман написал

им в ответ, что не от него определена рога Тарониту, чтобы и ее теперешняя отмена была в его власти, а от блаженнейшего василевса. И несправедливо это — преемникам отменять установленное прежде царствовавшими. Написал он, впрочем, и самому Тарониту, ставя его в известность об огорчении и ропоте названных мужей. Тот же заявил, что не может предоставлять ни золота, ни серебра, но обещал, помимо посылаемых по форме подарков, давать одеяния и медные сосуды, стоящие до десяти литр, что и выплачивал в течение трех или четырех лет. После этого он известил, что не в силах предоставлять такой пакт, он просил, впрочем, о том, что либо он получает рогу безвозмездно, как при блаженнейшем василевсе Льве, либо она отменяется. Поэтому ради того, чтобы не были в обиде Какикий, куропалат и прочие, упомянутый блаженный василевс Роман отменил ее. Но как бы для его утешения он возвел после этого сына его Асотия, оказавшегося в городе, в патрикии и, достаточно его благодетельствовав, отослал домой.

Когда магистр Крикорикий оставил эту жизнь, Торникий, сын Апоганема, заявил, что имеет сердечное желание явиться для лицезрения василевса. В ответ василевс отправил протоспафария и переводчика Кринита, который и привел в город упомянутого Торникия. Василевс возвел этого Торникия в ранг патрикия. Предъявил он, однако, права и на «Дом варвара» и, услышав, что его дядя, получив проастию в Кельцине, отказался от власти на дом, сказал, что его дядя не может менять отеческое наследие Торникия. Он просил о получении либо дома, либо проастиа, а если это невозможно, то пусть то и другое перейдет к василевсу, чтобы не обладали этим его двоюродные братья. Но этой причине василевс, когда старец Таронит уже умер, отобрал проастию и дома не отдал взамен, поскольку, как было выше сказано, не было выдано хрисовула на какое-либо из этих имуществ.

После сего явился в царственный [град] известный Панкратий, старший сын того Крикорикия Таронита. Он был возведен василевсом в достоинство патрикия и стал страти-

гом Тарона. Попросил он и выдать за него одну из царских родственниц, и василевс дал ему в жены сестру магистра Феофилакта. После заключения брака было составлено и завещание, в котором он заявлял: «Если у меня родятся сыновья от сей жены, то чтобы они обладали всею странюю моею как наследием предков». К сему он пропросил василевса отдать ему проастию Григоры, чтобы помещать в нем патрикию, его жену, а после ее смерти этот проастию снова будет у его царственности. Василевс дал согласие и на это и, значительными милостями его удостоив, отослал вместе с женою в его страну. Сыновья же магистра Крикорикия, и сам патрикий Панкратий, и патрикий Асотий, весьма огорчали и притесняли их собственного двоюродного брата, патрикия Торникия, который, не вынося их нападений, написал василевсу, чтобы он послал верного человека принять его страну, а его самого, жену и ребенка его доставить к василевсу. Василевс отправил протоспафария Кринита, переводчика, чтобы согласно его просьбе, взять его и привести в богохранимый град. Когда Кринит достиг этой страны, он уже не застал его в живых. Перед смертью он распорядился, чтобы вся его страна была подвластна василевсу ромеев, а жена и его ребенок отправилась к василевсу. По ее прибытии василевс дал ей для жительства монастырь в Псомафевсе протоспафария Михаила, некогда бывшего коммеркиарием Халдии. Упомянутый Кринит был вновь отправлен василевсом, чтобы принять страну Апоганема, т. е. долю патрикия Торникия. Но в ответ оттуда направили послов сыновья Таронита, двоюродные братья умершего, прося взамен отдаваемого ими Улнутина дать им страну их двоюродного брата, ибо они не смогут прожить вообще, если василевс овладеет странюю их двоюродного брата как своей собственной. По доброте своей согласясь, василевс выполнил их просьбу и отдал им страну Апоганема, их двоюродного брата, а сам взял Улнутин вместе со всей его округой. Вся же страна Тарон оказалась разделенной пополам, одной ее половиной владели сыновья магистра Крикорикия, а другой — сыновья

патрикия Апоганема, их двоюродные братья.

44. *О стране Анахунис и о крепостях Манцикерт, Перкри, Хлиат, Халиат, Арцес, Тиви, Херт, Саламас и Цермацу.* Должно знать, что до Асотия, архонта архонтов, отца Симватия, архонта архонтов (которого обезглавил эмир Персии Апосатэ и который породил двух сыновей — Асотия, после отца ставшего архонтом архонтов, и Апасакня, затем почтенного в качестве магистра), — три упомянутые крепости: Перкри, Халиат и Арцес, — были под властью Персии.

[Знай], что архонт архонтов сидел в Великой Армении, в крепости Карс, и владел как тремя выше названными крепостями, Перкри, Халиатом и Арцесом, так и Тиви, Хертом и Саламасом.

[Знай], что Апелварт правил Манцикертом и находился под властью [Асотия], архонта архонтов, отца Симватия, архонта архонтов. Но сам Асотий, архонт архонтов, дал этому Апелварту также крепость Хлиат, Арцес и Перкри, ибо упомянутый Асотий, архонт архонтов, отец Симватия, архонта архонтов, владел всеми странами востока. Когда же Апелварт умер, его власть получил его родной сын Авелхамит, а когда умер Авелхамит, его властью обладал его старший сын АPOSEВАТАС. Когда Симватий, архонт архонтов, был убит эмиром Персии АПСАТЭ, АPOSEВАТАС самовластно и бесконтрольно, как господин и независимый правитель, владел и крепостью Манцикерт, и прочими крепостями, и странами. Он подчинился [однако] василевсу вместе с двумя другими его братьями, АПОЛЕСФУЕТОМ и АПОСЕЛМИ, ибо доместик схол при всяком случае нападал на их крепости, разорял и опустошал их страны. Они предоставляли и пакты василевсу ромеев за их крепости и земли. Но со времени вышеназванного АСОТИЯ, архонта архонтов, отца Симватия и деда как второго АСОТИЯ, так и магистра АПАСАКИЯ, вплоть до времени жизни второго АСОТИЯ, архонта архонтов, эти три крепости находились под властью архонта архонтов, и взимал с них архонт архонтов пакты. Кроме того, и крепость Манцикерт со страной АПАХУНИС, КОРА и ХАРКА находились

под властью и господством того же архонта архонтов вплоть до того времени, когда АPOSEВАТАС, эмир Манцикерта, вместе с его двумя братьями, АПОЛЕСФУЕТОМ и АПОСЕЛМИ, подчинились василевсу, предоставляя пакты и за крепости, и за их земли. Когда [же] архонт архонтов оказался рабом василевса ромеев, как им избираемый и от него получающий это достоинство, оказались, разумеется, у василевса ромеев также и находившиеся во владении того крепости, городки и земли.

[Знай], что когда Симватий, архонт архонтов Великой Армении, был схвачен АПСАТЭ, эмиром Персии, и был им обезглавлен, АPOSEВАТАС, сидящий в крепости Манцикерт, владел крепостью Халиат, крепостью Перкри и городком Арцес.

[Знай], что второй брат АPOSEВАТАСА, АПОЛЕСФУЕТ, и его племянник и пасынок АХМЕТ владели крепостью Хлиат, крепостью Арцес и крепостью Алцике и сами подчинились василевсу ромеев, оказались под его властью и уплачивали пакты (как и старший их брат АPOSEВАТАС) за их крепости и их земли.

[Знай], что третий брат АPOSEВАТАСА и АПОЛЕСФУЕТА, АПОСЕЛМИ, владел крепостью Цермацу вместе с землями ее. И он подчинился василевсу ромеев и давал пакты, как и старший его брат АPOSEВАТАС и второй его брат АПОЛЕСФУЕТ.

[Знай], что когда умер АPOSEВАТАС, крепостью Манцикертом с ее территориями и всем ее владением обладал Абдерахим, сын АPOSEВАТАСА; когда же умер Абдерахим, второй брат АPOSEВАТАСА, дядя Абдерахима, владел крепостью Манцикерт и всеми выше означенными странами, а когда умер и он, владел третий брат, т. е. АPOSEВАТАСА и АПОЛЕСФУЕТА, АПОСЕЛМИ, и Манцикертом, и всеми прежде названными странами.

[Знай], что АPOSEВАТАС имел сына Абдерахима и еще Апелмузе.

[Знай], что АПОЛЕСФУЕТ имел пасынка и племянника Ахамета, ибо не было у него сына, а пасынка и племянника своего он считал за сына.

[Знай], что АПОСЕЛМИ имел сына Апелварта, ныне владеющего Манцикертом.

[Знай], что когда умер АPOSEВА-

тас, он оставил эмиром Абдерахима, своего сына; второй же его сын Апелмузе был слишком мал и поэтому был не принят во внимание для занятия власти отца и своего брата.

[Знай], что Апосеватас, старший брат, сидел в крепости Манцикерт и владел, как сказано, следующими странами: Апахунис, Кори и Харка. Он давал за них пакты василевсу ромеев. Когда он умер, владел его сын Абдерахим и сам платил вышеупомянутые пакты, ибо, как сказано, брат его Апелмузе был совершенно мал.

[Знай], что когда умер Абдерахим, а брат его Апелмузе был не принят в расчет как ребенок, владел крепостью Манцикерт и подчиненными ей вышеназванными странами второй брат Апосеватаса, ранее упомянутый Аполесфует, дядя и Абдерахима, и из-за младенчества оставленного в небрежении брата его Апелмузе.

[Знай], что когда умер Аполесфует, крепостью Манцикерт вместе с ранее названными местами владел третий брат Апосеватаса, т. е. Аполеселми. А названный выше Ахамет, племянник и пасынок Аполесфуета, с ведома и по желанию Аполесфуета владел Хлиатом, Арцесом и Перкри. Ибо Аполесфует, не имея сына, как сказано ранее, этого племянника и пасынка своего считал наследником всего своего имущества, крепостей и своих земель.

[Знай], что когда умер Аполеселми, владел крепостью Манцикерт с его округой его сын Апелварт. А Ахмет владел тремя крепостями: крепостью Хлиат, крепостью Арцес и крепостью Алцике.

[Знай], что этот Ахмет был рабом василевса, как выше сказано, предоставляя пакты и за себя самого, и за своего дядю Аполесфуета. Но Апелварт хитростью и коварством умертвил его и захватил три эти крепости, крепость Хлиат, крепость Арцес и крепость Алцике. Василевс должен вернуть их как являющиеся его собственностью.

[Знай], что все эти вышеназванные крепости и ранее упомянутые страны никогда не были под властью Персии или под властью амермумна, но находились, как сказано, в дни господина василевса Льва под властью Симватия, архонта архонтов, а после этого оказались под

властью трех братьев, вышеозначенных эмиратов: Апосеватаса, Аолесфуета и Аполеселми. В их дни они были подчинены, обложены пактом и оказались под властью василевсов ромеев.

[Знай], что если василевс владеет этими тремя крепостями, Хлиатом, Арцесом и Перкри, персидское войско не может выступать против Романии, поскольку они находятся между Романней и Арменней и являются заслоном и стоянками для войск.

45. Об ивирах. Должно знать, что ивиры, а именно — люди куро-палата, похваляясь, утверждают, что происходят от жены Урии (Хеттеянина), прелюбодействовавшей с Давидом, пророком и василевсом. Они происходят, по их словам, от рожденных ею детей Давида, являются родственниками Давида, пророка и василевса, а тем самым — и пресвятой богородицы, ибо и она происходила от семени Давидова. Поэтому мегистаны ивиров беспрепятственно берут в жены своих родственников, полагая, что соблюдают древнее законоположение. Они говорят, что род их идет из Иерусалима и что они были предупреждены во сне уйти из тамошних мест и поселиться в краях Персии, а именно — в той стране, в которой живут ныне. Предупрежденными же и ушедшими из Иерусалима были знаменитый Давид и его брат Спандиат. Этот Спандиат, как они утверждают, обрел от бога милость не быть пораженным в битве мечом в любой член тела, кроме сердца, которое он и защищал в сражениях неким прикрытием. Поэтому персы боялись и страшились его, а он победил и подчинил их и поселил своих родичей ивиров в труднодоступных местах, находящихся и ныне в их владении, из которых они понемногу расселились, увеличившись в числе и став великим народом. Итак, впоследствии, когда василевс Ираклий выступил войной против Персии, они соединились с ним и участвовали в походе, и с тех пор подчинили (скорее страхом перед Ираклием, василевсом ромеев, чем собственной силой и могуществом) много городов и мест персов, поскольку со времени, когда василевс Ираклий победил персов и в ничто обратил их царство, персы

стали легко одолимы и готовы к покорности не только для ивиров, но и для сарацин. Поскольку, как они сами говорят, они происходят из Иерусалима, постольку великое почтение они питают к нему и к гробу господа нашего Иисуса Христа, и от времени до времени щедро шлют деньги патриарху святого града и тамошним христианам. А вышеозначенный Давид, брат Спандиата, породил Панкратия, Панкратий породил Асотия, Асотий — Адранасэ, которого Лев, христолюбивый василевс ромеев, почтил саном куропалата. Спандиат же, брат ранее названного Давида, умер бездетным. Со времени переселения их из Иерусалима в ныне населяемую ими страну минуло до сей поры (то есть до 10 индикта 6460 года от сотворения мира), до царствования Константина и Романа, христолюбивых и багрянородных василевсов ромеев, — 400 лет или даже 500.

Следует знать, что христолюбивый и багрянородный приснопамятный василевс Лев, услышав, что в месте под названием Фасиана сарацины, придя, обратили тамошние церкви в крепости, послал патрикия, стратига Армениаков, Малакону, вместе со стратигом Келонии, стратигом Месопотамии и стратигом Халдии, и они разрушили эти крепости, освободив церкви и разорив всю Фасиану, находившуюся в то время во владении сарацин. Затем он снова отправил магистра Катакалона, доместика схол, который, придя к крепости Феодосиуполь и опустошив всю округу, предав страну Фасиану и крепости вокруг нее той же гибели, вернулся, нанеся таким образом великий удар по сарацинам. А в царствование господина василевса Романа магистр Иоанн Куркуас, отправившись против крепости Тивия, на пути к ней разорил всю страну Фасиану, ибо ею владели сарацины. Но и патрикий Феофил, брат ранее названного магистра Иоанна, когда он впервые был стратигом в Халдии, разграбил эту страну Фасиану, так как и тогда она была во власти сарацин. Ибо пока не был заключен договор с феодосиуполитами, в стране Фасиане не оставалось ни деревни, как и у крепости Авник. А ивиры постоянно хранили любовь и дружбу с феодосиуполитами, авни-

кпотами, манцикертцами и со всей Персией, но в Фасиане они никогда не овладевали [какими-либо] местами.

[Знай], что господин Лев, василевс, и господин Роман, и сама наша царственность неоднократно домогались крепости Кецеон, чтобы захватить ее и ввести [туда] таксатов (дабы Феодосиуполь не получал оттуда снабжение хлебом), и уверяли и куропалата, и его братьев, что после того, как Феодосиуполь будет взят, они [вновь] получают эту крепость. Но ивиры не согласились сделать это из-за любви к феодосиуполитам и из нежелания, чтобы крепость Феодосиуполь была разорена. Напротив, они возражали господину Роману и нашей царственности, говоря: «Если мы сделаем это, мы можем принять бесчестье от соседей наших, например — от магистра и эксусиаста Авасгии, от Васпураканита и от правителей армян. Они могут сказать, что василевс считает ивиров неверными, и куропалата, и братьев его, что он не доверяет им и потому забрал у них крепость. Лучше пусть василевс пошлет турмарха или какого-нибудь василика, и пусть тот сидит в крепости Кецеон и надзирает». И они получили повеление: «Какая польза посылать турмарха или василика? Даже если вступит [в крепость] либо турмарх, либо василик, то он может войти [лишь] с десятью или двенадцатью людьми и сумеет [с ними] расположиться на постой, который он получит у вас. Но поскольку много существует путей, которые ведут в крепость Феодосиуполя, он не может видеть из крепости караваны, входящие в крепость Феодосиуполя, а караваны могут вступать в Феодосиуполь ночью, когда те ничего не подозревают». Итак, из-за нежелания ивиров, чтобы Феодосиуполь был разграблен, а скорее — ради того, чтобы он был снабжаем хлебом, они не послушались и не отдавали крепость Кецеон, хотя получили и письменные клятвы, что после того, как Феодосиуполь будет взят, эта крепость будет возвращена им.

[Знай], что ивиры никогда не испытывали желания грабить или пленять в округе крепости Феодосиуполя или его деревень, или в кре-

пости Авникий, или в деревнях вокруг него, или в крепости Манцикерт и в ее владениях.

[Знай], что поскольку куропалат настаивает на местах Фасианы, домогаясь всей Фасианы и крепости Авникий, под тем предлогом, что он имеет хрисовулы блаженного василевса господина Романа и нашей царственности, копии их он и послал нам с протоспафарием Зурванели, своим азатом, рассмотрев их, мы обнаружили, что они не имеют никакой силы. Ведь хрисовул нашего тестя содержит обещание самого куропалата, как он подтвердил это клятвой, подписавшись собственной рукой, хранить верность нашей царственности, сражаться с нашими врагами, а друзей защищать, подчинить восток нашей царственности, овладевать крепостями и совершать великие дела к угодье нашей. А ему было обещано тестем нашим, что если он будет блюсти такую верную службу и благоразумие, то пребудет непоколебимым и сам, и его родичи во власти своей и господстве, и [василевс] не изменит границы его мест, но сохранит их в соответствии с договорами с прежними василевсами и не переступит по ту сторону рубежей, что [василевс] не препятствует ему в разрушении Феодосиуполя и прочих вражеских крепостей, хотя бы он осаждал их один или с помощью нашего войска. Вот какие пункты содержат хрисовулы, которые не дают куропалату никакого оправдания, ибо один из них, [хрисовул] тестя нашего, возвещает, что мы не отесняем его от древних пределов его страны и, если он может, один ли или с нашим войском, то да осадит и разрушит Феодосиуполь и прочие крепости врагов, но не овладеет ими в полную собственность и господство; другой же [хрисовул] — нашей царственности — гласит, что какие бы места он сам ни был в состоянии [ныне] собственной силой подчинить у агарян (как и его племянник, магистр Адранасэ) или ни подчинил впрямь, то да имеет их в собственности и господстве. Поскольку он собственной силой не подчинил ни Феодосиуполя, ни Авникия, ни Мастата, то не должен и владеть ими, как находящимися по сю сторону реки Эракса, то есть Фасиса, ибо крепость Авникий доныне была

самостоятельной и самовластной, имеющей собственного эмира. Неоднократно войско василевса разоряло ее да и протоспафарий и стратиг Иоани Арравонит, и патрикий Феофил, и стратиг Феодосиуполя недавно, и прочие стратиги брали в ней великую добычу и полон, сжигая ее деревни, тогда как куропалат никогда не разорял ее. Когда ее деревни были опустошены нашей царственностью, подкралась ивиры и завладели ими, пытались отсюда захватить крепость. Эмир же, часто побуждаемый патриkiem и стратигом Феофилом и видящий, что ниоткуда не получает он надежд на жизнь, покорился и согласился стать рабом нашей царственности, отдав заложником собственного сына. Мастат, однако, оставался у феодосиуполитов. Когда магистр Иоани осаждал Феодосиуполь в течение семи месяцев, то из-за того, что не смог овладеть им, он, послав войско, взял эту крепость Мастат и ввел в нее протоспафария Петрону Воилу, бывшего тогда катепаном Никополя. А магистр Панкратий, участвовавший в походе на Феодосиуполь вместе с самим магистром [Иоанном], когда тот собрался уходить, попросил отдать ему эту крепость, принеся ему письменную клятву держать ее и никогда не отдавать сарацинам. Поскольку Панкратий был христианином и рабом нашей царственности, [Иоанн], поверив его клятве, отдал крепость названному Панкратию, а тот вновь вернул ее феодосиуполитам. Когда Феодосиуполь был взят, ивиры, подобравшись [к Мастату], овладели им. Итак, у них нет оснований требовать ни крепости Мастат, ни Авникия. Но так как куропалат является верным и истинным рабом и другом нашим, то в соответствии с его просьбой границей Фасианы да будет река Эракс, то есть Фасис, так что левой стороной от нее, в направлении к Ивирии, пусть владеют ивиры, а правая, которая обращена к Феодосиуполю, будь там крепости или деревни, пусть находится у нашей царственности, иначе говоря — чтобы река была границей между обоими сторонами, как блаженный Иоани Куркуас, когда он был еще жив, на вопрос об этом сказал, что река удобна в качестве границы.

Истинное же право не обосновывает никакой власти куропалата ни на владение землями по сю сторону реки, ни на обладание ими по ту сторону, ибо все эти места феодосиуполитов пленили и выжгли войска нашей царственности, и никогда без нашего войска ивиры не выступали и не разоряли Феодосиуполя, а, напротив, относились к его жителям всегда как к друзьям и торговали с ними. На словах они хотели бы, чтобы Феодосиуполь был захвачен, а в глубине сердца никогда не желали чтобы он был взят. Но царственность наша, как сказано, из любви к куропалату пожелала, чтобы река Эракс, или Фасис, служили границей между обеими сторонами, и ивиры должны довольствоваться означенными владениями и не домогаться ничего большего.

46. О генеалогии ивигов и о крепости Ардануци. Да будет известно, что Панкратий и Давид Мабалис, а это означает «всесвятый», были сыновьями великого Симватия Ивира. Ардануци достался в наследство Панкратию, а Давид получил иную страну. Панкратий породил трех сыновей, Адранасера, Куркения и патрикия Асотия (он же Кискасис), и разделил меж ними свою страну. Ардануци достался его сыну Куркению, а когда тот умер бездетным, он оставил его своему брату Асотию, то есть Кискасису. Патрикий же Асотий, он же Кискасис, взял в зятя по своей дочери известного Куркения, магистра, который, укрепившись, насильно отобрал у своего тестя Асотия Ардануци и отдал ему взамен Тирокастрон и поречье Ацары, являющейся границей Романии у Колорина. Женой же патрикия Асотия — Кискасиса была сестра магистра Георгия, эксусиаста Авагии. Когда поднялись друг против друга магистр Куркений и магистр Георгий, эксусиаст Авагии, то из-за того, что патрикий Асотий был в военном союзе с эксусиастом Авагии, Куркений, одолев, отнял и возмещение, которое он дал ему за Ардануци, изгнал его, и тот ушел в Авагию. Когда умер магистр Куркений, Ардануци был оставлен его жене, дочери патрикия Асотия—Кискасиса, как ее вотчина. А когда страну магистра Куркения делили оружием куропалат Асотий,

магистр Георгий, эксусиаст Авагии, и магистр Панкратий, брат выше-названного куропалата, они пришли, [наконец], к соглашению и каждый взял находящееся поблизости от него. Ардануци лежал по соседству с Симватием, сыном ранее упомянутого Давида. Тогда все они захватили жену магистра Куркения, то есть дочь патрикия Асотия—Кискасиса, говоря [ей] так: «Ты, будучи женщиной, не можешь владеть крепостью». И отдал тогда Симватий в возмещение за крепость женщине [иные] деревни и забрал эту крепость Ардануци.

Должно знать, что между этими ивирами имеется следующий вид родства. Мать Давида и [мать] Адранасэ куропалата, отца нынешнего куропалата Асотия, были дочерьми двух братьев, то есть двоюродными сестрами. Женой Симватия, сына Давида, была дочь магистра Панкратия, отца Адранасэ, нынешнего магистра, а когда она умерла, Адранасэ взял сестру Симватия, сына Давида.

[Знай], что крепость Ардануци весьма сильна, обладает она и большим посадом, подобно небольшому городу; торговцы из Трапезунда, из Ивирии, из Авагии, из всех армянских стран и из Сирии приходят туда, и она взимает с этих торговцев огромный коммеркий. Область же крепости Ардануци, то есть Арци, велика и плодородна и является ключом и к Ивирии, и к Авагии, и к Мисхиям.

[Знай], что блаженный василевс господни Роман отправил патрикия и друнгария флота Константина, бывшего в то время протоспафарием и манглавитом, дав ему магистратский иматий, для того, чтобы сделать магистром Куркения Ивира. После того как патрикий и друнгарий флота Константин, уйдя, дошел до Никомидии, [в Константинополь] вошел монах Агапий из обители Кимина, который в то время посетил святой град ради поклонения. Когда он проходил по Ивирии, он побывал в крепости Ардануци. Патрикий Асотий, называвшийся также Кискасис, враждовал [тогда] со своим зятем Куркением и сказал монаху Агапию: «Заклинаю тебя богом и силою честного и животворного креста, чтобы ты, уйдя в город,

сказал василевсу, дабы он послал [людей], принял мою крепость и имел ее под своею властью». Монах Агапий, вступив в город, рассказал василевсу о том, что говорил ему патрикий Асотий-Кискасис. Поскольку же выше названный патрикий и друнгарий флота Константин находился в Никомидии по ранее упомянутому делу об избрании Куркеня Ивира в магистры, он получил по повелению василевса питтакий патрикия Симеона протасикрита, гласящий: «Святой наш василевс повелевает оставить все твои поручения и срочно отправиться к патрикию Асотию, называемому также Кискасисом, и принять его крепость Ардануци, ибо он известил нашего святого василевса через монаха Агапия, чтобы был послан верный и близкий человек для принятия его крепости Ардануци. Когда ты придешь в Халдию, возьми дельных архонтов, которых ты знаешь как мужественных и верных людей, вступи и овладей этой крепостью». Когда патрикий и друнгарий флота Константин прибыл в Халдию, он взял дельных турмархов и архонтов и войско числом до 300 человек и вступил в Ивирию, его перехватил блаженный Давид, брат Асотия, нынешнего куропалата, спросив его: «Куда ты послан василевсом, какую службу ты должен исполнить, ведя с собою такое войско?» Ибо они опасались из-за смерти куропалата Адранасэ, как бы василевс не решил возвести в куропалаты Куркеня, так как тем временем сыновья куропалата Адранасэ после смерти их отца имели некие раздоры со своим двоюродным братом. Поскольку Куркеный отправил к василевсу с великими дарами своего первого человека, прося о куропалатстве или о магистрате, четверо братьев, а именно — сыновья куропалата Адранасэ, подозревали, что Константин прибыл туда ради того, чтобы сделать Куркеня куропалатом. Патрикий Константин, однако, ответил: «Я веду такое войско, чтобы возвести в магистры Куркеня». После того как этот патрикий Константин прибыл в страну Куркеня, он почтил его как магистра и, простившись с ним, [сказал]: «Я отправляюсь к магистру Давиду». Сей патрикий Константин имел повеление

от василевса и подарки также для Давида. И вступил он в крепость патрикия Асотия-Кискасиса, в Ардануци, и отдал ему повеление для него от василевса, гласящее что-то не о крепости Ардануци, а о других делах. Сказал же ему патрикий Константин следующее: «Хотя повеление ничего не говорит о крепости Ардануци, но, так как монах Агапий пришел к василевсу и известил его о том, что ты заявил о крепости Ардануци, василевс и послал меня, чтобы я принял крепость и ввел в нее приведенное [мною] войско». Поскольку же, как ранее упомянуто, патрикий Асотий-Кискасис находился во вражде со своим зятем Куркенем, он предпочел отдать свою крепость василевсу. Патрикий Константин имел с собою знамена и дал [одно из них] патрикию Асотию-Кискасису. Тот же, укрепив его на копье, передал патрикию Константину со словами: «Водрузи это наверху стены, чтобы ведали все, что от нынешнего дня эта крепость является крепостью василевса». И когда патрикий Константин совершил это, водрузил знамя наверху стены и, согласно обычаю, восславил василевсов ромеев, всем стало известно, что патрикий Асотий — он же Кискасис — подарил крепость Ардануци василевсу. Итак, великий Давид не отдал свою страну василевсу, хотя она близка к границам турмы Акампси и Мургулы. Итак, патрикий Константин известил василевса, отправив два донесения, одно повествующее о том, как он почтил Куркеня в магистры и как Куркеный принял магистрат и восславил василевса, другое же, рассказывающее о крепости Ардануци, как он принял ее от патрикия Асотия-Кискасиса, о том, что великий раздор и вражду имеют друг с другом патрикий Асотий и его зять магистр Куркеный и о том, чтобы василевс [поэтому] послал подмогу для защиты этой крепости и, если это возможно, чтобы прибыл [туда] и местик схол. Видя [все] это, ивиры, и магистр Куркеный, и магистр Давид, брат куропалата Асотия, написали василевсу: «Если твоя царственность соглашается на это и вступает вглубь нашей страны, мы отходим от служения твоей царственности и соединяемся с сарацинами, по-

сколько можем выдержать битвы и войны с ромеями и, будучи вынуждены, можем двинуть войско и против крепости Ардануци, и против ее области, и против самой Романии». Прочтя это в грамотах выше названных архонтов, услышав [то же] от посланных ими людей и боясь, как бы они не соединились с сарацинами и не привели войска Персии против Романии, василевс отрекся, заявляя: «Я не писал протоспафарню и манглавиту Константину об этой крепости и ее области, чтобы он принял ее, а он, так сказать, по собственному неразумию сделал это». Так сказал василевс, желая окончательно успокоить их, а сам протоспафарий и манглавит Константин получил приказ, исполненный оскорблений и угроз: «Кто велел тебе делать это? Поскорее уходи из крепости, заведи Асотия, сына покойного куропалата Адранасэ, и приведи его сюда, чтобы мы почтили его саном его отца, куропалата». Получив это, патрикий Константин оставил патрикия Асотия-Кискасиса в его крепости Ардануци, а сам, выступив, отправился к великому Давиду, передал ему повеление, которое имел для него, вернулся, вступил в Ивирию и нашел собравшихся воедино и магистра Куркения, и магистра Давида, брата куропалата Асотия. И начали они задирать и поносить патрикия Константина, говоря: «Ты оказался скрытным и дурным человеком, ибо не сказал нам о крепости Ардануци, что должен овладеть ею». И еще: «Не следовало, чтобы овладел ею василевс, ибо мы запросили по этому делу василевса и узнали, что василевс совершенно не ведает об этом деле, а ты сделал это из дружбы к патрикию Асотию-Кискасису». Патрикий же Константин, возразив им, как подобает, взял Асотия, сына куропалата Адранасэ, привел его в город, и он был почтен василевсом в куропалаты.

Что же сказать относительно случившегося в какие-либо времена между ромеями и различными иноплеменными народами? Ибо достойно, дражайший сын, чтобы ты не избегал знания об этом, дабы в подобных случаях, когда произойдет то же самое, у тебя благодаря предварительной осведомленности нашлось удобное противодействие.

47. *О переселении киприотов история повествует следующее.* Когда остров был захвачен сарацинами и в течение семи лет оставался ненаселенным, а архиепископ Иоанн со своим народом прибыл в царственный город, от василевса Юстиниана случилась рекомендация на шестом святом синоде, чтобы тот вместе с его епископами и с народом острова получил Кизик и совершал бы хиротонию, когда где не было епископа, до тех пор, пока не восстановятся самовластье и права Кипра (ибо и сам василевс Юстиниан был киприотом, как доныне от древних киприотов утвердилось мнение), так что было решено на святом шестом синоде рукоположить архиепископа Кипра проедром Кизика, как записано в 39-ой главе этого шестого святого синода.

Через семь лет по божьей воле василевс был побужден вновь заселить Кипр. Он отправил к амермумну Багдада трех знатных киприотов, бывших уроженцами этого острова, называвшихся Фангумисами, вместе с неким разумным видным василиком, написав амермумну, чтобы он отпустил на свое место находившийся в Сирии народ острова Кипра. Вняв письму василевса, амермумн разослал по всем Сириям знатных сарацин, собрал всех киприотов и переправил на свое место. Василевс же также отправил василика и переправил тоже живших в Романии [киприотов], т. е. в Кизике, в Кивирреотах и во Фракиясах. И остров был заселен.

48. *Глава 39-я шестого святого синода, случившегося в Трулле большого дворца.* Поскольку брат и сослужитель наш Иоанн, проедр острова киприотов, вместе со своим народом переселился в Геллеспонтскую епархию — по причине варварских набегов и для того, чтобы избавиться от неволи у иноплеменников и подчиниться лишь скипетрам христианнейшей власти — из-за упомянутого переселения с острова, по провидению человеколюбивого бога и трудами христолюбивого и благочестивого нашего василевса, мы постановляем, чтобы сохранились неизменными права, предоставленные некогда богоносными отцами в Эфесе трону ранее названного мужа, чтобы новый Юстиниануполь

обладал правами города Константины, а в нем поставленный боголюбивейший епископ предстательствовал над всеми геллеспонтскими епархиями и чтобы он рукополагался собственными епископами, в согласии с древним обычаем (ибо решили богоносные наши отцы, дабы сохранялись обычаи в каждой церкви), так что епископ города кизикинов подчинен проедру названного Юстиниануполя, подобно прочим всем епископам, подвластным упомянутому боголюбивейшему проедру Иоанну, от которого, ежели потребует необходимость, будет рукополагаться и епископ самого города кизикинов.

Так как мы столь детально изложили тебе и поведали выше об иноплеменных народах, справедливо было бы, чтобы ты обрел верное знание не только о переменах в управляемом нами государстве, но и обо всем царстве ромеев в различные времена, так, чтобы осведомленность о более близком и о собственном, упрочившись в тебе более, чем в других, сделала тебя более желанным для подданных.

Следует знать, что при Константине, сыне Константина, называемого также Погонатом, некий Каллиник, перебежавший к ромеям из Илиуполя, изготовил жидкий огонь, выбрасываемый через сифоны, с помощью которого ромеи, сжегши флот сарацин у Кизика, добыли победу.

49. Спрашивающий, каким образом славяне были поставлены на службу и в подчинение церкви Патр, пусть узнает из настоящего описания. Когда скипетр ромеев держал Никифор, они, находясь в феме Пелопоннес и задумав восстание, захватили сначала дома соседних греков и учинили грабеж. Затем же, двинувшись на жителей города Патр, они разорили равнины у его стен и осадили самый [город], имея с собою также африканских сарацин. Когда прошло достаточно времени и у находящихся внутри стен начал сказываться недостаток необходимого, и в воде и в пище, они вынесли решение вступить в соглашение, получить заверение в безопасности и тогда подчинить им город. Поскольку, впрочем, тогдашний стратиг находился на границе фемы в крепости Коринф

и была надежда, что он придет и нападет на народ славян, ибо заранее был оповещен архонтами об их набегах, жители города постановили — прежде всего отправить посланцев в находящиеся к востоку части гор, понаблюдать и вызнать, не приближается ли стратиг, дав наказы и знак посланному, чтобы он, если увидит идущего стратига, при своем возвращении склонил знамя, как свидетельство о приходе стратига, а если этого нет, то чтобы держал знамя прямо, дабы впредь они не надеялись на приход стратига. Итак, лазутчик, уйдя и узнав, что стратиг не приближается, вернулся, держа знамя прямо. Однако по благодати божией, ради заступничества апостола Андрея, когда конь споткнулся и всадник покачнулся, знамя склонилось, и жители крепости, увидя данный знак и с уверенностью полагая, что стратиг подходит, открыли ворота крепости и храбро бросились на славян. Воочию узрели они и упомянутого апостола, верхом на коне, вскачь несущегося на варваров. Разгромив, разумеется, их наголову, рассеяв и отогнав далеко от крепости, он обратил их в бегство. А варвары, видя это, будучи поражены и ошеломлены неудержимым натиском против них непобедимого и неодолимого воина, стратига, таксисарха, триумфатора и победоносца, перевозанного апостола Андрея, пришли в замешательство, дрогнули, ибо страх обуял их, и бежали в его всесвятый храм.

Итак, стратиг, когда прибыл на третий день после разгрома и узнал о победе апостола, сообщил василевсу Никифору и о набегах славян, и о грабеже, полоне, разорении, опустошении и иных ужасах, которые при набегах они причинили краям Ахеи, а также о многодневной осаде и непрерывном нападении на жителей крепости, как и о попечении, заступничестве, разгроме и полной победе, свершенной апостолом, как его воочию видели скачущим, преследующим врагов за их спинами и поражающим их, так что сами варвары осознали попечение о нас и заступничество апостола и посему сами искали убежища в его благочестивом храме. Василевс же, узнав об этом, распорядился так: «Поскольку разгром и полная победа

одержаны апостолом, долгом является отдать ему все воинство неприятелей, добычу и доспехи». И он повелел, чтобы и сами враги со всеми их семьями, родичами и всеми им принадлежащими, а также и все их имущество были уделены храму апостола в митрополии Патр, в которой первозванный ученик Христа свершил подвиг в борьбе; и выдал о сем сигиллий этой митрополии.

Старые люди и еще ранее жившие поведали об этом, передавая устно последующим временам и людям, дабы, согласно пророку, грядущее поколение ведало о чуде, случившемся по заступничеству апостола, передало и рассказало о нем своим сыновьям, дабы они не забыли о благодеяниях, которые свершил бог через заступничество апостола. С тех пор, таким образом, отданные митрополии славяне кормят стратигов, василиков и всех отправляемых народами в качестве заложников посланцев, имея для этого собственных стольников, поваров и всяких приготовителей пищи для стола, тогда как митрополия ничем не отягчается для этого, а славяне сами доставляют эти припасы согласно распределению и соучастию своей общины. Впрочем, приснопамятный и мудрейший василевс Лев издал сигиллий, тщательно перечисляющий, что должны предоставлять эти приписанные к митрополиту люди, чтобы он не обирал их или чтобы как-либо иначе, по несправедливому измышлению, не подвергал их взысканиям.

50. О славянах в феме Пелопоннес, о милингах и эзеритах, и об уплачиваемых ими пактах, как и о жителях крепости Маина и об уплачиваемом ими пакте. Следует знать, что славяне фемы Пелопоннес, восстав во дни василевса Феофила и его сына Михаила, стали самостоятельными, творя грабеж, порабощение, разбой, поджоги и воровство. В царствование Михаила, сына Феофила, в фему Пелопоннес был послан стратигом протоспафарий Феоктист, прозвище которого от Вриенниев, с войском и крупными силами, а именно с фракийцами, македонцами и прочими западными фемами, чтобы воевать с ними и подчинить их. И он подчинил и покорил всех славян и прочих не подвластных в феме Пелопоннес, остались однако одни

милинги и эзериты у Лакедемонии и Элоса. Так как там есть большая и очень высокая гора, по названию Пентадактил, и так как она, наподобие шеи, вдается на большое расстояние в море, а также потому, что место это трудно доступно, они поселились по склонам этой горы, на одной стороне милинги, а на другой — эзериты. Выше упомянутый протоспафарий и стратиг Пелопоннеса Феоктист, будучи в состоянии подчинить и их, наложил на милингов 60 номисм, а на эзеритов 300, которые они и уплачивали, когда он был стратигом, как вплоть доныне слух об этом сохранился у местных жителей. Но в царствование господина василевса Романа являвшийся стратигом в этой феме протоспафарий Иоанн Протевон донес самому господину Роману о милингах и эзеритах, что, восстав, они ни стратига не слушаются, ни царскому повелению не подчиняются, а являются как бы независимыми и самоуправляющимися, не принимают от стратига архонта, не согласны ходить с ним в военные походы, не склонны исполнять иные службы для казны. Пока дошло его донесение, стратигом для Пелопоннеса был избран протоспафарий Кринит Аротра. Когда донесение протоспафария и стратига Иоанна Протевона, извещающее о восстании упомянутых выше славян и о дурном повиновении, а вернее — неповиновении приказам василевса, прибыло и было пред ликом василевса господина Романа прочитано, сему протоспафарию Криниту было велено, чтобы он, поскольку они оказались в таком восстании и неповиновении, выступил против них, разгромил в борьбе, покорил и уничтожил их. Итак, начав войну против них в марте месяце, сжегши их посеы и разорив всю их землю, он преодолел их сопротивление и вражду до месяца ноября. С этого времени, видя свою гибель, они попросили о переговорах по поводу подчинения и о том, чтобы явилось прощение за совершенное ранее. Поэтому названный выше протоспафарий и стратиг Кринит наложил на них более тяжелые пакты, чем они платили: на милингов сверх 60 номисм, которые они платили, прежде, 540 номисм, так что весь пакт их составил 600 номисм, а на эзеритов — сверх 300 но-

мисм, уплачивавшихся ранее, еще 300 номисм, так что весь их пакт возрос до 600 номисм, которые сам протоспафарий Кринит взыскал и внес в богохранимый китон. Когда же протоспафарий Кринит был перемещен в фему Эллада, а стратигом в Пелопоннес был избран Варда Платипод, когда беспорядок и мятеж случился от этого протоспафария Варды Платипода и от его единомышленников — протоспафариев и архонтов, изгнавших из фемы протоспафария Льва Агеласта, и когда тотчас последовало и нападение слависианов на эту фему, эти славяне, т. е. милинги и эзериты, направили посланцев к господину Роману василевсу, упрашивая и умоляя простить им добавки к пактам, чтобы платить им, как они платили раньше. Поскольку же, как было упомянуто, вторглись в фему Пелопоннес слависианы, василевс, боясь, чтобы они, присоединясь к славянам, не учинили полной гибели этой фемы, дал им хрисовул, дабы они платили пакты, как и раньше: милинги — 60 номисм, а эзериты — 300 [номисм]. Итак, такова причина добавки к пактам и ее снятия для милингов и эзеритов.

Да будет ведомо, что жители крепости Маина происходят не от племени ранее упоминавшихся славян, а от более древних ромеев, которые и до сего дня называются у местных людей эллинами, ибо в более отдаленные времена были идолопоклонниками и почитателями идолов, наподобие древних эллинов, а стали христианами, будучи крещены [лишь] в царствование приснопамятного Василия. Место же, в котором они обитают, безводно и недоступно, однако богато оливами, что и доставляет им утешение. А расположено это место у грани Малей, т. е. по ту сторону Эзера по направлению к приморью. По той причине, что они полностью были подчинены и принимали архонта от стратига, повиновались и подчинялись приказам стратига, они вносили с давних времен пакт в 400 номисм.

Должно знать, что стратигида Каппадокия была старой турмой стратигиды Анатолики.

Должно знать, что стратигида Кефаллиния, т. е. островки, была древней турмой стратигиды Лагувардия,

а стратигидой стала при Льве, христолюбивом деспоте.

Должно знать, что стратигида Калаврия была старым дукатом стратигиды Сицилия.

Должно знать, что стратигида Харсиан была древней турмой стратигиды Армениаки.

Должно знать, что при христолюбивом деспоте Льве от фемы Вукелларии были переданы в фему Каппадоки следующие банды: топотирисия Барета, топотирисия Валвадона, топотирисия Аспонос и топотирисия Акаркус; а от фемы Анатолики в фему Каппадоки были переведены следующие банды: топотирисия Евдокиад, топотирисия Святой Агапит, топотирисия Афразия. И эти семь банд, т. е. четыре от Вукеллариев и три от Анатоликов, стали одной турмой, ныне называемой Коммата.

Должно знать, что при христолюбивом деспоте Льве от фемы Вукелларии в фему Харсиан были переданы следующие банды: топотирисия Мирюкефал, топотирисия Тимиос Ставрос и топотирисия Веринуполь, и стали они турмой, теперь называемой Саниана. А от фемы Армениаки в фему Харсиан были переведены следующие банды: топотирисия Комодром и топотирисия Тавиа и были добавлены к упомянутой турме Харсиан. От Каппадоков же в фему Харсиан были переданы следующие банды: турма Каса целиком и топотирисия Нисса с Кесарией.

Да будет известно, что в прошлые времена фема Хозан находилась под сарацинами, подобно тому, как и сама фема Асмосат была под сарацинами. А Ханзит и Романополь были клисурами мелитиниатов. От горы Фатилац все по ту сторону принадлежало сарацинам, а Текис был у Мануила. Камаха же была пограничной турмой Колонии, а турма Кельцина относилась к Халдии. Месопотамия же в то время не была фемой. Однако христолюбивый и вечнопамятный василевс Лев, дав слово, вывел известного Мануила из Текиса, ввел его в Константинополь и сделал протоспафарием. Имеет же этот Мануил четырех сыновей, Панкратуку, Иахнуку, Мудафара и Иоанна. Панкратуку василевс сделал иканатом, а затем — стратигом в Вукеллариях, Иахнуку сделал стратигом

в Никополе, а Мудафару и Иоанну дал царскую землю в Трапезунде, почтив всех достоинствами и сделав им много благодеяний. И создал тогда василевс фему Месопотамия, и избрал известного Ореста Харсианита стратигом [ее]. В то время он повелел, чтобы турма Камаха была под фемой Месопотамия, а потом также подчинил турму Кельцина той же феме Месопотамия. Ныне же все они, оказавшись под властью ромеев, добавлены при деспоте Романе к феме Месопотамия, и Романополю, и Ханзиту.

Должно знать, что при христолюбивом деспоте Льве Ларисса была турмой Севастии, Кимвалей был турмой Харсиана, а Симпосий был пустыней, простирравшейся до краев Ликанда. В царствование христолюбивого деспота Льва Евстафий, сын Аргира, отозванный из изгнания, был избран стратигом в Харсиан, а Мелиа был еще беглецом в Мелитине. И Ваасакий с двумя своими братьями, Крикорикием и Пазуной, как и известный Исмаил Армянин, написали и самому [василевсу] и упомянутому Аргире о том, чтобы получить им посредством хрисовула обещание, выйти и быть поставленными — Ваасакию и его братьям в Лариссу с присвоением Ваасакию имени клисурарха Лариссы, что и случилось, а Исмаилу — клисурархом в Симпосии, что также произошло, Мелии же стать турмархом в Евфратии, в Трипии, в пустыне, что и случилось. Когда же мелитианиты выступили и убили названного Исмаила, Симпосий остался пустынным. А когда Ваасакий был обвинен в умысле предательства и изгнан, турма Ларисса снова была подчинена Севастии, стратигом там был назначен Лев Аргир, сын Евстафия, впоследствии ставший магистром и доместиком схол. Что же до Мелии, сидящего в Евфратии, то, когда был избран в Харсиан Константин Дука, вышеупомянутый Мелиа удалился сам, овладел старой крепостью Ликанд, отстроил ее, укрепил и осел там, и она была поименована христолюбивым василевсом Львом в качестве клисуры. Затем он перешел из Ликанда на гору Цаманд, воздвиг и там ныне стоящую крепость; она, как и та, называлась клисурой. Овладел он и Симпо-

нием, сделав его турмархатом. При христолюбивом же деспоте Константине, в первое царствование, когда правила с ним его мать Зоя, Ликанд стал стратигидой, и первым стратигом Ликанда был назван патрикий Мелиа, разумеется — тот, который был в то время клисурархом в Ликанде. Этот Мелиа — благодаря проявленной им верности василевсу ромеев и многим до бесконечности подвигам его против сарацин — был впоследствии удостоен титула магистра.

Следует знать, что Авара была турмой под фемой Севастия, а при деспоте Романе стала клисурой.

Да будет известно, что укрепилось древнее обыкновение, согласно которому катепан мардаитов Атталии избирается василевсом, поэтому и блаженнейший василевс Лев избрал в качестве катепана Ставракия, по прозвищу Платис, который отличался в течение значительного времени, но нехорошо распоряжался к концу. Ибо, когда протоспафарий и асикрит Евстафий был послан в фему Кивирреоты как «эк—просопу», случились меж ними зависть и столкновения. Ставракий Платис, полагаясь на патрикия Имерня, логофета дрома, как на посредника своего у василевса, противодействовал «эк—просопу» Евстафию и держался особенно враждебно в том, в чем считал того поступающим или распоряжающимся вне сферы [его] долга. В свою очередь, «эк—просопу» Евстафий вел себя к Ставракию неприязненно и не единожды замыслил нападки и хитрости. По сей причине упомянутый Евстафий доносил на Ставракия: «Фема Кивирреоты не может иметь двух стратигов, т. е. меня и Ставракия, катепана мардаитов, но ведь когда я постановляю и хочу управлять, желает делать [то же] катепан мардаитов, и, будучи самовластным, творит по произволу все, что ему взбредет». Слал он и прочие разные клеветнические слова и, сочинив против него немало козней, одно составя правдиво, другое придумав лживо и сумасбродно. А тот, полагаясь как раз на патрикия и логофета дрома Имерня, писал о том же, тогда как в то время патрикий Имерий был скорее другом Евстафия, чем Ставракия, хотя впоследствии

они оба, поссорившись, стали совершенными врагами, полными ярости. Итак, василевс, получив это донесение Евстафия и будучи убежден просьбами патрикия Имения, дал должность того самого катепана [мардаитов] протоспафарию и «эк-просопу» Евстафию. Когда же блаженный василевс сменил жизнь утлую на вышнюю, его брат Александр, став обладателем власти автократора, подобно тому, как заменял всех, избранных для какой-либо власти блаженным василевсом, его братом, убеждаемый злорадными и зловерными людьми, так он сменил и названного ранее Евстафия, назначив вместо него другого. Поскольку пресловутый Хасэ, происходивший от рода сарацин, сарацином оставшийся и по мыслям, и по образу жизни, и по исповеданию, раб патрикия Дамиана, поскольку этот самый протоспафарий Хасэ обладал в то время большой свободой в разговоре с господином Александром василевсом, как и протоспафарий Никита, брат Хасэ, он-то и стал стратигом Кивирреотов по воле господина Александра василевса. Итак, сей Никита, брат вышеупомянутого Хасэ, просил василевса: «Поскольку подобает благодетельствовать меня как старого твоего друга, единственную к твоей царственности имею просьбу, и справедливо, чтобы ты выслушал меня». Когда же, недоумевая, василевс спросил, что это за просьба, и обещал исполнить, какой бы она ни была, названный выше Никита попросил: «Прошу царственность твою сделать сына моего катепаном мардаитов Атталип». Склонясь к его просьбе, василевс, введя во время процессии в Хрисотриклии сына протоспафария Никиты спафарокандидата Аверкия, избрал его катепаном мардаитов Атталип, как блаженный василевс Лев прежде названного Ставракия Платиса. А издревле имеется старый обычай, как сказано у древних, что василевсом избирается катепан мардаитов.

Должно знать, что при василевсе Феофиле паракимоменом оказался естиярий Схоластик; при Михаиле, сыне Феофила, паракимоменом был патрикий Дамиан, а затем, при том же василевсе, паракимоменом стал Василлий, [впоследствии] христолюбивый василевс. А при Василлии, христо-

любивом деспоте, паракимоменом не было в течение всего его царствования. При христолюбивом деспоте Льве паракимоменом стал патрикий Самона, а после него, при том же василевсе, — патрикий Константин. При василевсе Александре паракимоменом оказался патрикий Варват, а при христолюбивом деспоте Константине им снова стал патрикий Константин, упомянутый выше при деспоте Льве, а при деспоте Романе — патрикий Феофан, при Константине же во второе [автократорство] им стал патрикий Василлий.

Да будет ведомо, что при христолюбивом и приснопамятном василевсе Льве жил пресловутый старец Ктена, весьма богатый клирик, который был также доместиком в Новой церкви, являлся же он мастером в пении, равного какому в те времена не было. Сей Ктена надоел патрикию Самоне, ибо тот был в то время паракимоменом, прося посодействовать ему у василевса, чтобы Ктена стал протоспафарием, носил эпикцул, хаживал в Лавсак, заседал как протоспафарий и получал бы рогу в одну литру, а взамен этого Ктена дал бы василевсу сорок литр. Но василевс не соглашался сделать это, говоря, что это невозможно: «На великое бесславление для моего царствования стал бы клирик протоспафарием». Услышав об этом от патрикия Самоны, Ктена сам добавил к сорока литрам одну пару серег, оцененную в десять литр, и столик серебряный с позолоченным звериным рельефом, оцененный также в десять литр. Убежденный просьбами патрикия и паракимомента Самоны, василевс принял сорок литр, пару серег и позолоченный серебряный столик с рельефом, так что весь дар этого Ктены достиг шестидесяти литр. Василевс сделал его затем протоспафарием, и он получил в то время в качестве роги одну литру. Жил же этот Ктена после того, как был почтен протоспафарием, два года, т. е. [вскоре] умер. Получал же он рогу в течение двух лет по одной литре.

51. *О том, каким образом был построен царский дромоний, о протокавах этого дромония и немало о протоспафарии фиалы.* Должно знать, что вплоть до царствования

блаженной памяти мудрейшего василевса Льва не существовало царского дромония, на который вступал бы василевс, а входил он на красный аграрий. Однако при христолюбивом деспоте Василии, когда этот василевс отправлялся в бани Прусы и вновь, когда он отбывал посмотреть мостик Ригия, строившийся его повелением и попечением, он поднимался на дромоний, а другой дромоний следовал сзади. Входившие же на него гребцы были с царского агрария и из моряков-стенитов. В древности Стенон имел хеландии царского флота числом до десяти. Поскольку же блаженный василевс делал все чаще свое пребывание в Пигах по той причине, что там возводились им эти дворцы, подобно тому как в Эвдомоне, в Иерии и во Врие, он входил на аграрий по старому обычаю. Но когда он отправлялся в более отдаленную поездку, например в бани Прусы и для наблюдения за мостом Ригия, он вступал, как выше сказано, в дромоний, а другой дромоний следовал сзади, так как большинство архонтов поднималось с василевсом, а прочие — на второй дромоний. Однако приснопамятный и мудрейший василевс Лев, будучи расположен более милостиво к магистрам, патрикиям и близким [ему] синклитикам, желая всегда их радовать и рассудив, что аграрий недостаточен для приема большого числа архонтов, построил дромоний и постоянно вступал на него, когда бы ни захотел отправиться. С ним отправлялись те, кого он хотел из архонтов, магистров и патрикиев. Ибо по обычаю в аграрий с василевсом не вступал никто, кроме друнгария виглы, друнгария флота, логофета дрома, этериарха, мистика и начальника прошений, а также, если он находился в городе, то и доместика схол, и паракимомена, и протовестиария, а из китонитов, кого прикажет василевс. Итак, вот каким образом построил дромоний Лев, приснопамятный и мудрейший василевс, а через некоторое время он построил и второй дромоний, который и был назван «вторым» и получил прозвище «Свита». Ибо и в дальние поездки отправлялся блаженный этот василевс, например, в Никомидию, на Олимп, в Пифию, поэтому были по-

требны два дромония для обслуживания и отдыха как его, так и его архонтов. Поскольку он нередко отправлялся в ближние поездки, он оставлял один экипаж на ипподроме для охраны дворца, потому что корпус арифма, согласно укрепившемуся древнему обычаю, уходил в поход с доместиком схол, а остающиеся на ипподроме [не] уходят, согласно обычаю, с василевсами в поездки.

[Знай], что изначально у протоспафария фиалы была царская должность: этот протоспафарий держал и имел под собою всех гребцов царских аграриев, русиев и мавров, кроме аграриев августы. Однако в царствование Льва, приснопамятного и мудрейшего василевса, новоотстроенные по царскому приказу дромонии имели этот протоспафарий фиалы под своей властью, как и гребцов этих дромониев. Поэтому выше названный протоспафарий фиалы каждый день и каждый вечер по старому обычаю приходил и садился в фиале (поэтому-то он и назывался протоспафарием фиалы), решал, судил в соответствии с правом и улаживал тяжбы между гребцами с аграриев и с дромониев, им управляемых. И когда находил кого-нибудь, вопреки должному либо поступающего, либо обижаящего кого-нибудь, либо проявляющего нерадение в своей службе, он крепко наказывал того плетью. И таким образом, как рассказано, все гребцы дромониев, как и аграриев василевса, русии и мавры, находились под рукою и надзором протоспафария фиалы. А что касается аграриев августы, и русиев, и мавров, то они находились под рукою и наблюдением начальника трапезы августы, хотя отчет начальник трапезы делал об этих аграриях не августу, а василевсу. При Льве, блаженной памяти мудрейшем василевсе, протоспафарием фиалы был протоспафарий Иоанн, прозвище которого Фалассон, а после него протоспафарий Подарон, после этого — протоспафарий Лев Армянин, отец протоспафария и манглавита Арсения. Они, протоспафарий Подарон и протоспафарий Лев Армянин, оказались протэлатами патрикия и друнгария флота Насара, и при Василии, христолюбивом деспоте, были взяты с флота и стали протэлатами агрария

василевса, в царствование же принопамятного и мудрейшего василевса Льва, когда он построил дромонии, благодаря их мужеству и морскому опыту он сделал их протокаравами. Когда случалась опасность, василевс вводил гребцов двух дромониев с двумя протокаравами первого дромония в суда-хеландии, давая им полное необходимое вооружение, как то щиты, копья, лучшие шлемы и прочее, что подобает носить стратиотам-морьякам. Их забирал патрикий и друнгарий флота Евстафий вместе с царским флотом и отправлялся против врагов. Все это василевс сделал потому, что патрикий и друнгарий флота Евстафий стремился к войне с врагами. А вместо тех царским дромонием управлял старец Михаил и [Михаил], известный умница из бывших в то время протоэлатами. На веслах же в дромониях до возвращения царских гребцов сидели стеницы из личного состава Стенона. А когда гребцы возвращались из похода, они снова оказывались на собственной службе, как было раньше. Затем василевс, милостиво расположенный к протоспафарию Подарону, так как тот был мужествен, дал ему также власть протоспафария фиалы: ведь он прославился более всех на войне, и, по свидетельству патрикия и друнгария флота Евстафия, не было другого такого же по храбрости, усердию, остальным добродетелям и в особенности по благомыслию и исключительной верности василевсу. А поскольку он был неграмотным, то по повелению василевса с ипнодрома приходил судья, заседал с ним вместе в фиале и судил гребцов. Аграриями же августы, как было сказано, владел начальник трапезы августы. После этого василевс избрал Подарона и Льва Армянина топотиритами царского флота, а протокаравами своего дромония назначил упомянутого старца Михаила, бывшего тогда протэлатом дромония, а некогда служившего вторым элатом агрария христолюбивого деспота Василия; [назначил он] и другого Михаила, прозвище коего Варкала, который был прежде протэлатом на флоте друнгария и патрикия Евстафия, когда тот переправлял турок и громил Симеона, архонта Булгарии. Впрочем, этот Си-

меон, архонт Булгарии, зная о прибытии на реку флота и о том, что флот должен переправить против него турок, соорудил лесы, то есть весьма прочные и крепкие канаты, чтобы турки не могли переправиться. И благодаря этой выдумке туркам не удалось переправиться с первой попытки. Тогда выше упомянутый Михаил Варкала с двумя другими морьяками, взяв свои щиты и мечи и храбро и быстро выскочив из хеландии, перерубили лесы, то есть канаты, и открыли проход туркам. Итак, турки, видя этого Варкалу и поражаясь его храбрости — ведь он один, опередив двух морьяков, первым разрубил канат —, заявили в удивлении, что ему подобает именоваться патрикием и быть главою флота. Услышав о мужестве этого Варкалы, василевс сделал его вторым элатом на царском дромонии. Затем, когда Подарон и Лев стали топотиритами, старец Михаил и этот Варкала были избраны протокаравами дромония.

[Знай], что ранее названный Лев Армянин, отец протоспафария и манглавита Арсения, умер, будучи топотиритом на флоте, а протоспафарий Подарон через некоторое время был назначен стратигом в фему Киверреотов.

[Знай], что когда Подарон стал топотиритом, протоспафарием фиалы был избран протоспафарий Феофилакт Вимвилидис, приходившийся племянником протоспафарию Иоанну, коему прозвище Фалассон, и оставался [на этом посту] несколько лет в годы первого автократорства багрянородного христолюбивого деспота Константина. Итак, когда он умер, то выше названный старец Михаил был почтен саном протоспафария и избран протоспафарием фиалы, поскольку он сильно состарился и утомился, в течение множества лет служа протокаравом. И когда василевс входил в фиале в дромоний и отправлялся в поездку или куда-нибудь еще, добрый тот старец, незабвенный по своему морскому опыту, становился посреди дромония, побуждая и призывая гребцов дромония сильнее и крепче грести и работать веслами, а заодно советуя тогдашним протокаравам держать руль и направлять царский корабль в согласии с не-

погодой и дыханием ветров. Итак, когда он умер, то из-за малолетства василевса и неразборчивости патрикия и паракимомена Константина оказался протокаравом известный Феодот, бывший в то время протэлатом, почтенный в разное время [самом] кандидата, стратора, спафария, спафарокандидата, а затем протоспафария и протоспафария фиалы; он был зятем ранее названного старца Михаила. Ибо в согласии со старым обычаем никогда протокарав василевса не становился и не был назначаем протоспафарием, даже спафарокандидатом, но или кандидатом, или стратором, или, самое большее, спафарием. Только при Льве, приснопамятном и мудрейшем василевсе, этот Михаил был почтен как спафарий, а после этого — спафарокандидат. Однако из-за того, что василевс был мальчиком, как уже сказано, и из-за неразборчивости патрикия и паракимомена Константина протокаравы оказались спафарокандидатами, а этот Михаил — протоспафарием. Когда же василевс господин Роман вступил во дворец и оказался, не знаю — как выразиться, обладателем царства, он из-за расположенности Феодота к христолюбивому деспоту и василевсу Константину не только сместил его, но и подверг наказанию бичеванием и острижением и отправил в вечное изгнание, в коем тот и завершил свою жизнь. Оставил он пресловутого Константина Лориката, бывшего протокаравом вместе с [Михаилом], так как из страха он проявил себя преданным ему и собственноручной письменной клятвой отрекся от расположения и любви к василевсу Константину; [Роман] почтил его сначала спафарокандидатом, сделав первым протокаравом и избрав протоспафарием фиалы, а вскоре почтил и как протоспафария. Итак, сей человек через наущение клирика Иоанна, ставшего по попущению божию ректором, донес блаженному василевсу господину Роману: «Протоспафарий Феофилакт, начальник трапезы августы, поскольку он является опорой и защитой матери василевса да и самого василевса, по необходимости должен сочувствовать своим господам и благодетелям. Какая нужда разделять состав аграриев фиалы

меж двух властей? Ведь начальник трапезы августы, руководимый преданностью к василевсу и августу, способен соблазнить управляемых им аграриев августы, а более того — и гребцов с дромониев. И они замыслили какой-либо мятеж против твоей царственности». Говоря так, он убедил того дурного и коварного ректора, а через него — и василевса. Ибо легковесный и шаткий разум скор к тому, чтобы сбиться с пути и склониться ко всякому, говорящему и замышляющему с коварной целью. Говоря таким образом, он добился своего, а добившись, получил власть над аграриями августы. И с тех пор утвердился порядок, по которому протокарав царского дромония располагает и управляет всеми гребцами, и с царских дромониев, и с аграриев августы, и к тому же является протоспафарием фиалы.

Должно знать, что при христолюбивом и приснопамятном василевсе Льве имело место взыскание наличных денег в фемах Запада через протоспафария Льва Цикану, бывшего стратигом, с тех, кто предпочел не участвовать в походе.

Должно знать, что опять-таки при этом христолюбивом и приснопамятном Льве имело место взыскание наличных денег с фем Запада через магистра Иоанна Эладу, который тогда же стал и патриkiem.

Должно знать, что также при деспоте Романе, пожелавшем, чтобы пелопоннесцы отправились в поход в Лагувардию в то время, когда стратигом на Пелопоннесе был протоспафарий Иоанн Протевон, эти пелопоннесцы снова предпочли не ходить в поход, а выставить [взамен] тысячу коней, оседланных и взнузданных, и один кентинарий в наличной монете, что они и представили с большой готовностью.

52. Имевшая место, как выше сказано, подать конями в феме Пелопоннес при деспоте Романе. Митрополит Коринфа — четыре коня; митрополит Патр — четыре коня; все епископы фем — по два коня; протоспафарии — по три коня; спафарокандидаты — по два коня; спафарии и страторы — по одному коню; царские и патриаршие монастыри — по два коня; монастыри архиепископов, митрополитов и

епископов — по два коня; неимущие монастыри — один конь с двух вместе. Обладатели же должностей на службе у василевса, моряки, ловцы раковин, изготовители пергамента коней не поставляли.

Должно знать, что со всего войска Пелопоннеса за этот поход было взыскано: по пяти номисм [с война], с совершенно же неимущих — по пяти номисм с двух [воинов] вместе, отчего, как выше сказано, и составилась одна кентинарий в звонкой монете.

53. Повествование о крепости Херсон. . . . Должно знать, что вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть.

Следует знать, что в Зихии, у места Паги, находящегося в районе Папагии, в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, но масло девяти источников не одинакового цвета, одно из них красное, другое — желтое, третье — черноватое.

Да будет известно, что в Зихии, в месте по названию Папаги, близ которого находится деревня, именуемая Сапакси, что значит «пыль», есть фонтан, выбрасывающий нефть.

Должно знать, что там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне по названию Хамух. Хамух же — имя основателя деревни, старика. Поэтому та деревня так и называется Хамух. Отстоят же эти места от моря на один день пути без смены коня.

Следует знать, что в феме Дерзина, близ деревни Сапикий и деревни по названию Епископий, имеется источник, дающий нефть.

Должно знать, что в феме Циля-

перт, под деревней Срехиавааракс, имеется источник, дающий нефть.

Да будет известно, что если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замысливают совершить противное царским повелениям, должно тогда, сколько ни найдется херсонских кораблей в столице, конфисковать вместе с их содержимым, а моряков и пассажиров-херсонитов связать и заключить в работные дома. Затем же должны быть посланы три василика: один — на побережье фемы Армениаки, другой — на побережье фемы Пафлагония, третий — на побережье фемы Вукелларин, чтобы захватить все суда херсонские, конфисковать и груз и корабли, а людей связать и запереть в государственные тюрьмы и потом довести об этих делах, как их можно устроить. Кроме того, нужно, чтобы эти василики препятствовали пафлагонским и вукелларийским кораблям и береговым суденышкам Понта переплывать через море в Херсон с хлебом или вином, или с каким-либо иным продуктом, или с товаром. Затем также и стратиг должен приняться за дело и отменить десять литр, выдаваемые крепости Херсон из казны, и две [литры] пакта, а затем стратиг уйдет из Херсона, отправится в другую крепость и обоснуется там.

[Знай], что если херсониты не приезжают в Романию и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинакитов, то не могут существовать.

[Знай], что если херсониты не доставляют зерно из Аминса, Пафлагонии, Вукеллариев и со склонов Армениаков, то не могут существовать.

СЛОВАРИК ТЕРМИНОВ

К ТЕКСТУ ТРУДА КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Августа — один из официальных титулов византийской императрицы

Автокефальный — независимый, самоуправляющийся (церковн.)

Автократор — самодержец, полновластный повелитель империи среди своих соправителей

Автократорство — время правления автократора.

Аграрий — вид византийского судна

Азат — арм. термин, распространенный также у грузин, означает «благородный», «знатный», «свободный»

Амермуми — халиф

Анфипат — один из высоких византийских титулов

Анфипат патрикий — титул еще более высокого ранга, чем анфипат (кроме анфипата Анатоликов)

Апокрисиарий — посол, посланец

- Арианин — приверженец арианства, толка христианства, восходящего к александрийскому священнику Арию (IV в.)
- Арифм — один из столичных гвардейских отрядов воинов-наемников
- Архидиакон — также протодиакон, значительный в X в. церковный пост
- Архиепископ — глава крупного церковного округа, включавшего несколько [много] епископий
- Архиепископия — церковный округ, подчиненный архиепископу
- Архиерей — обобщенное обозначение церковных деятелей высокого ранга
- Архонт — букв. «начальствующий», обладатель власти, термин многозначен
- Архонт архонтов — византийский эквивалент почетного титула армянских и грузинских князей (восходит к перс. «шаханшах»)
- Архонтия — территория, подчиненная независимому или полузависимому иноземному (соседнему с империей) архонту
- Архонтопул — сын (потомок) архонта
- Асикрит — писец, доверенное лицо, секретарь
- Багрянородный — родившийся в момент, когда отец занимал императорский трон
- Банда — административное подразделение провинции (фемы), иногда входившее в турму (см.), а также воинский отряд этого округа
- Боиланды — бояре, представители высшей болгарской знати
- Боян — также боан, бан, титул правителя Хорватии, заимств. у аваров
- Варвары — традиционное в античной и средневековой греко-латинской литературе обозначение народов за пределами империи
- Василевс — официальный с VII в. титул византийского императора, иногда вообще правитель государства
- Василик — служащий императора, выполняющий его поручения
- Влаттии — дорогие, крашенные в пурпурный цвет ткани
- Воевода — военачальник, предводитель (Константин употребил славянский термин, транскрибируя его греческими буквами)
- Гиля — титул судьи у венгров, затем также личное имя, см. карха
- Деспина — официальный титул визант. императрицы, ср. августа
- Диакон — церковнослужитель, подчиненный священнику, епископу
- Динафы — букв. «сильные», влиятельные, а также богатые люди
- Доместик — служащий, чиновник
- Доместик ипургии — распорядитель при императорском дворе
- Доместик схол — командующий наиболее сильным корпусом столичного войска (схолами), в первой половине X в. также главнокомандующий
- Дромоний — крупный военный корабль в Византии
- Друнгарий — военачальник
- Друнгарий виглы — командующий охранной императорского дворца
- Друнгарий флота — командующий царским (центральным) флотом
- Дука — военачальник
- Дукат — резиденция дуки, административный центр округа, а также самый округ
- Евнух — скопец. Евнухи в X в. получали высокие посты во дворце
- Епископ — глава церковного округа
- Епископия — церковный округ, подчиненный епископу
- Жидкий огонь — горючая смесь из нефти, применявшаяся византийцами в военном деле, особенно успешно — в морских сражениях
- Жупан — представитель власти у славян, старейшина, вождь
- Жупания — подвластная жупану территория
- «Закон» («заканы») — Константин употребляет славянский термин
- Иерей — церковнослужитель
- Иканат — воин столичного корпуса (тагмы) иканатов
- Иконоборцы — приверженцы широкого в VIII — первой половине IX в. движения в Византии против почитания икон
- Индикт — обозначаемый порядковым числительным каждый год 15-летнего цикла, указываемый обычно византийскими авторами (наряду с годом от сотворения мира) при датировке событий
- Ипат — для описываемого здесь периода (V в.) высокий ранг консула
- Ипподром — эллипсоидное сооружение близ дворца в Константинополе (стадион), место спортивных состязаний
- Кади — посредник в споре, судья (араб.)
- Камера — сводчатое помещение, арка
- Камелавкий — вид императорской короны (стемма)
- Кандидат — невысокий воинский чин
- Каноны — церковные правила
- Карха — древний чин у венгров, связанный с судебными функциями, ср. гиля
- Катархонт — правитель, начальник
- Катепан — военный глава провинции (фемы), в IX—X вв. подобный стратигу, с конца X в. — выше стратига по рангу

- Кентинарий — сумма денег в сто литр (см.)
- Китон — императорская спальня и относящаяся к ней имущество
- Китонит — служащий китона
- Климаты — зоны, пояса земли, здесь — юго-восточ. Крым (см.)
- Клирик — представитель низшего духовенства
- Клисура — небольшая административная единица, воины которой охраняли пути через горные перевалы (клисура — букв. ущелье)
- Клисурарх — военачальник, глава воинов клисуры
- Коммеркий — торговая пошлина
- Коммеркиарий — сборщик торговых налогов
- Кондура — вид судна
- Кувикларий — слугитель-евнух при спальне императора
- Куропалат — один из высших титулов в империи
- Лесы — толстые канаты, а также плетеные щиты
- Литра — здесь денежная единица, равная 72 золотым монетам (номисмам)
- Логофет дрома — глава ведомства почты и внешних сношений
- Мавры — члены экипажа царских судов, окрашенных в черный цвет
- Манглавит — титул воина из отряда телохранителей императора
- Магистр — высокий титул без должности
- Магистриан — чиновник, причастный к дипломатии и полицейской службе
- Мегистаны — влиятельные, могущественные люди
- Милиарсий — серебряная монета, равная $\frac{1}{12}$ номисмы
- Мистик — доверенное лицо василевса по правовым вопросам, возглавлявшее особую канцелярию
- Митрополит — глава митрополии, крупного церковного округа, включавшего несколько епископий
- Моноксил — букв. однодеревка, ладья, основание которой составлял выдолбленный ствол большого дерева
- Наварх — флотоводец
- Начальник прошений — глава ведомства по рассмотрению жалоб
- Начальник трапезы — распорядитель царского стола, трапезит
- Номисма — золотая монета
- Оргия — мера длины, равная, примерно, двум метрам (сажени)
- Остиарий — слугитель, участвующий в церемониях (привратник)
- Пакт — дань, контрибуция, а также — плата за воинскую помощь
- Пактиот — уплачивающий пакт, данник
- Паракимомен — начальник служащих при царской опочивальне, обычно евнух, в X—XI вв. нередко могущественный временщик
- Патрикий — почетный титул высокого ранга
- Перипат — площадка на верху крепостной стены, за ее зубцами, на которой стояли защитники и по которой ходили дозорные и стража
- Пех — второе лицо после хагана в Хазарском хаганате (титул тюрк. происхождения — ср. «бег».)
- Питтакий — вид императорского указа
- Прандии — дорогие галантерейные товары, швейные изделия
- Пресвитер — священник
- Преторий — центр управления, канцелярия, судебное присутствие, тюрьма
- Принципаты — в VII—X в. в Италии лонгобардские герцогства
- Проастий — пригород, пригородное имение
- Проедр — здесь — глава церкви (епископ? архиепископ?)
- Простагма — вид императорского указа
- Протасикрит — букв. главный писец, начальник канцелярии
- Протевон — представитель экономически и социально господствующего слоя в приморских городах империи
- Протовестиарий — дворцовый евнух, ведавший гардеробом императора
- Протокарав — корабельщик, обеспечивающий курс судна в море
- Протоспафарий — титул среднего ранга, жаловался обычно военным
- Протоспафарий фиалы — титул и должность судьи одновременно
- Проталат — начальник гребцов
- Ректор — высокий почетный титул без должности
- Рога — сумма, ежегодно выдаваемая из казны должностным и титулованным лицам империи
- Русии — члены экипажа императорских судов, окрашенных в красный цвет
- Сигиллий — вид императорского указа
- Синклит — нерегулярно созывавшийся совет высшей знати при василевсе
- Синклитики — члены синклита
- Синод — церковный собор
- Сифоны — металлические трубы для выбрасывания жидкого (греческого) огня на суда или осадные орудия врага
- Спафарий — один из низших титулов, жаловался обычно военным
- Спафарокандидат — титул рангом выше спафария и кандидата
- Стемма — основной вид императорской короны

Стениты — моряки царского флота на Стене (Босфоре и Золотом Роге)
 Стратиг — в X в. преимущественно военный и гражданский глава фемы, а также начальник гарнизона, полководец
 Стратигида — здесь — синоним фемы
 Стратиот — воин
 Стратор — один из низших воинских титулов
 Таксат — воин гарнизона, см. таксеот
 Таксеот — воин, служащий в пограничной крепости
 Таксиарх — военачальник, полководец
 Топотирисия — здесь — синоним банды
 Топотирит — здесь — ближайший помощник командира столичного корпуса, также помощник флотоводца царского флота
 Турма — подразделение фемы, включавшее несколько банд
 Турмарх — глава турмы
 Турмархат — синоним турмы
 Фангумисы — знатные киприоты, значение термина неясно
 Фема — византийская провинция (с VII в.), административная область, первоначально также воинский контингент провинции
 Фиала — бассейн или фонтан близ бухты, недалеко от императорского дворца, где находился «суд фиалы» для моряков
 Филарх — предводитель племени, глава неподвластного империи народа

Хаган — повелитель Хазарского хаганата
 Харерии — вид шелковой ткани
 Хартуларий — хранитель важных документов и ценностей
 Хеландия — вид крупного военного корабля
 Хрисовул — скрепленная золотой печатью императорская грамота, дарующая или утверждавшая привилегии
 Циканистирий — площадка близ дворца для конной игры в мяч
 Эксусиаст — одно из обозначений повелителя иноземного народа
 Эксусиократор — букв. обладатель власти, см. эксусиаст
 Экс-просопу — должность заместителя, помощника
 Эмир — титул правителей различных частей Арабского халифата
 Эмират — территория, подвластная эмиру
 Эмпорий — морской торговый порт, рынок
 Энкомий — литературный жанр похвалы, панегирика
 Эпархия — административная область, а также церковный округ
 Эпикуцул — особое одеяние, полагавшееся протоспафарию
 Этериарх — командующий корпусом воинов (этерией), состоявшим из иноземных наемников и занятых охраной императорского дворца

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ К СОЧИНЕНИЮ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО *

Аарон (Харун ар-Рашид), халиф 280, 281
 Абдерахим (Абу ар-Рахим), эмир Манцикерта 305, 306
 Абу-Бахар, Бубахар, Бупактор (Абу Бекр), халиф 277, 278
 Авара, административная единица в Византии 315
 Авасгия, Абхазия 300, 302, 307, 309
 Авдела, имеются в виду два халифа, Саффах и Мансур 278—281
 Авелхамит (Абу ал-Хамид), сын Апелварта 305
 Аверкий, военачальник 316
 Авимелех (Абу ал-Малик), халиф 279, 280

Авник, Авникий, крепость 307, 308
 Авникиоты, обитатели Авника 307
 Авраам, библ. персонаж 276
 Аврон, грамматик 281
 Агапий, монах 309, 310
 Агапит, см. Святой Агапит
 Агеласт, см. Лев
 Адары, местность близ устья Днепра 301
 Аделеса, дочь Берты 3 284
 Адельберт, сын Лотаря 1 283, 284
 Адранасэ, Адранасер, Адранаси, Адранасир (Адарнасэ): 1. куропалат 302, 303, 307, 309—311
 2. племянник Адранасэ 1 308
 3. сын Панкратия 4 309

* Этнические названия см. [в общем указателе-словарике этнических наименований]

- Адрануци, см. Ардануци
 Азид (Язид II), халиф 280
 Аивола, крепость 286
 Аимана, крепость 285
 Аифор, см. Неасит
 Акампси (Хорок), административная единица 310
 Акаркус, административная единица 314
 Аквилегия (Аквилея), город 285
 Алания, страна в Восточном Причерноморье 273, 297, 298, 300, 302
 Аларих, вождь визиготов (вестготов) 282
 Алвун (Алвона, Лабин), крепость 292
 Александр, император (912—913) 316
 Али, халиф 278, 279, 283
 Алим, см. Али
 Алла, Аллах 277
 Алматы, река 301
 Алмуц (Альмош), вождь венгров 299
 Алогоботур, болгар. военачальник 296
 Алоип (Олиб), остров 290
 Алцике, крепость 305, 306
 Амальфи, город 284, 285
 Аминс (Амис), город 320
 Аморий, город 287
 Анастасий, святой 290
 Анастасия, святая 290
 Анатолики, провинция (фема), а также войны этой фемы 314
 Андрей, апостол 312
 Антибари (Антивари, Бар), город 290, 292
 Антиохия, город 279, 283
 Апасакый (Аббас), сын Симватия 305
 Апахунис (Апахуник), область в Армении 305, 306
 Апелварт (Абу-л-Вард), правитель Манцикерта 305, 306
 Апелмузе (Абу-л-Муиз), сын Апосеватаса 305, 306
 Апоганем (Абу-Ганим), брат Крикорикья 1 303 — 305
 Аполесфует (Абу-л-Асвад), брат Апосеватаса 305, 306
 Аполлодор, автор 281
 Аполлоний, грамматик 281
 Апосатэ (Юсуф Абу Хасим), правитель Азербайджана 305
 Аповеватас (Абу Савада), сын Авелхамита 305, 306
 Аповселми (Абу Салим), брат Аповеватаса 305, 306
 Апсан, крепость 285
 Апсимар, см. Тиверий
 Аравия
 Суровая 279
 Счастливая 283
 Арад, остров 278
 Арва (Раб), крепость и остров 287, 290, 292
 Аргир, военачальник, 315 (см. также Евстафий)
 Ардануци, крепость 309—311
 Аренда (Нарента), см. Пагания
 Арий, основоположник арианства 282
 Аристарх, полководец 281
 Аристофан, драматург 281
 Аркадий, император (395—408) 282
 Аркаика, дядя Крикорикья 1 302, 303
 Армениаки, фема, а также войны этой фемы 307, 314, 320
 Армения 280, 306
 Великая 305
 Четвертая 280
 Армянин, см. Исмаил, Лев
 Аротра, см. Кринит 2
 Арпад, вождь венгров 209, 300
 Арравонит, см. Иоанн
 Арсафий, житель Раусия 273, 289
 Арсений, сын Льва Армянина 317, 318
 Артемидор, автор 281
 Арцес (Арцус), город 305, 306
 Арци, местность близ Ардануци 309
 Асанд (Асад), сын Мундара 276
 Асмосат, административная единица 314
 Асотий (Ашот): 1. архонт архонтов 305
 2. сын Симватия 303, 305
 3. сын Крикорикья 1 302 — 304
 4. сын Панкратия 2 307
 5. куропалат 309—311
 6. Кискасис, патрикий 309—311
 Асотикий, см. Асотий
 Аспалаф, город 286, 287, 289, 290, 292, 293
 Аспар, полководец 282
 Аспонос, административная единица 314
 Аспрон (Аккерман, Белгород), крепость 298
 Аспрос, приток Днестра 273
 Ателькузу, местность в Северном Причерноморье либо между реками Этель и Кузу, либо у реки Этелькузу 298, 299
 Атех, остров близ Тмуторокани 302
 Атил (Итиль, Волга), река 297
 Атталия, область в Малой Азии 315, 316
 Аттила, вождь гуннов 285
 Афиней, автор 281
 Афинянин, см. Захария
 Афразия, администр. единица 312
 Африка 278, 280, 282, 283, 287, 288
 Афродита 277

- Ахамет, Ахамт, Ахмет, пасынок Аполесфуета 305, 306
 Ахелой, город 295
 Ахея, область на Пелопоннесе 312
 Ацары, река в Ивирии (Грузии) 309
 Аэций, полководец 282
- Багдад, город 283, 311
 Багивария, Бавария 291
 Бари, город 285, 288
 Батан, вождь печенегов 297
 Белая, сербский жупан 296
 Белеград (Белград), город на Дунае 293, 300, 301
 Белицин (Билицы?), крепость 293
 Беневент, город 284, 285, 288—290
 Бергония, Бургундия 283, 284
 Берингарий: 1. Б. I, король Италии, внук Карла Великого 283, 284
 2. Б. II, внук Берингария I 283
 Берта: 1. Великая, жена Адельберта 283, 284
 2. (Евдокия), дочь Гуго I, невеста Романа II 284
 3. жена Гуго Арльского 284
 Бетис, река в Испании 281
 Богу (Буг), р. 301
 Боз, знатный бургундец 283
 Бона, река и город в стране захлумов 296
 Бонифаций, полководец 282
 Борена, см. Бран
 Борис (Борис Михаил), болг. царь 293—295
 Босона (Босния), область в Сербии 296
 Боспор (Киммерийский) 273, 298, 300—302
 Бран, сын Мунтимира 294, 295
 Британия 282
 Брут (Прут), река 299
 Бубахар, см. Абу—Бахар
 Булгария (Болгария) 271, 273, 292 — 298, 301, 318
 Черная 273
 Бупактор, см. Абу—Бахар
 Бурат (Брут?), река 301
- Ваасакий, военачальник 315
 Ваица, вождь печенегов 297
 Вал, река к востоку от Меотиды 301
 Валвадона, администрат. единица 314
 Валентин: 1. архидиакон в Раусии 289
 2. житель Раусия 289
 Валентиниан, император (364—375) 282
 Варват, спальничий 316
 Варда Платипод, военачальник 314
 Варета, администр. единица 314
 Варкала, см. Михаил 6
- Варна, город и река (?) 273
 Варуфорос, см. Вулнипрах
 Варух (Днепр?) 299
 Василий: 1. В. I, император (867—886) 281, 292, 316—318
 2. спальничий 303, 316
 Васпакан (Васпуракан), область в Армении 303
 Васпаканит, правитель Васпакана 307
 Векла (Крк), крепость и остров 287, 290, 292
 Великая церковь, см. Святая София
 Великое Поле, название монастыря 281
 Венетики, жители Венеции 285, 286
 Венеция 285, 286, 293
 Веринуполь, администр. единица 314
 Верона, город 283, 284
 Верулия (Вруля), крепость в Пагании 297
 Веручи, порог на Днепре 272
 Византий, Константинополь
 Викторин, житель Раусия 289
 Вимвильдис, см. Феофилакт 3
 Винола, крепость 285
 Вириаф, вождь лузитанов 282
 Висла, река 296
 Виталий, житель Раусия 289
 Витечева, город на Руси 272
 Владимир, сын Бориса Михаила 294
 Властимир, серб. князь 294, 296
 Воес, крепость 285
 Воики, местность в Сербии 294
 Воила, см. Петрона
 Воисеслав (Вышеслав), серб. князь 294
 Вороталмат, часть Печенегии 297
 Враца, Врац (Брач), остров 292, 297
 Вревери (Брибир), жупания в Хорватии 292
 Вриеннии, знатный род 313
 Врия, предместье Константинополя 317
 Вронион, крепость 285
 Врунд, крепость 285
 Вуга, знатная хорватка 291
 Вукелларии, фема, а также воины этой феми 314, 320
 Вуладопой, часть Печенегии 297
 Вулнипрах, порог на Днепре 272
 Вулцус (Булчу), вождь венгров 300
 Вурлик, река к востоку от Меотиды 301, 302
 Вусевуца, (Вышевич) серб. князь 296
 Вусеград (Вышгород), город на Руси 272
 Вутовы (Будва), крепость 287

- Гавриил: 1. архангел 277
2. клирик 271
- Гадиры, город в Испании 281
- Газа, город в Палестине 272
- Гапта, Гаэта, город в Италии 284, 285
- Галикарнас 278
- Галлия 282
- Галуманик (Глумиве?), крепость в стране захлумов 296
- Генх (Урал), река 297
- Геландри, порог на Днепре 272
- Геллеспонтская епархия, область на азиат. побережье Дарданелл 311
- Генах, венгер. род 299
- Георгий, правитель Авасгии 309
- Геракл 281
- Геракловы столпы, Гибралтар 281
- Геродор, автор 281
- Гиасихопон, часть Печенегии 297
- Гиаци, вождь печенегов 297
- Гизерих, вождь вандалов 282
- Гила, часть Печенегии 297
Нижняя 297
- Гиэукаты, заброшенная крепость на Днестре 298
- Годигискл, вождь вандалов 282
- Гоиник, серб. князь 295
- Гонорий, император (395—423) 282
- Город, град, см. Константинополь
- Готфарий (Гонфарий), вождь вандалов 282
- Град Христа, см. Иерусалим
- Градеты 297
- Григорий: 1. житель Раусия 289
2. Криворикий I, Таронит
3. см. Святой Григорий
- Григоры, название имения 303, 304
- Гуго: 1. Арльский, король Италии 283, 284
2. знатный бургундец 283
- Гуциска, жупания в Хорватии 292
- Давид: 1. царь Израиля 306
2. предок ивиров (грузин) 306, 307
3. брат Асотия 5 310, 311
4. Мабалис, сын Симватия 309
- Дален (Доле?), жупания в Пагании 292
- Далматинцы, жители Далмации 291
- Далмация 274, 286—288, 290—292, 294, 297
- Дамаск, город 278, 279, 283
- Дамьян: 1. спальничий 316
2. патрикий 316
- Даниил, пророк 278
- Декатеры (Котор), крепость 274, 287, 290, 292
- Дерзина (Терцан, Дерган), местность 320
- Десник (Десград?), крепость 296
- Дестиник (Свеница?), крепость 296
- Диадоры (Задар), город 287, 290, 292
- Диоклетиан, император (284—305) 273, 274, 286, 289—291, 293, 294, 296, 297
- Диоклетианы (дукляне), жители Диоклеи 286, 287, 296
- Диоклея (Дукля), крепость 286, 292, 296, 297
- Дионисий, автор 281
- Диррахий (Драч, Дураццо), город и провинция 292, 294, 295
- Дистра (Доростол, Силистра), город 301
- Дичина (Тича), река в Болгарии 273
- Днепр 271—273, 297, 300, 301
- Днестр 271, 273, 298, 301
- Добрискик (Дбрск), крепость 296
- Дом варвара, подворье в Константинополе 303, 304
- Домн (Домний), святой 289
- Достиника, см. Дестиник 295
- Дреснеик (Бресник), крепость 296
- Дука, см. Константин 9
- Дунай 271, 273, 282, 290, 291, 294, 299—301
- Евдокиад, администр. единица 314
- Евдокия, см. Берта 2
- Европа 282
- Евстафий: 1. князь (?) 290
2. чиновник 315, 316
3. флотоводец 318
4. Аргир, военачальник 315
- Евфимий, святой 281
- Евфрат, река 278, 279
- Евфратия, местность 315
- Египет 277—279, 281, 283
- Епископий, деревня в Дерзине 320
- Залтас (Золта), сын Арпада 300
- Запад, европейские фемы Византии 319
- Захария: 1. Афинянин, папа 284
2. сын Прибеслава 295
- Захлума, река Бона 296
- Захлумы: 1. серб. княжество 282
2. его жители 287, 288, 292, 294, 296
- Зендина (Цетина), река и жупания в Хорватии 292
- Зетливи, крепость в Тервунии 296
- Зинов, император (474—475) 282
- Зихия, страна в Восточном Причерноморье 271, 300, 302, 320
- Золотой берег, побережье между Днепром и Днестром 301
- Зоя, мать Константина VII 315
- Зувер (Абдаллах ибн Зубейр), отец Авделы 278, 279

- Зурванели (Чордванели), протоспафарий 308
- Иавдиертим, часть Печенегии 297, 298
- Иахнука, военачальник 314
- Ивил, река в Причерноморье 301
- Ивир, см. Куркений 2
- Ивир (Ибер), река в Испании 281, 282
- Ивиритис, см. Ивирия
- Ивирия: 1. Иберия, Испания 281, 282
2. Грузия 280, 302, 303, 308 — 311
- Ивола 285
- Идрунт (Отранто), город 285
- Иектан, предок аманитов (немени-тов) 277
- Иелех (Юлле), сын Арпада 300
- Иерия, предместье Константинополя 317
- Иерусалим 276, 278, 279, 281, 306, 307
- Изид (Язид II) халиф 278
- Иис (Вис), остров 297
- Иисус Христос 269, 274, 277, 281, 287, 293, 307, 313
- Илитуалба, крепость 285
- Илиуполь, город 312
- Иллирик, Иллирия 290
- Имерий, временщик при Льве VI 315
- Имник, болг. военачальник 295
- Имота (Имотски град), жупания в Хорватии 292
- Ингор (Игорь), князь Киева 272
- Иоанн: 1. архиепископ 311, 312
2. сын Мануила 314, 315
3. клирик 319
4. Арравонит, военачальник 308
5. Куркуас, полководец 307, 308
6. Пичикавдис, посланник 278
7. Протевон, военачальник 313, 319
8. Фалассон, судья 317, 318
9. Элада, чиновник 319
- Иония, область на западе Малой Азии 278
- Ипаос, вождь печенегов 297
- Ираклий, император (610—641) 277, 287, 293, 294, 296, 297, 306
- Ирина: 1. императрица (?) 284
2. императрица (797—802), мать Константина VI 280
- Иртим, часть Печенегии 297
- Исам (Хишам), халиф 280
- Исмаил: 1. сын Авраама 276
2. Армянин, брат Ваасакия 315
- Испан, гигант 282
- Испания 278, 280—283
- Бетикская 281
- Луситанская 281
- Истр (Дунай) 300
- Истрия, область на с.—з. Балкан 290, 292
- Италия 281, 283—286
- Иутокас (Юточа), сын Арпада 300
- Ичбоклия, болг. военачальник 295
- Каверченца, крепость 285
- Кавказские горы 302
- Каидум, вождь печенегов 297
- Каис, сын Мундара 276
- Какикий (Гагик Арцруни), правитель Васпаракана 303, 304
- Калаврия (Калабрия), область Италии 284, 285, 314
- Кали, судья, брат Вулцуса 300
- Каллиник, изобретатель «жидкого» («греческого») огня 312
- Каллиполи, город в Италии 285
- Калфус (Калфон), военачальник 287
- Каматир, см. Петрона
- Камаха, администр. единица 314
- Канали (Конавли), серб. княжество 296, 297
- Каппадоки, воины фемы Каппадокия 314
- Каппадокия, фема 314
- Капрэ, крепость 285
- Капуя, город 273, 284, 285, 288, 289
- Новая 285
- Кари, венгер. род 299
- Карл Великий 283
- Карс, город 305
- Каса, администр. единица 314
- Касакхия, страна кософов на Северном Кавказе 300, 302
- Каси, венгер. род 299
- Катавтрено, имеются в виду острова Пасман и Корнат 290
- Катакалон. магистр 307
- Катера (Которац), крепость в Сербии 296
- Квадрат, автор 281
- Квинт, полководец 282
- Кельцина, местечко в Халдии 303, 314, 315
- Кесария, город 314
- Кефаллиния (Керкира, Корфу), остров и провинция 314
- Кецеон, крепость 307
- Киавос, Киова, Киоава (Киов) 272, 273
- Киверреоты, фема, а также воины этой фемы 311, 315, 316
- Кизик, город 311, 312
- Кизикины, жители Кизика 312
- Кикер, см. Куркра
- Кикладские острова 280
- Кимвалей, администр. единица 315
- Кимина, монастырь 309
- Кипр 278, 280, 311

Киприоты 311
 Кирена, область и город в Африке 282
 Кириак, святой 281
 Кискасис, см. Асотий 6
 Клавока (Клобук), город в Хорватии 293
 Климаты, провинция в Южном Крыму 270, 273, 300, 301
 Клиса (Клисса, Клис), сторожевой пункт у горного прохода в Далмации 286
 Клонимир, серб. князь 295
 Клугия, крепость 285
 Клука, вождь хорватов 291
 Книн, болг. военачальник 295
 Коград (Градо), крепость 285
 Колония, провинция и город 307, 314
 Колорин, местность 309
 Колосс Родосский 278
 Коммата, администр. единица 314
 Комодром, администр. единица 314
 Конкорда (Конкордия), крепость 285
 Коноца, река (?) в Болгарии 273
 Константин: 1. К. I Великий, император (324—337) 274—276, 300
 2. К. IV, император (668—685) 278, 279, 312
 3. К. VI, император (780—797) 280
 4. К. VII, император (913—959) 269, 281, 284, 307, 316, 318, 319
 5. сын К. IV (?), император 278, 279, 312
 6. Липс, военачальник 302, 303
 7. спальничий 316, 319
 8. флотоводец 309—311
 9. Дука, военачальник 315
 10. Лорикат, корабельщик 319
 Константианиана, город 312
 Константинополь 270, 272, 278—280, 282, 284, 286, 295, 296, 309, 314
 Констанция, город 273
 Кора, местность 305, 306
 Кори, крепость 293
 Коринф, город 312, 319
 Косенцис, вождь хорватов 291
 Коста, вождь печенегов 297
 Крайна, сын Белаи 296
 Кракнакаты, руины крепости на Днестре 298
 Красимир (Крешимир), хорват. князь 293
 Кратин, автор 281
 Криарий, переправа на Днепре 272
 Криваса (Крбава), жупания в Хорватии 292
 Крикорикий: 1. см. Григорий 302—304
 2. брат Ваасакия 315

Кринит: 1. переводчик 304
 2. Аротра, военачальник 312—314
 Крисос (Көреш), река 300
 Крпт 280
 Ктена, клирик 316
 Куарциур, часть Печенегии 297, 298
 Кувар, звезда Афродиты 277
 Куву (Буг), ср. Богу
 Куел, вождь печенегов 297
 Кузу, река, см. Ателькузу
 Кулпея, часть Печенегии 297
 Куркеный: 1. сын Панкратия 4 309
 2. зять Асотия (Кискасиса) 6 309—311
 Куркра (Корчула), остров 292, 297
 Куркуас, см. Иоани
 Куркута, вождь печенегов 297
 Куртугермат, венгер. род 299
 Кусар, сын Мундара 276
 Куфис, река 301
 Лаврентий, архидиакон 274
 Лавритон (Лорео), крепость 285
 Лавсеи, см. раусеи
 Лавсиак, зал в Большом императорском дворце 316
 Лагувардия, Лонгобардия 284, 285, 287, 288, 314, 319
 Лакедемония, область на Пелопоннесе 313
 Лалакона, военачальник 307
 Лампсак, город 280
 Ландульф, епископ 285
 Ларисса, город в Малой Азии 315
 Ластовон (Ластово, Ласта), остров 297
 Лахис, ваятель 279
 Леанди, см. Веручи
 Леведия: 1. вождь венгров 298—299
 2. место обитания венгров 298
 Лев: 1. Л. III, император (717—741) 274
 2. Л. VI, император (886—912) 281, 295, 299, 302—304, 306, 307, 313—319
 3. Агеласт, протоспафарий 314
 4. Аргир, военачальник 315
 5. Армянин, судья 317
 6. Равдух, военачальник 295
 7. Цикана, чиновник 319
 Леонтий, император (695—698) 280
 Лесник (Лесница), крепость в Сербии 296
 Ливан 278, 280
 Ливия 277, 281, 282
 Западная 282
 Ликанд, провинция и крепость 315
 Ликенция, крепость 285
 Линд, город 279

Липс, см. Константин
 Лиситания, Лузитания 281
 Литуманкерс, крепость 285
 Лиундика, сын Арпада 299
 Лица (Лицка), местность в Хорватии 292
 Ловел, архонт архонтов 291
 Лодоик, Лодоих (Людовик): 1. Л. II, король Франции 283, 287, 288
 2. Л. III, король Италии 283
 Лондодокла, крепость 297
 Лорикат, см. Константин
 Лотарь: 1. Л. I, король Италии 283
 2. Л. II, король Италии 284
 Лука, евангелист 297
 Лукаветы, крепость 296
 Лулиан, крепость 285
 Лумврикат (Вргада), крепость и остров 274

Мабалис, см. Давид
 Мавиа (Муавия I), халиф 278—280, 283
 Мавиаты, приверженцы и подданные Мавии 280
 Мадавк, крепость 285
 Мадамавк, остров 286
 Маданитская пустыня 276
 Мадис (Махди), халиф 280
 Майна, город 313, 314
 Македонцы, воины фемы Македония 313
 Малей, местность 314
 Малозеаты, см. Мелеты
 Манцикерт, крепость 305, 306
 Манцикертцы, обитатели Манцикерта 306
 Мануил, протоспафарий 314
 Мария, богоматерь 280
 Маркиан: 1. автор 281
 2. император (450—457) 282
 Мармаин, болг. военачальник 295
 Мартин, миссионер 293
 Маруам: 1. Мерван I, халиф 278
 2. Мерван II, халиф 278, 280
 Масалмас (Маслама), военачальник 279, 280
 Мастат, крепость 308
 Мегери, венгер. род 299
 Мегиретус (Сокол), крепость в Сербии 296
 Мекка 277
 Мелета, пустующая крепость в Далмации 290
 Мелеты (Млет), остров 297
 Мелиа, магистр 315
 Мелита, см. Мелеты
 Мелитина, город 315
 Мелитиниаты, жители Мелитины 315
 Менаандр, автор 281

Меотида, Азовское море 300, 301
 Меотидское озеро (море), см. Меотида
 Месемврия (Несебр), город в Болгарии 273
 Месопотамия, провинция 307, 315
 Милински, Смоленск 272
 Мирнокефал, администр. единица 314
 Мирослав, хорват. князь 293
 Мисхий (Месхети), Юго-Западная Грузия 309
 Михаил, см. Борис
 Михаил: 1. М. II Травл, император (820—829) 280, 287
 2. М. III, император (842—867) 313, 316
 3. князь захлумов 295, 296
 4. коммерциарий 304
 5. корабельщик 318, 319
 6. Варкала, корабельщик 318
 Моамед, Муамеф, Мухумет (Мухаммед): 1. основатель мусульманства 276, 277, 279, 283
 2. ал—Амин, халиф 281
 Моисей, библ. персонаж 277
 Мокр (Макар), жупания и крепость в Пагании 292
 Мокрискик (Мокрско), крепость 296
 Мопсуестия, город 280
 Моравия 300, 301
 Великая 273, 299, 300
 Мордия (Мордовия?) 298
 Морисис (Марош, Муреш), река 300
 Муамеф, см. Моамед
 Мудафар, сын Мануила 314, 315
 Мундар (Мудар), сын Низара 276
 Мундрага (Мадара), крепость в Болгарии 299
 Мунтимир (Мутимир), серб. князь 294, 295
 Муран (Мурано), крепость 285
 Мургула, администр. единица 310
 Мусел, эмир 283
 Мухло, хорват. князь 291
 Мухумет, см. Моамед

Нарсес, полководец 284
 Насар, флотоводец 317
 Настрези, порог на Днепре 272
 Неаполь, город 284, 285
 Неасит, порог на Днепре 272
 Неки, венгер. род 299
 Некропилы, залив 300, 301
 Немогард, Новгород 272
 Неокастр, крепость (ср. Цивитанова) 285
 Низар, потомок Исмаила 276
 Никита: 1. протоспафарий 316
 2. Оорифа, флотоводец 287
 Никифор (I), император (802—811) 312

- Никомидия, область в Малой Азии 309, 317
 Никополь, провинция и город 308, 315
 Никопсис, город и река на Северном Кавказе 302
 Нина (Лука), жупания в Хорватии 292
 Нисса, администр. единица 314
 Новая Церковь (в Константинополе) 316
 Новый Карфаген, город в Испании 281
 Новый Юстиниануполь, город близ Мраморного моря 311
 Нона, жупания в Хорватии 292
 Нуграде (Новиград, Превлака?), крепость 297
 Нун, крепость 285

 Океан (Атлантический) 282
 Олимп, гора в Малой Азии 317
 Оорифа, см. Никита
 Опсары (Црес), крепость 287, 292
 Орест Харсианит, военачальник 315
 Орм (Врм), крепость 296
 Оронтий (Неретва), река 292
 Ослия, крепость 296
 Островунипрах, порог на Днестре 272
 Острок, крепость в Пагании 297
 Оттон (I), король Франции (Саксонии) в 936—962, император в 962—973 291

 Павел: 1. апостол 297
 2. магистриан 280
 3. сын Брана 295
 Пагания, серб. княжество 292—295, 297
 Паги, местность в Зихии 320
 Пазуна, брат Ваасакия 315
 Палестина 277—279, 283
 Панкратий: 1. святой 289
 2. сын Давида 2 307
 3. сын Крикорикия 1 304
 4. сын Симватия 308, 309
 5. брат Асотия 5 309
 Панкратука, сын Мануила 314
 Паннония 282, 284, 291
 Папаги, местность в Зихии 320
 Папагия, страна близ Зихии 300, 320
 Папия (Павия), город 283—286
 Парафалассия (Клис), жупания в Хорватии 292
 Парфений, автор 281
 Патры, город 312, 313, 319
 Пафлагония, провинция 301, 320
 Пачинакия (Печенегия) 271, 297, 301
 Пелопоннес 312—314, 319, 320
 Пелопоннесцы 319
 Пентадактил (Тайгет), гора на Пелопоннесе 313
 Перкри, крепость 305, 306
 Персия 278, 281, 283, 298, 299, 305—307, 311
 Песенда (Псет), жупания в Хорватии 292
 Петр: 1. апостол 285, 293
 2. царь Болгарии 276
 3. серб. князь 295
 Петрона: 1. Воила, военачальник 308
 2. Каматир, военачальник, строитель 301
 Пиги, предместье Константинополя 317
 Пизух (Гисса), пустующая крепость и остров 290
 Пинеты, см. Стровил
 Пипин, король франков 285, 286
 Пиренейские горы 281
 Пиротима (Премуда), заброшенная крепость 290
 Питавра (Эпидавр, Цавтат), крепость 289
 Пифия, город 317
 Пичикавдис, см. Иоанн 6
 Платис, см. Ставракий
 Плацента, крепость 283
 Пладидия, мать Валентиниана 282
 Плева (Плива), жупания в Хорватии 292
 Погонат, см. Константин 2
 Подарон, протоспафарий 317, 318
 Понт, Черное море 300, 320
 Порг (Прог, Борна), хорват. князь 293
 Порин, см. Порг
 Пресиам (Пресиан), болгар. хан 294
 Преслав, столица Болгарии 296, 299
 Прибеслав, серб. князь 295
 Привуний (Прибина), хорват. князь (бан) 293
 Пристины, крепость 285
 Просигоис (Просигой), серб. князь 294
 Протевон, см. Иоанн 7
 Пруса (Бурса), город 317
 Псомафевс, Псомафийский монастырь 304
 Птелеи, местность в Зихии 302

 Равдух, см. Лев 6
 Равия, сын Низара 276
 Рамвле (Рамла), центр эмирата Филлистим 283
 Раса (Рашка), местность в Сербии 294
 Растоца (Расток), жупания в Пагании 292

Раусей, жители Раусия 287, 288, 289
 Раусий, Рагуза, Дубровник 287, 288, 292
 Рейн, река 282
 Риваленса, крепость 285
 Ривалт (Риалто), крепость 285
 Ригий, предместье Константинополя 317
 Рим 278, 282 — 287, 290, 292 — 294, 296, 297
 Ринотмет, см. Юстиниан
 Рисена (Рициниум), крепость в Тервунии 296
 Родольф, Родульф, Рудульф (Рудольф), король Италии 283, 284
 Родос, остров 278, 279
 Родослав (Радослав), сын Воисеслава 294
 Роман: 1. Р. I Лакапин, император (920—944) 276, 295, 303, 307—309, 313, 315, 316, 319
 2. Р. II, император (959—963) 269, 284
 Романия, Византийская империя 273, 280, 306, 311, 320
 Романополь, погран. пункт 314
 Роматина, крепость 285
 Росия, Древняя Русь 270—272, 297, 300
 Росса (Росе), крепость 287
 Русано, город 285

Сава: 1. (Самбас), военачальник 287
 2. святой 281
 Сава, река 301
 Сакататы, пустующая крепость на Днестре
 Саксия, см. Франгия
 Салерин, крепость 285
 Салерно, город 284
 Салона, город 286, 287, 290, 291, 293
 Самватас, см. Клавос 272
 Самона, временщик 316
 Саниана, администр. единица 314
 Сапакси, деревня в Зихии 320
 Сапикий, деревня в Дерзине 320
 Сарат, местность близ Печенегии 301
 Саркел (Белая Вежа), крепость, 273, 301
 Святая София, храм в Константинополе 274, 275
 Святая Троица, храм в Салоне 274
 Святой Агапит, администр. единица 314
 Святой град, см. Иерусалим
 Святой Григорий (Хортица), остров 272

Святой Эфериий, остров в устье Днепра 273
 Севастия, провинция и город 315
 Селво (Силва), руины города в Далмации 274
 Селина, рукав дельты Дуная 273
 Серб, правитель сербов 294
 Сербия 292—296
 Сервии, город 294
 Серет, река 299
 Сермий, Сирмий (Срем, Сремска Митровица), город 282, 300
 Сигриана, гора 282
 Сигрица, см. Феодор
 Сидрага, жупания в Хорватии 292
 Сикард, лангобардский герцог 285
 Сикон, брат Сикарда 285
 Симватий (Ивир) (Смбат), архонт архонтов 302, 305, 306
 Симеон: 1. царь Болгарии 295, 296, 299, 318
 2. чиновник 310
 Симпосий, погран. пункт 315
 Сингидон (Сингидун, Белград), город 282
 Сингул, река в Причерноморье 301
 Синут, евнух 302
 Сипенд, город 285
 Сирент, город 285
 Сирия 278, 279, 281—283, 302, 309, 311
 Сирукалпей, часть Печенегии 297
 Сицилия 280, 284, 285, 314
 Скерда (Шкерда), пустующая крепость и остров 290
 Скирдакисса (Кисса?), остров 290
 Скордона (Скардона, Скрадин), крепость 293
 Славинеца, крепость в Пагании 297
 Славинии, славянские земли и княжества 272, 273, 285, 287, 292
 Смирна (Измир), город 278
 Солдан (Савдан, Саугдан), эмир Бари 287—289
 Солнце, скульптура 279
 Соломон, царь Израиля 278
 Сотриуполь (Питиус, Пицунда), крепость 300, 302
 Софиам, дед Мавии 279
 София, см. Святая София
 Софроний, епископ 278
 Спандиат, брат Давида 2 306, 307
 Спатал, бухта в Зихии 302
 Срехиаваракс, деревня 320
 Ставракий Платис, военачальник 315, 316
 Стагн (Стон), крепость 296
 Стевон, Босфор 317, 318
 Стефан: 1. святой 289
 2. астролог 277
 3. протоспафарий 289

4. сын Мунтимира 294, 295
 Столпон (Ступин), крепость 293
 Стровил, крепость 285
 Строимир (Строймир), серб. князь 294, 295
 Струкун, см. Настрези
 Сулейман, халиф 280
 Сфендоцлок (Святополк), князь Великой Моравии 273, 300
 Сфендослав (Святослав), князь Руси 272
 Схоластик, спальничий 316
- Тавиа, администр. единица 314
 Таксис (Такшон), внук Арпада 300
 Талиаферн (Талиаферро), отец Гуго 283
 Талмат, часть Печенегии 297
 Таматарха, Тмуторокань 300, 302, 320
 Танаис, Дон 301
 Тариан, венгер. род 299
 Таркацус (Тархачи), сын Арпада 300
 Тарон, область в Армении 302—304
 Таронит, см. Григорий
 Тарраконисия, область Испании 281
 Тасис (Таш), внук Арпада 300
 Тацат, местность 303
 Тевели, внук Арпада 300
 Текис, местность 314
 Телиуца (Любеч?), город на Руси 272
 Тенин (Книн), крепость в Хорватии 293
 Тервуния (Требинье), серб. княжество 292, 294, 296, 297
 Термацус (Термачу), внук Арпада 300
 Терпимир (Трпимир), хорват. князь 293
 Тетрангуриин (Трогир), крепость в Далмации 287
 Тиверий, II Апсимар, император (698—705) 280
 Тиви (Двин), крепость в Армении 305, 307
 Тикрит (Такрит), эмират 283
 Тимнос Ставрос (букв. «Честной крест»), администр. единица 314
 Тимсис (Темеш), река 300
 Тирокастрон, крепость 309
 Тица (Тисса), река 300
 Тина (Книн), жупания 292
 Торникий, Торник, сын Апоганема 303, 304
 Торцелон (Торцелло), город 285
 Травл, см. Михаил I
 Трапезунд, город 305, 315
 Траян, император (98—117) 299
 Трипия, погран. район 315
 Триполи, город 282
 Трифон, святой 290
- Груал: 1. зал в императорском дворце 311
 2. Днестр (тюрк.) 299
 Туга, знатная хорватка 291
 Тунгаты, пустующая крепость на Днестре 298
 Турганирх, островок близ Зихии 302
 Туркия, Венгрия 292, 294, 297, 299, 300
 Тутис, река в Причерноморье 300
- Уалид (Валид I), халиф 280
 Узия, страна узов 297, 298
 Укрух (Кубань?), река 302
 Улворси, см. Островунипрах
 Улнутин (Огнут), город 304
 Умар: 1. Омар I, халиф 278
 2. Омар II, халиф 280
 Урия, библ. персонаж 306
 Уса (Хасан ибн-Малик), эмир Палестины 278
 Уфман (Осман I), халиф 278, 279
- Фалассон, см. Иоанн
 Фалемберт, кум Берингария 284
 Фалимир (Хвалимир), князь Тервунии 296
 Фалис, внук Арпада 300
 Фалицис (Фаличи), внук Арпада 300
 Фара, Фарос (Хвар), остров 292, 297
 Фасиана, местность 307, 308
 Фасис (Рион, здесь ошибочно Аракс), река 308, 309
 Фатилан, гора 314
 Фатима, дочь Мухаммеда 277, 279, 283
 Фатимиды (Фатемиды), династия 277, 283
 Февдериx (Теодорих), вождь готов 282
 Фемим, сын Мундара 276
 Феодор: 1. переводчик 302
 2. Сигрица, болгар. военачальник 295
 Феодосий: 1. святой 281
 2. Ф. II Юный, император (408—450) 282
 Феодосиуполиты, жители Феодосиуполя 307—309
 Феодосиуполь (Эрзерум), город 307—309
 Феодот, корабельщик 319
 Феоктист, из Вриенниев, военачальник 313
 Феофан: 1. из монастыря на Сигриане, историк 277, 278, 280—282
 2. патрикий 316
 Феофил: 1. император (829—842) 301, 313, 316
 2. военачальник 307, 308
 Феофилакт: 1. магистр 304

2. протоспафарий 319
 3. Вимвилидис, судья 318
 Фессалоника, Салоники 294, 300
 Филарх, автор 281
 Филистим (Палестина), эмират 283
 Финес, крепость 285
 Финикия 278
 Фома (Славянин), вождь восставших 280
 Фосаон, крепость 285
 Фракийцы, здесь — войны фемы Фракия 313
 Фракисии, фема и войны этой фемы 311
 Фракия, фема 280, 282
 Франгия, Франция, а также Саксия 273, 285, 287, 288, 291, 292
 Великая 283, 288
- Хавуксингила, часть Печенегии 298
 Хадига, жена Мухаммеда 277
 Харид, река на восток от Меотиды 301
 Хазария 271, 273—275, 297, 298, 301
 Халдия, фема 303, 304, 307, 310, 314
 Халец, эмират 283
 Халиат, см. Хлиат
 Халкопратийский храм (в Константинополе) 290
 Хамух: 1. основатель деревни 320
 2. деревня в Зихии 320
 Ханзит, погран. пункт 314
 Харавои, часть Печенегии 297
 Харакс, автор 282
 Харакул, река к востоку от Меотиды 301
 Харан (Харран), эмират и город 283
 Харитон, святой 281
 Харка (Харк), местность 305, 306
 Харопс 281
 Харсиан, провинция 314, 315
 Харсианит, см. Орест
 Хасэ, протоспафарий 316
 Хемпс, см. Эмеса
 Херсон, Херсонес в Крыму 270 — 273, 280, 297, 300, 301, 320
 Херсониты, жители Херсона 271, 272, 301, 320
 Херт, крепость 305
 Хидмас (Сингул?), река 298
 Хлевиана, Хлевена (Хлевно), жупания в Хорватии 292
 Хлиат, крепость 305, 306
 Хлум, гора и крепость 296
 Хоары, остров 297
 Хозан, администр. единица 314
 Хопон, часть Печенегии 297
 Хорасан, провинция Персии 281, 283
 Хорват, правитель хорватов 291
 Хорватия 291—296
 Белая, или Великая 294
- Хрисогон, святой 290
 Хрисотриклин, зал в императорском дворце 316
 Христиане 274—277, 281, 294, 307, 308, 314
 Христос, см. Иисус
- Цаманд, гора 315
 Царваганин, островок близ Зихии 302
 Цендина, см. Зендина
 Цермацу, крепость 305
 Цивитанова, ср. Неокастр, крепость 284
 Цивитанува, остров 286
 Цикана, см. Лев
 Цилиаперт (Паиперт?), местность 320
 Цопон, часть Печенегии 297
 Цур, часть Печенегии 297
- Черनावускея, крепость в Сербии 296
 Черная гора (в Ливане) 278
 Чернигога, Чернигов 272
 Черное море 294
 Чеслав (Часлав), серб. князь 295, 296
 Чузимир (Чучимир), князь Тервунии 296
- Эвдомон, предместье Константинополя 317
 Эдесса, город 278, 279
 Эзелех (Эзелк), внук Арпада 300
 Эзеро, местность и город на Пелопоннесе 313, 314
 Экил, крепость 285
 Элада, см. Иоанн
 Элисс (Лисс, Льеш), крепость в Далмации 292
 Элкийний (Улцинь), крепость в Далмации 292
 Эллада, фема 314
 Элос, см. Эзеро
 Эмеса, Хемпс, город и эмират 283
 Эмет (Амид), эмират 283
 Эракс (Аракс), см. Фасис
 Эсиви (Насибин), эмират 283
 Эссупи, порог на Днепре 272
 Эстиуниз, имеются в виду острова Сеструнь и Из 290
 Этель, см. Ателькузу
 Эферий, см. Святой Эферий
 Эфес, город 278, 311
 Эфрив, область Аравии 277—279
- Юстиниан (II) Ринотмет, император (685—695, 705—711) 278—280
 Юстиниана, крепость 285
 Юстиниануполь, см. Новый Юстиниануполь

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ-СЛОВАРИК ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ *

- Абодриты (ободриты), или преде-
нецы, славянское племя, жив-
шее на Балканах близ моравы 26,
66, 83, 186, 207, 208
- Авары (от иран. *var- *avar > слав. *
obъrъ, др.-рус. объри, ст. пол. ob-
zum, чеш. obъr- 'исполин', луж.
hobъr), первоначально иранское
племя, затем название племенного
союза (возможно, включавшего и
тюркские племена), переселив-
шегося в VI в. н. э. на ю.-в. Ев-
ропы — в низовья Дуная, а затем
по среднему течению Дуная в Пан-
нонию. В конце VIII в. — на-
чале IX в. авары были разгром-
лены и подчинены Карлом Вели-
ким 26, 30, 32, 52—56, 58, 66, 75,
77—80, 83, 168—170, 172, 183,
184, 242, 253, 265, 282, 291, 293,
294, 296, 297
- Агаряне, имеются в виду арабы
278—280, 303, 308
- Аланы (греч. 'Αλανοί и лат. Alani,
осет. allon, древнее самоназва-
ние осетин, сохраняющееся в ска-
зочном фольклоре, из др.-иран.
āyana), древнее название иран-
ских племен на Кавказе и в При-
черноморье 12, 23, 273, 282, 302
- Албанцы (греч. 'Αλβανοί), древнее
название индоевропейских жите-
лей Албании на Балканах, воз-
можно, исторически связанное
с названием кавказской Алба-
нии (греч. 'Αλβανία), где в средние
века говорили и писали на северо-
восточнокавказском языке, род-
ственном современному удинскому
44, 45, 71
- Амазонки (греч. 'Αμαζόνες — со-
гласно народной этимологии
'α-μαζόνες — 'без-грудые', возможно,
первоначально связано с лувийск.
maššana 'бог'), легендарное племя,
обитавшее, по сведениям античных
авторов, в Малой Азии (с древ-
- ними религиозными и социаль-
ными представлениями смешан-
ного хуррито-лувийского-фри-
гийского населения которой свя-
зывают мифы об амазонках —
женщинах-воительницах) 147
- Аманиты, арабское племя оми-
риты
- Анаксонии (ср. греч. ἄναξ 'царь,
правитель'. 'Αναξίω — мифологич.
жен. имя), мифологическое обо-
значение племени (возможно, свя-
занное с народной этимологией) 12
- Анты (греч. 'Ανται, 'Αντες, лат. An-
tae), название славян или племен-
ного объединения, родственного им
и обитавшего восточнее других сла-
вян, встречается у Прокопия,
Иордана и других авторов VI—
VII вв. 11, 14, 15, 17—19, 24—
29, 32, 34, 35, 51, 252, 253, 256
- Арабы, семитская группа племен,
обитавшая первоначально на
Аравийском полуострове 277—
281, 283
- Аренданы (арентаны), славяне, жи-
тели княжества Аренда (Пагания),
см. нарентаны
- Армяне (греч. 'Αρμενίας, 'Αρμένη, др.-
перс. Armina), название армян,
жителей армянского нагорья,
встречающееся в греческих и
древнеперсидских источниках,
начиная с VI в. до н. э. 71, 90,
302, 307
- Африканцы, афры, общее название
обитателей Африки 278, 282, 285,
288
- Бавары, западногерманское племя
83, 84, 138, 142
- Бактриане, обитатели Бактрии 243
- Балто-славяне (балто-славянская
общность), предполагаемое пле-
менное единство носителей бал-
тийского и славянского языков,
относимое ко времени между их

* Аннотируются лишь те этнические термины, которые рассматри-
ваются в тексте глав коллективного труда.

выделением из западноевропейской (или «древнеевропейской») языковой и этнической общности (датируемой приблизительно III—II тысячелетиями до н. э.) и разделением балто-славянской языковой общности на отдельные — общеполтийский (или прибалтийский) и общеславянский — языки, безусловно, существовавшие обособленно в I тысячелетии н. э. (если не ранее). Соответственно, если балто-славянское языковое и этническое единство существовало (что остается дискуссионным), это могло иметь место примерно в конце II тысячелетия до н. э. — I тысячелетия до н. э. Место, к которому предположительно относятся балто-славянскую этническую общность, могло находиться в указанную эпоху между общей территорией, на которой сосуществовали западноиндоевропейские диалекты в Северном Причерноморье, и более западными областями позднейшего обитания праславян и балтов 214, 216, 217

Балты (балтийцы) — общее наименование всех племен, говоривших на диалектах некогда единого общеполтийского языка, время разделения которого (на западно-балтийский, потомками которого были позднейший прусский и некоторые другие вымершие языки, известные по косвенным данным, и восточнобалтийский, к которому восходят литовский и латышский языки) относится не позднее, чем к I тысячелетию н. э. В эту эпоху балты обитали на очень широком пространстве Центральной и Восточной Европы — от Эльбы до Восточного Поднепровья, что устанавливается на основании анализа названий рек (гидронимов) 27, 115

Бастарны — племя, по Тациту — германское, согласно некоторым исследователям — фракийское, по сведениям источников II в. до н. э.—III в. н. э. — обитавшее в Нижнедунайско-Карпатской области. В 279 г. н. э. по повелению римского императора Проба около ста тысяч бастарнов были переселены в римскую провинцию Фракию. 12

Белозерцы 110

Белорусы (жители Белой Руси,

ср.-в.-нем. Weizzen-Reuzzen в австрийском тексте середины XIV в. н. э., где «белый» имеет значение «западный» в соответствии с символикой цветовых обозначений сторон света, широко распространенной в средние века в Евразии) — одна из основных групп народностей восточных славян, обособившихся в языковом и этническом отношении от других групп восточных славян около XIII—XIV в. н. э. 4

Белохорваты, или белые хорваты — западные хорваты (см.), «белый» первоначально употреблялось в значении «западный» (ср. белорусы) 115, 170, 291, 292

Берзиты — южнославянское племя, обитавшее к северу от солунских дреговичей 27, 28, 253

Бобряне, славянское племя на территории позднейшей Силезии 145

Богемы (лат. Bohemi, Baihaeni, Boemani; происходит от иноязычной передачи имени боев, см.) — немецкое и латинское название западнославянского населения Чехии 83, 85, 116, 122, 130—132, 138, 140—143

Бойи, бои (лат. Boii) — этноним, по-видимому, кельтского происхождения, принадлежавший племени, занявшему в III в. н. э. часть Ломбардии и прилежащих земель, в том числе и город, названный этим племенем Bononia (совр. Болонья). Либо другое племя со сходным названием, либо ответвления того же племени известны в окружении германских племен в Богемии (лат. Boihaemum) и Паннонии в I в. до н. э., а также в Галлии, где после столкновения с Цезарем бои были поселены им в стране эдуев 123

Болгары — название одной из основных восточных групп славянского населения Балкан, образовавшееся на основе первоначального названия болгар-тюрков, см. болгары 23, 31, 33, 53, 54, 59—61, 69—77, 81, 112, 115, 119, 238, 256, 261, 265

Боснийцы, жители Боснии 4

Бритты, жители Британии 243

Бужане, восточнославянское племя, обитавшее к западу от древлян 97, 98, 115, 242, 256

Булгаро-тюрки, см. болгары 75, 81

Булгары — тюркское племя, возможно, включавшее и иранские элементы (судя по восточноиранскому характеру таких имен предводителей, как Аспарух, др.-иран. aspa 'конь', хотано-сан. gauka- 'ведающий учетом'), на протяжении VII—IX вв. постепенно ассимилированное славянскими племенами, входившими вместе с булгарами в состав Первого Болгарского царства 35, 270, 271, 276, 280, 293—296, 300

Вагры, группа полабских славян, близкая к ободритам 206, 209, 210

Вандалы, германское племя, переселившееся в Африку 282, 285

Варны (варнавы) — одно из племен, входившее в ободритскую группу полабских славян, обитавшую между Варной, Эльдой и нижней Лабой (Эльбой) 196, 206

Варяги (др.-скандинавск. Vægingjar 'варяги') — участники наемного скандинавского войска в Византии и на Руси 101

Ваюниты — славянское племя на Балканах, жившее западнее другивитов 21, 27, 253, 256

Велегезиты — южнославянское племя, жившее на юге Балкан, южнее ваюнитов 27

Велеты, или вильцы (лат. Vilti, нем. Wilzi, Wulzi, вероятно, от основы *vel < индоевроп. *wel- 'луг', основа, давшая многочисленные этнонимы), иначе лютичи — племенное объединение полабских славян к востоку от ободритов 83, 201—206, 208, 209, 212, 255, 258, 263

Велюнзаны, см. волыныне (вельняне)

Венгры — финно-угорская народность, по языку исконно родственная обско-угорским народам Западной Сибири (ханты и манси), переселилась через Восточную Европу в придунайскую область и в конце IX в. завоевала Паннонию 35, 56—59, 65, 81, 93, 94, 129, 148, 160, 193, 321

Венды — наименование славян в средневековой Германии 11

Вене (эст. vene) — эстонское название русских, см. венеты 11

Венеды, венеты (лат. Venedi, Veneti, греч. Οὐενέδαι от индоевропейского *цеп- — 'сродство, род, плен' — первоначально на-

звание древних венетов — носителей западноевропейского языка, надписи на котором известны в северо-восточной Италии (откуда и название Венеции, лат. Venetia); позднее обозначение славян у германцев, финских племен и других неславянских соседей славян. Тождество венедов у Плиния, Тацита и Птолемея со славянами вызывает известные сомнения, тогда как древнейших достоверных упоминаний славян не имеется 11—16, 21—23, 30, 33, 208, 214, 232, 252, 255

Венетика, ср. венеды, венеты, здесь определено — жители Венеции 285, 286

Вервианы — возможно, название, соответствующее (с искажением в начале слова) имени древлян, см. древляне

Весь — восточнославянское название части племен, говоривших на балтийско-финских (западнофинских) языках 114, 118, 242

Византийцы — научное (позднее) обозначение подданных Византийской империи, см. ромеи 26, 54, 62, 65, 68

Визиготы (везиготы, вестготы) — западная часть германских племен готов, переселившихся в IV—V вв. из Восточной Европы в пределы Восточноримской империи (в частности, во Фракию), а затем — в Галлию и далее в Испанию, где созданное ими готское королевство существовало до начала VIII в. 15, 282

Визиры — племя на Пиренейском полуострове 281

Винулы 197

Висляне — западнославянское лехитское племя, обитавшее в бассейне верхней Вислы с ее притоками (Нида, Нидица, Каменная, Дунаец, Раба, Скава, нижний и средний Вислок, нижний Сан, левая сторона нижнего Вепря), предки малополян 147—149, 165, 256

Волохи, влахи (др.-рус. волохъ, ст.-украин. волохи, ст.-болг. влех, сербохорв. влѧх, 'валах' исторически связано с кельтским этнонимом: лат. Volcae у Тита Ливия и Цезаря, греч. Οὐόλχαι, Οὐιολχαι у Страбона, Птолемея и др.: от индоевроп. *uel- 'луг', 'пастбище') — название волохов-вла-

- хов, скотоводческого пастушеского племени (исторически романизованных кельтов, обитавших к югу от Карпат) 27, 29, 32, 68, 71, 81, 183, 193
- Воляняне — восточнославянское племя, жившее западнее древлян 97, 140, 146, 242
- Выжичане (от выжига, вышега — наименование обращенного под пашню выжженного места в лесу) — восточнославянское племенное объединение 146
- Вятчи (др.-рус. ВѢТИЧИ *venti-itji — от той же основы venet-, что и название венетов, см.) — жившее по Оке восточнославянское племя, которое, согласно «Повести временных лет», связывается по происхождению с западной частью славянского мира («ляхами») и возводится к мифологическому предку по имени Вятко — брату Радима (родоначальника радимичей, см.) 97, 99, 107, 118, 119
- Гаволяне, говоляне (лат. Nevelli) — западнославянское полабское племя, родственное лютичам 201, 203
- Галинды (лат. Galindia, греч. Γαλίνδια от основы лит. gālas, латыш. gals 'конец', др.-рус. ГОЛАДЬ, ГОЛЯДЬ) — первоначально часть западнобалтийских прусских племен, занимавших южную оконечность прусского ареала — южнее Барты и Наровии, позднее обозначение остатков балтийского населения в русском окружении к востоку от Можайска и Гжатска 23
- Гачаны 173
- Гепиды — германское племя, согласно Прокопию, относившееся к готским (видимо, в широком смысле — восточногерманским) племенам; переселились из Повислинья в Семиградье и Восточную Венгрию, где обитали до VI в. н. э. 282
- Германцы — племена, говорившие на различных восточногерманских (см. готы), западногерманских (см. баварцы, саксонцы) и северногерманских (скандинавских) языках 11, 39, 282
- Геты — племя на Балканах, считавшееся в античное время родственным дакам и входившее в состав дакийского племенного союза 11
- Гирры — один из народов Восточной Европы 11
- Глиты — племя в Испании 281
- Гломачи 199
- Глопеане (гопляне?) 149
- Голеншичи — славянское племя в районе Олавы, на границе совр. Польши и Чехословакии 145
- Готы — восточногерманское племя, предположительно обитавшее в начале н. э. на о. Готланд и в устье Вислы, около середины II в. н. э. переселившееся несколькими волнами на юг и занявшее в III—IV вв. н. э. территорию от Азовского моря до Дакии 13, 29, 32, 34, 278, 282
- Греки — жители Греции, редкое в средневековых памятниках обозначение православных подданных южнобалканских провинций Византийской империи (см. ромей) 22—24, 34, 62, 71, 243, 248, 265, 312
- Гудусканы (гудускани, гудуски) — славянское племя на Балканах 66, 168, 169, 173, 174, 186, 256, 257
- Гунны — союз кочевых племен, включавший разнообразные этнические элементы, состав которых менялся по мере продвижения гуннов (хунну) на запад Евразии. Вторжение гуннов в Причерноморье было одной из причин движения на запад других народов 17, 34, 45, 59, 160, 195
- Даки, дакийцы — обитатели Дакии, обширной области на Балканах, говорившие в античное время на дакийском языке — индоевропейском языке, близком к фракийскому, в результате длительной романизации Дакии, ставшей римской провинцией, из диалектов даков, перешедших на народную латынь, образовались дако-романские диалекты, и часть даков постепенно превратилась в восточных романцев 34
- Дако-фракийцы 36
- Далматинцы (далматины) 177, 193, 291
- Датчане — северогерманская народность, в средние века пользовавшаяся датским вариантом древнескандинавского языка — древнедатским 196, 206, 209
- Делеминцы или долеинцы (лат. Doleminci, Dalaminci, Dalmatae) — западнославянское лу-

- жицкое племя, обитавшее между р. Каменицей (приток Мульды), Лабой (до Стрелы), Ползницей и Крушными горами 198, 199
- Дервленины, см. древляне
- Диоклетианы, см. дукляне.
- Древляне — (от общеславянского названия «дерево», родственный этноним «древляне» известен у полабов, обозначавший их племена, жившие по левую сторону Нижней Лабы) — восточное племя, обитавшее к югу от Припяти 20, 97, 99, 104—106, 110, 117, 141, 242, 258, 273, 298
- Дреговичи, другувиты (греч. Δρουγουβίται., от названия трясины, топи; белорус. дрыгва, рус. диал. дрягва, лит. drėgvà) — восточнославянское племя, обитавшее к югу от кривичей, к западу от вятичей; аналогичный этноним на Балканах применялся к солунским и фракийским славянским племенам, см. другувиты
- Другувиты 25, 27, 28, 64, 97, 100, 104, 107, 189, 242, 253, 273
- Дукляне (диоклетианы) — южнославянское племя, обитавшее на западе Балкан южнее Неретвы 186, 189, 191, 192, 287, 296
- Дулебы (др.-рус. ДУЛѢБИ, араб. Dulâbe; как и родственный западнославянский этноним — др.-чеш. dudlebi, название племени, обитавшего на юге Чехии, и как словен. Dudleby происходит из германск. *daud-laiba 'выморочное наследство' применительно к землям, оставленным германцами) — рано исчезнувшее племя на крайнем западе восточнославянской территории, где позднее обитали волыняне и бужане; сходное обозначение в Словении относится к племени, обитавшему между Блатенским озером и р. Мурой 26, 32, 97, 121, 140, 256
- Дядошане (дедошане) 145
- Евреи — представители еврейской диаспоры, образовавшейся в Средиземноморье после гибели Древнего Еврейского государства и распространившейся в Европе; иногда употребляется в том же смысле, что и иудеи (см.) 134, 243, 277, 279
- Емь — славянское обозначение финно-угорского племени 114
- Захлумы, захлумяне — западно-южнославянское племя, обитавшее к югу от Неретвы 182, 184, 186, 187, 189, 192, 256, 287, 288, 292, 294, 296
- Зимегола (зимгола) 114, 242
- Зихи — абхазо-адыгейское племя, обитавшее в древности на восточном берегу Черного моря 302, 320
- Иберы, см. ивиры
- Ивиры: 1. жители Иберии (Иверии, Ивирии — Пиренейского полуострова, Испании), в том числе кельто-иберы и иберийское население, предположительно родственное баскам, а также жителям Кавказской Иберии (Ивирии — Грузии) 281, 306, 307
2. грузины 308—310
- Идиороданы (?) — народ, не известный по другим источникам; здесь предполагают порчу текста рукописи труда «Об управлении империей» 281
- Иллирийцы — племена, говорившие на диалектах иллирийского языка (входившего в древнеевропейскую или западноевропейскую группу) и расселившиеся в I тысячелетии до н. э. на широкой территории Центральной, Юго-Восточной и Южной Европы, в том числе на Балканах (где с ними связаны иллирийские слова в албанском) и в Италии (мессапы) 22, 27, 34, 45
- Индийцы 243
- Иранцы — носители иранских языков, делившиеся по языковому критерию на восточных (скифы, сарматы и др.) и западных (к последним принадлежали носители персидского языка) 24, 27, 35
- Италы, италики — жители Италии, говорящие на латинском или позднее, на романских языках, происшедших из народной латыни 281
- Иудеи — приверженцы иудаистической религии, иногда употреблялось как этнический термин, обозначавший евреев 248, 277, 278
- Кавары — возможно, испорченное вместо «вакары» — венгерское племя 299
- Каналиты, коновляне — южнославянские жители области к югу от Неретвы 182, 186, 187, 189, 256
- Кангар 298

- Кашубы — северо-лехитская, по-морская народность, обитающая в Северной Польше, близко родственны словинцам 146, 165
- Келкианы — племя в Иберии 281
- Кельты — группа индоевропейских племен, входившая в западноиндоевропейскую (или «древнеиндоевропейскую» группу) вместе с италийцами, палирийцами и германцами, кельты расселялись в первых веках н. э. на обширных территориях, вплоть до Балкан и Малой Азии (галаты) 22, 27, 35, 39
- Кессины 201
- Киниты — племя на Пиренейском полуострове 281
- Киприоты — жители о-ва Крит 311, 323
- Киргизы 81
- Коледичи (колодицы) — одно из племен в союзе полабских славян 98, 198, 200
- Корсь 114
- Кривичи (кривитенны, греч. κριβιτιται, κριβιτιζοι — по легенде, от имени мифологического предка Кривь, лит. Krivė — имя верховного жреца, ср. латыш. krīvi 'русские') — восточнославянское племя, обитавшее на западе восточнославянской области в непосредственном соседстве с балтийскими племенами; сходные племенные названия есть у южных (кривитса) и западных славян 25, 97, 99, 100, 104, 107, 119, 233, 256, 257, 272, 273
- Кутригуры — одно из крупных объединений протоболгар 60
- Куцо-влахи 81
- Лагуварды (лангобарды, лонгобарды) 282, 284, 285
- Латины 193, 194, 243
- Лендзяне (лендзанины, личики, вероятно, связано с этнонимом ляхи) — название западнославянских племен на Висле, в Сербии и на Руси, см. ляхи
- Летьгола 114
- Либь (любовь) 114, 242
- Лигии (лигурийцы) — индоевропейское племя, обитавшее на севере Италии 281
- Литва — в узком смысле область обитания литовских (преимущественно аукшайтских) племен, в широком — единство, охватывающее не только литовские (аукшайтские и жемайтские) племена, но и славянские земли (польские и белорусские) 242
- Литевцы 148
- Личики, см. лендзяне
- Лицикавики 182
- Монгобарды, лонгуварды, лонгиварды — германское племя, см. лагуварды
- Лужичане (лат. Lusici, Lunsizi) — первоначально часть лужицких племен к северу от мильчан, позднее — общее название мильчан (потомков которых стали именовать верхелужичанами) и лужичан (потомков которых стали называть нижнелужичанами), см. лузиции
- Лузиции, лужичане (лат. Lusici) 198, 199
- Лупиглаа 145
- Луситаны, лузитаны — племя на юго-западе Пиренейского полуострова 282
- Лучане — чешское племя, обитавшее к западу от чехов по течению средней Огри 110, 123, 124, 140, 142
- Лутичи, см. лютичи
- Лютичи, иначе велеты, вильцы (по-видимому, от табуистического наименования волка как 'лютого'; обозначение племен как волчьих широко известно во всех индоевропейских традициях и может отражать общееиндоевропейское наследие) — одно из главных объединений полабских славян, включавшее хыжинов 148, 152, 159, 203—206, 209
- Ляхи (по легенде от мифологического предка Lech, имя которого связывают либо с обозначением пригодной для земледелия целины *leđa, либо с *Lьst) — обозначение лехитских (польских) племен в целом 98, 117, 148, 149, 165, 182—185, 197, 242, 256, 257
- Маврофоры, букв. «одетые в черное» — арабы, поддерживавшие Аббасидов, черный цвет был официальным цветом этой династии 278
- Мадьяры, см. венгры
- Мазовшане — одно из древних польских лехитских племен 147, 148, 155, 159, 242, 258
- Мардаиты — племя неустановленного происхождения на Ближнем Востоке 278, 280, 315, 316
- Мастины — племя на Пиренейском полуострове 281

- Меря (от марийск. *meri* из индо-иранск. *meru-* 'человек') — обозначение приволжско-финских народностей, в настоящее время говорящих на горномарийском и луговом марийском языках 114, 242
- Милинги — славянское племя на Пеллопоннесе 313, 314
- Мильчане, мильцианиты (лат. *Milzani, Milzeni*) — одно из серболужицких племен, обитавшее на запад от Гвизды и Лабы в позднейшей Верхней Лужице 198, 199
- Мораване: 1. южнославянское племя, обитавшее на западе Балкан 253, 257
2. моравские племена — обитатели Моравии и областей далее к востоку — по Вагу, Нитре, Грону, часть из них — предки современных ганаков. Позднее моравские племена вошли в состав великоморавской этнической общности 83—86, 91—96, 116, 129—131, 141, 242, 256, 261, 263
- Мордва — финно-волжская народность, делящаяся на две основные группы (эрзя и мокша) 114, 115, 242
- Мурома — одно из тех финских племен, которые все вместе объединялись наименованием чудь 114, 115, 242
- Нарентаны (неретвяне) — южнославянское племя, обитавшее между бассейнами рек Цетинья и Неретва 186, 188, 190, 287, 292, 297
- Немцы (от **nem* 'не говорящий' **ne men*) — славянское обозначение чужестранцев, в том числе и германцев; слово широко представлено во всех группах славянских языков и проникло в неславянские языки Балкан 31, 133, 136—139, 142, 143, 196, 203, 209, 212, 265
- Нерома 242
- Нортабрезы, см. ободриты
- Ободриты — группа славянских племен, живших по р. Одер (Одра), см. также абодриты 26, 66, 83, 85, 88, 186, 201—210, 212, 254—257, 263
- Обры, см. авары
- Оногундуры (оногуры) — одно из крупных объединений протоболгар 60
- Ополяне — западнославянское племя 145
- Остроготы (остготы) — восточная группа готов 14, 18, 214
- Паганы, см. аренданы, нарентаны
- Пачинакиты, см. печенеги
- Певкины 11, 12, 15
- Пермь 114
- Персы 90, 281, 306
- Печенеги, тюркское племя, обитавшее в Северном Причерноморье 26, 65, 269—273, 297—301, 320
- Пиеры — племя на Пиренейском полуострове 281
- Полабы (полабяне) — западнославянское племя, близкое к группе лехитских племен 198, 210
- Половцы — тюркское племя, обитавшее в Приазовье и Северном Причерноморье 243
- Полочане 97, 100, 242
- Поляки — обширная группа лехитских племен 112, 116, 137, 138, 142, 148, 158—160, 163, 164, 197
- Поляне (от слав. 'поле'): 1. восточнославянское племя, вошедшее в ядро Древнерусского государства 20, 99—102, 107, 113, 115, 117, 118, 197, 242, 257, 260, 261
2. западнославянское лехитское племя 149—253
- Поморяне — группа севернолехитских племен, обитавших в Северной Польше; исторически поморяне были предками кашубов и словинцев 146, 148, 152, 155, 158, 159
- Праславяне 10, 222
- Преденеценты, см. абодриты
- Приссане (выжичане?) 146
- Протоболгары — носители тюркского (болгарского) языка, болгары 22, 50, 53—64, 66—70, 72, 74—81, 262
- Прусы — западнобалтийское племя 160, 161
- Пшоване — западнославянское племя, принадлежавшее к чешской группе 126
- Радимичи (производится от имени Радим, ср. польск. *Radom*; предполагаемая сокращенная форма слав. *Radimigъ*; по альтернативному объяснению связывается со скифским иран. *Radam* < **radama* 'первый' в скифских иранских именах) — восточнославянское племя, жившее северо-восточнее дреговичей, к югу от кривичей и к западу от вятичей 97, 99, 100, 104, 107, 110, 117, 119, 242

- Ратары, ротари (лат. Redari, Retharii, Retheri) — главное из лютичских (велетских) полабских племен с главным центром в Ретре 203, 212
- Римляне (греч. визант. Ῥωμαῖοι) — первоначально жители Рима, Италии, затем также романское население провинций Римской империи (романцы) 16, 40, 62, 68, 69, 248, 281, 282, 287, 290, 294, 296, 297
- Ринхины — славянское племя, обитавшее к востоку от Фессалоники 26
- Роксаланы — иранское племя Северного Причерноморья 12
- Романцы (восточные) — носители языка и диалектов, развившихся из народной латыни на территории бывших восточных провинций Римской империи 34, 36, 44, 49, 77, 79, 141, 170, 199, 242
- Ромей — обычное наименование православных подданных Византийской империи 17, 62, 64, 269, 270, 273, 275, 277, 278, 280, 282, 284—296, 299, 301—306, 311, 312, 314, 315
- Росы, русы (нем. Ruzzi, Reuzzeni) — русские, жители Древней Руси. Предлагались славянская, германо-скандинавская и ряд других этимологий для этого этникона, ставшего этнонимом древнерусской народности, см. русские
- Русские 4, 33, 102—106, 108, 111, 112, 114—120, 161, 238, 242, 260, 270—274, 301
- Русь, см. русские, а также Древняя Русь, Древнерусское государство
- Саварты-асфалы 298
- Сагудаты — племя на Балканском полуострове, традиционно считавшееся славянским, однако в последние годы это мнение поставлено в литературе под сомнение 27, 256
- Саксы — одно из северо-западногерманских племен 130, 138, 141, 142, 166, 206
- Сарацины, имеются в виду арабы, см. также агаряне 276, 280, 283, 287, 288, 302, 307, 308, 311, 312, 315
- Сарматы — одно из восточноиранских (по языку) племен, издревле входивших в скифо-сарматские племенные объединения в Северном Причерноморье 11
- Северии — см. северяне
- Северы — славянское племя, жившее у северных склонов восточных отрогов Балканского хребта 23, 54, 63, 76, 189, 273
- Северяне (от др.-рус. СѢВЕРЪ 'север' — восточнославянское племя, обитавшее по Десне, Семи и Суле севернее других племен 20, 25, 99, 102, 104, 107, 110, 119, 242, 256, 260
- Сербо-лужицане 204
- Сербы — название южнославянской этнической группы, близко родственной хорватам и другим племенам из западнославянского этноса (лужицким сербам или сорбам, сорабам) 33, 170, 174, 179—188, 190—193, 238, 242, 243, 256, 257, 261, 287, 288, 292—297
- балканские 183
- белые 182
- лужицкие 183
- полабские 183
- Сирийцы 243
- Сиуслы 198
- Скиры 12, 23, 302
- Скифы — восточноиранское племя (или племенной союз), начиная с рубежа II—I тысячелетия до н. э. обитавшее в Сев. Причерноморье, куда скифы (вместе с другими восточноиранскими и многими другими западноевропейскими племенами) переселились из Центральной Азии. Позднее скифы проникли на Кавказ, где живым продолжением одного из скифских диалектов остается осетинский язык 12, 23, 302
- Склавены, склавины, сфлавины, склави (т. е. славяне) 11, 14, 17, 18, 22—25, 27—29, 34, 51
- Слависпаны 314
- Славяне (греч. Σκλαβηνοί, Σκλάβοι, лат. Sclaveni, Sclavi; — этимология остается спорной, имя связывается либо со слав.* svoj 'принадлежащий своему народу'; suob- 'свободный', либо с названием слова «славы», второе, видимо, является позднейшей народной этимологией) — общее название всех славян, известное у Птолемея, Иордана и других авторов; позднее перешло и на отдельные группы 3, 4—7, 10—15 passim, 272, 273, 286—291, 298, 312—314
- восточные 24, 30, 75, 81, 83, 97, 98, 100—117, 119, 165
- западные 165, 166, 211, 249

- мизийские 184
 новгородско-ильменские 99
 паннонские 4
 полабские 6, 11, 28—30, 85, 86, 95, 159, 195—201, 203, 204, 207, 208, 211, 263
 приильменские 101
 солунские 238, 255, 263, 326
 южные 33, 75, 80, 180, 193, 195, 235, 326
- Слензяне (от реки Slez, современное Lohe и горы Slcz, современное Sobótne, исторически связано с именем германского племени силинтов) — лехитское племя, сплывшее на юго-западе лехитской области, на верхней Одре 145, 146, 150
- Словаки — обитатели Словакии 4, 96, 263
- Словене (славяне) 23, 27, 31, 33, 75, 80, 81, 91, 92, 100, 104, 107, 108, 114, 115, 211, 212, 230, 242
- Словенцы — жители Словении, иначе хорутане, карантанские племена 4, 83, 84, 174, 242
- Словинцы — севернолехитское племя, жившее на берегу Балтийского моря 230
- Смолены (смоляне) — славянское племя, жившее на Балканах между реками Места и Стримон в их нижнем течении 21, 51, 65, 189
- Соробы, см. сорбы
- Сорбы — одна из главных групп полабских славян, согласно преданию — одно из древнейших наименований славян вообще 28, 29, 83, 85, 88, 98, 121, 122, 186, 188, 198—201, 203, 205, 206, 211, 255, 263
- Споры (греч. Σπόροι) — встречающееся у Прокопия обозначение славянских племен или племен, отождествлявшихся (возможно, ошибочно) с частью славян 25
- Ставаны (греч. Σταβανοί) — встречающееся у Птолемея обозначение племен, соседивших с галиндами, судинами и аланами; некоторыми исследователями предположительно отождествлялось с испорченной формой наименования славян, контактировавших с балтийскими и иранскими племенами 23
- Стодоряне 201, 203
- Стримонцы — славяне; обитавшие в VII—IX вв. по р. Стримон 51, 253, 256, 257
- Судины, судавы (греч. Σουδινοί) — балтское племя, по языку относящееся к западнобалтской группе 23
- Суобены — по-видимому, вариант одного из древних названий славян 23
- Тартисии — племя на Пиренейском полуострове 281
- Тервунноты (требинцы) — жители сербского княжества Тервуннии (Требинья) 186, 187, 189, 191, 287, 288, 296
- Тиверцы 97, 256
- Тимочане — славянское племя, жившее на р. Тимок 51, 66, 174, 186, 257
- Толлензы (доленцы) 201
- Турки — здесь венгры 270—274, 284, 291, 294, 295, 297—301, 318
- Тюрки — обширная группа азиатских и восточноевропейских племен 60, 67
- Угра (угры), см. финны
- Угро-финны 115
- Узы — племена Сев. Причерноморья, обычно считающиеся тюркскими 273, 297, 298
- Украинцы — жители Украины, исторически входившей в состав Древней Руси (Красной, или Малой, Руси, т. е. Южной Руси, по средневековой терминологии), обособившиеся в отдельную народность по мере исторического развития этой области в XIII—XIV вв. 4
- Уличи (уличи, предполагаемая тюркская этимология: тюрк.* učiŋŋŋ восточнославянское племя, отождествляемое иногда с тиверцами 97, 98, 298
- Ультины, см. уличи
- Фенны, см. финны
- Финны — в широком смысле — все финские племена, говорящие на разных (прибалтийско-, волжско- и др.) финских языках, в более узком смысле — носители финского языка, обитающие в Финляндии 11, 15
- Финно-угры 27
- Фракийцы — индоевропейское племя на Балканском полуострове 22, 27, 34, 35, 42, 45, 47, 49, 76
- Франки — германское племя 26, 95, 122, 127, 186, 196, 199, 209, 275, 282, 285, 286, 291, 292, 300

Хазары — жители Хазарии, Хазарского каганата, по языку — тюрки 53, 54, 59, 79, 101, 167—173, 175—180, 185, 186, 191, 193, 238, 256, 257, 261, 273, 274, 297—299, 301

Хижане, хыжины (Chizzini, Kysini) — одно из полабских лютичских племен 201

Хорваты (имя, по-видимому, иранского происхождения, ср. авест. *haugvaiti* стережет) — наименование одной из больших групп южнославянского населения Западных Балкан, а также восточнославянского племени близ Перемышля 33, 53, 54, 59, 79, 97, 115, 121, 122, 126, 140, 147, 167—173, 175—180, 185, 186, 191, 193, 238, 256, 257, 261, 273, 287, 288, 291—294, 296, 300

Хорутане (лат. *Sclavi Carantani* карантаны, карантанцы) — общее наименование словенских племен (полян, стодоран, дуд/д/лебов, с/и/услов) (словенцы) 83, 84

Цирципаны (черезпеняне) 201

Черемис[ы] — славянское название горных и луговых марийцев [меря] 115, 242

Чехи (от *Čech* мифологическое имя прадеда чехов, возводимого иногда к обозначению 'сына' др.-чеш. *čad*, иногда к основе

сысть есть и другие этимологии) — важнейшее из древних чешских племен, занимавшее центральные области Чехии, к другим чешским племенам относились лучане (см.), седличане, лютомеричи, хорваты, зличане 112, 123—126, 128—142, 156, 159, 161, 242, 256, 257, 261

Чудь — древнерусское обозначение финских (прибалтийско-финских и волжско-финских) племен, занимавших северную часть Восточной Европы; предлагается германская этимология этого наименования 101, 114, 118, 242, 265

Швабы — западногерманское племя в Швабии 138, 142

Эзериты — славянское племя на Пелопоннесе 313, 314

Элевсинии — греческое наименование одного из племен на Пиренейском полуострове 281

Эллины — в византийское время под этим термином обычно имели в виду античных греков или вообще язычников 281, 282, 314

Энетики, см. венетики

Эстонцы — балтийско-финский народ 11

Языги (языги) — одно из сарматских племен 12

Ямь — см. Емь 114

Ятвяги — балтское племя 114

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абаев В. И. 45, 46, 236
 Абернати Р. 234
 Абрамович Д. И. 118, 120
 Авария 57
 Аварский каганат 53, 56, 67, 168, 171, 179, 184, 195, 255
 Авдусин Д. А. 30
 Авенариус А. 75—77, 79
 Авитохол, болг. хан 59
 Авксентьева А. Г. 232
 Аврам А. 235
 Авраам 119
 Агафий Миринейский 13
 Адальрам, архиеп. 84
 Адальберт св. 212
 Адам 90
 Адам Бременский 142, 197, 205, 211
 Адриатика 37, 40, 51, 184, 186
 Адриатическое море 160, 184
 Адриатическое побережье 36, 40, 71, 187, 189
 Азия Центр. 215
 Азовское море (см. также Меотида) 12
 Айналов Д. В. 248
 Аквилея 160
 Албания 36, 81
 Александрия 114
 Алексова Б. 75, 81
 Алемания 84
 Алессио 48
 Алешковский М. Х. 119
 Альпы Верхние 224
 «Скалистые» 13 (см. также Карпаты)
 Альфред Великий 147, 193, 203
 Аммиан Марцеллин 15, 32
 Анастасий Библиотекарь 23, 57, 76
 Ангелов Д. 72, 75, 77, 78, 80—82, 95
 Андреев И. 78
 Андреев М. 79
 Андроник, епископ 93
 Аноним Ватиканский 61
 Аноним Венгерский 93
 Антоляк Ст. 31, 79, 179—181
 Арба, о. Раб 169
 Ардагаст 26, 27, 253
 Арентания 182, 184, 186
 Арпады, династия 176
 Артамонов М. И. 77, 79
 Артемий 64
 Арциховский А. В. 248
 Аспалаф (см. Сплит) 169
 Аспарух, болг. хан 51, 53—55, 58—60, 64, 74, 80
 Аттила 59
 Аулих В. В. 30
 Афанасий Александрийский 73, 82
 Афет (Иафет) 114, 119
 Бабич Б. 78
 Бавария (Багивария) 84, 159, 160, 169
 Баварский географ 66, 76, 80, 84, 97, 98, 145—149, 165, 203, 206
 Багивария, см. Бавария
 Балатон, оз. 14
 Балканский п-ов 21, 25, 30, 32, 34—44, 47, 50, 52, 53, 56, 60, 61, 68, 69, 71, 75, 76, 78, 79, 82, 121, 167—173, 182—185, 187—189, 224, 230, 254, 261
 Балканский хребет, Балканы 51, 53—54, 262
 Балтийское море 12—14, 16, 27, 201
 Банашевич Н. 194
 Бертоли М. 47
 Бекри, ал-Бекри 212
 Белград 30, 51
 Белый Элстер 196
 Беляев Д. Ф. 239
 Бенедикти Р. 32
 Берзития 29, 51, 65
 Бернард Клервосский 166
 Бетлингк О. 233
 Бешевлиев В. 22, 31, 33, 45, 47, 75, 77, 79, 80, 81
 Бжетислав 128, 130, 137, 142, 146, 161
 Бидуэлл Е. Е. 234
 Бирнбаум Х. 225, 232, 233, 235, 236
 Битоль, г. 64
 Бишофф Б. 84, 96
 Богемия (см. также Чехия) 83, 116, 140—143
 Божиллов И. 79
 Боз, Бож 15, 19, 30
 Бока Которская 187
 Болгария 31, 51, 57, 58, 61—66, 69—73, 75—77, 81, 84, 93, 262, 265
 Великая 53, 55, 57, 58

- Болгарское государство 49, 50, 54, 70, 73, 75, 76, 78—80
 Болеслав Храбрый 128, 130, 137, 153, 154, 156, 157, 159—161, 163
 Болеслав III 128
 Болеслав Кривоустый 157—159, 161, 162
 Борживой 131, 141
 Борис, Борис-Михаил 66, 70, 71, 73, 78, 81, 238, 244
 Борис, св. 110, 112, 118
 Борковский В. И. 248
 Борна 173, 174
 Босенгерц 178
 Босния 181, 183, 187, 191, 192
 Бранкачек И. 211
 Братанич Б. 235
 Брахман Г. 211
 Бретань 21
 Бромлей Ю. В. 74, 143, 165—167, 179, 180, 194
 Брук С. И. 74
 Бручке В. 212
 Брюкнер А. 150, 166, 212
 Буг, р. 97, 165
 Южный 13
 Западный 16
 Будзинский А. 47
 Буковина 222
 Булин Г. 84, 96, 165, 211
 Булуния (Полония, Польша) 153
 Бурмов А. 75
 Бытовский округ 146
- Вайтман М. 31
 Вайян А. 82, 238, 246
 Ваклинов Ст. 75, 77, 79, 81
 Ваня З. 143
 Варда 178
 Варна, город 54, 57
 Варна, река 206
 Варнава, р. 201
 Вартбург В. 47
 Василев Р. 80
 Василий I, император 188, 247
 Вацлав, св. 126, 128, 135, 136, 140—142, 261
 Вейганд Г. 37, 45
 Векла, о-в (см. Крк) 169
 Велебит, горы 173
 Велиград 209
 Великая Моравия, Великоморавское государство 73, 85—89, 91—95, 122, 129, 130, 146—148, 262—265
 Великопольша 145, 152, 153, 261
 Великопольская провинция 155
 Велков В. 76, 79
 Венгрия (см. Туркия) 130, 149, 159, 160, 170, 182
 Венгерское феодальное государство 94
- Венедский залив 12
 Венеция 160, 176
 Венкус Р. 122, 143
 Веретава, ущелье 54, 57
 Вест М. Л. 236
 Вечерка Р. 142
 Виггер Ф. 212
 Видаевич И. 211, 212
 Видеман А. 248
 Видукинд Корвейский 141, 143, 150, 166, 197, 203, 209
 Византий (см. Константинополь)
 Византия, Византийская Империя 4, 6, 17, 18, 20, 21, 27, 30—32, 49, 53, 55, 58, 62, 63, 65, 75, 76, 79—81, 91, 168, 171, 172, 179, 184, 191, 192, 194, 253, 254, 258
 Вилчан, князь ободритов, 206
 Винитар (Витимар) 15
 Винцентий Кадлубек 151, 161
 Висла, Вискла, Вистула 10—14, 16, 22, 23, 51, 97, 144, 148, 159, 164, 167, 183, 184, 250
 Вислеланд (страна вислян) 148
 Вит, св. 127
 Витимар (см. Винитар)
 Владимир (зетск. князь) 190, 191, 193
 Владимир Мономах 110, 118
 Владимир Святославич, князь, 106—110, 112, 118, 238, 245
 Владислав, племянник Борны (см.) 173, 174
 Влтава, р. 123
 Влоцлавек 154
 Воики 182
 Воислав Диоклейский 191
 Войнов М. 76, 77
 Войтех, св., еписк. Пражск. 126, 129, 141, 142, 156, 161, 261
 Волга 97
 Волинь 26, 97
 Восточно-Римская Империя (см. Византийская Империя)
 Восточно-Европейская равнина 25
 Восточно-Франкское королевство 89
 Вострь (Осетр), река 107
 Вратислав, князь 161
 Вручий (см. Овруч) 106
 Вуга 170
 Выжарова Ж. 75—81
 Высоцкий С. А. 247, 248
 Вышеградский каноник 133, 135, 136, 139
 Вышгород, Вышеград 109, 139,
 Вятка 97, 100
 Вячеслав, св. 96
- Гавацци М. 235
 Гавлик Л. 241
 Галабов С. 76

- Галиция Восточная 167
 Галл Аноним 138, 146, 147, 149, 151—153, 155, 157—161, 163—166
 Гамкрелидзе Т. В. 236
 Гастер 240
 Гацка р. 173
 Гельмольд, хронист 197
 Гензель В. 30, 165, 166
 Генрих II 128, 141, 142
 Генрих IV 162
 Георгий Амартол 243, 244
 Георгий Писида 61
 Георгиев Вл. И. 33, 39, 43, 45, 48
 Георгиев Е. 82, 238
 Георгиева И. 74
 Герман И. 30
 Германарих 15
 Германия 11
 Германское королевство 170, 189
 Германское государство 11
 Германское море 12
 Геров Б. 47
 Геровский Г. И. 235
 Герцеговина 181, 182
 Геч, г. 154
 Гизульф 185
 Гиндин Л. А. 45, 46
 Глеб, св. 110, 112, 118
 Глускина С. М. 232
 Гнезно 137, 149, 150, 154, 156, 160
 Гнезненское княжество (государство) 152, 154
 Годемир 178
 Голаб 29
 Голштиния Восточная 206, 208
 Гомбоч З. 80
 Гомолка Г. 76
 Гопло 149
 Горак Б. 211
 Горак Ф. 165
 Гошев И. 247
 Граус Ф. 241
 Графенауэр С. 30, 77, 80, 179, 180, 193—195
 Грачев В. П. 31, 194
 Греция 75
 Южная 234
 Гривец Ф. 247
 Григорий Великий 140, 248
 Григорий VII, папа 153, 245
 Григориу-Иоанниду М. 78
 Гродецкий Р. 166
 Грубы В. 95
 Груньский 240
 Гумпольд 127
 Гюзелев В. 75—81

 Даврита (Добрент) 29, 52
 Дакия 12, 13, 15, 18, 28, 40, 41, 148
 Далимил 239
 Далмация 160, 168—170, 173, 177, 181, 186, 188, 192, 246
 Византийская 169, 176
 Южная 187
 Данапр (см. Днепр)
 Данастр (см. Днестр)
 Даниил 112
 Дания 159, 160
 Данчев Б. 76
 Даркун, г. 209
 Двина 97, 100
 Дворецкий И. Х. 235
 Деанович М. 47
 Девин 86, 88
 Декан Й. 96
 Декатера (Котор) 169, 187
 «Деревьская земля» 105, 106
 Державин Н. С. 194
 Держислав 178
 Десна 16, 97, 107
 Десницкая А. В. 43, 48
 Дессау 196
 Детмар, епископ 139
 Дечев Д. 37, 45, 76
 Дженкинз Р. 31
 Джонов Б. 82
 Диадора (Задар) 169
 Димитрий, св. 26, 27, 30, 64, 67, 77—79, 81
 Димитров Д. 77, 79, 80
 Диников П. 81
 Диоклея (Дукля, Зета) 182, 186, 187, 189—191
 Диттен Х. 30, 33, 75, 77—79, 179, 193, 194
 Длугош Я. 239
 Днепр (Данапр) 14, 51, 97, 99, 100, 214, 222, 250
 Средний 10, 119
 Днестр (Данастр) 13—15, 51, 53, 54
 Добенин 135
 Добиаш Й. 140
 Добрев Ив. 31
 Добрент (см. Даврита)
 Добруджа 51, 55—57
 Долобко М. Г. 218, 236
 Дон 15
 Донец (Северский) 99
 Дончева-Петкова Л. 77
 Доростол 56
 Достал Б. 95
 Драгойлович Д. 30
 Драгомир 69
 Драгувития 29, 51
 Дражко, князь 206
 Драчук В. С. 238, 246
 Древнепольское государство 146, 152, 153, 159, 164
 Древнерусское государство 21, 104—109, 111, 117, 119, 120
 Древнехорватское государство 175

- Древнечешское государство 94, 122, 129, 130, 132, 138, 148
 Дринов М. 77
 Дубровник, Рагуза, Раусий 169, 178
 Дуйчев И. 30, 76—82
 Дукля, см. Диоклея
 Дуклянин, поп 194
 Дуклянское (Зетское) государство 177, 191, 192
 Дуло 59
 Дунай 12, 13, 17, 18, 26, 27, 47, 51—54, 57, 59, 66, 74—76, 79, 81, 83, 97, 101, 114, 115, 117, 144, 165, 175, 186, 190, 211, 253, 254
 Левобережный 17—20, 28, 56, 65, 66, 255
 Нижний 17, 30, 78
 Средний 16, 17
 Дурново Н. Н. 235, 247
 Евразия 79
 Европа 1, 10, 12, 15—17, 56, 59, 93, 138, 143, 264
 Восточная 4, 11, 13, 15, 16, 21, 24, 27, 30, 215, 250, 255
 Центральная 4, 16, 21, 27, 29, 45, 75, 77, 79, 84, 139, 250
 Юго-Восточная 3, 4, 16, 27, 31, 45, 168, 172, 186, 215, 250
 Евсевий Кесарийский 244
 Енравота 70
 Епифаний Кипрский 244
 Есперих, см. Аспарух
 Жива, божество полабян, 210
 Живкович Д. 193
 Жирмунский В. М. 219, 232, 236
 Задар, см. Диадора
 Заимов Й. 33, 76
 Зайанчковский С. 165
 Зайцев А. К. 118, 120
 Закопанье 222
 Зализняк А. А. 217, 232, 233, 235
 Западнопоморское княжество 146
 Западно-Тюркский каганат 53
 Западно-Франкское королевство 88
 Застерова Б. 30, 75, 76, 172
 Захумье 184—187, 190
 Збигнев 159
 Звиница 70
 Зеленин Д. К. 226, 236
 Земузил, князь, 146
 Земцовский И. 236
 Зета, см. Диоклея
 Зетское княжество 190
 Зимин А. А. 120, 142
 Зобор, гора 93
 Зубаты Й. 233
 Иаков Мних 109, 110
 Иафет, см. Афет
 Ибрагим ибн Якуб 147, 154, 212
 Иванов В. В. 29, 31—33, 78, 140, 232—235
 Иванов Й. 33, 82
 Иванова О. В. 30
 Иванова Т. А. 238, 247
 Иванчев Св. 31
 Ивич П. 230, 235
 Игорь, князь 105, 106
 Израиль 134
 Иисус Христос 175, 248
 Иларион, митрополит, 109, 111, 112, 118, 260
 Иллирик, Илюрик 17, 92, 139, 170, 175
 Иллирия 40
 Илмерь, см. Ильмень
 Ильинский Г. А. 249
 Ильмень, Илмерь, оз. 97
 Ильязов С. 81
 Илюрик, см. Иллирик
 Иоанн, св. 248
 Иоанн XIII, папа 139
 Иоанн VIII, папа 86, 95
 Иоанн Канапарий 153
 Иоанн Схоластик 95
 Иоанн Скилица 191
 Иоанн Эфесский 13
 Иордан, историк, 11, 13—15, 18, 19, 22, 25, 29, 30, 32, 237
 Ираклий I, виз. имп. 170, 172, 182, 185, 247
 Иречек К. 185, 194, 195
 Исаевич Я. Д. 165, 166, 193
 Исая, пророк, 73
 Исаченко А. 46
 Исидор Севильский 143
 Искоростень 106
 Испор, см. Аспарух
 Истрин В. А. 238
 Истрия 160, 173
 Италия 160, 175, 177, 192
 Северная 53
 Центральная 53
 Южная 40, 184
 Йованович Л. 180
 Йокль Н. 46
 Йончев Л. 81
 Йорданов И. 81
 Кавказ 24
 Казимир Восстановитель 159
 Калужская И. А. 45, 48
 Кальман (Коломан) 176
 Канали (Конавли) 182, 187
 Карантания 174
 Каринтия 160
 Карл Великий 59, 202

- Карл Толстый 207
 Каролинги 84
 Каролингв Империя 83, 84, 88, 122, 186
 Каролюс-Барре Т. 81
 Карнатские горы, Карпаты 12—14, 16, 34, 182, 187, 222
 Кашубия 146
 Кекавмен 71, 81, 191, 194, 195
 Керамисийское поле 64
 Киев 51, 101, 104, 105, 107—109, 117—119, 139, 222, 260
 Киевская земля 120
 Кий 101, 113, 260
 Кипарский В. Р. 232, 238, 246, 247
 Кирилл, см. Константин-Кирилл Философ
 Клаич Н. 175, 179, 180, 194
 Кленикова Г. П. 48
 Климент Охридский 73, 75, 81, 246
 Клука 170
 Ковачевич Й. 179, 180
 Ковальский Т. 212
 Коев Й. 75, 81
 Козлов В. И. 74
 Козьма Пражский 93, 116, 123, 130—142, 146, 161, 163, 166, 245, 249
 Колева Т. 76
 Коледаров П. 52, 76, 78, 79
 Колесов В. В. 235
 Коллауц А. 77
 Коловр 69
 Коломан, см. Кальман
 Колчин Б. А. 30
 Комша М. 30, 32, 75, 78
 Конавли, см. Канали
 Кононов А. Н. 80
 Константин I, виз. имп. 59
 Константин IV, виз. имп. 54
 Константин Багрянородный (Порфирогенет) 21, 93, 104, 105, 120, 121, 148, 167—172, 175, 178—183, 185—189, 193, 233, 247
 Константин Преславский 73, 91
 Константин-Кирилл Философ 31, 33, 73, 86, 89, 90—93, 95, 96, 116, 139, 221, 237—239, 244, 247, 265
 Константин, ученик Мефодия 248
 Константинов Н. А. 238, 246
 Константинополь, Византий, Царьград 17, 26, 59, 69, 101, 103, 104, 172
 Королюк В. Д. 16, 27, 29, 30, 32, 78, 141, 165, 166, 242, 249
 Кос М. 96
 Косендзис 170
 Котор, см. Декатера
 Кочи Л. 211
 Кошмейдер Е. 235
 Крак 150
 Краков 137, 150
 Краковская провинция 155
 Кралик О. 96, 141
 Краснова Ю. А. 32
 Крешимир Великий 178—180
 Крешимир IV, см. Петр Крешимир
 Кржеменьска Б. 141—143
 Крив 257
 Кристиан 129, 131
 Крк, о-в, см. Векла
 Крок 123
 Крум, болг. хан 58, 65, 66, 69, 78, 81
 Крушвица 149
 Крюгер Б. 211
 Кубрат 77
 Кувер 64, 67, 78
 Куев К. К. 82, 249
 Куза А. В. 118
 Кучера М. 93, 95, 96, 119
 Кучма В. В. 30, 75
 Куявия 149, 153, 165
 Куявская провинция 155
 Кэпштейн Х. 31

 Лаба, см. Эльба
 Лабуда Г. 165, 166, 212
 Лавров П. А. 247, 249
 Ламберт Герсфельдский 142
 Лант Г. Г. 238
 Ласло 160
 Лев, отец Кирилла и Мефодия 92
 Лев VI, виз. имп. 57, 61, 187
 Лев Диакон 77, 80
 Ленчицко-Серадзская провинция 155
 Лер-Сплавиньский Т. 22, 33, 212, 213, 219, 235, 247
 Лестько 149, 150
 Лешко 150
 Либурния 173
 Либуша 123, 136
 Лики, обл. 173
 Литаврин Г. Г. 32, 74, 75, 76, 80, 81, 120, 191, 194, 195
 Лиутпранд, епископ Кремонский 65, 80
 Лихачев Д. С. 96, 120
 Ловел 170
 Ловмянский Г. 14, 18, 19, 22, 29, 30, 32, 33, 76, 85, 86, 95, 96, 102, 119, 120, 140, 148, 150, 151, 165, 208, 210, 211
 Лотарь, имп. 135
 Лунт Х. Г. 246
 Луцк 110
 Львов А. С. 119, 238
 Лэмбургский округ 146
 Люблинско-Сандомирская земля 148
 Любляна 14
 Людвиговский Й. 141
 Людевит Посавский 174, 185, 286

- Людмила, св. 96, 121, 126
 Людовик I 173
 Людовик III 207
 Людовик Благочестивый 62, 66, 83, 101
 Людовик Немецкий 85, 86, 206
 Ляпушкин И. И. 30
 Лях 257
- Мавр 64
 Маврикий 18, 19, 30, 31, 32, 61, 75
 Мадара 81
 Мазовецкая провинция 155
 Мазовия 147, 152, 153, 155
 Майрофер А. 234
 Македония 27, 28, 31, 51, 54, 55, 64, 65, 75, 78, 79, 81, 82, 254
 Средняя 26
 Южная 26, 64, 71
 Мал, древл. князь 105
 Малечинский К. 164
 Малингудис Ф. 31
 Маломир 70
 Мареш Е. 235, 240, 249
 Марин Тирский 12
 Маринов В. 81
 Марк, ученик Климента Охридского 173
 Маркс К. 166, 212
 Мартин, св. 178
 Марьянович-Вуйович Г. 30, 78
 Маслав (Мецлав) 155
 ал-Масуди 146
 Матвей, епископ 161, 166
 Матееску К. Н. 81
 Медынцева А. А. 247, 248
 Мезамир 29
 Мёзия 29, 41
 Мейе А. 218, 219
 Мелих Й. 166
 Менаандр 13, 18, 19, 31, 52, 56, 60
 Меньск, см. Минск
 Мекленбург 233, Зап. 208
 Меотида, см. Азовское море
 Мерзбург 146
 Мефодий 73, 86, 89—93, 95, 96, 116, 129, 131, 139, 141, 147, 221, 237, 239, 244, 247, 248, 265
 Мецлав, см. Маслав
 Мешко I 137, 149, 150, 151, 153
 Мешко II 163
 Мешко III 160
 Миклошич Ф. 46
 Микульчицы 87
 Микушек Е. 142
 Милевский Т. 236
 Милчев А. 76
 Мильденица р. 206
 Минорский В. 118, 120
 Минск, Меньск 110
 Мирослав 178
- Мисия 51—57, 64, 76, 79
 Мислав 174, 175
 Михаил Авданец 157
 Михаил Сириец 55, 56, 77
 Михаил II, виз. имп. 62
 Михаил III 244
 Михайлов Ст. 77
 Михайлович В. 46
 Михэеску Х. 76, 78
 Младенов С. 48
 Можяева И. Е. 246
 Моймир I 83—86
 Моймир II 92
 Момсен Т. 47
 Моравия 83, 84, 97
 Моравия (см. также Великая Моравия) 85, 92, 89, 93, 96, 130, 131, 143, 147, 148, 224
 Моравчик Д. 31, 120
 Мосигкау 196
 Москаленко А. Е. 180
 Мурсианское озеро 14, 32
 Мусокый 26—28, 30, 253
 Мухло 170
 Мюллер К. 32
 Мюльда 196
- Накло 159
 Нарента, см. Неретва
 Насонов А. Н. 102, 104, 107, 113, 114, 117—120
 Наум Охридский 73
 Наумов Е. П. 193, 194
 Неделькович О. 249
 Нейсе 196, 211
 Немет Ю. К. 80
 Немецкое государство 199, 203, 204, 209
 Неретва, Нарента, р. 187, 189
 Нестор 98, 99, 112—117, 119, 138, 139, 239, 241, 243, 264
 Неустерлиц 201
 Нидерле Л. 76
 Никитин С. А. 75
 Никифор, патриарх 57, 61, 63, 69, 76
 Никифор I, виз. имп. 65, 67
 Николай, папа 67, 70
 Николай Мистик 59
 Никольский Н. К. 113, 120, 142
 Нин 174, 176
 Нитра 83—85, 93
 Нитранское княжество 84
 Новакович Р. 193
 Новгород 30, 97, 100, 222
 Нови Р. 141, 143
 Новиетун, Новиодун 14
 Новосельцев А. П. 32, 102, 119
 Новотни В. 134, 140, 143
 Ноков, князь 209
 Норик 40

- Обрейски И. 249
 Одер, Одра 30, 51, 144, 159, 164, 167, 195—197, 201, 206, 208, 211, 250, 258
 Одеро-Висленский ареал 10
 Один 150
 Одра, см. Одер
 Овруч, Вручий 106
 Ока 97
 Олдржих 129, 130
 Олег 103, 104
 Ольга 105, 106, 110, 112
 Омуртаг, хан 22, 58, 65, 66, 70, 81
 Ополье 165
 Опсаре, см. Црес
 Орел В. Э. 45, 47
 Орозий 147, 203
 Острогорский Г. А. 31, 179, 181, 193, 194
 Оттон, чешск. князь 131
 Оттон III 162
 Оттон Бамбергский 146, 159, 210
 Охрид 31
- Павел, апостол 92, 93, 116
 Павел Диакон 147, 184
 Пагания 182, 184—187
 Паннония 10, 17, 40, 53, 67, 89, 170, 176, 238
 Нижняя 174
 Паннонское княжество 174
 Паннонско-хорватское княжество 174
 Панов Б. 31
 Пассау 84
 Пашуто В. Т. 32
 Певке о-в 12
 Пекар 143
 Пелопоннес 28, 71, 78, 254
 Первое Болгарское царство 23, 71, 75, 186
 Перемышльская земля 148
 Перун 108
 Петр, архиепископ, 175
 Петр Крешимир IV 178
 Петров П. 77, 81
 Плейса 196, 200
 Плена 209
 Плиний Старший 10, 11, 14, 22, 24, 32, 237
 Плиска 56, 57, 63, 67, 77, 80, 81
 Плоцк 150
 Повисленье 17, 152
 Верхнее 147, 149
 Погацник Й. 235
 Погирец К. 46
 Поволжье 56
 Поднепровье Среднее 13, 16, 101, 103, 109, 112
 Поднестровье Верхнее 13
 Северное 17
- Подунавье 32, 51, 78
 Нижнее 12
 Познань 154
 Помпоний Мела 24, 33
 Понтийское море см. Черное море
 Полесье 10, 27, 190, 242
 Полония, см. Польша
 Полота, р. 97, 100
 Полоцкая земля 107
 Польское государство 145, 154, 155, 157, 164
 Польша, Полония, Булуния 83, 116, 137, 140, 144, 145, 150, 151, 153—156, 158—164, 166, 238, 258, 265
 Полянское княжество 153
 Поморье 146, 152, 153, 155, 156, 159—161
 Восточное 146
 Западное 146, 156
 Попель 149
 Попеску Е. 76
 Попович И. 46
 Порг 171, 172, 178
 Поулик Й. 95
 Прага 130, 131, 137, 143
 Преда С. 75
 Предкавказье 24, 53
 Преслав 57, 67, 79, 81, 240
 Прибина 83, 84, 178
 Приазовье 53, 56, 58, 253
 Приде Х. 81
 Приднестровье 17, 51
 Среднее 118
 Прикарпатье Восточное 17
 Прилеп 64
 Примов Б. 77, 80
 Припять 16, 97
 Приуралье 56
 Причерноморье 254
 Северное 15, 102, 215
 Северо-Западное 53
 Прова, божество 210
 Прокопий Кесарийский 13, 17—19, 23, 25, 31, 52, 34, 77, 195, 211, 237
 Пруссия 159
 Прут 53, 54
 Прутско-Днестровское междуречье 77, 79
 Псевдо-Кесарий 13, 30
 Псевдо-Феодосий 244
 Псков 100
 Псковское озеро 214
 Птоломей Клавдий 12—14, 22, 23, 29, 237
 Пудич И. 47
 Пшемьсл 123, 124, 136, 134, 137, 261
 Пшемьсловцы 87, 93, 124, 125, 126, 130, 141
 Пшов 121
 Пяст 149, 151
 Пясты, династия 149, 163

- Раб, Арба, о-в 169
 Равдина Т. В. 119
 Рагуза, см. Дубровник
 Радим 97, 100, 141
 Радогощ 204, 205, 210
 Радомерски 143
 Радуальд 184
 Растиц 244
 Раусий, см. Дубровник
 Рачки Ф. 179
 Регинхар 84
 Репка 149
 Рерик, см. Велиград
 Рим 14, 40, 114, 142, 172, 175
 Ринеш 143
 Рица А. 45
 Рогов А. И. 142, 242, 247
 Розвадовский И. 46
 Розетти А. 47
 Розов Н. Н. 118, 120
 Ростислав 86, 88, 91
 Ростово-Суздальская земля 107
 Руевит 150
 Рузу 79
 Румыния 75, 78
 Восточная 224
 Русанова И. П. 30, 118
 Русинов Н. Д. 234
 Русь 100, 106, 108, 110—112, 114,
 115, 119, 149, 159, 161, 166, 242,
 245, 248, 258, 265
 Древняя 20, 30, 32, 95, 97, 117, 119
 Киевская 143
 Южная 75
 Рыбаков Б. А. 29, 32, 98, 119
 Рюрик 119
 Рюриковичи 107, 260

 Сава, р. 14, 16, 186, 190
 Сазава 139, 142
 Саксон Грамматик 150, 210
 Саксония 159, 160
 Сала 196, 198
 Саливон А. Н. 212
 Салона 168
 Сальверегина 150
 Самиллов М. 236
 Само 29
 Сандомир 150
 Сандомирская провинция 155
 Сарматия 12
 Сарматское море 12
 Свердлов М. Б. 30
 Святовит 150
 Святополк 85, 86, 89, 95, 110, 129—
 131
 Святослав 178
 Себеос 77
 Северное море 159
 Северный Океан, см. Балтийское
 море
 Седов В. В. 29, 30, 32, 75, 77, 78,
 100, 119
 Сейм р. 16, 97
 Селенция 159
 Селищев А. М. 213, 232
 Семовит 149, 150, 152
 Семомысл 149
 Сербия 170, 178, 181—183, 185, 187,
 188, 190, 191, 193—195
 Восточная 224, 265
 Юго-Восточная 186
 Сербское государство 190
 Сердика (София) 65
 Серебрянский Н. И. 112, 120
 Силезия 145, 146, 142, 153
 Симеон 59, 73, 74, 240
 Симеонов Б. 31, 76, 80
 Сипонт г. 184
 Сиф 119
 Скатиавия о-в 11
 Скильдинги 218
 Скифия 23, 51
 Малая 52—55
 Скок П. 46, 47
 Скржинская Е. Ч. 14, 23, 29, 32
 Слав 23, 73, 74
 Славн, Славун 23, 63
 Славна 69
 Славомир 206
 Славония 174, 175, 186, 253
 Славчев П. 81
 Славянская земля 160
 Сленжа, гора 150
 Словакия 86, 157, 224
 Западная 83
 Смоленск 97
 Смоленская земля 107
 Собеслав 135, 136, 141
 Сож, р. 97
 Соловьева Т. Ф. 99, 119
 Солунь, см. Фессалоника
 Сперанский М. Н. 245, 248, 249
 Спитигнев 136
 Сплит, см. Аспалаф 169, 173, 175
 Срб 186
 Средиземное море 160
 Станилов Ст. 75
 Станоевич С. 180, 194
 Стара Загора 51
 Старостин С. А. 235
 Стендер-Петерсен А. 232
 Стефан Воислав 190, 191
 Стефан, король 178
 Стефан Пермский 240
 Стефан V, папа 95
 Стибер 234
 Стоигнев 209
 Стрый, Стырь 165
 Стугна 107
 Суздаль 100
 Сула 97, 107

- Сусель 209
 Симонович Э. А. 32
 ал-Табари 77
 Такулф 198
 Тацит 11, 12, 14—16, 32, 237
 Тегдаг 139
 Тейлор 239
 Телериг 65
 Тервуния 182—191
 Террас В. 80
 Тетрангурий, см. Трогир
 Тиверий 52
 Тимок 57
 Титмар Мерзебургский 129, 130, 143, 145, 153, 166, 209, 211
 Тича 57
 Тодоров Я. 76
 Толочко П. П. 120
 Толстой Н. И. 235, 246, 247, 249
 Томислав 174, 176
 Томшич Ф. 247
 Топоров В. Н. 29, 31, 48, 140, 232, 233, 234
 Травничек Д. 165, 211
 Траутман Р. 211
 Требинье см. Тервуния
 Требишница, р. 189
 Третьяков П. Н. 32, 98, 119
 Трибаллия 191
 Трибуний 191
 Трнава 206
 Трогир 169, 173
 Трпимир 174, 175
 Трпимировичи 175, 176
 Трубачев О. Н. 31, 33, 45—47, 78, 232, 235
 Трубеж, р. 107
 Трубецкой Н. С. 224, 232, 235, 247
 Тршештик Д. 135, 140—143
 Туга 170
 Турек Р. 141, 143
 Туркия, см. Венгрия
 Тыменецкий К. 148, 165
 Тышкова-Заимова 65, 75, 78—81
 Тыр 124
 Тыц Т. 166
 Удольф Й. 222, 234
 Украина Западная 224
 Унфред 218
 Файен Кл. 81
 Фасмер М. 46, 47, 165
 Фельдберг 201
 Феодорит Киррский 244
 Феофан 23, 55, 57, 61, 63, 65—67, 69, 76—78, 172
 Феофилакт Симокатта 18, 20, 26—28, 30, 31, 59, 253
 Ферлуга Я. 31, 179, 194
 Ферьянчич Б. 80, 179, 180
 Фессалия 71
 Фессалоника, Солунь, 26, 30, 64, 91
 Фиала З. 141
 О'Флаерти А. 234
 Флоря Б. Н. 140, 141, 242, 247
 Фодор И. 81
 Фома Славянин 62
 Фортунатов Ф. Ф. 240
 Фотий 103
 Фракия 17, 40—42, 160, 254
 Северная 51, 55, 60, 63, 64, 71
 Франгия, см. Германское королевство 170
 Франкская Империя 66, 173, 174, 199, 207
 Франкское королевство (Восточное) 206
 Фредегар 27, 32, 211
 Фринта А. 249
 Фрице В. 211
 Фурдал А. 236
 Хабургаев Г. А. 119, 249
 Хадлих Р. 47
 Хамп Е. П. 46
 Харьков 99
 Хвалиньское море 214
 Хельмольд, хронист, 211
 Херборд, хронист, 210
 Херсонес (Фракийский) 17
 Хлум 189
 Хлумец 135, 138
 Ходота, князь 118
 Хорват 170
 Хорватия 160, 168—170, 173—178, 180, 181, 187, 188, 261
 Белая 176
 Великая 121
 Далматинская 169, 175—177, 261
 Хорватская архонтия 171
 Хорватское княжество 171, 177
 Хорватское королевство 176, 177
 Хорив 101
 Хорутания 29
 Храбр, черноризец 73, 82, 239, 240, 244
 Хроповски Б. 95, 96
 Хубшмид И. 48
 Царьград, см. Константинополь
 Цанкова-Петкова Г. 76, 78, 79
 Церетели Г. В. 215
 Цетина р. 173, 187
 Цойци Р. 48
 Црес, см. Опсара
 Чабей Э. 36, 43, 47, 48
 Чаллани Д. 79
 Чебоксаров Н. Н. 74
 Чеботаренко Г. Ф. 77, 79

Чедраг, кв. 206
 Червенская земля 148, 157, 165
 Черепнин Л. В. 32, 120
 Черниговская земля 107
 Черниговское княжество 120
 Черногория 181, 182, 193, 194
 Черное море, Понтийское 12, 14, 23, 54
 Чернохвостов Ю. 240
 Черных П. Я. 238
 Чех, мифич. родоначальник чехов 123, 134, 140, 257, 261
 Чехия 87, 116, 121, 129, 131, 133, 134, 136—138, 140, 141, 145, 146, 148, 157, 159, 161, 167, 245, 258, 265
 Западная 83
 Восточная 121
 Северо-Западная 83, 121, 122
 Центральная 121, 122
 Южная 26, 121, 144
 Чешское государство 133, 134, 137, 141, 261, 263
 Чешская долина 120—124, 132, 134, 135, 140
 Чешская земля 133, 139
 Чиркович С. 195
 Чок П. 142
 Чолов П. 31
 Чудское оз. 214

Шафарик П. 23, 33, 205, 211
 Шахматов А. А. 92, 111, 113, 139, 232
 Шевелев Г. Ю. 234
 Шидак Й. 179, 180
 Шимен Э. 140
 Шишич Ф. 172, 179—181, 194
 Шлезингер В. 211
 Шмальстег В. Р. 236

Шмид Б. 211
 Шпрее 196
 Шрайнер П. 33
 Штаг Хр. С. 232
 Штепанек М. 95, 141, 143
 Шульд Е. 211
 Шумен 56
 Шушарин В. П. 32
 Шуян 143
 Шютц Й. 48

Щавелева Н. Н. 166
 Щапов Я. Н. 32
 Щек 101

Эйнхард 66, 186, 201
 Эйхлер 211
 Экбольм 235
 Эллада 17
 Эльба, Лаба 16, 26, 27, 30, 195—198, 201, 206, 211, 258
 Энгельс Ф. 166, 210, 212
 Энговатов Н. 238
 Эниггия, о-в 11
 Эпштейн Э. И. 230

Юстиниан I, виз. имп. 17, 34, 75
 Юстиниан II, виз. имп. 75

Ягич В. 48, 240, 249
 Якобсон Р. О. 92, 235, 236, 238, 246
 Якубинский Л. П. 232
 Ян Вышатич 119
 Янин В. Л. 119
 Янкович Д. 193
 Яннопулос П. А. 31
 Яровит 150
 Яромир 128
 Ярослав Мудрый 118
 Яцимирский А. И. 230

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
- ВАН — Вестник Академии наук СССР
- ВИ — Вопросы истории
- ВИИНЈ — Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955—1971. Т. I—IV
- ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
- ВМУ — Вестник Московского университета
- ВЯ — Вопросы языкознания
- ГИБИ — Гръцки извори за българска история. София, 1958—1964. Т. II—V
- ГСУ — Годишник на Софийския Университет
- ИБИ — Извори за българската история. София, 1958—1964. Т. III, VI, VIII, X
- ИЗ — Исторические записки АН СССР
- Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук
- ИИБИ — Известия на Института за българската история. София
- ИИИ — Известия на Института за история. София
- ИП — Исторически преглед. София
- Ковьма — Cosmas Pragensis. Chronica boemorum. — In: MGH, SS, NS, t. 2
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
- ЛИ — Латински извори за българската история. София, 1958, 1960. Т. I, II
- НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950
- ПВЛ — Повесть Временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1—2
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I, II.
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников. М.
- Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук
- СЭ — Советская этнография
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Ленинград. М.; Л., 1963. Т. 19
- УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974—1976. Т. 1—3
- Berichte — Berichte II Internationale Kongress für slawische Archäologie. Berlin, 1973. Bd III.
- MGH, Epistolae. t. VII — Monumenta Germaniae Historica Epistolarum. Hannoverae. 1912—1925. Т. VII, p. 1—2.

MGH— — Monumenta Germaniae
SM, t. II Historiae: Scriptorum
rerum Merovingicarum.
Hannoverae, 1888. T. II.

MGH— — Monumenta Germaniae
SS Historica Ed. G. H.
Pertz. Scriptorum.
Hannoverae, 1856.
T. XII.

MGH— — Monumenta Germaniae
SS, N. S. Historica: Series Scri-
t. 20 ptiores rerum Germani-
carum. Nov. Ser. Leip-
zig, 1968. T. 20.

MMFH, — Magnae Moraviae Fon-
t. I—IV tes Historici. Brno,
1966—1971. T. I—IV

MPH — Monumenta Poloniae
Historica. Lwów, 1864.
T. 1; Monumenta Polo-
niae Historica. Nov.
ser. Kraków, 1946,
1952. T. 1, 2, 7, cz. 3.

SA — Slavia antiqua

SSS — Słownik starożytności
słowiańskich: Encyklo-
pedyczny zarys kultury
słowian od czasów
najdawniejszych do
schyłku wieku XII.
Red. G. Labuda. Wroc-
ław, 1961. T. 1; Wars-
zawa, 1964. T. 2; Wroc-
ław, Warszawa, Kra-
ków, 1967, T. 3, cz. 1;
Warszawa, 1970—1975,
T. 4, 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая</i>	
Древняя славянская этническая общность	10
<i>Глава вторая</i>	
Ранние этноязыковые контакты славян на Балканах и лексика южных славян	33
<i>Глава третья</i>	
Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII—первая четверть X в.)	49
<i>Глава четвертая</i>	
О самосознании великоморавской народности	82
<i>Глава пятая</i>	
Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X—XII вв.)	96
<i>Глава шестая</i>	
Формирование этнического самосознания раннефеодальной чешской народности	120
<i>Глава седьмая</i>	
Древнепольская народность и ее этническое самосознание	144
<i>Глава восьмая</i>	
Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности	167
<i>Глава девятая</i>	
Формирование этнического самосознания древнесербской народности	181
<i>Глава десятая</i>	
Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI—X вв.)	195

Глава одиннадцатая

Диалектные членения славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания) 212

Глава двенадцатая

Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян 236

Заключение 250

Приложение

Константин Багрянородный. «Об управлении империей». . . 267

Словарик терминов к тексту труда Константина Багрянородного 320

Указатель собственных имен и географических названий к сочинению Константина Багрянородного 323

Аннотированный указатель-словарик этнических наименований 334

Указатель личных имен и географических названий . . . 344

Список сокращений 354

РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В ЭПОХУ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР
Научным советом
по комплексным проблемам
славяноведения и балканистики

Редактор издательства
С. Н. Романова

Художник
В. Я. Батищев

Художественный редактор
Н. А. Фильчагина

Технический редактор
Ф. М. Хенох

Корректоры
Л. Р. Мануильская, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 25186

Сдано в набор 12.04.82. Подписано к печати 10.11.82

Т-16180. Формат 60 × 90 1/16

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 22,5. Усл. кр. отт. 22,5

Уч.-изд. л. 28,6. Тираж 2150 экз.

Тип. зак. 1406. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В 1983 г.
в издательстве
«НАУКА»
выйдут в свет

РАСЫ И НАРОДЫ, ВЫП. XIII
20 л., 2 р. 50 к.

В ежегоднике публикуются материалы, посвященные национальной и расовой проблематике современного мира; социальная статья посвящена 60-летию образования СССР; рассматриваются методологически важные вопросы об этнических представлениях и месте этнографических групп в структуре этноса. В ряде статей авторы анализируют национальные и расовые конфликты в США, на Ближнем Востоке и в Африке, проблемы истории и культуры отдельных народов как советских, так и зарубежных.

*

ФОЛЬКЛОР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ
20 л., 2 р. 30 к.

В книге рассматриваются проблемы использования фольклора в качестве источника для изучения этногенеза разных народов и их этнокультурных связей, вопросы взаимосвязи словесного фольклора с древнеписьменными памятниками и изобразительным искусством; изучается стадийная изменчивость сюжетов, мотивов образов фольклора; привлекаются материалы фольклора народов СССР и зарубежных стран.

*

Леонтьев В. В.

ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР КЕРЕКОВ

15 л., 1 р. 50 к.

Монография посвящена малочисленной керекской народности, сохранившейся на побережье Берингова моря. Естественная природная изоляция, межплеменные войны, резкое сокращение морской фауны в XIX в., эпидемии оспы — основные причины вымирания кереков. Автор рассказывает о хозяйстве кереков, их поселениях и жилищах, религиозных представлениях и обрядах, приводит тексты сказок, преданий и мифов